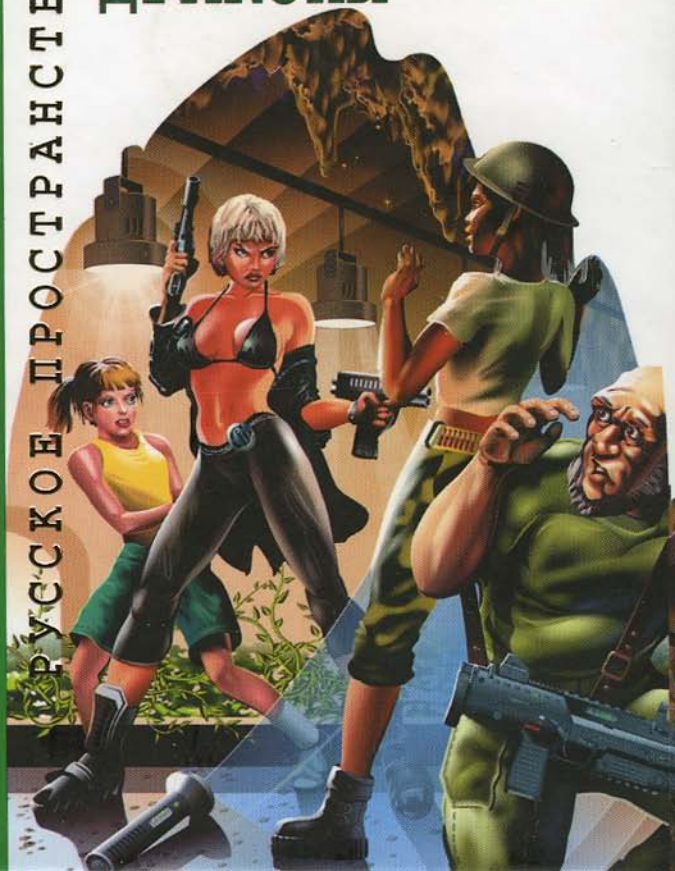
Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Последние драконы: Фантастический роман, повести. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 896 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

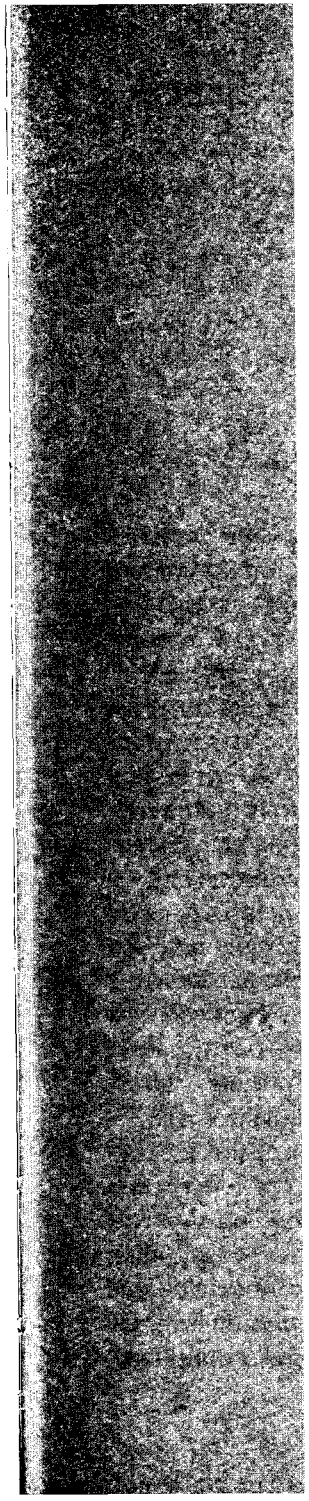
ISBN 5-699-14871-X

Серия повестей и романов о приключениях отважного агента Интер-Галактической полиции великолепной Коры Орват продолжается. На этот раз агенту 003 предстоит оказаться в куриной шкуре, отыскать драконов и разгадать тайну Зеркала Зла. Впервые под одной обложкой с уже известными широкому кругу читателей произведениями публикуется повесть «Исчезновение профессора Лу Фу», ранее выходившая лишь в периодике.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-14871-X

© Булычев К., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

В КУРИНОЙ ШКУРЕ

Описанные ниже события: убийство профессора Гальени и разгадка этого преступления инспектором ИнтерГпола Корой Орват — произошли на небольшой, мало кому известной планете Дил-ли, заселенной менее полувека назад.

Несмотря на выгодное расположение на древних путях из пустынь третьего сектора Галактики к звездным скоплениям ее центра, планета лишь изредка служила перевалочной базой или пунктом снабжения для звездных путешественников древности. Негостеприимный климат и природные катаклизмы мешали людям поселиться там постоянно.

Для жизни людей на Дил-ли относительно пригодна лишь узкая экваториальная полоса. Там в речных долинах и по берегам озер тянутся низкорослые леса морозоустойчивых деревьев. В течение нескольких месяцев лета реки и озера экваториальной полосы освобождаются из-под снега и льда, появляется трава, и выводятся комары. Но налетают осенние бури, и вновь воцаряются зима и стужа.

За пределами экваториальной полосы снег никогда не тает.

Некоторое время назад, после открытия залежей павлонии и россыпей рутроцита, на Дил-ли нагрянули геологи и шахтеры. Был построен поселок № 1, и неподалеку от него заработали несколько шахт. По мере того как там появлялись все новые шахты, рос и связанный с ними поселок, который уже начали называть столицей планеты. Рядом с поселком возник космопорт, небольшая гостиница и несколько магазинов.

Поселок № 1 находился на грани превращения в настоящий город. По крайней мере, на него уже обратили внимание некоторые строительные корпорации.

* * *

...Возвращение к сознанию было обыденным.

Словно Кора хорошо выспалась, но глаза открывать не хочется, потому что тогда начнется быстрый безжалостный день. Звенит будильник в спальне детского дома. «Вставайте, девочки, — говорит мадам Аалтонен. — Метель улеглась, снег хрустит, как сливочное мороженое!»

Мадам Аалтонен нет, она осталась в детстве, внизу гудит машина: «Инспектор Кора Орват, мы вас заждались. Комиссар Милодар ждет на орбите».

Кора открыла глаза. Над ней был слишком белый потолок. Значит, опять госпиталь.

Она скосила глаза налево — верх белой стены. Направо — верх белой стены. Постаралась повернуть голову — ничего не вышло. Голова была зажата нежными, мягкими, но неподатливыми тисками.

Ранение в голову? Паралич?

Кора попробовала пошевелить ногами. Может быть, ноги послушались, а может, и нет. Непонятно.

Теперь руки. Руки пошевелили пальцами — но не более того. Они тоже схвачены мягкими кандалами.

Интересно, есть ли кто-нибудь рядом, чтобы объяснить, что происходит? Она пошевелила губами, но ничего не успела сказать.

— Лежите спокойно, — ответили ей. — Вы попали в катастрофу. Ваше тело пострадало. Для выздоровления вам потребуется покой. Говорить вы сможете через шесть дней. Затем начнется реабилитация.

«А пока, — сказала себе Кора, — мы должны терпеть и побольше спать, чтобы скорее прошло время».

Шесть дней без движения! Пожалуй, в жизни ей еще не приходилось так долго лежать...

«Кто я? Я — Кора Орват. Родилась где-то в Космосе.

Еще раз: кто я?

Я Кора Орват, родилась где-то в Космосе, попала в детский дом. Мне свойственна склонность к авантюрам...

Еще раз: кто я?

Я Кора Орват, инспектор ИнтерГпола. Я летела сюда, чтобы выполнить...

Еще раз, еще раз, не расслабляйся, Кора!

Хочется спать...»

Во время следующего пробуждения Кора сразу же начала допрашивать себя с того места, где остановилась в прошлый раз.

«Я — Кора Орват, инспектор ИнтерГпола. Здесь, на планете Дил-ли, убит профессор Гальени, житель планеты Ксеро. И что это означает? Я обязательно вспомню, как выглядят жители планеты Ксеро...

Я — Кора Орват. Почему инспектора ИнтерГпола послали на эту планету? Следовательно, за смертью профессора скрывалось нечто большее, чем случайность или семейная драма.

Я — Кора Орват. Со мной случилась катастрофа. Я лежу здесь. Меня покалечило настолько, что мне нельзя двигаться и разговаривать. Немного же от меня осталось.

Когда это случилось?

Я — Кора Орват. Я помню, как выглядел здешний космопорт. Близкие щеки голых скал. Ледяной ветер. Надутые пузыри складов, серый палец диспетчерской. Я вхожу в низкое здание. Там тепло. Встречающие пропускают меня вперед. Их двое. Один худ, высок, глаза утонули в ямах под черными бровями. Второй смуглый, глаза — маслины, белые зубы...

Я, инспектор Кора Орват, делаю шесть шагов навстречу людям. Справа, на расстоянии вытянутой руки, стоит гигантская птица и глядит на меня круглым неподвижным глазом...

А потом я оказалась здесь.

Давайте попробуем еще раз. Я — инспектор ИнтерГпола Кора Орват... С ума можно сойти, как плохо работает голова!»

На четвертый день Кора увидела доктора.

Доктор вплыл в поле зрения, наклонился над кроватью и сказал:

— Ну вот, самое трудное позади. Правда?

Кора хотела ответить, но не смогла. Тогда она прикрыла глаза. Лицо доктора было знакомо — глаза как маслины, смуглая шоколадная кожа. Вспомнила: он встречал ее на космодроме.

— Мы вами гордимся, Кора, — сообщил доктор, потирая переносицу. — Третий отмеченный в Галактике случай интерспециальной трансплантации. Вы можете нас поздравить.

— Я вас поздравляю, — ответила Кора. Звука не последовало, но доктор, покосившись на пульт рядом с койкой, угадал ответ по показаниям приборов.

Доктор был доволен пациенткой — тем более собой. «Что же они со мной сделали, если так этим гордятся?»

Кора постаралась еще раз восстановить в памяти сцену на космодроме... Она идет через поле к серому бетонному кубу.

— Это что? — спрашивает Кора у встретившего ее плотного чернокурчавого мужчины с глазами-маслинами и слишком белыми зубами.

— Пока все в одном здании. И зал ожидания, и склады, — отвечает мужчина. У него низкий голос, который не может удержаться на заданном уровне. Звук плывет — фраза начинается басом, к концу взлетает до фальцета и затихает. — Пока мы не можем похвастаться множеством гостей.

Второй мужчина в высокой шляпе, каланча. Он — представитель властей. Он молчит и следит за ней бездонными глазницами.

Как его зовут?

Нет, этого не вспомнишь.

Вокруг скалы. Обрывы их подступают к самому полю космодрома. Космодром и городок стиснуты горами. Очень холодно и ветрено.

Небольшие двери в бетонный куб раскрылись при их приближении и лениво съехались за спиной.

Внутри было тепло и пусто. Инспектор ИнтерГпола Кора Орват прибыла на Дил-ли для расследования убийства профессора Гальени. Профессор руководил археологическими раскопками в окрестностях базы. ИнтерГпол придает особое значение этому прискорбному происшествию, потому что правители планеты Ксеро подозревают существование политической подоплеки этого убийства. Профессор — немалая величина в научном мире Ксеро. Кроме него, на раскопках трудятся его ассистент Орсекки и жена, Гальени-папа. «Я помню, что улыбнулась, когда прочла, что жена профессора Гальени зовется именно так: Гальени-папа.

А как был убит профессор? Кора, Кора, напрягись! Ты же читала отчет. Удар ножом? Археологическим ножом, прямо на раскопках.

Кора, вспоминай, вспоминай! Что было дальше? Вот вы вошли в мрачное, пустынное, покрашенное изнутри охрой здание космопорта. Никто не обратил на тебя, Кора, внимания. Но нечто неожиданное, странное привлекло твое внимание. Что же? Конечно же, большая птица».

Это было странное создание. Нечто схожее с огромной, ростом с человека, перекормленной или надутой курицей. Курица переступала желтыми ножищами, напоминавшими Коре сказку о ведьминой избушке. Короткий клюв этой птицы часто раскрывался, издавая высокие квохчущие звуки, черные круглые глаза смотрели неподвижно и бессмысленно... Кора замерла, стараясь понять, из какого зоопарка или с какой фермы сбежало это чудовище и насколько оно может быть опасно для рядового инспектора ИнтерГпола.

На переломе крыльев курицы были видны когти. Курица сжимала в когтях маленькую коробочку.

— Это что? — успела шепнуть Кора своему спутнику. — Что такое?

Но спутника в тот момент рядом не оказалось. Зато вспыхнуло солнце. Потолок оказался совсем рядом...

А потом она очнулась здесь. Значит, несчастье произошло в тот момент, когда Кора увидела толстую птицу.

* * *

С каждым днем Кора чувствовала себя все лучше и все более ее угнетала абсолютная неподвижность в плену нежных кандалов.

На пятый день она постаралась глазами дать понять местному доктору, что дальнейшее молчание и неподвижность невыносимы.

Она хмурила брови, жмурилась, морщила нос — всей мимикой лица старалась показать невыносимость своего положения.

— Вы хорошо себя чувствуете, инспектор? — спросил доктор. — Мне кажется, что вы взволнованы.

— Да! — показала бровями Кора. — Я очень взволнована! Я требую меня раскрепостить!

— Понимаю, понимаю, — мягко произнес врач. — Но вы не представляете, какому риску вы недавно подвергались и каково было ваше состояние.

Местный врач сверкнул маслинами и облизал яркие губы.

— Ваше счастье, что я оказался рядом с вами.

— Хоть голос! Верните мне голос! — мысленно умоляла Кора.

— Вам надо приготовиться к шоку, — сказал врач, дотрагиваясь длинными пальцами до щеки Коры. Наконец-то ощущение! Наконец-то она поняла, что, по крайней мере, щека у нее сохранилась.

— Вы сильно пострадали при взрыве.

Кора подняла брови.

Врач угадал вопрос:

— Вы не знаете? Ну конечно же, вы не знаете. На вас было совершено покушение.

— Кто покушался? — попыталась спросить Кора.

— Вот подниметесь, — ласково произнес врач, — поднимететесь и сами разберетесь, кто покушался и на кого.

Кора мысленно согласилась с врачом. Она надеялась, что не так долго осталось ждать, прежде чем она сможет возвратиться к своим обязанностям. Что ж, если это было покушение, а не несчастный случай, тем хуже для убийцы. Он боится, он суетится, а значит, уже совершил или совершит завтра свою единственную роковую ошибку.

Тем же вечером Кору вымыли. Она была в полусне, лишь ощущала прикосновение ласковых рук медицинских сестер, слышала смутные, неразборчивые голоса — остальное ей рисовало живое воображение — ее тело, тридцатилетнее, ладное, стройное, узкобедрое и длинноногое, возникло перед ее внутренним взором так, словно она стояла перед зеркалом. Люди по-разному относятся к своему телу — Кора любила свое, нежила, укрепляла гимнастикой и плаванием и надеялась, что оно и в будущем послужит ей славно, как служило раньше... Но что с ним? Насколько оно повреждено покушением? Скорее бы все узнать...

На следующий день к ней опять заявился доктор.

— Завтра, — сообщил он, — мы позволим вам говорить и немного двигаться.

«Он увидел улыбку? Он увидел, как я улыбнулась? Почему же он не улыбается в ответ — неужели он не знает, что у меня самая заразительная в Галактике улыбка?»

— Но я вас должен предупредить, что, возможно... — врач осторожно откашлялся, — возможно, вам будет не по душе ваш внешний вид.

«Ага, значит, меня сильно покалечило», — отметила Кора. Но не расстроилась, потому что отлично понимала: в двадцать втором веке человек может исправить свое тело в тех пределах, которые ему нужны. А потом дома, на Земле, телу возвратят прежний облик. Конечно, придется полежать еще несколько недель в больнице — но она и так собиралась взять отпуск. Главное — не нервничать.

Кора вынуждена была дать себе отчет в том, что все же нервничает. Хорошо рассуждать о будущем, не зная настоящего...

— Поймите нас правильно, — продолжал врач, отводя взгляд, — положение у нас было безвыходное. Как практический работник, вы можете нас понять. Мы имели дело с тем,

что от вас осталось. У нас нет запасных тел. Вернее, есть одно. Тело, которое в нормальных обстоятельствах мы бы не стали использовать.

«Неужели у них было лишь мужское тело?» — ужаснулась Кора, но спросить не смогла.

— Потому я вас прошу мобилизовать всю вашу волю, чтобы помочь нам — и в конечном счете помочь себе.

«Это хорошо не кончится», — сказала сама себе Кора и постаралась философски отнестись к ближайшему будущему. Но, разумеется, ни о каком философском отношении и речи быть не могло — ожидание такого рода для женщины, тем более для женщины привлекательной и нестарой, оказывается страшным испытанием. Коре казалось, что она не доживет до утра, но ее нервная система выдержала. Ночь прошла тревожно, почти без сна.

Утром в палате собрались все, кто мог и имел право. Местный врач, директор больницы, ассистенты, медсестры, нянечки.

— Только не волноваться и не падать духом! — колдовал врач. — Помните о своей ответственности. Вы не девочка.

В комнате было полутемно. Шторы задернуты.

Кора чувствовала, как, склонившись над пультом, врач отпускает зажимы. Один за другим. Вот Кора уже может пошевелить пальцами ног... рук... Вот она может повернуть голову. О, какая слабость во всех членах тела! Как трудно поднять руку...

— Осторожнее, — произнес доктор. — Ваш организм еще не терпит грубого обращения.

— Ничего, я не буду его напрягать, — ответила Кора.

Кора услышала звук собственного голоса и поняла, что голос ей изменяет. Это не ее голос. Словно говорит другой человек.

— Я не буду его напрягать, — повторила Кора.

Тут же она почувствовала легкий укол — поняла, что врачи ввели транквилизатор. Значит, дело плохо...

— Дайте мне зеркало, — приказала Кора чужим голосом.

— Дайте ей зеркало! — повторил врач, но сам не шевельнулся.

— Ну сколько можно просить! — каркнула Кора и вовсе испугалась.

Медсестра метнула испуганный взгляд в сторону реаниматора. Тот кивнул. Медсестра протянула Коре зеркало — овальное, на длинной ручке. Без сомнения, заготовленное заранее — кто-то догадался, что оно понадобится пострадавшей. Так как рука Коре еще не подчинялась, медсестра сама поднесла зеркало к лицу Коры. И Кора догадалась, что это не зеркало, что ее разыгрывают.

— Это не зеркало, — сказала она.

— Нет, зеркало, — мрачно ответил врач.

— Мне лучше знать! — крякнула Кора и поняла, что врач прав, потому что ее клюв открылся ровно настолько, чтобы пропустить крик.

Кора закрыла глаза и приказала себе успокоиться. В сущности, ничего трагичного не произошло. Все исправимо.

Досчитав до десяти, Кора открыла глаза и снова посмотрела в зеркало.

Из зеркала на нее бессмысленно смотрела большая курица: черные круглые, словно пуговицы, глаза. Вокруг них желтая мятая кожа, дальше начинаются перышки — сначала короткие, тонкие, как волосинки, потом все более крепкие, завитые, пышные... перья прижимаются к вискам, торчат над ушами — хорошо, что хоть уши видны.

— Выбора не было? — спросила Кора и клювом отвела в сторону зеркало: смотреть на себя было противно. Она с детства презирала куриц и гусей.

— Выбора не было, коллега, — поспешил с ответом врач.

Коре в ответе почудилась насмешка.

— От меня так мало осталось?

— Взрывом вас разметало по всему залу ожидания, — сухо сообщил местный врач. — К счастью, мозг не был поврежден.

— Только мозг?

— При виде вашей гибели у госпожи Гальени-папа случился удар, и она скончалась на месте.

Конечно же, ее сегодняшнее лицо — это физиономия той громадной курицы, что смотрела на нее в зале ожидания. Толстая курица ростом с человека. «И теперь я должна ходить в этой шкуре? До каких пор?»

Кора собрала воедино всю свою недюжинную волю.

Не отрывая взгляда от зеркала и наблюдая за движениями своего клюва и глаз, Кора спросила:

— И долго мне предстоит находиться в этой бочке?

— В какой бочке? — Местный врач, видно, решил, что Кора рехнулась.

— Я спрашиваю вас, когда у меня будет возможность снова перейти в человеческое тело?

— А, вот вы о чем! — откликнулся врач, но не ответил, а обернулся к человеку, только что вошедшему в палату. Это был второй встречавший Кору на космодроме — худой сутулый мужчина в высокой черной шляпе, глаза которого были спрятаны в глубоких глазницах.

— Разрешите представить, — сказал доктор, — администратор Грегг ан-Грогги, наша местная власть.

Грегг медленно повернул к Коре голову — глаза его показались горящими в пропастях угольками.

— Решать предстоит вам, инспектор Орват, — произнес он. — Никто не может взять на себя ответственность.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром я выходил на связь с Галактическим управлением ИнтерГпола, — пояснил Грегг ан-Грогги. — Меня просили передать вам, что преступление, совершенное здесь, требует немедленных действий. Иных агентов, кроме вас, на планете нет. Управление надеется, что вы успешно завершите расследование, как только встанете на ноги.

— То есть они хотят, чтобы я вела расследование в... в облике курицы?!

— Курицы? Что такое курица? — спросил Грегг, который не бывал на Земле и не знал, очевидно, что это за существо.

— Курица — это я, — мрачно ответила Кора. — На Земле они бывают мельче. И мы их едим.

— Что? — Греггу стало так плохо, что он был вынужден покинуть палату, потому что люди его планеты настолько убежденные вегетарианцы, что при слове «котлета» иногда падают в обморок.

— Другими словами, — продолжил за Грегга врач, — у вас есть выбор. Как у свободного человека. Либо вы в облике этой... курицы улетаете в Галактический центр, где вам подыскивают человеческое тело...

— Мне не надо подыскивать! — резко ответила Кора. — Как каждый агент ИнтерГпола, я имею право на резервную копию собственного тела, которая покоится на случай надобности в подвалах центра ИнтерГпола на Гангнусе-2.

— Туда еще надо долететь, — мягко возразил врач. — К тому же должен вам сообщить, что тело, в котором находится ваш мозг, по причинам объективного свойства не может переносить космические перелеты. В течение ближайших двух-трех недель.

— Этого еще не хватало! — не выдержала Кора. — Почему вы не подыскали мне какое-нибудь тело попроще?

— При населении шесть тысяч человек, включая детей, найти вам тело было невозможно, — ответил врач. — А у нас не было разрешения кого-нибудь убить специально для того, чтобы поместить ваш мозг в новое тело.

— Да вы спятили, что ли?! — разъярилась Кора Орват. — Где вы наслушались таких сказок про ИнтерГпол?

Доктор пожал плечами — в сущности, не все ли равно, где он их наслушался. Репутация у ИнтерГпола была не самая лестная, но ИнтерГпол сознательно не разрушал иллюзий — порой бывало полезно, чтобы при появлении агента ИнтерГпола у виноватых начинали дрожать коленки.

— Что же, мне жить здесь всегда и кудахтать? — спросила Кора.

— Нет, через две недели вы снесете яйца, — ответил доктор. — Тогда запрет на полеты будет снят и вы опять сможете

отправиться в Галактический центр, куда доставят ваше резервное тело. Там же, я надеюсь, несчастной госпоже Гальени-папа найдут достойный мозг.

Произошла пауза. Минуты на три. Кора Орват пыталась осознать положение, в которое угодила.

— Повторите, — сказала она потом, и ее голос сорвался. — Что я должна буду сделать?

— В пределах двух недель вы должны будете снести яйца, — буднично ответил доктор.

* * *

Коре Орват приходилось попадать в безвыходные ситуации и в переделки, из которых мужчины покрепче ее не выбирались живыми. Но ей еще никогда не приходилось нести яйца. Тем более за других.

— О нет! — вырвалось у этой отважной женщины, бесстрашного агента ИнтерГпола. — Только не это!

— Что бы вы предпочли? — спросил тогда циничный и молодой врач, но не получил ответа. Если бы у Коры еще сохранялся прежний облик, она бы пронзила его гневным взглядом. Но как пронзишь его взглядом, если у тебя глаза очень большой курицы?

Поэтому Кора метнула в доктора зеркалом на длинной ручке и, конечно же, угодила ему в лоб. Пока доктору зашивали рану, Кора выслушала речь вернувшегося Грегга ан-Грогги.

Оказывается, на Кору было совершено покушение — бомба была подложена под пальму, мимо которой она проходила.

— А вы где были? Куда вы исчезли? — перебила представителя властей Кора.

— Простите, я отходил к справочному бюро, чтобы узнать, *пришла ли за нами машина.*

— Именно тогда вам понадобилось это узнать? — саркастически произнесла Кора.

На что Грегг ответил не без издевки:

— Бессмысленно было бы узнавать об этом сегодня.

— Продолжайте, — сказала Кора, с отвращением прислу-

шиваясь к звуку собственного голоса. Клювы этих куриц не были приспособлены для передачи тонкостей человеческих чувств.

— Взрывом вас разнесло на мелкие кусочки, — сообщил Грегг ан-Грогги. — К сожалению.

— Не жалейте меня.

— Извините, я не намеревался вас жалеть.

— Вот именно.

— Вас разнесло на мелкие кусочки, но ваш мозг оказался нетронутым, потому что вы были в тонком металлическом шлеме.

— Как всегда на чужой планете, — пояснила Кора. — Не выношу, когда на меня покушаются.

— Если бы мы находились в Галактическом центре или хотя бы на Земле, то вскоре ваши останки заморозили бы и потом совместили с вашим резервным или каким-нибудь подходящим телом.

— Без подробностей, — попросила Кора.

— Я сам не выношу натуралистических деталей, — вздохнул представитель властей. — Но я на службе и вынужден говорить о неприятном. Итак, ваши останки отвезли в госпиталь, и обнаружилось, что у нас в резерве нет ни одного тела, за исключением тела безвременно погибшей супруги профессора Гальени.

— Почему она погибла?

— Очень просто... при виде вас... — начал Грегг. — Ваша... — но тут его нервы не выдержали, и он снова кинулся прочь.

Более хладнокровный местный доктор пояснил:

— Она увидела, как ваша голова улетела на верхушку пальмы, и не перенесла такого зрелища. Она скончалась на месте от кровоизлияния в мозг.

— Ясно, — сказала Кора. Ей стало по-человечески жалко курицу, вынужденную наблюдать такую жестокую сцену.

— Ясно, — повторила Кора. — Но какого черта она приперлась на космодром? Кто ей сказал, что я прилетаю?

— В этом не было тайны, — ответил местный доктор. —

О вашем приезде было объявлено по телесети и напечатано в многотиражке.

— Значит, любой мог положить бомбу под пальму?

— При желании — да, — твердо сказал местный доктор.

Вернувшийся Грегг пояснил:

— На планете есть шесть шахт и три экспедиции — и все используют взрывчатку.

Мужчины стояли вокруг в ногах постели, ожидая новых вопросов. Кора поняла, что состояние у них незавидное: они видят лежащую в кровати курицу ростом с небольшого бегемота, но вынуждены разговаривать с ней, как с инспектором ИнтерГпола.

— А скажите мне... — с трудом заставила себя произнести Кора. — Скажите, а когда я... то есть когда это тело будет нести яйца?

— Не раньше чем через неделю, — ответил доктор. — Но мы проверим. Мы посоветуемся...

— Здесь есть другие курицы?

— Не совсем так, — сказал врач. — Экспедиция Гальени состояла из него, его жены, которую он взял собой в качестве младшего научного сотрудника, и его ассистента, молодого и, как говорят, подающего надежды археолога Орсекки.

— Петушка? — невежливо спросила Кора. Но она не владела собой. Она полагала, что ИнтерГпол и местная администрация ее подвели, предали. Потому что вместо того, чтобы прислать ей нормальное тело, они воспользовались местными, никуда не годными ресурсами. Конечно, телепортация нового тела очень дорого стоит... но, в конце концов, — где ваш хваленый гуманизм?

Кора знала, что ее начальство всегда больше заботится об экономии средств, чем о достижениях в работе. Чиновник остается чиновником и в будущем. Она представила себе, как комиссар Милодар и заведующий отделом межпланетных убийств У Ба Мьинт потирают ручонки, подсчитывая, сколько сэкономило управление, пересадив мозг инспектора в первую попавшуюся курицу. А ведь результатов они будут требовать с нее как с нормального человека!

Мужчины стояли в ногах кровати.

Местный врач — молодой наглец, проходящий здесь стажировку и уже вознесшийся в пустом самомнении.

Грегг ан-Грогги. Местный администратор, ответственный за порядок и спокойствие на этом форпосте цивилизации. Грегг Мертвая Голова, как прозвали его геологи, человек с репутацией жесткого, пробивного политика, попавшийся в темных делах на строительстве какого-то астероида и отсиживающийся здесь, вдали от бдительного ока газетчиков, пока не минет буря.

— Вы свободны, — отпустила их Кора. — Можете идти. Завтра утром я попрошу вас, Грегг, прийти к десяти часам утра, чтобы обсудить и спланировать наши действия.

— Хорошо, — сказал администратор и вдруг хихикнул.

Остальные не удержались и тоже засмеялись. Они корчились, стараясь унять смех, прикрывали лица ладонями, отворачивались, но все впустую. Смех был сильнее.

Толкая друг друга, они кинулись прочь из палаты — врачи, медсестры и сам администратор Грегг ан-Грогги, которого в городе все называли Мертвой Головой.

С каким наслаждением Кора Орват выхватила бы бластер и проделала в этих людях по нескольку дырок! Она же отлично понимала, как смешон эффект, достигаемый несообразностью строгих слов инспектора и ее видом. Возможно, она и сама не удержалась бы от смеха. Но понимание — одно, прощение — другое. Прощать Кора не намеревалась.

Когда топот медиков стих, Кора закрыла глаза — куриные черные глазенки — и попыталась думать.

«Итак, убийца разделался с профессором. Детали нам пока неизвестны. Причина покушения — также. После этого убийца узнает, что прилетает инспектор из Галактического центра, может быть, сама Кора Орват, и это приводит его в ужас... Убийца мечется в панике перед разоблачением. Он понимает, что должен немедленно избавиться от инспектора. Возмож-

но, даже скорее, чем инспектор успеет с кем-нибудь поговорить. Но почему там оказалась вдова профессора? Неужели она тоже боялась за свою жизнь и спешила поделиться с инспектором тайной? Но какой?»

Кора вспомнила, что сама пребывает в теле этой самой жертвы покушения, — может быть, оно подскажет что-то внедренному в него мозгу? Кора замерла, прислушиваясь к движениям своего нового тела. Заурчало в животе. Вряд ли это можно было считать подсказкой. Зачесалась левая нога — но ноги еще не освобождены от держателей, так что не почешешь, надо терпеть...

Кора рассердилась на себя. На что она тратит время! Это же сплошная мистика. Мозг человеку дается только один раз. И уж твое личное дело, как ты его используешь, чтобы потом не переживать за бесцельно прожитые годы! Где-то она это читала. А может быть, это читало ее новое тело?

Хорошо, вернемся к расследованию: вдова профессора спешит к Коре. У преступника всего секунда, чтобы принять решение. Он нажимает на кнопку, и мина срабатывает. Кора убита. Вдова профессора Гальени не выдерживает такого зрелища и тоже умирает. Удалось!

Нет, такой вариант не годится, потому что преступник приготовил мину заранее. Он знал, что Кора пройдет рядом с той пальмой, следовательно, покушение тщательно готовилось. Но если так, то зачем взрывать бомбу прямо в зале космопорта, привлекая к себе внимание? А почему Грегг ан-Грогги отошел к справочному бюро? Он говорит, что сделал это, чтобы узнать о машине. Как его проверить?

Постепенно мысли Коры начали путаться. Уловив изменения в ритме мозговых колебаний, кровать перешла в режим осторожного укачивания, и Кора мягко погрузилась в сон.

Ей снилось, будто она бежит по лугу среди ромашек, а бабушка кричит ей вслед, чтобы далеко не уходила, потому что здесь водятся опасные цыплята. Они бегут, переваливаясь, растопырив кривые крылышки, и оглушительно пищат...

* * *

Очнувшись, Кора лежала неподвижно, приказывая членам чужого тела ничем не выдавать ее пробуждения.

Кто-то стоял в коридоре под дверью в палату. Кора смогла чуть приподнять голову и оглядеться. Большое окно было приоткрыто, и холодный ночной воздух вливался в него. За окном стрекотали ночные насекомые.

Медленно-медленно ручка двери начала поворачиваться вниз.

Кора потянулась к столику. Наверняка здесь должна быть кнопка звонка, чтобы вызвать дежурную сестру! Впрочем, ей еще не приходилось пользоваться кнопкой, потому что любые перемены в ее самочувствии показывали приборы. Нет никакой кнопки... Пальцы не слушались — еще бы, это же чужие пальцы! Это когти, которыми заканчиваются крылья курицы.

Ручка опустилась вниз, и дверь начала медленно раскрываться — сначала возникла тонкая полоска света, затем она стала расширяться, и Кора смогла разглядеть силуэт человека, скользнувшего в палату.

Кора попробовала пошевелить ногами — ноги были связаны и не подчинялись.

Темный силуэт приближался к кровати. Лицо человека было черным — его скрывал натянутый старый носок. В руке блестел длинный нож.

— Прости, — прошипел человек, — прости, красотка, птичка, курочка. Но ты слишком опасна, чтобы оставаться в живых. Я обещаю, что твоя смерть будет безболезненна и мгновенна. Смотри же!

И человек ринулся к кровати, занеся руку с ножом.

Убийца не учел, что имеет дело с опытным инспектором ИнтерГпола. Собрав все силы в одно движение, Кора смогла вырвать из гнезд ремни, которыми она была прикована к кровати, — то есть сделать усилие, равное тому, какое развивает паровоз, беря с места состав в двадцать пять груженных камнем платформ.

Вырвавшиеся из пазов ремни смертельными бичами взвизгнули в воздухе, и пряжки стегнули по плечам и бедрам человека. Со страшным воплем он подскочил до потолка — ударился головой так, что в потолке осталась вмятина, и тяжело, словно громадная связка переспелых бананов, рухнул на пол.

Кора неподвижно стояла на месте, стараясь перевести дух и собраться с силами.

Ей следовало сделать два шага, наклониться, стащить с головы убийцы носок и узнать, кто же так хотел устранить ее. Тогда сразу решится и тайна самого убийства. Но она не смогла сделать ни шагу, потому что ее взгляд упал на большое, во весь шкаф, зеркало и она увидела в нем глупейшего вида существо, настолько нелепое, что замерла, стараясь понять, как это чудовище пробралось к ней в палату.

Сказать, что это курица, — значит нанести глубокое оскорбление всем курицам Галактики, ибо ноги у существа были вдвое короче куриных и втрое кривее. Туловище, размером и формой с туловище небольшого бегемота, покрывали рыжие и бурые перья разного размера, а хвост оказался толстым и коротким, будто частично выщипанным. Крылья курицы, короткие и чуть отставленные, заканчивались когтями, шея оказалась неожиданно тонкой и длинной, почти лишенной перьев, зато голова была большой, круглой, снабженной треугольным коротким клювом и украшенной красным гребнем. Чудовище уставилось на Кору, Кора смотрела на чудовище.

«Господи, — поняла Кора, — это же я! Это моя судьба! Понятно теперь, почему они все так надо мной смеялись».

От ног и крыльев курицы тянулись ремни с пряжками на концах. Кора нагнулась, чтобы отстегнуть их, — в конце концов, не ходить же с такими ремнями... И тут она увидела, что ее неведомый враг пошевелился... Господи, она же позабыла снять с него носок!

— Погодите! — воскликнула Кора. — Лежите спокойно!

Кору чуть не погубило то, что она была совершенно непривычна к новому телу. Она попыталась прыгнуть к лежавшему на полу мужчине, чтобы вырвать из его ослабевшей руки нож,

но ноги ее не смогли сделать большого шага, потому что были слишком коротки, к тому же когти слишком глубоко врезались в палас, которым был затянут пол в палате. Так что мужчина, не снимая с лица носка, со стоном поднялся и уверенно пошел на Кору.

Раз Кора не успела отстегнуть ремни, охватывавшие ее желтые лодыжки, то никакого оружия в руках у нее не было, и неизвестно было, откуда его раздобыть.

Мужчина зашипел, как змея, Кора попыталась запомнить обрисованную носком форму его черепа: если она останется в живых, это может пригодиться...

Мужчина совершил прыжок, подобно тигру.

Кора отчаянно отпрыгнула назад.

Мужчина прыгнул еще раз.

Кора закудахтала — помимо ее воли голосовые связки курицы проявили себя таким образом. Сзади было лишь открытое окно.

Мгновенный взгляд показал, что окно находилось на высоком этаже. Уловив ее взгляд, мужчина глухо проговорил:

— Восьмой этаж, курочка! Для твоей безопасности! — И захохотал дьявольским смехом.

Следующий его шаг был бы смертелен для курицы.

Кора отступила на подоконник.

Мужчина ринулся вперед, и Кора поняла, что ее последний шанс заключается лишь в том, умеет ли курица летать. Шанс был невелик: слишком толста и неуклюжа была эта птица.

Кора оттолкнулась от подоконника и ринулась в пропасть спиной вперед. Если это проклятое тело хоть немножко летает, оно само займется своим спасением.

Тело, медленно переворачиваясь, устремилось к земле.

Оно не хотело летать.

Перед глазами Коры проносились освещенные окна — в некоторых были видны силуэты врачей или пациентов. Кто-то замахал ей рукой.

Кора решила помочь своему телу. Мысленно она развела руки в стороны и взмахнула ими.

Крылья раскрылись.

Один взмах, второй... неужели падение замедлилось?

Сильнее, Кора, энергичнее! Вспомни, как ты еще на прошлой неделе занималась спортивной гимнастикой. Резче! Шире взмах!

Окно, мимо которого она только что пролетала, вновь возникло в поле зрения инспектора.

В окне стоял мальчишка, у него была завязана голова — по глазам было видно, что сорванец.

В мгновение ока он выхватил из кармана больничной пижамы рогатку и попал вишневой косточкой точно в лоб птице. От жуткой боли тело Коры зажмурилось и упало еще этажа на два.

На этот раз, поднимаясь, Кора постаралась лететь подальше от окон!

Через две или три минуты она, уже научившись равномерно махать крыльями, подлетала к восьмому этажу. Тут она увидела в распахнутом окне мужскую фигуру в носке, натянутом на голову. Фигура метнула в нее нож. Блестя и медленно переворачиваясь, нож пролетел поблизости от Коры. Она крепко схватила его желтыми морщинистыми пальцами, увенчанными острыми когтями, и полетела прочь от больницы. Хватит с нее покушений.

Вот и земля!

Сначала звякнули, ударившись о землю, пряжки ремней, которыми Кора была недавно прикреплена к кровати, потом твердая земля, прикрытая травой, ударила по пяткам, и Кора, потеряв равновесие, уселась посреди небольшой клумбы, на которой цвели тюльпаны или цветы, похожие на тюльпаны.

«Ой, — мелькнула в голове нечаянная мысль, — как бы не навредить малюткам!»

Кора огляделась. Каких малюток она имела в виду? Кора догадалась, что ее новое тело тревожилось о судьбе яиц, которые оно должно было вскоре снести.

Мысль об этом пронзила Кору. А вдруг в тот момент вокруг окажутся люди и они увидят, как она это делает? А вдруг

об этом пронюхает какой-нибудь безответственный газетчик? Тогда что — уходить в отставку? Скрываться остаток жизни по дальним полицейским участкам?

Несмотря на то что крылья ей мешали, Кора пощупала свой покрытый мягкими теплыми перьями живот — нет ли на нем выпуклостей, которые указывали бы на наличие яиц?

Тем временем одно за другим в больнице зажигались темные окна. Вскоре до Коры донеслись крики и громкие звуки. Видно, там поднялась тревога, ее уже искали.

Кора отстегнула ремни и положила на траву. Она поняла, что ей все еще не хочется появляться перед людьми, в глазах которых она выглядела далеко не героично.

Но когда шум и крики приблизились к кустам, где она скрывалась, Кора вышла навстречу людям — к радости врачей и медсестер, которые уже решили, что она случайно вывалилась с восьмого этажа.

Когда же Кора пыталась убедить врачей, что она на собственных куриных крыльях опустилась на землю, ей не поверили. Оказывается, всем, кроме Коры, было известно, что курицы, то есть уважаемые и высокоученые обитатели планеты Ксеро, летать не могут с тех пор, как научились строить дома вместо гнезд и пользоваться компьютерами. Правда, в детстве некоторые ксеры и ксерята взлетают над детскими площадками, и наиболее шустрых держат на длинных шпагатиках. Но это исключение лишь подтверждает общее правило.

Кора, конечно, не согласилась с общим мнением. Может быть, ее тело и не умело летать, но когда на тебя кидаются с ножом, то полетишь и без крыльев.

Встревоженные врачи тем не менее высказали удовлетворение состоянием здоровья Коры. Они убедились, что мозг уже хорошо прижился в курином черепе, руки и ноги отлично слушаются его приказов, падение с восьмого этажа не привело даже к приступу мигрени, так что инспектора Орват можно было выписывать. Утром на обходе врач с глазами-маслинами, который, как все понимали, был по совместительству представителем службы безопасности, с милой улыбкой сказал:

— Моя миссия выполнена. Ваша еще не выполнена, и поэтому вы можете рассчитывать на мою помощь. Все ясно?

— Все ясно, — сказала толстая курица, стоявшая перед врачом. Врач искренне сочувствовал Коре. У него было развито воображение, и он мог себе представить, каково ей в этой шкуре.

А курица, склонив голову и почесывая клюв когтем, рассматривала между тем голову агента: она надеялась угадать форму черепа убийцы, который напал на нее вчера вечером.

Разумеется, как опытный оперативник, Кора никому не стала рассказывать о покушении. Ведь неудачливый убийца именно этого от нее и ожидал. Теперь же он в неуверенности, в тревоге, он не знает, что Кора задумала, — а раз так, то он может повторить попытку покушения и тогда уж наверняка попадется. Образно говоря, Кора стащит с его головы грязный носок!

Утром приехал администратор Грегг ан-Грогги, или Мертвая Голова, он был весьма озадачен покушением и заявил, что полностью берет на себя вину за случившееся. Отныне, сказал он, два полицейских будут сопровождать инспектора, куда бы она ни отправилась. Кора пришла в ужас от этого предложения, сделанного категоричным тоном. Честно говоря, она всегда робела перед администраторами, словно превращалась в маленькую девочку, перешедшую улицу в неположенном месте. Но на этот раз она взбунтовалась.

— Так я никогда ничего не расследую! — воскликнула она. — Мало того, что вы загнали меня в куриную шкуру и этим сделали выполнение задания почти невозможным, вы еще хотите поставить вокруг меня вооруженный кордон, чтобы я вообще не смогла говорить с людьми.

— И все же я настаиваю! — сказал Грегг ан-Грогги так, что ясно было: он не отступит.

«Что ж, — подумала тогда Кора, — сбежим от полиции. Не в первый раз». Правда, ей еще никогда не приходилось убегать от полиции, неся в животе недоношенные яйца.

— Настаиваете, тогда подыщите мне любое другое тело, — буркнула Кора.

— Невозможно, — ответил за Грегга врач.

— Но почему? Положите курицу в холодильник, пускай полежит, пока не пришлют мозг с планеты Ксеро.

— Чепуха! — отрезал дежурный врач. — Вы не подумали о детях!

— Что еще надо думать о детях?

— Вы намерены заморозить яйца в этом вот самом животе? — Доктор ткнул пальцем в живот Коры, та от неожиданности неловко отпрыгнула и еле удержалась от того, чтобы не клюнуть нетактичного доктора.

— Нет, вы мне ответьте! — настаивал доктор. — Как вы намерены сохранить живыми младенцев, которым именно сейчас требуется высокая постоянная температура окружающей среды, иначе они попросту погибнут!

— Так положите их в инкубатор!

— Сначала снесите их, госпожа инспектор ИнтерГпола! — нагло ответил врач. — Тогда и будете рассуждать об инкубаторах!

Кора была вынуждена переменить тему разговора.

— Хорошо, — сказала она, — тогда поехали на место гибели профессора Гальени. И вы введете меня в курс дела.

Не скрывая усмешки, Грегг Мертвая Голова вызвал вездеход, на переднем сиденье которого поместились водитель, он сам и местный доктор, который настоял на том, чтобы сопровождать больную в первой поездке. Все заднее сиденье, разумеется, заняла Кора Орват.

Путь до раскопок был недалек. Он лежал через жилые кварталы городка. По дороге администратор поведал Коре о местных проблемах. Кора слушала внимательно, потому что давно убедилась: на расследование могут оказать влияние любые местные проблемы и события, даже не имеющие на первый взгляд никакого отношения к событию.

Правда, слушала она вполуха, потому что ей очень хотелось задать вопрос, который она задать здесь никому не мог-

ла. А именно: «Какого размера яйца несут благородные жительницы планеты Ксеро?»

— Планета, на которой мы находимся, — монотонно говорил Грегг Мертвая Голова, словно читал висевшую перед глазами инструкцию, — лежит на древнем звездном торговом пути. Еще в незапамятные времена космические корабли причаливали, так сказать, здесь, чтобы отдохнуть и пополнить запасы воды и топлива. Затем, после известных всем катаклизмов в третьем секторе, эти пути были забыты. Сейчас на нашей планетке открыты залежи драгоценных металлов и камней, так что здесь находятся концессии Межгалактической Горной компании, где трудится большинство жителей нашего города. Археологи с планеты Ксеро появились здесь два месяца назад. Было их трое: профессор Гальени с супругой Гальени-папа, тело которой вы теперь оккупируете...

— Оставьте, Грегг!

— Простите, госпожа Орват, но это невинная шутка.

— Вопросы невинности не в вашей компетенции! — заявила Кора с несвойственным ей раздражением.

— Тогда я продолжаю, — сказал Грегг Мертвая Голова, и его глаза в глубоких глазницах зловеще сверкнули. — Итак, сюда прилетели археологи с планеты Ксеро, которые задались целью доказать всему миру, что их предки оставили здесь следы своей деятельности и, может быть, даже ценные клады. Для раскопок они определили место, которое соответствовало описаниям, найденным ими в своих пыльных манускриптах. Вот и копаются. Нам от них — сплошные трудности и неудобства, но мы терпим, потому что отлично понимаем важность культурных изысканий.

— И галактического сотрудничества! — добавил местный врач.

— Разумеется! — поддержал его Грегг.

Кора поняла, что любые культурные изыскания Греггу отвратительны.

Миновав последний высокий дом, вездеход остановился на небольшом треугольном плато.

Когда они вылезли наружу, Кора смогла окинуть взглядом окрестности и оценила уникальность этого места. Разумеется, его должны были избрать для лагеря древние космонавты.

В окружении невысоких, но дикого вида голых гор лежала долина, образованная быстротекущей рекой. В том месте, где стояла Кора, река делала широкую петлю, охватив полукругом ровный участок возвышенности, частично застроенный теперь домами и складами. За рекой жить было нельзя, потому что дальний берег совершенно отвесно поднимался на километровую высоту.

Раскопки велись здесь на дальней оконечности площадки, обрамленной рекой, как бы на носу корабля, так что все дома и постройки городка оставались за спиной, как надстройки на палубе корабля.

Кора увидела несколько неглубоких траншей и ям, разделенных земляными перемычками. Над раскопками замерли осиротевшие без хозяина землеройные механизмы, снабженные лопатами, лопаточками, кистями и кисточками для раскопок. Над обрывом, ведущим к реке, стояла желтая палатка — видно, штаб археологической экспедиции.

— Как вы видите, — продолжал администратор Грегг Мертвая Голова, подводя Кору и врача к траншеям, — ничего особенного профессору отыскать не удалось. По крайней мере, пока. Но он не расстраивался и не унывал. Чудесный был... человек этот профессор Гальени, мы с ним отлично ладили, хотя и приходилось спорить.

— Почему спорить? — спросила Кора.

— Честно говоря, я немного поторапливал профессора. После окончания раскопок мы намереваемся строить здесь большую новую гостиницу и центральное управление Горной компании. Пора нам, давно пора превратить этот поселок в настоящий город, подобный лучшим городам в Галактике.

Глаза Грегга весело сверкнули — он был энтузиастом, он мечтал об этом городе.

— И долго археологи еще собирались здесь оставаться? — спросила Кора.

— Нет, — послышался голос от желтой палатки. — Мы сворачивали свою работу. Еще месяц, от силы — два...

Полог палатки откинулся, и навстречу им вышел крепкий, мощный петух, ростом чуть побольше Коры.

Сердце Коры замерло.

Ноги подкосились.

Это был Он!

Кто он — Кора не знала. Мысли и чувства диктовало ее куриное тело.

Петух стоял в дверях палатки, близоруко оглядывая визитеров. Он был вызывающе окрашен: золотистый, в медь, с черными крыльями и черным коротким хвостом. Алым был лишь толстый мясистый гребень.

Наконец он увидел Кору, и это было для петуха шоком. Он начал неловко отступать, беззвучно открывая и закрывая короткий клюв, крылья его приподнялись и задрожали...

— Гальени-папа! — проговорил он наконец. — Ты... сама. Ты вернулась?

— Здравствуйте! — громко произнес Грегг ан-Грогги. — Простите, что без предупреждения. Но следствие терпеть не может. Разрешите представить вам госпожу инспектора Кору Орват из ИнтерГпола. Ее прислали к нам специально для расследования трагического происшествия... Инспектор Орват стала жертвой инцидента на космодроме, но наши замечательные медики смогли пересадить оставшийся от нее мозг в тело скончавшейся там же от инсульта вашей соотечественницы госпожи Гальени-папа.

Всю эту короткую речь Грегг Мертвая Голова произнес на одной ноте, но столь настойчиво и авторитарно, что остальные замерли, околдованные его голосом.

Петух, столь пораженный видом ожившей профессорши, за время речи администратора пришел в себя и лишь смотрел на Кору с нежностью и участием, а Кора ощущала в себе постоянное желание приласкать этого милого нелепого петушка.

— Орсекки, — произнес петух, делая шаг вперед. — Ассистент первого разряда. Помощник профессора Гальени... покойного профессора Гальени... Какое несчастье, какое горе! Каково тебе теперь!

Последние слова относились к Коре, и она не сразу сообразила, что ей выражают сочувствие по поводу ее вдовства. Она чуть было не ответила, что еще не имела счастья увидеть своего покойного супруга, но сдержалась. Это могло показаться издевкой.

Ассистент не спускал черных глазенок с Коры, и все ждали от него или от нее каких-то слов. Чтобы разрядить обстановку, Кора спросила:

— И что же интересного вам удалось отыскать?

— Нам? Отыскать? — Ассистент был явно удивлен. — Я не знаю, что вам покажется интересным. Мы же ищем не сами предметы, а свидетельства космических путешествий в древности.

— Я сформулирую вопрос иначе, — перебила его Кора. — После смерти профессора на раскопках ничего не пропало?

— Ах, вот вы о чем! — воскликнул ассистент. — Тогда давайте пройдем в палатку, я вам все покажу. И вы поймете нелепость такой постановки вопроса.

Вся компания последовала в желтую палатку.

В центре ее стоял стол, на котором лежали камни, осколки керамики, обломки деревяшек и уголья, не говоря уж о совсем непонятных предметах...

Пока гости смотрели на эти сокровища, ассистент добрался до большого сейфа, стоявшего за столом. Открыв его, он принялся вытаскивать оттуда коробки и расставлять на столе.

— Предметы, представляющие интерес, мы храним в сейфе, — заверил собравшихся ассистент. — Может быть, для вас, представителей иных, более молодых и наивных цивилизаций, они и не представляют особого интереса, но значение их для судеб и истории нашей Ксеро невероятно велико.

«Как он ловок и силен, — подумала Кора. — Другого такого петушка нет во всей Галактике! Но при его скромности он никогда не доберется до высот... Прости, — спросила Кора

себя, — откуда я все это могу знать?» Но ответа она не услышала.

Раскрыв первую коробку, ассистент вытащил из ваты несколько шариков, стеклянных и мраморных, каждый размером с грецкий орех.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил ассистент.

— Пожалуй, — первым откликнулся Грегг, — это счетные шарики. Для обучения...

— Нет! Еще варианты! — звонко крикнул петушок.

— Я знаю, — сказала Кора. — Это шарики для игры. Мальчики их катают по мостовой...

— Ну уж от тебя я такого невежества не ожидал! — огорчился ассистент.

— Вы меня с кем-то путаете, — мрачно отозвалась Кора.

Ассистент не уловил иронии, лишь огорченно махнул крылом.

— Так говорите же, в чем ценность этих шариков, — попросил врач.

— Знать первой империи Ксеро-бат употребляла эти шарики внутрь. Да, да, именно так. Вы принимали шарик для пищеварения. И чем больше шариков вам прописывал доктор, тем лучше у вас перемалывалась в животе пища. Ученые за последние годы сломали немало копий, споря, являются ли эти шарики плодом фольклора или они — действительная страница славной истории нашей планеты. Найдя их, особенно рядом с костями наших далеких предков, мы можем утверждать: да! Они глотали шарики!

Вдруг Кора испытала странное желание: ей захотелось проглотить такой шарик. Она даже протянула вперед коготок, но, заметив это движение, ассистент прошептал:

— Не сейчас! Я дам тебе его... потом.

— Вы о чем? — спросил Грегг подозрительно.

— Я попросила ассистента рассказать о том, как погиб профессор, — сказала Кора.

— К сожалению, — сказал ассистент, — меня в тот момент рядом с профессором не было.

— Так, — после некоторой паузы произнес Грегг ан-Грогги. — Чем же еще может похвастаться ваша наука?

— Пожалуйста! Вот неопровержимое доказательство того, что наши предки посетили эту планету в незапамятные времена.

Он раскрыл очередную коробку так, словно в ней покоился королевский скипетр.

На вате лежала ржавая железка небольшого размера.

— Впечатляет? — спросил ассистент.

— Короче! — рявкнул Грегг. — Мы теряем время. Что ваши так называемые предки делали этой железкой? В зубах ковыряли?

— Почти угадали! — обрадовался ассистент. — Правда, у нас нет зубов...

— Я заметил, что нет.

— Скажите нам, мы не в силах догадаться, — попросила Кора.

Как настоящая женщина, даже в курином обличии, Кора знала свою силу и умение влиять на мужчин.

— Так смотрите! — И, затрепетав всеми перьями от радости, Орсекки вытащил из кармашка широкого кожаного пояса, которым он был подпоясан, такую же железку, но совершенно новую, блестящую и не тронутую ржавчиной.

— Узнаете? — спросил он.

— Не тяни же, говори — для чего? — воскликнул Грегг.

Ловким движением ассистент поднес железку к клюву и принялся подпиливать его острие, причем делал это элегантно, ловко, словно всю жизнь только этим и занимался.

— Каждый птенец! — воскликнул он при этом. — Каждый птенчик на нашей планете знает, что делать с этой, по вашему выражению, железкой. И я думаю, что других доказательств не требуется.

— Мы не просим доказательств, — пояснила Кора. — Мы только хотели узнать, каковы результаты раскопок.

— Великолепные.

— И что вы намерены делать дальше после смерти профессора? — спросила Кора.

— Продолжать! — воскликнул толстый петушок. — Результаты настолько удивительны и убедительны, что нам следует перекопать все вокруг!

— А вот это лишнее, — заявил мрачно Грегг. — Наш с вами контракт истекает через месяц. К этому времени вы должны выкопать все наши драгоценности.

— Это невозможно! Мы уже послали заявку на продление раскопок.

— А мы послали требование завершить раскопки вовремя. Нельзя из-за железок нарушать жизнь города!

«Так, — мысленно отметила Кора, — существует конфликт между экспедицией и местными властями. Следует выяснить его действительные подспудные причины».

— Из-за железок! — Голос петушка поднялся до высочайших нот — соловей бы позавидовал такой руладе... И сорвался. — Из-за железок? — прохрипел археолог.

На этот раз из коробки, обтянутой синим шелком, показался кусок яичной скорлупы. Коре показалось, что этот кусок принадлежал страусиному яйцу, впрочем, она не могла быть в том уверенной. Но вначале ей не пришло в голову, что это скорлупа яиц почтенных жителей планеты Ксеро, вернее, их отдаленных предков.

— Богатыри! — кричал ассистент, вновь обретши голос. — Не нам чета! Вот какие яйца несли наши бабушки! Понимаете ли вы, что это — первая находка останков яйца древнего ксера вне пределов нашей планетной системы!

«О ужас, — сердце у Коры упало, — вы хотите сказать, что во мне лежит целая такая штука? И ее мне придется рожать? Нет, лучше смерть!»

— Нам это приятно слышать, — сказал Грегг, не скрывая сарказма. — Этой скорлупе уготовано почетное место в вашем музее. Но это не основание для того, чтобы копать до конца света.

— Вот именно! — упавшим голосом закончил свой моно-

лог ассистент и бережно положил обломок скорлупы обратно в коробку. — Теперь мне ясно, кому было выгодно устранить со своего пути профессора Гальени.

— Поосторожнее! — рассердился администратор. — Попрошу выбирать слова. Здесь я представляю галактическую власть.

Ассистент заложил когти за широкий пояс и начал медленно раскачиваться взад и вперед. Кора поняла, что у ксеров это поза угрозы и презрения. Но вряд ли Грегг Мертвая Голова испугается этой позы.

Все еще удрученная своими проблемами, Кора, чтобы разрядить напряжение, попросила Грегга:

— Вы не покажете мне место происшествия? Ведь до сих пор я многого не знаю.

Ассистент напряженно смотрел на нее черными блестящими глазками. Словно хотел передать ей какую-то важную тайну.

— Ну что ж, — согласился Грегг ан-Грогги. Он поправил свою высокую форменную шляпу — знак административной власти — и быстрыми шагами вышел из палатки.

Остальные послушно последовали за ним.

Снаружи дул свежий ветер, он поднимал пыль из траншей, заволакивал дымкой широкую долину реки и скалистые горы по ту сторону.

Пройдя площадку, на которой шли раскопки, они вышли на обрыв над речкой.

Грегг ан-Грогги подошел к краю обрыва и показал вниз.

— Вон там валялись белые перья, — произнес он.

— Перья?

— Да. Это я увидел, — быстро сказал ассистент. — Господин профессор обычно приходил на раскопки раньше всех и никогда не опаздывал. А тут — уже два часа, а его все нет. Я позвонил в его жилище...

— У них сборный дом, — пояснил Грегг. — Они его поставили вон там... — Грегг показал на окраину городка. — Оттуда пешком минут пять.

— Мы ходим пешком, — сказал ассистент. — Это полезно для фигуры.

Местный доктор захихикал. Кора поняла почему. Достаточно было взглянуть на крепко сбитую, совершенно округлую фигуру молодого петушка.

— Это не основание для дискриминации! — вскричал петух. И тут уж все рассмеялись, включая Кору.

— И вы! — воскликнул петушок, обернувшись к ней. — И вы с ними!

«Наверное, мне нужно взглянуть в зеркало, — думала Кора, продолжая хохотать. — Это же ненормально. Над чем я на самом деле смеюсь?»

Ассистент повернулся и зашагал прочь между траншей.

Он был обижен. Даже короткий хвост торчал обиженно. Добежав до края обрыва, петушок бросился вниз, и Коре стало страшно, что это милое существо разобьется.

Она побежала быстрее и, кинув взгляд под ноги, чуть не упала, потому что из-под нее выскакивали не ноги, а желтые когтистые лапы. «Почему мы не одеваемся? — успела подумать она и тут же поправилась: — Почему они не одеваются? У них иные принципы стыда и бесстыдства?»

Кора заглянула вниз с обрыва. Она увидела, как, расправив крылья, ассистент большими прыжками спускается по крутому склону. Порой он даже взлетал — пролетал несколько метров, хотя, если быть точным, то это был не полет, а скорее планирование.

Грегг и местный врач тоже подбежали к обрыву и ждали, чем закончится спуск ассистента.

— Они вообще-то летают? — спросил администратор.

— Нет, — ответил местный врач. — Но они могут спланировать с высокого обрыва.

Кора знала, что доктор ошибается. Она-то сама летала, спасаясь от убийцы. Может быть, у куриц не принято об этом говорить?

Ассистент спустился к реке.

— Вот здесь! — закричал он. — Вот здесь я нашел его маховые перья.

— Чего? — не поняла Кора.

— Маховые перья профессора Гальени!

— Ах, конечно. Но, может быть, он линял?

Вопрос был глупым. Инспектора вызывают расследовать смерть знатного иностранца, а инспектор спрашивает, не линял ли он.

— Перья были сломаны, — серьезно произнес Грегг ан-Грогги. — Профессор упал туда уже мертвый.

— Отчего он погиб? — спросила Кора.

— От удара сзади острым ножом, — ответил Грегг ан-Грогги.

— Это был археологический нож, — пояснил Орсекки, — у нас таких несколько, они нужны при раскопках.

— Он хранится у меня в сейфе, — сказал администратор.

— Где находится тело? — спросила Кора.

— В морге больницы, — сказал врач и добавил, как будто самому себе: — Мне так трудно поверить, что именно вы задаете вопросы. Именно вы. Хотя я сам пересаживал туда ваши мозги.

— Не мозги, а мозг, — поправила его Кора. — Мозги — у курицы.

— Вот именно, — согласился врач, и Кора на него обиделась.

— Мне подниматься или вы сюда спуститесь? — крикнул снизу петушок.

— Там больше ничего не было? — спросила Кора.

— Записная книжка и деньги находились в поясе. Ничего не тронуто.

— В какое время это случилось?

— Я его осматривал, — сказал местный врач. — Я убежден, что смерть наступила рано утром. На рассвете.

— Что делать на раскопках в такое время?

— У нас есть ваши показания, — вмешался Грегг, обернувшись к Коре, — вы утверждаете, что профессор часто уходил

на рассвете на раскопки. Он считал, что в полном одиночестве на раскопках лучше думать.

— Что еще вам удалось выяснить? — спросила Кора.

— Его жена не заметила, как он ушел, — сказал Грегг Мертвая Голова. — Вы с ним спали в разных комнатах.

— Не говорите глупостей, администратор! — оборвала его Кора.

— Я вас не понял! — Мертвая Голова принял вид обиженной цапли.

— Вы все отлично понимаете, — сказала Кора. — Я вынуждена здесь работать в нелегких условиях, в чужом теле. И вместо того, чтобы получить возможную помощь от моих коллег, я сталкиваюсь с какими-то мальчиками, которые неудачно шутят, а потом сами обижаются, дуются и вот-вот побегут жаловаться мамочке.

От гнева крылья Коры непроизвольно поднялись, она взмахнула ими, и ветер усилился настолько, что у Грегга сорвало форменную шляпу, которая осенним листком полетела с обрыва. Грегг метнулся было за ней, но удержался на самом краю — из-под его башмаков вниз посыпалась небольшая лавина камешков.

— Эй, там! — закричал Грегг. — Ловите! Умоляю!

Крик относился к ассистенту, который бродил по берегу, проводя собственное обследование места преступления. Тот откликнулся не сразу — только после того, как камешки начали колотить по его тугой спине. Сообразив, что происходит, петушок замахал крыльями и большими прыжками помчался к реке.

Кора знала, что в культуре, к которой принадлежит Грегг ан-Грогги, атрибутам власти придавалось особое значение. Наказание там выражалось не в изоляции преступника, а в лишении его должностного знака или форменной одежды на срок, равный наказанию. Ты становился парией, что хуже, нежели просто сидеть в тюрьме. По крайней мере, для таких существ, как Грегг. Шляпа администратора была стимулом к жизни, она была критерием отношения к нему со стороны со-

отечественников. Шляпа!.. Словно гоголевская шинель. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из ее собеседников подозревал о существовании специфически земной шинели. И хоть местного доктора или Грегга на первый взгляд не отличишь от человека, сходство это во многом заканчивается на внешних подступах к душе. Впрочем, за последние десятилетия различия между расами и племенами столь интенсивно стираются, что и сами люди уже не всегда могут сказать, какой из миров полагают своей родиной. Галактика — гигантский котел, превращающий национализм в заботу провинциальных старушек, правда, старушек злобных и вредных.

Пока Кора так размышляла, она не переставала наблюдать за гонками ассистента за злополучной шляпой, которую тот не успел догнать раньше, чем она коснулась воды. В воде шляпа как-то ловко перевернулась и, превратившись в небольшую лодочку, мирно поплыла прочь от берега, намереваясь по истечении нескольких дней оказаться в море.

Ассистент припрыгивал, семеня за шляпой. Коре захотелось помочь ему, и, как ни странно, этот импульс исходил от ее крыльев, которые сделали большой замах и приподняли ее тяжелое тело. Кора решила рискнуть: если получилось вчера, почему не выйдет сегодня? Она подпрыгнула на краю обрыва, но тут ее намерение разгадал ассистент, который в тот момент поднял взор, намереваясь сообщить Греггу, что его шляпа безнадежно потеряна.

— Ах! — закричал он и тут же начал верещать на непонятном окружающим курином языке. Общий смысл его монолога ускользал от Коры, так что она предпочла игнорировать крики. Тогда ассистент сообразил, что его послание не находит адресата, и перешел на общепонятный язык.

— Нельзя! Подумай о своих детях! — кричал ассистент. — Яйца могут разбиться!

Это ужасное известие заставило Кору замереть на месте.

Господи, еще яиц не хватало! Она тут же представила себе, как неудачно приземляется на берегу и в ее животе образуется яичница-болтунья, гоголь-моголь... О нет! Только не это!

— Будь проклят день, когда эти археологи прилетели в наш поселок! — в сердцах воскликнул Грегг Мертвая Голова и, прикрывая руками голову, быстро зашагал прочь.

Кора с врачом остались дожидаться ассистента, который поднялся на обрыв, помогая себе крыльями и когтями. Он запыхался, и перья его были взъерошены.

— Если кто-нибудь кидается своими шляпами, он может сам за ними нырять, — сообщил археолог Коре.

— Вы бы ему об этом и сказали, — заметил врач.

— Раз Грегг ушел, вам самому придется досказать мне ужасную историю, — попросила Кора.

— Я осмотрел тело погибшего, — сказал местный врач. — Профессор Гальени был убит наверху, на обрыве, затем сброшен вниз, чтобы замести следы.

— Ну уж какие там следы, — возразила Кора. — Достаточно было подойти к обрыву, чтобы его увидеть.

— Но ведь прошло много времени! И преступник мог убежать, скрыться, придумать себе алиби! — сказал ассистент.

— Я полагаю, что тут дело в другом, — сказала Кора, подходя ближе к обрыву и глядя вниз. — Я думаю, что преступник хотел, чтобы профессора нашли как можно позже, когда его уже не оживишь и не перенесешь мозг в другое тело.

— Пожалуй, вы правы, — согласился местный врач. — И преступник своего добился. Утром, когда его нашли...

— Было поздно, — вздохнул ассистент.

Кора стояла на обрыве и глядела вниз, на реку. Вот так стоял профессор. Может быть, он представлял себе, как сверкающие корабли его предков медленно и торжественно опускались на берегу реки и из них выходили, разевая клювы от разреженного воздуха, первопроходцы, отважные петухи, сжимающие в когтях тяжелые пистолеты... «Что я несу! Откуда у меня такие мысли?»

— Здесь есть дикие звери, хищники? — спросила Кора.

— Есть, ниже в долине, — ответил местный врач. — Но сюда они не забираются.

— Чепуха! — пискнул ассистент. — Они сюда отлично забираются. Вы в поселке не знаете планеты, на которой живете. В прошлом месяце мы три раза отгоняли отсюда медведя. То есть не медведя, но зверя пострашнее медведя. Мы обратились тогда к господину Греггу ан-Грогги с просьбой о выдаче пистолетов.

— И он выдал? — В голосе Коры прозвучал интерес. Хоть профессор был убит холодным оружием, существование пистолета создавало на раскопках особую психологическую обстановку.

— Как всегда, господин Грегг отказал нам в простой просьбе и поставил под угрозу наши жизни, — сказал ассистент. — Он сделал вид, что не верит в существование медведей.

— Странно, — доктор с недоверием поглядел на близкие заросли кустарника. — Мы были убеждены, что зверей здесь нет...

* * *

Перед тем как возвратиться в больницу, где ей предстояло пожить еще несколько дней под присмотром медиков, Кора Орват заглянула в дом, где обитали археологи.

Дом был привезен ими в сложенном виде и установлен на краю поселка — последним в ряду домов и складов, рядом со свалкой, которая возникает возле любого колониального поселка и против которой выносятся грозные постановления и запреты, но она существует, и растет, и пополняется жителями. Однако соседство свалки никак не смущало археологов, и они даже не замечали ее. Может быть, потому, что не очень следили за порядком у себя дома? Кора вдруг поняла, что ей обязательно надо будет когда-нибудь побывать на Ксеро. Ведь как ни говори — она провела некий период своей жизни в шкуре ксерянки.

Дом был двуличен.

Двуличность заключалась в том, что снаружи он не отличался от прочих домов городка, если не считать куда более широких дверей, чем принято у людей.

Ассистент обогнал их и первым вошел в дом. Кора после-

довала за ним, мысленно поблагодарив ксерянского архитектора: впервые за эти дни ей не надо было протискиваться в дверь.

Внутри все было приспособлено под куриные нужды.

Из овального холла, общего для всех жителей дома, в разные стороны вели овальные арки. Налево, как объяснил ассистент Орсекки, арка вела на кухню: у археологов было общее хозяйство. Направо — в туалетный блок. Когда Кора заглянула туда, ее охватило желание остаться там надолго — все тело ее радостно запело, когда она увидела, как могут быть удобно устроены умывальники и туалетные принадлежности. Но Кора была не одна и потому должна была держать себя в руках.

— Неужели вы не узнаете свой дом? — осторожно спросил ее Орсекки. — Неужели вам изменила память?

— Разумеется, я ничего не узнаю, — ответила Кора. — Я ведь помню дом, в котором я жила на Земле. Каждую половицу в нем.

— А что такое половица? — спросил ассистент.

— Вот видите! Этого вы никогда не видели.

— И все же мне очень грустно, — признался ассистент. — За несколько дней я потерял единственных близких мне существ на всей этой планете. И тем более мне нелегко, когда я вижу вас, госпожа Гальени-папа, я же знаю каждое перышко на вашем теле, я же знаю, как вы закатываете ваши черные глазки, как переступаете этими очаровательными когтями, как поднимаете свои изящные крылья... простите, но мне больно!

— Я вас понимаю, — вздохнула Кора. — Я очень хотела бы вам помочь. Но это выше моих сил.

Орсекки провел ее из овальной гостиной вперед и сказал:

— Дверь налево — мой насест. Двери направо — ваши.

И отступил, будучи глубоко убежден, что в своей-то комнате вдова профессора все вспомнит.

Но, разумеется, Кора ничего не вспомнила. Она даже не знала, за какой из дверей находилась ее комната.

Так что она решила действовать последовательно.

Сначала отворила первую из дверей. Дверь поддалась легко — она была не заперта.

За дверью обнаружилась комната вполне земного вида, до разочарования обыкновенная. Хотя Кора ожидала увидеть насест — палку на какой-то высоте, на которой ее новые знакомые проводили ночи.

Единственной непривычной деталью в комнате была кровать, которая оказалась вовсе не кроватью, а большой надутой круглой подушкой с углублением в центре. Коре не надо было объяснять, насколько это удобно, — все ее тело ринулось к этой подушке — это же кровать-мечта для настоящей курицы!

— Узнаете? — спросил местный доктор, который не спускал глаз-маслин со своей подопечной.

— Не столько узнаю, сколько чувствую, — честно ответила Кора. — Я сразу поняла, что это и есть то, что коллега Орсекки называет насестом.

— Правильно, — откликнулся тот сзади, довольный догадливостью Коры.

— Я бы осталась здесь, — сказала Кора.

— И не боитесь, что духи погибших хозяев будут вас беспокоить? — Местный врач как бы шутил, но улыбались лишь яркие губы.

— Я и есть дух, — ответила Кора.

Кора подошла к рабочему столу, занимавшему всю дальнюю сторону комнаты. Стол был куда ниже, чем столы на Земле, и сделан в форме полукруга, чтобы профессору было легче доставать нужную бумагу или книгу. Кресла или стула не было — вместо них — такая же подушка, как кровать, только куда меньше. На столе Кора увидела две фотографии. На одной была изображена госпожа Гальени-папа. На второй — толстый, печального вида петух, совсем белый, если не считать желтизны на крыльях, желтого клюва и красного гребня. Правда, на фотографии не были видны ноги и хвост.

— Это он? — спросила Кора.

— Да, — ответил ассистент. — Это мой учитель, а ваш супруг. Профессор Гальени. Погибший от злодейской руки.

Кора подняла фотографию своего погибшего супруга.

— Я возьму ее с собой, — сказала она.

Никто не возражал.

Затем они прошли в комнату покойной госпожи Гальени-папа.

Комната была такой же, как профессорская. Но на письменном столе лежал лист бумаги с изображением небольшого горшочка.

— Что это? — спросила Кора. — Она была художницей?

Кора взяла в когти кисточку. Кисточка удобно устроилась в когтях.

— Ты и это забыла, — печально заметил Орсекки. — Но еще неделю назад ты была самым лучшим художником-реставратором на Ксеро!

— Ах да, конечно, — согласилась Кора, чтобы не травмировать и без того удрученного ассистента.

Она подошла к зеркалу. Под зеркалом находилась полочка с небольшой щеткой на ней. Щетка предназначалась для того, чтобы чистить перышки вокруг клюва. Кора, не удивившись тому, что знает функцию щетки, посмотрела в зеркало. Она уже перестала отшатываться в испуге при виде себя. Ко всему привыкаешь. И к мысли о том, что еще неделю назад в этом зеркале отражалась та же физиономия, но принадлежала она другому существу.

— А это что? — спросила она.

Ассистент ответил не сразу. Он явно смутился.

— Я полагаю, — ответил он наконец, — что это подушечки для... для этих самых. Вы их сами вышивали...

— Для кого — этих самых? — строго спросила Кора. Но тут же поняла, что имел в виду ассистент, и сама смутилась.

Пауза затянулась. И тогда непроизвольно Кора подняла с насеста три плоские, расшитые крестом подушечки.

— Может быть, пойдем отсюда? — спросил местный врач. Ему было скучно.

— Да, — согласилась Кора. — Нам пора. До свиданья, Орсекки.

Возвратившись в больницу, они с доктором посетили стоявший за скалами желтый одноэтажный кубик морга, и там Кора осмотрела тело профессора.

В морге было пусто — ни одного другого тела.

Профессор лежал на столе, подняв вверх и прижав к животу желтые ноги. И Кора с ужасом поняла, что в ней возникла ассоциация с кухней. Словно сейчас придет гигант-повар и начнет ощипывать курицу...

* * *

В палате Кора поставила портрет своего погибшего супруга на столик, но сама не могла усесться на стул — для нее это было подобно тому, как человеку усесться на ручку зонтика. Она взяла со стола папку, принесенную, пока ее не было, из планетного управления: «Дело об убийстве профессора Гальени». Подошла к окну и, положив на подоконник, стала проглядывать документы.

Ничего нового. Протокол допроса ассистента Орсекки, обнаружившего труп профессора. Сообщение доктора Мурада Кшота, свидетельство о причинах смерти. Показания жены покойного... Что в них? Госпожа Гальени-папа показала, что они спят с мужем в разных помещениях, как то и принято у состоятельных ксеров. Поэтому она не может сказать, выходил ли ночью или вечером из дома ее супруг. А если выходил, то в какое время. Правда, он не мог выйти до ужина, который имел место в восемь вечера, так как пищу они принимали все вместе: профессор, она и ассистент Орсекки. Ночью никаких подозрительных звуков она не слышала. Что касается настроения профессора, то в последние дни он был в добром расположении духа, так как находки, сделанные на раскопках, его радовали. Они свидетельствовали, без сомнения, о том, что предки ксеров наверняка посещали эту планету и оставили здесь материальные следы. Были ли неприятности или трудности у профессора? Нет, если не считать его споров с госпо-

дином Греггом ан-Грогги, который напоминал профессору, что срок контракта на раскопки завершается и администрация поселка не намерена его продлевать. Почему? К сожалению, она не знает, что послужило причиной размолвок. Были ли у профессора враги? Нет, у него не было врагов и не могло быть, так как его интересовала только археология. Каковы были ваши отношения с мужем? Обычные хорошие отношения. В ином случае она бы не полетела с ним на эту богами забытую планетку. Какими были отношения профессора с его ассистентом? Отличные отношения. Орсекки горд тем, что считает себя учеником профессора...

Кора взглянула в зеркало. «Надо привыкать к себе, надо помнить, что у тебя нет тонкой талии и длинных пальцев и что твои глаза потеряли не только голубизну, но и ресницы. Привыкай, Кора! Странно, — подумала она, — ведь это протокол допроса — меня! Вот этот клюв я раскрывала, отвечая Греггу ан-Грогги... но что же ты, моя милая, спешила поведать прилетевшему инспектору? Чего испугался убийца, решивший так жестоко остановить тебя и инспектора?»

В тишине больничной палаты послышался тихий-тихий, неуверенный стук. Он доносился откуда-то снизу, словно некто, тайный доброжелатель, старался подать Коре сигнал.

Кора отступила на два шага и поглядела вниз. Пол палаты был затянут паласом — снизу не пролезешь.

Стук повторился. Снова снизу.

Кора отступила еще на шаг.

Стучавший также переместился назад.

И только тогда Кора поняла, что источник стука находится в ее животе.

Но что же это может быть? Позвать медсестру? Но что медсестра понимает в анатомии ксерянок?

И тут Кора обреченно замерла. Она догадалась, что означает тихий стук: очевидно, зародыши куриц, подобно человеческим зародышам, уже обретают способность двигаться и даже стучать клювиком по скорлупе, находясь в материнской утробе.

Так ли это? Но как узнать правду?

Кора подошла к видеофону и вызвала дежурную сестру.

Та сначала поглядела на нее ошарашенно: видно, была новенькая и не привыкла еще к такой пациентке. Потому смущенно улыбнулась.

— Девушка, — приказала Кора, — свяжите меня с библиотекой.

— Но там уже закрыто.

— Тогда подключите меня к галактическому информаторию.

— Это невозможно! — воскликнула девушка. — Для этого надо открывать Дом Правления, вызывать господина Грегга ан-Грогги, потому что только у него есть ключ и шифр особой галактической связи.

— О, провинция! — вздохнула Кора. — На Земле любой мальчишка может получить совет или информацию в справочном бюро! Любой!

— Мы в самом деле живем очень далеко от центра, — сказала девица не без ехидства. Ей, видно, нравилось здесь жить.

Коре не хотелось звонить ассистенту. Он оставался одним из свидетелей, а следовательно, и подозреваемым в убийстве профессора. И чем меньше с ним общаешься, тем лучше. Но вынашивание яиц для Коры превращалось в проблему номер один. А узнать об этом больше не у кого.

Кора соединилась с домом археологов. Ассистент отдыхал — он испуганно моргал черными глазками, желтая пелена наезжала на зрачок сбоку, как тень Луны на Солнце в затмение.

— Орсекки! — сказала Кора, не прося прощения за неожиданный звонок. — Скажите мне, сколько дней самки на вашей планете вынашивают яйца, по сколько яиц одновременно и что происходит после того, как они снесут яйца. Вы меня поняли?

— Конечно, конечно же... — Ассистент замялся.

— Что вас смущает?

— Поймите меня правильно, но на нашей планете мужчине и женщине нельзя разговаривать о таких вещах.

— Это табу? Запрет?

— Не совсем табу, но это немного неприлично!

— К счастью, я не отношусь к вашим самкам, — съязвила Кора. — Так что можете смело открывать мне ваши секреты.

— Не знаю, что вы думаете по этому поводу, — возразил ассистент, — но для меня вы самая типичная самка, и даже самка с икрой.

— Что?

— Это простонародное выражение, — пояснил ассистент. — Яйца в обиходе называются икрой. В этом нет ничего обидного.

— Может, в этом нет ничего обидного, но раз уж я попалась в ловушку, я хочу сидеть в ней с открытыми глазами. Забудьте, что я кажусь вам соотечественницей. Сколько времени происходит между зачатием и родами?

— Два месяца, — прошептал молодой петушок.

— Что происходит дальше?

— О, не мучьте меня!

— Я не мучаю, я выясняю. Вас это не касается.

— Затем вы снесете яйца... родите яйца.

— Снесу их. Хорошо. Сколько за один раз?

— Это зависит от любви.

— От чего?

— Количество яиц в самке находится в прямой зависимости от глубины ее чувства к супругу или возлюбленному.

— А сколько яиц вы ожидаете от меня?

— Боюсь, что по крайней мере три, — признался ассистент.

— Значит это, что я страстно любила профессора Гальени?

— Я не знаю, о, я не знаю! Я так недавно сюда прилетел!

— Разве вы прилетели не все вместе?

— Но это было так недавно!

— Хорошо, оставим этот пустой разговор. Просветите лучше меня: сколько времени надо насиживать яйца?

Ассистент замолчал и демонстративно отвернулся от экрана. Его профиль, завершенный клювом, был трогателен и даже мил. Гребень скосился набок, как берет бравого французского стрелка.

— Об этом тоже не принято говорить? — спросила Кора.

— Вы правы, ах, вы правы!

— И все же!

— У нас... у нас дома это делается в инкубаторах. Правда, есть консервативные семьи, патриархальные — там насиживает мать или нанятая для этой цели насиживательница.

— Сколько?

— Нам, мужчинам, об этом не рассказывают.

— Сколько?

— Чуть больше недели! Не мучьте меня.

И ассистент отключил связь. Кора поняла, что звонить снова бестактно.

Но самого главного вопроса Кора, конечно же, не задала — она не знала, через какое время ей придется нести яйца. Правда, Орсекки мог и не знать об этом. По простой причине: он не знал, когда будущие птенцы были зачаты.

Вернувшись к окну, Кора продолжала перелистывать папку «Дело об убийстве профессора Гальени».

Вот и копия документа, заставившая Кору прилететь на эту богом забытую делянку цивилизации, — официальная нота правительства планеты Ксеро Галактическому центру: «По имеющимся у нас сведениям, на планете Дил-ли совершено злодейское покушение на ведущего профессора Академии археологии, президента общества «Наши предки покорили Галактику!» господина Гальени. Мы убеждены, что за зверским преступлением стоят козни изоляционистов, желающих закрыть нашу планету для контактов с прогрессивным человечеством и готовых на все ради достижения своих грязных целей. Известно, что разбитые на планете, но не смирившиеся изоляционисты пользуются скрытой поддержкой некоторых агрессивных кругов Галактического центра, что заставляет нас

требовать немедленного расследования гибели профессора и выдачи виновных...»

На полях документа располагались разного вида и степени грозности резолюции дипломатических и интергполовских начальников. Видно, лишь ввиду спешки с отлетом Коре не пришлось увидеть эту ноту раньше. А они так суетились в Галактическом центре!.. Надо будет завтра снова поговорить с Орсекки — пускай объяснит, насколько изоляционисты — реальность. Или они — плод административного воображения ксеровских властей.

Листая дальше бумаги и акты, Кора непроизвольно прислушивалась, что происходит у нее в животе. Ну почему бы здесь не оказаться еще одной ксеровской самке? Они бы все обсудили. Главное — ясность. А ведь Коре неизвестно даже, насколько болезненны роды. Ведь земные, мелкие курицы кудахчут довольно громко и даже отчаянно, когда сносят очередное яйцо... «О господи! За что на меня такая напасть?!»

Кора отложила папку.

Разумеется, не исключалось, что преступление совершено из политических соображений. Тем более раз уж соотечественники профессора в том не сомневаются. Но где здесь отыщешь изоляциониста? Ведь здесь курице не укрыться и уж тем более не загримироваться под человека. Наемный убийца?

Кора решила поговорить с Греггом, чтобы узнать, насколько свободно прилетают сюда бродяги или туристы с других планет. Но видеофон администратора молчал. Того не было ни дома, ни на службе.

Будь Кора в обличии нормальном, своем, она отправилась бы в городок, зашла бы в бар, поужинала в ресторане, поговорила с людьми — может, даже сблизилась бы с каким-нибудь рудокопом или космонавигатором. Но вряд ли она представит интерес для навигатора в образе курицы, даже если убедит, что ее шкура — временная. Ведь бравые штурманы не ждут, пока лягушки сбросят пятнистую кожу и превратятся в принцесс.

Значит, этот путь расследования, самый плодотворный,

если ты молода и хороша собой, исключается. Придется работать в одиночку.

Чтобы не терять времени даром, она решила проникнуть в квартиру Гальени — в собственную квартиру. Как она поняла, никто еще специально ее не осматривал, — но чем больше ей удастся узнать об убитом, тем больше шансов понять, кто же убийца.

День уже клонился к закату. Кора проголодалась. Ей не хотелось идти по больничному коридору в столовую или на кухню — она знала, что ей предложат обычную кашу или бутерброды. Бутерброд она еще могла съесть, но без всякого удовольствия. Каша была ей противопоказана. Попробуйте хлебать кашу, если у вас клюв!

Голод стал дополнительным позывом к походу в дом археологов. Почти наверняка там сохранилась какая-то пища — зерна, крупа, орехи — мало ли что вкусное может там оказаться! В крайнем случае она выцыганит что-нибудь у ассистента.

Разумеется, лучшим путем к бегству из больницы было окно, но Кора не до конца верила в силу своих крыльев и потому избрала самый обычный способ — лестницу.

У входа в сад за столиком сидела медсестра в наколке.

— Хотите погулять в саду? — спросила она, тем самым избавив Кору от необходимости придумывать.

Кора кивнула.

— Через час ужин, — улыбнулась снисходительно сестра. — У нас сегодня сырники.

От слова «сырники» у Коры что-то перевернулось внутри — видно, курицы не выносят сырников. Она попыталась вежливо улыбнуться, хоть куриная физиономия и не приспособлена для этого.

— Да, — вздохнула сестра. — Нелегко вам приходится.

— Нелегко.

— А когда вам... рожать? — Сестра не хотела показаться назойливой — это было выражением сочувствия. Ну кому охота рожать за другую женщину!

— Не знаю, — сухо ответила большая курица и поспешила

по ступенькам в скудный полярный сад, где на лавочках сидели ходячие больные с посетителями. Ее появление не прошло незамеченным. Люди смотрели ей вслед, шептались, даже перекрикивались — конечно же, в таком небольшом городке, да еще на краю Галактики, новости путешествуют мгновенно. Здесь все знали о смерти археолога и трагедии в космопорту, где погибли две женщины — Кора и Гальени-папа. Так что всем было ясно, что под перьями громадной курицы скрывается гибкое тело земной девушки.

Кора прошла в глубину сада, где кусты сблизились настолько, что скрывали ее от любопытных глаз. Вот и забор — высокий кирпичный забор. Через него надо еще перебраться. Но как?

Кора решила, что забор-то одолеть можно. Потому, отыскав свободную от кустов полянку, примыкающую к забору, она разбежалась и отчаянно замахала крыльями, надеясь перелететь через забор. Ей это почти удалось — но все же она со всего размаха ударилась грудью о верхнюю часть забора и, ушибшись, медленно сползла на траву.

Тут же вспыхнула тревожная мысль: как бы не разбить яйца!

Она прислушалась, сидя у забора и вытянув вперед короткие желтые когтистые ноги. Внутри все молчало!

И все же перелетать через забор придется.

Кора отошла подальше от забора и мысленно прицелилась к перелету с большим запасом. Крыльями она начала бить так, словно плыла на скорость.

В нужный момент тело послушно оторвалось от земли и перелетело через забор так, что между животом и вершиной забора оставался пробел сантиметров десять.

Рожденный курицей летать не может! Кто это написал? И имелась ли в виду курица? Нет, кажется, речь шла о робких пингвинах.

Перелетев через забор, Кора довольно плавно опустилась на пешеходную дорожку, до смерти перепугав мирно гулявшую розовую лохматую собаку. Собака, как назло, оказалась небольшой, но совершенно бесстрашной. Она угадала в гигантском существе самую обыкновенную курицу и кинулась вслед за ней. Кора поняла, что ей нельзя ждать от собаки добра. Она припустила по улице и нырнула в первый же проулок. Проулок был узок, так что крылья пришлось прижать к телу. Собака, не ведая страха, кинулась следом за Корой и готова была уже схватить ее за пятку. Вот тут-то Кора остановилась и, подождав, наклонила тело вперед таким образом, чтобы загнуть голову под брюхо и посмотреть назад.

Когда собака подбежала, завывая от предвкушения того, как она сейчас вонзит зубки в куриное тело, Кора резко выставила назад ногу. Ударившись с ходу о костяную пятку, собака полетела назад и скрылась на основной улице. Она обогнала свой собственный визг, который еще несколько секунд бился в проулке в поисках выхода.

К счастью, проулок не был тупиком, и Коре не пришлось встречаться с опечаленным хозяином собачки. Она проследовала дальше и вскоре вышла к дому, где жили археологи.

К тому моменту голод завладел всеми ее желаниями — она была рабыней собственного желудка. И даже понимала, в чем дело: ведь она была будущей матерью, ей приходилось кормить не только себя, но и как минимум три яйца.

Дверь в дом была открыта.

Кора вошла в коридор и позвала:

— Господин Орсекки, где вы? Я к вам пришла в гости.

Дом молчал. И молчание отзывалось пустотой. Было очевидно, что никого дома нет.

* * *

Кора сразу прошла на кухню.

Это никуда не годилось: дело должно стоять на первом месте. Но Коре хотелось есть.

Не таясь, она зажгла свет и поразилась тому, насколько иначе устроена кухня в доме археологов, чем в человеческих домах.

На кухне не было плиты и печки. Вокруг комнаты шли широкие полки, на которых стояли мешки с различными зер-

нами и орешками. В большинстве своем они были Коре незнакомы, но по запаху и вкусу очень приятны.

Тело Коры знало, как устроиться на круглой плоской метровой подушке, лежавшей на полу рядом с другими такими же подушками. Тело даже подсказало, какую из подушек занять и за каким из мешков с орешками протянуть когти.

Высыпав орешки в приятного размера неглубокую миску, Кора поставила ее на круглое возвышение. Затем Кора принялась клевать орешки — наконец-то она почувствовала себя естественно и свободно. Голова наклонилась вперед — не надо было ее подгонять, клюв сам раскрывался, хватая орешки, все тело радовалось, словно слушало небесную музыку. Наклевываясь и тяжелея, Кора поводила взором по полкам, размышляя, в чем бы лучше унести с собой орешков и крупы в больницу. «Хватит мучить себя бутербродами и супом из консервированных шампиньонов, хватит пожирать ватрушки и кулебяки — мы курицы, в конце концов!»

Впервые наевшись вкусно и сытно, Кора хотела было тут же проследовать в комнату профессора Гальени, но ее сморила дремота. «Три минутки, — сказала она себе, — три минутки, и я встану».

Не поднимаясь с уютной подушки, Кора сунула голову под крыло и задремала.

Ей снилось, что она летит высоко над равниной, а за ней клином десятки птенцов. «Это мои дети, — думала она во сне. — Это мои кровиночки!»

Когда Кора проснулась, за окном было совсем темно. Часы показывали половину одиннадцатого вечера.

В больнице ее, наверное, уже хватились, и поднимается тревога. Еще бы — проспала три часа.

Кора была сердита на себя.

Но все же первым делом собрала мешок с орешками для больницы и лишь затем проследовала в комнату Гальени.

Там было все как прежде.

Кора проследовала за широкий и низкий письменный стол профессора.

Положила мешок с крупой на пол, затем зажгла настольную лампу.

Затем Кора начала последовательно открывать, выдвигать ящики письменного стола и знакомиться с их содержимым. Именно за этим она пришла в дом к археологам.

Она совершенно не представляла, что может отыскать здесь, и более того, не знала, что может лежать в ящике у ксера. Но любое действие лучше ожидания.

Более всего в ящиках оказалось тонких папок, набитых листками бумаги, исписанными словами на непонятном языке, — пускай этим займется переводчик. Когда приедет.

В нижнем ящике нашлись две видеокассеты. Кора сунула их в мешок с орешками — иной сумки с собой она не взяла.

Справа под очередной папкой она увидела небольшую странную фотографию. На ней было изображено нечто подобное кораблю викингов — вид сверху на сохранившиеся линии корпуса.

Ничего подобного Кора еще не видела.

Она разглядывала фотографию, стараясь понять, может ли она представлять интерес для следствия, и тут почувствовала, что кто-то тихо вошел в комнату и стоит за ее спиной — совсем близко, и даже склонился, чтобы разглядеть фотографию, которую она держит в руке.

Кора даже не успела испугаться. Почему-то она решила, что это возвратился домой ассистент Орсекки и, увидев свет в кабинете, пришел к ней.

— Поглядите, — произнесла Кора.

И в тот же момент нечто тяжелое ударило ее в висок, да так сильно, что вместо фотографии образовался звездный дождь, фейерверк, который быстро погас, оставив Кору в беспросветной ночи.

* * *

Кору нашел Орсекки.

Он пришел около двенадцати. Он увидел, что дверь приоткрыта, а в кабинете профессора Гальени горит свет.

Странно, подумал он, не грабитель ли залез? Но что может понадобиться грабителю в кабинете археолога?.. К тому же он не слышал, чтобы на этой слабонаселенной планете уже появились собственные грабители.

Войдя в освещенный лишь настольной лампой кабинет, Орсекки сразу увидел лежащую на полу пузатую курицу.

— О нет! — завопил ассистент так, что в соседних домах начали открываться окна и жители их перекрикивались, полагая, что на город напали пещерные тигры.

Ассистент постарался поднять курицу на крылья, чтобы вынести наружу, но это было слишком тяжело, и тогда он положил тушу на пол и бросился к видеофону, чтобы дозвониться до больницы.

Пока он вызывал машину, Кора пришла в себя.

Она не сразу сообразила, где находится, иначе бы пресекла бурную деятельность Орсекки. Но ее настолько поразило зрелище гигантских куриных ног у ее глаз, что она решила, что спит и ей видится кошмар. Прошло несколько секунд, прежде чем она вспомнила, что это ноги археолога, а сама она — такая же птица, только лежит на полу.

— Погодите, — сказала она наконец. — Лучше помогите мне подняться.

— Вы живы! — радостно воскликнул ассистент и пропел петушиную песню облегчения. Чем еще более смутил окрестных жителей.

— А почему я должна умереть? — сказала Кора и стала с его помощью подниматься, но сделать этого не смогла, потому что страшная боль пронизала ее голову. Она чуть было вновь не потеряла сознание. — Отпустите меня, — приказала Кора и уселась в подушку — кресло профессора. Орсекки нежно поддерживал ее.

Постепенно в голове сформировалось воспоминание.

— Орсекки! — воскликнула Кора, не обращая внимания на боль. — Разве это не вы ко мне подошли?

— Куда подошел? — спросил ассистент.

— Я сидела вот здесь, я смотрела... просматривала... что я просматривала?

— Когда я вошел, вы лежали на полу без движения.

— Значит, ничего не рассматривала. А где же тогда фотография?

— Какая фотография?

— Я рассматривала фотографию, конечно же, фотографию ладьи викингов. И тут вы подошли и стали смотреть мне через плечо.

— Я не подходил и не смотрел!

— Если это были не вы, то где же фотография?

Кора опустила голову — боль была страшная. Но ей хотелось поглядеть, нет ли следов на полу. Следов не было... только маленький значок, маленький круглый значок с изображением высокого строения и надписью: «Вграй».

— Это что такое? — спросила Кора, поднимая значок.

— Общество «Вграй», — пояснил ассистент. — Такие значки всюду раздают.

— Что они делают?

— Они строят...

Договорить ассистент не успел, потому что двери открылись и в комнату ворвались санитары во главе с местным врачом. За ними появились соседи и просто любопытные, которым не спится за полночь.

Кору вшестером взгромоздили на широкие семейные носилки и потащили к «Скорой помощи».

От того, что ее быстро и энергично поворачивали, поднимали и тащили, голова Коры вновь закружилась, и она лишилась сил и рассудка. Но она запомнила, что к машине подбежал Грегг ан-Грогги и громко спросил:

— Кто убил инспекторшу?

— Не надейтесь! — грубо ответил Орсекки, что удивило Кору, — даже в помутненном состоянии она уловила открытую неприязнь. И подумала, прежде чем углубиться в беспамятство: насколько она здесь чужая и необразованная!

* * *

На следующее утро местный врач объяснил Коре, что ее ударили по затылку томом Археологической энциклопедии — то есть, несмотря на силу удара, совершенно очевидно, что нападающий убивать ее не намеревался.

— Почему? — спросила Кора. — Может быть, намеревался, но не смог стукнуть как следует.

— Тогда бы он использовал в качестве орудия любимое пресс-папье профессора, которое стояло на видном месте. Или попросту свернул вам шею. Простите за прямоту...

— Значит, вы убеждены, что это был сильный человек?

— Разумеется. Мне стукнуть вас по затылку книжкой с такой силой никогда бы не удалось. Вы бы только посмеялись надо мной.

— Любопытно, — сказала Кора. У нее не было оснований не доверять местному доктору.

Она провела когтями по затылку — под перьями ощущалась основательная шишка.

— А археолог Орсекки смог бы? — спросила она.

Местный врач задумался.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, — сказал он. — Но на вашем месте я бы исключил его из числа подозреваемых. Для того чтобы стукнуть вас Археологической энциклопедией, ему следовало как следует замахнуться. Но перья крыла создают торможение. Таким крылом куда проще вонзить нож, чем нанести удар. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Мне можно вставать?

— Полежите немного. Все-таки у вас было небольшое сотрясение мозга.

— У нас это бывает?

— У кого — у нас?

— У куриц.

Местный врач показал белые зубы:

— У обитателей планеты Ксеро мозг не уступает размером и сложностью мозгу жителей Земли. Так что сотрясается он точно так же.

Местный доктор был начисто лишен чувства юмора. Кора отпустила его: по крайней мере, он на нее не нападал — уж очень он был мал и худ. Том Археологической энциклопедии он бы поднял, но сшибить с ног Кору он бы не сумел.

Зато следующий кандидат в убийцы показался Коре куда более подходящим для этой роли.

Пришел администратор Грегг ан-Грогги.

Он был в официальном мундире и новой шляпе. Он был мрачен, словно специально старался оправдать прозвище Мертвая Голова.

Полулежа на кровати, Кора видела его снизу и понимала, что именно такие длинные руки могли схватить со стола и метнуть в ее голову том энциклопедии... Но местный врач уверен, что целью нападавшего было лишь оглушить Кору. Если это так, то ему нужна была... фотография! Он видел ее, стоя за спиной Коры, разглядывал через ее плечо. Потом решил, что оставлять фотографию в руках Коры нельзя, и тогда схватил энциклопедию... Фотография! Загадочная фотография!

— Как я вижу, вы себя отлично чувствуете, — сказал Грегг, улыбаясь одними губами. Лицо оставалось неподвижным, глаза спрятаны в ямах глазниц.

— Спасибо за заботу. Кстати, я рада, что вы заглянули.

— Это мой долг как главы администрации.

Местный врач покинул палату, но дверь за собой закрывать не стал, и Кора была благодарна ему за это. Разумеется, она не боялась Грегга, но открытая дверь успокаивала нервы.

— Скажите мне, Грегг, в чем причина ваших разногласий... споров с археологами?

— Голубушка, — произнес администратор, усаживаясь в кресло у кровати и закидывая ногу на ногу. Сапоги администратора ослепительно блестели — видно, потратил все утро для того, чтобы довести блеск до совершенства. Порой Грегг косил глазом, любовался собственным искаженным отражением в носках сапог. — Голубушка, здесь не так много людей, чтобы трудно было догадаться, кто кому враг, а кто — друг. И если

твои интересы вступают в противоречие с интересами твоего соседа, об этом сразу становится всем известно.

— Так почему же неизвестен убийца?

— Он будет известен, — со значением ответил Грегг. — Как только вы захотите его отыскать.

Кора не стала спорить, хотя намек на ее некомпетентность был неприятен. Поэтому она предпочла быть упрямой:

— Вы так и не сказали мне, в чем конфликт...

— Между мной и археологами? Между нами нет и не может быть конфликта, как не может быть конфликта между мною и муравьями.

Грегг Мертвая Голова сделал паузу, чтобы Кора могла оценить глубину его высказывания.

Кора все оценила и ждала продолжения.

— Как вы знаете, плато, на котором расположен наш город, — сказал Грегг, — невелико и ограничено с трех сторон долиной реки, с четвертой — отрогами хребта. В то же время эта долина — единственное на много километров вокруг удобное место для жизни людей: уникальная преграда холодным ветрам и пыльным бурям дает возможность жить здесь без масок, противогазов и теплых шуб. Недаром уже тысячу лет назад здесь приземлялись ксеры. Впрочем, здесь приземлялись все, кому не лень. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — ответила Кора. — Почему вы так на меня смотрите?

— Честно говоря, порой мне странно обращаться к вам. Трудно поверить, что под этими перышками прячется настоящий человек.

«Галактика людей!» — вспомнила Кора. Немало крови было пролито между звезд из-за этих криков и лозунгов. Одним не нравилось, что у людей две ноги, другим: что у воскозов — четыре.

— Надеюсь, что скоро вам отдадут нормальное тело, — заметил Грегг.

— Я тоже надеюсь, — сказала Кора.

— Как глава администрации, — продолжал Грегг Мертвая

Голова, — я обязан заботиться о разумном расширении города. Я хочу, чтобы здесь вырос один из центров Галактики. Но в этом мне мешают археологи.

— Почему?

— Потому что они раздобыли лицензию на раскопки в Галактическом центре, где чиновникам и в голову не пришло проверить, не помешают ли раскопки нашим планам.

— А разве помешают?

— Потенциально — да. Мы уже начали проектирование гостиничного центра, который даст нам возможность приглашать гостей. Этим занимается, может быть, вы слышали, межпланетная компания «Вграй».

— «Вграй»? Где-то я встречала это слово...

— Громадная компания. Они готовы прислать строительную технику и установить здесь телетранспортные пункты для перемещения сюда строительных материалов. Будущее всей планеты зависит от того, какие условия мы сможем создать для «Вграя».

— А при чем тут археологи?

— Вы еще не догадались? Да потому, что их раскопки занимают как раз тот конец плато, где должен строиться гостиничный центр. И чем дольше археологи здесь сидят, тем дороже это обходится всей планете!

— И вы готовы на все, только чтобы отправить археологов домой?

— Госпожа Орват, наверное, вы хотите отыскать убийцу профессора, чтобы скорее вернуться домой и получить со склада стройное и соблазнительное тело. Я тоже хочу, чтобы строительство началось как можно раньше. Я жду не дождусь, когда они уберутся отсюда со своими черепками и скорлупками! Со своими точилками для клювов!

Грегг Мертвая Голова не скрывал своего отвращения к археологии.

— Но я отлично понимаю, — продолжал он, — что в моих интересах — опекать археологов, как наседка цыплят! Потому что пока они не выполнят свою программу, на которую полу-

чили в Центре Открытый лист, мне их отсюда не выковырнуть и бульдозером. Они же оголтелые патриоты! Они рехнулись на своем величии! Так что чем скорее они все кончат, тем скорее начнется строительство. Пускай выкопают все до последней скорлупы! Пускай забирают свои сокровища и летят к чертовой матери! Я достаточно понятно выражаюсь?

— Вы понятно выражаетесь, — согласилась Кора. — И это означает, что смерть профессора вам не с руки?

— Конечно, она мне как ледяной душ! Раскопки, не завершившись, прервались. Следовательно, можно ждать, что пришлют другого профессора, — ведь от экспедиции из трех специалистов остался лишь один, и притом дурак.

Грегг имел в виду ассистента Орсекки. Кора, не соглашаясь с характеристикой археолога, понимала позицию Грегга и всего поселка. Разумеется, археологи здесь не были нужны.

— И что же теперь будет? — спросила Кора.

— Теперь мне нужно всех уговорить, что раскопки сможет завершить идиот Орсекки. Это — экономия двух или трех недель. Но Орсекки совершенно неуправляем. Он одержим подозрением, что я ухлопал его профессора, а может, и жену профессора — а уж ее-то мне совсем не к чему было убивать!

— Чтобы она не предупредила меня?

— Чтобы не предупредила о чем? Что она знала? Чем она могла быть мне опасна? Не говорите чепухи, Орват. Мы не изуверы. Я уже третью неделю только о том и слышу, что госпожа Гальени-папа беременна, что скоро она снесет яички! Как же после этого ее убивать? Чтобы прославиться как главный изувер в Галактике? Нет уж, увольте!

Возмущенный Грегг Мертвая Голова резко поднялся со стула и принялся мерить шагами палату, причем сначала он касался пола окованным металлом носком сапога, затем пристукивал каблуком, и от этого казалось, что по комнате гарцует лошадка. Местный врач в тревоге заглянул из коридора. Оказывается, он, голубчик, благородно дежурил за косяком, оберегая спокойствие и жизнь Коры. Тоже, видно, не доверял главному администратору.

— А тут еще ваше расследование мне на голову! — заявил Грегг. — Завтра прилетает вице-директор «Вграя». Меньше всего мне хочется, чтобы он увидел, как по поселку носится инспектор ИнтерГпола, замаскированный под курицу.

Кора не улыбнулась. Она понимала, что Грегг не лжет. Ему и на самом деле нет смысла убивать профессора из-за трех или десяти лишних дней раскопок, тем более что он может и не извлечь никаких выгод из убийства, если с Ксеро пришлют нового профессора. И все же что-то тревожило ее в поведении и словах администратора. То ли излишний пафос, подчеркнутая театральность, к которой Грегг в общем-то не был склонен, то ли незнание Корой каких-то деталей, винтиков местного существования, отчего картина получилась искаженной.

— У вас есть значок компании «Вграй»? — спросила Кора у Грегга.

— Что? Что еще? Какой значок? — Он был сбит с толку. — Ну, есть значок, конечно, есть, почему я, в конце концов, не могу носить элементарный значок, его каждый второй носит, а уж все акционеры подавно!

— И где он? — спросила Кора.

— Кто? Значок? — Грегг ударил себя по груди, намереваясь показать на значок, но, видно, его ладонь встретила пустоту, и он быстро сообразил, что лучше ничего не выяснять... рука его вяло упала вниз. — Надо дома посмотреть, — произнес он тусклым голосом. — Я для вас найду.

— А ваш потерялся?

— На другом костюме, — ответил Грегг. — Конечно же, на другом костюме.

Но Коре было достаточно его секундной растерянности.

Когда Грегг ушел, Кора попросила разрешения встать. Но местный врач велел лежать. Сошлись на компромиссе: Коре разрешили пойти в сад и посидеть там на лавочке.

Кора поднялась и посидела минуты две, преодолевая головокружение. Она попросила у доктора блокнот, ей хотелось, пока не забылись детали, нарисовать странный абрис «корабля викингов».

Неся в когтях правого крыла блокнот и карандаш, Кора спустилась в сад и медленно пошла по дорожке, стремясь уйти подальше от здания больницы. Погода была пасмурная, и все лавочки были пусты. Кора отыскала низко спиленный большой пень — вот тут ей будет сидеть удобнее.

Кора уселась на пень и с непривычки никак не могла пристроить блокнот таким образом, чтобы можно было на нем рисовать. Наконец ей вроде бы удалось, но тут что-то дернулось у нее в животе.

Стало больно. Будто нечто чужое и очень большое решило двинуться вдоль ее тела. Вниз.

И почти сразу страшная догадка поразила ее: она начала рожать!

Надо было бежать, скорее бежать в больницу, пускай они примут меры. В конце концов, она не просила снабжать ее таким нелепым телом...

Но убежать она не успела, а чуть присела, расставив ноги, потому что курицы не бегают в больницу, когда пришла пора нестись.

Тужась и прикудахтывая, Кора лихорадочно собирала расставленными крыльями, подгребала листья, траву, веточки, — пускай поздно, но следует собрать нечто вроде гнезда для того, чтобы яйцо не разбилось. Господи, надо позвать на помощь... О, как больно! Неужели курицы терпят такое сотни раз в жизни? Нет, это простые курицы, а не цивилизованные.

— Вам плохо? — послышался голос из-за кустов. Любопытствующая физиономия показалась среди листвы.

— Ах, уйдите! — прикрикнула на зеваку Кора, да так, что он сразу исчез — только треск сучьев донесся до нее. И Кора тут же пожалела, что была так резка, — следовало послать за врачом. Но при чем тут врач? Ведь в больнице нет ветеринара по птицам! — О нет! — воскликнула Кора, и тут же ее куриное тело закудахтало вскриками, всплесками, ахами.

Яйцо уже было на выходе. О, как это трудно — нести яйца!

Как бы вчерашняя травма не помешала нормальному яйценесению — такая вот канцелярская мысль пронеслась в голове. Надо беречь...

По дорожке мчались медицинские сестры и врачи. Оказывается, зевака все-таки позвал их на помощь.

Но что они могли сделать? Они лишь окружили Кору кольцом сочувствующих лиц, они начали давать советы — они были как на стадионе, потому что никто из них раньше не видел, как курицы несут яйца.

Прибежал местный врач, он нес одеяло, которое начали подводить под Кору, как пластырь под тонущий броненосец.

— А идите вы все к чертовой бабушке! — закричала Кора. — Яйценесение идет нормально. Нормально!

И в этот момент первое яйцо, влажное и осклизлое, выскользнуло из ее тела и улеглось на одеяло.

Кора пошатнулась и, отойдя на шаг, уселась на землю.

Она никогда в жизни не подозревала, что бывают такие большие яйца. Ни один страус не смог бы такого снести. И, как ни странно, вместе с физическим облегчением Корой неожиданно овладело чувство гордости за свое свершение. Словно создание такого большого и круглого яйца было на одном уровне с ее интеллектуальными достижениями.

— Вы можете идти? — спросил местный врач, также не отрывая взгляда от яйца, но Кора остановила его поднятым крылом:

— Погодите, — тихо простонала она, — мне кажется, что у меня... что во мне движется еще одно яйцо.

К этому времени в отдаленном уголке сада собралась вся больница, включая некоторых лежачих и даже парализованных больных.

Но когда подступили схватки, Кора, конечно же, перестала обращать внимание на окружающих, думая лишь об одном: как бы не повредить уже снесенное яйцо и тем более как не раздавить то, что еще из нее не вышло.

Второе яйцо появилось на свет быстрее и как-то легче — Кора уже начала привыкать к процессу несения яиц. Зато когда после короткой паузы ее организм решил отделаться от

третьего яйца, Кора поняла, что смертельно устала и готова оставить третье яйцо в себе. Но это было, конечно же, невозможно, и третье яйцо легло на одеяло следом за двумя первыми.

Последовать обратно в больницу Кора, конечно же, не смогла. Она распласталась на яйцах, не обращая внимания на зарядивший дождь.

— Давайте мы отнесем вас на носилках, — предложил местный врач. — А яйца мы положим в коробки и обложим ватой.

— Нет, — прошептала молодая мать, — сейчас самые критические минуты. Я не могу их оставить.

Она лежала на яйцах, а местный врач принес кусок пластика, который растянули над Корой и держали медсестры и санитарки.

Коре было хорошо — уютно и тихо. Приятно было ощущать чувство выполненного долга и чувство миновавшей боли и натуги. Как хорошо, что больше ей никогда не придется нести яйца!

В полудреме она думала о том, что Грегг и в самом деле не убивал профессора. Не нужно ему было убивать профессора. И слишком опасно. Для Грегга важнее всего респектабельность.

Но тогда остается открытым вопрос, кто же покушался на Кору. Кто украл фотографию? Неужели где-то рядом есть господин Икс, имя которого пока никому не известно? Незамеченный, невидимый, он спокойно проходит рядом и замышляет сейчас еще одно убийство. Чье же? Мы не знаем. И не узнаем, пока не распутаем тайну исчезнувшей фотографии.

Стало холоднее. От капель дождя пластик остыл и неприятно прижимался к перьям. Так что после недолгого спора с врачами Кора согласилась перейти в больницу.

На первом этаже, объяснил местный врач, уже оборудована палата для роженицы — то есть для Коры. Ей хотелось крикнуть: «Это не я роженица! Я только терпела боль!» Но потом она поняла, что если ты терпела боль, значит, ты и родила. Не больше и не меньше. И вы можете хохотать сколько вам угодно, но она, Кора Орват, красивая женщина, известный своей отвагой агент ИнтерГпола, стала сегодня матерью трех яиц. А если повезет, то она высидит из них трех птенцов. Теперь ее долг — высидеть этих птенцов, оставшихся без отца и матери.

* * *

— Вы должны теперь обязательно высидеть эти яйца! — заявил ей на следующий день ассистент Орсекки. — Это ваш долг!

Он примчался сразу, как только прознал о событии, для всех людей в городе бывшем лишь предлогом для шуток, в крайнем случае — для сочувствия в адрес Коры. Для него же в яйцах заключалось почти религиозное содержание: слабо размножающееся общество ксеров каждое яйцо ценило на вес золота. А три яйца — это было событием редким. К тому же яйца появились на свет уже после смерти их знаменитого отца.

С утра ассистент пытался добиться связи со своей планетой, но связь работала плохо, и он не был уверен, что сведения о подвиге скромной земной женщины, которая унаследовала тело погибшей госпожи Гальени-папа и взяла на себя вынашивание и высиживание яиц покойной семьи, дошли до планеты Ксеро и вызвали сенсацию, которую и должны были вызвать.

Орсекки отыскал Кору на первом этаже, в родильной палате.

За ночь сотрудники больницы соорудили мягкое гнездо с подогревом, в котором и улеглись яйца размером с воздушные шары или среднего размера арбузы. Так что Коре было удобно сидеть на яйцах. Туда же принесли журнальный столик, магнитофон и настольную лампу, чтобы наседка не чувствовала неудобств.

Орсекки мог быть доволен.

Конечно же, он полагал, что для яиц могли быть созданы условия получше, но беда в том, что сам ассистент не имел

опыта в высиживании яиц, так что его советы были бессодержательны.

Пока он суетился рядом и давал эти советы, Кора дремала: после родов она стала сонливой и равнодушной к миру. Ее беспокоило только, чтобы яйцам было тепло. Впрочем, она отдавала себе отчет в том, что сейчас она — рабыня собственного куриного тела и ее мозг уступил руководящие позиции.

Ассистент Орсекки был терпелив и даже нежен, что заключалось в умении принести вовремя воды, поправить подушки, посидеть на яйцах, если Коре надо отлучиться по гигиеническим делам. Ассистент постепенно оттеснял от нее всех людей, словно был не только единоплеменником, но и отцом яиц.

Впрочем, Кору это мало беспокоило. Она вдруг поняла, как волнующе и интересно прислушиваться к неясным звукам и стукам, доносящимся из яиц и свидетельствующим о пробуждении новой жизни. Странные и неожиданные для самой себя черты она начала угадывать в своем меняющемся характере. Например, она обнаружила, что петушок Орсекки строен и красив. Да-да, красив неброской мужской красотой. Все в нем: и линия короткого клюва, и гордая шея, и смелая стремительность хвоста — выказывало благородное, смелое и незаурядное существо. Более того, беседы с ним оказались куда более интересными и поучительными, чем разговоры с суматошными нетактичными людьми.

Хотя, впрочем, разговаривать с людьми все же приходилось.

Местный врач принес видеограмму из Центра. Когда Кора набрала личный шифр и включила карточку, на ней возникло сердитое лицо комиссара Милодара, который, подняв левую бровь — знак неудовольствия, выговаривал своему инспектору:

«Кора, я должен сказать тебе, что есть элементарные нормы поведения агента в полевых условиях. Одно из важнейших — ежедневный отчет о состоянии дел. Мы не знаем, жива ты или нет, перевербована противником или перекуплена ме-

стной мафией — нет, не смейся, тому имеется множество примеров! Дело Гальени серьезно и с каждым днем становится все более серьезным. Должен сказать тебе строго конфиденциально, что вчера нами получена новая нота с планеты Ксеро. Там глубоко встревожены отсутствием вестей. Кстати, и беспокойством за судьбу жены профессора, тело которой, как нам известно, тебе временно предоставлено. Надеюсь, что ты пользуешься им разумно и не оставишь на нем царапин, ран и даже синяков. В последней ноте с Ксеро высказано подозрение, что в убийстве профессора замешана местная администрация, которая якобы коррумпирована и продажна. Если это так, то по первому же твоему требованию мы высылаем из Центра отделение бластерщиков для наведения порядка. Однако, надеюсь, ты понимаешь, насколько нам надо быть осторожными, — скоро выборы, и не хотелось бы, чтобы оппозиция твердила снова, что мы расстреливаем оппонентов.

Еще раз желаю тебе успехов, но учти: если ты, пользуясь сложностями, возникающими от твоего внешнего облика, будешь манкировать своими обязанностями, то мы вспомним, что инспекторов много. А тело, в котором ты находишься, может стать твоим навсегда.

Любящий тебя комиссар М.».

— Скажите, — спросила Кора местного врача, — а что такое манкировать?

— Пренебрегать, — ответил врач. — Но я считаю, что наказание, которым вам угрожает шеф, слишком суровое.

Врач не стал делать вид, что он не читал письма.

Он стоял в дверях палаты и старался не дышать, потому что за последние сутки в палате воцарился своеобразный и не совсем приятный для человеческого обоняния запах куриных яслей.

Кора тщательно выбирала из своих перьев крошки и пыль. Она казалась встрепанной, неопрятной и усталой. Никогда бы не догадаться, что перед тобой инспектор ИнтерГпола.

— Сам бы он родил, потом бы угрожал, — сказала Кора,

имея в виду комиссара. — Ты не мог бы посидеть немного на яйцах — мне надо сходить в туалет?

— Избавь! — отказался врач. — У меня зад недостаточно велик.

— Ты прав, скелетик, — без юмора ответила курица. — Не уходи, я хотела у тебя что-то еще спросить.

— Спрашивай, только поскорее, у меня начинается обход.

— Администратор Грегг имеет отношение к строительной корпорации «Вграй»?

— Разумеется, — ответил местный врач, который был при этом местным секретным агентом ИнтерГпола. — Здесь каждая собака об этом знает. Треть акций отеля, который должны строить на месте археологических раскопок, принадлежит ему и его любовнице, Марии М.

— Я ее не видела?

— Не исключено, что увидишь.

— Она здесь? — спросила Кора.

— Здесь и на работе. Обслуживает вице-директора «Вграя».

— Из-за смерти профессора произойдет задержка с началом строительства.

— Лучше задержка, чем отмена.

Сказав так, местный врач поспешил на обход, а вместо него возник суетливый милый Орсекки, который принес мешочек чудесных зернышек — именно таких, о которых Кора, оказывается, мечтала. Кора признательно погладила его крылом по боку, и Орсекки кинул на нее нежный взгляд. Кора подумала, как странно, что еще несколько дней назад глаза ксера казались ей бессмысленными черными шариками. А в них отражаются такие сложные чувства!

Орсекки посидел немного на яйцах, пока Кора занималась туалетом. Лишь после этого он сообщил Коре трагическую новость. Оказывается, исчезло из морга тело профессора. Вернее всего, до него добрались длинные руки изоляционистов.

— Почему ты так думаешь? — спросила Кора, поудобнее устраиваясь на яйцах.

— Потому что тело уже найдено. С ним обошлись цинично.

— Объясни понятнее.

— Из профессора вырваны все перья. До единого! Только страшный озверевший садист мог пойти на такое издевательство над беззащитным телом профессора!

— Это странно, — сказала Кора. В среднем яйце что-то стукнуло.

— Садист, который пошел на это преступление, — продолжал Орсекки, — знал о варварском средневековом обычае, имевшем место у нас. Еретиков, нарушивших закон веры в священное Яйцо, привязывали к позорному столбу и прилюдно ощипывали. Потом несчастный обязательно умирал — от стыда, боли или простуды.

— Зачем же это делать сегодня? С мертвым профессором?

— Наказание остается таковым, несмотря на то что объект его уже мертв, — серьезно сообщил ассистент.

— Для того чтобы ощипать тело профессора, нужен был изоляционист. Но, насколько мне известно, ни одного корабля за последние дни сюда не прилетало, а если бы и прилетел, мы бы обязательно разглядели мстителя среди пассажиров.

— Они могли нанять агента!

— Тебя?

— Ты сошла с ума! Я сознательный борец против изоляционизма. Я готов положить голову за идею галактической экспансии!

— Не шуми, не кричи, детей разбудишь. Они уже в яйцах зашевелились.

— Неужели?

— Да, мой милый. Поэтому в будущем не кричи при яйцах, хорошо?

— Я повинуюсь, моя птица! — воскликнул Орсекки, и Кора невольно улыбнулась, хотя увидеть и оценить эту улыбку мог бы лишь ксер.

В исчезновении и последующем унижении тела профессора не было никакого смысла, и это смущало Кору. Скорее

всего, это был акт хулиганства, вандализма, но для этого хулиганство должно было существовать на планете, а его еще не было. Даже ненависти к курицам-археологам не наблюдалось. «Значит, — понимала Кора, — этот инцидент — часть общего заговора, в который входило и покушение на профессора. Давайте тогда подумаем: чего мы можем добиться, обесчестив труп профессора?»

Кора так глубоко задумалась, что не услышала, как медсестра, зажимая нос платком, спрашивает ее, не открыть ли форточку.

Кора удивилась, поняв, что ее обоняние изменилось — она не чувствует запахов, которые неприятны человеку.

«Еще чего не хватало! — воскликнула она мысленно. — Так я скоро и на самом деле превращусь в курицу!»

— Открывайте! — сказала она. — Конечно же, открывайте.

Но эти слова вызвали сопротивление в ассистенте.

— Ты что, захотела простудить крошек? Я этого не допущу!

— Ах, оставьте, Орсекки, — воскликнула Кора. — Я на них сижу, и никакой сквозняк им не страшен.

— Здесь очень уютно и хорошо пахнет, — настаивал Орсекки.

— Простите, но в больнице свои правила, — сурово произнесла сестра. — По больничным правилам здесь вовсе не так хорошо пахнет.

Для того чтобы отвлечь надувшегося петушка, Кора его спросила:

— У тебя блокнот с собой?

— Разумеется, — ответил археолог и достал блокнот из кармана на поясе, которым он был перепоясан, подобно всем ксерам.

— Смотри, — сказала Кора, — что это может быть?

Она нарисовала в блокноте силуэт «ладьи викингов», которая была изображена на пропавшей фотографии.

Орсекки внимательно посмотрел на рисунок. Потом спросил:

— Где ты это видела?

— Сначала скажи, что это такое.

— Ах, перестань притворяться! — воскликнул Орсекки. — Ты же отлично знаешь, что это очертания «Небесной птицы».

— Почему я должна притворяться? Я первый раз слышу это слово.

— Изображение «Небесной птицы», найденное на стене пещеры Бегущего Медведя, известно каждому птенцу. Его учат в детских садах и рассматривают в школах.

— И тем не менее я никогда не бывала в ваших детских садах и не училась в ваших школах! — прокудахтала Кора. — Когда ты это поймешь?

— Я этого не пойму никогда, — вздохнул петушок и положил крыло на шею Коре. И это ей было приятно.

Не убирая его крыла, Кора мягко спросила:

— И все же объясни мне, пожалуйста, что такое «Небесная птица».

Орсекки сдался:

— Когда-то давным-давно, а именно восемьсот лет назад, на нашей планете существовала загадочная цивилизация, которая смогла построить космический корабль «Небесная птица». Этот корабль отправился в космическое путешествие и, как рассказывают легенды, побывал на многих планетах, в том числе на этой. Трижды корабль улетал в космос и привозил оттуда удивительные трофеи, товары и знания. Но из третьего путешествия корабль не вернулся. Никто не знает, в какой черной дыре он завершил свои дни.

— А почему ты уверен, что тут изображена именно «Небесная птица»?

— Ты никогда бы не догадалась показать вот этот боковой выступ. Ты не знала, что нос корабля чуть-чуть сдвинут вправо из-за столкновения с метеоритом, а вот здесь, возле дюз, есть вмятина от удара снаряда — след встречи с пиратским кораблем.

— И никто не знает, где «Небесная птица»...

— Закончила свои дни? Никто!

— А я видела фотографию...

— Фотографию чего?

— Фотографию этого силуэта.

— Ах, оставь! Ты видела фотографию, снятую с наскального рисунка — единственного аутентичного материального свидетельства. Да и наскальный рисунок был найден всего шесть лет назад. До этого рассказы о «Небесной птице» передавались из уст в уста...

— Это была фотография... не очень хорошая фотография, но на ней можно было разобрать какие-то камни, даже растения... Это был большой корабль?

— «Небесная птица» — громадный корабль.

— Значит, его сфотографировали.

— Кто? Где? Что ты говоришь?

— Пока я ничего не могу тебе сказать. Но основания для размышления у меня появились!

И как ни добивался ее новый друг ответа от Коры, она ничего ему не ответила. Она же не знала, где и когда профессор Гальени (или кто-то другой) сделал эту фотографию. И, главное, она не знала, куда делась фотография потом и кому она понадобилась. Неужели, думала она, эти самые изоляционисты с Ксеро заслали сюда своего шпиона, который пытается помешать следствию? Ну что ж, на свете все возможно. Надо учитывать и такую возможность.

* * *

После обеда Кора включила посильнее отопление в своей палате и оставила с яйцами Орсекки. Сама же решила, пока не поздно, разгадать тайну похищения тела профессора из морга.

На этот раз она не стала никого приглашать с собой, потому что Орсекки, бывший на опознании ощипанного профессора, точно рассказал ей, где это тело было обнаружено: в небольшом грязном болотце, на задворках торгового центра, там, где кончаются склады. Место это безлюдное, даже неприятное. Городские власти уже третий год собираются его расчистить и устроить здесь спортивную площадку.

Кора не спеша прошла торговой улицей, куда выходили витрины двух десятков магазинов и одной сувенирной лавки. Больше и не требовалось, подумала Кора, взглянув на ее пыльную витрину, где стояла пыльная аметистовая друза, две фигурки из стелющейся березы, модель каравеллы Колумба «Санта-Мария» и кокосовый орех.

Несмотря на разгар дня, магазины почти пустовали, потому что в городе почти не было бездельников, а детей и женщин немного: далеко не все шахтеры и изыскатели привезли сюда семьи.

Некоторые узнавали Кору — о ее судьбе и приключениях не раз уже рассказывала местная видеогазетка, раскланивались с ней.

— Как там ваши яйца, инспектор? — спрашивали ее без издевки, а даже с сочувствием. В конце концов, каждый может попасть в передрягу. Среди шахтеров, кстати, встречалось немало рисковых ребят, которые уже сменили не первое тело.

— Насиживаю, — отвечала встречным Кора, которая не обижалась на неделикатные расспросы.

— Заходите ко мне, — позвал ее вышедший из бара его толстый лысый владелец. — Выпейте пива. Кормящим матерям полезно.

Он беззлобно расхохотался.

На его смех вышел на улицу владелец открытого напротив магазина «Натуральный продукт».

— Может, присмотрите чего-нибудь для ваших деток? — спросил он.

Владелец бара был толст и велик, а хозяин магазина натуральных продуктов — мал и похож на зайчика. Два больших передних зуба прикусывали нижнюю губу, а глазенки были черными и остренькими.

— Мои детки еще не вылупились, — объяснила Кора.

— Но мамаши всегда заранее подбирают для них нужные вещички, соски, клизмы и пирамидки.

— Ну уж с сосками ты загнул! — расхохотался владелец бара. — Чем же они сосать будут, клювами, что ли?

— Неважно. У каждой матери свое чувство к детям.

— А откуда же у госпожи инспектора может быть куриное чувство, если у нее мозги земные, человеческие?

— А тело? А примат тела над духом? — крикнул маленький хозяин магазина. — Пройдет две недели, и она сама их будет грудью кормить.

— Грудью курицы не кормят, — прогудел владелец бара.

— Смотря какие курицы.

Кора между тем миновала их и пошла дальше, прочь от центра.

— Эй! — крикнул ей вслед хозяин магазина. — Вы что, на болото, что ли, собрались?

— Да, — сказала Кора, обернувшись. — Я хочу посмотреть место, где нашли тело профессора.

— Глупая история, — заметил владелец бара. — И кому понадобилось измываться над телом?

— А я с тобой не согласен, — возразил хозяин магазина. — Здесь смысл в целесообразности. Как на старых космических кораблях: ничего не теряется зря, ничего не пропадает. Все человеческие отбросы после переработки приобретают первоначальный вид — воды, кислорода, азота. Ведь кислород, полученный из экскрементов, не хуже того, что выработан листьями дуба.

— По твоей теории, — сказал владелец бара, — покойников лучше всего перерабатывать на костяную муку.

— Раз им суждено стать удобрением, то лучше не лицемерить, — согласился хозяин магазина. И, как бы ставя точку на своих рассуждениях, крикнул вслед Коре: — Я прав, инспектор?

— У природы свои законы, — отозвалась Кора. — У разумных существ другие. Нам бы лучше их совмещать, а не спорить, какие правильнее.

— Вот видишь, — хозяин магазина показал верхние резцы, — госпожа инспектор со мной согласна.

Он подошел к ней ближе и протянул узкую ручку.

— Рад познакомиться, — произнес он напыщенно. — Хосе

Мария Эрредия, владелец магазина «Натуральный продукт». Сторонник искренности во всем. Никаких подделок! Настоящую подушку нельзя набить поролоном. Настоящая подушка набивается пухом и перьями. Вы со мной согласны?

И он погладил Кору по мягким перышкам под крылом.

Этот жест был таким деловитым, что Кору передернуло.

— Рада была познакомиться, — сказала она, отходя.

— Заглядывайте к нам в магазин, — засмеялся зайчик Хосе.

Магазины кончились, и потянулись глухие стены складов. Мостовая там была разбита, а поднявшийся холодный ветер гнал пыль, словно в трубе, напоминая, что короткое лето на исходе и скоро безжалостный мороз погубит зеленую траву.

— Эй, тетя Кура, ты туда не ходи! — крикнул мальчишка, шагавший ей навстречу. — Там голого нашли.

— Кого?

— Такого, как ты, только голого и мороженого. Страшный как смерть.

— Откуда ты об этом узнал? — спросила Кора.

— А кто у нас не знает? Его в болото кинули, он и утонул. А кто кинул — неизвестно. Так что тебе, тетя Кура, придется разгадывать.

— Почему мне?

— Ты думаешь, я не знаю, что ты инспектор ИнтерГпола, только переодетая? У тебя бластер есть?

В ожидании ответа мальчишка приоткрыл рот, и два больших верхних резца превратили его лицо в заячье. И он стал похож на Хосе.

— Твой папа — владелец магазина? — спросила Кора.

— А что, похож? Знаешь, папашу Хосе сеньором зовут, а меня — Хосе-джуниором. Джуниор — это значит младший. А так мы похожи. Только я бескорыстный, а мой папаша за монету задавится. Чесслово.

— А как к болоту выйти?

— Прямо и прямо, — сказал мальчик. — Скоро придешь.

Она чувствовала, как он стоит и глядит ей вслед.

Асфальт кончился, дорогу прорезали глубокие колеи.

Вскоре между покосившихся гофрированных стен блеснуло болото. Лишь в центре его виднелось небольшое пространство чистой воды, а дальше к берегам вода превращалась в топь, из которой торчали железки, шины, куски пенопласта, ящики, баллоны, а между ними тянулись к серому небу жесткие острые стебли тростника.

Кора спустилась к болотцу. Его топкие берега хранили следы бурной деятельности: тростник был вытоптан, железяки перевернуты грязными, обросшими тиной пальцами наружу, а там, где подъезжала машина, подсохшие плюхи грязи были пересечены следами протекторов.

Нет, здесь ничего не найдешь. Впрочем, чего искать? Ведь обесчестили тело профессора где-то в ином месте. Оставалась лишь надежда увидеть следы машины или людей, которые приволокли тело сюда. Но не сейчас, когда все следы перемолоты. Надо будет сделать серьезное внушение администратору и местному врачу: как могло случиться, что ее не уведомили о событии? Ведь должны были сразу привести ее сюда. Надо поговорить с Греггом и показать ему, где раки зимуют... И тут же Кора сообразила, что ничего Греггу не покажет, потому что он разумно ответит: не посмел отвлечь инспектора от святого дела — высиживания драгоценных яиц. Не дай бог что-нибудь случится с яйцами — тогда без международного скандала не обойдешься.

Проклятие! Теперь, когда яйца были далеко, Кора как бы сбросила с себя гипноз ложного материнства. И поняла: она же проваливает дело! Она ведет себя как беспомощный новичок. И даже те улики, которые сами бежали к ней в руки, она не использовала. Что за тайна связана с фотографией «Небесной птицы»? Кто знал о значении фотографии и был заинтересован в том, чтобы она пропала?

Кора размышляла, стоя на кромке болотца. Почва под ногами была ненадежна и пружинила.

Что скрывается за унижением, которому подверглось тело профессора?

Додумать она не успела, потому что ощущение неминуемой опасности пронзило все ее тело. В ужасе, не отдавая себе отчета в том, что делает, Кора кинулась вперед, взлетая на метр или два, но не удержала равновесия и плюхнулась в середину болотца.

Прежде чем столб черной жирной грязи поднялся из болотца, другой столб — столб пыли и огня — возник на том месте, где только что стояла Кора.

Болотце было неглубоким, но страшно вонючим, и дно его на метр покрывала липкая тина, перемешанная со старыми шинами, ящиками, кусками арматуры, велосипедными рулями, оболочками компьютеров и гнутыми торшерами. Кора старалась не нахлебаться этой жижи, так как понимала, что ей скорее грозит смерть от отвращения, чем от иных причин.

Кора отчаянно била по грязи отяжелевшими крыльями, задирая к небу голову. Очевидно, она издавала какие-то звуки, кудахтала, но сама этого не слышала.

Самое отвратительное заключалось в том, что ее действия совсем не приближали ее к цели — к близкому и такому желанному берегу.

«О ужас, — подумала она, — если я погибну в этом болоте, то даже после смерти буду посмешищем всей Галактики...»

Сквозь ее собственные отчаянные мысли, сквозь плеск грязи и хлюпанье тины донесся голос... или это ей показалось?

— Перестань метаться, курица! А ну, хватай палку!

Наглый знакомый голос заставил Кору взять себя в руки. Она попыталась приглядеться и смогла разобрать возле болота неясные суетливые силуэты людей. Пошарив вокруг когтями на крыльях, Кора сравнительно быстро отыскала конец шеста, который покачивался возле нее, а как только она схватилась за него — спасатели потянули ее к берегу. Вот тут-то ей и пришлось хлебнуть тины.

Кашляя и хрипя, на берег выполз гигантский ком грязи и тины, на который даже смотреть было страшно настолько, что взрослые люди, прошедшие немало трудных дорог и сра-

жений, закрывали глаза ладонями и отступали выше по берегу, чтобы не потерять сознание от ужаса.

К счастью для окружающих, включая Кору, как раз в эту минуту, разгоняя кошек и приведя мальчишек в радостное состояние, сверху со звоном и сверканием сигнальных огней примчалась пожарная машина, на переднем сиденье которой рядом с шофером сидел администратор Грегг ан-Грогги в шлеме поверх шляпы.

Именно он, выскочив из машины, приказал:

— Все шланги на госпожу инспектора!

И через две или три минуты окружающие уже могли узнать сидящую в черной луже мокрую курицу крупного размера — инспектора ИнтерГпола.

Кора очнулась, захлопала глазами, поднялась и начала подпрыгивать на месте, чтобы согреться.

Все обрадовались и приветствовали ее возвращение к жизни радостными криками. Хосе-джуниор объяснял зевакам, что это именно он позвал взрослых, увидев с горы, в какое несчастное положение угодила тетя курица.

Первыми успели к Коре Хосе из магазина «Натуральный продукт» и массивный владелец бара. По дороге они схватили длинный шест и с его помощью вытащили Кору наружу.

— Но что это было? — спросил владелец бара. — Что так по ней бабахнуло?

— Я знаю, — сказал администратор. — Это был совершенно случайный и незапланированный запуск метеорологической ракеты. Вы же знаете, что наш синоптик ежедневно запускает их. На этот раз произошло непроизвольное загорание и непроизвольный запуск.

— Этого быть не может! — возразил Хосе-сеньор. — Этого раньше не было.

— Все бывает в первый раз, — философски отозвался Грегг. — Я сам там был. Как раз в тот момент. Я видел это... ну как тебя вижу! Я на нее смотрел, а она вдруг поднялась и полетела.

Все согласились, что чудеса бывают и в синоптике, Кору

повезли обратно в больницу на пожарной машине. От нее еще попахивало гнилью и тухлятиной, так что Грегг ан-Грогги сослался на срочные дела и пошел к себе в контору пешком.

Машина медленно пробиралась по бездорожью, пожарники обсуждали свои проблемы, а спасители Коры — хозяин бара и хозяин магазина натуральных товаров — шагали рядом с машиной и обменивались сладостными воспоминаниями: каждый любит вспомнить моменты своего героизма.

— Надеюсь, я смогу вас отблагодарить, — сказала Кора.

Спасители стали отнекиваться. Им не нужны были подарки и награды. Достаточен был сам факт благодарности.

Когда машина достигла торговой улицы и навстречу стали попадаться люди, удивленно глядящие на единственную в городе пожарную машину, на сложенной лестнице которой сидела крупная мокрая курица, спасители остановились.

Подошло время прощаться.

— Может, зайдете, согреетесь, — предложил владелец бара.

— Спасибо, как-нибудь в следующий раз, — сказала Кора. — Я ведь даже не знаю, как курицы переносят спиртное.

— Буйствуют, — уверенно ответил Хосе-сеньор. — Наверняка буйствуют. Давайте попробуем?

Водитель пожарной машины гуднул, торопя Кору.

— Заглядывайте ко мне, — сказал Хосе. — У меня все натуральное.

И тут Кору поразила простая, но невероятная мысль.

— Вы говорили мне, что подушки набиваете только настоящими перьями.

— Когда есть, то набиваем, — уклончиво ответил Хосе-сеньор.

— А нельзя ли мне посмотреть на эти подушки?

— У меня сейчас их нет, — быстро ответил Хосе. — Все закончились. Вы не представляете, какой спрос.

— А когда были? Вчера? Сегодня?

Хосе поднялся на цыпочки, чтобы приблизиться к голове склонившейся к нему Коры.

— Мне позвонил вчера незнакомый человек и спросил,

нужно ли мне перо. И пух. Я сказал: да. Он сказал мне, что согласен отдать пух и перья задаром при условии, что я сохраню нашу сделку в тайне и тут же зашью перья и пух в подушки и перины. Сегодня утром у моей двери лежал мешок с... перьями.

— Это точно, — подтвердил Хосе-джуниор. — Я сам видел. Я папаше помогал набивать пухом и перьями наволочки.

— Какого цвета были перья? — спросила Кора.

Пожарник настойчиво гудел.

— Белые, — ответил Хосе.

— Но почему вы не сообщили никуда о звонке и перьях, когда узнали об этом... событии?

— А какое отношение имеет одно к другому? — спросил Хосе невинно. — Туша в болоте сама по себе, а перья сами по себе...

— Я полагаю, — сказала Кора, — что ты выкрал тело профессора из корыстных соображений и выкинул в болото...

— Мой папаша за монетку удавится, — сообщил Хосе-джуниор. — Он такой.

Получив подзатыльник, Хосе отлетел к стене.

— Как же я его из морга бы вытащил и сюда приволок? — спросил Хосе-старший скорее у сына, чем у Коры.

— Подъемным краном! — закричал издали оскорбленный мальчик.

— Молчи, дурачье, — отмахнулся его отец. — Кран вызвать в пять раз дороже, чем продать подушки.

Пожарники не вытерпели, и машина поехала вперед, оставив на мостовой двух Хосе.

Кора понимала, что Хосе прав: ему и в голову бы не пришло тащить тело грузного профессора из морга только ради того, чтобы его ощипать. Хотя пух и перья он использовал...

Бред какой-то! Кому понадобилось ощипывать труп профессора?

В больнице Орсекки уже извелся, ожидая подругу. Он хотел знать все о профессоре и Коре. Чтобы успокоить его, пришлось рассказать, что покойного профессора украл из морга и ощипал корыстный торговец, который возжелал набить по-

душки и перину настоящим пухом и перьями. Такое объяснение, хоть и не удовлетворило Кору, было самым простым, и Орсекки его принял.

Больше того, археолог вознамерился тут же бежать на торговую улицу, чтобы собственными когтями разорвать на части этого корыстного торговца, но Кора его отговорила. Все равно профессора уже не оживить, и лучше всего будет его здесь кремировать.

Потом Кора снова села на яйца и стала размышлять, связан ли спонтанный запуск метеоракеты с присутствием там администратора Грегга. Но знал ли он о том, куда направилась Кора?

— Скажи, Орсекки, — спросила она ассистента, — пока меня не было, никто меня не спрашивал?

— Только администратор Грегг Мертвая Голова, — ответил ассистент. — Я ему сказал, что ты поехала на болото.

— Спасибо, — сказала Кора и задремала.

Ассистент на цыпочках вышел из палаты.

* * *

На следующий день Кора проснулась простуженной. В горле першило, с кончика клюва капало. Вот уж никогда раньше она не думала, что курицы простужаются.

Так что весь день Кора просидела на яйцах. Впрочем, в этом были свои преимущества. Хотя бы польза яйцам: им всегда лучше быть под матерью. Во-вторых, на яйцах, как оказалось, очень удобно думать. Главное — привыкнуть.

Кора хотела поглядеть на фотографию профессора, которую нашла в его доме, но фотография куда-то запропастилась. Так она и не смогла для себя уточнить, какой была расцветка ее покойного мужа.

После обеда пришел Орсекки, который, оказывается, с утра успел поработать на раскопках и отыскал там древние куриные лыжи. Это же надо придумать — курицы на лыжах, словно в цирке! Орсекки прослышал в городе о вчерашнем покушении на Кору и был возмущен.

Он ни секунды не сомневался, что ракета полетела не по своей воле — ее направил злобный Грегг. Кора оставляла за собой право сомневаться. Она не верила в романтических злодеев. Для Грегга важнее всего было удержаться на достойном месте и сделать карьеру. Покушаясь на инспектора Интер-Гпола, он рисковал карьерой в немыслимом масштабе.

Чтобы отвлечь Орсекки от тревожных мыслей, Кора спросила его, летают ли курицы и бывают ли среди них летуны.

— Разумеется, бывают. У нас даже есть клубы летунов. И соревнования по дальности полета. Но все это лишь в школе. Взрослым летать не рекомендуется. Представь себе: солидный господин — и вдруг летает!

Кора наклонила голову, будто бы соглашаясь с возмущением ассистента.

— Летающий господин опасен для нравственности. Он может заглянуть через любой забор, в любое окно — как ты укроешься от любопытного глаза и последующего за ним шантажа? А впрочем, после окончания университета взрослые ксеры и не могут летать: комплекция не позволяет.

— И тебе никогда не хотелось полетать? Ведь ты птица, а не баран какой-нибудь.

— Нет, — искренне признался молодой петушок. — Никогда меня не тянуло к полетам. Я даже самолет плохо переношу. Как посмотрю вниз, сразу голова кружится.

— А профессор Гальени? Он тоже не выносил полетов?

— Как ни странно, он, несмотря на свой почтенный возраст, говорил мне, что жалеет, что преклонный возраст не позволяет ему летать.

— А вдруг он на самом деле умел, но стеснялся тебя?

— Я бы никому не сказал!

— Но тебе было бы неприятно?

— Конечно, неприятно. Хотела бы ты взглянуть на меня со стороны живота?

— Зачем?

— Если я полечу, ты будешь вынуждена лицезреть самое некрасивое место моего тела — живот.

Кора подумала, что живот у ассистента совсем не так уж плох — он покрыт таким нежным пухом, он такой тугой и теплый, что на него приятно приклонить голову.

— Значит, профессор мог бы и полететь?

— Сомневаюсь, — сказал Орсекки. — По крайней мере, я никогда его за этим не заставал.

— Кстати, ты не брал фотографии профессора?

— Зачем мне?

— Может, на память.

— Я его помню и без этого.

— Какого он был цвета?

— Светлый!

Кора прислушалась.

— Сегодня с утра они постукивают, — сообщила она ассистенту.

— Я счастлив за тебя, — сказал ассистент.

— Мои терзания кончатся. Сколько можно изображать наседку!

— Разве ты изображаешь? — В голосе петушка прозвучало недовольство. — Любая другая на твоем месте была бы счастлива! Это же счастье!

— Можно подумать, — сказала Кора, — что ты только и делаешь, что сидишь на яйцах.

— Ты не права. Я же тебя подменял, и не раз.

— Но не носил их в себе!

— Это твой женский долг!

— Я его выполнила.

— Теперь с удовольствием забудешь о детях?

— Разумеется. Я жду не дождусь, когда вернусь в человеческое тело.

— Неужели тебе, после того как ты пожила в теле прекраснейшей из женщин, захочется вернуться в эту нескладную палку, в этот кривой тростник!

Кора почувствовала жалость к этому молодому существу. Ведь на самом деле он так одинок! После смерти супругов

Гальени ему кажется, что Кора должна его понимать. А вместо этого она не скрывает своей мечты — бросить его и еще не вылупившихся цыплят. И, как бы угадав ее мысль, Орсекки отчаянно воскликнул:

— Ты подумала о маленьких? Подумала о детях? Каково им без матери?

— Я думаю, что у тебя на планете найдется, кому о них позаботиться.

Орсекки вскочил и отошел к окну. В палате сразу стало тесно.

— Неужели ты думаешь, что кто-нибудь им заменит тебя?

— Ну вот. — Кора развела крыльями. — Оказывается, ради цыплят я вообще должна остаться и без тела, и без родины.

— Ты должна остаться в лучшем теле на свете! — Голос ассистента дрожал.

— Простите, молодой человек! — в запале выкрикнула Кора. — Но не вам судить о достоинствах моего тела.

— А кому же? Кому, простите?

Дрожа крыльями, громко топоча, ассистент кинулся прочь из палаты.

Кора готова была уже догнать его и успокоить, но тут в одном из яиц послышался такой стук, словно пьяный муж вернулся под утро домой и требовал, чтобы его впустили.

Когда птенец в яйце угомонился, Кора вновь задумалась. Оказывается, профессор, в отличие от своих соплеменников, не чурался полетов. А если полеты ему не были отвратительны, следовательно, ничто не мешало ему при желании подняться в воздух над раскопками. А если так, то инспектору следует воспользоваться этим телом и повторить достижение покойного археолога.

Однако в тот день, простуженная и травмированная падением в болото, Кора решила никуда не выходить и проанализировать накопленную информацию. Ее ум еще не был готов к такой деятельности, но нельзя обвинить ее в том, что она не старалась.

Разумеется, если бы планета не была столь первобытной,

Кора воспользовалась бы услугами компьютера, чтобы проанализировать уже имеющиеся факты. Но ни минуты компьютерного времени ей не дали, потому что, как сказали в администрации, время компьютера было расписано на год вперед.

Кора накрыла яйца одеялом, включила печку на полную мощность и вышла в коридор к телефону — в палате телефона не было.

Она позвонила в дом к археологам, а когда там никто не подошел, позвонила на площадку. Ассистент в меховой накидке, делавшей его похожим на большого ежа, обрадовался звонку — он всегда радовался Коре. Ей даже бывало неловко за то, что она столь равнодушна к этому милому существу.

— Что случилось? Что-нибудь с детьми?

Орсекки никогда не произносил слово «яйца», может быть, в нем было нечто неприличное?

— Все в порядке, яйца спят, — сказала Кора. — У меня к тебе небольшой вопрос. Умел ли профессор фотографировать? Был ли у него фотоаппарат?

— Да, конечно. Он всегда таскал с собой старую камеру. Он сам проявлял и печатал снимки.

— Замечательно! — воскликнула Кора. — Я так на это надеялась. Значит, фотография, которую я нашла у него в столе, была сделана здесь.

— Почему? — удивился ассистент. — А может быть, профессор привез ее с собой.

— Но ты ж сам сказал, что на вашей планете известен лишь пещерный рисунок корабля. А это фотография!

— Ну, может, это реконструкция...

— А где сейчас аппарат? — спросила Кора. — Где все пленки?

— Странно, что ты об этом спрашиваешь, — я и сам не могу понять. Мне нужны были его пленки, чтобы сделать отпечатки найденных нами предметов, — но ни аппарата, ни пленок я не нашел.

— Украли?

— Мне трудно произнести это слово, — потупился петушок. — У нас на планете это совершенно неизвестно!

— А что еще украли? — спросила Кора.

— Ничего. Клянусь тебе, ничего!

— Значит, кто-то пришел и забрал аппарат, пленки, отпечатки...

— И еще фотографическую бумагу и все химикалии, — добавил Орсекки.

— Странный вор!

— Я решил, что это ребенок, который решил стать фотографом.

— Почему ты не сообщил об этом?

— Кому?

— Администратору Греггу.

— Мертвой Голове? Я ему сообщил в тот же день.

— А он?

— А он улыбнулся — ты знаешь, какие он умеет строить рожи, и сказал, что я, наверное, ошибаюсь, что у профессора никогда не было аппарата и пленок.

— Так и сказал?

— Я никогда не лгу.

— Спасибо, милый, — сказала Кора. — Иди работай, откопай что-нибудь радостное для планеты Ксеро.

— Бегу!

Кора выключила связь. Как преданно он смотрит! На Земле ей ни разу не попался мужчина, который смотрел бы на нее с такой сладкой преданностью.

Она была почти убеждена, что администратор Грегг ан-Грогги каким-то образом, как ни тяжело это сознавать, связан с преступлением. Но как это доказать?

В ординаторскую, где стоял телефон, заглянула встрепанная, наколка набок, медицинская сестра.

— Госпожа Орват! — закричала она. — Скорее! Вы нужны!

Кора поняла: что-то произошло с яйцами. Стремглав она побежала за сестрой.

В палате уже были местный врач и еще одна сестра. Они растерянно глядели на шевелящееся одеяло.

— Ну что же вы! — воскликнула Кора. — Они могут задохнуться!

— Откуда нам знать? — огрызнулся местный врач.

— Это надо чувствовать.

Кора осторожно подняла одеяло и отбросила в угол. Два яйца уже раскололись, и в развале скорлупы копошились цыплята. Желтенькие, пушистые, забавные, каждый размером с толстого гуся.

Оглушительная нежность обрушилась на Кору — свершилось! Вот они, ее детишки!

Она готова была покрыть их нежными поцелуями, но сдержалась, так как понимала: глаза всех присутствующих направлены на нее.

Вместо этого Кора склонила клюв к третьему яйцу, обитатель которого стучался, требовал помощи, и осторожно вонзила кончик клюва в трещинку.

Крак! С громким треском яйцо раскололось, и мокрый цыпленок торжествующе выпрямил голову, будто хотел сказать: «А вот и я!»

— Ну вот и хорошо, — сказала Кора. — Все живы.

— Принести горячую воду? — спросила сестра, имевшая некий акушерский опыт.

— Если вы хотите загубить детей, то пожалуйста, — грубо ответила Кора. — Но на деле их надо сушить, а не купать! Лучше уберите скорлупу и смените подстилку!

Цыплята начали ходить с того момента, как вылупились.

Ноги им понадобились для того, чтобы окружить мать и поднять оглушительный писк, требуя пищи.

— Доктор! — воскликнула Кора. — Бегите к телефону, вызывайте сюда археолога Орсекки, он на раскопках. Я не представляю, чем кормят новорожденных.

Доктор побежал к телефону, а Кора постаралась погладить цыплят по пушистым головкам, но цыплята еще не понимали такой ласки — они были слишком малы.

Через двадцать минут примчался взволнованный Орсекки, который знал ненамного больше Коры относительно того, как обращаться с цыплятами. Своих детей у него не было, а собственное детство он позабыл. Но общими усилиями цыплят все же накормили. Орсекки остался на ночь в палате Коры, Кора была ему благодарна, она боялась, как бы чего не случилось с желтыми пушистыми детьми.

* * *

Птенцы росли не по дням, а по часам. Уже на следующее утро они резво бегали по палате и умудрились сшибить с ног худенького местного врача Мурада, когда тот без предупреждения вбежал в палату, неся миску с рыбьим жиром.

Орсекки был незаменим и послушен.

Кора, освобожденная от необходимости вынашивать и высиживать яйца, снова почувствовала себя сыщиком и, по крайней мере, смогла планировать операцию против Грегга Мертвой Головы.

Но прежде всего она хотела поставить эксперимент, о котором никто не должен был знать.

Для этого Кора поднялась рано, на рассвете, когда за окнами висела синева. Легкие снежинки — напоминание о скорой осени — лениво кружились над миром.

Орсекки мирно посапывал в центре палаты на подушке с подогревом, у него под боком уместились цыплята. Орсекки прикрыл их крыльями от возможного врага.

Кора знала, что ей будет очень холодно, но условия эксперимента требовали, чтобы она ничего на себя не надевала, — иначе эксперимент провалится.

С вечера она налила горячего кофе в термос, принесенный Орсекки. Его горлышко было приспособлено для куриного клюва. Кофе сильно действует на кур, и вскоре Кора ощутила бодрость.

Она тихонько открыла дверь в коридор. Там было пусто. В конце коридора за столом дремала дежурная сестра. Осторожно ступая по пластику, Кора прошла мимо сестры и через вестибюль вышла в утренний двор.

На траве и деревьях лежал иней, над землей кисеей покачивался легкий морозный туман. Коре было холодно.

Она поспешила прочь от больницы и самым коротким путем прошла к окраине города, туда, где расположились археологические раскопки и где вскоре будет возведен гранд-отель «Вграй».

Путь занял минут двадцать, не больше. Иногда Кора переходила на бег. Разогнавшись, она пыталась взлететь, но холодный туман, пропитавший перья, прижимал ее к земле.

На пути Коре встретился лишь разносчик молока, ехавший на мотороллере. Он узнал Кору.

— Бегом от инфаркта? — спросил он курицу.

— Сбрасываю лишний вес, — ответила Кора.

За пределами раскопок в яме возился Хосе-джуниор, который помог вытащить Кору из болота двумя днями раньше. Он тоже узнал ее.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Кора.

— Вы никому не говорите, — сказал мальчик. — Но я рассчитал, что в этой части корабля был сейф. В сейфе лежало золото. Я уж третью неделю копаю. Папаша думает, что я в школе, а я копаю. Видите, какая яма?

Яма была ему по пояс.

— Какой корабль ты имеешь в виду? — спросила Кора.

— Этого я вам пока не скажу, потому что это тайна, — ответил сорванец.

— А как ты догадался, что здесь был корабль?

— Все знают, — отмахнулся мальчик. — Вы идите, тетя Кура, идите, а то мне всего час осталось копать — в школу пора.

Кора вышла к обрыву.

Если она намерена доказать себе и окружающим, что профессор Гальени поднялся в воздух, полетел над окрестностями, увидел и сфотографировал с птичьего полета остатки корабля «Небесная птица», то ей самой надо подняться в воздух и облететь район раскопок.

Кора выбрала прямой и ровный участок, чтобы было где разогнаться. Мальчик подошел к ней.

— Ты чего? Полетать хочешь? — спросил он.

— Разве не видишь?

— Поосторожнее летай, — предупредил Хосе. — Тут один до тебя был, профессор. Хороший мужик, хоть и курица. Он тоже летал. Вон туда летал, к горам, над речкой летал, сверху фотографировал. Потом его пришили.

— Ты слишком много знаешь, малыш, — сказала Кора. — Лучше бы ты держал язык за зубами.

— Это точно, — согласился мальчик. — Папаша мне всегда об этом говорит.

И он засмеялся, показав длинные верхние резцы, и стал похож на папу.

Под внимательным взглядом молодого человека Кора разбежалась. Она изо всех сил колотила по воздуху крыльями, а мальчишка несся за ней и кричал:

— А ну, поддай, толстая курица! А ну, поднажми! Мы рождены, чтобы сказку сделать былью!

Кора почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она летит!

Но это сладостное чувство не успело пустить корней в ее груди, как она поняла, что падает обратно — вот-вот ее ноги коснутся земли...

Но — о ужас! — ни о какой земле и речи быть не могло.

Кинув взгляд вниз, Кора поняла, что нечаянно проскочила обрыв и теперь под ней — несколько десятков метров пропасти. Далеко внизу сквозь утренний туман поблескивает голубая речка.

Ей грозила неминуемая гибель!

От страха Кора начала отчаянно молотить по воздуху крыльями, но это мало помогало: ее заваливало набок, и небо, обрыв, раскопки, речка, горы — все медленно вертелось перед глазами. «Кажется, я вхожу в штопор!» — успела подумать Кора.

Сквозь шум крови в ушах и пулеметные удары сердца она услышала отчаянный мальчишеский крик:

— Держись, тетя! Не мельчи! Реже двигай крыльями! Раз — и два!

И — о чудо! — Кора послушалась и начала махать крыльями реже и шире.

И вот уже полоса горизонта возвратилась туда, где ей положено находиться...

Воздух, такой невесомый и ненадежный, становился плотнее с каждым взмахом крыльев... Когда Кора наконец поняла, что она не упадет и не разобьется, она открыла глаза и увидела, что летит высоко над плато, исчерченным полосками археологических траншей. Среди археологических траншей бегала маленькая мальчишеская фигурка, и в тишине утра далеко разносился его голос:

— Молодец, птица! Так держать, птица! Рожденный ползать летать не может!

Господи, чего ж она не летала раньше? Это такое наслаждение! Ведь если ты птица, то летай!

Кора закудахтала, и ее торжествующий крик разнесся над планетой.

Тогда она вспомнила, зачем она полетела.

Затем, чтобы осмотреть раскопки и плато с птичьего полета.

Только что поднявшееся утреннее солнце светило почти горизонтальными лучами, высвечивая каждую выбоину или выемку в грунте... И через несколько минут Кора увидела силуэт закончившего свой космический век корабля. Корабль покоился между раскопками и складами.

Видно, давным-давно, сотни лет назад, верхнюю часть вросшего в землю корабля разрушило ветрами и дождями. Так что именно разрез корабля остался снаружи. Увидеть его можно было, лишь поднявшись в небо, желательно ранним утром или вечером. Когда лучи солнца косо падали на плато.

Что сделал в свое время профессор Гальени, который и сфотографировал этот след.

Но кому-то своим открытием он помешал настолько, что тот пошел на преступление, чтобы избавиться от археолога.

Опускаясь кругами на землю, Кора уже догадалась, кто этот человек. Хотя не знала еще, как уличить его. Ведь доказательств у нее не было. Уверенность была, а доказательств — нет.

— Ну что, убедилась? — спросил мальчишка, когда Кора опустилась рядом с ним и, пробежав несколько шагов, остановилась.

— В чем? — схитрила Кора.

— Не притворяйтесь. Вы же корабль искали. Как тот петух. И нашли. Его трудно не найти.

— Но откуда ты все это знаешь?

— А у нас многие знают. Когда еще на вертолете здесь летали, то его геологи засекли. Только внимания не обратили. Мало ли что у нас здесь валяется. А кто хочет — здесь золото ищет.

— А археологи раньше не знали об этом?

— Откуда им знать? У нас один свободный вертолет в городе, но Мертвая Голова его никому не дает. А другие вертолеты у изыскателей. Только этот профессор сам полетел. Долетел, прилетел и весь трясется! Я тогда здесь ошивался, помню, как он кричал: «Небесная птица», «Небесная птица»! Великое открытие! Вызываем большую экспедицию — закрываем район! Какое счастье!» А я думаю: кому счастье, а кому — несчастье! Правда?

— Правда, — согласилась Кора.

* * *

Когда Кора шла обратно в больницу, город уже начал просыпаться, на улицах появились первые повозки, вертолет геологов прошел низко над крышами, у открытой двери булочной разгружали батоны. Молодая дама гуляла с крупным зеленым скорпионом, закутанным в вышитую попонку. Скорпион покачивал поднятым жалом. Когда Кора поравнялась с ними, она услышала, как скорпион говорит даме:

— Такой расклад прибыли нас не может устроить. Я надеюсь связать вопрос со сроками завершения строительства.

— Как только площадка освободится, он обещает начать земляные работы под фундамент, — пояснила дама.

Обгоняя их, Кора сказала: «Простите», и при виде ее скорпион ахнул:

— Она не опасна?

— Нет, это инспектор ИнтерГпола, — ответила молодая дама. — Она угодила в чужое тело...

Окончания ее речи Кора уже не слышала.

В палате все еще спали, и Кора, благодарно согреваясь, привалилась к туше Орсекки. Цыплята попискивали во сне, они тоже прижались к теплому археологу.

Проснулась она от оглушительного писка: медсестра принесла миски с рассыпчатой гречневой кашей, и цыплята сходили с ума от желания скорее ее склевать.

Орсекки продрал глаза и сразу спросил:

— Ты никуда не ходила ночью? Мне приснилось, что тебя не было.

— Знаешь, — призналась Кора, желая сказать что-нибудь приятное археологу, — кажется, я распутала это преступление.

— Кто? — громко и, как показалось Коре, удивленно спросил Орсекки. — Кто тот злодей?

— Я скажу тебе сегодня же, к вечеру.

Пока ее соседи по палате завтракали, Кора отправилась к местному врачу. Тот уже сидел в ординаторской, просматривал истории болезни пациентов.

— Доктор, — спросила Кора, — можно ли мне получить на час вертолет с фотокамерой?

— Обратитесь к Греггу, — ответил местный врач. — Вертолет находится в его распоряжении.

— Вот именно этого мне и не нужно, — ответила Кора. — Мне хочется получить вертолет помимо него, вопреки его желанию, но так, чтобы он совершенно случайно узнал, что я это сделала помимо него.

Местный врач отложил карточки и покрутил усики. Он желал казаться старше и солиднее.

— Выкладывайте, инспектор, — сказал он. — Что вы откопали?

Он прекрасно знал литературу, даже такой вопрос он, наверное, где-то вычитал.

Кора не стала скрывать от него своих подозрений. Но ей надо было их доказать.

— Все так просто, — сказал на это местный врач. — Сейчас в нашем городе находится вице-директор компании «Вграй», который приехал для переговоров о строительстве гостиницы. Я думаю, он сможет разрешить ваши сомнения и помочь вам найти доказательства.

— Вы душка, — заявила Кора. — Вы самый очаровательный мальчик на всей планете. Хотите, я вас расцелую?

— Большое спасибо, — поспешил с ответом врач, и Кора перехватила его испуганный взгляд, направленный на ее желтые лапы. — Но если вы не спешите, я предпочел бы целоваться на следующей неделе.

— Отлично. Я пошутила, — сказала Кора и поняла, что теперь положит всю сознательную жизнь на то, чтобы отомстить этому наглецу.

Вернувшись в палату, Кора сообщила Орсекки, что ему придется задержаться, так как интересы дела требуют, чтобы она отлучилась еще на час. Но тут Орсекки взбунтовался. Он заявил, что при всей любви к Коре он не может манкировать работой — ведь от результатов раскопок зависит судьба его планеты.

— А если бы нашлась «Небесная птица»?

— Прекрати издеваться надо мной!

— А если?

— Тогда мое имя выбили бы золотыми буквами на всех мраморных досках нашей империи! — воскликнул петушок.

— Ладно, — сказала Кора, — будут тебе доски. Иди копай. Если найдешь еще одну пуговицу, напиши об этом поэму!

— Мы не пишем стихов, — гордо ответил Орсекки.

Оставшись одна, Кора решила заняться птенцами. Им уже третий день, а живут они предоставленные самим себе, словно у них нет матери.

Птенцы были пушистыми, ласковыми, говорливыми, и ее материнский взор уже научился их различать. У старшего, Чука, на затылке был белый хохолок, средний, Гек, при ходьбе смешно крутил задом, а младшая, Мила, была попрыгунчиком.

Малыши возились, лазили по Коре, как по горе, и ей было смешно наблюдать за ними и трогательно ощущать их доверчивость и даже нежность к себе — к ее большому теплому телу.

Уже на третий день у них кое-где стал выпадать пух, уступая место перышкам. Чук обещал стать черно-оранжевым петухом, Мила пошла в нее, в Кору, и будет пеструшкой, зато Гек совместил в своей окраске цвета брата и сестры.

Цыплята были постоянно голодны и требовали еды. Хорошо, что еще вчера Орсекки притащил два мешка орехов, — иначе бы больница не справилась с их питанием.

Поддавшись настойчивым требованиям детей, Кора дважды покормила их до обеда.

Во время одной из кормежек заглянул врач, он сообщил, что смог добыть для Коры геологический вертолет. На пять часов пополудни. Не слушая благодарностей, он тут же сбежал из куриной детской.

— Погодите, Мурад! — окликнула его Кора. — У меня к вам последняя просьба. Дозвонитесь до гостиницы и узнайте, когда там будет вице-директор фирмы «Вграй».

Доктор возвратился через пять минут, но в палату заходить не стал, а сообщил из коридора, что вице-директор намерен вернуться в номер после обеда.

— Спасибо!

— Учти, он страшненький.

— Я сама страшненькая.

— Он страшнее. Зато у него красивая любовница. По имени Мария М.

— Откуда мне знакомо ее имя?

— Ее основная служба — любовница господина Грегга ан-Грогги, вице-директор — лишь почетный гость.

Оттолкнув доктора и не заметив этого, в палату ворвался Орсекки. Во-первых, он беспокоился, накормлены ли дети. Во-вторых, он откопал череп древнего ксера, который притащил с собой, чтобы продемонстрировать Коре. Вид черепа вызвал приступ писклявого страха у птенцов, и Кора приказала спрятать его с глаз долой.

— Ты не понимаешь! — вопил Орсекки. — Это же замечательное открытие! Череп моего пращура на другом конце Галактики!

— Теперь ты освободился? — спросила Кора.

— Да. Я полностью в твоем распоряжении.

— Вернее всего, я вернусь живой часа через два...

— Ты в этом сомневаешься?

— Разумеется. Я же на работе.

— Перестань шутить!

— Я не шучу. Детей я поручаю тебе. Пускай из них вырастут достойные вашей планеты археологи.

— Что ты говоришь!

Кора поняла, что нервное состояние Орсекки выходит из-под контроля, и потому решила перевести разговор в более спокойное русло.

— Кстати, — сказала она, — дети растут быстрее, чем я ожидала.

— А что случилось? — Орсекки еще не успел переключить свое сознание с трагических картин на семейные сцены.

— У них появляются первые перышки.

— Перышки? — Орсекки обернулся к детям, что клевали у его ног.

— Смотри, видишь: у Чука — желтенькие с черным, а Мила — вся в меня.

Орсекки тут же позабыл о Коре и предстоящих ей опасных испытаниях. Он полностью углубился в лицезрение цыплят.

Кора же отправилась пешком в гостиницу — небольшое

двухэтажное толстостенное здание, оставшееся еще с эпохи первых экспедиций.

Элегантный портье узнал ее, позвонил в номер к вице-директору фирмы «Вграй» и сообщил, что госпожа инспекторша инкогнито желает его видеть.

От этого произошло небольшое недоразумение. Когда Кора постучала в дверь на втором этаже, оттуда послышался голос:

— Входите, госпожа Инкогнито!

Впрочем, вряд ли можно было ожидать от вице-директора фирмы, что он изучал древние земные языки.

Потому что вице-директором оказался скорпион, которого Кора встретила недавно. А сопровождающая его дама была Мария М., любовница Грегга Мертвой Головы.

Скорпион сам открыл дверь, хотя ему пришлось для этого подняться на задние ноги и опереться на хвост.

— Чему обязан? — спросил он.

Кора обратила внимание, что скорпион очень богат: все его конечности были украшены перстнями с драгоценными камнями.

На широком диване сидела, поджав обнаженные ноги, знакомая Коре девица в купальном костюме из вологодских кружев. Она пила джин с тоником из высокого бокала.

— Ах! — произнесла дама. — Вы к нам?

— Я помню! — Скорпион был элегантен и изыскан в движениях. — Это инспектор ИнтерГпола. Но мы не совершили никаких преступлений.

— Надеюсь, — сказала Кора.

— Садитесь.

— Я постою. У меня к вам один простой вопрос, — сказала Кора. — Надеюсь, что не отниму у вас много времени.

— Не беспокойтесь, — сказал скорпион. — Вы наша гостья. Что будете пить? Джин? Мартини? Водку? Я сам ничего, кроме крови и трупного яда, не пью, но мои гости могут угощаться.

— Меня интересует гостиница «Вграй», — сказала Кора, — ведь вы ее финансируете?

— Инспектору ИнтерГпола я отвечу искренне, — сказал скорпион. — Да, я вице-директор компании «Вграй» и прилетел сюда, чтобы понять, почему строительство не начинается.

— И почему оно не начинается?

— Не отвечай, — сказала женщина в купальнике, которая, как Кора уже знала, именовалась Марией М. и была постоянной любовницей Грегга Мертвой Головы. — Она все знает лучше нас.

— А вас я не спрашиваю и не понимаю, в каком качестве вы находитесь в этой комнате, — сказала Кора.

Она понимала, что ее слова не произведут должного впечатления, потому что Мария М. видит перед собой толстую курицу. Но вице-директор был тертым калачом, и его внешней видимостью не удивишь.

— Мария М., — сказал он, вежливо раскачивая концом хвоста, — моя любовница. Мне положена любовница. Она всегда присутствует при моих деловых разговорах, чтобы все знали, какая красивая любовница мне положена по рангу.

— Вот именно, — сказала Мария М.

— Но зачем вам это нужно? — спросила Кора. — Я вас как женщина женщину спрашиваю. Неужели вам чего-то не хватает?

— Мне не хватает настоящей любви, — сказала Мария М. — Мы со скорпиончиком решили покинуть Грегга. От него никакого толка.

— К тому же я по своим каналам узнал, что осложнения со строительством гостиницы оказались куда более серьезными, чем нас уверял наш местный партнер, — сказал скорпион.

— Но вроде бы через месяц экспедиция заканчивает работу, — сказала Кора. — Тогда вы сможете приступить к работе.

— Чепуха! — Скорпион ловко вскочил на колени к Марии М., и та, отставив бокал, принялась почесывать ему затылок. — Мы не можем рисковать капиталом. Если он не представит мне до завтра доказательство того, что археологи улетают, я прерываю договор с ним. Планет у нас много, обойдемся и без Дил-ли.

— Обойдемся, — сказала Мария М.

Скорпион закрыл пленками глаза и начал похрапывать.

— Значит, дела Грегга плохи, — тихо сказала Кора, чтобы не разбудить вице-директора.

— Хуже некуда, — сказала Мария М. — Поэтому мне нет смысла терять хороший шанс. Вы меня понимаете?

— Я вас совершенно не понимаю, — резко ответила Кора, но Мария М. не смутилась.

— Вы, курицы, такие отсталые, — сочувственно произнесла она.

* * *

Вертолет изыскательской службы ждал Кору на стоянке за гостиницей. Юный улыбчивый пилот, будто сошедший с рекламного плаката, передал ей небольшой пакет. В нем был фотоаппарат.

— Куда летим? — спросил пилот, глядя, как большая птица карабкается, втискивается в кабину.

— На археологические раскопки.

— Глупо, — сказал пилот, — туда пешком ходят. Зачем машину гонять? У нас и без того каждая минута расписана.

— Вам было сказано, чтоб вы мне подчинялись? — спросила Кора.

— Сказано-сказано, а здравый смысл где?

— Здравый смысл там, где я приказываю, — откликнулась Кора, проверяя, есть ли пленка в аппарате. — Ваша машина вооружена?

— Не дай бог! — отозвался молодой пилот. — С кем здесь мне воевать?

— Еще не знаю, — ответила Кора. Она чувствовала бы себя лучше в вооруженном вертолете. — А парашюты у вас есть?

— Вас ни один парашют не удержит, — сообщил пилот.

— Вы правы, — согласилась Кора. — Поднимайтесь и не спеша на бреющем полете берите курс на археологические раскопки.

Пилот подчинился, всем видом показывая, что смиряется перед нелепой блажью начальства.

Вертолет взял курс на край плато, изрезанный траншеями.

Издали силуэт корабля не был виден, так как солнце стояло высоко. Кора велела вертолету зайти со стороны реки.

Где же противник? Неужели он не клюнул?

Кора сделала несколько снимков с птичьего полета и тут увидела приближающуюся черную птицу.

Все правильно! Он попался!

— Жаль, — сказала Кора, — что у вас нет оружия. Я подозреваю, что нас сейчас будут сбивать.

— Как? — не понял пилот.

— Поглядите направо. Что вы видите?

— Вертолет, — сказал пилот. — Вертолет администрации. А кто будет нас сбивать?

— Он и будет, — сказала Кора. — Но я попрошу вас до последнего момента не убегать от него, потому что иначе ничего не доказать.

— Слушаюсь, генерал! — радостно воскликнул пилот, всем своим видом давая понять, что понял: ему приходится катать по воздуху сбрендившую курицу.

И в тот же момент пилот, несмотря на свой нежный возраст и привлекательную внешность, выругался, как извозчик, потому что вертолет администрации резко изменил курс и пошел на таран, словно Кора и ее машина были древнефашистскими бомбардировщиками.

— Молодец! — похвалила агрессора сумасшедшая курица.

Она смогла разглядеть пилота, который вел вражеский вертолет. Несмотря на большие темные очки и шлем, сомнений не было: за ней охотится администратор планеты господин Грегг ан-Грогги, разоренный случайной находкой археолога профессора Гальени. Мирный администратор пошел на зверское убийство профессора, надеясь, что никто больше не догадается подняться над археологическими раскопками и угадать в непосредственной близости от них бренные останки корабля «Небесная птица».

Теперь же Грегг совершал очередное, безумное, но почти удачное покушение на инспектора Орват, которая слишком много знает.

— Что делать? — крикнул юный пилот, с трудом уводя свою машину из-под удара.

— Дай мне его сфотографировать! — отозвалась Кора, направляя на администратора объектив.

Это привело Грегга в такое бешенство, что он, презрев опасность, разогнал машину до упора и принялся стрелять в Кору из тяжелого охотничьего бластера.

Нажимая на гашетку фотоаппарата, словно отстреливаясь от Грегга, Кора не ощущала страха: что бы теперь ни случилось, она выполнила свой долг — долг инспектора и долг матери. Вот они, кадры для суда: глава администрации планеты Дил-ли расстреливает из бластера невинную курицу!

Но, размышляя таким образом, Кора не учла желания жить, свойственного молодости. Юный пилот совершил невероятное: у самой земли он смог рвануть в сторону пробитую машину.

Тогда случилось непоправимое: не в силах удержать свой вертолет, Грегг Мертвая Голова врезался на нем в обрыв и в куче обломков упал на берег реки в полусотне метров ниже.

Когда юный пилот и Кора вышли из своего вертолета, приземлившегося в двадцати метрах от тела Грегга, тот, как ни удивительно, был еще жив.

— Ненавижу! — сказал он Коре. — Всех куриц, сующих клюв в чужие дела... ненавижу...

— Лежите спокойно, — сказала ему Кора. — Сейчас пилот привезет врача.

— Поздно, — ответил Грегг. — Я не хочу жить. Я разорен и обесчещен.

— Летите за врачами! — приказала Кора пилоту.

— А вы? — спросил он. — Вы не боитесь?

— Я не боюсь, — ответила Кора. — Я умею летать — в случае чего я от него улечу.

— Чепуха, — блеснул из черных глазниц тускнеющим взором Грегг ан-Грогги, — я уже не поднимусь...

Пилот прыгнул в вертолет и поднял машину в воздух. Кора на всякий случай включила прикрепленный к ее поясу магнитофон. Запись могла пригодиться следствию.

— Ты сама догадалась? — спросил Грегг. Он смотрел в холодное облачное небо.

— Догадалась, когда поняла, что некоторые курицы могут летать.

— Мне надо было провести обыск до твоего приезда. Я недооценил тебя... и знаешь, почему? Потому что я знал разницу между твоим старым телом и телом курицы. И решил, что ты обезврежена.

— Я поняла, — сказала Кора, — что вы пойдете на преступление, только если возникнет угроза строительству. А с находкой корабля о строительстве пришлось бы забыть.

— Я стал бы музейным смотрителем, а планета — Меккой для куриц, — с горечью произнес Грегг.

— Как вы убили его?

— Что? — В голосе раненого администратора звучало изумление.

— Как вы убили профессора?

— Но я его не убивал! Мне не пришлось убивать этого толстого старого петуха! Кто-то меня обошел!

— Тогда зачем же столько усилий, чтобы убить меня?

— Потому что с твоим приездом моя надежда на то, что со смертью профессора я выпутался из этой истории, пошла прахом. Потому что ты вышла на фотографию! Ты догадалась подняться над площадкой... тебя пришлось убрать!

— Но кто тогда убил профессора?

— Понятия не имею. Когда я добрался до него, он уже лежал мертвый, правда, еще не ощипанный! — Тут Грегг ан-Грогги громко захохотал. И это усилие далось ему с таким трудом, что он лишился сознания.

Поэтому когда через три минуты прилетел вертолет с но-

силками и местным врачом, Кора была расстроена и мрачна, как собравшаяся над головой снежная туча.

— Не расстраивайся, — утешал ее маслиноглазый доктор Мурад. — Главное, что ты распутала преступление. Если Грегг даже не сознается в убийстве профессора, его засадят за вереницу преступлений — начиная от покушения на тебя и возможного убийства жены профессора и кончая использованием служебного положения в корыстных целях с попыткой расстрелять казенный вертолет.

— Ты так прост? — удивилась Кора. — Неужели ты до сих пор не понял, что настоящий убийца остался на свободе?

— Врет твой Грегг. Убил, а теперь врет!

— Не врет. Он был при смерти... он не убивал профессора. Иначе бы он стал хвастаться этим... я знаю людей.

Врача она не убедила. Но и сама осталась при своем мнении. Путь, по которому шло расследование, оказался тупиком.

* * *

— Ну где ты пропала! — встретил ее упреками ассистент. — Дети без тебя извелись.

Дети и в самом деле кинулись к ней со всех сторон. Они терлись об нее пушистыми боками, топотали, норовили свалить и заклевать. Коре показалось, что за прошедшие часы они еще подросли.

— Надо собираться, — сообщил ей Орсекки. — И закрывать экспедицию. Детям вреден этот климат.

Коре, конечно же, надо было объяснить молодому археологу, что никуда отсюда он не улетит, а будет поджидать, пока на Дил-ли как коршуны слетятся все археологи и уважающие себя начальники культуры с его родной Ксеро. Но она чувствовала такую усталость, будто весь день таскала тяжелые бревна. Это была нервная реакция на воздушный бой, но рассказывать сейчас обо всем петушку означало вызвать в нем истерику. Тогда уж не удастся отдохнуть...

Кора сказала, что устала, и, уткнув клюв себе в грудь, за-

дремала. Ей снилось, что она летит над лежащим на земле космическим кораблем, а за ней гонится с ножом Грегг, а она знает, что он хочет отрезать ей голову.

Какие-то голоса мешали спать и в конце концов заставили ее очнуться. За окнами палаты было темно — уже наступил вечер. Редкие снежинки неслись по синему фону.

В палате стоял доктор.

— К сожалению, — повторял он, — я должен ее разбудить.

— Нет, не беспокойте ее, она так устала, — отвечал Орсекки. Цыплята пищали. Лампа горела под потолком.

— Что еще случилось? — устало спросила Кора.

— Грегг умер, — сказал местный врач.

— Он что-нибудь сказал? — спросила Кора, поднимаясь, — сна ни в одном глазу.

— Он говорил о ненависти к курам... в общем, это был бред.

— Правильно, — сказала Кора. — Это был бред. Но у меня есть пленки, где он стреляет в меня из охотничьего бластера.

— Я знаю, — сказал врач. — Пленки уже проявлены и отпечатаны. Убийца профессора известен. Вы можете собираться в обратный путь.

— Его обыскали?

— Да, — ответил местный врач и вынул из кармана фотографию, найденную Корой в кабинете профессора, из-за которой она чуть было не погибла.

— Что это? — спросил Орсекки. Он нервничал. Он чувствовал, что происходит нечто интересное, но его в это не посвящают.

— Завтра, завтра, все завтра, — повторяла Кора, не в силах побороть усталость.

— Это очертания «Небесной птицы»! — воскликнул Орсекки. — Где она?

Кора махнула крылом, чтобы врач ушел из палаты. Тот подчинился.

Орсекки размахивал фотографией перед ее клювом. Кора спрятала голову под крыло и больше не отзывалась на вопросы.

* * *

Кора проснулась рано.

Птенцы еще спали. В палате горел свет, и Кора заметила, что цветные перышки на ее детишках подросли и стали еще ярче.

Орсекки не спал. Он по-птичьи сидел у двери и ждал пробуждения Коры, не спуская с нее страстного взора.

Как только он заметил, что она открыла глаза, то сразу сказал:

— Я не спал всю ночь! Что случилось? Ты должна мне открыться. Я не могу более терпеть.

Коре стало жалко петушка.

— Твой шеф в отличие от тебя, — произнесла она, — умел летать. А умеющий летать имеет преимущество: у него шире кругозор.

— По-своему ты права, — осторожно согласился с ней Орсекки.

— Профессор Гальени поднялся над плато, — продолжала Кора, — как только предположил, что корабль «Небесная птица» нашел здесь свое смиренное кладбище.

— Разумеется! — замахал крыльями Орсекки. — Как же я не догадался!

— Потише, детей разбудишь!

— Ах, как же я не сообразил? Он говорил мне, и не раз, что лагерь экспедиции, который мы раскапываем, необычен. Здесь слишком много предметов, нужных на борту. Он подозревал, что корабль потерпел здесь крушение, но я не принимал его слов всерьез, потому что... прости, я привык считать его выжившим из ума стариком, никому не нужным маразматиком!

— Почему ты не летаешь? — строго спросила Кора.

— Потому что летать неприлично!

— А он плевал на приличия. Понимаешь теперь, почему Гальени-папа вышла замуж за него, а не за тебя!

— Не лги! — закричал Орсекки и, конечно же, разбудил цыплят.

Они уже начали привыкать к тому, что взрослые что ни ночь скандалят, но не могли полностью игнорировать этот шум и тут же влили в него свои возмущенные голоса.

Кора расправила крылья и накрыла ими детей. Потом сунула клюв под крыло и принялась гладить детей по маленьким перышкам. Те затихли.

Занятая своими милыми крошками, Кора плохо слушала монолог Орсекки, который упрекал ее за то, что она скрыла от него правду.

— Я разрываюсь между любовью к тебе и страстью к археологии! — заявил он.

— Хочешь знать, как погиб твой учитель?

— А ты знаешь? — Орсекки закрыл глаза.

— Могу предположить. Я понимаю, как счастлив был профессор, сделав великое открытие. Но ему предстояло поставить в известность местную администрацию. И Гальени отправился к Греггу со своей новостью и фотографией.

— Нет, не верю, — уже не так уверенно сказал Орсекки. — Как же так? Мы же коллеги! Он мой учитель. Почему он скрыл это от меня?

— Может быть, он был на тебя за что-то сердит?

— Он? На меня? — Задав два риторических вопроса, археолог почему-то насупился и замолчал. И Кора поняла, что попала в десятку: между археологами пробежала какая-то черная кошка.

— Ты слушаешь? — спросила Кора.

Орсекки молча кивнул.

— Профессор Гальени, вернее всего, ничего не знал о том, что на месте раскопок планируется построить гостиницу. Когда же Грегг ан-Грогги услышал о находке профессора и поверил в нее, он впал в такой гнев, что решил убить профессора. Он выследил его на раскопках и нанес ему смертельный удар...

— Но почему? — вдруг спросил Орсекки. — Неужели он был таким злым?

— Нет, — ответила Кора, поглаживая по головкам притихших птенцов, — он не был жестоким, но он был смертельно испуган. Он погряз в долгах — гостиница была единственным способом от них избавиться. Он был в гневе, потому что рушилось дело его жизни.

— Но наша цивилизация...

— Поверь, Орси, что ему было плевать на вашу цивилизацию.

— Как ты груба, Кора, — вздохнул петушок. И он был прав.

Наступила тишина. Даже цыплята замолкли, как бы понимая, что у взрослых важный разговор, мешать нельзя.

— Да, — произнес наконец местный врач, который незаметно вошел в палату и остановился в дверях, слушая версию Коры. — Все, что ты рассказала, великолепно. И ты разгадала мотивы, действия, последовательность событий... хотя допустила одну ошибку.

— Какую? — Коре был неприятен настойчивый взгляд Мурада.

— За ночь мы проверили действия и передвижения Грегга ан-Грогги в тот день. И выяснили... — местный врач сделал значительную паузу. — Выяснили, что администратор Грегг ан-Грогги прилетел с дальней шахты «Звездочка» через три часа после того, как профессора убили. Причем он летал к шахте не один, а с надежными свидетелями. Свидетели показывают, что при получении известия о смерти Гальени администратор в сердцах воскликнул: «Судьба меня хранит! Я думал, что убью его или погибну сам». Он был весел и не скрывал своего хорошего настроения.

— Не может быть, — упавшим голосом произнесла Кора. — Но ведь он в меня стрелял...

— Когда появилась ты, — сказал местный врач, — и начала распутывать это дело, он испугался не за то, что его объявят

убийцей профессора. Он боялся, что ты раскроешь тайну небесного корабля. Что тогда строительство прикроют. А раз профессор был кем-то убит, то Грегг принялся за тебя: все равно спишут на действительного убийцу.

— А кто убил профессора? — спросила Кора. И это прозвучало наивно.

И тогда местный врач ответил:

— Вот это и есть твоя работа. Подозреваемых осталось совсем немного. Ищи, да обрящешь.

— Подозреваемых вообще не осталось, — сказала Кора.

— Но корабль на самом деле существует? — упавшим голосом спросил Орсекки.

— Существует, существует.

— А как его увидеть?

— Крылья есть — летай.

— Я не умею.

— Все мы умеем. Только одни очень хотят, а другие очень боятся.

— Хорошо, — сказал Орсекки. — Но если я упаду с гигантской высоты и разобьюсь в лепешку, ты будешь нести за это моральную ответственность.

— А ты для начала летай пониже, — ответила Кора, не скрывая издевки. Но Орсекки ее не уловил.

* * *

Скептически взглянув на растерянного Орсекки, местный врач загадочно произнес:

— За счастьем надо летать!

— Не преувеличивайте, — сердито отозвался археолог.

Местный врач подмигнул Коре и, сославшись на срочные дела, покинул палату.

— Ты мне не поверил? — спросила Кора ассистента, статуей растолстевшего командора торчавшего в углу.

— Я давно подозревал, что все это плохо кончится, — сказал археолог.

— Ты имеешь в виду смерть профессора?

— Смерть профессора — наименьшая из бед, — отрезал археолог, и вдруг Кора увидела, как из его черного глаза по перышкам сползает, скатывается, падает на клюв и оттуда на пол большая слеза.

— А что же хуже?

Орсекки ответил не сразу. Пока он собирался с силами, птенцы атаковали Кору, требуя завтрака. Кора насыпала им в миски зерна и выставила плошку с водой. Малыши возились, отталкивали друг дружку и весело пищали — они были такие милые и забавные! Кора подумала, что уже научилась различать их — нет, не только внешне, по цвету первых перышек, но и по их разному характеру — по индивидуальности, если можно говорить о ней применительно к недавно вылупившимся малышам. Вот Чук — золото пробивается на грудке, воронья масть на хвостике — самый крепкий, шустрый, активный и независимый. Он всегда опережает рыженького Гека, но тот и не лезет в драку, а тихо ждет своего часа — впрочем, не отказывает себе в удовольствии незаметно подобраться и клюнуть брата в пушистый зад. А Мила никогда не опускается до дележа добычи, она — будущая певица, создание романтическое, впрочем, это осознают и братья, уступая ей место у миски или под маминым боком... «Под маминым боком, то есть под моим боком... Что я говорю! У меня же нет детей. А почему нет? Надо, пора заводить ребенка. Чтобы он был пушистый и желтенький... Ты с ума сошла, инспектор Орват! Твое настоящее человеческое тело не несет яиц!»

— Я тебе отвечу со всей искренностью, — услышала Кора рядом голос Орсекки.

Не отрывая взгляда от малышей, Кора кивнула, приглашая Орсекки к монологу.

— Теперь, когда все уже позади, когда корабль найден... я думаю, что наше с тобой присутствие здесь более необязательно.

— Ты так думаешь? — удивилась Кора. — А я была убежде-

на, что тебя назначат начальником экспедиции. Археология — твое призвание.

— Во-первых, никто не оставит меня начальником такой экспедиции. Сюда, как даже тебе ясно, примчится половина Академии наук, и меня затрут крыльями, разорвут шпорами. Но не в этом дело!

— А в чем?

— В том, что я не могу с тобой расстаться.

— Орсекки, милый, ты неизбежно со мной расстанешься! Ты же забываешь, что я только кажусь твоей... Гальени-папа. Я покину это тело, и оно перейдет к какой-то даме с вашей планеты, которая в нем нуждается.

— Этого я не могу допустить! Мало ли кто это будет! И даже если тело не разберут на запасные части...

— Будем надеяться на лучшее.

— Мне не на что надеяться! Мне ничего больше не нужно, моя папа!

— Я — Кора Орват!

— Да ты погляди на своих детей, на детей, которых ты выносила и снесла! Как они тянутся к тебе, как они признали в тебе свою маму!

— Это не я, а мое тело!

— Посмотри, что делает твое крыло! Правое крыло!

Правое крыло гладило по головке нежно прижавшуюся к боку Коры Милочку. Кора убрала было крыло, но спохватилась: это же ничего не меняет!

— Это ничего не меняет, — сказала Кора.

— Это меняет! Я люблю тебя и только тебя!

— Господи, еще этого мне не хватало. И давно ты меня любишь?

— С того момента, как я прилетел сюда.

— То есть ты любишь не меня, а мою... предшественницу?

— Да. Всех вас. И тебя, и предшественницу! Но сейчас существуешь только ты! И если ты не согласишься улететь отсюда вместе со мной, то я тебя убью.

— Еще этого не хватало! А как же дети?

— Наши дети улетят с нами.

— Что ты имеешь в виду?

Тут подошла очередь Орсекки разводить крыльями.

— Разве у вас в школе не проходят элементарную генетику?

— При чем тут генетика?

— А при том, что твой покойный муж Гальени был белым петухом! А при том, что я — золотой с черным. Что ты — пеструшка! Ты посмотри на наших детей! Среди них есть хоть один белый? Нет и быть не может!

— Ты хочешь сказать, что я тебе... то есть с тобой изменяла моему покойному мужу?

— Откуда у тебя такой тон? — произнес Орсекки и расхохотался. — Ты же сама твердишь, что живешь лишь в чужой оболочке. Почему тебя вдруг заинтересовало, с кем целовалась твоя оболочка до того, как ты ее надела?

Кора потупилась. Разумеется, она была не права. Но разве объяснишь этому толстяку, что, несмотря на сильное влияние тела, Кора сохранила свои вкусы, и эти вкусы склонялись более к мужчинам земного типа, чем к петухам с планеты Ксеро? Что мысль о том, чтобы этот петух... нет, увольте!

— Ты уверен, что это твои дети? — спросила Кора, поглаживая Милу по пушистой головке.

— Да! Это наши родные, общие, замечательные дети!

— Может быть, ты возьмешь их к себе на воспитание? У тебя же есть какие-то родственники, которые тебе помогут.

— И публично признаюсь, что я обладал женой моего начальника? Как я могу!

— Не знаю...

— Это скандал, это больше чем скандал!

Вытирая слезы, Орсекки покинул палату.

Кора осталась с сиротками, которые оказались не только сиротками, но и бастардами — то есть незаконными детьми матери-одиночки с чужими мозгами. С ума сойти!

Эта печальная мысль повлекла за собой другие мысли, и Кора, забыв о детишках, которые, насытившись, устроились у нее под боком, стала рассуждать о том, что, в сущности, все

преступления мира совершаются либо из корысти, либо по любви.

Преступление Грегга ан-Грогги было вызвано корыстью. Для него делом жизни было строительство гостиницы. И даже если он не успел убить профессора, то он к этому был готов, по крайней мере, он принял все меры, чтобы отправить на тот свет Кору.

Но если допустить, что страсти правят бал не только среди людей, но и среди других разумных существ, которые обладают иным обликом, то в известном нам кругу действующих лиц сразу появляется новый кандидат в убийцы.

А что, если человек-зайчик по имени Хосе не лгал?

Что, если действительно пух и перья профессора достались ему случайно? А что, если телефонный звонок не его изобретение?

На Земле такое невозможно. Если у твоей возлюбленной-китаянки родился ребеночек с голубыми, как у тебя, глазками, тогда как все ее близкие тоже китайцы, то глазки ему не перекрасишь. А уж тем более не перекрасишь их китайскому мужу любовницы.

Но допустим, что члены комиссии с планеты Ксеро не задумывались об оперении профессора. Перьев нет, все забыто... Тогда у безумного любовника появляется шанс?

Убедившись, что малыши крепко спят, Кора прошла в ординаторскую, где местный врач с медсестрой играли в шашки, и связалась с ИнтерГполом. Она задала два вопроса.

Первый вопрос: «Были ли у профессора Гальени какие-нибудь родственники на его родной планете Ксеро, которые желают получить его тело?»

Второй вопрос: «Каковы семейные правила и порядки на Ксеро? Насколько крепка там семья, насколько отрицательно общественность относится к прелюбодеянию и каков статус незаконных детей?»

В Центре очень удивились, но обещали вскорости прислать ответы.

Ответы пришли даже раньше, чем было обещано. После обеда. Первый ответ: «У профессора Гальени нет родственников. Никто не ждет обратно его тело. Более того, решено после окончания следствия похоронить профессора на месте, где он совершил свое великое открытие».

Второй ответ: «Семейное право находится во власти традиций. Семья считается священным институтом. До последнего времени соблазнитель подвергался суровому наказанию, вплоть до смертной казни. И сегодня он становится парией, теряет работу и положение в обществе. При конфликтах и спорах об отцовстве решающую роль играет цвет оперения птенца. Есть легенда о возлюбленных, которые всю жизнь скитались в диких местах, скрываясь от наказания».

— Ты удовлетворена? — спросил местный врач.

— Еще не знаю, — ответила Кора.

— А мне он всегда не нравился, — сказал врач.

— Что ты понимаешь в любви! — в сердцах ответила Кора. Она была огорчена. Бывают случаи, когда врач, узнав, что его диагноз точен, предпочитает ошибиться.

— Будешь его допрашивать? — спросил местный доктор. У него была неприятная манера потирать ладони.

— Я буду вести расследование дальше, — сказала Кора.

— Не вздумай отправиться к нему одна, — предупредил местный врач, когда Кора попросила его или медсестру присмотреть за малышами. — Если ты окажешься там без свидетелей, а он догадается, что ты его разоблачила...

— То он меня заклюет?

— Не пытайся меня смешить. Он уже заклевал профессора.

— Ко мне он относится иначе.

— Так арестуй его сначала, а потом допрашивай!

— У меня нет никаких доказательств. Только догадки. А я не получу доказательств, а тем более признания, если он будет настороже.

— Тогда хоть возьми пистолет.

— Я возьму диктофон. Он будет приклеен лентой вот

здесь... — Кора приподняла левое крыло и приспособила клейкой лентой маленький диктофончик. — Если со мной что-нибудь случится, ты знаешь, где искать.

Будто сообразив, что мамочке грозит опасность, птенцы подняли писк. Кора приласкала их.

Она отправилась на раскопки пешком — десять минут от больницы. На улице было холоднее, чем вчера, по земле несло пыль, в небе появилась снежная белизна. Кора перед отлетом сюда прочла, что курицы живут на Ксеро в полосе теплого климата, там не бывает морозов. Но если наступают холода — как они укрываются от них?

Зайчик-Хосе выглянул из дверей магазина «Натуральный продукт» и вежливо, не без робости, раскланялся с сыщиком.

— Здравствуйте, — сказала Кора. — Я как раз собиралась к вам заглянуть.

— Добро пожаловать, — без энтузиазма произнес Хосе, обнажив верхние резцы. — Я всегда рад.

— Не беспокойтесь, — сказала Кора. — Я проверила ваши показания и думаю, что вы мне не лгали.

— Я никогда никому не лгу! — радостно воскликнул Хосе. — У меня дети растут! И когда вы узнаете, кто тот мерзавец, который ощипал господина профессора, отдайте его мне, я его разорву на куски собственными руками. — Хосе протянул к ней тонкие руки.

— Хорошо, — согласилась Кора. — Я ему передам ваше желание.

Пока Хосе переваривал ее обещание, не зная, хорошо ли, что инспектор поняла его буквально, Кора проследовала дальше.

На ближних подступах к раскопкам она увидела небольшое облако холодной пыли, которое, когда она подошла вплотную, оказалось мальчиком Хосе-джуниором, убегающим от археолога Орсекки. Почему-то у мальчика был длинный желтый хвост.

— Как ты смеешь! — кричал археолог. — Ты не уйдешь отсюда живым!

Хосе-джуниор, уворачиваясь от археолога, перепрыгивая через траншеи, кричал в ответ:

— А вам чего! Жалко, да?

— Убью! — кричал Орсекки.

Еще мгновение, и когти Орсекки, кричавшего что-то угрожающее, вцепятся в затылок мальчишки, но тот, увидев Кору, с криком: «Тетя, спаси!» — кинулся к ней под крыло.

Орсекки не успел остановиться и врезался в Кору. Но она удержалась на ногах и даже не дала в обиду Хосе-джуниора.

— Что здесь происходит? — спросила она по мере сил грозно.

— Я его убью, — ответил, переводя дух, археолог.

— Да я всего два перышка вытащил! — ответил мальчик, показав из-под крыла два золотых пера Орсекки.

— И зачем же ты хулиганишь? — спросила Кора.

— Я не хулиганю! — возразил сорванец. — Я папе помогаю. У нас на натуральный продукт всегда покупатель идет. Людям надоела синтетика, честное слово. А меня воспитывать, вы думаете, — легко? А за мной еще трое — мал мала меньше. И все жрать просят.

— Нет, ты представляешь! — Орсекки уже взял себя в крылья и говорил чуть спокойнее: — Ты представляешь — я работаю, завершаю раскопки, а этот негодяй подкрадывается сзади и вырывает у меня перья!

— Я же не все! — ответил мальчик. — Я немножко.

— А ну отдай!

— И не подумаю! — закричал мальчишка. — Вы, тетя Кура, его придержите, а я домой побежал, мне обедать пора.

Он кинулся со всех ног к городу, а Кора и в самом деле постаралась удержать археолога. Но забыла об эффекте своего прикосновения. Тот буквально затрепетал и прижался к ней своим горячим телом.

— Любимая! — клокотал он горлом. — Мое счастье! Ты обнимаешь меня?

— Ни в коем случае! — ответила Кора, хотя ее куриное тело жаждало ласки археолога. — Отойди на шаг, нет, лучше на два.

Археолог всхлипнул и отошел.

— А теперь скажи мне, только честно, ты меня, то есть госпожу Гальени-папа, любил?

— Любил и люблю. Ты об этом знаешь.

— У меня родились твои дети?

— У тебя родились наши дети, — уточнил археолог.

— Но разве это не грозит большими неприятностями?

— Ой, не говори! Об этом даже страшно подумать!

— Именно из-за этого ты ощипал тело профессора Гальени?

Археолог вздрогнул, как ударенный током.

— Ты знаешь об этом?

— Боюсь, что об этом завтра узнают все. Ты, как всегда, неаккуратен.

— Но что я сделал не так?

— Ты не смог изменить свой голос, ты оставил на мешке отпечатки пальцев... тебя видели, наконец, когда ты подвозил мешок к заднему ходу магазина. — Кора лгала, полагая, что хоть в чем-то она попадет в цель. А Орсекки был в таком состоянии, что не мог сопротивляться...

— О ужас! — прошептал он. — Я попался...

— Ты так надеялся, что никто не вспомнит в комиссии, какого цвета было оперение профессора?

— Это было наивно, — сказал петушок. — Но я находился в таком нервном состоянии, что не смог придумать ничего лучше. Я выкрал тело профессора, ощипал его и спрятал в болоте. А перья решил спрятать в подушках магазина...

— И все неаккуратно, непрофессионально, — презрительно произнесла Кора. — Лучше бы и не начинал. Ну какой из тебя преступник! А куда дел его фотографию?

— Я ее закопал. Он же на ней весь белый! Я не гожусь даже для этого...

— К тому же я считаю, что ощипать и выкинуть своего учителя, знаменитого профессора, — акт чудовищного цинизма, — сказала Кора.

— Я его ненавидел! — громко заявил петушок. — Я его ненавидел за то, что он купил тебя, несмышленыша, студентку, затащил, как паук, в свою спальню! Он не имел права владеть тобою! Он не имел права жить! И я должен признаться тебе, любимая, что, ощипывая этого старого развратника, я испытывал наслаждение — наслаждение мстителя!

— А когда ты его убивал, то тоже испытывал наслаждение? — спросила Кора в том же тоне, надеясь, что он сразу признается.

— Я его не убивал, — просто ответил археолог.

— Ну-ну, — мягко укорила его Кора. — Ты же во всем уже сознался. Осталось совсем немного. Ты только расскажи мне, как ты подкрался к профессору и с наслаждением вонзил ему в шею нож.

— С наслаждением?

— С таким же, как ощипывал его.

— Нет! Нет, только не это! Я ощипывал его мертвого, это совсем другое. Но убить его я не смог. Я пытался... я хотел, ты же знаешь! Когда я узнал, что ты беременна от меня, когда я понял, что вылупятся цыплята наших с тобой цветов, я понял, что придется от него избавиться...

— Иначе тебя выгонят с работы.

— И не только это! Я стану отверженным...

— А, ты понял, взял нож и пошел за профессором!

— О нет! Не надо! — археолог бросился бежать от Коры. — Я не могу смотреть тебе в глаза!

— Нет, ты признайся! — кричала, догоняя его, Кора. — Ты это сделал?

— Если ты... если ты, любимая... — тут он сильно взмахнул крыльями и неожиданно для Коры, а возможно, для себя самого, взмыл в небо.

Он летел вдаль над пропастью, над рекой, и до Коры донесся его прощальный крик:

— Если ты так считаешь, то я согласен! Я убил профессора! Я убил его!.. убиииииииииил...

— Убиииил! — подхватило эхо.

— Убил, оказывается, — сказал мальчик Хосе-джуниор, который никуда не убегал, а стоял неподалеку, держа в руках два вытащенных из Орсекки пера, два золотых пера, каждое размером с мальчика.

— А ты что здесь делаешь? — грозно спросила Кора. Этот свидетель ей был не нужен. Еще пойдут сплетни...

— Не бойся, тетя Кура, — сказал мальчишка, который был очень сообразительным. — Я никому не скажу. Рано еще, да?

— Рано, — сказала Кора.

— Но когда нужно, ты меня позови, я, где надо, выступлю свидетелем. Собственными ушами слышал, как этот чайник сознался.

— Хорошо, — сказала Кора. Ей было ужасно жаль молодого археолога. До слез жаль. Преступление страсти — все равно преступление. И, без сомнения, на родной планете его ждет горькая судьба... если не гибель. «И зачем только я избрала такую жестокую профессию? Кто дал мне право решать, жить или не жить этим существам, которые полюбили друг друга...» Но Кора преодолела минуту слабости. Она вспомнила, что ради собственного счастья совсем не обязательно убивать старого мужа своей любовницы.

— Ничего, — сказала Кора вслух. — Справедливость должна восторжествовать.

— Справедливость? — спросил Хосе-джуниор. — Где вы ее видели, тетя?

— Но ведь мы с тобой хотим ее торжества?

— Разве? — удивился мальчик. — А я думал, что не хотим.

— Как так?

— А я видел, — сказал мальчик, глядя в землю. — Я видел, как этого профессора кокнули. Я же всегда возле раскопок ошиваюсь.

— Погоди! — попыталась остановить мальчика Кора.

Но тот припустил к городу. За ним струились золотые перья из хвоста убийцы.

* * *

«Ну вот, — рассуждала Кора, шагая по центральной улице городка и автоматически раскланиваясь с прохожими, — ну вот мы и завершили дело. Оказалось, что это не преступление ради корысти, а преступление ради любви.

И чего мы добились?

Мы добились того, что отныне в мире на трех сирот стало больше. Ведь совсем не обязательно новая обитательница тела их мамы, если такая найдется, а тело не разберут на детали, будет с ними так же нежна и заботлива, как совсем чужая земная женщина Кора Орват».

Первые снежинки кружились в воздухе. Еще неделя-другая, и снег пойдет пеленой и затянет раскопки, город и всю планету. То-то будет нелегко комиссии с Ксеро.

Кору начала грызть тревога — ей стало страшно за детей. Бывает же материнское, ничем не обоснованное предчувствие... Нет, больше она здесь быть не могла.

Она побежала по улице, размахивая крыльями.

...Навстречу ей мчался Орсекки. Орсекки тащил колоссальных размеров узел из нескольких простыней. За Орсекки неслись, обгоняя друг дружку, местный врач и шесть или семь медицинских сестер.

— Стой! — закричала Кора.

— Это мои дети! — завопил в ответ совершенно рехнувшийся археолог.

Кора уже знала, что сейчас произойдет! Куры учатся летать!

Разбегаясь все более, Орсекки начал бить крыльями по воздуху, оторвался от земли и даже смог набрать некоторую высоту.

Ни одного вертолета рядом не было.

Коре пришлось самой стать истребителем-перехватчиком.

Она поднялась в воздух и вскоре настигла Орсекки, который держал курс к горам.

— Ты что делаешь? — спросила она на лету.

— Тебя не касается, — ответил он.

Говорить Орсекки было трудно, потому что он держал тюк в клюве.

— А что ты тащишь? — спросила Кора.

— Тебя не касается.

— Если это дети, то ты подвергаешь их страшному риску!

— Меня все предали! — сообщил Орсекки.

— И что ты намереваешься делать?

Тюк затрепетал в клюве, норовя вырваться. Никаких сомнений не оставалось: преступник похитил своих детей и готов их погубить, только не отдать в чужие руки.

— Я их сам воспитаю, — невнятно ответил Орсекки.

— На морозе? В горах?

Орсекки выбился из сил... Он судорожно колотил крыльями по воздуху, но они уже не хотели его держать — с каждым метром он терял высоту. Кора летела рядом, стараясь придержать клювом тюк, — она боялась, что тюк выпадет и дети разобьются о камни внизу.

Но каким-то отчаянным усилием Орсекки удержал тюк, и они вместе опустились в лощину между скал — не очень далеко от города, но невидимые оттуда.

Орсекки упал на спину и хватал воздух широко раскрытым клювом. Из его горла вырывался хрип.

Кора сразу же развязала тюк, и перепуганные цыплята забились под ее бок, спасаясь от холода и страха. «Как жаль, что птицы не выкармливают детей грудью, — пожалела Кора. — Я бы сейчас покормила и успокоила их».

— Все это глупо, — сказала Кора. — Ты только погубил бы детей.

— Но я не могу так больше жить... я не могу.

— Не надо было убивать профессора Гальени, — сердито сказала Кора.

Орсекки приподнял голову. Он смотрел на Кору отчаянным взглядом.

— Клянусь тебе здоровьем наших детей! — воскликнул он. — Клянусь всем святым! Я не убивал профессора!

— Ах, оставь, — сказала Кора. — Завтра ты скажешь, что не уносил на верную гибель своих цыплят.

— Я не хочу жить...

— Теперь это самое легкое.

— Ты мне не веришь или не хочешь верить?

— Ты единственный, кто хотел убить профессора... Ведь ты хотел?

— Хотел.

— И единственный, кто имел к тому возможность. Имел?

— Имел. Но не убивал!

— Может, ты даже знаешь, кто убил?

Последовала длинная тягучая зловещая пауза.

— Ну, говори же! Мне надо нести детей обратно.

— Знаю, — сказал археолог и заплакал.

Таким Кора его и оставила.

Она загнала детей в тюк и с невероятным трудом донесла его до города.

На окраине она не выдержала и буквально рухнула у крайнего дома. Ее страшно беспокоило здоровье малышей. Как бы сиротинушки, кровинушки ее не схватили простуду!

Цыплятки выползли из тюка. Они тоже настрадались и потому были непривычно тихи и малоподвижны. Вот Чук и Гек с золотыми и черными перьями, а вот пеструшка Мила...

Как она их всех любит... Ради них она готова на все. Такова доля женщины... ради любимых пойти на все.

По улице несся Хосе-джуниор.

— Тетя Кура! — закричал он. — Что случилось? Все бегают, по телефонам звонят. Говорят, ваших детей украли, а то и вас убили.

— Ничего, обойдусь.

Цыплята при виде Хосе оживились и потянулись к нему.

Они еще не видели таких маленьких людей, и Хосе им понравился.

Они тоже понравились мальчику.

— Во, никогда не думал, что цыплята такие бывают, — сказал он. Потом пригляделся к Чуку, который пытался склюнуть с его куртки яркий значок, и произнес: — Ну точно ихний папаша!

— Ты и это знаешь? — удивилась Кора.

— Угу, — сказал парнишка и побежал по улице, Чук за ним.

Они бежали по кругу. Потом за ними побежал и Гек. Только Мила осталась возле матери.

Кора понимала, что Орсекки не лгал. Он не убивал профессора.

Или ему кажется, что он не убивал профессора.

Да, он в истерике, он почти лишился рассудка — но не от страха, а от обиды...

— Стой! — закричала Кора громко. Так, что мальчик и цыплята замерли. — Стой, Хосе! Ты же сказал мне, что видел, кто убил профессора?

— Конечно, видел, — ответил мальчик.

— Так чего же ты скрывал правду?

— А кто меня спрашивал? Сам я в куриные дела не лезу. И папаша мой меня учил: если у соседей проблемы, пускай они их и решают — у нас своих проблем хватает, правда, тетя Кура?

— Так расскажи мне, как он его убил.

— Кто убил?

— Расскажи мне, как археолог Орсекки убил нашего профессора.

— А при чем тут Орсекки?

— Ну он же убил профессора! Он в этом сознался.

— Сознался, сознался, а что ему оставалось делать?

Мальчик подошел к Коре, обнимая за шею цыпленка. Цыпленок вырывался, но не сильно.

— Не говори загадками! — закричала Кора.

В тот момент она уже поняла, кто убил профессора, — кто имел и основания, и желание, и даже необходимость убить профессора. Но решение было столь необычно для Коры как для инспектора ИнтерГпола, что она никак не могла к нему прийти.

— Так вы же знаете, — сказал мальчик.

— Потому и прошу тебя сказать, что знаю, — сказала Кора. — Мне нужно твое независимое мнение.

— Ну вы, тетенька, и убили, — сказал мальчик.

— Правильно, — согласилась Кора. И бессильно опустилась на холодную землю.

* * *

Кора привела в больницу малышей, включила электрокамин, накормила, напоила, уложила спать свой детский сад. Тем временем местный доктор с помощью шахтеров отыскал в горах замерзшего и обессилевшего Орсекки.

Его тоже привели в палату, кормили, согревали, утешали.

— Ты хоть расскажи, как все произошло, — попросил Кору доктор.

— Эта ситуация многократно описана в художественной литературе. И обычно она заканчивается трагически.

— Попроще можно? — спросил врач. Но одна из медсестер, стоявшая в дверях, укоризненно произнесла:

— Мурадик, не старайтесь показаться циником.

— Гальени-папа понимала, что, когда она снесет яйца и из них вылупятся птенцы, ее тайна станет известной всему свету: расцветка птенцов почти наверняка выдаст настоящего отца. В ином обществе она смогла бы найти выход — уехать, развестись...

— У нас это невозможно! — горько произнес Орсекки.

— Рождение детей ставило под угрозу судьбу, любимую работу, карьеру ее возлюбленного.

— Это так, — согласился Орсекки.

— Как можно было его спасти?

— Неужели она на такое решилась! — ахнула медсестра.

— Да, — сказала Кора. — Молодая женщина подстерегла на раскопках своего нелюбимого старого мужа и убила его.

— Лучше бы это совершил я! — произнес Орсекки.

— Она не знала, что убийство наблюдал мальчик Хосе-джуниор, очень хитрый, себе на уме мальчик.

— Да, я себе на уме, — признался Хосе, который сидел среди цыплят и потихонечку щипал из них пух для папиного магазина. — Я там ошивался, как всегда, думал, чем поживиться. Я такой, я деловой. И вижу, как та старая курица, которая над площадкой каждый день летала и сверху снимки делала, к обрыву идет, молодая, эта самая, — он показал на Кору, — за ним топает. И как-то так топает, что я сразу за палатку спрятался. Смотрю, у нее нож в когтях. Сзади подобралась, ножиком его по шее — вжик! Тот с катушек долой!

— Мальчик, говори культурно, — попросил его местный врач.

— А я культурно, — ответил мальчик без уважения к старшему. — У меня своя культура... Значит, профессор с катушек долой, а тетя Кура, простите, его жена, как упадет на его тело и как завопит: «Прости меня! Зачем я это сделала!» А тут бежит вот этот, — мальчик показал на Орсекки. — Бежит и кудахчет: «Что такое, что такое?»

— Вы ужасно выражаетесь, — сказал Орсекки.

— Ладно уж, — мальчишка чувствовал, что находится в центре внимания. Потому он был неуправляем. — Как умею, так и рассказываю. Значит, добежал этот самый до убитого куры и начал свою бабу успокаивать. «Не тужи, — говорит, — никто не узнает...» Ну и так далее. Как в детективном романе.

— Она так казнила себя! — сказал Орсекки. — Я не мог ее успокоить. Я ее уговаривал, чтобы она берегла себя хотя бы ради наших детей. Но она боялась, что, когда дети родятся, они все равно меня выдадут своей окраской. Нет, она готова была на все ради меня...

— Тогда и последний акт драмы мне становится понятен, —

сказала Кора. — Гальени-папа узнала, что приезжает инспектор, и поняла, что я могу распутать это дело и погубить... нет, не ее, а Орсекки.

— Да, — согласился археолог, — она мне об этом говорила в последний день жизни. Но я опять не уследил за ней.

— Она отправилась на космодром, — продолжала Кора. — Она подложила бомбу в кадку с пальмой. Она нажала на кнопку, когда я поравнялась с пальмой. Все получилось, как она и рассчитывала... Но нервное напряжение последних дней было таково, что у нее разорвались сосуды в мозгу — она не могла более жить.

— Она не хотела жить, — поправил Орсекки.

— А так как никто не подозревал в покушении несчастную вдову, то не догадались обыскать ее сумку, где был спрятан миниатюрный передатчик. И если мы осмотрим сумку сейчас, то найдем это взрывное устройство.

— Нет, не найдете, — сказал Орсекки. — Я его выкинул.

И все замолчали.

Ибо ужасно было преступление, но и ужасна судьба той, что его совершила.

— Она так и не увидела своих детей, — произнесла наконец медсестра.

— Мы с папашей возьмем их к себе в магазин — вот реклама будет! — сказал Хосе.

— Ни в коем случае! — ответила Кора. — Вы же их поджарите!

Может, это была и шутка, а может быть, нет. Но все обиделись на Кору. Нельзя быть такой неделикатной в такой деликатный момент.

— Я им дам лучшее образование, — сказал тогда Орсекки. — Я посвящу остаток своих дней заботе о детях...

— Но вам будет нелегко на вашей планете, — сказал местный доктор.

— Я не буду на нее возвращаться, — ответил Орсекки. — Мы будем жить в Галактическом центре. Там можно затеряться...

— Я помогу вам устроиться на первое время, — сказала Кора.

— Не надо, — возразил Орсекки. — Вы слишком напоминаете мне мою несчастную любовь.

— Не думайте, что я останусь в этой шкуре надолго, — ответила Кора. — В следующий раз вы увидите меня... более адекватной.

— А может быть, останетесь в этом теле? — робко попросил Орсекки. — Мы с детьми вас будем любить...

— И не надейся, — сказал циничный мальчик Хосе-джуниор. — Она себе такое тело подберет, что ни одной курице не снилось.

— Постараюсь, — коротко ответила Кора и погладила Чука по затылку.

«Я — убийца», — мысленно повторяла она и обернулась к зеркалу. В зеркале отразилась добрая куриная физиономия.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Июль 2094 года на Вологодчине выдался неровным, скорее прохладным и дождливым, нежели жарким и сухим. Но немало случалось и теплых, солнечных дней.

В один из таких дней Кора Орват, впервые за два года вырвавшаяся на родину в отпуск, лежала на траве на берегу лесной речки Гусь, подставив северному солнышку красивое обнаженное тело. Будучи человеком принципиальным, Кора считала, что загорать в купальнике нецелесообразно, так как загар ложится неравномерно.

Деревня Пьяный Бор широко и вольно раскинулась по высокому берегу, дома в ней все как на подбор рублены из вековых сосен.

Вдоль берега медленно брело деревенское стадо.

Пастушок Вася, присланный родителями в деревню, чтобы побаловаться парным молочком, увидел лежащую в траве Кору и, подойдя к ней, спросил:

— Не холодно, Кора Игнатьевна?

— Мне приходилось лежать и на льду, — отрезала Кора, которая не терпела назойливости. Она перевернулась на живот и стала рассматривать божью коровку, ползущую вверх по травинке, а травинка все гнулась да гнулась, пока божья коровка не упала на землю. Ей бы отыскать для восхождения травинку покрепче, а то и куст, но божья коровка, подобно человеку, снова полезла по той же самой травинке.

— Кора Игнатьевна, — спросил пастушок Витя, — а вы на Луне были?

— Была.

— А на Марсе были?

— И на Марсе была.

— А в Галактический центр летали?

— Летала.

Божья коровка уже добралась до середины травинки. Кора стала придерживать кончик травинки, чтобы она не согнулась. Ей было интересно узнать, какова конечная цель божьей коровки.

— А я в Галактический центр не летал, — сообщил Витя. — У вас на попке комар сидит.

Кора отпустила травинку, хлопнула себя, комар улетел, а божья коровка упала на землю. Кора поняла, что ненавидит пастушка.

— Кора Игнатьевна, а правда, что вы сыщик? — спросил мальчик.

Кора не ответила. Она снова придерживала конец травинки.

— Я думаю, что это правда, — сказал Витя. — Можно я вас шлепну, чтобы комара убить?

Кора поняла, что готова сдаться.

— Бей! — разрешила она.

Важнее было узнать, чего же хочет божья коровка.

Витя размахнулся и с удовольствием шлепнул молодую женщину.

— Убил? — спросила Кора.

— Пятно осталось, — сказал Витя.

Божья коровка доползла до конца травинки, подумала немного — то ли продолжить путешествие по пальцу Коры, то ли вернуться обратно. Потом, видно, вспомнила и, оттолкнувшись от травинки, упала на землю. Перехитрила Кору.

— А правда, что вы агент номер три ИнтерГалактической полиции?

Божья коровка подошла к травинке и возобновила восхождение.

— И у вас наградной бластер с автографом президента Федерации?

— Иди, мальчик, иди, — сказала Кора. — Слишком любопытные пастухи долго не живут.

— А сколько они живут? — спросил Витя, но пошел прочь за коровами.

Ему было шесть лет, и жизнь только начиналась.

Кора Орват уже потеряла четыре тела, и пятое, выращенное из ее собственных, хранившихся в Первом отделе клеток, было совсем новым, а так как было материализовано лишь неделю назад, то еще совсем не загорело.

— Кора! — послышался от крайней избы голос бабушки Насти. — Куда ты запропастилась, противная девчонка? Немедленно обедать! Суп стынет.

Кора улыбнулась. Она так стосковалась по родному бабушкиному голосу! Жизнь пролетает в трудах и опасных приключениях.

Кора поднялась, накинула легкий плащ и побежала вверх по склону.

Баба Настя, отлично сохранившаяся стройная женщина семидесяти трех лет, без единого седого волоса, все зубы на месте, морщины — только в уголках глаз, уже накрыла на стол. Теперь она хлопотала у печки, доставая оттуда горшочек с борщом.

По комнате расходился сказочный аромат.

Кора забежала на минутку в туалетный блок, привела себя в порядок, затем зашла в свою спальню и мгновенно переоделась к обеду. Деревенская жизнь деревенской жизнью, но опускаться нельзя! Тем более если вспомнить, что фамилия Орват относится к старой шляхте из великопольского селения Кживда, а старая польская шляхта всегда переодевается к обеду.

Переодеваясь, Кора с любовью поглядела на портрет своего прапрадедушки Бронислава, активного участника польского восстания 1863 года, сосланного за это в российскую

глухомань — деревню Пьяный Бор Великогуслярского уезда Вологодской губернии. Здесь пан Бронислав женился на русской девушке Параше, народил детей и прожил сто три года. На портрете кисти великого Выспянского бригадный генерал Орват был изображен в пике карьеры — на голове уланская рогатувка, усы достают до ушей, взгляд орлиный, ладонь на гарде сабли.

— Ну и что нового на работе? — спросила бабушка, усаживаясь напротив внучки.

Из гуманных соображений бабушке ничего не говорили о настоящих занятиях Коры.

Считалось, что Кора трудится юрисконсультом в Галактическом центре и потому ей приходится часто летать по делам в отдаленные районы Галактики.

— Мне так не хочется думать о работе, бабуся, — взмолилась Кора. — Дай мне насладиться беззаботной жизнью!

— Может быть, тебе лучше построить новую семью? — спросила бабушка, избрав другую линию нападения. — Остепенишься, заведешь детей, я буду с ними гулять...

— Одного раза достаточно! — отрезала внучка.

Первый брак Коры был неудачен, и она не любила о нем вспоминать.

Бабушка не стала настаивать. Она любовалась внучкой и думала о том, что профессия юрисконсульта очень опасна для такой нежной девушки, как ее Кора. Как жаль, что Кора не стала литературоведом или математиком!

Нежное солнце проникало на веранду старого деревенского дома, нахальная оса кружилась над сахарницей, слышно было, как квохчут куры, как замычала на лугу корова и соловей в роще запел было песню, да спохватился, что день в полном разгаре, рано еще петь...

Кора была одета в простой, правда, сшитый в Париже сарафан, синий, в мелкий белый горошек, непослушные золотые волосы сдерживала голубая лента, узкое серебряное колечко с рубином было единственным ее украшением.

«Такая нежная красавица — моя внучка, — думала бабушка Настя. — И как ей не повезло. Неужели она так и не отыщет себе достойного спутника жизни?»

«Чудесно, — думала Кора, — чудесно получить передышку, не чуять близкого дыхания преследующей смерти, не ощущать тягучего запаха крови, не слышать, как визжат электронные стрелы и лязгают пули о бронежилеты. Да, пожалуй, зря я не стала математиком или энтомологом — почему бы мне не изменить жизнь? Ведь еще столько бабочек не описано и не изучено во Вселенной...»

— Бабушка, — спросила Кора, — как ты относишься к энтомологии?

— Прекрасно! — воскликнула бабушка, которая угадала, что в головке ее любимой внучки проносятся мысли о перемене специальности.

Малиновки мелодично перекликались в листве груш и яблонь. От реки доносился голосок пастушка Вити, который звал коров перейти в прохладу леса.

— Та-та-та-та, — мелодичным пулеметом заверещал видеофон.

Кора глубоко вздохнула и пожалела о том, что не успела сбежать в энтомологию. И, судя по тембру видеофонного звонка, в ближайшие недели ей этого не сделать.

Не вставая из-за стола, Кора щелкнула пальцами, включая связь. На экране видеофона возникло мужественное загорелое лицо немолодого седовласого человека с ярко-голубыми смеющимися глазами и резко очерченными полными губами.

У бабушки дрогнуло сердце. Неважно, что этот человек кажется немолодым, — но какое благородство, какой мужественный облик! Пожалуй, такого мужа она пожелала бы своей красавице.

— Бабуля, — взмолилась Кора, — скажи, что меня нет дома.

Баба Настя никак не могла собраться с силами соврать в лицо такому человеку и, конечно же, упустила драгоценное время.

— Не трудитесь, Анастасия Тадеушевна, — сказал пожи-

лой герой, — в вашем возрасте пора думать о боге, а не лгать первому встречному. Ваша внучка сидит справа от вас, и сейчас я ее вижу.

В этот момент аппарат видеофона быстро повернулся так, чтобы Кора попала в поле зрения мужчины, чего видеофон никогда раньше не делал.

— Здравствуй, Кора, здравствуй, птичка, — произнес мужчина, с трудом удерживаясь от смеха.

— Ах, это вы, господин юрисконсульт! — воскликнула Кора, не делая попытки подняться. — Что заставило вас прервать свой послеобеденный отдых? Неужели в нашей конторе случилось нечто ужасное? Неужели кому-то надо мчаться в Антарктиду и подписывать доверенности?

— Ты права, Кора, — ответил юрисконсульт. — Тебе придется прервать отпуск и слетать на пару дней в Антарктиду.

— Ну уж позвольте! — разобиделась баба Настя. — Какая еще Антарктида? Девочка только начала отдыхать. Лица на ней нет! Я буду жаловаться. И вас, милостивый господин, выгонят с работы.

— Я жалею обо всем больше вас, — признался юрисконсульт. — Но у вашей девочки замечательный почерк. Ей предстоит создать ряд документов. И прошу вас — не сердитесь! Клянусь, что Кора возвратится к вам и к вашим знаменитым борщам не более чем через три дня.

— Ладно, бабуся, — сказала Кора, поднимаясь со стула и целуя бабушку в щечку. — Я и на самом деле постараюсь поверить этому хамелеону, обманщику малолетних, извергу Милодару. Но если он меня снова обманет и я не вернусь сюда через три дня, то его внуки скоро увидят труп любимого дедушки.

— Не говори так, Кора, это нехорошо, — всполошилась баба Настя.

Но Кора не слышала ее, она уже прошла к себе в спальню, за три минуты собрала походную сумку, переоделась в дорожный комбинезон и укрепила на спине автономный движок.

Бабушка вышла на крылечко и воскликнула на прощанье:

— Ты борщ не доела!

— Поставь его в холодильник, — отозвалась Кора. Она спрыгнула с крыльца, пробежала, набирая скорость, мимо клумбы, мимо клубничных грядок, к открытой калитке... взлетела и взяла курс на Вологду.

* * *

Не спеша пролетая над густыми лесами, с таким трудом восстановленными после опустошений двадцатого века, любуясь извивами рек, очищенных от промышленных отходов, поглядывая на орлов и соколов, вновь заселивших небо, Кора размышляла о том, что бабушка, как всегда, права. Ну сколько можно отдавать всю себя мужскому делу — сколько можно быть полицейской ищейкой и пугалом для детишек на отдаленных коррумпированных планетах?

«Все! Решено! Я свободна!»

В ухе зазвенело — это Милодар поторапливал своего агента, дело, видно, было серьезным.

Кора похлопала себя по уху, звон стал потише, но не смолк. Это ее встревожило.

Свою тревогу она высказала вскоре в кабинете комиссара Милодара, опустившись на лифте под ледяной километровый щит Антарктиды, где располагалась земная штаб-квартира ИнтерГпола.

— Скажи мне, Милодар, — сказала она голосом, будто впитавшим в себя вековой холод Антарктиды. — Когда меня возвращали в мое тело, что туда еще внедрили?

— Ничего, — ответил Милодар, широко улыбаясь.

Его голубые глаза лучезарно сверкали на загорелом лице, седые кудри ненавязчиво падали на лоб. Он не встал со своего места за широким столом, но поднял руку, приветствуя Кору.

— А что звенело? — спросила Кора, подходя к столу и опускаясь в кресло, которое послушно приняло форму ее тела. — Что во мне звенело?

— Это ребята из экспериментальной лаборатории баловались, — отмахнулся Милодар. — Никакого вреда для организма, так, легкий сигнал...

— Значит, так, — сказала Кора. — Прежде чем я продолжу этот разговор, попрошу вынуть из меня все звоночки, сигнализацию, руководящие указания и напоминания.

— Разумеется, — ответил Милодар, улыбаясь доброй улыбкой старшего брата. Но Кору этим не обманешь — она отлично знала, что Милодар, которого видели сотрудники ИнтерГпола и даже друзья (хотя у него, конечно же, не было друзей), был не более как удачной голограммой. Настоящий Милодар выглядел неизвестно как, скрывался неизвестно где, поэтому ни одно из покушений на него не увенчалось успехом. В Земном управлении, правда, сплетничали, что в истинном облике его видели только новые молодые жены — синхронные пловчихи, близнецы Джульетта и Макбетта.

— Разумеется, — повторил Милодар, — но учти, что разборка и сборка твоего тела займет чуть больше двух недель и на нем могут остаться шрамы.

— Спасибо, дружище, — ответила Кора, — потерплю до следующего тела.

— Ломать — не строить, — загадочно произнес шеф.

— Говорите, зачем вызвали из отпуска, — официальным тоном спросила Кора, рассматривая свои пальцы, — ногтям бы еще подрасти.

— Покой нам только снится, — ответил загадочным афоризмом шеф ИнтерГпола. — Я вот в отпуске четыре года не был.

— Ужасно! — согласилась с ним Кора.

— Любой бухгалтер волен поехать на Гавайские острова!

— Вот именно.

— А мы должны копаться в отбросах человечества.

— Так что же случилось? — повторила свой вопрос Кора.

— То, чего мы опасались. Убит Эгуадий Второй.

— Это еще где?

— Разумеется, ты вообще перестала читать газеты и смотреть новости. Может, ты не знаешь, где находится планета Нью-Гельвеция?

— Ума не приложу.

— Мне за тебя стыдно.

— Послушайте, Милодар, вы же посылаете меня к чертям на кулички, я месяцами не вижу ни одного разумного лица, а пашу на вас, как Микула Селянинович — богатырь из русского эпоса. Когда мне смотреть новости? Где мне их смотреть? В джунглях, под землей, в облаках? В вертепе?

— Кора, только без этого! Только без рук! — предупредил ее Милодар, вскакивая с кресла и отпрыгивая в угол. — Только без эмоций. Я сам тебе все объясню.

— Так-то лучше. — Кора уселась в кресло и перевела дух. Вспышки гнева обходились ей недешево. Новое тело к ним еще не привыкло и ответило приступом радикулита.

— Эгуадий Второй — законный правитель планеты Нью-Гельвеция, потомок славного рода Супремидов. Всеми возможными методами он боролся за мир и межпланетное сотрудничество. Он развивал у себя в империи экономику, экологию и искусства. Он пригласил с Земли ведущих специалистов в различных научных областях, и они были счастливы трудиться на благо его народа.

Говоря так, Милодар нажал на кнопку, и в дальнем конце комнаты на белом фоне возникло голографическое изображение высокого согбенного пожилого человека в старомодных очках и чуть потертом костюме. Человек обратил рассеянный взор к Коре, и губы его шевельнулись. Робкая улыбка озарила его некрасивое, но доброе лицо...

— Вот его и убили, — мрачно сказал Милодар, почесывая голографический живот.

— Бомба? — спросила Кора. Бомба была самым обычным орудием против диктаторов, императоров и демократически избранных президентов.

— Убит он был странно, — сказал Милодар. — Настолько странно, что мы вызвали тебя, а не обычного агента. Его пронзили двумя шампурами.

— Как так?

Милодар включил на экране новое изображение. На этот раз Кора увидела обнаженное желтоватое тело императора,

лежащее на полу в пустом мрачноватом помещении. Лежал он навзничь, раскинув руки, и из его груди торчали рукоятки двух шампуров для приготовления шашлыка. На теле и на полу была видна запекшаяся кровь.

— Все равно я не понимаю, зачем было меня вызывать? У них на планете существует собственная полиция, которая наверняка этим уже занимается. И чем меньше мы будем совать носы в их дела, тем лучше для всех.

— Великолепно сказано! — Милодар щелкнул пальцами, и этот звук, соответственно усиленный, разнесся по его скромному дому. Не прошло и полминуты, как в кабинете возникла стройная как тростиночка фигурка одной из молодых жен Милодара — судя по доброй улыбке, скорее Джульетты, чем Макбетты. Нежную красоту ее лица чуть портила крупная прищепка для носа, которую Джульетта не снимала, как профессионал в синхронном плавании.

Милодар, уставший менять любовниц — киноактрис, манекенщиц и журналисток, — недавно женился на близнецах, десятиклассницах из Мариуполя Джульетте и Макбетте. Их мама руководила самодеятельным театром рыбацкой артели — отсюда и странный выбор имен. Странный, но не случайный. Вскоре обнаружилось, что славная, скромная, послушная Джульетта боготворит своего немолодого мужа, тогда как Макбетта уже трижды изменяла ему с прыгунами в воду и пыталась отравить шефа Галактической полиции жареными сморчками. Разумеется, лишь самые близкие друзья знали об этой трагедии Милодара. Среди них была и Кора.

— Ты Джульетта? — спросил Милодар у жены, которая расставляла на столике чашки.

— Джульетта, мой повелитель, — ответила та, потупясь и чуть гнусавя из-за прищепки.

— Вроде Джульетта, — сказал Милодар, поднимаясь с кресла и делая шаг к молодой красавице.

Он указал на родинку на правой щеке молодой женщины и произнес:

— Знаешь, как я их различаю? У Джульетты родинка есть, а у Макбетты — нету.

Он дотронулся до родинки, жена резко отклонилась назад, но не успела — плохо наклеенная родинка упала на пол.

— О, проклятие! — воскликнул Милодар. — Мы были на волосок от смерти!

Макбетта, замаскированная под Джульетту, зловеще захохотала.

Милодар выхватил бластер и направил его на жену.

— Убью!

Кора наблюдала эту сцену с интересом, но без страха, потому что понимала: бластер у шефа тоже голографический.

— Убей, — согласилась юная женщина. — Я все равно буду тебя ненавидеть.

— Всегда? — спросил Милодар, и его голос дрогнул.

— Всегда, — ответила жена и отбросила в угол кофейник с отравленным напитком.

Милодар обхватил юную женщину за плечи и притянул к себе.

— Нет, никогда! — воскликнула Макбетта и выхватила тонкий стилет. Она попыталась вонзить стилет в голографического мужа, но клинок прошел сквозь его тело, не причинив Милодару вреда.

С плачем Макбетта убежала из комнаты.

— Позови Джульетту! — крикнул ей вслед Милодар.

Пока они ждали, когда Джульетта принесет новый кофе, Кора спросила:

— Зачем вам понадобились две жены?

— Ах, это случайность! — отмахнулся Милодар, которому надоело отвечать на этот вопрос.

— Никогда бы не завела двух мужей, — не сдавалась Кора.

— Я их увидел на вечере встречи старшеклассниц Мариуполя с героями-полицейскими... И понял, что женюсь. Но на ком из них? Оказалось, что дилемма эта неразрешима. Хотя бы потому, что я не умел их различать и не знал, какую из них желаю больше. А потом я понял, что умру от ревности, допус-

тив, что одна из них заключит в свои объятия другого мужчину... Да и сами девочки не хотели разлучаться...

— А потом?

— Потом? Оказалось, что я был прав. Одна из них обволокла меня трогательной нежностью, а вторая обожгла страстной ненавистью. И не знаю, что меня волнует больше. Тебе этого не понять...

— Каждая настоящая женщина, — возразила Кора, — может обеспечить мужику и любовь, и нежность, и ненависть по полной программе. Для этого нет нужды заводить гарем.

Вернулась Джульетта, поглядела на мужа, как кролик на очень красивого удава, и прогнусавила:

— Вы пока пейте, а я принесу тряпку и вытру за сестренкой.

— Не беспокойся, — сказал Милодар и дотронулся до ее щеки. Родинка сидела как влитая.

Кофе был горячий, крепкий и душистый.

«У каждого человека, — подумала Кора, — есть в жизни свои сложности. И чем крупнее личность, тем драматичнее сложности. Сложности в жизни императора Нью-Гельвеции привели его к трагической гибели. Надо будет спросить...»

— На Нью-Гельвеции полигамия или моногамия? — спросила Кора.

Милодар ухмыльнулся, раскусив второй, подводный слой вопроса:

— Там моногамия. Обходятся одной женой. Воображение никуда не годится.

— Может, еще чего-нибудь желаете, мой господин? — спросила Джульетта.

— Иди, иди, отдыхай, — отослал ее прочь Милодар.

Потом обернулся к Коре.

— Но любит меня — с ума сойти! — задумчиво произнес он. — Нет, не эта, в этой огня нет. Я имею в виду Макбетту.

— Убьет она вас когда-нибудь.

— Обязательно убьет, — согласился шеф ИнтерГпола. — Я для этого в спальне запасное тело держу.

Они помолчали.

— Ты спросила меня, почему на Нью-Гельвеции не могут провести расследование силами местной полиции. Все очень просто. Они не хотят.

— Почему?

— Потому что власть захватил Дуагим. Племянник императора. Тебе это имя что-нибудь говорит?

— Что-то неприятное.

— Правильно. О нем у нас много писали, когда он организовал бандитское нападение на мирный лайнер «Миннесота» и перебил там видимо-невидимо пассажиров. Конечно, его вина так и не была доказана, но сомнений в том практически нет. Тогда Организация Объединенных Планет потребовала его выдачи для международного суда. Ему пришлось бежать и скрываться три года в горах.

— Откуда такая нелюбовь к Земле?

— Для нас это было загадкой, пока не удалось обнаружить в архивах, что двадцать лет назад он прилетал на Землю и пытался поступить в Московский архитектурный институт. На первом же экзамене ему досталось рисовать голову Сократа... И он провалился. К черчению его даже не допустили.

— Какой ужас!

— Не улыбайся. Порой войны начинались и из-за меньших поводов. В результате принц остался без высшего образования, возвратился домой и принялся расчищать себе дорогу к престолу, уничтожая наследников и претендентов. Из него получился реакционер, душитель свобод и развратник. Главное — монстр, ненавидящий все земное!

— В сущности, это их внутреннее дело, — возразила Кора. — В Галактике немало душителей свобод и деспотов. Вряд ли нам удастся навести в ней порядок.

— Ты права. Но беда в том, что на Нью-Гельвеции находится двести сорок земных специалистов, советников и торговцев. Все они стали заложниками Дуагима, который намерен отыграться на них за все унижения своей юности, а главное — от-

вести от себя подозрения в том, что именно он стоит за убийством законного монарха.

— Как он может отыграться на земных торговцах?

— Очень просто. Он уже официально объявил, что убийство императора Эгуадия — злодейский заговор Земли. Так что всех землян будут судить и наверняка признают виновными. Хочешь поглядеть на этого монстра?

— Покажи.

Милодар снова включил экран, и Кора могла полюбоваться портретом нового императора.

Император произвел на Кору неприятное впечатление. Рыжие курчавые волосы красным нимбом окружали пятнистую лысину, под низким лбом прятались шоколадные глазки, таились на подушках лиловых щек. Видно, император слишком любил поесть и ни в чем себя не ограничивал. Но самым неприятным Коре показался рот Дуагима — тонкая щелка, совсем без губ.

— Понравился? — спросил Милодар.

— Не понравился, — ответила Кора.

— Злобная скотина, — сказал Милодар. — У него есть своя охрана, она называется бригада исчезновения. Кто неугоден Дуагиму — исчезает без следа.

— Приятная перспектива.

— Я не хотел бы, чтобы наши дипломаты и программисты, агрономы и певцы пропали таким образом. Конечно, потом мы этого Дуагима накажем. Но когда и насколько сильно, я не знаю. А раз так, то я не намерен отдавать ему землян.

— Значит, его полиция и не собирается искать убийцу?

— Нет. Уже назначен день суда над землянами. Исход его не вызывает сомнения. Все будут признаны виновными в заговоре с целью убийства императора суверенного государства и зверски казнены.

— Этого не может быть!

— Все формальности будут соблюдены. Найдутся и свидетели, и вещественные доказательства. А Дуагим войдет в историю своей планеты как борец за ее независимость.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Почти ничего. Мы можем только послать туда одного независимого детектива — этого удалось добиться через ООП, — и он за неделю должен убедиться, что Дуагим прав.

— Зачем же тогда лететь?

— Пока есть один шанс из миллиона, мы должны его использовать.

— Но нет даже одного шанса!

— Это будешь решать ты.

— Почему я?

— Потому что ты — никуда не годная дура, фаворитка твоего начальника, от которой не знают как отделаться.

— Я — ваша фаворитка?

— Не пронзай меня взором. В ИнтерГполе, сообразив, что это дело опасное и безнадежное, решили послать самое ненужное существо, которое на самом деле интересуется только драгоценными камешками, которыми славится Нью-Гельвеция. Не спорь! Информация такого рода уже просочилась сквозь секретные заслоны и унеслась на Нью-Гельвецию.

— Но зачем посылать меня... то есть идиотку?

— Это и есть наш шанс: если они не примут тебя всерьез, то у тебя будет возможность что-то узнать. Только один шанс...

— Вы сами в это верите?

— Я — профессионал. Мне поручили дело, я стараюсь сделать его достойно. Я посылаю моего лучшего агента, потому что это преступление — вызов для меня как детектива.

— Почему?

— Потому что убить императора Эгуадия было невозможно.

— Невозможного не бывает, — ответила Кора. — Если есть человек, значит, на него найдется убийца.

— Не перебивай старших! — От гнева Милодар весь затрясся, и пришлось подождать несколько секунд, прежде чем прекратились вибрации голографического изображения. Наконец он смог продолжить: — Эгуадий опасался покушений. Дело в том, что на Нью-Гельвеции за последние триста лет лишь один правитель умер своей смертью, неудачно свалив-

шись с трона во время коронации. Так вот, Эгуадий решил стать исключением. Он обитал в замке за гранитными стенами и стальными дверьми.

— Это еще не гарантия от покушений.

Милодар ничего не ответил, но включил изображение величественной крепости. Крепость поднималась над пологим холмом, вокруг которого располагался город.

— В ночь на второе, — продолжал Милодар, — император, как всегда, заперся в правой верхней башне. В его спальне только одно окно. Находится оно в шестнадцати метрах от земли, забрано решеткой и бронированным стеклом. Дверь запирается изнутри. На финский замок и два засова из титановой стали. Вот в этой комнате утром второго июля был обнаружен его труп.

— Как это случилось?

— В семь тридцать император выходит из спальни и идет чистить зубы. В тот день он не вышел до восьми. В восемь десять был вызван начальник охраны и постучал в дверь. Никто не откликнулся.

— Дальше!

— Дальше с вершины башни на веревке спустился смельчак и заглянул в окошко. И увидел, что господин император лежит на полу возле своей постели, а из его окровавленной груди торчат рукоятки двух шампуров.

— И что они сделали?

— Они взорвали дверь серией направленных взрывов и обнаружили, что император мертв уже несколько часов.

Милодар щелкнул пальцами, вбежала Джульетта с бокалом водки и подставила щечку. Милодар проверил родинку и, убедившись, что его не отравят, вылил в себя напиток. Он был взволнован.

Коре он не предлагал, потому что она уже находилась при исполнении задания.

Закусив бананом, комиссар Милодар негромко заметил:

— Среди заточенных и ожидающих смерти землян есть женщины и дети.

— Я готова, — сказала Кора, поднимаясь с кресла.

— Ну вот, отработаешь — и снова к бабушке. Говорят, отличные борщи она готовит.

«Черт побери, — подумала Кора, — кто же работает на Милодара в нашей деревне?»

* * *

Подготовка к путешествию заняла у Коры сутки — все это время она учила тамошний язык и готовила себя к роли глупейшей сыщицы во Вселенной, получившей дело по протекции для того, чтобы благополучно его завалить.

Новый для Коры образ следовало придумать, создать и отшлифовать, потому что за ней будут неотступно следить сотни глаз и десятки стволов.

...Еще через несколько дней на космодроме Бернса — столицы планеты Нью-Гельвеция — небольшая группа людей ожидала маршрутный корабль из Галактического центра.

Под козырьком здания вокзала, скрываясь от холодного осеннего дождя, стояли представитель ООП, земной консул и заместитель начальника городской полиции.

Так как связь с Галактическим центром работала нормально, а слухи и сплетни, как всегда, обгоняли скорость света, то встречавшие уже знали, что на Шерлока Холмса надеяться не следует. Но реакция на новости у всех троих была различной.

Земной консул Нкомо, высокий и гибкий чернокожий дипломат в форменном золотистом цилиндре и расшитом золотом терракотовом мундире, был мрачен даже более, чем в последние дни. Если в первый момент по получении известия о прилете агента ИнтерГпола он воспылал было надеждой на спасение заложников дикого императора, то теперь эти надежды развеялись. Представитель ООП, зеленый человечек ростом чуть меньше метра, надеялся на то, что вся эта дикая история обойдется без крайних межпланетных эксцессов, — у него подрастали многочисленные дети, и не хотелось терять удобное место. Что же касается второго заместителя начальника городской полиции Аудия Реда, столь схожего с гончей

собакой, что он получил прозвище от коллег Догони-подвинься, то он не скрывал предвкушения встречи со специалистом из ИнтерГпола. Он дергал за рукав господина Нкому и задавал ему странные вопросы:

— Говорят, шеф Милодар предпочитает рыженьких?

Встречающим пришлось томиться в ожидании довольно долго, но они уже не в первый раз встречались на этом поприще и потому привычно коротали время в буфете. К тому моменту, когда наконец корабль приземлился и госпожа Кора Орват приблизилась к ним, они не только устали, но и находились в некотором подпитии.

Встречающие увидели шагающую по поролоновой дорожке молодую земную женщину, одетую как вызывающе, так и крайне скудно.

Наряд госпожи Орват состоял из серебряных сапог выше колен, некоторого количества страусовых перьев, которые крепились к телу широким ремнем, снабженным кобурой, а также кружевной накидки, едва скрывавшей от ветра и посторонних взоров ее плечи и грудь. На голове девицы красовалась форменная шляпа сыщика, но ни один из трех мужчин, даже крохотный ооповец, шляпу не заметил: сверкающие серебром безукоризненно прямые ноги сыщика, высокая грудь и тонкая талия куда более привлекли их внимание.

Кора же увидела, как высокий негр, зеленый человечек и одетый в пышный мундир и фуражку человек с собачьей мордой и нафабренными усами дружно шагнули ей навстречу. Она догадалась, что эти люди ее встречают.

— Здравствуйте, господа, — пропела она ласково, — я — Кора Орват, сыщик по особым поручениям.

— Мы ждем вас, — первым заявил зеленый человечек, запрокинув головку. — Мы надеемся, что ваше появление разрешит наши проблемы.

— Судьба заложников в ваших руках, — мрачно заявил высокий негр.

— Номер в гостинице ждет вас, — ухмыльнулся Аудий Ред, — ванна исходит благовонным паром, но мы предлагаем

сначала пропустить с нами по рюмочке чудесного вина. Это займет полчаса, но вы приедете в гостиницу совсем другим человеком.

— Ах, что вы, что вы! — возмутилась Кора. — Я приехала трудиться! Что скажет шеф Милодар, если он узнает, что я распивала с вами спиртные напитки?

— Он не узнает! — твердо ответил полковник полиции.

— Ах, узнает! — уверенно ответила Кора, которая в том не сомневалась, но тут на нее нашел приступ хохота, и она проследовала за Аудием Редом и его спутниками в бар для особо важных пассажиров, к каковым она относилась. — Что-то у вас жарко, офицер! — сообщила она Аудию Реду и, вырвав страусиное перо из своей юбочки, воткнула его за ремешок полицейской шляпы, что придало полковнику легкомысленный вид.

Усевшись в прохладном, пустынном и полутемном баре, они заказали местную грибную наливку — очень полезную, как полагают, от гастрита. Коре первый бокал понравился. Гриб был кисловат, слегка горчил, и от него сразу же запело, закружилось в голове. Лица сидевших с ней за столиком слегка поплыли и показались такими милыми, добрыми, что Кора встревожилась и постаралась взять себя в руки.

— Это ужасное преступление, — говорил зеленый карлик в зеленом же комбинезоне, отчего казался голеньким. Он покачивал лысой головкой и сокрушенно повторял: — Главное — не совершать непоправимой ошибки!

— Народ скорбит! — отрезал пес с напомаженными усами, уставившись белесыми рыбьими глазами в разрез кружевной накидки и елозя под столом сапогом в надежде дотянуться до ножки сыщика. Но ему все попадались мужские ноги, что раздражало его соседей. Хотя возмутиться вслух они почему-то не смели.

— Мы так надеялись на помощь Земли, — скорбно сказал высокий худой негр, — но нам никто не поможет. Люди могут погибнуть.

Весь его вид говорил о том, что надежды на помощь Земли рухнули именно в тот момент, когда он увидел Кору Орват.

— Люди не погибнут, — пролаял полицейский начальник с белесыми глазами. — Свершится суровая месть нашего народа в адрес подлых убийц.

Говорил он очень громко, и Кора предположила, что это делается для внимательных ушей соглядатаев, которые как сонные мухи бесшумно кружили вокруг стола, — Кора сразу их вычислила. Впрочем, в пустом баре это было нетрудно сделать.

Неожиданно Кора Орват захихикала и наклонилась вперед, чтобы полковнику Аудию Реду было удобнее ознакомиться со строением ее бюста.

— Вы же их не убьете, — прошептала она, протянув тонкий пальчик и дотронувшись им до скользкого вспотевшего носа полицейского. — Вы же их пожалеете, мой цыпленок.

Негр не скрывал своего отвращения при виде этой сцены, зеленый человечек из ООП отвернулся, как будто в поисках официанта.

Полицейский разлил грибной напиток по бокалам и, когда остальные стали отнекиваться, строго приказал:

— За здоровье его величества императора Дуагима! Прошу всех встать.

Все встали. Выпили. Кору пошатнуло, и негр поддержал ее под локоток.

— Ах, — сказала Кора заплетающимся языком, — вы такой сексуальный.

— Продолжим нашу радостную беседу, — сказал Аудий Ред, вытащив зеркальце и проверяя, горизонтально ли расположены его усы. — В честь первой, но не последней встречи.

— Расскажите мне, расскажите, — умоляла Кора. — Я хочу знать, как все произошло! Это так увлекательно!

— Зачем тебе, красавица?

— Я не красавица, — поправила его Кора, — я привлекательная женщина, но очень строгого поведения. Предупреждаю — очень строгого. Да перестань ты топтать мою ногу сапогом!

— Это не я, — нагло сказал полковник. — Это паршивый Нкомо, такой же насильник, как все черномазые земляне.

— Простите, — сказал Нкомо и поднялся из-за стола. — Я не намерен более подвергаться оскорблениям.

— А ты не подвергайся, — ухмыльнулся полковник. — Иди откуда пришел. Вонючка проклятая! То-то я вижу — вот-вот кинется на женщину.

— Ах, ну зачем же так, — с трудом проговорила Кора. Грибной напиток оказался дьявольски хмельным. — Господин Нкомо не имеет намене... намерения, хотя я не возражаю, можно сказать, мы поехали... — И она попыталась подняться и тут же села, потому что ноги ее не держали.

— Я не намерен поддаваться на ваши провокации, — сказал Нкомо. — И учтите, что вы нарушаете законы гостеприимства и дипломатического этикета на глазах у свидетелей.

— Это кто здесь свидетели? — зарычал полковник. Его лицо побагровело, а уши приняли вишневый цвет. — Вы забыли, кто я такой?

— А кто вы такой? — спросила Кора.

— Я командир взвода бригады исчезновения! Не нужен нам свидетель: гоп-доп — и исчез. Вот полюблю тебя, моя цыпочка, ты и исчезнешь!

— Ой, как интересно. Только давайте исчезнем вместе! — взмолилась Кора. — Я хочу исчезнуть вместе с вами.

И для того чтобы ее желание не показалось пустым, она буквально повисла на полковнике, не сводя с него восхищенных глаз.

— Погоди! — Полковник оттолкнул девушку, и та рухнула в кресло. Грибной ликер действовал все сильнее. — Погоди, я сначала разделаюсь с этим дипломатом!

Он пошел быком на Нкомо, который отступал к стене. Тени осведомителей в предчувствии боя растворились в углах бара, бармен, согнувшись, убежал в маленькую дверь.

— Господин полковник! — пискнул зеленый человечек. — Остановитесь! Я вас прошу!

— Ты молчи, а то и тебя ликвидирую. Неужели ты не ви-

дишь, что меня опоили недоброкачественным грибным ликером и теперь я не отвечаю за свои действия?!

С этими словами полковник вытащил из кобуры пистолет.

Нкомо испугался — даже в полумраке видно было, что его кожа стала серой.

— Ах, полковник-полковник, — неуверенно поднимаясь со стула, произнесла Кора... И тут случился конфуз: она двигалась так неловко, что рухнула на Аудия Реда, в ужасе заверещала, страусовые перья полетели в разные стороны, обнажив совсем уж укромные части ее прекрасного тела, кружевная накидка разорвалась, рука полковника под неожиданным напором женского тела дернулась вниз, пистолет палил, пока не кончились заряды, прострелив в баре пол, оттяпав полковнику три пальца на правой ноге, разворотив всю мебель и перебив половину бутылок в баре.

Грохот, шум, писк, звон, рев стояли такие, что соглядатаи разлетелись из бара, словно птицы из гнезда.

Нкомо выскочил на улицу, ударился о столб, и на его лице возникла длинная шишка от лба до подбородка. Представитель Организации Объединенных Планет, который в стрессовые моменты приобретал способность летать, воспользовался этим и улетел на вершину гигантского дерева гренго, с которого его только на следующий день смогли снять вертолетом.

Покрутившись на месте от боли и растерянности, полковник Аудий Ред рухнул в глубокий обморок, и вот тогда из дверей бара на улицу, где стояла толпа зевак, привлеченных грохотом и криками, вышла, моргая длинными ресницами, одетая лишь в широкий пояс с кобурой прекрасная женщина, сыщик ИнтерГпола Кора Орват, и воскликнула:

— Ах, как они меня напоили!

С этими словами она лишилась чувств и упала на услужливо подставленные ладони подбежавших зрителей.

А проснулась она лишь через несколько часов в палате центральной больницы, где ее уже обследовали и обнаружили, что, за исключением опьянения, других болезней и травм у нее не наблюдается.

* * *

Кора очнулась куда раньше, чем о том сообщили медикам приборы и собственные глаза. Не зря же она училась в высшей школе спецслужб ИнтерГпола...

Она лежала, полностью расслабившись и посылая на датчики, которыми была опутана, сигналы спокойного глубокого сна. В то же время она подытоживала результаты первых часов пребывания во вражеском лагере.

Полковник Аудий Ред вел себя нагло. Спокойно нарушая нормы протокола. Он даже намеревался на ее глазах убить земного консула. Это можно было объяснить лишь тем, что гельвецийское правительство было полностью уверено в исходе суда. Тогда смерть дипломата можно будет списать на спонтанный гнев народа. Впрочем, могло быть и другое объяснение: на всякий случай полковнику было велено нейтрализовать земного сыщика. Сначала он эту дамочку напоил, а потом в ее присутствии решил убить или ранить консула — а там доказывай, кто это сделал. Вернее всего, зелененький представитель ООП — свидетель ненадежный и более всего беспокоится о собственной безопасности. Впрочем, останемся в пределах известных нам фактов: местный полицейский чин пытался открыть стрельбу в космопорте, предварительно запугивая инопланетян, отчего сам и пострадал. Впрочем, продолжения истории Кора предугадать не могла и потому открыла глаза и жалким шепотом произнесла:

— Пить...

Ее взору предстала картина необычная, и потому прошло несколько секунд, прежде чем Кора смогла осознать значение того или иного человека и предмета.

Это неудивительно, потому что пока Кора пребывала в космопорте и угощалась грибным ликером, ее окружала та безликая, стандартная, повторяющаяся в сотнях космопортов и вокзалов Вселенной картина, при взгляде на которую не догадаешься, попал ли ты на Пересадку, на спутник Альдебарана, или прилетел на Марс.

Сейчас же Кора очнулась в обыкновенной гельвецийской

больнице, не очень чистой по нашим стандартам, тесной и построенной, видно, лет сто назад, когда основным материалом был плохого качества кирпич, а штукатурка использовалась лишь в богатых домах.

Разглядывая темно-серые стены и желтый сводчатый потолок палаты, Кора старалась вспомнить соответствующие статьи энциклопедии, которую пролистала в день отлета, и, проведя мысленное сравнение со статьей, сделать правильный вывод.

Вот женщина. В длинном, до земли, синем платье с вышитым бисером воротником. На ней странный головной убор, напоминающий черный гробик. Кора вспомнила: женщина эта — сестра милосердия, обязанности таких сестер заключались в уходе за больными и подыскании им достойного гробовщика, о чем и напоминал головной убор.

Женщина протянула Коре поилку и поддержала ей голову, чтобы удобнее напиться.

Пока Кора пила, она смогла внимательно разглядеть еще двух действующих лиц этой сцены: в ногах койки стояли рядышком два страшного вида молодца. Один молодой и тонкий, второй старый и коренастый, у первого усы черные и торчащие, у второго — седые, обвислые. В остальном они были схожи: одинаковые лиловые камзолы, красные шаровары, сверкающие ботфорты. На головах белые шляпы с черными перьями. Это, поняла Кора, заботники. Заботники о народе. Их назначение было понятно из двух маленьких топориков, вышитых у каждого на груди камзола. Топорики символизировали всегдашнюю готовность заботников вырубить любые заросли сорняков, мешающих процветать любимому народу. Если надо, мрачно шутили в империи, они вырубят и сам народ ради его же блага.

Увидев, что Кора проснулась, заботники одинаково улыбнулись и помахали ей руками, словно оставались на перроне, а она смотрела на них из окна уходящего поезда.

Кора пила, изображая страх и растерянность.

— Где я? — спросила она.

— Не беспокойтесь, госпожа, — сказала сестра милосердия. — Вы в больнице Благополучной кончины.

— При-вет! — воскликнул старший заботник.

— Ку-ку! — откликнулся младший заботник.

— Мы счастливы, — сказал старший заботник, — что видим тебя живой и в одном куске.

— Я хочу знать, что со мной! Я ранена? Я умираю? Почему нет врача?

— Врача вам не положено, — ответила сестра милосердия. — Рано еще.

Кора прикусила язык. Память подвела ее. Конечно же, врач на Нью-Гельвеции — эвфемизм, то есть приличное слово, которое на самом деле означает «гробовщик».

— А мы здесь, — сказал младший заботник.

Он стащил с бритой головы шляпу и стал обмахиваться.

— Мы ждем признания, — сказал старший заботник.

— В чем? — спросила Кора.

— В преступлении.

— В каком?

— Ну вот, — рассердился старший заботник. — Она безобразно напилась в космопорте, хулиганила, била посуду, затем напала на полковника полиции Аудия Реда, избила и искалечила его. Да знаете ли вы, что он из-за вас лишился трех пальцев на ноге?

— Какой ужас! Как он теперь будет стрелять!

— Вы не поняли, мадам, — на ноге!

— Ах да, конечно! У меня такое помутнение сознания... Но вы продолжайте, продолжайте говорить! Я отрезала кому-то пальцы?

— Совершив нападение, вы пытались скрыться с места преступления, — сообщил старший заботник.

— Молодец! — похвалила себя Кора. — Но мне это не удалось?

— Не удалось, — ответил старший. Он был недоволен, словно допрос складывался вовсе не так, как он того желал.

— Кто ваши сообщники? — лукаво спросил младший за-

ботник. — Консул Нкомо? Правильно я угадал? Представитель ООП? Зелененький такой... Ну?

— Дайте-ка мне мою кобуру, — попросила Кора слабым голосом, проводя ладонями по бедрам.

— Не отвлекайтесь, — оборвал ее старший. Он отвернулся, потому что в процессе поиска кобуры Кора скинула с себя простыню и оказалась совершенно обнаженной.

— Не нужно вам кобуры, — сказал младший заботник, который не отвернулся, а, наоборот, впился взглядом в прелести Коры.

— Куда я попала? — капризным голосом произнесла Кора. — Я буду жаловаться! Сначала меня пытаются споить, затем на меня нападают, а теперь грабят. А ну, отдайте кобуру!

— Зачем вам кобура? — спросил младший. — Мы же пристрелим вас раньше, чем вы успеете вытащить свой пистолет.

— Давайте договоримся, — подобрел старший. — Вы нам во всем признаетесь, а мы потом дадим вам кобуру. Хорошо?

Он наклонился вперед и бережно накинул на Кору простыню.

— Только честно? — спросила Кора.

— Честно! — поклялся старший.

— Тогда я вам честно скажу: я прибыла сюда для выполнения сложного и ответственного поручения ИнтерГпола. К сожалению, вам я не могу рассказать об этом, это тайна.

Заботники понимающе улыбнулись.

— На космодроме меня встретил этот... насильник! С усами, похожий на собаку.

— Полковник Аудий Ред, — подсказал заботник.

— Вот именно. Встретил, затащил в бар и напоил каким-то наркотиком.

— Грибным ликером, — подсказал старший, обнаружив большую осведомленность. — Но не исключено, что это вы его напоили.

— А потом он начал хватать меня за коленки, вы представляете?

Кора вновь откинула простыню и доверчиво показала заботникам, за какие коленки ее хватал полковник.

Младший заботник шумно сглотнул слюну, но старший снова закрыл Кору простыней и произнес:

— Продолжайте, прошу вас.

— А чего продолжать! Дальше я была пьяна и плохо помню. Помню только, что этот полковник вытащил свою пушку и решил всех нас убить.

— Кого «всех нас»? — насторожился молодчик.

— Представителя ООП, такого зелененького, потом земного консула и, конечно же, меня, потому что я не давала ему хватать меня за коленки. Он так и кричал: «Всех перестреляю!»

— Очень интересно, — сказал молодчик. — И что же дальше произошло?

— А что дальше — хоть убейте не помню. Наверно, я упала и лишилась сознания. Меня еще никогда так не травили. Вы понимаете, что я теперь буду вынуждена подать в суд на полковника? А сейчас принесите мою кобуру, умоляю вас.

Заботники переглянулись. Они были в растерянности.

Из этой растерянности их вывел негромкий, но весьма внушительный голос, прозвучавший из-под потолка, точнее — из вентиляционной решетки:

— Верните ей кобуру.

Заботники вскочили и низко поклонились голосу.

Затем один из них кинулся к двери и через несколько секунд вернулся с кобурой Коры, так и не снятой с ремня. Чуть дрогнувшей рукой он протянул кобуру владелице.

— Спасибо, — сказала Кора и расстегнула кобуру.

Заботники и медсестра невольно присели.

Из кобуры высыпалось несколько пачек жевательной резинки в ярких обертках.

— Угощайтесь, — сказала Кора и развернула одну из жвачек.

Никто не воспользовался ее приглашением.

— Тогда вы все свободны, — сказала Кора. — Можете идти.

После короткой паузы, в течение которой заботники гля-

дели на потолок, откуда доносилось лишь мерное дыхание, все посторонние вышли из палаты.

Кора задумчиво жевала резинку.

Когда дверь за последним заботником закрылась, она спросила, ни к кому не обращаясь:

— А вы-то небось знали, что у меня лежит в кобуре?

— Конечно, знал, — ответил голос. И рассмеялся. — А ты, я вижу, соображаешь.

— При моей безумной красоте мне без этого совершенно невозможно, — призналась Кора. — Приходится хитрить. Иначе стану игрушкой низменных мужских страстей.

— Ты зачем три пальца на ноге моему верному полковнику Аудию отстрелила?

— Это он сам отстрелил, — резко ответила Кора. — Не навешивайте на меня всякую чепуху.

— Может быть, может быть... — не стал спорить голос.

— А спаивать женщину паршивым грибным бульоном нечестно, — заметила Кора.

— Этого я ему не приказывал. Это его личная инициатива.

— Раз так, то сам виноват, — согласилась Кора. — Я сейчас буду вставать и одеваться. Вы как, отвернетесь или пойдете по своим делам?

— У меня много неотложных дел, — не сразу отозвался голос. — Так что увидимся у меня завтра утром. А сейчас я советую тебе, Кора, отдыхать — уже вечер, а у тебя был трудный день.

Раздался щелчок. В палате наступила гробовая тишина.

Кора развернула и кинула в рот еще одну жвачку.

Потом нажала на кнопку.

Тут же подбежала сестра милосердия.

— Я переезжаю в гостиницу, — сообщила Кора. — Где мой багаж?

— Ваш багаж уже в гостинице. Машина у подъезда, — сообщила сестра.

— Тогда я пошла!

— Подождите, я принесу вам халат! — крикнула перепуганная сестра.

— Хорошо, подожду, — сказала Кора и отвернулась, чтобы скрыть невольную улыбку.

Первый разговор с императором Дуагимом ее удовлетворил.

* * *

В девять часов следующего утра выспавшаяся, свежая, розовощекая Кора вошла в кабинет императора Нью-Гельвеции Дуагима Первого.

Была она одета легко, но просто — в тот самый сарафанчик, в котором она так недавно гуляла по полям в родной вологодской деревне. Правда, на шее красовалось скромное и бешено дорогое сапфировое ожерелье, и маленькая сапфировая же диадема скрывалась в пышных золотистых волосах.

Император уже ждал ее. Поднявшись из-за стола, он направился строевым шагом навстречу гостье.

— Кора! — воскликнул обладатель вчерашнего бесплотного голоса с фамильярностью, которая даже императорам дозволена лишь по отношению к старым знакомым. — Я мечтал увидеть тебя наяву.

— Ну и как? — спросила Кора, поворачиваясь и покачивая бедрами, чтобы император мог оценить ее фигуру.

— Чудесно, чудесно, высший класс!

Император был точно такой же, как на голограмме у Милодара: рыжий, коренастый, низколобый, краснощекий и пузатый. Он был одет в странную для земного глаза смесь одеяний разных эпох. В его туалете уживались галстук-бабочка и пышное кружевное жабо, расшитые золотом шаровары и синий фрак, рукава которого заканчивались желтыми отворотами. В общем, император являл собой пирата, рожденного воображением пятилетнего ребенка.

Под стать хозяину была и обстановка кабинета, увешанного гобеленами на военные темы, с высоким потолком, расписанным сценой средневекового сражения. Пол был выложен небольшими зеркалами, в щелях между которыми почему-то торчали пучки высохшей травы. На письменном столе были

свалены кипы бумаг, некоторые из них пожелтели, видно, о них забыли еще за много лет до кончины предыдущего императора.

Возле стола стояли друг против друга два кресла с вышитыми спинками. Вышивка изображала перекрещенные топоры, знакомый уже Коре символ заботников.

— Садись, — сказал император, откровенно любуясь Корой. — В ногах правды нет, а нам надо с тобой серьезно поговорить.

— Меня всегда возмущала эта формулировка, — возразила Кора. — Мне кажется, что в моих ногах и заключена вся правда жизни.

— Жизни и смерти, — согласился император. — Когда я доберусь до твоих ног всерьез, мы все с тобой испытаем.

— Ой, ну что же вы говорите! — ахнула Кора. — Ведь я же на службе!

— От этого твои ноги не стали короче, — засмеялся Дуагим.

— Спасибо за комплимент, я его не заслужила, — сказала Кора и уселась в низкое мягкое кресло.

Император опустился в кресло напротив и доверительно сообщил Коре:

— В ближайшие дни собираюсь переделать кабинет. В нем будет только одно мягкое кресло. Для меня самого. Остальные должны стоять. Идея моя понятна?

— Понятна, ваше величество, — сказала Кора. — Может, я постою?

Она попыталась было подняться из кресла, но император властным жестом остановил ее.

— Тебя это не касается, — сказал он.

Он спокойно и довольно нагло разглядывал Кору, так что ей стало неловко и захотелось закрыться чадрой, закутаться в монашескую рясу.

— Значит, ты — агент ИнтерГпола, — сказал он наконец. — Да ты не красней, не красней. Я люблю людям в душу заглядывать.

— Я не краснею, — сказала Кора.

— Я спросил: ты агент?

— Да.

— Почему же тебя послали? Чем ты лучше других?

— Господин Милодар сказал, что дело деликатное, поэтому и послали меня.

— Значит, тебя используют для деликатных дел? Очень приятно. Но не совсем понятно. Но мы разберемся. А сначала скажи: чем я могу быть тебе полезен?

— Вряд ли вы сможете быть мне полезны, — сказала Кора, разглядывая наклеенные жемчужные ногти. — Обычно я использую более привлекательных мужчин.

Император громко захохотал, будто в жизни не слышал ничего забавнее, но смех был деланым.

— Ты неумна, — сказал он.

— Мне об этом многие говорили, — сказала Кора. — Это, так сказать, мой фирменный знак. Глупая Кора из ИнтерГпола.

— Ни один дурак не признает себя глупым, — заметил император.

— Я — исключение. Люди думают: такая красивая, а такая глупая. И расслабляются.

— А на самом деле расслабляться не стоит? — Император был доволен, он ценил шутки. Он уловил в Коре самодовольство — оказывается, можно гордиться собственной глупостью, играя в нее и балансируя на краю правды.

— Со мной лучше никогда не расслабляться, — серьезно ответила Кора. — А то чуть что — и глаза нет! — Она выставила вперед жемчужные ногти. Они замерли в сантиметре от лица императора.

Тот отшатнулся и выругался — испугался.

— Стыдно, — сказала Кора.

— Я так и подумал, — сказал император, — что Милодар не настолько глуп, чтобы посылать ко мне откровенную идиотку, — он ведь игрок и не теряет надежды выручить землян. Но это пустая надежда, потому что мне нужна их кровь.

— Это мы еще посмотрим, — улыбнулась Кора. — Я так просто вам их не отдам.

— Значит, война? — осклабился император.

— Значит, война, ваше величество! — Кора улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок.

— И победитель выигрывает желание?

— Ваше желание — обладать мною?

— А ваше?

— Мое — унести от вас ноги!

— Завидная откровенность, — согласился император. — К тому же не одной, а со своими землянами?

— Вам я их не оставлю!

— Что ж, когда начинаем? — Император показал Коре все свои двадцать пять золотых зубов — плод деятельности какого-то местного недоучки.

— Можно сейчас, — сказала Кора. — Только вы мне не мешайте разгадывать преступление.

— А чего вам разгадывать?

— Ой, ваше величество! Вы, видно, ничего не смыслите в криминалистике.

— Не говори глупостей. Я по должности обязан все знать. Я — ведущий физик Нью-Гельвеции, неплохой писатель, выдающийся художник и, разумеется, первый сыщик.

— Но тогда вы должны знать, какое нам досталось преступление.

— Какое?

— Идеальное!

— Ты говори конкретнее, — начал сердиться император, который искренне полагал, что должность способствует развитию талантов.

— Неужели вы не читали? Все детективные писатели мира обязательно написали хотя бы один роман про убийство в запертой комнате, в которую нельзя войти и в которую никто не входил!

— Знаешь что, — сказал тогда Дуагим. — Или ты мне свою мелкую мысль намерена изложить человеческим языком, или я заканчиваю аудиенцию. У меня дел много.

— Ваш дядя был убит в запертой комнате?

— Конечно.

— Запертой изнутри на засов?

— Это всем известно.

— Но засов мог открыть только он сам!

— Вот он и открыл, — сказал император.

— Зачем?

— Чтобы впустить убийцу, — объяснил император. — Впустил, а убийца его убил и ушел. Типичный случай — так все земляне поступают.

— Замечательно! — Кора даже всплеснула руками от восторга. — Вошел! Убил! Ушел! А как он, простите, запер за собой засов?

Император думал недолго.

— Магнитом, — сообщил он.

— Ну и магнит у него был! — удивилась Кора. — Наверное, засовы-то были крупными?

— Засовы как засовы! Ничего особенного.

— А дверь железная?

— Может, железная. Тебе-то не все равно?

— Нет. Потому что если дверь железная, то магнит не подействует на засов! — Кора смотрела на императора с торжеством дурочки, которой удалось наконец выяснить, что дважды два — четыре.

— Значит, не железная, — быстро сказал император. Он не выносил допросов. Поэтому не смог сдать в жизни ни одного экзамена. Даже не окончил школы. По крайней мере, так полагали диссиденты и оппозиционеры на Нью-Гельвеции.

— Так железная или не железная?

— Отстань. Сама посмотри.

— Ловлю вас на слове! — Кора почти нежно погладила императора по желтому обшлагу фрака. — Сейчас же бегу в крепость смотреть на дверь. Я так счастлива, так счастлива. Ведь не каждому сыщику удается распутать идеальное преступление! Тайну запертой комнаты! Мое имя прославится в анналах Галактики!

— Не спеши, — прервал ее император. — Я тебя еще не пустил!

— А как же вы выиграете у меня спор, если я вам не проиграю? — спросила Кора.

— А вот так!

— Ваше величество, — серьезно произнесла Кора. — Вы мужчина и сильный человек. Я — слабая женщина. Неужели вы не умеете играть честно?

— Ну ладно, — вздохнул император. — Иди, смотри башню.

— И чтобы мне все показали.

— Покажут. Я тебе дам хорошего провожатого.

— Спасибо, ваше величество. За мной — поцелуй.

— Я сам возьму у тебя столько поцелуев, сколько сочту нужным, — возразил император. — А сопровождать тебя в башню... — Император подошел к письменному столу и поднял рожок, лежавший на рычажках. Слышно было, как из рожка откликнулся женский голос:

— Что прикажете?

— Гима ко мне.

— Он здесь. Сейчас будет.

И в самом деле, распахнулась дверь, и вбежал молодой человек, одетый столь пышно и изысканно, словно приготовился к детскому маскараду.

Молодой человек ел банан и так спешил, что не успел вынуть его изо рта.

— Доедай, — сказал ему император. — Мы подождем.

Давясь, молодой человек стал поглощать банан, а император обернулся к Коре и сказал:

— Все пользуются моей добротой. Разве вы найдете в Галактике еще одну империю, в которой адъютанты врываются в кабинет монарха, словно в обжорку. Да, именно! Я не побоюсь такого слова — обжорку! В другой империи такого мерзавца давно бы уже выпороли. Да какой там выпороли — ему бы отрезали уши. И голову.

Адъютант Гим от страха не мог доесть банан. У него был полон рот банана — шкурка банана раскинулась по щекам и лбу, словно Гим нюхал большой тропический желтый цветок. Черные глаза адъютанта готовы были вылезти из орбит. Лицо стало красным — точно в цвет бархатного мундира, расшитого золотыми узорами, украшенного серебряными аксельбантами

и таким множеством медалей и значков, будто Гим был не молодым адъютантом, а престарелым ветераном шести войн.

— Такое неуважение к императору означает, что в решающий момент эти подонки будут готовы всадить ему в спину нож, да, именно нож!

Гим тряс головой, пытаясь возразить, но его никто не слушал. Император схватил стоявшую у стола трость с золотым набалдашником и принялся лупить адъютанта. Тот пытался убежать от гнева монарха, банан вылетел изо рта, и адъютант умудрился поскользнуться на кожуре, хлопнуться задом на паркет и проехать через весь кабинет, уткнувшись подошвами бисерных башмаков в Кору. Запрокинув несчастное, все в слезах, лицо, адъютант произнес:

— Простите, дама, я не желал вас оскорбить!

Император догнал адъютанта и еще разок ударил его палкой.

— Будешь оскорблять своего любимого монарха? — спросил он.

— Никогда в жизни! — ответил Гим. — Я вообще не буду больше есть бананы. Ненавижу бананы!

Император снова занес палку, Гим сжался, закрываясь тонкой рукой, торчащей из кружевной манжеты.

— Ваше величество, перестаньте, прошу вас, — взмолилась Кора.

Император, словно ждал этих слов, сразу опустил палку и отбросил ее в угол.

— Вставай, бездельник, — приказал он адъютанту, — и благодари госпожу Кору Орват, которая тебя защитила.

— Я не смею! — Адъютант поднялся на ноги и поклонился сначала императору, затем его гостье.

— Будешь верным спутником Коре, — сказал император. — Она будет копать, вынюхивать, гадить нашей империи, потому что она прилетела с ненавистной нам с тобой Земли...

— Воистину!

— Помолчи. Но ты будешь ей помогать и способствовать. Ясно?

— Так точно.

— Сейчас пойдете в башню, где был злодейски убит наш дядя.

— О нет! Я боюсь, — вздрогнул адъютант.

— Вызовешь полковника Аудия Реда. Он вас проведет и все объяснит.

— Но он же в больнице! — сказал Гим.

— Только не его! — воскликнула Кора. — Ведь он меня, наверное, ненавидит.

— Разумеется, ненавидит. А как бы ты отнеслась к человеку, который отстрелил тебе три пальца?

— Я отказываюсь! — Кора топнула ножкой.

— Значит, проиграла?

Кора поглядела на красную рожу императора и подумала, что сделает все от нее зависящее и даже более того, чтобы не допустить его к своему телу.

— Вызывайте своего полковника, кавалер, — сказала она. — Но чтобы мне не мешать.

— Для тебя, моя красавица, не будет закрытых дверей.

Император приблизился к Коре и запечатлел поцелуй на ее обнаженном плече.

— Не спешите, ваше величество, — холодно заявила Кора и, раскачивая бедрами, покинула кабинет императора.

* * *

Изысканно вежливый, надушенный и напомаженный адъютант проводил Кору в вестибюль дворца. Сейчас, отставив ножку, он сообщил: если Кора не возражает, они подождут несколько минут, пока прибудет господин полковник Догони-подвинься.

— Но он же ранен! — Кора все еще пыталась придумать повод отделаться от полковника, но адъютант Гим только отмахнулся.

— Господин полковник уже поправляется, — сказал он. — И не надо его жалеть.

— Почему?

— Потому что он некрасивый, — сообщил ей адъютант и

томно вздохнул. Потом добавил: — Я люблю только красивых мужчин.

— И императора? — спросила Кора.

— Император обладает внутренней красотой. Нас связывают духовные узы.

— Все ясно, — сказала Кора. — И долго нам ждать некрасивого полковника?

— Надеюсь, что недолго, — ответил адъютант.

Они спустились по мраморной лестнице, перила которой в знак траура по недавно усопшему императору были перевиты стеблями терновника. С потолка прихожей свисали траурные желтые вымпелы.

Могучие охранники распахнули перед ними двери, и яркое утреннее солнце ударило в лицо. Свежий ветер принес с далеких гор запахи хвои и грибов — на Нью-Гельвеции, к счастью, еще не завершилась промышленная революция. Адъютант остановился на пологой широкой лестнице, которая вела к прямой аллее, обсаженной хвойными деревьями.

— Чего мы ждем? — спросила Кора.

Адъютант ответил не сразу. Он извлек из кармашка в перевязи флакон с благовониями и начал умасливать себя за ушами.

— Почему вы не отвечаете? — спросила Кора.

— Потому что он уже едет, — сказал наконец Гим.

У ворот императорского парка показалась карета «Скорой помощи», влекомая воронымиконями. Неприятное предчувствие кольнуло грудь Коры.

Карета «Скорой помощи» плавно остановилась у дворцовой лестницы, и два санитара, соскочившие с запяток, открыли дверь, откуда они вынесли кресло на колесиках. В кресле, облаченный в больничный оранжевый халат, с торчащей вперед, словно пушка, забинтованной и загипсованной ногой, сидел полковник Аудий Ред и глядел на Кору с такой отчаянной собачьей ненавистью, что она непроизвольно спряталась за спину адъютанта Гима, а тот сказал примирительно:

— Аудий, не сердись! Это приказ самого императора.

— Убью, — прорычал полковник.

— А если в самом деле убьет? — спросила Кора у адъютанта.

— Не думаю, — ответил тот, — его величество этого бы не желал.

— Так скажите ему об этом!

— Честно говоря, я его тоже побаиваюсь, — признался адъютант. — Убить не убьет, но искусать может, а потом будет разбираться.

— Нет, — сказала тогда Кора, выходя вперед, — мы от него убежим.

Санитары стояли сзади коляски. Из-под халатов у них выглядывали армейские сапоги.

Кора решила более не полагаться на мужчин.

— Слушай мою команду! — приказала она. — Сейчас мы все вместе отправляемся на место гибели императора Эгуадия. Там мы выслушаем объяснения полковника Аудия Реда. Господин император Дуагим желает, чтобы я была ознакомлена со всеми обстоятельствами преступления. Адъютант Гим, чего вы стоите как столб? Где наша машина?

— Лучше помру, — сказал на это полковник, — лучше оторвите мне вторую ногу! Но чтобы я подчинялся этой... этой инопланетной девке, — увольте! Нет, ты подойди ко мне поближе, девка, ты подойди! Я тебя придушу! Слава богам, у меня еще руки остались.

— Ах так? — сказала Кора. — Тогда купите мне немедленно билет на ближайший рейс в Галактический центр. Пусть Организация Объединенных Планет знает, что на Нью-Гельвеции царят беззаконие и бандитизм. Что ее император не может даже управлять собственными полковниками! А ну, пошевеливайся!

— Молчать! — раздался откуда-то сверху голос императора, настолько могучий, что деревья в парке склонились до самой земли, а людям стало трудно дышать. Оказывается, Дуагим опять подслушивал разговор. — Ты, полковник Аудий, больше не полковник, а лейтенант. Ясно?

— Так точно, — прошептал несчастный калека.

— А ты, Кора Орват, занимайся своими делами и не устраивай истерик в моем дворце. Никто тебя не тронет, и никто

тебя не убьет. Лейтенант Аудий проводит тебя в башню, а адъютант Гим будет защитником и опорой.

— Слушаюсь! — радостно закричал адъютант Гим, словно его произвели в генералы.

И тут же он засуетился, стал покрикивать на санитаров, торопить бывшего полковника, который смотрел на Кору волком и мысленно разрывал ее на части, а Коре было его очень жалко: в конце концов, по ее же вине он отстрелил себе пальцы, мучается, будет вынужден уйти в отставку, а теперь вот подчиняется инопланетной девке.

Но тут Кора отбросила мысли о полковнике, потому что вот-вот она увидит это самое замкнутое помещение — мечту всех детективных писателей от Эдгара По до Хруцкого, от Конан Дойля до Сименона.

Появился шанс вписать свое имя в золотые скрижали детективной элиты...

...Западная башня, в которой погиб предыдущий император, относилась к тому же дворцу, в котором Кора только что побывала, но принадлежала к его отдаленному старому крылу, построенному еще в незапамятные времена Средневековья, когда нравы были просты, а постройки крепки.

Так что им не потребовалось ни особых экипажей, ни проводников, чтобы добраться до одной из шести серых, сложенных из каменных глыб высоких круглых башен, вид которых навевал образы рыцарей в кольчугах, с треугольными щитами, сражающихся у этих башен с драконами, защищая прекрасную даму, или просто ошивающихся вокруг в надежде, что дама покажется между зубцов на вершине башни и тогда можно закинуть ей туда ключик от пояса верности.

Санитары следовали впереди, толкая старомодное кресло с бывшим полковником, затем рядышком шли Кора и адъютант. Адъютант старался развлекать гостью, рассказывая примитивные, но жуткие истории, связанные с башней и, разумеется, кровавой борьбой за трон на Нью-Гельвеции.

Затылок полковника, возвышавшийся над спинкой кресла, был враждебен Коре, и она старалась не смотреть на него.

— Подобный случай уже был шесть веков назад, — гово-

рил между тем Гим. — Король Гидеон отправился в поход против горных еретиков, оставив свою прекрасную супругу Гиневьеву сторожить его замок и пасти стада.

— У вас моногамные браки? — спросила Кора.

— У нас всякие браки, — поспешил заявить Гим, и Кора поняла, что смысл вопроса до него не дошел. — Значит, он уехал воевать. А Гиневьева осталась пасти... можно сказать, осталась в одиночестве...

— Балбес! — не оборачиваясь, крикнул лейтенант-полковник. — Извольте придерживаться правил! Балладу о Гиневьеве положено докладывать в стихах!

— Но госпожа Орват не любит стихов, — сказал Гим.

— Тем хуже для нее.

И Аудий Ред принялся речитативом рассказывать балладу, обращаясь к кружившим над ним попугаям:

— Спою о любви, о любви моя речь...

— Моя речь! — подхватил Гим.

— Король, уезжая, оставил стеречь...

— Оставил стеречь или голову с плеч! — хором подхватили санитары в армейских сапогах.

Стада и усадьбы оставил стеречь
Свою Гиневьеву!

Последние строчки спели хором, и Гим подталкивал Кору в бок, призывая принять участие в хоровом пении. Но Кора не присоединилась.

Король на войне отрубает врагам
Что нужно, ах нужно для вражеских дам!
Дает он врагам...

Тут смело вмешался мужской хор:

По рогам, по рогам!
Не спи, Гиневьева!

Коляска катилась быстрее, Аудий Ред дирижировал хором, а все, включая Кору, печатали шаг.

— Не спит Гиневьева и слезы не льет, — хрипло завел новый куплет полковник.

Гим повел ласковым фальцетом:

— Но рано ложится и рано встает.

— На стирку и дойку с рассветом встает! — подхватили санитары.

— И помнит о муже! — завершил басом полковник. И тут же повел третий куплет:

А в замке соседнем брюнет и барон
Из рода ворон, из далеких сторон...

Увлеченная хоровым пением, процессия во главе с коляской въехала на пологий холм и уткнулась в дверь замшелой старинной башни.

Полковник желал петь далее, но Кора испортила песню, сказав:

— Этот ничтожный ворон из дальних сторон, то есть брюнет, вашу Гиневьеву соблазнил и бросил.

— Как так бросил? — изумился полковник. Он даже повернул голову и попытался приподнять повисшие от позора и унижения усы. — Она сама его бросила!

— Я не спорю! — мягко сказала Кора. — Но мы приехали, и вряд ли имеет смысл петь внутри башни, если мы хотим поглядеть, где и как погиб ваш любимый император.

— Ну уж — какой он любимый?! — вдруг усомнился чуткий к переменам в политике Гимочка. — Некоторые его уважали, но многие не любили. Не было в нем твердости, а вы как думаете, господин Аудий Ред?

— Я думаю — распустил он вас! Якшался с демократами и либералами. Приблизил к себе секретаря!

— Уууу! — угрожающе завыли санитары в сапогах.

— И эту самую даму Синдику!

— Ах, позор! — сказал Гим.

— А его связи с предсказателем Парфаном? — заметил один из санитаров.

— А может, и лучше, что его убили? — спросил Гимочка у Коры.

— Вы так думаете? — ответила вопросом Кора.

— Это моя теория.

— Я расскажу о ней в ИнтерГполе, — обещала Кора.

— Ну, зачем такие формальности! — почему-то встревожился Гим. — Сообщите господину императору Дуагиму, а он уж сам решит, кому сообщить дальше.

С кресла-каталки зарычало. Полковнику надоело ждать у башни. Может быть, он хотел петь дальше, а может быть, не любил адъютанта Гима.

Низкая дверь в башню была приоткрыта.

— Пошли? — спросила Кора.

Санитары послушались ее и протолкнули внутрь коляску, трижды ударив о косяк гипсовой ногой полковника. Каждый раз полковник издавал львиный рык, Гимочка морщился и зажимал ушки, но Кора терпеливо ждала: лучше хоть какое-нибудь движение в расследовании, чем участие в спевках.

Наконец кресло вкатилось внутрь башни.

Первый этаж оказался достаточно просторным, пустынным помещением. Пол был устлан соломой, напротив двери у стены на соломе сидело несколько солдат. Расстелив одеяло, они играли в кости. При виде гостей солдаты подниматься не стали — только проводили их взглядами до лестницы.

Лестница на второй этаж башни, к опочивальне покойного императора, вилась, прижимаясь к стене башни, она была крутой и, к сожалению, без перил.

— Здесь всегда пусто? — спросила Кора.

Полковник был вынужден ответить, потому что Гим дотронулся до его плеча.

— Когда покойный император здесь почивали, — сказал полковник, — то внизу целый взвод сидел.

— В ту ночь они тоже сидели?

— А как же?

— И ничего не заметили?

— Император вошел к себе в восемь вечера, — нехотя ответил Аудий Ред. — Затем закрыл за собой дверь на замок и засовы.

— Солдаты допрошены?

— Все как положено. Допрошены. — Аудий Ред помор-

щился. Разговаривал он через силу. Но Кору его чувства не волновали.

— Кто из них слышал что-нибудь подозрительное?

— Послушай, дамочка! — У Аудия Реда не выдержали нервы. — Ну если бы кто из них услышал подозрительное, он бы поднял тревогу, и все бы побежали наверх. Ежу и то ясно!

— Спасибо, — сказала Кора. — Теперь давайте осмотрим место преступления.

— Давайте, давайте, — поспешил поддержать Кору Гим, которому допрос полковника не нравился. Будто он боялся, как бы полковник о чем-то не проговорился.

Санитары стояли по обе стороны кресла, ждали команды.

Кора посмотрела наверх — лестница жалась к стене башни, каждая ступенька в полметра высотой, а шириной лестница чуть шире полуметра.

— Придется его на руках нести, — с сомнением сказал один из санитаров.

Полковник тоже смотрел наверх. Хоть у него воображение было бедным, он мог представить, как будет своими боками пересчитывать ступеньки. Полковник побледнел. Глаза стали совсем белыми. Если он и был сейчас похож на ищейку, то перед поркой.

Кора отлично понимала, что, окажись она в положении Аудия Реда, он бы с садистским наслаждением заставил ее взбираться по лестнице. Он не ждал милости от Коры.

Полковник не догадывался, что Коре было выгоднее оказаться наверху без него. Она сама сыщик и увидит все, что ей хочется.

— Чего вы ждете? — строго спросила Кора полковника.

Тот заморгал, но рта не открыл — держал себя в руках.

— Отдайте ключ господину адъютанту, — приказала Кора.

Аудий Ред понял. Он тяжело перевел дух. Санитар произнес:

— Не положено. Ключ останется у нас.

— Желающие могут носить кресло вверх и вниз, сколько

им заблагорассудится, — сказала Кора. — А мы с Гимом пойдем налегке.

Санитар сдался. Но последнее слово должно было остаться за ним.

— Чтобы там ничего не трогать! — приказал он.

— Пускай идут, — остановил его рвение полковник.

— Вот это речь не мальчика, но мужа, — сказала Кора, и Аудий Ред по-собачьи оскалился, чуя в ее словах оскорбление.

Дверь в опочивальню императора была открыта. Кора остановилась на площадке, рассматривая дверь. Дверь была погнута и искорежена взрывами, что еще более подчеркивало ее крепость — видно, ее сооружали в местные Средние века в расчете на боевой таран.

Сама комната была меньше размером, чем казалось на экране. Справа от входа находилась лежанка или кровать, на которой погиб император, но ни простыни, ни одеяла на ней не было: испачканные кровью вещи давно уже убрали. Судя по всему, никто в этой комнате больше не ночевал.

На полу мелом был нарисован контур человеческой фигуры. Там было найдено тело императора, который, видно, из последних сил сполз на пол.

Кора поглядела вверх, выискивая взглядом окошко. Вот и оно — сквозь узкую, забранную решеткой щель шириной сантиметров тридцать скупо пробивался свет. На столике возле лежанки стоял подсвечник. Огарок свечи оплыл и накренился.

Потолок комнаты скрывался в темноте, пол был сложен из каменных плит.

— Пол проверяли? — спросила Кора. Так, на всякий случай.

— Да как вы снизу пробьетесь? Там же солдаты сидят, — удивился Гим.

Но потом все же решил не спорить с женщиной, подошел к открытой двери и крикнул наружу:

— Пол и потолок проверяли?

— Простукивали, мать твою! — пролаял издали полковник.

— Вот видите, — сказал Гим. И развел руками — такой вот грубый нам попался полицейский.

Больше в комнате делать было нечего. Кора лишь осмотрела засовы и поняла, что закрыть их можно было только изнутри, а открыть — только взрывом, что и было сделано.

Кора подошла к пружинному матрасу, лежащему на козлах, и уселась на край. Ей надо было подумать. Гим только мешал.

— Уходите, адъютант, — велела она.

— Куда? — не понял красавчик.

— Куда угодно. Вниз. К полковнику. Я буду думать.

— Ну уж это лишнее, — искренне возразил Гим.

— Этим я отличаюсь от вас, адъютант, — надменно сказала Кора. — Покиньте помещение.

Гим пожал плечами и ушел, предварительно окинув взглядом комнату, будто проверяя, не осталось ли здесь ценных вещей, которые Кора может похитить.

Кора откинулась на лежанке, опершись на локти, и попыталась представить себе, что же видел отсюда покойный император.

Снизу донесся голос Гима:

— А что возьмешь с идиотки? Она изображает из себя сыщика.

В ответ послышался смех.

«Допустим, засовы закрыты. Мы верим полиции. Окно забрано решеткой. Печки или камина в комнате нет, так что проникновение через дымоход исключается. Теперь вентиляция. Не видно никакой вентиляции. Значит, остается только пол. Плиты его кажутся достаточно тяжелыми, пыльными и хорошо пригнанными, чтобы можно было проникнуть снизу. К тому же на первом этаже башни были солдаты. Даже если они и спали, то, наверное, услышали бы, как злоумышленники возятся, поднимая плиту... — Мысли Коры изменили направление. — Почему убийца выбрал такое странное оружие? Надо будет спросить, где лежат эти шампуры. Шашлыки... Может, император готовил себе шашлыки и убийца восполь-

зовался тем, что оказалось под рукой? Нет, в комнате не видно и следа шашлычницы, да и странно, если бы император жарил шашлыки в своей спальне.

Если я убийца, — размышляла Кора, — то почему из всех возможных и удобных видов оружия я изберу предметы, оружием не являющиеся? Ведь убить человека шампуром трудно — какую силу надо иметь, чтобы вогнать в человека гнущийся стержень! А зачем вгонять два? Это означает, что убийца прокрался с двумя шампурами в руках, как матадор с бандерильями. Да, следует начинать с шампуров», — поняла Кора.

Она вскочила с лежанки — ей стало зябко.

Она вышла на лестничную площадку.

— Полковник, — спросила она, — а где орудия убийства?

Полковник сделал вид, что спит.

— Гим, помогите полковнику ответить на вопрос, — сказала Кора.

— Господин Аудий Ред, — заявил Гим ядовитым голосом, — с вами разговаривают!

Полковник упрямо молчал.

— Я буду вынужден доложить о вашем поведении императору, — сказал Гим.

— Ах, зачем так грубо! — вмешалась в сцену Кора. — Господин полковник такой рассеянный. Он забыл, где лежат шампуры.

— Да провалитесь вы сквозь землю! — зарычал полковник. — Не получишь ты шампуров! Это наше главное вещественное доказательство!

— Почему такая секретность?

— А потому, что они земные! На них написано, что они земные! Да на нашей планете никто бы и не догадался, что это за палки такие, если бы не надпись «Сделано в Махачкале. В мастерской имени Магомаева»!

— Вы хотите сказать, что на вашей планете не знают шашлыков?

— А на вашей планете знают проколяки? — огрызнулся

полковник. Он говорил с Корой, не поворачивая головы и глядя в сторону. Он не скрывал своей ненависти.

— И не используют шампуры?

— Да мы их первый раз в жизни увидели!

— И кто же их привез сюда?

— Госпожа Орват, — поспешил вмешаться адъютант Гим, — вы на Земле, очевидно, полагаете нас варварами или людьми, не ведающими законов. На самом деле вы глубоко ошибаетесь. Вас беспокоят обвинения в адрес землян, которых нам пришлось изолировать до конца следствия. Вам обвинения кажутся беспочвенными и даже пустыми. Красавица, все это не так! Никто не намеревался обидеть землян, но обнаружилось, что наш возлюбленный монарх жестоко убит оружием, которого у нас не только никто не употребляет, но никто и не знает. Вы называете это оружие шампурами. Ну, скажите, прекрасная моя Кора, на кого должны были пасть наши подозрения, когда мы увидели тело императора, пронзенное именно шампурами?

Такой поворот дела был полной неожиданностью для Коры. Милодар ее к этому не подготовил, видно, и сам не подозревал.

— Вы выяснили, кто привез сюда шампуры? — спросила Кора.

И тут же замолкла: господи, она же забывает, что играет роль идиотки! Она настолько увлеклась делом, что перестала следить за своим голосом. Кто-нибудь может догадаться, что она не так глупа, как кажется. К счастью, полковник и не смотрел в ее сторону, а Гим не слышал никого, кроме себя.

Кора громко засмеялась.

— Я догадалась! — воскликнула она. — Конечно же, догадалась!

— Не может быть! — буркнул полицейский.

— Убийца купил шампуры, когда был на Земле. Купил, привез сюда и воткнул!

— Кто же тот турист? — спросил Гим.

— Наверное, надо искать среди приближенных императора, — посоветовала Кора.

— А мы ищем среди ваших соотечественников, — улыбнулся Гим.

— Они наверняка говорят, что не виноваты! — воскликнула Кора.

— Ваши соотечественники несут чепуху, — сказал полковник. — Они пытаются отрицать очевидные вещи. Они пытаются доказать, что не привозили шампуров и не делали шашлыков. Но все знают, что земляне любят шашлыки. Вот им и крышка!

— Можно подумать, что ваша цель — наказать всю Землю.

— Дайте только добраться, — мрачно сказал полковник, и Кора поняла, что стоит первой в списке кандидатов на наказание.

— Тогда я не представляю, что мне делать дальше, — призналась Кора. — Вроде все ясно, и ничего не ясно.

— Я знаю, что вам делать дальше! — пролаял полковник, и его усы вздрогнули. — Сматывайтесь отсюда как можно скорее, пока мое терпение не лопнуло.

— А может быть, вы правы?

— Я всегда прав.

Кора сбежала по лестнице, обошла кресло и протянула полковнику узкую кисть.

— Господин Аудий Ред, я пришла поблагодарить вас за неоценимую помощь, которую вы оказали следствию.

— Еще чего не хватало! — испугался полковник. — Я этого не хотел.

— Но вы подсказали мне замечательный ход!

И, оставив полковника и Гима в полной растерянности, Кора легко выбежала из башни и подозвала пробегавшего ленивой трусцой рикшу, который тащил разукрашенную двухколесную коляску.

— Куда, госпожа? — спросил тот.

— Прямо! — приказала Кора.

Когда рикша потянул легкую тележку вперед, Кора оглянулась. И не зря. Она увидела, как от башни отделились два велосипедиста в малиновых и белых форменных шляпах заботников, а из-за угла дворцового здания показалась черная карета, окошко в ней было приоткрыто, а из-за занавески поблескивали стекла бинокля. Как Кора и ожидала, император не хотел оставлять ее без присмотра. Что ж, придется отделываться от «хвоста». Но так, чтобы это получилось случайно, а то усомнятся в ее глупости.

Из своего универсального ремня, к которому крепилась кобура, полная жвачки, Кора извлекла пудреницу и принялась наводить красоту, поглядывая в зеркальце, чтобы держать велосипедистов в поле зрения.

Дальнейшее требовало тончайшего расчета либо сказочного везения, которое достается на долю лишь крайних идиотов.

В тот момент, когда черная карета настигла у перекрестка велосипедистов, кативших в нескольких шагах позади рикши, Кора неловко повернулась и выронила пудреницу, которая сверкнула золотой крышечкой, осыпала пудрой спину рикши и сгинула под колесами.

Расстроенная потерей, молодая женщина безрассудно кинулась следом за пудреницей, крича:

— Держите ее! Это тетин подарок!

Подобно молодой пантере, Кора совершила прыжок за пудреницей, да так неловко, что опрокинула коляску рикши и, соответственно, обоих велосипедистов, которые врезались в повозку. Сама же Кора на лету неловко ударилась о бок кареты, карета опрокинулась на проезжавший мимо автобус и рассыпалась на куски, обнаружив в своем чреве двух заботников, которые управляли телескопами наблюдения.

Кора не удержалась на ногах и вперед головой влетела в проходной двор, который выводил вниз, на тихую улочку.

На этой тихой улочке Кора и остановилась, чтобы подсчитать свой ущерб и зализать раны.

Если не считать царапины на ноге, ран, к счастью, не оказалось. Любимый сарафанчик был помят, немного испачкан,

но почти цел. Значит, не забыты еще уроки великого каскадера Пуччини-2, который работал в ИнтерГполе инструктором по прыжкам и считал Кору своей лучшей ученицей.

Очевидно, слежка на какое-то время ее потеряла. Но не следует недооценивать их возможностей: преследователи охотятся за ней у себя дома, у них бездонные ресурсы и главное — страх перед императором. Скоро, очень скоро они ее отыщут.

Так что за тот короткий промежуток времени, который ей отпущен судьбой, Кора должна выполнить задуманное.

Кора хорошо знала план города — выучила его еще на Земле. Ей не составило труда за десять минут добраться дворами до земного посольства. Она знала, что посольство тщательно охраняется, а все телефонные разговоры прослушиваются. Казалось бы, самое разумное — кинуть через забор посольства письмо, но человек, которому Кора могла написать письмо, не поверил бы, что письмо от нее. Он решил бы, что вновь стал жертвой имперской провокации. Оставалось лишь личное свидание.

Никакие прыжки Коре бы не помогли — оставалось лишь запрещенное в цивилизованном мире действие — агрессия. Но так как ИнтерГпол никогда не ограничивался лишь цивилизованными действиями, Кора, не колеблясь ни секунды, перебежками бросилась от дерева к дереву — вдоль задней стены посольства.

Стена там была высокой, а улица — пустынной, потому с задней стороны посольство охранял лишь один часовой. Именно он и стал жертвой Коры.

Она подкралась к нему сзади, оглушила умелым приемом, затем раздела, связала и затащила на дерево, где пристроила к толстому суку, торчащему под углом над тротуаром.

От этой суетни она устала и вынуждена была прислониться к стене, чтобы перевести дух.

Как только дыхание восстановилось, Кора туго перебинтовала высокую грудь, переоделась в мундир стражника, который был узок в бедрах и коротковат, но Кора надеялась, что

в сумерках никто не будет присматриваться к ней внимательно.

Надвинув шляпу с перьями на глаза, она спокойно подошла к небольшой двери в задней стене посольства и нажала на кнопку звонка.

После минуты томительного ожидания глазок в двери приоткрылся, и оттуда донесся глухой голос:

— Что вам нужно?

— Откройте!

— На территорию посольства вам проходить нельзя.

Главное было заставить этого посольского стражника открыть дверь.

— Я не собираюсь проходить! — ответила Кора. — Но тут кто-то сверток потерял, с документами. Может, ваши? Вы только взгляните. Если не ваши, я в службу охраны отнесу.

Наступила пауза. Кора могла себе представить, как разрывается в противоречивых чувствах душа посольского стражника. А если это в самом деле потерянные посольские бумаги? И получить их — значит избавить посольство от каких-то неведомых неприятностей? А что, если это провокация — если эти бумаги хотят подкинуть в посольство и за углом уже ждут заботники?

Понимая это, Кора кинула на стол свой главный козырь. Приблизив лицо к двери, она прошипела в щель:

— Только не бесплатно! Понял?

— Сколько? — произнес стражник с облегчением. Он привык, что в этом мире все продается и покупается, — если предлагают купить, то, вернее всего, это не провокация.

— Шестьсот империалов!

— Ты с ума сошел! — ответил стражник. — Шестьсот кредитов империалов! Мы на той неделе триста за всю дипломатическую почту плюс труп дипкурьера вашим разбойникам заплатили.

— Не хочешь — не надо.

— Сто кредитов.

— Пятьсот.

— Покажи.

— Еще чего не хватало! Позавчера наши вам на паспорта туристов дали взглянуть, только их и видели.

— Сто пятьдесят.

— Триста, или я отношу их в охрану.

— Мне надо посоветоваться с послом.

— И не думай! Через три минуты обход капрала! Решай.

— У меня с собой двести кредитов.

— Давай сюда!

Кора подняла сверток с собственной одеждой.

Стражник приоткрыл дверь.

Кора сделала шаг вперед. Стражник стал закрывать дверь. Он почувствовал неладное.

— Не бойся, — сказала Кора, глядя ему в глаза. — Ты хочешь впустить меня в посольство. Ты хочешь впустить меня, потому что я — потерянный дипкурьер...

Кора собрала все силы, стараясь загипнотизировать стражника.

Гипноз — запрещенное оружие. Недаром уже прошли три или четыре межгалактические конференции по запрету биологического, ядерного и гипнотического оружия. Правда, до сих пор дипломаты не пришли к окончательному решению — хотя бы потому, что гипноз действует избирательно. Есть расы, ему не подверженные, а есть племена, готовые впасть в транс по первому же слову гипнотизера.

Когда Кора вступала в ряды ИнтерГпола, она давала торжественное обещание никогда и никого не гипнотизировать, но в то же время она прошла полный курс гипноза. Так что понимайте как хотите. Завтра вы узнаете, что Кора может читать мысли, но лучше не верьте этой лживой информации, исходящей от врагов ИнтерГпола. Вот когда вы сами убедитесь в том, что Кора прочла ваши мысли, можете бить тревогу и вызывать психологическую «Скорую помощь».

— Да, — сказал стражник, оказавшийся при ближайшем рассмотрении милым, невысокого роста молодым человеком в домашнем костюме и шлепанцах, с красивым, но невыразительным, как у старинного фарфорового робота, лицом. — Мы давно вас ждали. Вы пропавший без вести дипкурьер. Одну минутку...

Стражник сделал шаг в сторону, пропуская Кору, но Коре нельзя было выпускать его из виду, потому что тогда исчезнет ее власть и чиновник поднимет ненужную тревогу.

— Веди меня к консулу Нкомо, — сказала Кора, — и скорее. Я должен передать ему важное письмо.

— Сейчас, курьер, — сказал охранник, — я проведу тебя к консулу Нкомо.

Они быстро поднялись на второй этаж посольского дома. На лестнице им встретился молоденький чиновник с синей папкой в руке. Он с изумлением посмотрел на стражника безопасности, который мирно шагал по посольству рядом с имперским охранником.

К счастью, Нкомо еще не покинул своего кабинета.

При появлении нежданных гостей он вскочил с кресла и, обойдя стол, шагнул им навстречу.

— Что случилось? — спросил он голосом человека, который сотый день подряд выслушивает лишь неприятности от всех гонцов и курьеров.

— Стойте здесь! — приказала Кора охраннику. — Вы поняли?

— Понял.

Кора обернулась к консулу.

— Вы меня не узнали?

— Я не имел чести...

Кора сняла с головы каскетку имперского охранника, и ее золотые волосы рассыпались по плечам.

— Госпожа Орват?!

— Вот именно. У меня есть только три минуты времени. Ясно?

— Ничего не ясно, — ответил высокий негр. — Что это еще за авантюра? Понимаете ли вы, что в нашем положении надо взвешивать каждый шаг, каждое слово...

— Прекратите читать мне лекции, — огрызнулась Кора. —

Пока что вы еще не сделали ничего для наших земных пленников. А я стараюсь делать. И учтите, что я не такая идиотка, как вам сообщили.

— Но вы не имеете права вмешиваться...

— Надеюсь, вы говорите это не подумав, — сказала Кора. — И мне грустно, что вы уже потеряли две минуты. Тогда слушайте. Вы должны немедленно послать запрос на Землю. Вот по этому адресу и вот с таким вот текстом. Я не могу зашифровать текст, потому что у меня здесь нет своей гравистанции. Моя единственная надежда заключается в том, что император не читает посольский шифр.

— Тем не менее...

— Помолчите, консул! У меня осталось тридцать секунд. Иначе я зря убежала от слежки, обезоружила их сержанта и загипнотизировала вашего охранника. Вот текст телеграммы. Пошлите немедленно. Ответ сообщите мне сегодня же ночью. Если такой возможности не будет, скажите мне по телефону лишь имя. Одно имя.

Кора протянула Нкомо листок.

Тот прочел вслух:

— «Срочно выясните всех покупателей шампуров, сделанных в мастерской имени Магомаева в г. Махачкала за последние годы. Вычислите, кто из покупателей мог доставить шампуры на планету Нью-Гельвеция. Кора».

— Я вас не просила читать телеграмму вслух, — заметила Кора. — Надеюсь, что нас не подслушивают.

Впрочем, это было слабым утешением. Разведчики и полицейские не имеют права рассчитывать на упущения противника.

Оставив консула Нкомо в растерянности, Кора вышла из посольства тем же путем, как и вошла, а на прощание приказала посольскому охраннику начисто забыть о ее визите.

Притороченный к дереву сержант уже пришел в себя и издавал мычащие звуки.

Кора не стала приближаться к нему, чтобы он не увидел ее

лица, а бросила под деревом его мундир и снова переоделась в сарафан в белый горошек.

Выбравшись из тихого посольского района, Кора оказалась на шумной торговой улице. Здесь она взяла рикшу и велела ему ехать к императорскому дворцу.

— Эх! — сказал рикша, оглядываясь через плечо. — Не ты ли опасная земная преступница, которую ищет вся полиция?

— Не знаю, — искренне ответила Кора. — Может быть, это я, а может быть, произошла ошибка и ищут совсем другого человека. Но я думаю, что если мы с тобой доедем до дворца, то обо всем узнаем.

— Может быть, я не повезу тебя дальше, моя госпожа? — вежливо спросил рикша. — Кто-нибудь может решить, что я твой сообщник, мне отрежут голову, что было бы очень прискорбно.

Кора вынуждена была согласиться с логикой рикши и сошла с коляски как раз перед последним поворотом ко дворцу. Оставшиеся несколько десятков метров она прошла пешком и была благополучно схвачена заботниками, которые сновали по площади, то и дело заглядывая в спрятанные в ладошках миниатюрные фотографии Коры.

* * *

Кора не сопротивлялась, и потому ее доставили пред светлые очи императора Дуагима почти неповрежденной. Что не помешало ей стенать и размахивать встрепанными кудрями, жалуясь на грубость местных стервятников.

— А не надо было, — без всякой жалости приветствовал ее император, — не надо было обманывать моих сыщиков, бегать куда ни попадя, таиться по подворотням. Зачем ты все это сделала?

Император был очень строг, даже грозен, принимал он Кору на этот раз не в малом интимном кабинете, а в обычной приемной для просителей, незатейливо украшенной сценами казней и пыток для того, чтобы просители знали, на что могут рассчитывать в случае плохого поведения. Фрески этого зала

были старыми, кое-где обсыпались, и ясно было, что по крайней мере несколько поколений местных императоров обучали здесь хорошим манерам своих подданных.

— Ну, что же ты молчишь? — спросил Дуагим.

— Я даже не знаю, что мне ответить, — сказала Кора. — Ума не приложу.

— Говори правду, это лучшее, что можно придумать, имея дело с императором.

— Значит, так... я выпала из коляски, на меня наехали какие-то глупые велосипедисты, меня задавила какая-то карета, и все потому, что подобного беспорядка я не видела ни на одной планете. У вас вообще не придумали правил уличного движения.

— То есть ты хочешь сказать, что не ты нарочно устроила эту катастрофу?

— Я вообще ничего не устраивала. Я просто задумалась.

— Задумалась? Ты умеешь это делать?

— Я вообще часто думаю, — серьезно возразила Кора, глядя на императора в упор своими огромными глазищами. — Но не все об этом знают.

— О чем же? — спросил император, начиная таять под напором взгляда Коры. — О чем же ты думала?

— А я думала, — ответила Кора, — что если императора убили шампурами, то кто-то должен был их купить.

— Какая замечательная идея! Продолжай, мой мыслитель.

— Но купить их можно только в Махачкале, в магазине при мастерской имени Магомаева. Наверное, это не такая большая мастерская.

— Откуда ты знаешь?

— Полковник Аудий Ред сказал.

— Я его убью!

— Нет, лучше пускай помучается.

Император задумался. Через минуту спросил:

— А зачем нам это знать?

— Если мы с вами сыщики и заинтересованы в том, чтобы

узнать правду, мы пошлем телеграмму в Махачкалу и спросим: кто покупал у них шампуры?

— И ты об этом думала, когда упала на мостовую?

— Я не только думала, я еще и пудрилась, но моя пудреница, изготовленная из червонного золота, пропала — наверняка ее утащили ваши охранники.

Небрежным жестом император указал на узкий стол, над которым висела мраморная вывеска «ДЛЯ ЖАЛОБ И ПРОШЕНИЙ». На его покрытой пылью поверхности, давно уже не видавшей ни одной жалобы, поблескивала чуть помятая от копыт лошадей и каблуков стражи пудреница Коры.

— Ах, какое счастье! — воскликнула она, бросаясь к своему сокровищу. — Вы не представляете, император, какую вы доставили мне радость. Можно я вас поцелую?

— Не здесь и не сейчас! — отрезал император, взглянув на замерших у дверей стражников, обернувшихся на предложение Коры.

— Тогда посылайте телеграмму, — сказала Кора. — Я хочу побыстрее закончить это следствие и улететь, миновав вашу постель.

— Угодишь в нее как миленькая, — возразил император. — Какую телеграмму ты хочешь послать?

— «В магазин хозяйственных товаров города Махачкала. Сообщите, когда и кому вы продавали за последние годы шампуры производства артели имени Магомаева». И подпишитесь.

— А кто такой Магомаев? — спросил Дуагим.

— По-моему, дрессировщик или ирригатор, — сказала Кора. — Так вы пошлете телеграмму?

— Разумеется, — неискренне ответил император. — А где ты была после того, как вылетела из повозки?

— Я? Я шла сюда. У меня же не было кошелька, а язык ваш я знаю недостаточно. Мне было очень страшно, многие мужчины меня домогались.

— Ах, оставь, кто будет тебя домогаться в моей столице!

Кора не стала отвечать, она лишь оправила сарафан тем

жестом, который наиболее выгодно выявлял линии ее бедер и обычно сводил с ума мужчин. Рыжий император зарычал от страсти, и Кора сказала:

— Я вся провоняла потом и пылью — у вас очень нечистый город. Так вы пошлете телеграмму?

— Разумеется! Сегодня же!

— Вы позволите мне покинуть вас и привести себя в порядок?

— Иди. Но в восемь тридцать попрошу тебя быть во дворце на балу по случаю месяца со дня моей коронации.

На этом Кора откланялась.

Пожалуй, день прошел не зря. Ей удалось сделать то, что она задумала. Во-первых, пробраться в посольство и отправить запрос в Махачкалу о шампурах. Она была уверена, что Милодар из-под земли достанет полный список покупателей. Во-вторых, она с подобной же просьбой смогла обратиться к Дуагиму. Она не верила в то, что Дуагим пошлет второй запрос. Но если пошлет — значит, не имеет отношения к смерти своего предшественника. Если же император не отправит запроса, то это означает, что он или отлично знает, чьими шампурами пронзен император, или знать этого не хочет. И то и другое полезно для следствия.

А теперь можно отправиться в гостиницу и переодеться к вечернему балу. Бал тоже был нужен Коре: ведь она еще ничего не знала об окружении покойного императора — как будто он жил в вакууме. Коре было известно, что император был вдов и бездетен, но ведь были у него близкие люди! И на балу она попытается что-нибудь о них узнать.

* * *

На бал Кора оделась тщательно, опустошив свой большой чемодан. Ей надо было поразить здешнее высшее общество — недаром перед отлетом она проштудировала модные журналы на Нью-Гельвеции и заказала в хозуправлении ИнтерГпола несколько нарядов. Сегодняшний должен перещеголять экстравагантностью любое одеяние на императорском балу.

Гим привез ее на бал и тут же исчез — умчался что-то улаживать, и Кора имела время осмотреться и показать себя избранному обществу. Удар тишины и последующая волна шума, прокатившаяся по залу, доказывали, что она попала в точку. Глухие удары тел о паркет и тихие крики свидетельствовали о нескольких обмороках, вызванных приступами тяжелой зависти.

Танцевальный зал дворца был высок, этажа в три, и длинен, но с боков стиснут двумя рядами мраморных колонн. На балконе в торце зала размещался оркестр. Зал был освещен электрическими лампами. Ламп было много, но они все время перегорали и лопались, отчего в зале царила новогодняя атмосфера хлопушек и конфетти — осколки лампочек сыпались сверху на высокие прически и обнаженные плечи придворных дам.

Кора пошла вперед по открытому пространству в центре зала — туда не смел ступить ни один из гостей. Кора понимала, что нарушает некие незыблемые правила этикета, но именно к подобным нарушениям она и стремилась.

Вокруг Коры шумели придворные, кривились недовольные женские лица, пахло пудрой, потом и одеколоном, мужчины пожирали глазами украшенные золотыми бабочками обнаженные плечи и бедра прилетной красавицы.

Император, который вошел в зал как раз следом за Корой, увидел ее издали, потому что все склонились в глубоком поклоне, а Кора, не знавшая, что надо склоняться, осталась стоять, как сигнальный столб высотой в сто восемьдесят сантиметров. Кроме того, нарушив по крайней мере дюжину строжайших установлений и правил, Кора помахала императору прекрасной ручкой, охваченной вместо браслетов совершенно как живыми роботогадюками, и крикнула:

— Привет, Дуагим! Вы послали телеграмму в Махачкалу?

Император, натянуто улыбаясь, широкими шагами пересек замерший зал и, подойдя к Коре, возмущенно зашипел:

— Спасибо, что хоть на «ты» не обратилась! За хамство тебя положено четвертовать.

— Тогда вы наверняка проиграете пари, — ответила Кора, лучезарно улыбаясь. Так лучезарно, что даже в злобной душе императора что-то дрогнуло.

— Первое танго за мной, — сказал он, отмахиваясь от золотых бабочек, которые восседали на плечах Коры и время от времени, будто собираясь улететь, начинали взмахивать крыльями, усеянными маленькими алмазами.

Когда император, сдержав слово, пригласил Кору на первое танго, она все же повторила вопрос:

— А как с телеграммой?

— Пошлю, пошлю, — отмахнулся император. — А твои змеи не кусаются?

— Зачем же я буду истреблять своих поклонников? — удивилась Кора.

— А если бы я не был поклонником?

— Тогда и посмотрим, ваше величество, — ответила Кора.

— Тогда я не буду рисковать. А как проходит ваше расследование?

— Отвратительно, — призналась Кора. — Мне не с кем поговорить о преступлении.

— Говорите со мной.

— Вы не скажете правды.

— Я поклялся не лгать вам, — ухмыльнулся император.

Кора чувствовала уколы враждебных глаз — сотни людей смотрели на нее и мысленно готовили ей гибель. Она была вызовом всей женской половине придворного человечества.

Танцевал император плохо, грубо, по-солдатски. Коре приходилось думать о том, как бы вовремя убрать ногу из-под его сапога. Наконец танго кончилось. Император отвел Кору к полке с прохладительными напитками и взял себе высокий бокал, забыв угостить гостью.

— Эй! — крикнул император. — Ирациум, пес паршивый! Иди сюда.

От небольшой группы придворных, напряженно наблюдавших за императором, отделился прямой в спине, четкий,

выглаженный и тщательно причесанный господин. Подойдя к императору, он низко поклонился.

— Вот кто тебе нужен, — сказал император. — Это советник Ирациум, бывший секретарь моего дяди. Ирациум, расскажи даме из ИнтерГпола все, что ты знаешь об убийстве своего шефа.

Убийство его величества императора было совершено заговорщиками с Земли, — ответил советник. Каждое движение его губ было экономным и размеренным. Размеренность была главным качеством господина Ирациума. — Я надеюсь, что это злодеяние не останется безнаказанным.

Советник обернулся к императору, словно ожидая похвалы. Так оборачивается пудель к дрессировщику. Глаза советника были испуганные.

— Молодец, продолжай, — сказал император и обернулся к Коре, пояснив: — После смерти моего дяди этот старый идиот остался без работы. А я так и не решил, дать ему пенсию или пускай проживает наворованное.

Император громко засмеялся, и, не зная, в чем причина смеха повелителя, многочисленные гости разразились хохотом.

— Да помолчите вы! — Император обернулся к хохочущему залу и замахал руками, стараясь его унять. Кора почувствовала, как тонкие сухие пальцы советника дотронулись до ее руки. Она приняла у него свернутый в горошину листок бумаги и незаметно заложила его за браслет. Змея блеснула алмазным глазом.

— Мне больше нечего сообщить следствию, — сказал советник Ирациум, когда смех улегся и император снова обратил к нему строгий взор.

— Хорошо, иди.

Император поднял руку, и, подчиняясь этому жесту, сквозь толпу к ним приблизился адъютант Гим.

Император сказал Коре:

— Как видишь, ничего нового тебе от придворных не узнать. Весь мой народ убежден в том, что виноваты твои соотe-

чественники. Я думаю, что в твоем докладе ты сообщишь об этом.

— Посмотрим, император, — сказала Кора.

— Тогда иди в гостиницу. Гимочка тебя проводит.

Император потрепал красавца по курчавой голове.

— Я хотела бы еще повеселиться, — сказала Кора. — Я так редко бываю на балах.

— Хорошо, разрешаю тебе протанцевать три танца с моим Гимом.

Император ущипнул взвизгнувшего от радости адъютанта, потом ущипнул взвизгнувшую от боли Кору и, довольно смеясь, покинул зал.

Пока оркестр играл бурный местный танец, в котором кавалер и дама должны были по очереди подкидывать партнера кверху (что удавалось далеко не всем), Кора спросила у Гима, где находится дамский туалет.

Тот смутился и покраснел. Оказывается, вопросы такого рода — страшное табу. Женщина на Нью-Гельвеции скорее умрет, погибнет от разрыва мочевого пузыря, чем опустится до такого вопроса.

Так что Гим мог лишь зажмуриться и показать пальцем общее направление.

В том направлении Кора и упорхнула. Публика расступалась перед ней, и она неслась по живому коридору, как Золушка, убегая с бала.

В тесном и неблагоустроенном женском туалете Золушка уединилась в кабинке и развернула записку, написанную крошечными буквами на папиросной бумаге.

«В десять вечера вас будет ждать человек у номера 64 на четвертом этаже вашей гостиницы».

Ни подписи, ни разъяснений. Но этого Коре было достаточно. Дело сдвигалось с мертвой точки. Она искала — ее нашли.

Кора поглядела на часы, вставленные в глаз одной из змеек. Восемь часов тридцать две минуты.

Кора вышла из туалета. Гим ждал ее поблизости, глядя в сторону.

Кора воспользовалась его деликатностью, чтобы сделать вид, что не заметила чичероне. Она скользнула в другую сторону и, не внимая призывным возгласам спохватившегося адъютанта, вбежала в танцевальный зал, выбрала офицера гигантского роста, который как раз крутил головой, выбирая себе партнершу, и кинулась к нему в объятия с громким вопросом:

— Вы пригласите меня, кавалер?

Так как на Нью-Гельвеции такое поведение дам на придворном балу было немыслимо, то офицер некоторое время хлопал глазами, стараясь понять, что же происходит. Однако его мама, баронесса Двраж, которая как раз недавно начала выводить сына в свет, отлично понимала, что нельзя отказывать иностранке, с которой танцевал император. Поэтому она всадила в ляжку сына вязальную спицу (матери на балах вяжут) и зашипела: «Соглашайся, болван!»

Так что когда Гим прибежал от туалета, Кора уже кружилась с офицером Двраж в страстном вальсе, недавно завезенном с Земли и потому считавшемся танцем экзотическим и эротическим.

Кора хихикала, визжала и смеялась так заразительно и непосредственно, что на последующие танцы у нее не было отбоя от кавалеров, а несчастный Гим был вынужден бегать вокруг нее, чтобы не оставлять ни на секунду без присмотра, — но попробуйте это сделать в зале, где толпятся сотни знатных танцоров. Так что помимо нескольких синяков, произведенных особо щипучими кавалерами, Кора обзавелась и некоторыми нужными сведениями. В частности, она узнала, что госпожа Синдика страшно переживает смерть императора, но находится в опале и даже не допущена на бал в императорский дворец, а ждет со дня на день ссылки в отдаленное имение, если не монастырь. Однако навестить ее нельзя, потому что ее дом охраняется. Кора узнала, что Гим ревнует императора к балерине Пруцкой, которой тот увлекся последнее время, правда, судя по сегодняшним событиям, положение бале-

рины Пруцкой пошатнулось, потому что император увлечен красоткой, прилетевшей с Земли якобы для того, чтобы разгадать убийство бывшего императора. И главное, покойный император был склонен к оккультным наукам и нередко встречался с неким предсказателем Парфаном, существом подозрительным и неприятным, но весьма осведомленным.

Любой сыщик, не только Кора, был бы доволен своей работой на балу. Знай император о достижениях Коры, никогда бы не разрешил ей приблизиться к балу. Теперь пора было возвращаться в гостиницу, благо репутацию самой нахальной, экстравагантной и сумасбродной девицы в империи она уже завоевала.

— Бежим, — шепнула Кора адъютанту, отыскав его в толпе потных танцоров. — Я устала как собака.

— Слава богам! — откликнулся адъютант. — Я уже потерял надежду извлечь вас из этой стаи самцов.

— Неужели вы не опасаетесь так называть ведущих баронов империи?

— Они не посмеют поднять на меня палец, — сказал Гим. — Пока император меня любит.

— Но все на свете проходит, — заметила Кора. — Любовь императора минет, и они набросятся на вас.

— К тому времени, — лукаво усмехнулся молодой человек, — я отыщу себе другого могучего покровителя.

Кора потрогала змей, обвивших ее предплечья, — батарейки в них истощились, головки вяло повисли, словно это были не змеи, а усталые земляные черви. Кора сняла их и положила в сумочку, потом уже внизу, у лестницы, отцепила разноцветных бабочек, и сразу стало легко и свободно, как бывало, когда снимали лечебные банки или горчичники.

— Как жаль, что вы не мальчик, — с искренней грустью произнес Гим, помогая Коре сесть в карету. — Я бы мог вас полюбить.

— А я бы не смогла, — призналась Кора, — хоть ты и мальчик.

Гим обиделся, и они доехали до гостиницы молча.

Отдавая приказ дежурившему в вестибюле охраннику не выпускать Кору до утра из гостиницы, Гим торжествующе поглядывал на нее: все-таки смог показать власть над ней. А это утешение для слабого.

* * *

Кора поднялась к себе на четвертый этаж и осмотрела номер. Номер, разумеется, был тщательно обыскан, вещи просмотрены, каждый шов распорот и сшит снова, правда, не так аккуратно, как раньше, даже в креме и зубной пасте побывали чужие пальчики. Впрочем, Кора другого и не ждала. Это был не первый обыск в ее жизни.

Не зажигая света, Кора подошла к окну и выглянула наружу. Окна номера выходили на переулок. Под фонарем маячила фигура в черной накидке агента внешнего наблюдения.

До назначенного свидания еще оставалось минут сорок, и потому Кора спустилась в бар по лестнице и убедилась в том, что в пустынных белых коридорах агентов не было. Очевидно, император считал, что им достаточно ошиваться в вестибюле и на улице.

В баре к Коре попытался пристать местный богач — рот в золотых коронках, брюки для слона, пиджак с висячими плечами — таков был очередной каприз моды на Нью-Гельвеции.

В полутемном, переполненном народом баре не было нужды изображать из себя земную дурочку. Так что Кора отыгралась за все — она перевернула нахала в воздухе и аккуратно уложила его на соседний столик, сидевшие за которым офицеры принялись молотить нахала, который так вопил, что Кора смогла незаметно уйти. Никто за ней не следил. Она поднялась на четвертый этаж и, отыскав шестьдесят четвертый номер, условно постучала в дверь.

Белая с золотыми разводами дверь отворилась не сразу — словно Кору долго рассматривали в замочную скважину. Затем чуть приоткрылась, и оттуда зашипели:

— Тшшшш...

Кора приставила палец к губам, чтобы показать, что поняла предупреждение.

Дверь открылась шире — так что Коре удалось втиснуться внутрь. И тут же захлопнулась сзади. Щелкнул замок.

Может, ее заманили в ловушку? Завтра выйдут газеты с заголовками: «Еще один шпион с Земли» или «Где была ты, Кора, в половине одиннадцатого?»

Кора не успела придумать, что последует за такими разоблачениями, как услышала размеренный голос господина Ирациума, советника покойного императора:

— Мы благодарны вам, что вы нашли время и мужество встретиться с нами.

В комнате горела только одна настольная лампа, и потому люди были освещены лишь ниже пояса. Коре были видны черные брюки и хорошо начищенные башмаки советника, а также подол лилового, расшитого синим бисером вечернего платья дамы.

— Нам тоже было нелегко решиться на такую встречу. — Советник подчеркивал каждую фразу движением руки, как бы срубающим очередное дерево. — Но мы решили: если эта встреча поможет восстановить справедливость, мы готовы на все.

— Даже на смерть, — произнесла дама. У нее был ломкий голос много плакавшего человека.

— Даже на смерть, — повторил советник.

— Спасибо за доверие, — произнесла Кора. — За вами следили?

— Здесь следят за всеми, но верные люди провели нас черным ходом, через кухню, и потому есть надежда, что заботники из бригады исчезновения нас не заметили.

Дама Синдика глубоко вздохнула.

Кора понимала ее. Она испытывала теплое чувство к этой паре — как ко всем гонимым и преследуемым существам Галактики. Но понимала, что должна быть настороже: если в тоталитарном государстве встречаются трое, то, как правило, один из них оказывается агентом службы безопасности — таков всемирный закон, сформулированный на рубеже нашей эры римским естествоиспытателем Плинием Младшим в тот момент, когда он наблюдал извержение Везувия, погубившее Геркуланум и Помпеи.

— Если мы не будем рисковать, — сказала дама в лиловом, — то наша страна никогда не освободится от власти безумного тирана и импотента.

Глаза Коры привыкли к полутьме, и она разглядела тяжелые, но не лишенные привлекательности черты лица дамы, ее высокую прическу, напоминающую крепостную башню розового цвета, детские пухлые пальчики с золотыми ноготками.

— Держись, Патриция, держись, — произнес советник.

Он был незаметен и обтекаем, каким и должен быть хороший советник.

— Я хотела бы сесть, — сказала дама. — Я ничего не вижу!

Они уселись в мягкие кресла, и головы их оказались в тени. Это Коре не понравилось, потому что она предпочитала наблюдать за лицами собеседников, читая их мысли и понимая, кто лжет, а кто говорит правду. Если ей приходилось допрашивать кого-нибудь, Кора всегда направляла в лицо собеседнику сильный свет настольной лампы, чтобы тот не мог скрыть от нее своих истинных мыслей. Такова практика в ИнтерГполе, и не нам ее хвалить или осуждать.

— Дама Синдика, — произнес советник Ирациум, — являлась близкой подругой...

— Спутницей жизни, — всхлипнула дама.

— Спутницей жизни его усопшего величества.

— Очень приятно познакомиться, — сказала Кора. Она не знала, какие знаки внимания следует проявлять в таких случаях, и решила обойтись без них. Но сердце ее забилось сильнее. Каждый сыщик знает это чувство: вдруг в твоих руках оказывался ценный свидетель! Настоящая добыча!

— Могу ли я задать вам несколько вопросов, госпожа? — спросила Кора.

— Для этого мы и устроили встречу, — сказал советник. —

Если на какие-то вопросы госпожа не сможет ответить, я постараюсь ей помочь.

— Император жил один? — спросила Кора.

— В отличие от современного деспота, — ответил за даму Синдику советник, — наш возлюбленный император не обладал развратными наклонностями. После кончины его драгоценной супруги...

Коре показалось, что скрытое в полутьме лицо госпожи Синдики исказила мимолетная гримаса. Кора улыбнулась: женщина в ней поняла другую женщину. Коре тоже надоели комплименты в адрес законных супруг ее поклонников. Сколько ей пришлось выслушать в жизни любовных клятв, которые заканчивались сентенцией: «Ах, если бы я уже не был женат на этом ангеле!»

— После кончины драгоценной супруги нашего императора он жил в одиночестве. И госпожа Синдика помогала ему скрасить вдовство, — продолжал советник.

Госпожа Синдика громко всхлипнула.

— Вы жили во дворце?

— Ах нет! — сказала Синдика.

— Это было бы самоубийством, — размеренно объяснил советник. — Даму Синдику отравили бы на второй день, а мы с императором были бы бессильны ее спасти.

— Значит ли это, что императору во дворце угрожала опасность?

— Если бы не угрожала, он был бы сейчас с нами, — горько пожаловалась дама Синдика.

— Он же мертв! — подытожил с нотой удивления в голосе советник.

— Смерть могла быть результатом внешнего заговора или нападения, — сказала Кора.

— Неужели и вас удалось убедить, что это могли сделать несчастные земляне, которых ко дворцу на пушечный выстрел не подпускали? — удивился советник.

— Меня в этом убедить невозможно, — улыбнулась Кора, — я с детства принадлежу к этой сомнительной компании.

— Почему сомнительной? — Дама Синдика не поняла иронии.

— Госпожа Кора Орват изволила неудачно пошутить, — пояснил советник, и Кора почувствовала, как краснеет. Эти измученные и запуганные люди не были склонны к шуткам.

— Простите, — сказала Кора.

— Стремление людей Земли посмеиваться над тем, что им незнакомо или непонятно, — одна из причин, по которой их не выносят в Галактике, — заметил советник.

— Не везде, — осторожно возразила Кора.

— Практически везде, — сказал советник.

— Дело не в шутках, — перебила его дама Синдика, — а в том, что с Земли исходят разные вредные течения и мысли. В частности, так называемая демократия, для которой наш народ еще не созрел.

Кора хотела спросить, сколько ему еще зреть, но удержалась от вопроса, который, скорее всего, лишь ухудшил бы отношение Галактики к жителям Земли.

— Мы отлично понимаем, — сказал советник.

— Как интеллигентные люди, — добавила дама.

— Мы отлично понимаем, что не бывает плохих планет и плохих народов. Есть плохие земляне и хорошие земляне.

— У меня даже были знакомые среди землян, — пояснила дама, — ведь и среди землян встречаются порядочные люди.

— Спасибо! — искренне произнесла Кора.

— Но другие так не думают, — сказал советник. — Другие говорят, что земляне — наши постоянные и опасные враги.

— Как тараканы, — не вовремя добавила дама Синдика.

— Ах, погодите! — остановил ее советник. — Дело не в наших мнениях, а в том, что с помощью гонений на землян, может быть, кое в чем несправедливых, наш новый император хочет оправдать свой приход к власти, а также заручиться поддержкой народа.

— Наиболее темных сил в народе, — уточнила дама Синдика.

— К этим силам покойный император относился отрицательно? — спросила Кора.

— Более чем отрицательно! — воскликнула дама Синдика. — Он говорил мне, что сначала они истребят землян, потом упразднят пост императора.

— Все, что было хорошо при покойном императоре, стало преступным при нынешнем, — сказал советник.

— И наоборот, — вставила дама.

— Он не уверен в том, что имеет право на престол...

— А разве он оттеснил кого-то?

— Четырех претендентов! — воскликнула дама Синдика. — И все имели больше прав на престол.

— Где же они теперь?

— Ах, не говорите! — Дама Синдика достала из-за корсажа синий платок и промокнула глаза.

— Ее кузен — один из них, — пояснил советник.

Кора решила, что пора продолжить расспросы.

— Кто имел доступ к императору?

— Когда? — не понял советник.

— Ночью. Я имею в виду его спальню, башню. Ночью, вечером, утром...

— В опочивальню он не пускал никого, — твердо ответил советник.

Кора посмотрела на даму.

— Не хотите же вы сказать, — ответила на немой вопрос дама, — что я стала бы отдаваться императору на походном топчане?

— Нет, нет, этого я сказать не хотела! — Таким образом Кора вернула себе и даме уважение к племени любовниц.

Дама снова потянулась за платком.

— Господин Эгуадий, — сказал советник, — неоднократно объяснял мне причины своего поведения. У него были все основания бояться покушения со стороны племянника. Фактически шла гонка...

— Гонка? — удивилась Кора.

— Да, гонка! — повторил советник. — Император набирал

компрометирующие материалы на племянника. Ведь нельзя же посадить в тюрьму племянника просто так! Сначала его участь должен решить конституционный суд.

— У вас есть конституция?

— У нас — конституционная монархия, — гордо ответил советник.

— Продолжайте.

— Император ждал гонца с севера — тот вез документы об участии племянника в заговоре. Племянник не стал ждать документов... Император понимал, что тот не будет ждать, но был уверен, что племяннику до него не добраться.

Советник упорно отказывался называть правящего императора по имени. Наверное, здесь это означает определенное презрение?

— Император говорил, что с радостью допускал бы в опочивальню меня или даму Синдику. Но где гарантия, говорил он, что за твоей спиной не спрячется убийца?

— Вы хотите сказать, — осторожно спросила Кора, — что убийцей мог оказаться сам нынешний император?

— Ни в коем случае! — ответил советник и в ужасе обернулся к двери.

Кора проследила за его взглядом, неуловимым движением подскочила к двери, открыла замок и распахнула ее.

Коридор был пуст. Но за поворотом были слышны быстрые шаги.

— Если не он, то кто же? — спросила Кора, возвратившись в номер.

— Есть человек, к которому мы оба испытываем подозрение, — сказала дама Синдика.

— Это предсказатель Парфан, — пояснил советник.

— Этот выскочка!

— Этот недоумок.

— К тому же пьет. Я его вообще трезвым никогда не видела.

Послышался громкий скрип. Дама замерла. Советник тоже. Дверь в номер медленно отворилась. Кора метнулась к ней. Опять пусто.

— Видно, я плохо прикрыла ее, — призналась Кора, но ей никто не поверил.

Гости Коры заторопились, хотели уйти, но она не отпустила их, пока не услышала мнения дамы о предсказателе Парфане.

— Я ненавидела этого Парфана! — Дама Синдика взмахнула пухлыми ручками.

— Вы имеете в виду предсказателя?

— Меня всегда удивляло сближение господина императора с предсказателем. Ни один интеллигентный человек не верит Парфану! А наш повелитель всегда был таким интеллигентным человеком! — сказал советник.

Госпожа Синдика энергично кивала головой: слово «интеллигентный» на этой планете несло в себе большой эмоциональный заряд.

— Он пользовался предсказаниями Парфана?

— Мне кажется, что он не пользовался ими как руководством к действию, но прислушивался к словам этого грязного человека! — ответил советник.

— Дайте мне воды, — попросила госпожа Синдика. — Я так волнуюсь!

Советник приподнялся и налил воды в бокал из высокого графина.

— Расскажите мне подробнее об этом предсказателе, — попросила Кора. Интуиция подсказывала ей, что в этом направлении возможны открытия.

— Но что можно сказать о таком недостойном существе? — воскликнула дама Синдика. Ее тяжелая розовая прическа закачалась.

— Я был бы осторожнее в оценках, — произнес советник. — Мы судим о человеке не по нашему к нему отношению, а по его реальным делам.

— Это не дела! — возразила дама Синдика. — Это жульничество. Я знаю много отличных интеллигентных предсказателей, они помогают людям, открывают будущее, а этот... этот делает людям гадости!

— Предсказатель Парфан не берется гадать для людей, —

объяснил секретарь. — Он утверждает, что не знает будущего. Но знает прошлое. И по прошлому может безошибочно отгадать будущее.

— Я не понимаю.

— Многие не понимают. Но объяснить, наверное, сможет только он сам. Я же узнал о его философии от самого императора, который сблизился с Парфаном и доверял ему.

— Откуда этот Парфан родом?

— Кажется, как и вы — из Солнечной системы. Впрочем, разве это имеет значение?

— Не знаю. Продолжайте, господин Ирациум.

— Император говорил мне, что с помощью Парфана смог найти в прошлом некие разгадки для будущего. И говорил еще, что собирается с помощью предсказателя разоблачить покушение.

— Предсказатель и убил его, — уверенно произнесла дама Синдика. — И я надеюсь, что вы сможете это доказать.

— Мне надо увидеть этого предсказателя, — сказала Кора.

— Я понимаю, — сказал советник. — Но поймите и нас: мы не можем проводить вас в его дом. Это слишком опасно. За нами следят. Мы многим рискуем...

— Я согласилась на свидание с вами, — сказала дама Синдика, — только потому, что пылаю местью к убийцам моего драгоценного царственного сожителя. И если я, даже ценой собственной жизни, смогу им отомстить, считайте, что я умру счастливой.

— Предсказатель Парфан обитает за чертой города, — сказал секретарь. — В районе Стреггл, у поворота к молочной ферме Крогуса. Напротив этой фермы и находится вилла предсказателя. Но будьте осторожны. Мы не сможем дать вам провожатого — вы должны проникнуть туда одна.

— Хорошо, — сказала Кора.

— Теперь нам пора расставаться, — сказал секретарь.

Он по-земному протянул ей руку. Кора пожала его узкую, влажную от волнения ладонь. Госпожа Синдика приблизила к

ней щеку. Щека была липкой от спекшейся пудры, духи сожительницы покойного императора пахли одуряюще.

— Я надеюсь, что мы встретимся в лучшие времена, — прошептала дама Синдика. — И я смогу принять вас у себя дома. К сожалению, пока я соблюдаю траур и никого не принимаю.

Кора вышла первой. В коридоре было пусто. На цыпочках она добежала до задней лестницы и спустилась на свой этаж.

Дверь в ее номер была не заперта.

Кора вошла без опасения — интуиция изменила ей. Лишь пройдя до середины комнаты, она догадалась, что в номере не одна.

— Кто здесь? — прошептала она.

— Это я, — раздался ответный шепот, в котором послышался смешок. — Не ждала?

* * *

Кора протянула руку к выключателю, но знакомый голос остановил ее:

— Не смей!

— Почему?

— Из темноты лучше видна улица.

— Зачем мне смотреть на улицу?

Коре казалось, что желтые, в медь, волосы императора светятся в темноте.

— Подойди к окну! — приказал император. — Но особенно не высовывайся.

Голос звучал так, что не подчиниться ему было нельзя.

Кора прижалась к раме и выглянула наружу. Улица, на которую выходил торец гостиницы, была хорошо освещена, у тротуара стояла длинная черная машина.

Из-за угла, от входа в гостиницу появились два человека. Кора сразу узнала их. Советник покойного императора, одетый в длинный темный плащ, в низко надвинутой на лоб шляпе, вел под руку закутанную в черную мантилью даму Синдику.

Они подошли к машине. Секретарь оглянулся, прислушался, потом открыл дверцу машины. Кору настигло предчувствие неминуемой беды.

— О нет! — воскликнула она и попыталась открыть окно.

— Поздно, — сказал император. — Часы судьбы бьют двенадцать.

Мгновенное колебание Коры оказалось роковым.

Госпожа Синдика успела обойти машину и нырнуть в дверь, открытую сановником, занявшим место водителя.

Хлопнула дверь, другая. На шестой секунде раздался взрыв.

Оранжевое пламя заполнило автомобиль, приподняло его и кинуло на землю.

— Вот и все, — сказал император. — Так мы расправляемся с предателями родины и народа.

— Вы убийца! — воскликнула Кора и кинулась на императора с поднятыми кулаками.

Император захохотал. Сквозь открытую форточку тянуло черным дымом.

Кора поздно спохватилась, что в гневе она себя выдает. Император не должен был догадаться, что она любимая ученица каскадера Пуччини-2 и обладательница тройного черного пояса по борьбе у-ку-шу.

От ее выпада, все еще продолжая хохотать, император перевернулся, встал на голову, несколько раз подпрыгнул, пружиня темечком, и, взлетев в воздух, въехал физиономией в зеркальный шкаф.

Потом тяжко свалился на пол и принялся тихонько подвывать, как побитый щенок.

Кора кинулась было с извинениями, но спохватилась, потому что поняла, что извинения лишь усугубят ее вину. Важнее было убедить побитого императора, что она ни в чем не виновата.

— Император, что с вами? — воскликнула она. — Почему вы кидаетесь на шкаф? Что вас напугало?

— Кто... — промычал император, пытаясь подняться с ковра, — что это... кто посмел? — Он снова рухнул на ковер.

Несмотря на всю ненависть и презрение к этому мерзавцу, Кора пересилила себя, присела перед ним на корточки, нежно приподняла его тяжелую, все еще вздрагивавшую от страха голову и прикоснулась кончиками пальцев к оцарапанному носу.

— Кто посмел обидеть моего мальчика? — проворковала она. — Кто так толкнул господина императора? Мы найдем, кто нас обидел...

Император уже собрался с силами и оттолкнул Кору.

— Это ты, змея? — спросил он. — Это ты меня...

— Простите, ваше величество, — отпрянула Кора. — В чем вы меня подозреваете?

— В том! — отрезало величество. — Вот именно!

Он поглядел на разбежавшуюся трещинами зеркальную дверь шкафа, потрогал шишку, выросшую у него на лбу, потрогал другую — уже заметную на макушке, утер кровь из носа...

— Это было так ужасно! — произнесла Кора. — Он выскочил из угла и так вас толкнул!

— Из угла? Кто? Здесь никого быть не может! Что ты несешь?

— Разве бы я посмела, ваше величество...

В три широких шага император преодолел комнату и распахнул дверь в коридор. От двери прыснула охрана — человек шесть.

— Что тут произошло? — рявкнул император. — Кого вы впустили?

— Дверь была закрыта, ваше величество, — посмел ответить Гим. — Но там так шумело, мы просто испугались... за вас, ваше величество.

Император обернулся, поглядел на робко стоявшую рядом красавицу и, вздохнув, заявил:

— Пришлось немножко рассердиться... а я когда сердит, то очень опасен. Вот именно — опасен! И пускай об этом помнят наши враги.

Последние слова были сказаны так решительно, что охра-

на не выдержала и ударила в ладоши. Аплодисменты заполнили гулкий коридор.

Кора сложила ладони на груди. Она была само смирение.

— И чтобы больше — ни-ни! — рявкнул император.

По коридору бежал покрытый сажей охранник.

— Ваше величество, — закричал он, — все удачно! Мы их взорвали!

— Молчать! — взбеленился император. — Мы никого не взрывали. И если кто-то сам взорвался, туда ему и дорога.

Охранник заблеял, но по легкому движению руки императора его поволокли прочь. Пошатываясь и придерживая большую шишку на макушке, император кинул еще один угрожающий и недоуменный взгляд на Кору. Физиономия у него была краснее обычного, нос распух, на лбу вздувался синий холм.

Император захлопнул за собой дверь.

Кора кинулась к окну. Внизу догорала машина. Кучка любопытных стояла на расстоянии, не подходя близко, — люди здесь знали, что лучше не приближаться к чужому несчастью.

Кора стояла у окна, глядела вниз и думала, что ее вина в гибели этих людей велика и непростительна. Она, с ее опытом, должна была сообразить, что император легко выследит этих наивных вельмож и будет рад возможности и поводу от них избавиться. А она еще дала волю своим чувствам... если даже император и предпочтет сделать вид, что верит в ее невиновность, в душе он затаит недоверие и злобу. И месть. Отныне она должна быть втрое осторожнее. Ах, Милодар, Милодар, где ты сейчас? Где твои мудрые советы, секретные подсказки и тайная помощь? Как ты далек от своей ученицы!

* * *

Кора услышала тихий скрип. Будто кто-то наступил на половицу. Нет, звук иной... так открывают дверь.

Кора метнулась к выключателю и повернула его. Яркий свет люстры озарил номер. Номер был пуст, но в ужасном состоянии. Короткая схватка Коры с массивным императором

недешево обошлась гостиничной собственности. Кресла были повалены, кровать разорена так, словно на ней предавались любовным ласкам несколько слонов одновременно, зеркальная дверь массивного шкафа являла собой громадную звезду трещин, в центре которой находилось черное отверстие — место, к которому прикоснулся лоб императора.

Именно эта зеркальная дверь шевельнулась и медленно открылась, словно под порывом ветра.

С облегчением Кора шагнула к двери, чтобы прикрыть ее, но дверь ее не послушалась, а настойчиво продолжала открываться.

Коре это надоело, и она дернула дверь на себя.

Дверь сразу распахнулась, и обнаружилось, что в шкафу стоит небольшого роста гладкий, благополучный, розовый, средних лет, чуть начинающий толстеть человек. Он был одет в длинный малиновый бархатный халат, ночные туфли на босу ногу и серый ночной колпак. Несмотря на столь домашний вид и некоторую расхлябанность движений, свидетельствующую об опьянении гостя, он сохранял респектабельность. Во взгляде, округлости щек и блеске глаз Кора сразу разгадала любителя поесть, выпить, приударить за красивой женщиной, однако все в меру, все без напряжения... Ах, как далека была она от истины!

— Простите, — улыбнулся человек вежливой, но сдержанной улыбкой. — Вы разрешите войти?

— Еще этого мне не хватало! — грубо откликнулась Кора. — И давно вы там?

Человек вышел из шкафа, легким скользящим взглядом оглядел себя, стряхнул с халата пылинку, выпрямился и протянул Коре руку.

— Александр Александрович Парфан, — сообщил он. — Наверное, вам обо мне уже рассказывали.

— Парфан? Предсказатель?

— Ну, не надо так категорично! Если мне удается иногда заглянуть в прошлое и увидеть в нем будущее, я рад помочь

моим друзьям. Вы разрешите сесть, а то я устал стоять в пыльном шкафу?

Кора не возражала, он перевернул лежавшее на полу кресло и уселся в него, совершенно забыв, что желательно перевернуть еще одно кресло — для хозяйки дома.

— Давно вы здесь? — спросила Кора.

— Достаточно давно, чтобы у меня руки и ноги затекли, — сказал Парфан. — Мне надо было сказать вам всего три слова, но безопаснее всего было встретиться с вами именно в вашем номере — в любом ином месте вы находитесь под наблюдением. Надеюсь, вам это известно.

— Мне это известно.

— Тогда я прошу прощения, что позволил нанести вам визит в таком... фривольном наряде. Но у меня не было выбора.

— Продолжайте.

— Я проник в ваш номер примерно час назад. Вас не было, но следы вашего присутствия имелись. Я понял, что вы вышли ненадолго, вернее всего — в бар, и решил вас подождать... но тут случилась неприятность! Открылась дверь, и вошел известный вам человек, имени которого я не называю, потому что здесь даже стены имеют уши.

— Вы имеете в виду императора?

— Именно его.

— Так бы и говорили.

— Не зажигая света, император уселся в кресло, и я предпочел отсидеться в тишине, хотя, честно говоря, был встревожен тем, что у вас, простите, назначено с ним свидание, а я окажусь случайным свидетелем... ах, как ужасно!

— Ну почему уж так ужасно? — сказала Кора, изображая удивление.

— Потому что я такой возбудимый, такой нервный! Я бы не вынес любовной сцены с вашим участием! Я бы умер от ревности!

— Вы ни черта бы не увидели, — заметила Кора. — Из шкафа, который стоит в темной комнате, много не увидишь.

— А воображение?

— Продолжайте, я устала, мне хочется спать.

— Во-первых, мне не о чем больше говорить, потому что дальнейшее вам известно... Во-вторых, вы спать не собирались.

— Что же я собиралась делать?

— Вы намеревались нанести мне визит. А так как я живу за городом, ваш визит протянется далеко за полночь.

— Какой еще визит, если вы здесь!

— Это я сейчас здесь, но для того, чтобы я оказался здесь, вы должны будете нанести мне визит там.

— По-моему, вы сумасшедший.

— Я совершенно нормален, — сказал Александр Александрович, потягиваясь в кресле. — Только я устал сегодня больше вас. И этот визит для меня самого полная неожиданность. У вас не будет глотка рома или коньяка? Будьте любезны, загляните в холодильник.

Кора хотела бы отправить его далеко-далеко, но вспомнила, что все же он ее гость, хоть и незваный, а глоток коньяка и ей самой не повредит. Она открыла холодильник, отыскала в нем бутылку и бокалы, протянула один Александру Парфану, а второй залпом выпила сама.

— Нельзя так пить коньяк, — расстроился гость. — Хороший же напиток, а вы его как русские водку: хоп — и готово! А букет? А аромат?

— Господи, да говорите вы, что вам нужно, и уходите!

— Во-первых, — возразил Парфан, — мне еще рано уходить, потому что вокруг столько охранников, что даже я сквозь них не просочусь. Дайте им разойтись и успокоиться. Во-вторых, я очень перенервничал в шкафу. Честное слово, я не думал, что останусь в живых... простите, господин советник и госпожа Синдика уже взорвались?

— Вы надо мной издеваетесь?

— Значит, взорвались. Именно поэтому вы обозвали нашего любимого императора убийцей и нанесли ему телесные повреждения.

Кора не стала больше спорить с этим человеком. Он был или ненормален, или слишком хитер.

— Но поймите меня, — продолжал Александр Александрович, — я сижу в шкафу, молю бога, чтобы император вас покинул, как вдруг раздается страшный грохот — я только потом сообразил, что таким образом вы пытались уничтожить нашего возлюбленного монарха. А когда он грохнулся лбом в зеркало... — Парфан с грустью поглядел на зеркальную дверь и укоризненно покачал головой, — я был убежден, что в шкаф попала авиационная бомба и мне пришел конец. Вам смешно?

— Нет, не смешно. Потому что я не знаю, что привело в мою комнату чужого мужчину в такое время ночи.

— В следующий раз я обязательно изберу лучшее время, — ответил Александр Александрович. — Хотите утром?

Он уютно устроился в кресле и протянул полную руку с бокалом, чтобы Кора налила ему коньяку. Та послушалась, удивляясь тому, что подчиняется этому человеку.

— Я посмел вас побеспокоить, — сказал Александр Александрович, вальяжно отпивая из бокала, — потому что в нашем ближайшем разговоре мы не все успели сказать друг другу.

— Я вас не знаю и никогда раньше не видела.

— Ах, Кора, милая моя Кора, — вздохнул Парфан. — Разве я ставил под сомнение столь непреложный факт? Разумеется, мы с вами еще никогда не встречались. И более того, я гарантирую вам, что по парадоксу, существующему в мироздании, через два часа я вас не буду знать, хотя вам покажусь знакомым. Понятно?

— Нет.

— Я не ожидал, что вы поймете, но в любом случае учтите мои слова при будущей встрече. Не забывайте, что меня считают предсказателем, хотя я не знаю истинного будущего. Я знаю лишь то будущее, которое уже свершилось.

— Александр Александрович, — заявила Кора. — Я вас не понимаю, а вы не хотите, чтобы я вас понимала.

— Умница. И в самом деле я сейчас этого не хочу — все должно идти своим чередом. Даже если тебе хочется поторо-

пить события. Так что я завершу нашу будущую встречу тем, что оставлю вам эту вещицу. Если можете, то не раскрывайте сейчас этот пакет. Тем более что смысл моего дара станет вам понятен лишь потом.

Александр Александрович вытащил из внутреннего кармана своего пиджака небольшой плоский пакет размером с портсигар и протянул ей.

— Берегите его пуще собственного ока. И я надеюсь, что они завтра не будут устраивать нового обыска в вашем номере.

Александр Александрович смотрел, как Кора, не говоря более ни слова, кладет пакет на стол.

— Только не так! — возразил он. — Пакет должен быть спрятан. Здесь разгадка вашего дела. Без этого пакета вы будете бессильны. Поверьте мне.

— А если это взрывное устройство?

— Ну вот, нагляделись на других и теперь дрожите, — укоризненно сказал Парфан.

— Посмотрите в окно — машина еще дымится.

— Перестаньте, Кора. Ваша пуля еще не отлита, ваша бомба еще не собрана. Спрячьте пакет как следует.

И Кора подчинилась ему. Она открыла свою дорожную сумку, сделанную из мягкого вязаного металла, отстегнула второе дно, которое невозможно определить никакими приборами, и вложила в щель пакет.

Александр Александрович внимательно наблюдал за ее действиями.

— Теперь вы удовлетворены? — спросила она.

— Пока да. И думаю, что мне надо идти. Охрана дремлет, спрятавшись по углам, господин император нажрался спирта, чтобы заснуть, потому что все его шишки и ссадины безумно болят. Вам же пора собираться с визитом ко мне.

— Я? К вам?

— Вот именно.

— И не подумаю.

— Обязательно поедете, иначе как бы я догадался, что за-

был вам передать этот пакет? Ведь сначала будет наша беседа, а потом я вспомню о пакете.

— Господин Парфан! — взмолилась Кора. — Вы меня совершенно запутали.

— Ничем не могу помочь, — ответил тот. — Но учтите, что при первой встрече я вас не узнаю. Не удивляйтесь этому парадоксу.

Предсказатель подошел к двери в коридор, приоткрыл ее и осторожно выглянул наружу.

Затем он оглянулся, подмигнул Коре и прошептал:

— До встречи!

Кора хотела было что-то сказать ему вслед, но Парфан приложил палец к губам. И в самом деле ему надо было быть осторожным.

Дверь за предсказателем закрылась.

В номере наступила тишина. Только тянуло от окна запахом горелой резины, шкаф был распахнут, а на столике возле кресла стоял пустой бокал.

* * *

Кора посмотрела на часы.

Половина двенадцатого. Ничего себе выдался день! Столько событий, что в иной ситуации на них не хватило бы и недели.

Следовало тщательно обдумать все, что уже произошло, но голова отказывалась думать.

Кора окинула взглядом комнату. Разумеется, голова не сможет думать, пока тело находится в таком окружении. Решив так, Кора за пять минут бешеной деятельности привела номер в порядок. Теперь лишь мусорное ведро, полное битой посуды, да треснутое зеркало в шкафу напоминали о прискорбном инциденте с императором Нью-Гельвеции.

Работа помогла Коре восстановить бодрость мышц и ясность мысли.

Но главную проблему она распутать так и не смогла.

Проблема заключалась в таинственном визитере, который выдавал себя за предсказателя Парфана и утверждал, что она

придет к нему сегодня же ночью. Это было бредовое предположение, если не считать того, что она и в самом деле намеревалась нанести визит предсказателю по подсказке ее несчастных знакомых — советника и дамы Синдики.

Если разгадка этого визита существовала, то она могла заключаться лишь в том, что ее визитеры до посещения гостиницы почему-то поделились своими мыслями с респектабельным Александром Александровичем (если он, конечно, Александр Александрович) и тот счел нужным спрятаться в шкаф в номере Коры.

Но что же в пакете?

Кора достала его и взвесила на руке. Он не тикал, не шумел, не жужжал, вообще не издавал никаких звуков. На ощупь он был тверд, но не настолько, чтобы казаться металлическим.

Ах, будь что будет! Кора решила рискнуть. Она положила пакет на стол, сама присела за столом на корточки, полагая, что, если он оторвет ей руки, это меньшая беда, чем потеря головы.

Прижав голову к толстой ножке стола, Кора поднятыми руками разодрала обертку.

Ничего не случилось.

Она осторожно ощупала пальцами гладкую, даже скользкую поверхность подарка. Сбоку были какие-то вырезы. Похоже на видеокассету.

Кора поднялась. Догадка оказалась правильной — у нее в руках была кассета. Но в комнате не было телевизора и тем более видеомагнитофона — надо найти место, где можно прокрутить кассету в одиночестве.

Пока такого места она не знала, и вряд ли его можно найти среди ночи.

Конечно, можно попробовать еще раз побывать в посольстве, но наверняка связанного полицейского уже нашли и ее там ждут. Еще нет ответа на телеграмму.

Возвратив кассету в тайник, Кора налила себе полный бокал коньяка и, отпивая его большими глотками, начала интенсивно думать.

Очевидно, ей ничего нового не узнать, если не поговорить с настоящим предсказателем Парфаном. Именно там и может таиться разгадка тайны.

Кора отделила от своей сумки боковую стенку, которая, развернувшись, превратилась в тончайший черный комбинезон с капюшоном и черными очками ночного видения, закрывающими большую часть лица. Натянув на себя эту одежду, Кора исчезла из глаз.

Кора свернула одеяло на постели, как делала в детстве, убегая на свидание, и осторожно выглянула в коридор. Но тут ей не повезло: по коридору, крутя головой, шел настороженный заботник. Кора еле успела прикрыть дверь. Чтобы не тратить времени, она подобралась к окну — с четвертого этажа было видно, как внизу под фонарем дежурят два агента. Еще один выглядывал из-за угла. Но Кору эти соглядатаи не смущали. Стараясь слиться с серой, давно не крашенной стеной, она медленно выбралась на карниз и поползла по нему к углу. Поднялся ветер, который норовил столкнуть ее в пропасть. Летучие мыши, сидевшие в ряд на карнизе, бесшумно, но зловеще взмывали в воздух перед самым лицом.

Кора доползла до угла дома и, тщательно выбирая опору, переползла на другую стену. И тут, как назло, один кусок штукатурки оторвался от карниза и полетел вниз. Кора вжалась в карниз, понимая, что сейчас в нее ударят лучи фонарей и прожекторов... раз, два, три... но удара о землю не последовало. Вместо этого послышался пронзительный крик:

— Убивают!

Кора поняла, что, на ее счастье, штукатурка угодила в голову соглядатаю и все внимание агентов приковано сейчас к нему. Словно черная молния, она ринулась вдоль карниза и через несколько секунд достигла пожарной лестницы. Когда она спускалась по ней, то увидела, как с запозданием лучи фонарей с мостовой ударили вверх на угол карниза в поисках причины обвала. Но ее лучи не отыскали — никто не мог предположить, что Кора может так быстро передвигаться по карнизам.

Ночная темнота гостеприимным покровом скрыла Кору от чужих глаз. Мимо проезжала большая карета, и, практически невидимая, Кора примостилась на запятках. Через полчаса, сменив две кареты и один автомобиль, она достигла окраины города. Именно там, на краю леса — любимого места отдыха горожан, засыпанного консервными банками, пакетами из-под сладостей, презервативами и прочими атрибутами цивилизации, располагался район респектабельных вилл. Район Стреггл был престижным, и считалось, что жить там — свидетельство отличного вкуса и наличия достаточных средств. Так что жители этого роскошного района терпели крики и песни загулявших горожан, страдали от постоянных ограблений и вторжений пьяных хулиганов ради того, чтобы на вопрос: «Где вы живете?» — отвечать:

— У нас небольшая вилла в Стреггле.

Нужная ей вилла была окружена высоким каменным забором. По столбам горели электрические лампочки, в их свете поблескивали кусочки битого стекла, вставленные по гребню изгороди. Железные ворота, перетянутые стальными полосами, словно старинный сундук, были покрашены в черный цвет, а на столбе над калиткой была надпись: «Вилла «Лунный свет».

Можно было попытаться самой перелезть через забор, но Кора отказалась от этой мысли. Человек, который предпринял такие меры, чтобы не допустить к себе в сад случайного прохожего, наверняка принял меры против таких попыток.

Так что, отказавшись от идеи незаметно проникнуть к предсказателю и поглядеть, как ему живется-можется, Кора нажала на кнопку звонка.

Через несколько долгих минут ожидания по ту сторону ворот послышались степенные шаги. Мужской голос произнес:

— Потерпи, Колокольчик, ты успеешь его растерзать.

Кора откинула тонкий черный капюшон и сняла черные очки. В железной калитке открылся круглый глазок, и в нем Кора увидела внимательный человеческий глаз.

— Кто такая? Почему не знаю?

— Я — Кора Орват, агент ИнтерГпола, — ответила она. — Ваш адрес мне дали господин советник Ирациум и дама Синдика...

— Почему я должен вам верить? Может быть, вы самозванка?

— Я ничем не могу доказать вам, что я не самозванка. Но хочу сказать, что всего час назад дама Синдика и советник Ирациум были убиты.

— Что?!

— Они были взорваны в своей машине. На моих глазах, возле моего отеля.

— Подождите, подождите, — голос предсказателя дрогнул. — Сейчас я открою... это же злодейство!

Наконец калитка подчинилась и со скрипом отворилась. В калитке стоял мужчина в длинном халате и ночном колпаке. Рядом — громадный, добродушного вида пушистый кот размером с овчарку, который нервно зевнул при виде Коры — ему была видна лишь ее голова — белое лицо и золотой локон, все остальное было затянуто в черный комбинезон и неразличимо в ночи.

Лицо мужчины было Коре хорошо знакомо. Это был ее недавний гость из шкафа. Никакого сомнения в том, что перед ней стоит либо сам Парфан, либо его брат-близнец, быть не могло.

Не показав ничем своего удивления или хотя бы узнавания при виде Коры, хозяин дома пропустил ее во двор, а сам выглянул наружу, проверяя, не привела ли она с собой преследователей. Кот обнюхал Кору и высоко поднял хвост, выражая добрые чувства к гостье.

Парфан зазвенел цепочкой, заскрипел засовом, закрывая калитку.

— Здесь район — ужасный! — с чувством сказал он. — Я все собираюсь отсюда уехать, но так трудно найти хорошую виллу! А здесь у меня лаборатория, приборы, оборудование. Вы хотите меня спросить, почему я не держу охраны? Да потому что я очень недоверчивый человек. А охрану можно купить

или запугать. Нас же с Колокольчиком запугать и перекупить нельзя, правда, котик?

Кот прошел, касаясь Коры телом, погладил ее хвостом, заглянул в глаза.

Убедившись в том, что ворота надежно закрыты, предсказатель повел Кору к довольно мрачному, запущенному двухэтажному строению с узкими, почти крепостными окнами и белыми пузатыми покосившимися колоннами перед фасадом. Свет горел лишь в одном из окон первого этажа.

Внутри, в тесной прихожей, предсказатель задержался, запирая входную дверь, — он был взволнован, и даже его обычная респектабельность куда-то подевалась. Перед Корой был средних лет полный мужчина в дурацком ночном колпаке, с мешками под глазами.

Предсказатель не скрывал своего страха и в гостиной. Он закрыл шторой окно, выглянул в соседнюю комнату, словно хотел убедиться, не таятся ли там враги.

— Говорите, — попросил он Кору наконец.

— Странно, — сказала Кора. — Мы же с вами встречались.

— Когда? — Жидкие брови Парфана поднялись кверху.

— Наверное, два часа назад. Неужели вы меня успели забыть? — Кора совершенно не верила этому типу, но должна была признаться, что он гениальный актер: мужчина в халате был буквально потрясен заявлением Коры. Трудно было поверить, что он так естественно лжет.

— Клянусь вам, что я не видел вас никогда в жизни! — сказал мужчина. — Клянусь здоровьем моей покойной мамы!

Это была самая странная клятва, которую ей приходилось ранее слышать, но Кора старалась не показать своего удивления.

— Я видела вас в гостинице «Олимп», в моем номере на четвертом этаже. Вы, кстати, дожидались меня в шкафу.

— Продолжайте, продолжайте! — воскликнул Парфан с заинтересованностью ребенка, которому не терпится узнать, чем закончится увлекательная сказка. — Я вас дожидался в шкафу? Два часа назад? Зачем же я залез к вам в шкаф?

— А вот это — ваше мужское дело! — рассердилась Кора.

Сбитый с толку ее словами, предсказатель опустил взгляд на ее талию, бедра, колени... потом судорожно сглотнул слюну и произнес:

— И все же нет! Хотя, в некотором смысле, я понимаю, что ваше высказывание оправданно. Таких ног мне не приходилось встречать уже шесть лет. А какой у вас рост, простите?

— Сто восемьдесят шесть! — отрезала Кора. — А в шкафу вы сидели потому, что у меня в номере таился император.

— Кто?

— Им-пе-ратор! И перестаньте меня разыгрывать. Не делайте из меня дурочку. Неужели вы думаете, что я верю хоть единому вашему слову?

— Не верите? — Парфан искренне вздохнул, еще раз покосился на ноги ночной гостьи и сказал: — Вы садитесь, садитесь, пожалуйста. В ногах правды нет... — Тут он неожиданно смутился, покраснел и добавил: — Только не подумайте, что имею в виду ваши личные ноги! Это такая поговорка.

— Спасибо за подсказку, — ответила Кора. — У вас выпить чего-нибудь не найдется? Мне надо успокоить нервы.

— Одну минутку!

Запахивая развевающиеся полы халата, Парфан кинулся к резному шкафчику, который стоял у стены, справа от покрытой изразцами печки. Он раскрыл дверцы шкафчика и вытащил оттуда бутыль, до половины наполненную прозрачным напитком, и две фарфоровые чашки.

— Вы простите, — сказал он. — Обычно я не пью и не употребляю, даже не угощаю никого. Только его императорское величество... А вы уверены, что вас навестило именно императорское величество?

— Наливайте, Александр Александрович, — попросила Кора. — И не будем изображать невинных кроликов. Если вы смогли пробраться ко мне на четвертый этаж в гостиницу, оцепленную агентами императора, возле которой произведено злодейское покушение...

— О, бедная дама Синдика! — вновь расстроился предска-

затель и разлил напиток, судя по всему, пшеничный спирт, по чашкам. — Я так ее уважал! Это она сообщила вам, что друзья иногда называют меня земным именем — Александр Александрович?

— Это вы мне сами сообщили. Как вылезли из шкафа, так и сообщили. — Кора отхлебнула из чашки — напиток был и на самом деле спиртом, вполне чистым, даже приятным. Кора допила спирт. Предсказатель сразу налил еще по чашке. И вроде бы даже не заметил, как выпил.

— А что я еще сообщил?

— Вы мне передали пакет... Да что я с вами разговариваю всерьез! Вы что, тянете время? Вы вызвали императорскую стражу и теперь ждете, пока она появится здесь и заберет меня?

— Ни в коем случае, Кора Игнатьевна, — взмолился предсказатель. — У меня ничего подобного и в мыслях не было.

— Кора Игнатьевна?

— У меня тоже есть свои источники информации, — потупился предсказатель. — Мне не все равно, кто прилетел из ИнтерГпола, мне небезразлична судьба моих соотечественников.

Коре хотелось ему поверить: голос его звучал искренне, и он с такой готовностью подливал спирт Коре и сам выпивал вместе с гостьей, что трудно было заподозрить в нем злодея.

— И все же я не понимаю, — сказала Кора. — Почему вы настаиваете на том, что видите меня впервые? Мы же виделись два часа назад!

— Я не могу вам сразу все объяснить, — сказал Парфан. Его язык с трудом подчинялся хозяину. — Но я те, Кор, все изложу, чесслово.

Он пьянел буквально на глазах.

— Погоди, погоди! — закричала на него Кора. — Ты мне нужен трезвый. Времени в обрез!

— А ты мне скажи, Кор. — Предсказатель стащил с головы ночной колпак и стал вытирать им вспотевшее лицо. Тонкие редкие волосы разметались серым нимбом. — Ты мне скажи, чего, я те угрожал из шкафа, да? Обидел?

— Ты меня не обидел, — сказала Кора. — Ты говорил, что мы еще встретимся. Предсказывал.

— Во, видишь? Я ж предсказатель, а не фей драконий?

Кора задумалась. Разумеется, он был прав. Выйдя из шкафа, Александр Александрович предсказал ей, что они с ней встретятся в ближайшие часы, и его предсказание полностью сбылось. Вот она на его вилле — правда, есть опасность, что великий предсказатель намеревается, напившись спирта, заснуть мертвым сном.

Голова предсказателя упала на грудь. Кора потрясла его за плечо.

— Зачем прибегал в гостиницу? — спросила она настойчиво.

— Вот именно, — согласился предсказатель. — Я еще не прибегал. Я попозже побегу, понял? Я — предсказатель, а не фей драконий!

Он аккуратно свернулся калачиком и улегся на потертый ковер, намереваясь окончательно заснуть.

Все случившееся было для Коры неожиданностью, и неожиданностью неприятной. Она спешила сюда, чтобы вести расследование, а вместо этого получила смертельно пьяного человека.

Кора поглядела на часы. Прошло чуть больше часа с момента ее бегства из гостиницы. Совершенно неизвестно, когда погоня настигнет ее. А она ее настигнет наверняка.

Кора оглядела комнату. В ней царила запущенность, холостяцкий неуютный быт. Всюду были разбросаны книги, кассеты, бумаги, в углу валялся компьютер с разбитым дисплеем, на ковре — тостер. Плоскогубцы уместились на тарелке с недоеденной лапшой. Этого дома давно не касалась заботливая женская рука.

Кора наклонилась к предсказателю и легонько хлопнула его по щеке. Тот забормотал что-то в глубоком забытьи. Да, не повезло тебе, Кора Орват!

Но сдаваться было не в правилах Коры. Будучи настоящим сыщиком, она знала, что если попала в дом — особенно в дом

подозреваемого, следует обязательно провести осмотр этого места: когда еще попадешь сюда снова!

Громадный кот Колокольчик вошел в комнату, обнюхал спящего хозяина, поднял голову, перехватил взгляд Коры и глубоко вздохнул. Глаза у него были умнее человеческих.

— Я тут ни при чем, — сказала Кора. — Он сам наливал. Ты же видишь — я в норме.

Колокольчик наклонил голову в другую сторону, видно, соглашаясь с гостьей.

— Ты не возражаешь, — спросила Кора, — если я посмотрю, как вы тут устроились?

Кот удивился и поднял одно ухо.

— Я не все еще поняла, — объяснила Кора. — Но от моего решения, от моей догадки зависит жизнь многих людей. Мне не хочется, чтобы они умирали. Среди них есть... как бы тебе объяснить, — не только коты и кошки, но даже человеческие котята.

Кот широко открыл пасть и нервно зевнул. Ему было неприятно слышать об угрозе жизни котят.

— Тогда я пошла, можно?

Колокольчик пошел первым, он умел открывать двери. Если дверь открывалась наружу, он нажимал громадной лапой на дверную ручку, поворачивал ее вниз и толкал дверь крутым лбом. Если дверь открывалась вовнутрь, то он умело подцеплял ее когтями и тянул на себя.

Кора понимала, что кот ей попался очень умный, так что она решила довериться Колокольчику и не соваться в те комнаты, куда он ее не приглашал.

Не останавливаясь, они миновали рабочий кабинет, который показал предсказателя как достаточно опытного рукодельника: всюду, правда без всякого порядка, были разбросаны инструменты, стояли измерительные приборы, валялись кассеты и ленты самописцев. Здесь Кора немного задержалась, так как имела достаточный опыт в лабораторной работе и ей хотелось понять, на чем основывается репутация предсказателя — что за кухню он здесь устроил, чтобы вешать лапшу на уши населению своей планеты, включая бывшего императора.

Но судя по тому, что ей удалось увидеть, она имела дело вовсе не с предсказателем — фигурой мистической и загадочной, а с ученым, скажем, физиком-экспериментатором, с хорошими руками, толковой головой, не очень свежими и передовыми, но интересными идеями. То есть попади этот экспериментатор на хорошую планету, в нормальные условия, из него мог бы выйти ученый на уровне заведующего сектором.

Оценив так достижения Парфана Александра Александровича, Кора последовала за нетерпеливо переминавшимся с ноги на ногу и влекшим ее далее Колокольчиком.

Следующее помещение когда-то было центральным залом виллы — возможно, хозяева даже задавали здесь балы. Кору немного удивила насыщенность этого зала различной аппаратурой. Кот шел перед ней, высоко подняв хвост, и вел себя как хозяйка дома, показывающая почетной гостье свой сад и гордая тем, какие в этом году удались розы и крокусы.

Разумеется, даже Кора, специально подготовленная в центре ИнтерГпола, чтобы различать увиденные приборы и машины (агент должен уметь с одного взгляда видеть разницу между станком для подделки пластиковых монет и швейной машинкой для сшивания воздушных шаров), не решилась определить, чем же занимался в этом зале предсказатель, — ясно было лишь, что он привлекал для своих прогнозов сложную технику, то есть был жуликом. Кора давно уже убедилась в том, что провидцы, предсказатели и ясновидцы делятся на две категории. К первой относятся люди очумелые, готовые взглядом приподнять завесу над тайнами Космоса, кончиком мизинца опрокинуть причинно-следственную связь, царящую во Вселенной, и на основе кошмара после сытного обеда предсказать судьбы всех знакомых, включая собственную. Представители второй категории провидцев искренне или лицемерно основывают прогноз или пророчество на показаниях компьютеров, кофейных зерен либо устройстве бараньей печени. То есть ищут правду о будущем вне собственного

тела. Обе категории включают в себя как искренне увлеченных людей, так и жуликов, не верящих ни во что, даже в доброту собственной матери, но зарабатывающих на своем занятии славу и хлеб с маслом.

Трудно сказать, какая из этих категорий опаснее для человечества. Искренний маньяк может сжечь планету попавшей ему в лапы бомбой, ибо полагает, что планета свое отжила. Прожженный жулик может сделать то же самое, чтобы замести следы. Искренний маньяк может поднять миллион обывателей на массовое самоубийство по поводу завтрашнего конца света и сгореть вместе со всеми, жулик может сделать то же самое, правда, для себя он подготовит подземный ход.

Итак, Кора убедилась, что ее новый знакомый относится ко второй категории прорицателей. Оставалось выяснить, искренний ли он маньяк или прожженный жулик.

Следом за котом она медленно брела по залу, тесно уставленному аппаратурой, аккумуляторами, процессорами, принтерами и некоторыми предметами, назначение которых даже Коре было непонятно. Например, ей было непонятно, почему в этом зале оказалось роскошное ложе — по крайней мере, пятиспальное, под розовым в цветочках балдахином, накрытое таким же розовым покрывалом. Ложе было несколько продавлено в середине, одна из подушек стояла пирамидкой, вторая была смята. На ложе недавно спали.

Ложе было немыслимо в аппаратном зале — очевидно, Александр Александрович за респектабельной оболочкой таил в себе монстра, маньяка, одним из выражений мании которого служил обычай спать у себя в лаборатории на королевской кровати.

Кора осмотрела ложе со всех сторон и обнаружила, что оно связано множеством проводов и прозрачных нитей с огромным, выше человеческого роста, шестиметровым пультом, кнопки, рычажки и тумблеры которого не имели объяснений. Как цивилизованный человек, Кора не стала нажимать на кнопки. Так делают только персонажи плохих фантастических романов в надежде на то, что откроется заветная дверь.

Кот Колокольчик с интересом наблюдал за Корой, но когда она задержалась возле кровати, ткнулся ей в бедро, как бы приказывая следовать дальше.

— Погоди, — сказала Кора. — Это же самое интересное.

Махнув на нее лапой, кот легко вскочил на ухнувшую под его весом кровать и улегся во всю длину, глядя на Кору с определенным видом превосходства и чуть прикрыв глаза, похотливо и нагло.

— Что ты мне хочешь сказать? — спросила Кора, которая имела слабость к сильным и наглым мужчинам.

Кот совсем закрыл глаза.

Кора занялась пультом. Судя по энерговодам, уходившим под потолок и скрывавшимся в стене, аппаратура предсказателя пожирала большие мощности, но источник энергии был неизвестен.

Через несколько минут Кора обратила внимание на то, что провода от пульта ведут за невысокие перегородки.

К своему удивлению, за одной из перегородок она обнаружила еще одно ложе — вовсе несхожее с королевским. Это была относительно скромная узкая кровать, покрытая серым солдатским одеялом, с вышитой крестом подушкой. Подушка изображала маленькую девочку, которая поставила на табуретку таз, в котором мыла своего любимого медвежонка. От этой картинки у Коры защемило сердце: она сразу представила себе, как баба Настя вышивает точно такую же наволочку.

Возможно, подумала Кора, это помещение представляет собой нечто вроде кабинета психоаналитика, а на этих постелях возлежат пациенты, пока доктор пытает их о сексуальной склонности к собственной матери или дедушке или о стремлении перебить всех родственников...

Придя к такой рабочей гипотезе, Кора решила поглядеть, что же находится дальше.

— Я пошла, — сообщила она коту.

Кот мгновенно спрыгнул с королевского ложа и повел Кору дальше, к задней двери, которая вывела их из лаборатории в широкий коридор, служивший складом или помойкой для

предсказателя. Сюда он сваливал сломанные или вышедшие из строя приборы, уже ненужные компьютеры, распотрошенные дисплеи, свитые в клубки разноцветные провода.

— Здесь нам делать нечего, — сказала Кора.

Но кот с ней не согласился. Он отправился дальше так уверенно, будто не сомневался в том, что Кора последует за ним.

В этом коридоре было полутемно, хилые лампочки под высоким потолком роняли скудный свет на груды хлама. Кора покорно следовала за Колокольчиком, внимательно смотря по сторонам. И оказалось — не зря.

Она увидела лежанку.

Слово «лежанка» вспыхнуло в голове потому, что Кора его уже употребляла по отношению к подобному сооружению.

Лежанка была сбита из нескольких широких темных досок, положенных на раму, которая была укреплена на четырех деревянных ножках, вырезанных в виде львиных лап. Рама была затянута крепкой плетенкой из веревки. Рядом, в двух шагах, к стене был прислонен тюфяк — точно по размеру для этой рамы.

«Я ее видела, — сказала себе Кора. — Я видела ее в башне, в которой убили императора».

Подчинившись внутреннему голосу, Кора обхватила тяжелый тюфяк, подняла и положила на раму. Теперь сомнений не оставалось: это была точная копия лежанки, на которой убили императора. Важное различие между той лежанкой, в башне, и этой заключалось в том, что следов крови на здешней не было. Кора убедилась в этом, буквально обнюхав доски, к искреннему удивлению Колокольчика, который глухо мурлыкал, возвышаясь над склонившейся к раме Корой. Но она его не боялась, потому что от Колокольчика исходило полнейшее дружелюбие и добродушие уверенного в себе, сильного и сытого животного.

«Итак, — сказала себе Кора, — мы столкнулись со странным феноменом».

В лаборатории стоят три различные кровати. Одна из них — копия императорской кровати в башне, той самой, на

которой император встретил свою смерть. Две других кровати Коре неизвестны. Она их никогда не видела.

Если рассуждать, пользуясь аналогиями, то можно предположить, что все три кровати — не просто кровати, но копии кроватей, которые стоят в других местах. Если так, то где?

Одна, роскошная, пятиспальная, под балдахином, без сомнения, принадлежит дворцу. Одна — узкая, скромная — должна стоять либо в девичьей светелке, либо, на худой конец, в палатке фельдмаршала. Но, разумеется, всем им не место в лаборатории.

Если предположение Коры правильно и предсказатель зачем-то изготовил у себя копии кроватей, то следует поискать розовый балдахин в императорском дворце. Проникнуть туда для Коры реально. Даже можно попросить рыжего императора показать ей свою спальню, только надо учитывать, что это опасная затея. Женщина, которая добровольно просится в спальню к узурпатору, рискует потерять больше, чем жизнь. Император шутить не любит.

Первая кровать из башни, допустим, что вторая — из дворца.

Но третья кровать? Зачем она понадобилась предсказателю? Где может быть ее оригинал?

Настоящему сыщику свойственны моменты прозрения. Кора относилась именно к такому типу сыщика.

— Колокольчик, — ласково попросила она, — проводи меня в спальню твоего хозяина. Хочу посмотреть, на чем он спит.

Колокольчик сначала не мог поверить, что к нему обращаются с такой необычной просьбой. Вернее всего, ни одна из посетительниц этой виллы, если таковые были, не обращалась к коту с просьбой проводить ее в спальню хозяина дома.

Наконец Колокольчик потряс головой, словно ему в ухо попала вода, и повел Кору дальше по коридору, потом по узкой лестнице на второй этаж.

Кора размышляла о том, откуда у кота такой человеческий разум. Почему он умен, как комиссар Милодар? Что за мутант

такой — за годы своих блужданий по Космосу Коре еще не приходилось встречать такое существо. Существо ей нравилось.

Как бы угадав ее мысли, кот Колокольчик оглянулся и негромко, с глубоким чувством мяукнул.

Колокольчик привел Кору к закрытой двери. Толкнув ее, Кора оказалась в спальне предсказателя. Это была небольшая, пыльная и захламленная, как и все в этом доме, комната. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: интуиция не обманула Кору. У стены стояла неубранная, смятая, с простыней, испачканной яичницей, койка. На подобных спят девицы и тщеславные фельдмаршалы.

На койке валялась небольшая, вышитая крестом подушка, которая изображала девочку, кормящую с ложки медвежонка.

Вот и оригинал!

Теперь у Коры почти не оставалось сомнений: оригинал третьей кровати следует искать в опочивальне императора.

Но почему? Зачем предсказателю нужны различного вида кровати? Что означают все машины, собранные в большом зале?

— Котик, — в полной растерянности сказала Кора, — я совершенно не понимаю, чем занимается твой хозяин, когда не пьет чистый спирт. А какова его роль в гибели императора, о чем так настойчиво говорил мне господин советник? Может, ты подскажешь?

К сожалению, кот Колокольчик не умел говорить и уж тем более не разбирался в сложных машинах, недоступных пониманию Коры.

На всякий случай Кора перед уходом возвратилась в аппаратный зал и с помощью вшитой в воротник тонкого черного комбинезона камеры отсняла на пленку все оборудование зала. Теперь следовало срочно отправить пленку в Галактический центр, чтобы узнать, чем же балуется здесь предсказатель.

Затем она перешла в гостиную.

Хозяин дома мирно храпел, свернувшись калачиком на полу у потухшего камина.

Кора попыталась его разбудить. Для этого она прошла на кухню и сделала там напиток из перца, томатной пасты, горчицы и еще нескольких ингредиентов, которые могли разбудить слона.

Вернувшись, она села на пол, положила голову Александра Александровича себе на колени и намеревалась влить ему в глотку адскую смесь.

Но, к сожалению, она не успела это сделать.

Раздался оглушительный звонок — такой, что даже предсказатель зашевелился и застонал. Кот зарычал и начал нервно поводить кончиком хвоста. Над дверью замигала яркая алая лампочка.

— Похоже, что у нас гости, — сказала Кора. — Может, нам лучше уйти?

Кот шумно втянул воздух, потом обернулся к ней и кивнул — он тоже полагал, что Коре лучше уйти.

* * *

Коре никогда бы не выбраться оттуда живой, если бы не помощь Колокольчика. Он провел Кору задним двором к тому месту в ограде, где к ней приваливалось сломанное недавней бурей дерево. Тем временем у ворот шумели, ругались, а потом и начали стрелять заботники. Там суетились лучи фонарей, вспыхивали выстрелы и крики, ухали требования немедленно открыть дверь. К счастью для Коры, ворота виллы были сделаны на совесть. И некоторое время продержались.

Легко, словно был маленьким котенком, а не хищником размером с волкодава, котик взлетел по стволу и нажал на большую ветвь, помогая Коре взобраться. Потом протянул ей лапу, и Кора с благодарностью схватилась за нее — когти были убраны, и жесткие подушечки напоминали натруженную мужскую ладонь.

Еще мгновение, и Кора была на стене. Оттуда, скрываясь в листве, она увидела у ворот виллы два автомобиля и броне-

вик. Башня броневика развернулась, и оттуда по воротам ударила пулеметная очередь.

— Увидимся, киса, — сказала Кора коту и потрепала его по шее.

Колокольчик резко отвел в сторону голову — оказывается, он не терпел фамильярностей. Тогда Кора вытащила ленточку из своих волос и повязала котику на шею. Такой подарок он принял.

— Прости, — сказала Кора. Натянув на голову черный капюшон комбинезона и опустив на лицо очки ночного видения, она легко спрыгнула с забора в кусты. Заботники шумели так, что ее прыжок остался незамеченным.

Таясь в тени кустов, Кора пробралась поближе к воротам: она надеялась подслушать в разговорах осаждающих, что вызвало ночной штурм виллы, — ведь это, вернее всего, значит, что кто-то узнал о ее неожиданном визите сюда. О визите знать не мог никто, кроме советника, дамы Синдики и самого хозяина виллы.

К сожалению, нападающие не разговаривали, а невнятно вопили. Она уже собиралась уходить, как ворота виллы сдались и рухнули перед напором броневика. После короткой паузы вперед выехала инвалидная коляска. В ней, потрясая автоматом и выставив вперед, словно пушку, свою загипсованную ногу, восседал Аудий Ред. За ним внутрь въехал броневик и ворвалась толпа охранников. Раздался громкий боевой вопль Колокольчика и в ответ — нестройный залп. Эти идиоты стреляли по коту!

Господи, только бы не сделали ему больно! Ведь с них станется и убить котика.

В хвосте процессии, влившейся в ворота виллы, вышагивал коренастый мужчина, закутанный в темный плащ. Шляпа была низко надвинута на брови, но под фонарем блеснул клок волос — рыжих, как медь.

Все стихло — нападавшие ушли в дом.

«Итак, наш пострел император и сюда успел. Чего же он

так боялся, что ломал двери у своего подданного? Неужели меня, скромной, глупой Коры?»

Вечер был зябким. Кора быстро пошла по обочине дороги. К счастью, в этом мире было еще очень мало быстрых машин, так что ей не грозила смерть под колесами.

Кора миновала открытую ночную обжираловку — запахи жареного мяса, пышного пива, горячего хлеба дразнили так, что Кора с трудом подавила в себе желание забраться на кухню и чем-нибудь там поживиться. Вместо этого она перешла на бег — так-то лучше, а то застоялась за последние дни.

По ночной прохладе бежать было легко и приятно, если бы не ямы на дороге да не кусты, подступающие к мостовой.

Вскоре потянулись дома окраины, а еще через полчаса Кора достигла отеля.

Перед тем как лечь спать, Кора позвонила домой консулу Нкомо, но там никто не поднял трубку.

* * *

Кора проснулась, как всегда, в семь часов утра.

Некоторое время она лежала и мысленно просматривала пленку вчерашнего дня.

Ей не удалось разрешить ни одной из загадок, более того, она не смогла спасти советника и даму Синдику, но в то же время нельзя сказать, что день прошел впустую, — по крайней мере, теперь она существовала не в вакууме — приобрела нескольких знакомых, а это главное в любом расследовании. И даже нашла одного настоящего друга — кота Колокольчика. Кора даже улыбнулась, вспомнив, как котик помогал ей бежать из виллы.

— Надеюсь, — сказала она вслух, — что они тебя не подстрелили.

К сожалению, основное расследование было еще далеко от благополучного завершения. Ей так и не удалось узнать, чем же на самом деле занимается предсказатель, зачем ему нужны кровати императоров, а также собственная койка. Интуиция подсказывала Коре, что если ей удастся разгадать эту загадку,

то откроется и тайна смерти императора, а значит, будут спасены невинные земляне.

Коре следовало немедленно связаться с земным посольством — получить оттуда сведения о том, кто же покупал в Махачкале шампуры артели имени Магомаева, и отдать консулу микропленку, чтобы на Земле срочно выяснили, чем же занимается предсказатель.

Вскочив с постели и пробежав в туалет, Кора кинула осторожный взгляд на шкаф. Она знала старую истину: если в шкафу однажды спрятался мужчина, рано или поздно там спрячется другой мужчина.

Она привела себя в порядок, почистила зубы, залезла было под душ, но тут подозрения, которые она испытывала к шкафу, победили обычную девичью застенчивость. Опоясав себя полотенцем, Кора пересекла номер, решительно дернула дверь шкафа на себя и сказала:

— Выходите и говорите, что вам от меня надо!

От неожиданности адъютант Гим выпал из шкафа, рухнул на колени и зажмурился, чтобы не ослепнуть от наготы Коры.

— Я вас второй час жду, — воскликнул он. — Господин император велел без вас не возвращаться.

— Ах, это ты, Гим, а я думала — ну кто это в шкафу чихает! Подожди, сейчас приму душ и выйду. А ты пока закажи кофе, будь дружочком.

— Госпожа Кора, — искренне взмолился Гим, поднимаясь с колен, — кофе я заказать не смогу, потому что мой кредит в этой гостинице совершенно исчерпан. Я же существую на скромное адъютантское жалованье и содержу при том старушку-мачеху.

«О старушке-мачехе он, конечно, врет, — подумала Кора. — Но кредит ему закрыть могли».

— Тогда закажи кофе от моего имени, — сказала Кора и пошла домываться. Звонок в посольство придется отложить.

Пока они с Гимушкой пили кофе, Кора принялась расспрашивать адъютанта о ночных событиях.

— На кого свалили смерть советника и дамы Синдики? — спросила она.

— Зачем же сваливать? — Гим смотрел на нее доверчивыми коровьими глазами. — Их террористы убили. Демократы.

— Зачем же им убивать этих людей?

— Все демократы — агенты Земли, — сообщил Гим. — Для них отравить водоем, пустить под откос поезд или взорвать невинных людей — сплошное удовольствие.

— Значит, и я такая же?

— Ответить не берусь, — сказал Гим. — Но меня смущает ваша красота. Наверняка она синтетическая и рассчитана на то, чтобы погубить какого-нибудь достойного, но слабовольного мужчину.

— Кого же? — заинтересовалась Кора. — Не тебя ли?

— Очень боюсь за господина императора, — признался Гим. — Он такой эстет! Он любит красивые вещи.

И Гим принялся изучать свои ногти.

— Опасаешься за свое место? — спросила Кора.

— А я за него не держусь, — ответил Гим. — Меня многие приглашают в секретари или адъютанты. Даже маршал Клодт.

— Кстати, о рабочем месте, — заметила Кора. — У императора, наверно, красивая постель? Под балдахином?

— У его величества, — наставительно ответил Гим, — есть несколько опочивален. Мой повелитель никогда не проводит две ночи в одной спальне. У него есть традиционная королевская спальня, опочивальня, куда водят школьные экскурсии и иностранных туристов. А есть и другие места... впрочем, вам об этом знать не положено.

— Я об этом могу узнать в любой момент, стоит мне захотеть, — сказала Кора, не скрывая желания поддразнить Гима.

— К сожалению, я вам верю, — вздохнул Гим. Он допил кофе и добавил: — Пожалуй, нам надо идти. Император ждет нас сразу после завтрака.

Внизу их ждал дворцовый автомобиль. Путь до дворца Коре был уже знаком.

— Как себя чувствует господин Парфан? — спросила Кора.

— Почему вы об этом спрашиваете? — спросил Гим.

— Значит, что-то случилось?

— Вам не следует много знать о нашей жизни, — сказал красавчик. — Это опасно.

— Для кого?

— Для вас, госпожа. — Гим оскалился и стал похож на недоброе животное.

Император ждал Кору в своем кабинете. Как в первую встречу.

— Надеюсь, вы хорошо спали? — спросил он, идя ей навстречу и протягивая крепкопалые волосатые руки. Щеки его были надуты, как у хомячка, и глазки сверкали из ямок под бровями.

— Спасибо, ваше величество, — ответила Кора. — Спала я отвратительно. При всем моем опыте я не привыкла к тому, чтобы у меня под окном взрывали невинных людей.

— Ах, эти демократы! — отмахнулся император. — Я порой сам боюсь, что и до меня доберутся. Но это, должен вам сказать, обычный риск в моей редкой профессии. Вот мой дядя — казалось бы, кому мешал? Так нет, добрались до него твои соотечественники!

— Может быть, кончим толочь воду в ступе? — грубо спросила Кора, чем только позабавила императора.

— Ах, какое тонкое сравнение!

Кора спохватилась. Нельзя давать волю чувствам.

— Зачем вы пригласили меня, ваше величество?

— Соскучился, — добродушно ответил император. — Еще ночью подумал — как бывает без тебя одиноко. Вот и пригласил.

— Ваш адъютант, оказывается, всю ночь сидел в шкафу, чтобы я не потерялась.

— Ну зачем же уж всю ночь! — усмехнулся император. — Ты, голубушка, возвратилась домой в половине четвертого. Можно сказать, под утро. Воздухом дышала?

— Воздухом дышала, — согласилась Кора.

— И никуда не заходила?

— Что вы имеете под этим в виду?

— Никого ночью не навещала?

— Я? Ночью? Что вы говорите, ваше величество! Я же честная девушка. Я ложусь спать с курами и встаю с петухами.

— Замечательно! И что тебе рассказал мой Парфан?

— Он был пьян! — сказала Кора. Будто сам черт тянул ее за язык. Еще минуту назад она была уверена, что будет запираться.

Оговорка Коры вовсе не удивила императора. Он спросил только:

— Он был уже пьян или ты его напоила?

— Сам напился, — уверенно ответила Кора.

— Много пьет, — печально сказал император. — Боюсь, спивается. А без него плохо будет нашей науке. Гений...

Глазки императора сверкнули хитро и настороженно. Он испытывал Кору, пытался что-то выведать у нее, но что — этого она не знала.

— Чем он занимается? — спросила Кора.

— А ты не знаешь?

— Мне сказали, что Парфан — предсказатель.

— Вот оно что!

— Это правда?

Император прошел за свой письменный стол, тяжело уселся, начал почему-то разбирать бумаги. Кора ждала.

Прошла минута, две.

— Что еще ты знаешь о Парфане? — спросил император, углубившись в чтение какой-то голубой бумажки.

— Ничего.

— Кто тебя к нему послал?

— Мне о нем сказала дама Синдика.

— Правильно, — согласился император. — Не успел я ее остановить. Моя вина как руководителя государства. Такие истории надо предусматривать и предупреждать. Надо было взрывать их по дороге к тебе, правильно?

— Значит, их убили не террористы с Земли?

— Террористы с Земли, — уверенно ответил император. — Но надо было, чтобы Синдику уничтожил я сам раньше, чем до нее доберутся террористы с Земли. Неужели не понятно?

— Не очень. Чего вы намерены добиться? Вы же отлично знаете, что Земля здесь ни при чем.

— Ты так думаешь? А у меня накапливаются доказательства обратного. Например... — Он протянул Коре листок, который только что изучал. Это была космограмма с Земли. Секретная. По каналам посольства. Написано там было вот что:

«ПРОВЕРКОЙ МАХАЧКАЛЕ ОБНАРУЖЕНО ШАМПУРЫ ПРИОБРЕТЕНЫ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППОЙ НЬЮ-ГЕЛЬВЕЦИИ ОЧЕВИДНО НЕКИМ ГИМОМ ПОРУЧИКОМ И АДЪЮТАНТОМ УСКОРЬ РАССЛЕДОВАНИЕ ЖДЕМ НЕТЕРПЕНИЕМ БУДЬ ГЛУПЕНЬКОЙ ОБНИМАЮ МИЛОДАР»

Кора чуть не выругалась вслух! Это же надо — из всех возможных проколов случился именно этот.

Император склонил набок курчавую рыжую голову.

— Ну и как, глупышка? — спросил он. — Мне с самого начала не нравился твой откровенный идиотизм, Кора.

— Как это к вам попало? — спросила Кора.

— У нас есть свои маленькие хитрости, — ответил император, растягивая в ухмылку узкую щель рта. Его глазки пылали рыжим пламенем. Он был доволен.

— Это фальшивка, — сказала Кора.

— Разумеется, — согласился император. — Ваш консул Нкомо, который давно мне не нравился, возил с собою только фальшивки.

Коре не понравилось прошедшее время, в котором император говорил о консуле.

— Что с консулом? — спросила она.

Император поднялся, уперся в стол толстыми ладонями и, глядя в упор на Кору, глухим и торжественным голосом произнес:

— Госпожа Кора Орват, я должен поставить вас в извест-

ность, что консул Земли, который возвращался из ресторана в компании представителя ООП, неожиданно выехал на полосу встречного движения, грубо нарушив этим правила. Он не нашел ничего лучшего, как врезаться в грузовик, который перевозил бетонные плиты для мавзолея покойного императора. Консул Нкомо и представитель ООП погибли на месте, и притом не мучились. Это серьезная трагедия и потеря для нашего государства и для меня лично. Принесите же мне платок, в конце концов!

Последние слова император прокричал в селектор, стоявший у него на столе, и в мгновение ока в кабинете распахнулись три двери: одна большая, через которую вошла Кора, а две другие — потайные, не видные постороннему взгляду. В кабинет ворвались адъютанты с платками в руках и подбежали к столу.

— Ну зачем же так, зачем так шумно, зачем выдавать наши маленькие секреты агенту Земли? Ведь в следующий раз она воспользуется секретным ходом, проберется ко мне в кабинет и меня убьет. Они все такие — земляне.

Три адъютанта, среди которых был и ласковый Гимушка, выхватили пистолеты и направили на Кору.

— Идите, — отослал их прочь император вялым движением руки. — Пускай она немного поживет... до суда.

Адъютанты исчезли, двери закрылись.

— И зачем весь этот балаган, ваше величество? — с отвращением произнесла Кора. — Вы признаетесь, что по вашему приказу убиты дипломатические представители Земли и Организации Объединенных Планет?

— Я ни в чем не признаюсь и не намерен признаваться. Но мы дорого запросим с Земли за то, что ее дипломаты в пьяном виде разъезжают по нашим дорогам, толкают грузовики с памятниками нашим предшественникам и забрызгивают кровью наши чистые мостовые!

Последние слова развеселили императора, и он, опершись рукой о стол, стал корчиться от хохота.

— Наши чистые, — повторял он, — наши мостовые... кровью и мозгами!

«Я до тебя доберусь, — дала себе слово Кора. — Я еще не знаю как, но ты мне заплатишь за все свои зверства».

Видно, император почуял что-то во взгляде Коры. Он оборвал смех и трезво сказал:

— У меня есть медицинское заключение о том, что Нкомо был сильно пьян во время аварии...

— И совершенно случайно на ее месте вы нашли портфель с этой телеграммой, — сказала Кора.

— Ты, как всегда, права, моя крошка, — согласился император.

— Вы его убили из-за портфеля? Из-за документов?

— Не лови меня на слове, красавица, — ответил император. — Все знают, что Нкомо погиб в катастрофе. Но, кстати, его портфель совсем не пострадал. Как ты думаешь, почему у него в портфеле оказалась эта телеграмма? Кто на Земле решил вмешаться во внутренние дела нашей мирной империи? Какое вам дело до того, кто и где покупает шампуры? — Император все более разогревал себя, надувался гневом и справедливым негодованием. — И кому, простите, советуют оставаться глупенькой и вводить в заблуждение наше величество? Это же международный заговор, и все участники его должны быть строго наказаны! Ну, чего ты молчишь?

— Значит, вы убили дипломатов... — тихо сказала Кора. — Вы очень суетитесь, ваше величество, вам есть чего бояться...

— Ты от меня живой не выйдешь! — Язык с трудом слушался императора. — Они за моей спиной... ловушку... сговорились...

Охрана не спешила ворваться и арестовать Кору — видно, император самую главную кнопку нажимать не спешил. Напугать, обезвредить Кору он хотел. Но вряд ли намеревался убивать или сажать в тюрьму.

— Я полагаю, — сказала Кора, сбросив маску простушки, — что мой долг как можно скорее информировать Галактический центр, что убийство дипломатов организовано вами, император.

— Нет никаких доказательств! Нет! Автомобильная катастрофа — грузовик, груженный бетоном, а они были пьяные!

— Отлично! — сказала Кора, глядя в упор на императора. — Я благодарна вам за то, что вы ознакомили меня с космограммой. Теперь я знаю, что шампуры, которыми был убит император, куплены в Махачкале вашим адъютантом.

— Что? — Император совершенно не ожидал такого поворота событий. — Какой адъютант? Это были другие шампуры! Ты не веришь?

— Разумеется, не верю.

— Тогда ты сейчас убедишься!

Император терял инициативу. Он перешел к оправданиям. С точки зрения монарха, Кора вела себя неправильно: она должна была испугаться, растеряться, покаяться — мало ли путей у поражения? Она же нагло перешла в наступление.

Потупив взор и шагая мелко, но изящно, вошел Гим.

— Адъютант Гим! — рявкнул император. — Наша гостья с Земли утверждает, что вы, по сведениям, на которые она ссылается, купили в Махачкале шампуры для изготовления... кстати, а что такое шампуры?

Лицо императора приобрело растерянное выражение, словно его владелец оказался перед неразрешимой загадкой.

Кора не стала отвечать. Она была убеждена в том, что император все знает, может, даже лучше ее.

— Так точно! — радостно закричал адъютант.

Прозвучало это столь громко, что явные и тайные двери открылись и в них появились охранники и адъютанты. На этот раз император и не пытался выгнать их обратно — будто и не заметил многочисленных свидетелей.

— Так точно! — воскликнул Гим, Гимушка, добрый красавец, изящная душа. — Находясь в туристическом полете на старушку Землю и заметив элегантные приборы для накалывания мяса, я приобрел шесть шампуров и привез сюда.

— Как так? — наигранно взревел император. — И мы об

этом не знали? Нас обманули? За нашей спиной устроили козни? Сейчас же сознавайся, куда ты дел эти шампуры?

— Простите, ваше величество! — патетично взвыл Гим и рухнул на колени. — Я покупал эти уродливые предметы не для себя!

— Для кого же? — Император начал переминаться с ноги на ногу, притопывая при этом, словно вот-вот намеревался пуститься в пляс.

— Для моего... возлюбленного, — потупился Гим.

Вся эта сцена казалась Коре отлично срепетированной, будто перед ее приходом все они — и император, и телохранители, и лукавый Гимушка — уже разыграли ее в лицах, а потом долго смеялись.

— Кто... кого ты завел, мерзавец!

— Это известный вам предсказатель Парфан, — ответил, потупя взор, адъютант. — Я был с ним близок...

Неизвестно откуда в руке императора появилась плеть. Он накинулся на Гима словно зверь и принялся обрабатывать его бока плетью, причем стегал его всерьез. Гим крутился, вопил, а император вошел в раж, и Кора даже пожалела Гимушку, стоны которого, поднявшись до визга, стали ослабевать.

— Может, хватит? — спросила Кора, вмешавшись в паузу между ударами. — Ему еще служить вам и служить.

— Ты так думаешь? — Император сразу поскучнел и отбросил плеть в сторону. — Ну, ладно. Главное, чтобы возмездие совершилось.

— А оно совершилось?

— Разумеется, — сказал император. — Мы уже сегодня утром выяснили, что лжепророк Парфан на самом деле — тайный резидент земной службы безопасности, грязный и поганый агент твоей планетки, Кора. Он замыслил убийство нашего драгоценного императора еще несколько лет назад. Да, да, не удивляйся! Он замыслил убить своего благодетеля, родного отца страны, которая дала ему убежище! И как он все продумал!

Император развел руками, показывая, насколько он потрясен коварством Парфана.

— Это же надо, отыскать среди нас слабовольного и доброго...

— Влюбчивого, — пискнул Гим, который все еще пребывал возле письменного стола на коленях, как нашкодивший мальчишка, поставленный в угол на горох.

— Похотливого, — сказал император. — Развратного мальчишку Гима. Он послал его с тайным заданием на Землю, чтобы купить там особо злодейское оружие и употребить его против императора.

— А как? — спросила Кора.

— Как? — строго спросил император у Гима.

— А вот так! — Гим сделал выпад, и охранники, стоявшие в раскрытых дверях, ахнули, как бы в ужасе от опасности, которая могла угрожать нынешнему императору.

— А вот так! — повторил император, также сделав выпад. — Воткнул и пронзил.

— И вы пробовали кого-нибудь пронзить шампуром? — спросила Кора.

— Злодей всегда найдет способ убить доброго человека, — ответил уклончиво император. — Он его и карандашом проткнет. Такие уж они, злодеи!

— Знаете, что я вам предлагаю, — сказала Кора, — велите принести сюда шампуры — они наверняка у вас где-то неподалеку запрятаны.

— Зачем? — спросил император.

— Потом я лягу на кровать, — сказала Кора. — А вы меня проткнете этими шампурами.

— Ты с ума сошла! — зарычал император.

— Но почему же? Если ваш Парфан мог проткнуть и убить императора, то вы-то, наделенный такой большой физической силой, наверняка это сделаете со мной, слабой женщиной.

— Нет уж, — отрезал император, проведя перед собой открытой ладонью. — Это типичная провокация, призванная опорочить меня в глазах галактической общественности. Не-

бось за дверями уже ждет целая толпа продажных писак, готовых ради дешевой сенсации погубить доброе имя Нью-Гельвеции и мое лично.

— Значит, вы признаете, что это невозможно? И вы все это придумали, чтобы свалить вину на землян?

Говоря так, Кора боялась простого вопроса: «Если я не могу, то кто тогда смог? Ведь императора все же убили и проткнули шампурами, словно кусок шашлыка». На такой вопрос Кора не смогла бы ответить.

Но ее оппонентов не волновали абстрактные вопросы. Они смотрели на Кору, и у каждого в голове были свои мысли, своя похоть, свои интересы.

— Ваше величество, — облизывая красные пухлые губы, сказал адъютант Гим. — Разрешите, я попробую ее проткнуть. Я надеюсь, что мне это удастся.

— Ты? Да тебе цыпленка не проткнуть.

— Ой, ваше величество, я так хочу попробовать! Вы мне ее отдайте, свяжите и заприте. А я с ней разберусь.

— Все ясно, — хмыкнул император. — Проткнуть шампуром ты ее не сможешь, но вообще-то чем-нибудь проткнуть намереваешься. Мы ее для тебя свяжем...

Тут все охранники, стоявшие в комнате, расхохотались так, что со стены сорвалась батальная картина.

Гим закрыл глаза, щеки его стали пунцовыми, как у императора.

— Я никогда не думал... я не подозревал такого коварства...

— Ах, оставь, — отмахнулся император. — Попался, так уж признавайся.

Это лишь прибавило веселья. Кора терпеливо ждала, пока они успокоятся. Ее цель была достижима, но для ее достижения требовалось терпение.

— Принеси шампуры, — приказал император одному из охранников.

Смех сразу смолк — словно пролетел порыв ледяного ветра.

Император послал охранника за шампурами, а сам обратился к Гиму.

— Мы подумали, — сказал он, — и решили удовлетворить вашу просьбу о телесном наказании сыщика Коры Орват, которая проникла к нам обманом, чтобы вести подрывные действия. Так что действуй, Гим. Но предупреждаю, тет-а-тет я тебя с ней не оставлю. И не потому, что боюсь, что ты ее обесчестишь, а потому, что она тебе отвинтит глупую головку.

— Это правильно, — сочла нужным согласиться Кора. — Отвинчу.

— А ты помолчи, с тобой здесь никто не разговаривает.

— Я успею помолчать, — возразила Кора. — После моей смерти. У меня есть к вам просьба. Когда будете меня протыкать, пожалуйста, не щекочите, я ненавижу щекотку.

Кора почувствовала, что на глазах глупеет, но не сопротивлялась естественному течению событий.

Император посмотрел на нее с подозрением.

— Ты что, всерьез или так? — спросил он.

— Знаете что, — возмутилась Кора. — Меня еще ни разу не протыкали шампурами, так что я имею право на мужское сочувствие. Вообще-то говоря, это безобразие какое-то — отыскать девушку, слабую и беззащитную, и проткнуть ее, как кусок шашлыка.

— Сама напросилась, — отмахнулся император. — Теперь отступать некуда, да и не дадим мы тебе отступать. Пока не проткнем, не выпустим.

На этот раз никто не засмеялся, и Кора подумала, что в самом деле она не столь часто оказывалась так близка к гибели.

Но отступать и на самом деле было некуда.

— Только я попрошу создать мне условия, — сказала она капризно.

Это был самый ответственный ход. Здесь нельзя было промахнуться.

— Какие еще условия? — спросил император.

— Для протыкания.

— Говори точнее, не мельтеши!

— На каком ложе вы меня будете убивать?

— Ну, здесь, — сказал император. — Ложись на пол, а мы тебя убьем.

— Не выйдет, — твердо сказала Кора. — И не надейтесь. Или следственный эксперимент ставится в нормальной обстановке, или вы хотите халтурить.

— Что еще за нормальная обстановка? — удивился император.

— Попрошу предоставить мне настоящее императорское ложе, — сказала Кора. — На нем и будете измываться. Вашего императора тоже не на полу убивали.

Император пожал плечами, потом поглядел на Гима. Гим ничего подсказать не мог.

Тогда император сам принял решение.

— Черт с тобой, пошли в королевскую опочивальню.

И первым направился к выходу из кабинета.

У выхода император столкнулся с охранником, который спешил с вычищенными, новенькими шампурами в руке. Шампуров было четыре.

— Еле нашел, ваше величество, — заклокотал он, задыхаясь.

Император обернулся к Коре.

— Ты чего тормозишь? Оробела?

— Я думаю, — сказала Кора. — Разве вашего дядю этими шампурами убили?

— Этими, этими, — сказал император.

— А их здесь четыре.

— С запасом.

— Они чистые.

— Вычистили, с песочком.

— А может, это не те шампуры?

— Разумеется, не те, — вмешался в беседу Гим. — Те мы похоронили вместе с императором.

Гимушка врал — врун был никуда не годный. Впрочем, Коре было не столь важно, этими ли шампурами убили императора.

— А эти шампуры откуда? — спросила Кора.

— А эти я не стал Парфану дарить, — ответил Гим. — Пускай, думаю, лежат, еще кому-нибудь подарю.

— Вот видишь, — сказал император. — Все сходится.

Кора взяла один из шампуров и стала разглядывать на ходу. Шампуром было трудно убить человека. Он представлял собой плоскую алюминиевую полосу, закрученную вокруг оси, заточенную с одного конца и снабженную колечком — с другого. Надеть на шампур кусок мягкого мяса было нетрудно, но как вонзить его в человеческое тело — непонятно. Хотя, конечно, попытаться можно. Кора внутренне содрогнулась, представив, как сейчас эти подонки будут ее убивать орудием, для этого не предназначенным.

Она возвратила шампур императору. Тот сделал вид, что не видит отвращения на лице Коры, зато сделал игривый выпад букетом шампуров, словно заправский дуэлянт.

После недолгого путешествия по анфиладе дворцовых комнат процессия, возглавляемая императором, влилась в обширную залу — опочивальню императора, посреди которой, кораблем в просторной бухте, замерла гигантская квадратная кровать под высоким розовым балдахином — именно та самая, которую Кора отыскала на вилле предсказателя. Это был оригинал, а у предсказателя стояла копия.

— Ну и как? — спросил император, оглядывая запущенную и пыльную опочивальню. — Хочется ли тебе погибнуть на этой постели?

— Она не хуже любой другой, — ответила Кора.

Кора достигла своей цели, теперь следовало каким-то образом сбежать. Она стояла перед кроватью и думала, что все факты, нужные следствию, она уже собрала. От шампуров до кроватей-двойняшек. Надо было сделать еще шажок и назвать убийцу. Но она должна была признаться, что никакой гипотезы в ней не родилось. Шампуры, предсказатель и три кровати не складывались в одну картину.

Может быть, пойти ва-банк и признаться императору, что она видела эту кровать, когда осматривала виллу Парфана?

И что это ей даст? Она лишится своей тайны. А император, вернее всего, расхохочется ей в лицо, затопает толстыми ногами, будет доволен.

— Ну, как? — спросил император. — Мы готовы начинать?

Кора оглянулась. Следом за ними в опочивальню проникли лишь Гим и два незнакомых охранника. Чем меньше зрителей, тем лучше — не очень приятно сознавать, что сейчас тебя будут мучительно убивать на глазах у зевак.

Император нервно облизал губы. Он был почти влюблен в земную женщину Кору Орват, но не мог себе в этом признаться и уж тем более не намеревался признаваться в этом Коре. Но так как он был садистом, Коре следовало принять все меры, чтобы остаться в живых.

Пока что Кора тянула время.

Она подошла к кровати и принялась вслух удивляться ее роскоши и несказанной красоте, на что император грубо заметил:

— Не притворяйся, ты отлично знаешь, что это глупое провинциальное рококо. Ты будешь раздеваться или так ляжешь?

Гимушка нервно хохотнул. Он был возбужден и все время потирал узкие ладони.

Кора быстро и по мере сил внимательно осмотрела кровать. В ней должен был скрываться ответ на тайну виллы предсказателя. Ведь не от безделья император приказал изготовить такую махину, а Парфан втиснул ее к себе в лабораторию, в самую гущу приборов и механизмов.

«Кровать, — говорила себе Кора. — Думай быстрее, думай! Кровать — три кровати! Значит, на них надо лежать. Почему три, а не одна для всех? Потому что каждый должен лежать на своей кроватке! Почему каждый должен лежать на своей кроватке? Чтобы видеть свои сны... уже теплее, теплее... сны! Предсказания! Биотоки мозга! Они еще не найдены, но не исключено, что Парфану удалось чего-то достичь в этом направлении или хотя бы сделать вид, что он чего-то достиг». Да, похоже, что она может быть права.

Ее размышления прервал невежливый толчок в бок.

Император был недоволен тем, что она задумалась.

— Что такое? Я имею право подумать!

— Раздеваться будешь?

— Нет, а то вы еще на меня наброситесь.

— Не принимай нас за банальных насильников, — возразил император.

— Мы эстеты, — добавил Гимушка.

— Все равно лучше вас не волновать, — сказала Кора. — Мое тело настолько прекрасно, что я за вас не ручаюсь.

— Видели и получше, — ответил император. — А твоим телом я еще понаслаждаюсь.

— Почему? — насторожилась Кора.

— Когда выиграю у тебя спор.

— Ах, спор...

Кора сделала вид, что у императора нет для того никаких шансов, хотя понимала, что с каждым часом ее положение становится все более трудным. Земляне все еще сидят в тюрьме в ожидании неправедного суда, убиты не только друзья покойного императора, но и единственные здесь защитники Коры — Нкомо и представитель ООП, неизвестна судьба предсказателя... черт побери, куда она положила его кассету? Теперь ее цена возрастает...

— Ты раздеваешься или будешь орошать своей кровью белые одежды?

— Орошать, — сказала Кора. Она рассудила, что ткань ее платья все же хоть какая-никакая, но защита от глупого тупого шампура.

— Ложись!

Кора присела на край кровати. Мягкие пружины поддались нажиму ее тела, и все сооружение нежно застонало.

Вернее всего, кровать одновременно является прибором, может, в ней скрыт механизм. Ведь от ее дубликата во все стороны тянутся провода и трубки. Здесь их не видно, но это не означает, что их нет. Вернее всего, они искусно запрятаны, чтобы не смущать школьные экскурсии и иностранных тури-

стов, которых сюда порой заводят, чтобы показать, как спали в прошлые века великие императоры Нью-Гельвеции.

Как бы узнать, в чем секрет кровати?

— Ложись, — приказал император. — Не вечно же нам с тобой здесь возиться! Начинай эксперимент! Сейчас мы тебе покажем, шпионка, как убивают императоров!

— Ну что ж, если вы иначе не умеете обращаться с женщинами, — вздохнула Кора, — придется мне терпеть.

Император не поддался этой демонстрации, а Гимушка, ревнуя, произнес:

— Она сама хочет, чтобы ее помучили, сама просит, ваше величество.

— Если так, — ответил император, — то она еще пожалеет.

Его рыжие глазки метали молнии из своих пещер. Кора медленно улеглась на кровать и утонула в ней. Удобно было — сказочно! Подумалось: жили же императоры! А подсознание подсказывало: и их любовницы.

Она метнула короткий взгляд на императора, который склонился с шампуром в короткопалой веснушчатой лапе. Нет, только не эта рыжая рожа!

Кора потянулась, незаметно ощупывая кровать — как бы включая датчики на всем своем теле. И части тела безмолвно рапортовали ей: пятки — ничего не почувствовали. Мягко и удобно. Левая икра — мягко, правая икра и бедро — некоторое возвышение, которое может оказаться результатом неаккуратной работы постельничего; правая ягодица — ничего интересного, левая ягодица — а нет ли здесь проводка?

— Ты о чем задумалась? — спросил император.

— О своей неладной судьбе, — ответила Кора.

— Может, откажешься от испытания?

— И что тогда будет?

— Тогда ты проиграешь спор, мои адъютанты покинут опочивальню, а я сниму с себя одеяние и присоединюсь к тебе в постели, — сообщил император. — А если ты вздумаешь сопротивляться, то через три минуты окажешься в тюрьме вместе со всеми земными шпионами.

— Или под автобусом на улице! — добавил Гим. Он все еще ревновал и мечтал, чтобы Кора помучилась.

— Ладно, — сказала Кора, протягивая руки за голову так, чтобы пальцы могли проверить часть ложа, примыкавшую к спинке и столбам балдахина. — Начинайте. И не мучайте меня больше, чем необходимо, ладно?

— Я первый! — сказал Гим. — Можно я первый буду ее мучить?

— Стыдно, — откликнулся император, коротким энергичным жестом отсылая из комнаты всех, кроме Гима, людей. Остальным не хотелось уходить, потому что они лишались увлекательного зрелища. Но пришлось подчиниться, хотя дверь осталась чуть приоткрытой и за ней слышалось бормотание, возня и поблескивали блудливые глаза.

— Стыдно, — повторил император, — устраивать возню вокруг незначительного события. Неужели ты думала, что я снизойду до того, чтобы тыкать в девушку шампурами, словно в кусок маринованного мяса? Разумеется, это занятие для Гима.

Из-за двери раздался смешок. Император в два шага преодолел расстояние до двери и резким движением захлопнул ее, прихватив краем нос одному из адъютантов.

Это отвлечение оказалось Коре на руку. Даже Гимушка отвернулся к двери и захлопал в ладоши, радуясь беде своего товарища. Кора быстро провела руками по краю кровати, забралась пальцами в щель между периной и спинкой, пробежала кончиками пальцев по основанию столбиков балдахина — по крайней мере, в двух местах она нащупала провода, а на спинке — пластинку, которая могла оказаться крышкой какой-то коробки. Это было интересно.

Император уже возвращался к постели. Он почуял, что Кора отвлеклась, и громко прикрикнул на нее:

— Не двигаться! Это тебе не койка в твоей конуре!

— Я устраиваюсь поудобнее!

— Какие могут быть удобства! Лежи, где лежишь, а то все испортишь!

— Что испорчу?

— Кровать испортишь. Мне она еще пригодится.

— А разве вы на ней не спите, ваше величество?

— Что надо, то я на ней и делаю, — отозвался император. — Расстегни платье!

— Не буду. Эксперимент должен быть максимально приближен к действительности.

Осторожно-осторожно пальцами — снова к спинке кровати! Дотянуться, постараться открыть коробочку в тот момент, когда их внимание будет отвлечено.

Император протянул Гиму шампур так, словно передавал ему шпагу на поле сражения.

Гим принял шампур и взмахнул им, как шпагой. И тут же вознамерился со всего размаха всадить в грудь Коры. Это ей не понравилось, и Кора завопила:

— Ты с ума сошел! Осторожнее!

— Давай! — закричал на адъютанта император. — Коли!

Гим замер с поднятым шампуром, затем все же ударил им в грудь Коры, но сделал это не в полную силу, а как бы застеснявшись и осознав, что совершает не очень красивый поступок.

— Иййех! — взвизгнул он, и Кора подпрыгнула на постели, потому что удар в грудь оказался очень болезненным и ей показалось, что ее и на самом деле проткнули насквозь.

Шампур тут же согнулся, и Гим, который перенес на него весь свой вес, потерял равновесие и рухнул на постель, оказавшись при соприкосновении существом костлявым и жестким.

Коре и не понадобилось вспоминать, что она молодая глупая женщина, — и без этого она завопила так, что затряслись дворцовые стены, а император отскочил к двери. Но сбежать ему не удалось, потому что адъютанты с той стороны захлопнули дверь и держали ее в четыре руки.

Гим попытался слезть со своей жертвы, но никак не мог понять, где верх, а где низ.

Довольная поворотом событий, Кора смогла приоткрыть крышку на спинке кровати и, изогнувшись, посмотреть наверх — под крышкой было несколько кнопок, под каждой из

кнопок — цифра. Последняя красная кнопка была побольше прочих размером...

Перестав кричать, Кора вытолкнула из постели незадачливого убийцу.

Император, недовольный собственным испугом, возвратился к постели, поднял Гима за шиворот и отбросил в угол опочивальни.

— Спасибо, — сказала Кора, — я подумала, что он меня задавит. А ведь мы об этом не договаривались. Или вы меня протыкаете, или отпускаете восвояси. Причем не одну, а со всеми землянами.

— Помолчи, дура! — рассердился император. — Тебе кажется, что здесь шутят? Так вот — здесь никто не умеет шутить. И ты не выйдешь отсюда живой. Даже если мне придется переломать все шампуры империи.

С этими словами он поднял с кровати согнутый шампур, по виду которого совершенно очевидно было, что никакого человека и даже собаку проткнуть им невозможно.

— А если не удастся шампуром... — произнес император задумчиво, — то я тебя проткну чем-нибудь еще.

— Это нечестно!

— Замечательно! Нечестно! Кто говорит о честности? Она, проникшая к нам змеей для того, чтобы убить нашего законного государя!

— В то время я отдыхала у моей бабушки, под Вологдой.

— Ложь, ложь, ложь! Мы живем в окружении земных шпионов! У нас не хватает масла и сахара, потому что все крадут земные шпионы. У нас шахты и заводы работают кое-как, потому что мы ограблены земными шпионами. И пока мы с вами не разделаемся, наша планета не будет счастлива.

Он выкрикивал этот бред совершенно искренне. Даже слезы выкатывались из его глазниц и срывались с выпуклых сизых щек. Он почти верил в то, что говорил. Гим, понуро стоявший за его спиной, послушно всхлипывал.

— Вот видишь, — император обернулся к Гиму и положил

лапу на его узкое, украшенное витым погончиком плечо, — вот он остался сиротой из-за политики Земли.

— Да, — сказал Гим. — Я сирота.

— Кончайте балаган, — рассердилась Кора, потому что сцена слишком затягивалась. — Или вы меня протыкаете, или выпускаете. Решайте.

— Я сам, — сказал император и локтем оттолкнул ринувшегося к нему Гима. — Я сам ее...

Он стал выбирать из трех оставшихся шампуров самый крепкий и острый, Гим как завороженный смотрел на эту церемонию. Пока они были увлечены подготовкой к убийству, Кора снова смогла уделить несколько секунд изучению пульта на спинке кровати. Красная кнопка была снабжена внизу надписью: «Пуск». Кора поняла, что ничего не теряет...

Император приготовился к покушению.

Два шампура он отдал Гиму, а сам замер над постелью.

Он думал.

И Кора поняла, о чем он думает. Он думает о том, что его дядю было невозможно проткнуть этими алюминиевыми палками. Но тем не менее он был ими убит. В этом заключался нонсенс, и потому император намеревался сейчас принять все меры, чтобы опровергнуть этот нонсенс.

Он тщательно прицелился, взялся за середину шампура двумя руками так, что из нижнего кулака торчало лишь сантиметров пятнадцать металла. И это меняло дело: такой короткий кусок металла не согнется, а в самом деле проткнет грудь. Так и карандашом можно убить...

— Ну, держись! — зарычал император.

И Кора поняла, что исхода нет — надо рисковать.

Она попыталась отпрянуть с пути движения оружия и в то же время нажала на кнопку «пуск».

Ничего не случилось.

Как в замедленном фильме, она видела надвигающийся на нее конец шампура.

Что еще? Что делать? Пальцы ее метались над пультом с быстротой электрического тока. За ту долю секунды, пока

смерть надвигалась на нее, Кора успела нажать на соседнюю с красной кнопку — в надежде на то, что красная — пуск, а кнопка с цифрой «восемь» над ней — уточнение задания для кровати.

...И в этот момент в глазах у нее помутилось, император куда-то исчез, а вместо него возникли цветные разводы — это было знакомо, но мозг отказывался напомнить, почему знакомо...

Уши заложило, будто она вынырнула с большой глубины.

Кора открыла глаза.

Было темно.

* * *

Кора провела руками вокруг себя.

Она лежала на той же королевской кровати. Но вокруг было темно и тихо.

Кора стала ощупывать покрывала и подушки. Все то же самое — лишь кажется, что покрывало и подушки куда прохладнее, чем были. Словно из жилого, наполненного людьми помещения она попала в пустую и заброшенную комнату.

Коре показалось, что в опочивальне кто-то есть.

Нет, не император и не Гим — их бы она узнала по дыханию, по запаху. Агент ИнтерГпола должен уметь различать людей по запаху и дыханию — этому его учат в Высшей школе. В комнате был кто-то иной...

Почти беззвучно «иной» приближался к постели. И Кора не знала, куда бежать. Вот этот пришелец дотронулся до края постели и мягко, беззвучно вспрыгнул на ее край. Постель прогнулась под тяжестью тела, Кора подогнула ноги — в комнате было так темно, что она увидела лишь, как горят зеленым глаза у незнакомца. В ужасе, нахлынувшем на нее, она вытянула перед собой руки.

До руки дотронулось нечто холодное и влажное.

И горячее дыхание ожгло пальцы.

— Господи! — прошептала Кора с великим облегчением. — Колокольчик, дружочек мой, ты меня нашел!

И тогда кот, замерший было в ощущении испуга своей новой подруги, кинулся на нее со всей радостью и напором соскучившегося и несчастного ребенка. Он по-собачьи вылизывал ее щеки, он толкал ее мягкими огромными лапами, он урчал так, что она почти оглохла. Он был теплым, шелковым, мохнатым, добрым и страшно родным.

И Кора разрыдалась.

Потому что только минуту назад она делала вид, что ничего не боится, что она бесстрашный агент ИнтерГпола, что ее можно четвертовать, но она останется такой же хитрой, смелой и несгибаемой... все это оказалось враньем и показухой — оказывается, она чуть не умерла от страха, когда эти здоровые и наглые мужчины всерьез намеревались убить ее, мучительно проткнуть шампуром — и сделали бы это, не пожалев ее, потому что они жили в мире, где нет правил, а есть сила и лакейство. Это самый страшный из миров... И хоть Кора утешала себя тем, что она, как всегда, выпутается, на этот раз она уже не верила в свою удачу...

Но повезло.

И вот Колокольчик облизывает ее, как будто смертельно стосковался по своей подруге.

— Погоди, — сказала она Колокольчику, ласково отталкивая его. — Может быть, у нас с тобой и времени свободного нет.

Обнимая урчащего зверя, она огляделась и поняла, что метрах в пяти от нее, полускрытое какими-то громоздкими предметами, находится окно, почти незаметное, потому что за ним несутся ночные облака, закрывающие звезды... Ночь...

Только что было позднее утро.

Значит, она переместилась не только в пространстве, ведь она предполагала, что кровать — средство телепортации, но и во времени, что было уже куда серьезнее.

Кора поняла, что должна проверить свою гипотезу.

Она притянула к себе Колокольчика. Ведь он ее узнал, ведь они с ним встречались. Значит, если она попала в ночь, то... Ее пальцы нащупали шелковую ленточку, которую она сегодня ночью повязала на шею Колокольчику. Ее подарок.

Ленточка была повязана примерно в час ночи. В большой комнате, где стояла кровать... именно эта кровать, именно на вилле предсказателя. Значит, сейчас еще продолжается прошлая ночь?

Нет, этого быть не может, потому что она бежала с виллы в тот момент, когда ее взяли штурмом заботники императора. В числе их был и сам император. Ведь она его видела! Так сколько же сейчас времени? Штурм уже был или скоро будет?

— Сколько сейчас времени? — спросила тихонько Кора у кота.

Он, конечно, не мог ответить, но потерся о ее руку тяжелой теплой головой.

— Сейчас мы все выясним, — сказала Кора.

Она поднялась с кровати, тайну которой она уже разгадала, и направилась к двери — глаза настолько привыкли к темноте, что она смогла разглядеть ее светлый прямоугольник.

По дороге она чуть не упала, сначала натолкнувшись на угол стола, затем разбив нечто высокое и стеклянное... Но вот и дверь. Возле нее она нащупала выключатель.

Одинокая пыльная лампочка загорелась под потолком лаборатории.

Да, недавно она здесь была. Вот копия королевской постели, вот генератор, вот стол с компьютерами... Над дверью висели круглые часы. Они показывали четыре часа.

Значит, сейчас четыре часа утра сегодняшнего дня. Нажав на цифру «восемь», она переместилась на восемь часов в прошлое. И попала на виллу снова через три часа после того, как убежала с нее.

Так, сказала себе Кора, машинально поглаживая затылок кота. Она прибыла сюда, чтобы разобраться в одном преступлении, а, сама того не ожидая, натолкнулась на преступление другое, не менее опасное, чем убийство.

Она обнаружила нелегальную машину времени!

Машины времени не может быть. Доказано, что изобрести ее невозможно, потому что ее действие порождает парадоксы, которым нет объяснения и от которых могут проистекать

страшные беды для человечества. Это не означает, что в самом Галактическом центре машины времени нет. Есть, и не одна! Но не только ИнтерГпол, но и сама всемогущая Галактическая Безопасность тратят немало средств и сил, чтобы заранее пресечь любую попытку на любой планете вырастить гения, который невзначай изобретет такую машину. Потому что если он ее изобретет, задача службы безопасности заключается в том, чтобы машину ликвидировать, а ее изобретателя увезти в Центр, где ему будет на всю жизнь обеспечена увлекательная работа по специальности, но без возможности путешествовать куда вздумается.

Существует, как вам, возможно, известно, несколько принципиально разных видов машины, как есть, например, несколько видов космических двигателей или несколько различных способов варить манную кашу. Но все их объединяет «принцип гири». Что это такое?

Путешествие во времени возможно лишь в прошлое — в будущее путешествовать теоретически и практически невозможно, потому что нельзя путешествовать в страну, которой еще нет. Это все равно что жениться на не рожденной еще женщине. Время — это как бы океан. Мы с вами на поверхности, а глубины его — наше прошлое. Так что с помощью машины времени можно нырнуть туда и затем выплыть обратно.

Для того чтобы нырнуть в иное время, следует, образно говоря, раздвинуть уже существующие волны прошедшего времени. Если вы собираетесь поплескаться у поверхности, на это не требуется больших энергетических затрат. Но попробуйте, уважаемый читатель, нырнуть, допустим, на десять метров под воду — вы увидите, как это трудно сделать. Силы, открытые Архимедом, будут все отчаяннее и мощнее выталкивать вас наружу, пока не наступит момент, когда всех ваших мускульных усилий не хватит, чтобы удержаться на достигнутой глубине. Чтобы достичь глубины на метр больше, придется брать в каждую руку по гире. И чем тяжелее гиря, тем глубже можно нырнуть.

Погружение в глубины времени требует энергии, затраты

которой увеличиваются в геометрической прогрессии с увеличением глубины. Говорят, что в Галактическом центре уже создана машина, которая может отправить человека на семь лет в прошлое и даже при особом везении извлечь его оттуда целым. Но это если в самом деле повезет. Обычно те, кто отправился в такое далекое прошлое, уже не возвращаются. Гигантские машины Галактического центра опутывают своими кабелями целые астероиды и находятся как можно дальше от населенных пунктов. Один запуск на семь лет в прошлое пожирает энергии столько, что за счет ее можно передвинуть Землю на орбиту Марса.

В Галактике уже удалось отыскать и обезвредить четыре подпольные машины времени. Одна машина отправляла испытателя на восемь минут в прошлое и была подключена к соседней электростанции. Две из них могли отправить человека в прошлое на день и питались электричеством от нелегальных ядерных реакторов. А вот четвертая машина отправляла человека на неделю назад, и для ее работы требовались три атомные станции одной воинственной планеты.

Кора сразу поняла, что машина времени, которую она видит перед собой, относится к слабенькому типу — дальше чем на день-два человека ей не забросить. И, судя по всему, ее питает энергией атомная станция, расположенная где-то неподалеку. Наверное, Парфан смог подключиться к ней, потому что пользовался покровительством покойного императора. Можно считать, что для человечества в целом машина опасности почти не представляет, а вот для города или даже всей империи опасность есть, и реальная — ведь порой достаточно вернуться на день в прошлое и исправить какую-нибудь ошибку...

Следовательно, хочет того Кора или нет, но Парфан будет вынужден отправиться в Галактический центр и там присоединиться к своим коллегам, запертым в Институте временных исследований.

Правда, для этого его надо отыскать. А Кора не была уве-

рена, что императорские заботники оставили предсказателя здесь. Его могли спрятать, и понадежнее.

Кора обернулась к Колокольчику. Тот смотрел на нее внимательно и напряженно, словно хотел что-то угадать в ее взгляде.

— Малыш, где твой хозяин? С ним все в порядке?

Колокольчик силился понять гостью. Потом неуверенно шевельнул хвостом, справа налево. Будто просил повторить вопрос.

— Я думаю, что если бы с хозяином было плохо, — сказала Кора вслух, — ты бы вел себя иначе, правда?

Кора хотела было пойти в гостиную, туда, где она оставила предсказателя прошлой ночью. Но Колокольчик заурчал и, бережно схватив Кору за пальцы, повел ее в обратную сторону — к узкому коридору.

— Ты хочешь сказать, что твой хозяин спокойно спит?

Кот не ответил.

Кора же, обходя приборы и механизмы, преграждавшие путь, пыталась найти объяснение тому, что случилось в час ночи. Ведь предсказатель, без сомнения, близок не только с предыдущим императором, но и с его племянником. Недаром копия ложа под балдахином стоит у него в лаборатории. Кровать — как первая, так и вторая — это и есть пусковая установка машины времени. В сущности, установка может принимать любую удобную форму. Были бы кабины на обоих концах временного пути. Если твой заказчик повелел совместить путешествие в прошлое с путешествием по городу, то тогда мягкая постель превращается в замечательное пусковое устройство. Во-первых, при правильном расчете хрононавт, или как его там именовать, всегда обойдется без травм, очнувшись в родной постели. Во-вторых, в таком случае временная кабина во дворце вообще не привлечет постороннего внимания — как стояла королевская постель, так пускай и стоит дальше. А что в ее спинке устроен пульт, а под ней — переплетение проводов и всякой электроники, — это тоже личное дело императора. Тем более что во дворце никто не пылесосит

под кроватями. А когда требуется секретность, тот же король может спокойно удалиться в опочивальню, запереть за собой дверь, перелететь на виллу Парфана и веселиться в недавнем прошлом...

Колокольчик остановился перед полуоткрытой дверью в спаленку предсказателя.

Предсказатель оказался цел и невредим.

Он мирно почивал на узкой девичьей кроватке, поджав коленки к животу и уткнув в подушку аккуратный точеный носик. Ночного колпака на нем не было — видно, потерял его за бурную ночь, но халат был тот же самый, в котором Кора его видела дважды. Предсказатель так уморился, что не снял шлепанцев, и они чудом держались на его голых пальцах. Кора обвела глазами полутемную комнату, свет в которую проникал лишь из коридора, в поисках одеяла, чтобы прикрыть предсказателя, но ничего достойного не обнаружила и тогда решила не беспокоить его: ей стало жалко будить намаявшегося Александра Александровича.

Кора прикрыла за собой дверь в спальню и мысленно произнесла: «Поспи еще минут пять, скоро здесь начнется бедлам».

Она быстро прошла в гостиную. Колокольчик как привязанный трусил за ней. Она обратила на это внимание и сказала коту:

— Обычно коты так не поступают. Но, может быть, ты голодный?

Услышав эти слова, Колокольчик на ходу принялся тереться теплой пушистой головой о бок Коры, и той пришлось остановиться.

— Но я же не знаю, где у вас холодильник, — сказала она, стараясь не раздражаться. Ведь ей сейчас совершенно не с руки была любая, даже секундная, задержка. Но Колокольчик поглядел на нее такими большими, круглыми, восторженными глазами, что она поняла — пусть вся Вселенная валится в тартарары, но она должна накормить животное.

Колокольчик все понял и, тяжело подбрасывая пушистый

зад, побежал по неизвестному Коре коридорчику, который привел их на кухню.

Колокольчик остановился перед холодильником и провел лапой по его двери, как бы опасаясь, что глупая женщина Кора не догадается, что холодильник надо открыть, ведь кот проголодался.

Холодильник был почти пуст, если не считать нескольких бутылок пива, банки консервов и тарелки с рыбьим хвостом. Кора поставила тарелку на пол, кот поглядел на хвост, а потом на Кору с таким человеческим укором, что она поняла: виновата! Виновата даже не своей виной, а виной всего человечества, которое вздумало приблизить к себе животных, изломать, искалечить им жизнь, отучить их самих добывать себе пищу, а потом забывает накормить своих якобы любимцев.

Понимая, как утекает между пальцев время, Кора достала из-за пояса свой охотничий нож. С его помощью открыла банку консервов и вывалила их на ту же тарелку. Кот вежливо отвел в сторону голову и подождал, пока Кора закончит, затем углубился в поздний ужин, сразу забыв о ней.

— Я пошла, — сказала Кора извиняющимся тоном, будто оставляла кота на поле боя, и побежала в гостиную.

Уже знакомыми лабиринтами она в две минуты добралась до гостиной. Там все было перевернуто и разорено так, словно порезвилась семья носорогов, — ночные заботники что-то искали. Ту же картину она обнаружила и в кабинете предсказателя. У нее создалось впечатление, что заботники Аудия Реда, громившие кабинет, преследовали как бы две разные цели: во-первых, им очень хотелось отыскать самого хозяина дома, и для этого они перевернули все столы, кресла, стулья, повалили шкафы и даже заглянули под ковры. Во-вторых, они искали какие-то документы или тайные бумаги — тут уж они занимались в основном изучением содержимого столов, ящиков, книжных полок и стеллажей. В спешке они сваливали все на пол и перемешивали каблуками...

Нет, поняла Кора, здесь она ничего не найдет. Или найдет, если у нее будет свободная неделя на раскопки.

Она грустно смотрела на разгром и старалась понять: что же скрывалось за ним? Зачем он понадобился императору? Что тот искал и чего он боялся?

Но, по крайней мере, одну из второстепенных загадок Кора разгадала — она поняла, почему и как у нее в номере вчера вечером появился одетый в халат предсказатель Александр Александрович.

Вернее всего, после ее бегства пьяненький предсказатель очнулся от шума и грохота, который производили штурмовавшие виллу охранники. Хотя и сильно пьяный, он сообразил, что скрывается за этим штурмом и почему императору захотелось зажарить свою курицу, несущую золотые яйца. А раз у Парфана оставалась машина времени, он решил передать Коре какие-то важные документы, которые не должны были попасть в руки императора. Он перенесся в прошлое с помощью дубликата своей койки, кинулся в гостиницу, забрался в шкаф и вынужден был таиться в нем, пока император не убрался восвояси. То-то он узнал Кору, был с ней знаком, а она не имела никакого представления о том, что за чудище в халате прячется в ее шкафу. Затем он возвратился к себе на виллу, рассчитав все так, чтобы заботники ее уже покинули, а так как был еще пьян и, наверное, ужасно устал, то тут же и заснул. А случилось все это час или два назад.

Опасность, которой подвергался Парфан, не исчезла. В любой момент заботники могут вернуться...

И тут Кора услышала страшный крик — скорее не человеческий, а звериный. Он донесся издалека, из недр виллы... Но кто это кричал?

Кора замерла, ожидая, не повторится ли крик.

Крик повторился. На этот раз сомнений не было — это кричит человек!

Кора кинулась в ту сторону. Кабинет... аппаратная... коридор... спальня Парфана.

Кора уже понимала — крик доносился оттуда.

Дверь была раскрыта. Внутри горел свет.

Прижавшись к косяку, Кора заглянула внутрь.

Над кроватью, на которой, неестественно изогнувшись, лежал предсказатель, возвышался император. Свет лампы подсвечивал его рыжие волосы, и казалось, будто его голова пылает.

Император спиной почуял шаги Коры.

— Заходи, — сказал он, медленно оборачиваясь. — Заходи, не стесняйся. Погляди, я выиграл спор!

Широким жестом император показал на лежавшего на кровати Парфана.

Из его глаза торчало кольцо шампура.

— Главное, — сказал ухмыляясь император, — найти подходящее место. Тогда и шампуром заколоть можно.

Кора кинулась к Парфану. Император преградил ей путь сильной волосатой рукой.

— Не суетись, — сказал он. — После моих ударов не оживают.

Кора и без того поняла, что Александр Александрович мертв.

— Я виноват — не сообразил, что ты можешь моей кроваткой воспользоваться, не догадался, что он успел тебе обо всем рассказать. Надо было мне его еще вчера убить.

— А как вы сюда попали? — спросила Кора.

— Как и ты — на постельке. Я всех разогнал, подождал, пока энергия для перехода поднакопилась, и пошел за тобой. Не дурак ведь, в школе учился.

Император был доволен собой.

— Ты не бойся, — сказал он покровительственно, — я ведь в быту добрый. Это я только для врагов и изменников лютый. А раз ты мне проиграла, то ты мне не страшна и даже очень приятна. Будешь теперь меня услаждать, а я тебе буду делать подарки... Подарки.

— Я еще не кончила свое расследование, — сказала Кора, стараясь не смотреть на жуткую фигуру на кровати. — Я еще не проиграла.

— Кончила не кончила, теперь это уже в прошлом, девочка, — сказал император. — Ты теперь знаешь столько лишнего, что я не могу тебя отпустить домой к твоему дяде Милодару. Этот предатель паршивый во всем виноват!

— Нет, не он! — сказала Кора. — Он ничего мне не рассказал.

— Не покрывай мертвеца, — ответил император. — Он уже безопасен. Ты меня бойся. Тебе со мной придется прожить остаток жизни — в глубоком подвале... на всем готовом.

Император развеселился. Он стал бить себя в грудь кулаками, словно самец гориллы.

И тут Кора чуть не упала.

Колокольчик, ожидавший момента за дверью в коридоре, своим непонятным звериным умом наконец-то решившийся на мщение, слегка задев Кору, прыгнул из засады на смеющегося императора. Его прыжок был таким бесшумным и неожиданным, что император успел лишь прикрыть рукой глотку — и тут зверь, уже не домашний, милый, уютный, а настоящий дикий зверь — свалил его своим весом на постель и стал рвать руку, стремясь достать до горла.

Император рычал, отбивался, старался оторвать от себя лапы кота. Кора не сразу вмешалась в этот бой — видно, она так устала за ночь, что не сразу даже поняла, что же происходит, почему кричит император.

Но через две секунды Кора кинулась на помощь императору.

Он был преступником, он был убийцей, он был подлецом, и по высокому звериному счету Колокольчик был прав и должен был в честном бою убить императора. И все же — куда тут денешься — император принадлежал к тому же племени людей, что и сама Кора. И по долгу службы она не могла сама убить человека и обязана была воспрепятствовать смерти человека от иных причин.

— Колокольчик! — умоляла она, не надеясь, конечно, что кот услышит, — его утробное рычание было настолько громким, что заглушало даже крики императора.

Кора стала оттаскивать кота от человека, она прижалась к его боку, чтобы поудобнее втиснуть пальцы в его пасть и разжать зубы, но лапы кота продолжали бить и рвать, конечно,

досталось и самой Коре — она почувствовала боль, но подумала о том, что погибло платье, которое она шила в Париже.

И вдруг кот поддался ее усилиям.

Как будто его выключили.

Кот покорно и тяжело поднялся на ноги, с удивлением глядя на свою жертву.

На кровати лежал Парфан. Правда, теперь он до половины свесился на пол, и страшная рана не была видна. Поперек его лежал окровавленный, тяжело дышащий император — он лишился сознания, но был жив.

Голова Коры работала четко и правильно. Теперь ей надо было как можно скорее убраться отсюда.

Император пошевелился, открыл глаза и грязно выругался. Он пытался подняться.

— Убери свою кошку... — опять ругательство.

— Пошли, — приказала Кора Колокольчику. — Быстро!

Кот зарычал.

Император отпрянул.

Кора кинулась прочь.

Колокольчик после секундного колебания побежал за ней.

Кора добежала до аппаратной. Там, в углу за приборами, стояла кровать убитого императора Эгуадия.

Это было единственное средство вернуться в свое время и при том вырваться отсюда.

Кора кинулась на ложе. Топчан был ободран и облит краской. Если он не работает — ей конец. Тогда им с Колокольчиком придется убивать императора.

Колокольчик куда-то убежал.

Кора лежала на кровати, стараясь открыть крышку пульта в ее спинке.

Из коридора донеслись проклятия. Потом выстрел.

— Колокольчик! — закричала Кора. — Скорее сюда, миленький мой!

Пульт открылся. Только бы заработал!

Рядом с красной кнопкой «пуск» она увидела зеленую кнопку «возвращение».

— Колокольчик!

Тяжелое тело кота ухнуло на кровать. Топчан пошатнулся под ударом звериного тела.

Кора потянула к себе животное, стараясь прижать к груди. Кот не понимал, что от него требуется, и сопротивлялся.

— Колокольчик!

Кора нажала на зеленую кнопку, изо всех сил прижимая зверя к себе.

Раздался щелчок. Все провалилось в темноту...

Она куда-то падала, выл, царапался кот... Потом удар!

И вот она лежит на том же топчане. Вокруг полутьма — свет падает из высокого, забранного решеткой окна-бойницы. Совсем близко круглится каменная, сложенная из тщательно подогнанных глыб стена.

Все обошлось.

— Мы с тобой в башне, — сказала Кора, поглаживая между ушей замершего в ужасе кота. — Отсюда все началось. Здесь все и кончилось.

Колокольчик нервно зевнул.

Кора оттолкнула его и спрыгнула с кровати.

Дверь спартанской спальни убитого здесь императора была полуоткрыта. Некому и ни к чему было запирать ее, если император сюда уже не вернется.

* * *

Главное теперь было успеть в гостиницу и отыскать кассету, оставленную предсказателем. В ней должны быть ответы на оставшиеся неразгаданными вопросы. В частности, на вопрос, как можно убить императора шампурами, которые для этого не предназначены.

Кора осторожно подошла к двери. Снизу доносились ленивые голоса.

Придется прорываться, хотя лучше обойтись без насилия.

Кора оглядела свое платье. После ночных приключений его вряд ли можно было назвать элегантным или хотя бы похожим на женскую одежду. Но вряд ли охранники разбирают-

ся в модах. Кора поправила короткие волосы и спокойно пошла вниз по лестнице. Кот, который чувствовал, что ситуация сложная, бесшумно крался следом, готовый, если нужно, ринуться на помощь.

Но, к счастью, этого не понадобилось.

Приближался полдень, солдаты, что сидели на первом этаже, не очень старались охранять пустую башню. И то ли им было лень отрываться от еды, то ли они на самом деле полагали, что девушкам в рваных платьях в сопровождении гигантских котов положено здесь разгуливать, но они лишь поглядели на Кору.

Один из них, постарше, усатый, окликнул ее:

— Ты куда?

— Я ухожу, — сказала Кора.

— Зверя своего не забудь! — крикнул тот, что помладше, показывая ложкой на Колокольчика.

Тот сделал вид, что не видит человека.

День выдался ярким, солнечным, ветреным. В гигантском дворе, вокруг которого раскинулись дворцовые здания, почти никого не было. Коре повезло: мимо проезжал рикша.

— Только зверя я не возьму, — заявил он.

— Он не кусается, — сказала Кора.

— Так все говорят, а моего племянника такой искусал — чуть руку не оторвал.

Колокольчик смотрел на рикшу удивленными круглыми глазами. Он изображал из себя кролика, но рикша своей позиции не изменил.

Впрочем, Колокольчика это не смутило — когда рикша побежал, кот затрусил за коляской.

В гостиницу Кора на всякий случай вошла через черный ход. Она уже знала, где он. Ход вел через кухню ресторана, через склад по узкой служебной лестнице. Спустя полчаса после бегства с виллы Кора с Колокольчиком были у своего номера.

— Погляди, — попросила Кора котика, открывая дверь, — нет ли там нежеланных гостей?

Кот понял, легко скользнул в комнату и через три секунды высунул улыбающуюся морду наружу. Все в порядке.

Кора вошла в номер. Пока она так и не решила проблемы, где и как ей просмотреть кассету. Если у нее раньше были друзья или союзники на Нью-Гельвеции, то императору удалось всех их убрать — это же ужас какой-то! Император, конечно же, пошел на риск, но теперь он был подобен паровозу на рельсах: куда они тебя ведут, туда ты и едешь — не свернуть. Убив своего дядю, он вынужден был убирать опасных свидетелей — сначала секретаря и даму Синдику, затем — ставшего опасным земного консула, затем последовало самое болезненное для императора — решение убить предсказателя. Кора почти не сомневалась, что император пришел к власти с помощью Парфана. С вольной или невольной, но с его помощью. Кора даже представляла себе, как можно было убить старого императора в абсолютно неприступной комнате, и понимала, почему для этой цели годились даже алюминиевые шампуры, единственное достоинство которых, с точки зрения императора, заключалось в том, что они прибыли с Земли, значит, в убийстве государя можно обвинить землян. В борьбе с придуманным противником куда легче захватить власть.

Зато, захватив, как трудно удержать! Ты пришел к власти через преступление, через предательство, через убийство. Так чего тебе ждать от своих подданных — неужели искренней любви?

Убийца никому не доверяет. Он везде ищет заговоры, во всех видит врагов. И в поисках защитников он обращается к предсказателю...

Кора достала кассету, принесенную покойным Парфаном. К счастью, ночью никто больше не обыскивал номер.

«Вот здесь, на видеопленке, наверное, скрыты тайны общения императора и предсказателя. Пленка — это оружие, которое предсказатель рассчитывал пустить против своего покровителя. Но не успел... Значит, тебе, Кора, предстоит довершить дело Парфана». Кора подошла к окну. Заботников под

окном не было — видно, ее возвращения в гостиницу не ждали.

Переулок, куда выходило окно, был малолюден. Темное пятно на мостовой, где стояла машина советника, останется надолго.

Как стать предсказателем, если ты можешь заглядывать в прошлое, но бессилен увидеть будущее? Возможно ли такое?

— Разумеется, возможно! — воскликнула Кора. — Еще как возможно!

Путешественник в прошлое — незаменимый предсказатель. Для любого деспота. Для старого императора и для нового императора, для деспота и демократа...

Ты можешь предсказать будущее, заглянув недалеко в прошлое и увидев причины поступков. Ведь их последствия видны сегодня, так что сегодняшнее событие открывает тебе глаза на время и место своего рождения. Заглянув в прошлое, ты получаешь возможность увидеть будущее. Тому тьма примеров. Вот разведчики донесли вам, что некий вельможа ускакал сегодня на рассвете в свой замок. Чего же этот проклятый вельможа не видел в своем замке? Выясняем: вельможа за последние дни встречался с графом П. и деспотом Б. Когда он встречался с нелюбимым нами графом П.? Позавчера, в восемь вечера. Как бы нам узнать, о чем они говорили? Мы отправляемся в позавчерашний день, в восемь часов вечера, и подслушиваем на темных аллеях нашего парка Калери секретную беседу заговорщиков. Не было бы машины времени, мы бы не смогли узнать о заговоре и казнить предателей. Любое событие, которое намерено случиться завтра, имеет корни в прошлом, а развитие в настоящем. Оно подобно животному, хвост которого остался во вчерашнем дне, туловище мы видим сейчас, а голова уже в дне завтрашнем. Видя сегодняшнее туловище, мы можем пощупать хвост, а сложив их, представим, какой получится голова.

Используя эту возможность осторожно и со всей хитростью, вы можете в прошлом исправить сегодняшнюю ошибку, и если твоя любимая фрейлина обвалилась вместе с балконом, нельзя ли отправиться на денек в прошлое и велеть там укрепить этот балкон? Здесь, правда, встает проблема: а что делать, когда встретишь самого себя? Как объяснишь самому себе, что балкон требует ремонта? Впрочем, с собой любой из нас в конце концов договаривается. Выгоды же изобретателя машины времени, который надевает маску предсказателя, также налицо. Предупредить властителя о зреющем заговоре и сообщить о составе его участников — полезно не только властителю, но и предсказателю. Один остался жив, а второй стал богаче.

Представьте себе иные ситуации, имя которым легион. Вот, например, вызывает к себе предсказателя госпожа дама Вичика и говорит: «Полная подозрений, я арестовала свою служанку, которая, вернее всего, украла бриллиантовое колье. Но доказать ничего не могу, потому что свидетелей нет, колье нет, а служанка не признается. Чем ты можешь помочь, ясновидящий?» Ясновидящий велит прибыть к нему за ответом на следующий день, а сам отправляется в недалекое прошлое, в тот самый вчерашний вечер, когда дама покидала свою виллу ради свидания с кавалером Бринлизи. Не обращая внимания на злобных комаров, ясновидец сидит под окнами виллы и наблюдает за тем, как невинная дочка дамы Вичики запускает ручонку в шкатулку, потому что нуждается в денежках на наркотики. На следующий день предсказатель приходит мрачнее тучи, берет оплату авансом, потому что не верит в то, что получит ее после открытия страшной тайны. И сообщает даме, что колье лежит в ящике с игрушками любимой дочки, которая уже созвонилась с продавцом наркотиков, чтобы отдать ему фамильную реликвию за сущие гроши. Мама, конечно, не верит, но поднимается в спальню дочери, достает колье, а предсказателя выгоняют из дома, чтобы не клеветал на ребенка, который, играя в куклы, надевал колье на куклу Рашу, да забыл вернуть в шкатулку. Вы все поняли?

Кора провела рукой по лбу, стараясь отогнать череду образов и вариантов, рождавшихся в ее мозгу.

— Пошли, — сказала она коту. — Время не ждет. Поищем, где здесь есть видеомагнитофон.

С таким вопросом Кора обратилась к портье, и тот сообщил, что видик есть в малой голубой гостиной, но по нему детишки герцога Вурье смотрят иностранные мультики.

Кора поблагодарила портье и прошла в гостиную. Кот улегся снаружи — он знал, что в некоторые места ему вход запрещен.

* * *

В тесном полутемном помещении без окон, стены которого были обтянуты голубым бархатом, а кресла — сиреневым атласом, на ковре перед телевизором уютно расположились двое ребятишек, мальчик и девочка лет десяти-одиннадцати, одетые в камзольчики пажей, лосины и башмаки с загнутыми носками.

Дети смотрели порнографический фильм. Они уставились в экран, запрокинув голубые от света мордашки, тогда как их няня в длинном платье и рогатом головном уборе негромко похрапывала в кресле. В тот момент, когда Кора на цыпочках вошла и плотно закрыла за собой дверь, совершенно обнаженная, розовая, как зефир, красавица гонялась по пляжу за загорелым мускулистым красавцем, а ее, в свою очередь, преследовал возбужденный самец гориллы.

Дети сопровождали подвиги розовой толстушки подбадривающими криками.

Кора вытерпела это зрелище в течение двадцати секунд, затем шагнула вперед. Тут ее заметили дети, и мальчик, державший в руке пульт, сразу же переключил программу на мультик, в котором козочка резво гонялась за волчонком, а волчонок догонял Красную Шапочку.

— Ты что здесь делаешь? — зашипела на Кору девочка. — Разве не видишь, что мы отдыхаем!

— Очень приятно. Отдыхайте.

Кора направилась к телевизору, доставая на ходу кассету.

— Только посмей! — предупредила девочка.

— Тише, — сказала Кора, которая поняла, что с такими высокопоставленными детишками лучше обойтись миром. — Слушайте, у меня есть классная секретная шпионская пленка. Надо срочно просмотреть. Обалдеете.

— А не врешь? — спросила девочка, накручивая на пальчик золотой локон.

Нянька пошевелилась во сне, покачала рогатой шляпой и быстро сказала:

— Дети, не шалите, а то я донесу на вас вашему родителю.

— Он у нас знатный, но не очень культурный, — сообщила девочка. — А ты кто?

— Я — Кора Орват, агент ИнтерГпола.

— Земельная шпионка?

— Это клевета, которую придумал... один человек.

— Новый император придумал, — сказала девочка. — Наши его не признают. Он обязательно лопнет. Выскочка. А вы как думаете?

— Я думаю, что мне надо срочно просмотреть пленку.

— Валяй, — согласился мальчик. — Только чтобы была интересная, а то мы лучше мультик посмотрим.

Кора протянула ему пленку. Мальчик лениво поднялся с кресла, подошел к телевизору, вставил кассету.

На экране возник предсказатель Парфан.

— Ого, — сказал мальчик. — Мы его знаем. Он нашел маме серебряный сосуд для благовоний, который свистнул наш двоюродный дядюшка.

— Он ужжжасный человек, — сказала девочка. — Его все боятся и ненавидят.

— Почему?

— Он колдун, — сказала девочка, — он нашего императора убил. Разве вы не слышали?

— Слышала-слышала, — вмешался мальчик. — Она для этого и прилетела. Только ее тоже убьют.

Они говорили так, словно Коры в комнате и не было. Она не принадлежала к их кругу, а других они привыкли не замечать...

— Помолчите! — приказала Кора... — Он говорит.

— Эта пленка, — произнес с экрана Александр Александрович, — записана мною на случай, если моей жизни будет грозить опасность. Я намерен спрятать пленку в надежное место или передать человеку, до которого не доберутся лапы императора Дуагима. Точка.

Коре показалось, что изобретатель машины времени немного пьян и потому агрессивен.

— Я понимаю, что этот идиот, — продолжал Парфан, — готов меня убить. Убить курицу, несущую золотые яйца, потому что ему важнее удержаться на троне. Он боится меня. А те, кого он боится, обречены на смерть.

— Вот это точно, — взрослым голосом произнесла девочка. — Нашего дядю он на рудники сослал, хотя наш род древнее императорского.

— Тише! Запрещенная тема! — прикрикнула из темноты нянька.

Все замерли и молчали, пока она снова не захрапела.

Мальчик хихикнул.

Парфан сглотнул слюну и продолжал:

— Слушайте мое заявление, сделанное в здравом уме и твердой памяти, в опасении покушения со стороны императора Дуагима или его клевретов.

— Во дает, — сказал мальчик. — Лучше порнухи.

— Молчи! — оборвала его сестра.

— Я заподозрил существование заговора с целью убийства законного императора Эгуадия уже несколько месяцев назад. Но так как сам Дуагим, со слов моего бывшего друга адъютанта Гима, знал о том, как работает машина времени, то он принял все меры, чтобы я не смог разоблачить заговорщиков. Впрочем, в то время я не был настойчив, потому что ограничился туманными подозрениями.

Дверь в голубую гостиную приоткрылась, но Кора и дети были так увлечены исповедью предсказателя, что не обернулись.

— Месяц назад лукавец Гим прибежал ко мне с даром. Это

были два шампура для блюда, называемого шашлык, которое готовят на планете Земля. Гим посетил недавно Землю как турист. У меня в тот день были гости. Гим всем показывал шампуры и объяснял, что они — с Земли, родины моего деда. А на следующий день, после очередного визита коварного Гима, дареные шампуры исчезли. Я не придал этому значения и даже не заметил бы пропажи, если бы не покойный император. Он принес с собой поваренную книгу, намереваясь приготовить шашлык. Шампуры мы с ним не отыскали. Тогда император велел мне забыть о шампурах — его беспокоили мрачные предчувствия. Он боялся покушения со стороны своего племянника Дуагима. Он так и сказал мне: «Я чувствую, что он меня убьет!» О, если бы я знал, что в тот вечер в последний раз вижу его живым! Если бы я знал, что несчастные шампуры, с дьявольской хитростью навязанные мне предателем Гимом, окажутся причиной его мученической кончины...

Предсказатель прервал речь и смахнул слезу. Герцогские дети рыдали навзрыд.

От двери раздался хриплый голос полковника Аудия Реда:

— Ни с места! Вы арестованы!

Оказывается, он уже несколько минут подслушивал в дверях грустный монолог предсказателя и счел момент удобным для того, чтобы арестовать Кору.

Бывший полковник Аудий Ред прибыл в отель в инвалидном кресле. Загипсованная нога торчала вперед, как противотанковое орудие. Взор его был дик и напряжен.

В руке был зажат пистолет.

— Осторожнее, — сказала Кора. — Здесь дети.

— Ты совратила и детей, — заявил полковник. — Так что нам придется избавиться и от них.

Кора молчала. Она сосредоточилась на том, как обезоружить маньяка. Парфан прекратил исповедь, словно испугался полицейского.

Кора шагнула вперед. Пистолет дрогнул в руке Аудия Реда.

— Вот тебе и конец пришел, — заявил он.

Именно в этот момент проснулась нянька молодых герцогов. Потому что за спиной Коры раздался ее сонный голос:

— Это еще что такое? Кто вам дозволил тут хулиганить?

Кора напряглась: внимание полковника переключилось на няньку. «Раз, два...» — считала она.

Но нянька двигалась слишком медленно и неуверенно. Ее испугал пистолет в руке инвалида.

— Назад! — рявкнул полицейский.

— Дети, — заныла нянька, — дети, скорее сюда! Спрячемся под диван!

— Стоять!

— Я не буду стоять! — воскликнул юный герцог, делая шаг вперед. — Еще чего не хватало! Чтобы я, наследный герцог Кальяри, боялся жалкого полицая? Да ты знаешь, на кого ты поднял руку?

— Стреляю! — рявкнул полицейский, который не намеревался шутить.

Коре ничего не оставалось, как броситься на него.

Он выстрелил. Но, к счастью, в то же мгновение сзади, от двери, на полицейского бросился кот Колокольчик.

Полицейский рухнул на пол, выстрел пришелся в потолок, и Кора рыбкой ринулась к пистолету.

Но дотянуться до него она не успела. Тяжелый сапог императора жестоко надавил на ее кисть. Острая боль пронзила ее. Пальцы разжались.

— Вот так, — сказал император Дуагим. — К счастью, мы успели. И ваша попытка убить несчастного инвалида-полицейского не удалась. Вам не удалось убить несчастных деточек, наследных герцогов Кальяри. Идите сюда, крошки, адъютант Гим даст вам по конфетке. Ну, сколько раз вам говорить?

Потупясь, дети подошли к императору.

— Мотайте отсюда! — приказал император и вместо конфет дал им подзатыльники, да такие, что дети вылетели из комнаты. За ними на четвереньках проследовала нянька.

— Поднимите полицейского, — приказал он Гиму, вбе-

жавшему следом. — Он представлен к медали за благоразумие.

Гим начал поднимать полицейского, чтобы посадить его в каталку. Полицейский завопил:

— Ой, у меня рука сломана!

— Терпи! — приказал император.

Он проследил глазами за тем, как Гим и еще один охранник взвалили полицейского на кресло и выкатили из гостиной.

Император убрал каблук с руки Коры. Она попыталась двинуть пальцами, но пальцы не слушались.

— Изверг, — сказала она. — Я вам этого никогда не прощу.

— Тебе осталось так мало жить, — произнес император, — что я переживу твою ненависть.

Тут же его рука поднялась, и он выстрелил в сторону зарычавшего котика.

Зазвенел экран телевизора, метнулась серая тень — кот успел скрыться...

— Ты что здесь делала? — спросил император, жестом приказывая Коре подняться. — Ты почему с герцогскими детенышами порнуху смотрела? С ума, что ли, сошла? Или вербовала?

Кора невольно оглянулась на разбитый телевизор. Значит, когда император вошел, на экране вновь крутился порнографический фильм — любимое зрелище испорченных детенышей?

Это любопытно.

Кора поднялась, поддерживая изувеченную руку. Боль была жуткая. Когда наваливается такая боль, начинаешь думать, что смерть лучше.

— Не хочешь отвечать?

— Не хочу, — сказала Кора. — Вы изувер и убийца. Зачем мне с вами разговаривать?

— Ты вмешалась в мои дела! Ты перебегала мне дорогу! Ты решила, что сможешь меня обмануть! Не на такого напала — в конце концов я взял верх. И вся ваша банда убийц и шпионов получит то, что заслуживает.

— Отвезти ее в тюрьму? — из-за спины императора спросил услужливый Гимушка.

— Отдайте ее мне! Я сам ее убью! — донесся из холла хриплый голос полковника.

— Не надо. Я ей не верю! Она уже столько раз меня обманывала, что боюсь, что и из тюрьмы найдет подземный ход. К сожалению, припертая к стене доказательствами своей вины, убийца нашего любимого предсказателя Парфана взяла вот этот пистолет, — император дал ей издали поглядеть на пистолет, — и застрелилась из него в присутствии свидетелей. Ты, Гимушка, будешь свидетелем.

— Еще свидетелей вызвать? — деловито спросил Гим.

— Идиот! Хватит тебя одного!

— Нет, — вмешался в разговор новый голос. — Одного свидетеля мало. Разрешите мне предложить свою кандидатуру.

Император в бешенстве обернулся и выпустил всю обойму в человека, стоявшего в темном углу гостиной.

* * *

Пули пронзили коренастого седовласого мужчину с энергичным, испещренным глубокими морщинами, загорелым лицом.

Мужчина отошел от стены. В ней было семь дырок от пуль.

Затем он уселся в глубокое кресло и сказал, обращаясь к императору:

— Присаживайтесь, Дуагим, в ногах правды нет.

И сразу наступили тишина и покой. Как будто в отчаянной схватке бегуны пересекли линию финиша и теперь уже им некуда спешить.

Кора подошла к императору и вынула пистолет из его бессильной толстой руки.

— Гим, — сказала она, — дай мне оружие.

Голос ее был таким мирным и деловитым, что Гиму даже не пришло в голову возражать — он сразу протянул ей оружие.

— Вот и умники, — сказал комиссар Милодар. — А то у меня так мало времени — ведь для того, чтобы отправить сюда

мою голограмму, пришлось выключить свет на шести планетах. Вы дорого обходитесь мировому сообществу, Дуагим.

— Вы — комиссар Милодар? — догадался император, глядя на седовласого мужчину.

— Да, я комиссар Милодар, а вы попались на месте преступления.

— Я ни в чем не виноват! — сразу же заявил император, и голос его прозвучал, как голос обиженного ребенка. Даже губы выпятились вперед: такой мальчик-губошлеп, не очень приятный, но искренний.

— Кора, перечисли мне его последние преступления. Достаточны ли они для галактического вмешательства?

— Достаточны, комиссар, — сказала Кора. — За последние два дня на его совести убийство советника предыдущего императора и дамы Синдики.

— Это террористы! — быстро откликнулся император.

— На моих глазах он убил Александра Александровича Парфана.

— Ты не видела!

— Он организовал убийство консула Земли и представителя ООП.

— Это клевета!

— Он использовал в корыстных интересах машину времени!

— О, это уже совсем интересно, — сказал Милодар. — Мы давно подозревали нечто подобное, но потребовались драматические обстоятельства, чтобы все выяснить.

— Никто не видел... я никого не убивал!

— Вы только что убили меня, — возразил Милодар. — Семь пуль, и все в цель.

— Я сразу догадался, что вы — голограмма. Хах-хаха, я сразу...

— Но главное, — сказала Кора, — он убил своего дядю императора Эгуадия.

— А вот этого вы никогда не докажете! — завизжал Дуагим.

— Кора, — обратился комиссар к агенту. — Как это было сделано, ты знаешь?

— Да, комиссар.

— Нет, она не знает! — сопротивлялся император.

— В этом дьявольском заговоре участвовал его адъютант Гим, — сказала Кора. — Вот он стоит, как всегда, рядом с хозяином.

— Я тут совершенно ни при чем! — Гимушка замахал руками.

— Гим влез в доверие к Александру Александровичу Парфану. Тому самому, кто изобрел и построил машину времени-пространства — удивительный механизм. Он бывал у него в лаборатории и знал, что машиной пользуется покойный император. Его и замыслили убить наследник престола Дуагим вместе с Гимом.

— Нет, нет! — закричал Гим и попытался выбежать из комнаты.

Но в дверях лежал громадный кот, который зарычал по-львиному.

Гимушка метнулся обратно в комнату.

— Я не могу! — закричал он, по-женски ломая тонкие руки.

— Помолчите, вы нам мешаете, — сказал Милодар ледяным голосом, и Гим покорно замолчал.

— Главной целью Дуагима было не только убить дядю и захватить престол, но и отвлечь от себя внимание — свалить убийство на землян, вызвать ненависть к нашей планете. Для этой цели им пригодились странные предметы — алюминиевые шампуры — толстые закрученные спицы, на которые насаживается мясо...

— Знаю, — сказал Милодар.

— Гим привез шампуры из туристической поездки на Землю. Думаю, что это не имело отношения к покушению — он купил их как сувенир.

— Конечно же, как сувенир! — обрадовался Гим. — Конечно, как сувенир. Я никого не убивал.

— Но Дуагим увидел шампуры, и его изощренный ум придумал дьявольское по подлости убийство, которое должно было кинуть подозрение на несчастных землян. По приказу императора Гим подарил два шампура выходцу с Земли, изобретателю машины времени Парфану. Тот всем показывал подарок. Никакой тайны в том не было.

— Никакой тайны не было, — обрадовался Гим. — Я тоже всем говорил: вот смотрите, какие красивые шампуры я подарил моему другу.

— Помолчи! — зарычал император. — Ты же себе копаешь яму!

— Продолжай, Кора! — попросил Милодар.

— На следующий день шампуры пропали. Куда они делись? Лишь один человек имел доступ в лабораторию Парфана — его друг Гим.

— Нет, я не брал!

— Да помолчите вы! — рассердился Милодар.

— Для преступления они использовали машину времени. С ее помощью Гим и Дуагим догадались, как можно забраться в башню к императору. Ночью, когда там спал Эгуадий, проникнуть туда было невозможно. Но в башню можно было беспрепятственно войти в любое другое время. Днем, когда император отсутствовал, дверь была открыта и башня охранялась кое-как.

— Это не я! — поспешил крикнуть Гим.

— И тем более не я, — сказал император. — Неужели вы думаете, что императоры убивают императоров? На это есть убийцы!

— Я тоже думаю, что исполнителем был Гим, — согласилась Кора. — Он взял украденные у Парфана шампуры и отнес их в спальню императора.

— Это не я, не я, клянусь, что не я! Я их взял и отдал Дуагиму.

— Дурак, ты подписал себе смертный приговор, — усмехнулся император. — Со мной они ничего не сделают, а из тебя мы изготовим козла отпущения.

Кора подождала, пока кончится обмен криками. И продолжала:

— Меня с самого начала смущала одна деталь. Почему орудием убийства были избраны шампуры, которые для этого, в сущности, не годятся? Для того чтобы убить человека, надо, оказывается, поразить жертву в глаз. Проткнуть шампуром грудь невозможно. Я сама выступала в роли жертвы и осталась жива.

— Успела убежать, вот и осталась, — заметил император, который потерял гордую осанку и стал похож на почти полный мешок с тряпьем.

— Когда я догадалась, что шампуры были нужны императору как свидетельство земного происхождения убийцы, я пришла к выводу, что их не втыкали в грудь Эгуадию.

— Как так не втыкали? — удивился Милодар.

— Я подозреваю, — сказала Кора, — и можно поставить следственный эксперимент, что преступление основывалось на знании привычек покойного императора. Представьте себе, что император Дуагим поднимается в башню...

— Требую не упоминать моего имени! — приказал Дуагим.

— Император поднимается в пустую комнату башни, втыкает два шампура в постель.

— В постель? — спросил Милодар.

— Да. В этом-то и хитрость. Ему никого не надо было протыкать.

— Поясни.

— Сейчас. Представьте себе — император в это время находится на вилле у Парфана. Когда они кончают разговоры с предсказателем, Эгуадий ложится в копию своей кровати в лаборатории Парфана, которая служит транслятором, и в мгновение ока оказывается на точно такой же кровати в башне. Но пространство, в котором материализуется император, уже занято — двумя вертикально стоящими шампурами! И в тот момент, когда тело императора Эгуадия материализуется, шампуры оказываются внутри его! Понимаете, их никто не втыкает — тело как бы само облекает их. И император погибает.

— Это бред, это клевета, я этого так не оставлю! — взревел

император Дуагим. — Это пустые выдумки. Император был закрыт на засов. Кто закрыл его на засов, если он был мертв?

— А правильно, — согласился с императором Милодар. — Что-то здесь не сходится. Ведь не мог же Дуагим проникнуть сквозь запертую на засов дверь. Представь себе: он приходит, устанавливает шампуры, но он же должен уйти! А как он закроет за собой дверь на засов изнутри?

— У меня есть версия, — сказала Кора. — Но мне хотелось бы выслушать свидетеля.

— Нет свидетелей, нет и не было! — торжествовал император.

Кора подошла к телевизору и нажала кнопку видео. На экране шел мультфильм. Кора переключила программу — начался порнофильм.

— Этого нам еще не хватало! — захохотал император. — Лучше, Кора, оставайся у меня в наложницах, и мы будем с тобой делать такие фильмы.

— Где же кассета? — спросила Кора.

— Если вас интересует кассета господина предсказателя, — произнес детский голосок от двери, — то я ее вынул, чтобы она не попалась на глаза императору Дуагиму.

Маленький герцог протянул Коре кассету.

Растроганная Кора наклонилась и поцеловала герцога в щеку. Тот покраснел и сказал:

— Они на вас накинулись, а я решил: если им достанется пленка, то тогда они ничего не будут бояться.

— Что за пленка? — спросил император.

— Это показания Парфана.

— Не может быть! Он не успел!

— Когда вы ночью штурмовали его виллу, он переместился ко мне в номер гостиницы и отдал кассету. Он боялся вас, и не зря...

— Как же я недосмотрел! Надо было тебя сразу убить!

Кора подошла к телевизору и вставила кассету. На экране вновь возникло грустное лицо Александра Александровича Парфана, человека респектабельного, причесанного на пря-

мой пробор, всегда при галстуке и жилетке. Талантливого изобретателя, но слабого и корыстного царедворца, оттого так горько погибшего. Парфан продолжал говорить:

— ...расстался с императором, пожелав ему спокойной ночи. И только собирался сам пойти в постель, как раздался шум. Я ринулся в лабораторию к копии постели императора, на которой тот спит в своей башне. И каково же было мое удивление, когда я увидел господина Дуагима, наследника престола. Он поднялся с ложа и спросил меня, где можно вымыть руки. Руки у него были окровавлены! Я понял: это кровь нашего законного владыки!

— Врет! Все врет! — закричал Дуагим. — Это подстроено. Он этого не мог сказать! Выключите его!

— Подождите, — сказал Милодар так, что император, кинувшийся было к экрану, остановился на полдороге. — Пускай он кончит!

Словно подчиняясь приказу, Парфан оторвал ладони от лица и, не скрывая текущих по щекам слез, продолжал:

— Этот мерзавец ничего от меня не скрывал. Он бахвалился своим преступлением, полагая, что я никогда никому не посмею о нем рассказать. Он сказал, что прошел в башню с шампурами и вертикально установил их на ложе императора. Он рассудил, что если император возникнет на ложе, то шампуры окажутся у него внутри и убьют Эгуадия. Так и случилось. Он видел, как тело императора материализовалось на ложе, — император лишь успел издать ужасный крик, заглушенный стенами башни, и, обливаясь кровью, умер. Тогда Дуагим скинул его с ложа, сам лег на окровавленные простыни и очутился в моей лаборатории. Он был радостен, как испорченный ребенок, он потирал окровавленные руки, он приплясывал, потому что его план удался! Теперь, сказал он, мы припишем это загадочное убийство землянам, и никто не подумает, что в башню можно проникнуть не снаружи, а из вчерашнего дня... Он потребовал, чтобы я его напоил. Он напился, и тут я понял, что он убьет и меня. Может, не сегодня, а когда почувствует, что от меня исходит угроза разоблачения. Ведь Дуагим понимает, что, если ему придется выбирать между машиной времени и властью, для него важнее власть. Империя! А я слишком много знаю. И сейчас, когда приехала госпожа из Интер-Гпола, я понял, что мои дни сочтены...

— Выключи его, — усталым голосом произнес император. — Слушать противно эту клевету.

Кора выключила телевизор.

— Эту пленку мы будем беречь пуще своего ока, — сказал Милодар. — Дай ее сюда.

Император сделал шаг, чтобы отнять кассету у Коры. Он сообразил, что Кора не сможет отдать кассету голограмме — изображению человека, которого здесь нет. А Кора здесь одна — ее некому защитить.

Вдруг он увидел, как пальцы Милодара сомкнулись на кассете и она исчезла из комнаты.

— У нас есть некоторые профессиональные секреты, — улыбнулся Милодар. — Так что, я надеюсь, первый указ, который сегодня утвердит император Дуагим, предпишет освободить всех землян. Второй...

— Какой второй указ? — спросил Дуагим. — Почему вы замолчали?

— О вашем отречении, — тихо сказал Милодар.

— Нет! Я всю жизнь стремился к этому!

— Даже императоры должны подчиняться некоторым человеческим законам, — сказал Милодар. — Спокойной ночи.

Кора не стала прощаться с императором и Гимушкой. Но, увидев в холле сидевшего в кресле полковника Аудия Реда, которому накладывали гипс на сломанную руку, она сказала:

— Не всегда следует проявлять инициативу, коллега.

Аудий Ред заскрежетал зубами.

Маленькая герцогиня подбежала к Коре, и Кора поцеловала ее в щечку, чтобы ей не было обидно. Нянька в рогатой шляпе проворчала:

— Наши дети не целуются с простолюдинами.

— Господи, няня, какая ты идиотка! — вздохнула маленькая герцогиня. А ее братик добавил:

— Скорей бы в лицей! Вы не представляете, как нам надоело домашнее образование.

Кора оглянулась. Кот Колокольчик, угадав, кого она ищет, выскочил из-за кадки с пальмой и подбежал к ней.

Кора подошла к стойке, узнала, что ближайший космический корабль к Галактическому центру уходит через три часа, и пошла наверх собираться. Потом она купила ошейник и намордник котику и дала телеграмму бабушке Насте:

«Вологодская область. Великогуслярский район. Деревня Пьяный Бор. Орват Анастасии Тадеушевне.

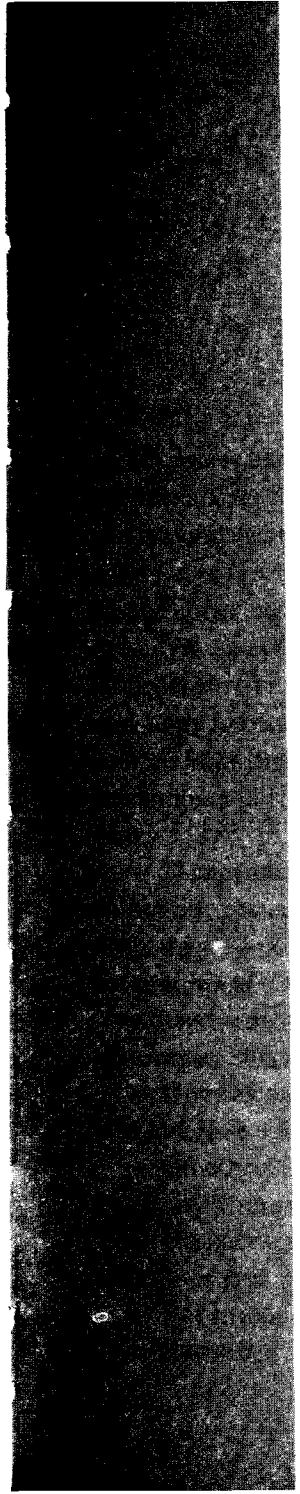
Прилетаю послезавтра. Приготовь коврик, привезу с собой котика. Твоя любящая внучка Кора».

Подлетая к Земле, Кора включила в каюте телевизор. Передавали последние новости. Две из них касались Коры.

«На Нью-Гельвеции произошла революция. Народ сверг тирана Дуагима, в президенты вот-вот будет избран известный демократ герцог Кальяри...»

«Из антарктического центра ИнтерГпола сообщают о страшной трагедии, постигшей известного комиссара Милодара. Одна из его юных жен, Джульетта, отравила его из ревности к своей сестре Макбетте. В настоящее время комиссар находится в реанимации, осваивает свое новое тело».

— Всюду жизнь! — сказала Кора котику. Тот был сыт и доволен. Глаза его смежились, а из груди вырывался мерный рокот.

ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

Из своей поездки на планету Нью-Гельвеция Кора Орват привезла кота Колокольчика, существо пушистое, добродушное, сообразительное и привязчивое. У Колокольчика был один недостаток, который был очевиден для всех, кроме самой Коры: котик был ростом с немецкую овчарку, а при нужде мог прыгнуть на десять метров. Когда он мурлыкал, окружающим казалось, что включили отбойный молоток. Колокольчик обожал Кору и готов был защищать ее от всех врагов сразу. Но комиссар Милодар, прямой начальник Коры, категорически возражал против того, чтобы Кора взяла котика на Южную Педанту.

— Ты летишь на мирную цивилизованную планету, — говорил он, расхаживая по гостиной своего скромного дома в Абрамцеве. — Хороша ты будешь, когда появишься там со своим монстром.

Котик, который лежал у ног Коры, приподнял голову, приоткрыл зеленый глаз и не мигая уставился на комиссара.

— Почему вы его не любите? — спросила Кора. — Колокольчик никогда никому не причинил вреда.

— Он объявлен вне закона Лигой защиты собак, — поправил Кору Милодар.

— Несчастному песику не следовало кидаться на Колокольчика из-за угла. Котик даже не заметил, как его проглотил.

— Вот именно, — сказал Милодар.

— Давайте я не полечу на эту Педанту, — предложила Ко-

ра. — Я еще не догуляла отпуск, баба Настя меня ждет. Отпустите меня, комиссар.

— Я бы рад, — ответил комиссар. — Но, к сожалению, преувеличенная слава обгоняет твои действительные возможности. Правительство и народ Лиондора просят, чтобы мы прислали именно тебя.

— Тогда только с котиком, — быстро сказала Кора. — Он мне спас жизнь на Нью-Гельвеции, и я обещала всегда брать его с собой в командировки.

Котик заурчал так, словно включили двигатель танка. Он все понимал, но не умел разговаривать.

Молодая жена Милодара Макбетта, бывшая синхронная пловчиха, даже дома не расстающаяся с прищепкой для носа, принесла кофе. Она осталась в комнате и слушала разговор старших.

— Я думаю, — гнусаво сказала она, — что в твоем котике, Кора, заключен заколдованный принц. Или король. Это бывает.

Котик перестал урчать и негромко мяукнул, не спуская взгляда с прекрасной пловчихи.

— Не мели чепухи, Макбетта! — оборвал жену Милодар.

— Не хами, ты за это поплатишься, — предупредила Макбетта. — И если я до тебя не доберусь, то это сделает моя сестра.

Милодар поежился. Он уже жалел, что в прошлом году женился сразу на двух близняшках, синхронных пловчихах Джульетте и Макбетте. Макбетта отличалась бешеным характером, Джульетта была доброй, сдержанной, покладистой, но безудержно ревнивой. Месяц назад она уже отравила мужа, но Милодар ее, разумеется, простил.

Макбетта показала издали седому красавцу мужу небольшой сверкающий стилет и покинула комнату. Колокольчик поднялся было, чтобы последовать за этой женщиной, но Кора прикрикнула на него, и котик улегся у ее ног.

— Боюсь, что в прошлой моей жизни я был псом, — сказал Милодар. — Что-то у меня не складываются отношения с кошками.

Кора подумала, что Макбетту он, очевидно, относит к кошкам.

— Расскажите, что там произошло на Южной Педанте, — попросила Кора, чтобы увести разговор со скользкой дорожки.

— Неприятная история, — откликнулся Милодар, который тоже был рад переменить тему разговора. — Можно сказать, трагедия для правительства и народа Лиондора.

— Говорите проще, — попросила Кора, почесывая котика за ухом.

— На Южной Педанте, — продолжал комиссар Милодар, словно не слышал замечания своего агента, — расположено десятка два государств и королевств. Лиондор — далеко не самое большое, но зато самое древнее из них. В том государстве есть национальная реликвия — небольшая стая драконов.

Милодар включил экран, и на нем Кора увидела весьма неприятного вида чудовище изумрудного цвета, с мордой ископаемого динозавра. При дыхании из ноздрей вырывались струйки дыма и, как показалось Коре, вспышки пламени. Лениво и величественно поглядев на экран, дракон, словно его попросили об этом, расправил свои гигантские перепончатые крылья и торжественно пыхнул черным дымом.

— Сытый, — заметил Милодар. — Когда они голодные — чистый огонь идет.

— Какой размер? — спросила Кора.

— Высота в холке до десяти метров. Но обычно они куда мельче, метров пять-шесть. Зато среди них встречаются двух- и трехголовые уроды, они относятся к особо ценным хищникам, занесены в Золотую книгу редких животных Галактики.

— Они где живут? В лесу?

— Насколько мне известно, — ответил Милодар, — в природе драконов давно уже нет. Драконов разводят в неволе. Раньше, когда страной правил король, на драконах летали его гвардейцы. Сейчас драконов осталось мало, они плохо размножаются и часто болеют, да и королей уже нет. Но драконы остаются символом государства. И раз в году, на День Вели-

чия, драконов выпускают в полет над столицей. Это, скажу тебе, незабываемое зрелище.

— Они приручаются?

— Да, они приручаются. И, несмотря на их репутацию, драконы миролюбивы и даже добры! Особенно привязываются к тем, кто их кормит.

— И что случилось?

— Погоди, не торопи меня. Я должен сказать, что в последние годы, став республикой, Лиондор переживает трудные времена. Среди политиков и экономистов бытует мнение продать всех драконов богатым развитым соседям и пустить деньги на развитие современной промышленности. Но, разумеется, общественность против. Особенно возражают национал-патриоты. Они приводят в качестве аргумента старинное предсказание: «Когда последний дракон покинет Загон, погибнет страна Лиондор». Примерно так... я не силен в поэзии.

Милодар произнес последние слова с горьким чувством человека, у которого только один недостаток и он лелеет его, чтобы не вознестись на небо ангелом. Но Кора знала, что вознесение живьем на небо Милодару не грозило: помимо поэзии, он ничего не смыслил в музыке, живописи и хороших манерах.

— И что же произошло?

— Драконы стали исчезать.

— Куда?

— Никто не знает. Из семи государственных драконов уже исчезло четыре. По состоянию на сегодняшнее утро.

— А как их держат? В зоопарке?

— Моя крошка заинтересовалась, — констатировал комиссар. — Вот прилетишь в Лиондор, там тебе все расскажут.

— Только с котиком.

— Только без котика.

— Почему же?

— Потому что первый же дракон сожрет твое животное.

Котик фыркнул. Не боялся он заморских драконов.

— С таким же успехом он может сожрать и меня, — заметила Кора.

— Не исключено, — согласился Милодар. — Такие случаи в нашей практике бывали. Но ты сама избрала себе такой путь. Так что терпи.

— Спасибо. Буду терпеть до последней клетки моего тела.

Милодар критически оглядел свою подчиненную. Все видимые клетки тела Коры Орват были вполне привлекательны. И хоть на беседу со своим начальником она явилась в скромном стального цвета платье, а единственным украшением на ней была нить розового жемчуга, аура соблазнительницы была неотделима от Коры. И уже не раз ИнтерГалактическая полиция использовала это качество своего агента № 3 в интересах справедливости.

В разговоре комиссара и Коры наступила пауза. Задание было получено, дружеский совет комиссара учтен, котик лежал у ног Коры и делал вид, что дремлет, в кабинет заглянула Джульетта с кувшином шербета, но Милодар отослал ее прочь ленивым движением руки...

— Итак, — сказал он, поднимаясь, — место на лайнере «Тайна Тускароры» тебе забронировано. Каюта второго класса...

— Опять второй класс! Без ванны!

— В этом году я получил уже два выговора за перерасход валюты, — мягко возразил Милодар.

— Но я не сомневаюсь, что моя командировка оплачивается Лиондором.

— А налоги! — вскинулся Милодар, который не выносил, когда его ловили за руку. Милодар, как и все руководство ИнтерГпола, не тратил лишних копеек на подчиненных. — А комиссия по проверке при Организации Объединенных Планет? А ревизия? А твои идеалы, наконец?

Обращение к идеалам было последним аргументом Милодара. В любом споре. С его точки зрения, все агенты ИнтерГпола должны были состоять в идеалистах. На него же это правило не распространялось.

— Если во втором классе, — твердо сказала Кора, — то вместе с котиком.

— Но ему билета не будет! Повезешь за свой счет. Это чуть больше твоего годового гонорара.

Котик вздохнул, поднялся и вышел из комнаты. Он понял, что это путешествие ему придется пропустить.

— Так бы и говорили с самого начала! — огрызнулась Кора. — И не надо было ссылаться на Лигу защиты собак.

Милодар был доволен. Он всегда радовался, когда мог сэкономить деньги своей организации.

— Желаю тебе успеха, — произнес он искренне. — Возвращайся скорей. И умоляю, без нужды не подходи к драконам.

— Я постараюсь, — сказала Кора.

— Суточные и билеты получишь у Сильвии-Луизы, — напомнил он. — Дай я тебя поцелую на прощание.

Он положил сильные руки ей на плечи и притянул Кору к себе. Его голубые глаза смеялись, от загорелой кожи пахло хорошим мужским одеколоном. Прохладные обветренные губы коснулись уголка ее губ...

Кора чуть отстранилась и спросила:

— А сейчас вы голограмма или на самом деле?

Будучи осторожным и предусмотрительным человеком, Милодар редко кому показывался в истинном виде. Злые языки утверждали, что это случается лишь на супружеском ложе, хотя и его жены не могут дать такой гарантии.

— Эх, — Милодар легонько оттолкнул Кору и вернулся к своему креслу, — испортила такую песню!

— Когда вылетать? — спросила Кора, улыбаясь одними глазами. Она была рада, что смогла вывести из себя этого бессовестного комиссара.

— Машина ждет внизу, — ответил Милодар, закуривая гаванскую сигару. Последнее слово осталось все же за ним.

* * *

На космодроме республики Лиондор Кору встречали высшие чины государства. Они были одеты одинаково, ибо в той стране издавна существуют строжайшие правила соответствия одежды обстоятельствам. На пир, на свадьбу, на рождение, на похороны, на встречу бабушки на вокзале или на встречу тети в морском порту существуют свои правила. Рождаясь, каждый гражданин Лиондора получает толстую, переплетенную в кожу Книгу Одежд. Это Главная Книга Жизни. Теперь, когда в стране временно господствует демократия, казни за грубые ошибки в одежде и тюремное заключение за ошибки незначительные отменены. Но это не означает, что их можно допускать, — система штрафов осталась и действует, хоть и не столь эффективно, как система страха. Многие недовольны происходящими в стране событиями, но некоторые безрассудные граждане, особенно подростки, принялись надевать что придется, бросая вызов обществу. И потому с каждым днем все громче раздаются призывы патриотов: «Вернуть стране порядок и страх! Без этого мы скатимся в бездну анархии».

Разумеется, безответственных подростков на космодроме не было. Несколько человек, в основном пожилых, были облачены в темно-синие сюртуки, блестящие черные котелки с прикрепленными к ним позолоченными значками, изображающими Землю. На левом плече у каждого располагался спящий жук Рестиния Регус, символически обозначающий просьбу оказать помощь в беде, а обшлага были обшиты тонким белым кантом, указывающим на траур потери. Остальные детали туалета встречавших, хотя и важны для взгляда лиондорца, для наших читателей не так существенны.

— Мы рады приветствовать вас на нашей земле, — сообщил от имени встречающих Кораллий, десципон Загона, второй конверций реанимозы.

Кора с трудом разбиралась в чинах и должностях этих людей, так как, помимо схожей одежды, они соблюдали схожее, предусмотренное этикетом выражение лиц. Лишь фотографическая память Коры, проведшей сутки в каюте второго класса лайнера «Тайна Тускароры» за изучением местной прессы, энциклопедии «Кто есть кто в Лиондоре» и «Большого толкового словаря выражений и обычаев лиондорского об-

щества», помогла ей приблизительно отличать хотя бы десципонов от парраниев различного ранга.

— Не теряя надежды на то, что ваше чуткое сердце, мадам Кора, отзовется на нашу беду, мы в то же время не смели надеяться на то, что вы сможете уделить малую толику вашего драгоценного времени...

Рядом с десципоном стоял немолодой бледный мужчина с редкими волосами, зачесанными поперек лысины, и в коротких штанишках со штрипками. Он негромко повторял речь десципона, глядя при том на Кору.

У десципона был тоскливый, занудный голос, словно он выговаривал нерадивому ученику. Кора перестала вслушиваться в бесконечную речь и украдкой оглядывала первый клочок Лиондора, который попал в поле ее зрения. Разумеется, космопорт — не самое типичное место для того, чтобы ознакомиться со страной, но все равно он лучше, чем все энциклопедии, вместе взятые. Вот сидит у стены джентльмен в высоком черном цилиндре и полосатом костюме. Он играет на лютне что-то грустное и занудное, как речь десципона, вот вереница девочек в серых платьях с белыми воротничками, пританцовывая, пересекает зал. Впереди — девица постарше, платье у нее подлиннее, а воротничок желтый. Все это что-то значит, но Кора не помнит что! А вот женщина под такой плотной черной вуалью, что кажется, будто она носит чадру, и в черных очках, одетая в бесформенную брезентовую тогу, подпоясанную черным широким ремнем. А вот и вовсе странное существо — молодой человек в темно-розовом костюме с большой бабочкой, вышитой на груди, и ананасом — на спине.

Мимо джентльмена в черном цилиндре проходит стюардесса с линии «Синяя орхидея». Стюардесса достает из кошелька монету и протягивает музыканту. Не прекращая играть на лютне, музыкант поворачивается так, что перед рукой стюардессы оказывается отвисший боковой карман сюртука. Стюардесса кидает туда монету. Этот ее жест видит одна из девочек, что проходят мимо, девочка бежит через зал к музыканту и пытается залезть к нему в карман. Начальница девочек догоняет

ее, дает подзатыльник, отнимает монету и прячет себе за щеку — вся эта драматическая сцена занимает не более минуты, и свидетелями ее, кроме Коры, оказываются многие пассажиры и иные посетители этого зала, но никого она не удивляет... К женщине под чадрой подходит подвыпивший механик с «Тайны Тускароры». Кора помнила его, потому что он не оставлял ее знаками внимания весь рейс. Он обнимает девицу за плечи, та сбрасывает его руку, оглядывается, но покорно уходит за механиком. Кора вспоминает строки из этнографического справочника: «Проституция считается в Лиондоре пороком особо позорным, и потому женщины легкого поведения обязаны скрывать свои прелести и одеваться так, чтобы ничем не привлекать внимание мужчин. Разумеется, мужчины, наученные опытом, наиболее падки на плохо одетых женщин...»

— Очевидно, вы устали с дороги? — спросил Кору пожилой мужчина в коротких штанах, потому что, заглядевшись, Кора не заметила, как десципон завершил приветствие. Теперь все ждали, будет ли Кора произносить ответную речь.

— О да! — сказала Кора, стараясь воспроизвести наиболее вежливую из интонаций в лиондорском языке. — Я благодарна вам за прием, но я очень устала с дороги и, если возможно, хотела бы отдохнуть.

Все десципоны, паррании, мавляки и вице-карреон, что встречали Кору, принесли ей свои извинения за то, что ей пришлось выслушивать речи, и проводили ее до машины, которая будет отныне в ее распоряжении. У машины расстались. С ней остался лишь немолодой человек в коротких штанишках.

— Я ваш переводчик, — сообщил он Коре. — Я буду вам помогать.

— Спасибо, — сказала Кора. — Но я выучила ваш язык в лайнере. Да и кто в наши дни учит языки, когда любой можно одолеть за сутки?

— Вы совершенно правы, моя госпожа, — согласился немолодой человек. — Но каждый должен выполнять свой долг

до конца. Государство потратило большие деньги на мое обучение. Я до конца дней своих буду ему обязан. Я должен перейти в седьмой разряд, тогда я получу право на длинные штаны. А для этого необходимо удачно отработать с инопланетной делегацией. Вот вы и есть моя работа.

— Значит, мне от вас не отделаться?

— И не мечтайте, — смущенно улыбнулся переводчик.

— Но вы обещаете, что не будете переводить?

— А я вашего языка почти не знаю.

— И не будете мне помогать?

— Запрещено!

— А если я вас очень попрошу? — спросила Кора.

— Только никому ни слова!

Переводчик вздохнул с облегчением. Он был так взволнован, что вынужден был опереться пальцами тонкой руки о плечо Коры.

— Спасибо, — прошептал он. — Мои молитвы были услышаны.

— За что вы меня благодарите?

— Поймите же, госпожа Орват, у нас, в нашей бедной, разоренной, отсталой, но гордой стране, нельзя менять профессию. Если ты выучился на переводчика, то будешь переводчиком до конца своих дней. Но если вы меня попросите лично, я могу исполнять ваши другие просьбы. Вы всем говорите, что я перевожу, а я на самом деле вам способствую!

Он готов был снова и снова повторять свою речь, но Кора, которая все уже поняла, перебила его:

— Как вас зовут?

— Меррони. Меррони Краппиги. Но для вас просто Меррони или даже Мери.

— Спасибо. Зовите меня Корой. Вы умеете водить машину?

— Понимаете, госпожа Кора, — опечалился переводчик, — для вождения машин существуют шоферы. Я же не отношусь к их числу, потому что даже бедный переводчик выше рангом, чем самый лучший шофер, не считая, конечно, правительственных.

— А если попросить?

— Лично?

— Лично.

— Все равно не умею. Всю жизнь хотел, но машина мне не положена.

— Хорошо, водить машину буду я, — сказала Кора, обходя старый, привезенный с Арктура правительственный лимузин и открывая дверцу. — Садитесь рядом.

Рядом переводчик не сел. Переводчикам не положено сидеть рядом с шофером, потому что переводчики куда как превышают шоферов рангом, тем более переводчику не положено садиться рядом с госпожой, которую он обслуживает, потому что госпожа, которую он обслуживает, значительно превосходит его рангом. Положение почти безвыходное, так что переводчик расположился на заднем сиденье, а Кора повезла его в гостиницу.

Некоторые особенности жизни в гордом, но небогатом государстве Кора ощутила в гостинице «Брустоль». Оставив переводчика в холле дожидаться, пока она приведет себя в порядок и переоденется, Кора поднялась к себе в номер «люкс».

Раскрыв сумку, Кора вытащила оттуда чистое белье и рабочее платье, которое соответствовало званию Инопланетной Гостьи высокого разряда, находящейся в Лиондоре с заданием особой важности. Платье она разложила на кровати, разделась и направилась в ванную.

Для того чтобы Кора не ошиблась, на дверях ванной было написано «Мытье» на восьми языках. Кора вошла внутрь и очутилась в крошечной кабинке, где с трудом помещалась дырявая лейка душа. К счастью, в душе была вода, прохладная, но не ледяная, и Кора, которая за свои долгие скитания привыкла, что в гостиницах вообще воды не бывает, отнеслась к такому душу философски.

Когда же она спустилась в холл, переводчик Мери, который читал газету, вытянув в проход волосатые ноги переростка, спросил ее:

— Ну как там, в «люксе»?

Кора отметила, что тон его изменился к худшему и, видно, его придется воспитывать скорее кнутом, чем пряником.

— Отлично, — ответила Кора, — я в жизни еще не видела такого комфортабельного и уютного номера.

Склонившись к стойке, портье улыбнулся ей, и Кора поняла, что каждое ее слово здесь тщательно фиксируется.

— Говорят, здесь есть ванны, — тихо пропел Мери. — Мечта жизни.

— Ах, как жаль, что вы не сказали мне об этом раньше! — ответила Кора. — Я бы показала вам замечательную ванну, которая находится в моем номере!

— Но в будущем...

— В будущем, — Кора первой пошла к выходу, — вы будете иметь возможность поплескаться в ней. Только не забудьте захватить с собой свежее полотенце.

— Разумеется, обязательно!

Портье поманил Кору пальчиком. Был он респектабелен, сух и затянут в костюм, указывающий не только на должность, но и на то, что его мама страдает от артрита, а папа похоронен на Юго-Западном кладбище.

— В чем дело? — строго спросила Кора.

— Простите, дама, — произнес портье с почтительным придыханием, — но посторонним лицам запрещено пользоваться нашими ванными и уборными.

— Спасибо за то, что вы напомнили мне об этом, — вежливо ответила Кора. — Кстати, замечу вам, что при всех достоинствах вашей гостиницы ей свойственны ничтожные недостатки.

— Не может быть!

— Например, советую вам поместить в туалет туалетную бумагу, в ванную — мыло и полотенце, а на кровать — простыни.

— Это клевета...

Но тут в разговор вмешался переводчик.

— Вам позвонят! — прошипел он. И показал пальчиком вверх.

Портье проследил за направлением пальца и нагло ответил:

— Буду ждать.

Когда они вышли к машине, переводчик спросил, глядя в сторону:

— А ванна-то есть?

— Вас это интересует?

— Когда я был мальчиком, мы гуляли мимо гостиницы и моя бабушка говорила, что если я буду хорошо учиться, то когда-нибудь смогу пожить в такой гостинице и помыться в настоящей ванне.

— Там очень неплохой душ, — сказала Кора.

— И за что только деньги берут! — вырвалось у переводчика, который с трудом пережил гибель детской мечты.

Но тут же Мери утешился:

— Зато, — сказал он, — у нас лучшие в мире драконы.

* * *

Лимузин, прозванный Корой скарабеем за зеленоватую солидность и навозные запахи, накопившиеся в его потертых сиденьях за десятилетия честной службы отечеству, два раза глохнул в пути. Коре приходилось тормозить у обочины, открывать капот и распутывать следы предыдущих ремонтов и починок.

При виде красивой молодой женщины, одетой по-иностранному, копающейся в нутре государственного лимузина, вокруг сразу собиралась молчаливая толпа, застенчиво и неотрывно глядевшая не столько на автомобиль, сколько на саму Кору. Прохожие вели себя как сбежавшие от семьи чиновники в порнографическом кинотеатре.

Переводчик Мери ни разу не покинул лимузина, потому что, оказывается, ему не положено было находиться рядом с низкого ранга существом, которое чинит автомобиль. Двойственность Коры его не смущала: в сущности, она была иноземкой, а от иноземцев можно ждать любого безобразия, но собственную репутацию приходилось беречь.

— Зря вы все-таки этим занимаетесь, — сообщил он Коре после второй поломки. — Не очень это прилично. Мы же не знаем, кто там на вас смотрит.

— Вы предпочли бы сидеть в машине и ждать?

— К нам бы обязательно прислали ремонтную бригаду, — возразил Мери.

— Что-то я ни одной не заметила.

— Мало у нас ремонтных бригад, — признался Мери. — Совершенно недостаточно.

Как и положено жителю бедного, но честного Лиондора, он презирал любого иноземца, который уже в силу своего рождения не мог быть достаточно честным и благородным, но в то же время он страшно завидовал той жизни, которую вела Кора, тем мирам, где она бывала, тем вещам, которые она видела или приобретала. Мери тянулся к своей начальнице, но в то же время не мог не презирать ее.

После путешествия через весь город, которое оказалось куда более долгим, чем Кора полагала, они оказались перед воротами Загона.

Въезд в Загон представлял собой некогда великолепное сооружение из кирпича, бетона и мрамора, имитирующее вход в древний рыцарский замок. К башне, в которой скрывались ворота, можно было пройти только по подъемному мосту, перекрывавшему ров. К сожалению, ров давным-давно высох, в нем выросли кусты и даже деревья, доставшие вершинами до моста и подпиравшие его. К тому же посетители Загона считали своим долгом кидать в бывший ров бумажки от конфет, пакетики из-под орехов и другие ненужные вещи. Некоторые из вещей гнили, и потому из рва поднимался легкий запах тления.

Сами ворота давно были открыты, потому что их правая створка сорвалась с верхней петли, а левая осела так, что углом утонула в утоптанной мостовой.

Башня обветшала, мраморные плитки большей частью осыпались и были растащены обывателями, а под ними обнаружились бетон и арматура.

У ворот, торжественно одетые для встречи Инопланетной Гостьи, прибывшей для выполнения своего Долга, стояли оба десципона (бородатый и безбородый), а также старший драконослужитель, драконокормилец и чины бухгалтерии. Начинался дождик, и встречавшие сгрудились под башней, возле переносного столба с надписью на белом квадрате: «ЗАГОН ЗАКРЫТ. КАРАНТИН».

Уже знакомый Коре главный десципон Загона вышел вперед и погладил Кору по плечу в знак нежной любви. Его примеру последовали остальные. Последним этот акт совершил драконокормилец, грузный молодой мужчина со скорбным взглядом, в черной холщовой накидке и котелке набекрень. Кора подумала, что этот кормилец наверняка недокармливает драконов.

— Мне переводить? — спросил переводчик Мери, когда десципон начал приветственную речь.

— Можете не стараться, любезный, — остановила его порыв Кора.

— Счастье, которое испытываем мы, скромные служители драконьего фронта, — талдычил десципон, — при виде столь высокой гостьи, которая нашла время, чтобы посетить нас и заглянуть с нашей помощью в глубь проблемы, которая, хоть и может показаться ничтожной в масштабе тех свершений и дел, которые свойственны современному Лиондору, беспокоит нас, работников Загона, так как для нас нет дел мелких и ничтожных...

Кора кашлянула.

Десципон сделал паузу и почесал седую бороду, намереваясь продолжить речь. Мери понял кашель Коры как указание к действию. Он сделал шаг вперед и возвестил:

— Госпожа агент Кора Орват с благодарностью выслушала речь господина десципона и готова проследовать для осмотра Неповторимого Загона.

Господин десципон замолк и остался стоять с полуоткрытым ртом, так как правила игры были нарушены, а в таком случае он не знал, что надо делать. Тогда инициативу взял в

свои руки второй, безбородый десципон, явный либерал и, может быть, диссидент.

— Пойдемте, — сказал он, — с утра ждем.

Они проследовали в Загон, своего рода зверинец, однако приспособленный для одного лишь вида хищников.

Миновав низкую арку башни, они оказались в широком проходе, огражденном с обеих сторон толстыми железными решетками. За решетками располагались загоны для драконов, подобные тем, что устраивались в зоопарках для белых медведей: площадка, покрытая песком и щебенкой, спускающаяся к небольшому бассейну с несвежей водой, по сторонам и сзади круто поднимающаяся стена, в которой полукругом чернел вход в пещеру — убежище зверя.

Пока глаза Коры обозревали пустые загоны для драконов, ее ноздри судорожно сжались, стараясь не пропустить внутрь застарелую вонь, заполняющую эту местность. Коре представилось, что драконы живут здесь несколько сот лет и упорно гадят под себя, к тому же страдают несварением желудков.

— Сюда и детей водят? — спросила Кора саму себя, но Мери услышал и тут же спросил у десципона:

— Водят ли сюда на экскурсии детей и подростков, уважаемый десципон?

Престарелый первый десципон растерянно обратился к драконохранителю, тот посмотрел на драконокормильца. Толстый кормилец ответил:

— Детей сюда и водят. Очень помогает. Особенно если непослушный ребенок.

— А где же драконы? — спросила Кора, мечтавшая об одном: уйти отсюда, улететь с этой планеты как можно дальше и никогда в жизни не искать более драконов.

— Здесь был Ослепительный. — Кормилец подвел Кору к картинке, нарисованной на жестяной табличке, прикрепленной к решетке. Кора потрогала ржавый прут решетки — толщиной он был с человеческую руку, что заставляло с уважением относиться к силе драконов.

Кормилец дернул за рукав переводчика, и тот пришел Коре на помощь.

— Вот здесь, — сказал он, — вы видите изображение обыкновенного дракона, проживающего в нашем Загоне.

— Вы читайте, читайте! — попросил переводчика кормилец.

— Читаю! — Переводчик не любил, когда им помыкали. Кора и без него могла все прочесть, но не стала вмешиваться во внутренние проблемы Лиондора.

Дракон обыкновенный.
Кличка Ослепительный.
Возраст сто шестьдесят три года.
Окрас голубой с коричневым.
Размах крыльев шестнадцать метров.

— Вы меня слушаете, госпожа Кора?

— И его украли? — спросила Кора, разглядывая табличку.

Дракон на ней не казался страшным и даже внушительным. Таких драконов она сама рисовала в детстве, изображая освобождение принцессы славным рыцарем Георгием.

— Исчез, — сказал кормилец. — Пропал, и нет следов.

Он показал на дверцу в решетке. Дверца была не заперта, а лишь привязана веревкой, чтобы сама не открывалась.

— Хорошо, я потом осмотрю загоны, — сказала Кора, с завистью думая, как хорошо было бы здесь молодым женам комиссара Милодара. Ведь они синхронные пловчихи, у них носы зажаты прищепками. Им что смрад, что аромат — один черт.

Процессия направилась к следующему пустовавшему загону, и драконокормилец, уперев пузо в решетку, внятно прочел биографию и габариты следующего дракона, судя по рисунку, отличавшегося от первого лишь цветом — родился темненьким. Мери уверенно повторил текст на плохом русском языке. Мысленно Кора его несколько раз поправила, дивясь лени или бездарности переводчика.

Решетка третьей клетки была снабжена засовом и висячим замком.

— Он там, — сообщил кормилец.

Все остальные служители Загона согласно наклонили бородатые головы, качнули соответствующими случаю шляпами. Дракон был там.

Его загон ничем не отличался от прочих, если не считать большой кучи зеленого кала, лежавшего у маленького водоема. Это придавало загону обжитой уютный вид.

— Дракон Смирный, — сообщил кормилец, но прижиматься к решетке не стал, а читал текст на табличке, отступив от решетки:

Дракон восточный обыкновенный.
Возраст восемьдесят два года.
Окрас бурый с оранжевыми подпалинами.
Размах крыльев девятнадцать метров.
Отличается недоверчивым нравом.
Крайне опасен.

Что скрывалось за недоверчивым нравом, Кора узнала тут же, как завершилось чтение. Дракон, видно, решил показаться гостье.

Из широкого пятиметрового жерла пещеры послышалось сдержанное рычание, похожее на раскат отдаленного грома. Гром стал приближаться, и затем из пещеры вырвалась струя светлого, но страшно вонючего дыма. И наступила долгая пауза.

Люди молчали. Дракон тоже не спешил. Может быть, приглядывался к Коре — по крайней мере, ей показалось, что сквозь клубы дыма она видит сверкание желтых яростных глаз.

— Ну, давай, давай, — тихо сказал дракону переводчик Мери, будто сам никогда раньше не видал драконов.

И тогда дракон выпрыгнул на площадку. Выпрыгнул, вылетел, выскочил — любое сравнение будет бессильным перед той вспышкой энергии, которая исходила из закованного в каменную чешую рыжего с оранжевыми подпалинами чудовища.

Правда, о подпалинах Кора в тот момент не думала. Ей по-

казалось, что рассерженный дракон Смирный сейчас разнесет ко всем чертям жалкую решетку ограждения и сожрет агента ИнтерГпола и всех служителей зоосада, включая своих дорогих кормильцев.

Не в силах остановить свое неумолимое движение, дракон пронесся через весь загон и врезался челюстью и грудью в ограду, которая затрепетала, словно шелковая сетка, — но, правда, удержала чудовище.

Увидев, что решетка устояла и презренные муравьи, именуемые людьми, остались целы (хоть и умчались прочь), дракон закрутился по площадке, поднимая густую пыль, затем поднял повыше украшенный острыми шипами хвост и принялся увеличивать зеленую кучу.

— Жаль, что наш ветеринар по драконам уволился, — вздохнул кормилец, который пережидал атаку дракона рядом с Корой у пустого загона. — Третий день несварение желудка. Я уж его, крокодила, кормлю-кормлю! Ничего не помогает.

— Он кормит, — откликнулся из пустого газетного киоска десципон. — У нас все поставлено на щедрую ногу. Вы не представляете, скольким приходится жертвовать ради наших зверьков.

Последнее слово он произнес громко и певуче. Каким-то образом дракон услышал голос начальника Загона и пустил в его сторону тонкую серую струю дыма, которая достигла десципона. Его лицо и руки почернели, и старичок с жалобными криками убежал прочь.

— Иногда мне кажется, — произнес кормилец, медленно поднимаясь на ноги и помогая подняться Коре, — что эти твари что-то соображают. Но вообще-то они безмозглые.

— А как считает наука? — спросила Кора.

Служители и хранители тоже поднимались из пыли, отряхивались и при том сквозь зубы, но внятно хулили дракона, который не обращал на них никакого внимания. Судя по всему, его мучили колики. Оттого он пускал дым, издавал звуки и рычал.

— Продолжим экскурсию? — задорно спросил толстый драконокормилец.

— Они все такие? — спросила Кора.

— Другие крупнее, — ответил кормилец.

— Ах, — произнес откуда-то издали бородатый десципон. — Наша гостья, наверное, уже устала и хочет передохнуть. Давайте пригласим ее в нашу скромную столовую для сотрудников.

— Я полагаю, что руководство Загона совершенно правильно поднимает вопрос о заботе о нашей гостье. От имени правительства я полностью одобряю это решение, — заговорил где-то скрывавшийся ранее Мери.

Никто не обратил внимания на филиппику Мери, а Кора, преисполнившись гордыни, решила не подчиняться этой несмелой публике. Ее задача заключалась в поисках драконов, а не в дружбе с десципонами.

— Большое спасибо, — сказала Кора, поднимаясь с земли и отряхивая с платья пыль. — Однако, к сожалению, я вынуждена отложить на некоторое время радость общения с вами. Мы еще не обошли все клетки и загоны.

Общий стон разочарования был ответом Коре, но она умела игнорировать мужские мольбы. Дракон Смирный повернул жабью голову и оскалился. Желтый глаз горел, как огонек зажигалки. «Какое счастье, что я послушалась Милодара, — подумала она, — и оставила котика с бабой Настей. Ведь попади он сюда, кинулся бы меня защищать — и не было бы у меня котика».

Третий загон также был пуст, и Кора отложила на будущее читку сопроводительной таблички. Она знала уже, что из семи драконов четыре пропали бесследно, а три все еще находятся в Загоне. Одного она уже видела. Остальных обязана была увидеть. Ведь прежде чем выяснить, как драконы пропадают, сыщик должен понять, насколько хорошо их охраняют и возможно ли их украсть. Следующий шаг — понять, кому это выгодно.

Пока Кора рассуждала таким образом, все хранители и

кормильцы уже поднялись на ноги и нехотя потянулись за Корой, которая подошла к клетке, на которой была надпись:

Дракон королевский, гибридный.
Самка Ласка.
Возраст пятьдесят лет.
Масть белая, в крапинку. Глаза голубые.
Уникальный экземпляр.
Размах крыльев двадцать метров.
Горда. Не кормить, не дразнить.

На этот раз пришлось долго ждать, прежде чем драконихa проснулась и соблаговолила выйти. Служители и руководители Загона кричали на нее, звали, умоляли, обещали лакомства, угрожали — но из черного зева пещеры не раздавалось никаких звуков.

— Может, тоже исчезла? — неуверенно спросил десципон, но кормилец отрицательно покачал головой:

— Я ее сегодня видел, бегала по загону, клянчила. Вы же знаете ее нрав.

— Отвратительный нрав, — согласился десципон.

Кора не вмешивалась, ей хотелось стать незаметной, своей, обычной — тогда и только тогда она сможет заглянуть в души людей. Ведь как бы ни исчезали драконы, почти наверняка у преступников были сообщники в самом Загоне — иначе сюда не проникнешь и не выведешь дракона. Правда, наглядевшись на Смирного, Кора вообще усомнилась в том, что возможно куда-то вывести дракона, способного погубить взвод тяжеловооруженной пехоты.

— Слушай, кормилец, — сказал первый десципон, почесывая узкую жидкую бороденку, — а сбегай-ка ты на кухню и принеси оттуда...

— Каши?

— Нет, мяса.

— О нет! — вырвалось у одного из смотрителей.

— Пока еще я здесь начальник! — вскричал десципон. И, отстегнув от пояса связку ключей, он протянул ее толстому

кормильцу, произнеся: — Желтый, большой — от холодильника.

— Что едят драконы? — спросила Кора.

— Маленьких непослушных детишек! — весело откликнулся толстый кормилец и побежал прочь.

Из пещеры так никто и не появлялся.

— Зря вы такая настойчивая, — сказал переводчик. — Вам же надо с этими людьми работать в тесном контакте. А если они вас невзлюбят?

Вскоре появился драконокормилец. Он нес вилы с насаженным на них куском мяса размером с ботинок.

Почему-то его появление вызвало приступ печали среди стоявших вдоль решетки сотрудников Загона. Чего нельзя было сказать о драконе.

Со страшным ревом из пещеры выскочила драконихa Ласка — существо в самом деле необыкновенное и прекрасное в своем пресмыкающемся уродстве, белое в синий горошек, словно одетое в любимый парижский сарафан Коры, большие голубые глаза сияют, красный рот приоткрыт, и розовый язык размером с матрас нервно облизывает ровные пики белых зубов...

— А сколько они живут? — спросила Кора шепотом у переводчика, глядя, как кормилец просунул вилы сквозь решетку, а Ласка несмело, будто не верила своему счастью, приблизилась к решетке с той стороны.

— Сколько они живут? — передал переводчик вопрос Коры одному из десципонов.

— До четырехсот лет, — ответил десципон. — У нас в крайней клетке долгожитель. Триста пятьдесят. Но он чаще всего спит.

— Значит, Ласка совсем еще ребенок, — произнесла Кора.

Никто не возразил.

Большой белый ребенок вблизи оказался не столь прекрасен, как при первом взгляде. Покрытые чешуей бока дракона ввалились, живот практически прилип к хребту, ноги и брюхо

измазаны в помете, а движения дракона были неуверенны — казалось, что эта юная громадина вот-вот упадет.

— Что с ней? — спросила Кора. — Вы ее не кормите, что ли?

Никто ей не ответил. Вилы дрожали в руках толстого кормильца. Не доходя двух шагов до решетки, Ласка вытянула вперед длинную шею и сложила трубочкой губы. Дотянувшись до мяса, она резким движением выбросила вперед язык, сорвала мясо с вил и кинула в пасть. Затем, к удивлению Коры, которая думала, что Ласка проглотит этот кусок мяса, словно муху, драконихa принялась перекатывать во рту, дегустировать кусок, как воспитанный ребенок редкую конфету трюфель.

Глаза драконихи заволокло белой пленкой, по телу пробегали залпы сладострастной истомы.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Кора у десципона, — а если бы дракон смог убежать отсюда, куда бы он делся?

— Убежать нельзя!

— Но если...

— Если бы убежал, — сказал кормилец, отбрасывая в сторону вилы, — то в Древний Волшебный лес, который начинается за Хребтом Независимости, в трех спареках от города.

— И бывали такие случаи? — спросила Кора.

— Исключено! — воскликнул десципон.

Ласка наконец проглотила мясо и тихонько, совсем по-собачьи завыла.

— Она же голодная! — вырвалось у Коры.

— Вы с ума сошли! — возразил десципон с бородой, явно готовый к такому обвинению. — Мы с вами сейчас пройдем в мой кабинет, и вы увидите все документы. Мы ведем строжайший учет всех продуктов и витаминов, которые выдаются нашим дорогим крошкам. Там есть все — от гороха до печени трески. Ни один дракон не засыпает голодным — вот наш лозунг!

— Лицемерит она, — сообщил толстый кормилец. — На жалость вас берет. Видит, приехал кто-то из Галактического центра, проверка, комиссия, можно поживиться! Вы не представляете, насколько они коварны!

— Но ведь вы только что утверждали, что драконы — безмозглые пресмыкающиеся!

— Это тоже правильно! — ответил кормилец. — Они и такие бывают, и такие. Как им выгодно! У, ублюдки!

В ответ на этот возглас сзади отозвался рычанием мучимый поносом Смирный, взвизгнула с ненавистью Ласка, и из дальней пещеры донесся рык старожила.

— Пошли дальше? — спросила Кора, чем повергла в смущение всех своих хозяев.

— Но зачем? — спросил десципон с бородой. — Разве вы чего-нибудь еще не видели? Обед уже остыл.

— Остался всего один дракон, — разумно возразила Кора. — Дракон-долгожитель. Должна же я увидеть дракона-долгожителя!

И она направилась к следующему, пятому загону, потому что была уверена, что долгожитель слышит ее и подсматривает за тем, что происходит у загона с Лаской.

Долгожитель сразу вылез из пещеры, как только Кора к ней приблизилась. Не надо было даже читать табличку, чтобы понять: и в самом деле дракон прожил большую и сложную жизнь. Одно крыло было надорвано, глаз вытек, кое-где зеленая и серая чешуя осыпалась, как изразцы с печки, обнаружив бурую пупырчатую кожу. Шел старик неуверенно, пошатывался, прямиком добрался до решетки и стал лизать ее, давая понять, что и он не прочь бы полакомиться мясом, как молодая соседка.

— Его не надо покормить? — спросила Кора.

В голосе ее звучало искреннее сочувствие, и, услышав его, дракон взвыл. Ему вторили Ласка и Смирный.

— Ну-ну, паршивец, — прикрикнул на него кормилец, а десципон погрозил дракону серебряным посохом.

Кора кинула взгляд на табличку. Дракона звали Небесным Оком. Так и было написано: «Небесный Ок». Кора решила, что надо будет обязательно спросить, что это означает — только ли опечатку в слове «Око» либо какой-то местный термин.

— Теперь мы можем пойти пообедать? — раздраженно спросил десципон.

— Да, — сказала Кора. — Только скажите мне, пожалуйста, когда вы кормите драконов?

— Два раза в неделю, — быстро ответил десципон. — Но до отвала. В природе драконы ведут такой же образ жизни: сначала нажираются до отвала, а потом спят до следующей охоты.

— Да, кстати, когда состоится следующая кормежка?

— Когда? Когда? — Все смотрели друг на друга, а ответил толстый кормилец:

— Завтра состоится. Завтра мясо привезут. Они и нервничают, потому что подходит их срок.

— Вот видите! — укоризненно сказал первый десципон. — А теперь можно идти обедать?

— Пошли, пошли, — ответил за всех переводчик Мери.

Кора подчинилась столь настойчивому желанию большинства.

* * *

Обед был подан в обширной бухгалтерии Загона — общий стол был сдвинут из канцелярских столов, а шкафы с многочисленными ящиками и ящичками высились вдоль стен, как официанты. Коре еще не приходилось участвовать в таких бедных совместных пирушках, потому что на Земле, как известно, не принято питаться на службе — для этого есть кафе и рестораны. Да и как можно пировать без чистых салфеток и приборов? Разумеется, на пикнике за городом обстановка иная, но и туда нормальные люди берут с собой одноразовые пластиковые тарелки и вилки, одноразовые скатерти и иные полезные одноразовые вещи. За этим стоит простая философия: еда — это уничтожение питательных продуктов, то есть действие одноразовое, ибо нельзя дважды прожевать один бифштекс. Следовательно, то, что прилагается к пище и способствует ее ликвидации, должно быть одноразовым. Этот принцип Ананды Раджкумара разделяется далеко не всеми жителями Земли, ибо среди них есть немало гурманов, полу-

чающих наслаждение от еды на севрском фарфоре тяжелыми серебряными вилками и ножами.

Канцелярские столы, сдвинутые вместе, образовали один длинный разновысокий стол, покрытый большими листами белой бумаги и салфетками, так как, видно, одной большой скатерти в Загоне не нашлось. На столе в ряд расположились разномастные блюда и тарелки с нарезанными овощами, редькой, принявшей здесь розовый цвет картошкой, салатом и иными простыми закусками, центральное место среди которых занимала колбаса. Между тарелок и блюд перед каждым из гостей стояла небольшая тарелка и ложка с заостренным краем, которую, как Кора знала, в простых домах использовали как вилку и ножик.

На столе также стояли бутылки. Четыре бутылки с прозрачной белой жидкостью — очевидно, спиртом или водкой. Именно к этим бутылкам были прикованы восторженные, тревожные, напряженные взгляды присутствующих. Кора поняла, что стремление как можно скорее закончить экскурсию по Загону с драконами объяснялось просто: их ждало угощение, здесь, видно, нечастое, связанное с ее приездом.

Чтобы проверить свое предположение, Кора обернулась к улыбающемуся сладострастной улыбкой переводчику Мери.

— Скажите, это... пиршество, за чей счет оно?

— Ах, оставьте, — прошептал переводчик. — Разве это пиршество? Мы так пируем каждый день...

— Мери!

— Конечно же, на этот обед десципон выбил деньги в министерстве, — сразу признался переводчик. — Вы знаете, мы — небогатая, но гордая страна, и водка у нас очень дорога.

— Все ясно, — сказала Кора. — Тогда пошли за стол.

Служители Загона двинулись к столу, делая вид, что не спешат.

Но глазки у всех горели, и ноги неслись к тем местам за столами, где, скромно поблескивая, стояли литровые бутылки. Кора мысленно произвела подсчет: четыре бутылки, девять человек, она сама не в счет, потому что полицейский никогда не

пьет на задании. Видно, здесь мастера пить! Или водка в бутылках не водка, а легкий напиток.

Дождавшись, пока десципон с бородой опустился на стул во главе стола, рядом с Корой, сотрудники Загона ринулись к столу, начали шумно и весело отодвигать стулья, рассаживаться, стучать ложками, собирая с тарелок салаты и картошку, сталкиваясь вилками над блюдом с колбасой. Но о Коре не забыли: кто-то кинул ей на тарелку два ломтя колбасы. Кто же такой добрый? Кора решила было, что переводчик, — это его долг. Но только тут она заметила, что Мери уселся на другом конце стола, нагло подмигивая ей оттуда, словно сообщнице. Хорошо устроился! Кора поняла, что намерена страшно отомстить ему за эту фамильярность. Он ведь и не подозревал, что попал в услужение к женщине коварной и будет наказан за попытку уклониться от дела.

Звенели стаканы и чашки, куда зоологи и администраторы, счетоводы и снабженцы спешили разлить напиток. Вдруг это оживленное действие прервал короткий авторитетный звон: десципон Загона с бородой поднялся во главе стола и откашлялся. Сейчас начнется еще одна речь — Кора уже знала наизусть, что будет сказано.

— Господа, господа, минутку внимания! Перестаньте греметь посудой! Внимание, внимание!

— Внимание! Внимание! — подхватил сидевший рядом с Корой драконокормилец.

— Мы с вами еще не познакомились, — сказала ему Кора.

Тот страшно удивился. Обратил к ней доверчивый зеленый взор и почесал кончик носа краем стакана.

— Вас зовут Кора, — сообщил он. — То есть дама Орват.

— Но вас? Вашего имени я не знаю.

По смущенному виду кормильца и его нежеланию отвечать Кора поняла, что, вернее всего, совершила какую-то ошибку. Нарушила табу или проявила невоспитанность.

— Господин старший драконокормилец Аполидор! — воскликнул десципон с бородой. — Не отвлекайте госпожу Орват от моего тоста.

— Разумеется, — согласился толстяк и тут же прошептал Коре: — Меня зовут старший драконокормилец Аполидор.

— Нас собрало за этим столом горькое и одновременно счастливое событие. Трагические исчезновения вверенных нам и любимых нами, да, не побоюсь этого слова, любимых нами драконов, но в то же время прилет к нам драгоценной гостьи, полюбившейся нам с первого взгляда госпожи Коры Орват! Когда перед нашим Загоном остановился знакомый нам государственный лимузин...

— Прошу прощения, — перебила десципона Кора. — Прошу прощения. Но на приемах такого ранга речь председателя должна быть переведена синхронно. Для этой цели мне выделен переводчик. Боюсь, что без его помощи я могу упустить нечто важное из сказанного господином десципоном Загона.

— Правильно! — воскликнул счетовод. Но драконокормилец Аполидор тяжело вздохнул, и опытная Кора поняла причину вздоха: перевод отодвинет сладостный момент слияния с прозрачным алкогольным напитком.

Кора строго смотрела на переводчика. Тот растерянно — на нее. Разумеется, он не вслушивался в речь десципона, а спешил наполнить стакан.

— В этот момент... — Мери растерянно замолк и стал настолько похож на старенького мальчика, которого нашлепали при всем народе, что Кора сжалилась.

— Садитесь, — сказала она по-русски. — Попрошу в будущем без фамильярностей. А то накажу.

— Спасибо, — промолвил Мери. Рука его дрожала. — Я боялся потерять работу... с настоящей иностранкой...

— Он будет переводить? — спросил десципон.

— Он не будет переводить, — сказала Кора. — Он забыл слова. А раз без официального перевода ваша речь недействительна, то будем считать ее произнесенной.

— Но, может быть, дама выслушает ее без перевода?

— Я бы не рискнула, — доверительно ответила Кора. — А вдруг кто-то из ваших сотрудников сообщит куда следует?

— У нас таких нету! — гордо произнес десципон, после чего уселся на свое место и замолчал надолго.

— Можно начинать? — спросил счетовод.

— Давайте, — сказал расстроенный десципон и опрокинул в рот чашку водки.

И тут словно прорвало плотину. Все забыли о Коре и принялись наперегонки уничтожать салат, картошку, но главное — колбасу и водку. Из любопытства Кора пригубила водку — водка оказалась в меру крепкой и плохо очищенной. За столом царило деловое молчание, и Кора не пыталась его нарушить. Она понимала, что пройдет несколько минут, и языки у людей, ближе всех на этой планете знающих драконов и, возможно, даже знающих тайну их исчезновения, развяжутся. И тогда надо будет внимательно слушать.

Второй по рангу десципон, без бороды, поднялся, чтобы произнести тост, но его оборвал первый десципон, разумно полагавший, что если ему не дали сказать речь, то и он никому не позволит этого сделать. Далее никто не пытался сказать речь, но время от времени кто-то из драконоблюстителей тянул к Коре стакан или чашку и кричал: «За ваше здоровье!» Кричал искренне и душевно, потому что водка всем нравилась.

— Не понимает она! — сокрушался старший десципон, все еще не в силах пережить своего унижения. — Переводчика сюда!

И начинал ей жестами объяснять — вот, мол, какая ты хорошая! А какие мы хорошие!

По знаку второго десципона Аполидор поднялся с места, подбежал к нему, пошептался и приблизился к Коре.

— Горячее позволите подавать?

— Я здесь гость. Делайте как положено.

— Спасибо, — прошептал Аполидор, склонившись к ее уху. Зеленые глазки сверкали от выпитой водки. Внимание, Кора, осторожно! Они все уже пьяненькие.

Аполидор выбежал из комнаты.

Постепенно уровень шума в комнате поднимался... Уже не так спешили наливать, не столь быстро работали челюсти —

как будто все взбежали на перевал и теперь можно было оглядеться, прежде чем начать неспешный спуск.

Аполидор вернулся и сел на свое место.

— Скажи госпоже Орват, — обратился он к переводчику, — что сейчас принесут горячее.

— Вы слышали, госпожа? — спросил Мери, стараясь перекричать растущий шум. — Вам перевести?

Кора не ответила, лишь коварно улыбнулась. Мери был жалок. Ничего страшного, пускай и дальше боится потерять место.

Она обратила внимание, что Аполидор чуть улыбается, одними глазами, как удачно нашкодивший мальчишка. Толстяк не так безобиден, как кажется поначалу.

Открылась дверь, и внесли горячее.

Сначала шествовала строгого вида женщина в толстых очках и длинном платье, формально изображавшем тоску по мужу, скончавшемуся в позапрошлом году. Она несла большой медный поднос, на котором лежала гора нарезанного крупными кусками мяса.

Следом шагала черноволосая смуглая коротышка в платье, говорящем о ее желании отыскать себе достойного жениха с высшим образованием, которая несла кастрюлю с горячей картошкой.

Наконец, сзади семенила девочка, в одной ручке державшая большую солонку, в другой — банку с каким-то соусом.

Мужчины принялись собирать пустые тарелки, чтобы отдать их женщинам. Аполидор сказал:

— Первая — это наш главный бухгалтер, вторая — уборщица, а девочку зовут Мелой, Мелочкой...

Голос его звучал нежно...

— Она ваша дочка? — догадалась Кора.

— Дочка, — прошептал Аполидор.

— А почему они с нами не сядут за стол? У вас не принято?

— Почему не принято? Принято. Только мест мало. А они уже поели, раньше нас поели, на кухне, пока готовили, правда?

Тем временем началась большая дележка пищи — слышались восхищенные возгласы.

— В жизни не видел столько мяса сразу! — воскликнул счетовод.

— Может, вы дракона зарезали? — спросил Мери.

Его шутка была всеми услышана. Попала на тихую паузу. И за столом воцарилось зловещее молчание. Один за другим драконоблюстители оборачивались к переводчику и пронзали его ненавидящими взглядами. Это была ненависть страха. Но ни один из них не произнес ни слова. Словно все ждали слов того, кто имеет право ответить на это страшное, но ожидавшееся обвинение.

И тогда девочка Мела произнесла:

— Драконов есть нельзя. У них мясо ядовитое. Даже собаки дохнут. Это всем известно.

— Ну уж не всем! — воскликнул Мери. — Ну уж не всем!

И тут как плотину прорвало. Драконоблюстители принялись кричать на переводчика, доказывать, махать руками, даже угрожать расправой, переводчик отмахивался от них, движения у него были мальчишеские, но не дворового, сильного и ловкого мальчика, который умеет лазить по пожарной лестнице и даже ходить по карнизу, а того, домашнего, при бабушке и няне, который не научился свистеть и кидать камешки. Короткие штанишки весьма соответствовали переводчику.

Пока эта суматоха продолжалась, Кора заинтересовалась девочкой. Та спокойно стояла у стены между двумя канцелярскими шкафами и наблюдала за взрослыми. Легкая улыбка застыла на ее тонких губках.

Мела была худа, куда худее, чем положено быть десятилетнему ребенку, словно целью ее жизни было отрицать внешнее благополучие и щекастость ее папы. Одета девочка была в простое серое вязаное платье, но Кора не знала, имеет ли такое платье какое-нибудь формальное значение, — ей вообще не пришлось читать о значении одежды у детей. Черные разношенные туфли были так велики Меле, что пятки шлепали при ходьбе. Туфли сообщались с подолом платья посредством

двух палочек толщиной в палец, которые звались ногами. Такие же тонкие руки торчали из рукавов платья. Пальцы их были испачканы, а ногти обкусаны. Волосы были собраны в две темно-рыжие косицы, завязанные тонкими голубыми бантиками. Косички были заплетены так туго, что оттягивали кожу и без того впалых щек и делали глаза раскосыми. А вообще-то глаза у Мелы были большие, зеленые и наглые.

Кого же она напоминала Коре?

Конечно же! Так рисуют человечков пятилетние дети. Ручки, ножки, огуречик, вот и вышел человечек!

Девочка почувствовала упорный взгляд Коры и обернулась к ней.

— Ты много знаешь про драконов? — спросила Кора.

— Как все, — ответила девочка.

— А откуда ты знаешь, что драконов есть нельзя?

— А у нас в этом году Дуролоб подох. А Кутька отравилась.

— Собака?

— Какая собака? Кошка! Чуток пожевала и подохла.

— Может, она не от мяса подохла?

— А вороны? Которые тогда слетелись, они же тоже — ноги кверху!

Общий гул царил в комнате, будто там собралась не дюжина, а по крайней мере полсотни человек. Женщины, которые принесли пищу, остались в комнате и тоже ели мясо. Водка кончилась, но откуда-то появились еще две бутылки, на этот раз с красным вином. Аполидор подсел к Коре.

— Хорошая у меня девочка? — спросил он.

— Хорошая. А почему вы ее не угостите?

— Я не ем мяса, — сказала девочка, — принципиально не ем. Потому что кто ест мясо, он обязательно убивает. Вы меня понимаете?

— Я тебя понимаю.

— А вы убиваете?

— Я стараюсь не убивать.

— Я уж бился, бился, к врачам водил. Мама у нас погибла, мы вдвоем живем, — пояснил кормилец.

— Отольются им мои детские слезки! — загадочно произнесла девочка. Глаза ее были сухими и строгими.

— Поешь салатику, девочка, — сказал Аполидор.

Кора поняла, что он постоянно чувствует себя виноватым перед дочкой и вынужден оправдываться перед каждым встречным в том, почему Мела такая худенькая да болезненная, — не морит ли он ее голодом. Особенно если сам он такой цветущий.

Кора ждала, что он начнет оправдываться, — не может быть, чтобы он не постарался объясниться... Она решила предупредить оправдания.

— В ее возрасте я была еще худее, — сказала она, — меня в школе звали скелетиком.

Это было неправдой, потому что в школе ее звали пышкой, но сейчас ложь могла помочь — ей хотелось быть милосердной по отношению к этому неладному семейству.

— Правда? — спросила девочка.

— Правда. — Кора посмотрела ей в глаза. Агент ИнтерГпола должен лгать так, что его не засечет ни один детектор лжи.

— Правда, правда, — обрадовался Аполидор. — А посмотри, теперь какая стала! — Он попытался показать руками, но смутился и покраснел.

Десципон с бородой подошел, чуть покачиваясь. Он желал поднять этот скромный бокал за здоровье нашей спасительницы, великого специалиста по поиску драконов...

Кора милостиво выпила со стариком.

— Мы в ужасном положении, — сообщил десципон, клонясь к Коре. Глаза у него стали оловянными и неподвижными. — Нам никто не верит. Даже правительство.

— Но почему же? Ведь раньше вам верили?

— Экономическое положение в Лиондоре оставляет желать много лучшего, — рявкнул десципон в ухо Коре — она еле успела отшатнуться.

Мела и ее отец сидели по другую сторону Коры. Аполидор заставлял дочь есть жареную картошку. Она отворачивалась, морщилась, но все же ела.

— Нам все время урезают кредиты на питание. Знаете ли вы, что нам приходится переводить драконов на растительную пищу? Драконы болеют, отказываются класть яйца. Ведь это проблема номер один! Еще шесть лет назад мы продали в зоопарки Миандрии и Пролима четыре оплодотворенных яйца. Два дракона до сих пор живут в Миандрии.

— Я думала, что во всей Галактике только в Лиондоре сохранились драконы.

— Мы — родина драконов. Они очень плохо существуют в других местах и совершенно не размножаются. Но иногда в хороших условиях они могут жить десятками лет в зоопарках.

— Но с планеты их вывезти нельзя?

— Пробовали, несколько раз пробовали. Ни яйца, ни новорожденные особи не переносят космических путешествий. А для взрослого дракона еще не придумали каюты... Так что у нас они последние...

Десципон допил водку и закручинился.

— Когда драконов больше не будет, его выгонят на пенсию, — сообщила Коре девочка, которая постепенно проникалась к ней доверием. — Их всех выгонят. А может, и к стенке поставят. Ведь нужны виноватые. У нас всегда так: нашли виноватых, и все хорошо. А настоящие виноватые в лимузинах ездят. Понимаете?

— А ты как думаешь, куда деваются драконы? — спросила Кора.

— А кто их знает, — неопределенно ответила девочка. — Значит, уводят.

— Значит, — сказала Кора, — кто-то открывает клетки, кто-то ведет дракона по Загону, потом через башню в город и через город... Пешком?

— Не, — сказала девочка. — Драконы-то летучие! Ты забыла, тетя Кора?

— Они в самом деле летают? Я читала в «Драконономии», что драконы летают только в период спаривания.

— Точно! — подтвердил захмелевший Аполидор. — В этот самый период!

— Период спаривания, — заявил трезвым голосом десципон с бородой, — у наших драконов бывает каждый месяц.

— И продолжается больше недели.

— Вот что значит читать книги, — сказала Мела, — читаешь-читаешь, а на самом деле ничего не знаешь. Я поэтому в школу не хожу, боюсь лишнему научиться.

Отец смотрел на дочку с гордостью. Он думал, наверное, что у него растет самая умная девочка на планете. Так случается с родителями. Особенно с родителями-одиночками, лишенными критического взгляда партнера.

— Значит, — проявила настойчивость Кора, — ты думаешь, что кто-то открывает загон, выводит дракона, а потом он летит?

— Дракон просто так не полетит, — сказал десципон. — Он полетит, только если перед ним летит самка.

— Значит, он все же не летает, — сказала Кора.

— А если очень голодный, а ты ему кусок мяса покажешь или целую корову, он и без самки полетит, — сказала Мела.

— Это — антинаучная чепуха! — воскликнул счетовод, который подошел к ним, обгладывая кость. — Эта теория, выдвинутая Пронькисом, никем и нигде не доказана.

— А я вот выпущу дракона, — сказала девочка, — он и полетит. Они же кушать хотят.

И как бы в ответ на ее слова совсем рядом, будто за стенкой, раздался нарастающий, как рев падающего самолета, рык дракона. Задрожали стекла. Бухгалтерша с десципоном без бороды, которые танцевали, задирая ноги, от неожиданности свалились на стол, переводчик Мери проснулся и вскочил, прижимая ладони к ушам, кто-то из драконослужителей уронил и разбил стакан с вином, отчего громко заплакал.

— Кормиться просит, — спокойно сказала девочка.

— Так вы бы покормили, — обратилась Кора к Аполидору. — Вы же драконокормилец.

— Вы хотите сказать, что я толстый, потому что драконов объедаю? Это не так! Я такой толстый с раннего детства. Меня можно вообще не кормить, я все равно толстым буду.

— Мама папу вовсе не кормила, хотела, чтобы похудел, — сообщила девочка, — а он был толстый, честное слово.

— С кого спрашивают? — продолжал Аполидор. — Всегда с кормителя. А я что, не понимаю? Я готов в загон войти, только он сожрет меня, не поперхнется. Я не могу смотреть, как они мучаются! Иногда думал: может, отравить их, чтобы не мучились? Но не могу. Знаете почему? А потому что я добрый.

Девочка встала, наклонилась к Коре и сказала ей на ухо:

— Он преступник, но не потому, что плохой. А потому, что корма все меньше дают из-за экономического положения, а штат в Загоне все растет. Понимаете?

— Нет.

— А всех кормить надо. Обязательно. И десципонов, и их родственников. Бухгалтерша тоже голодает — утроба ненасытная. Все после службы сумки волокут. Сегодня папу заставили кусок мяса Ласке кинуть, так Ласка мяса уже неделю не пробовала, а это мясо из папиного пайка вынули. У нас страшная жизнь, такая жестокая, просто ужас. И все за свое место держатся. Это такое счастье, что драконов ни в коем случае кушать нельзя, а то бы их давно всех сожрали.

— Значит, ты думаешь, что дракона можно увести из Загона? — спросила Кора.

— Можно, — уверенно ответила девочка. — Если очень захотеть, то можно. Только сожрет тебя дракон, пока ты его уводить будешь. Они же не приручаются. Они как лягушки с зубами, крокодилы.

— А мне показалось, что они соображают.

— Соображают, пока заманивают.

— Ты их не любишь?

— А за что их любить? Кто их знает, никто не любит. Это я точно говорю. И если вам будут говорить, что дракончики такие миленькие, что они такие трогательные, что о них надо заботиться, то не верьте. Врут.

Девочка говорила визгливым, злым голосом, как взрослая.

Переводчик Мери покачивался возле стола, закрыв ладонями уши, хотя рев дракона прекратился. В такой позе он и

пошел прочь, забыв попрощаться с Корой. Кора проводила его взглядом — кривые мальчишеские ноги торчали из коротких штанишек — жалкий человек, несчастный, закомплексованный...

— А сам дракон улететь мог? — спросила Кора девочку.

— Если бы он улетел, его бы сразу увидели: когда дракон в небе летит, все видят, — резонно заметила девочка.

— А ночью?

— Ни днем ни ночью дракон улететь не может, — сказал Аполидор. — Для того чтобы подняться в воздух, дракону надо совершить разбег в двести метров. Это наверняка в вашей «Драконономии» написано.

— Но я думала, что наука может отстать от жизни, — сказала Кора. — Ведь оказалось же, что драконы могут летать, если голодные.

— Это мелкие сказки, — сказал драконокормилец.

Он поднялся, положил мягкую ладонь на голову девочке.

— Нам пора, — сказал он. — Завтра рано вставать.

— Учитель музыки придет, — доверительно сообщила девочка. — Но я всегда молюсь утром, чтобы он под машину попал. Ни разу еще не попал. Может, завтра попадет.

— Как нехорошо! — вырвалось у Коры.

— Знаю, — согласилась девочка. — Знаю, но молюсь. Пускай меня потом накажут, а пока он под машину попадет. Можно не до смерти, только чтобы руки покалечило.

И, получив подзатыльник от отца, девочка направилась к выходу.

Кора хотела было последовать ее примеру и уйти, но тут к ней подскочил счетовод и пригласил на танец. Счетовод был сильно пьян, и Кора никак не могла понять, в чем же смысл танца. Может, в том, чтобы счетовод трогал руками различные части ее тела?

Чтобы немного охладить пыл счетовода, Кора спросила:

— Вы не возражаете, если я завтра просмотрю ваши книги?

— Какие книги? — Блудливые руки счетовода опустились.

— Книги, в которых вы записываете, какие продукты для кормления драконов вы получаете.

— Нет таких книг! Все сдали в казну, — быстро ответил счетовод.

На его счастье, танец закончился. Счетовод быстро и деловито подошел ко второму десципону и сказал:

— У меня заболела тетя. Завтра на службе меня не ждите.

И быстрыми шагами покинул комнату.

Кора тоже подошла к безбородому десципону и сказала, что устала с дороги и хотела бы удалиться в гостиницу.

Тот не возражал. В отличие от прочих он был трезв и мрачен. Остальные сотрудники Загона сидели обнявшись в углу на полу и пели хором бравую песню.

Десципон проводил Кору к выходу.

— А вы как думаете? — спросила Кора. — Куда делись драконы?

— Их выманивают куском мяса, — сообщил десципон. Он говорил, как человек, хорошо продумавший свою версию. — Выманивают. А в мясе — снотворное. Дракон засыпает перед башней. Дальнейшее — дело техники. Его грузят на платформу и увозят в горы.

— Зачем?

— Чтобы продать в Миандрию.

— А кто-нибудь видел хоть одного украденного дракона в Миандрии?

— Миандрия велика, — ответил десципон.

Они вышли из административного корпуса на площадку, откуда начинался проход между решетками. Далеко в конце прохода последний из фонарей освещал арку в башне.

— Спят драконы, — рассказывал десципон, чтобы развлечь и просветить Кору, — обычно на открытом месте. В пещерах они таятся только днем. Вот видите, Небесный Ок, наш долгожитель.

Дракон, спавший, свернувшись в клубок, посреди загона, поднял голову и негромко тявкнул, как бы спрашивая: «Не желаете ли меня покормить?»

— А вот тут спит Ласка. Это она ревела. Я ее голос знаю. Сжился я с драконами, полюбил их, грозные, но гордые создания.

Ласка лежала, вытянувшись во всю длину — от решетки до стены. Голова была в рост человека.

— И они обладают разумом? — спросила Кора, вспомнив о предупреждении девочки.

— Разумеется!

Десципон замер.

В следующей клетке, где должен был находиться Смирный, никого не было.

Кора поняла испуг десципона.

— Может быть, он в пещере?

— Глупости! — резко ответил десципон.

Он подошел к решетке и потянул на себя один из прутьев. Оказалось, что перед ним дверь. Вязко сопротивляясь, дверь приоткрылась.

— Вот видите, — укоризненно произнес десципон. — А вы говорили!

Десципон откинул полу сюртука, и Кора увидела, что к поясу прикреплен длинный электрический фонарь. Он отстегнул его.

— А вдруг он на вас накинется? — спросила Кора. Ей неприятно было стоять у приоткрытой двери в клетку дракона.

— Не говорите глупостей! — Директор включил фонарь и, светя перед собой, пошел к пещере. Луч фонаря был ярким и узким — он пронзил темноту пещеры, и Кора убедилась, что пещера пуста. А больше дракону было негде спрятаться.

Кора сказала директору:

— Я попрошу вас дальше не идти. Здесь могут остаться следы преступника.

— Какие, к черту, следы! У нас из семи драконов всего два осталось! Завтра меня уберут на пенсию. И заслуженно.

— И тем не менее, — попросила Кора так, что десципон не смог отказать в этой просьбе, — оставайтесь здесь, заприте клетку и никого не пускайте внутрь.

Под светом фонаря расплывшаяся зеленоватая плюха навоза засверкала бриллиантами. Вонь от нее шла несусветная.

Десципон сопротивлялся еще три минуты. Больше всего его огорчало то, что коллектив драконьего загона пил водку и танцевал в то время, когда украли дракона.

Потом он отдал ключ Коре.

Они вернулись в административный корпус, чтобы сообщить о пропаже в полицию. Кора подняла сонного и плохо понимавшего, чего от него хотят, начальника столичной полиции, чтобы тот установил посты на основных дорогах, ведущих из столицы в Миандрию и к горам. Они должны были осматривать очень большие фургоны и платформы.

Начальник полиции был уверен, что ничего в них не найдут.

И, конечно же, не нашли.

* * *

Кора была уверена, что стоит ей добраться до номера, она тут же заснет.

Ничего подобного.

Было не поздно, но портье улегся спать на диванчике в холле, накрывшись серым солдатским одеялом. Когда Кора разбудила его, он долго не мог сообразить, где находится и зачем этой женщине понадобились ключи. Потом он долго искал ключ и вспомнил, что он у коридорного. Коридорный ушел домой. Искали дубликат ключа. В номере явно кто-то уже пошуровал, к счастью, видно, служба безопасности, а не воры: вещи перевернули, но оставили на месте. Пропал только очень нужный аппарат «ищейка», который мог выслеживать жертву по запаху. Видно, его приняли за порнопередатчик.

Пошатываясь от усталости, Кора втиснулась в душ, включила его. Вода полилась тонкой коричневой струйкой, затем в душе что-то всхлипнуло, и вода прекратилась.

Кора попыталась дозвониться портье и выяснить, нельзя

ли пустить воду, но тот, видно, снова улегся спать и к телефону не подходил.

Злая, как фурия, Кора улеглась в постель. Белье пахло прелью сырого склада. Сон не шел.

Что же она узнала в Загоне? На примере Смирного она поняла, что украсть дракона было невозможно. Калитка, сквозь которую в клетку проник десципон, была слишком мала, чтобы пропустить дракона, а большие ворота были закрыты на замок. Ворота в крепостной башне также были заперты, гости с праздника уходили через маленькую калитку. Надо будет поискать подземный туннель, подумала Кора. И тут же поняла, что эта версия родилась от безнадежности.

Но если нельзя было увести Смирного, то как можно было увести еще четырех драконов, каждый высотой в двухэтажный дом, а длиной в железнодорожный вагон? Разгадка должна быть парадоксальной, идиотской, очевидной, лежащей на виду. Но где лежащей?

* * *

Коре снилось, что она летит над Крымом, сидя на шее драконихи Ласки, опершись спиной о костяной гладкий гребень. Внизу проплывают скалы Симеиза, кто-то знакомый машет от кромки воды, а вдоль полосы прибоя громадными прыжками мчится гигантский домашний кот Колокольчик. Ласка спускается ниже, норовя схватить Колокольчика острыми треугольными зубами. Но тут перед ними обнаруживается толстая решетка, сквозь прутья которой необходимо пролезть, иначе настигнет девятый вал соленой черноморской воды...

Звонил телефон, старомодный, побитый, обмотанный, чтобы не рассыпался, изоляционной лентой. Проморгавшись, Кора поглядела на часы. Три часа ночи. Еще этого не хватало!

— Госпожа Кора Орват? — Голос чуть слышно доносился сквозь электрические разряды.

— Кто это? Кто?

— Вам звонят из полицейского управления. Вы меня слышите? Из полиции. Да, да, из полиции. Мы нашли вашего дракона. Вы слышите?

— Это не мой дракон!

— Неважно, мы его нашли! Только он дохлый! Вы сможете приехать?

— Я здесь первый день. Как мне найти вас в три часа ночи, куда ехать?

— Мы не можем прислать за вами машину. У нас только одна патрульная, вторая сломалась. Вы меня слышите? Семнадцатая стража Загородного шоссе. Семнадцатая стража — вы меня поняли?

— Я ни черта не поняла.

— Мы вас ждем. Семнадцатая стража Загородного шоссе. Приезжайте, а то протухнет.

— Его убили?

— Кого убили? Вас беспокоят из полиции, вы меня хорошо слышите?

Разъединилось...

Конечно, это мог быть шутник, но вряд ли: слишком просто и банально. В конце концов, она не обязана ехать в три часа ночи неизвестно куда смотреть на какого-то дохлого дракона. Ей уже достаточно драконов...

Проклиная себя, свою профессию и всех драконов, вместе взятых, Кора поднялась, оделась и спустилась вниз.

На этот раз портье спал так крепко, что пришлось трясти его минуты три, пока он проснулся настолько, чтобы рассказать, в какую сторону ехать к Загородному шоссе. Но вот объяснить, где семнадцатая стража, он так и не смог.

Кора добиралась до семнадцатой стражи часа два. Во-первых, лимузин не заводился, во-вторых, она пропустила поворот на Главную улицу, от которой и начинается Скотский проезд имени 5 июня, соединяющий ее с Загородным проездом, который и дает начало Загородному шоссе. Само Загородное шоссе было разбито грузовиками или танками так, что

пускать на него нормальные машины было преднамеренным убийством.

Километров через десять Кора увидела впереди свет фар.

К счастью, это оказался полицейский вездеход, который перегораживал дорогу громадному, крытому брезентом фургону. Машины уперли друг в дружку лучи фар, как будто играли в гляделки. В пространстве, залитом светом этих лучей, покачивались давно и устало ругающиеся фигуры патрульных, которым было приказано задерживать и проверять все фургоны на предмет нахождения в них драконов.

При виде Коры все оживились. Полицейские потащили ее к открытым задним дверям фургона, а шофер и низкого роста горбун с интеллигентным лицом, который представился сопровождающим лицом, побежали следом, надеясь что-то объяснить и втолковать.

Под лучами ручных фонарей взору Коры предстало страшное и не сразу понятное зрелище.

До половины фургон был завален кусками мяса, недавно еще мороженого, а теперь размякшего, потекшего черной кровью. Частично мясо лежало в пластиковых ящиках, но большей частью вывалилось. Если это и был дракон, то уже расчлененный на множество кусков и, конечно, освежеванный.

Горбун, поднимаясь на цыпочки, тщился всучить Коре, в которой угадал большого начальника, какие-то бумаги и повторял, что это накладные, что у него все в порядке, можно проверить, спросить у варрана Аурелио, но полицейские, которые чуяли, что им попалась крупная птица, отталкивали горбуна и кричали, что упекут его на двадцать шесть лет «манной каши».

Маленький песик, мама которого, видно, была очень мохнатой, а папа очень кривоногим, взявшись неизвестно откуда, крутился у ног, вылизывая кровь, что сочилась из фургона.

— Я с базы! — кричал горбун. — Это некондиция, понимаете, некондиция! В детские садики везем.

— Это дракон, точно вам говорю, дракон, — уверял поли-

цейский, — они его на куски порезали, а теперь детям повезут.

— Травить вздумали! — взревел второй полицейский.

— Ни в коем случае! — откликнулся горбун. — Мы, может быть, в весе ошиблись или не тем сортом приняли товар, но никогда никого не травили.

— Да что там смотреть, — глубоким басом загудел шофер фургона. — От драконьего мяса любая тварь сразу сдохнет, не знаете разве? — Он показывал на собачонку.

Горбун, сообразивши, что этот песик — его спасение, встал на цыпочки, полез руками в фургон, стал отрывать шмат мяса от большого куска.

— Вы только посмотрите! — бормотал он.

Коре захотелось отвернуться.

Горбун оторвал все же плюху мяса, такую большую, что песику не снилось и в сказочных собачьих снах, и вывалил на асфальт.

Все замерли, глядя под ноги, словно ждали взрыва.

— Не надо, — неубедительно проговорила Кора, — жалко собаку...

— Ничего ей не будет, — сказал шофер фургона, — ну если только обожрется.

Собака урчала, словно заводная. Она рвала мясо, давилась, спешила проглотить, потому что понимала, что такое счастье бродячим собакам не положено, а если дали, то вот-вот отберут. И до этого момента надо урвать как можно больше.

— Дракон, говорите? — Шофер фургона углядел нечто внутри своей машины, потянулся туда — он был высоким, длинноруким человеком. Шофер крякнул, дернул — и Кора поняла, что он держит за рог коровью голову. Тяжелую, черную, с короткими рогами. — Это дракон, говорите?

Полицейский, который настаивал на драконьей версии, пожал плечами и сказал:

— Могли для обмана одну положить, а так дракона везете.

Кора уже понимала, что произошла ошибка, но так как инициатором всего была она сама, то приходилось ждать, по-

ка все кончится. Она не спускала глаз с собачки и соглашалась уже, что собака не собирается умирать и если умрет, то только от обжорства.

Шофер ходил за полицейскими и совал им коровью голову.

Под потолком фургона горела слабенькая электрическая лампочка.

— Неужели вы собираетесь детей кормить таким мясом? — спросила Кора у горбуна, принимая документы и пролистывая их.

Она понимала, что уличить горбуна в жульничестве она не сможет, — для этого надо разбираться в местной бухгалтерии, но на вид документы были составлены кое-как, измяты, перечеркнуты и замазаны. Конечно, это была афера, но афера с коровьими рогами, а не с драконами.

Шофер полез было в фургон поискать еще какую голову, а горбун доверительно сообщил Коре:

— Детям вообще-то вредно много мяса есть, болеют они от этого.

— Они от плохого мяса болеют, а не от мяса вообще, — возразила Кора и получила энергичную поддержку в лице полицейского.

— Я с ними поеду, — пообещал он. — Я с ними вот до этого склада поеду, куда они везут мясо, — сказал он, чем насмерть перепугал горбуна. Он перепугался больше, чем от обвинения в перевозках драконьего трупа. И Кора поняла почему: тут ему грозило обвинение не сказочное и невероятное, а самое обычное житейское, с самыми обычными выводами и наказанием. Если, конечно, не удастся откупиться. Но в это Кора тоже не могла вмешиваться.

— А через какое время действует яд? — спросила она.

— Какой яд? — удивился второй полицейский.

— Через какое время действует драконий яд? — повторила вопрос Кора.

— А кто его знает, — сказал полицейский.

— Но он наверняка действует?

— Я, мадам, драконьего мяса не ел, но говорят, что оно ядовитое.

— Всем известно, — согласился второй полицейский.

Собака ела медленнее, уже утомилась. Ее пошатывало. Коре показалось, что яд начал действовать.

— А вы ее возьмите, — догадался первый полицейский. — Вы ее с собой возьмите и узнаете. Если до утра не помрет, значит, не дракон.

Он позволил себе легкую ухмылку в голосе. Но лицо оставалось строгим и серьезным.

— Вы не беспокойтесь, мадам, — сказал второй полицейский. — Мы их до места довезем, все координаты запишем, зафиксируем. И будем знать, где мясо хранится.

— Ну что же, — без энтузиазма произнесла Кора, — пожалуй, вы правы.

Она подняла в воздух тяжелую собаку: вес собаки плюс два килограмма мяса — это уже немало. Собачка начала было биться, надеясь спикировать обратно к мясу, но потом успокоилась.

Кора кинула собаку на пол перед задним сиденьем лимузина. Попрощалась с полицейскими. Машина завелась сразу: ей не хотелось нюхать этот аромат. Полицейские отдали честь. Горбун тоже поднес пальцы к шляпе. Отъезд Коры принес облегчение всем, кто остался. Теперь они займутся своими делами без посторонних.

По пути в город Кора несколько раз оборачивалась, зажигала свет в машине и смотрела, жив ли песик. Он перебрался на сиденье и, свернувшись в клубок, мирно похрапывал. Во сне он сучил лапами и дергал кончиком хвоста. Он смотрел счастливые собачьи сны.

* * *

Проснулась Кора сразу. За окном было светло, часы показывали половину девятого, звенел телефон, на него звонким лаем отозвалась совершенно живая собачонка. Кора мысленно выругалась — это порой помогает — и тут же, чтобы не расслабляться, спрыгнула со скрипучей кровати и схватила телефонную трубку.

— До-оброе утро! — пропел в трубку голос переводчика Мери. — Как вы спали, мадам Кора?

Не услышав ответа, потому что Кора разговаривала с ним очень грубо, но мысленно, переводчик продолжил:

— Пора вставать, глазки открывать! Солнышко уже встало, лишь наша Кора спит!

— Послушайте, переводчик! — рявкнула Кора. — Какое право вы имеете меня будить? Вы знаете, что я не спала всю ночь?

— Почему? Как... мне никто не сказал!

— А как вам скажешь, если вы вчера напились на работе и вместо того, чтобы обслуживать меня, убежали домой и оставили меня одну?

— Нет, ни в коем случае! Вы меня неправильно поняли! Я организовывал вам программу встреч на сегодня. Это было нелегко...

— Знаете ли вы, что произошло в зоопарке, то есть в Загоне, после вашего бегства?

— Нет, а что?

— А то, что украли дракона Смирного и у вас нет алиби, вам известно?

— Это у меня нет алиби? — перепугался переводчик.

— А у кого же? Где вы были вчера в половине восьмого?

— Да я... да я...

— Смелее, переводчик!

— Я докладывал. Я о вас докладывал! Неужели вы думаете, что я здесь сам по себе? Я же на службе.

— Ну вот и поговорили, — сказала Кора. — Тогда сидите внизу и отдыхайте. Я еще часок посплю, а потом буду готовиться к встрече с вами.

— Это исключено! Через час нас ждет сам господин церрион средней руки.

— Понятнее.

— Министр культуры в вашем понимании.

— А драконы у вас относятся к области культуры?

— Простите, но их военное применение прекратилось шестьсот лет назад.

— Хорошо, — сдалась Кора, — через полчаса я буду внизу. Закажите мне завтрак и тарелку овсянки.

— Тарелку чего?

— Овсянки.

Кора повесила трубку. Песик смотрел на нее, опустив ухо и наклонив голову. Он уже догадался, что его пока не выгоняют, и был готов на любые подвиги для своей богини.

— Как тебя назовем? — спросила Кора, направляясь в туалет. — Если сейчас опять не будет воды, я им всем головы поотрываю!

Песик остановился у двери в туалет, помахивая хвостиком.

— Будешь Пончиком! — сказала Кора и закрыла за собой дверь.

Вода шла, чуть теплая, жидкой струйкой, но шла.

Переводчик, не знавший, что его ждет — гнев или просто выговор, маялся у подножия лестницы. Он кинулся к Коре.

— Завтрак подан, каша заказана! — докладывал он, словно маршал, сообщающий о приближении своего корпуса к Аустерлицу.

Тут он увидел Пончика, который робко семенил за Корой, и брезгливо спросил:

— Это еще что такое? Тварям в гостинице быть не положено.

От звука его голоса очнулся сонный портье и присоединился к Мери:

— С неблагородными тварями вход воспрещен!

Кора, не обращая внимания на их крики, направилась к Мери и повелела царственным тоном:

— Овсянка для Пончика! — И показала на собачонку.

Песик, как и все подобные мелкие животные, чуткий к тону человеческой речи, быстро разобрался в ситуации и с отчаянным лаем кинулся на переводчика. Он подпрыгивал, норовя дотянуться до края коротких штанов Мери, а переводчик отмахивался, как от стаи пчел, и отступал к портье. Портье

выхватил у уборщика половую щетку и встретил песика во всеоружии.

Пончик отскочил за Кору, но лаять не перестал.

— Где ресторан? — крикнула Кора. — Мы идем завтракать!

Переводчик растерянно показал, куда идти, и Кора, сопровождаемая Пончиком, быстро направилась туда. Переводчик и портье бежали сзади и пытались отделить злобного Пончика от Коры, но Пончик был не промах — в результате портье ударил щеткой Коре по ногам, и та, владевшая (в отличие от портье) приемами палавийской борьбы у-ку-шу, вынуждена была сделать выпад и уложить портье на пол.

Переводчик не смел приблизиться к Коре и лишь выкрикивал сзади угрожающие слова.

Кора прошла в почти пустой зал ресторана.

Официант с салфеткой на изготовку склонился в поклоне перед иностранкой:

— Ваш столик направо у окна.

Он-то сделал вид, что не замечает Пончика, потому что иностранцев не следует дразнить и недооценивать их вредности.

Первым делом Кора сняла со стола тарелку с овсянкой и поставила у ножки стула.

— Ешь, страдалец, — сказала она.

Пончик кинул торжествующий взгляд на переводчика.

Тот стоял с оскорбленным видом, не приближаясь к столу. Портье громко и настойчиво шептался с официантом, который не желал пропускать его в ресторан, так как тот не расстался со щеткой.

— Мери, — сказала Кора, — садитесь за стол и разделите со мной трапезу.

Тот только отрицательно покачал головой.

Кора села за стол. Два яйца, булочки, джем — стандартный набор со времен британской королевы Елизаветы Первой.

Она взяла тост и намазала его джемом.

— Послушайте, Мери, — сказала она. — Эта собачка, которая вам так не нравится, сегодня ночью сослужила неоценимую службу нашему следствию, пожертвовав собой.

— Что?

— В то время, когда вы, напившись как скотина, благополучно почивали, мы с Пончиком находились на семнадцатой страже Загородного шоссе, где проводили расследование. Кстати, вам по должности положено об этом знать. При досмотре одного подозрительного объекта требовалось определить, какое мясо в нем находится. Пончик добровольно вызвался помочь следствию. Вы же понимаете, Мери, что, если бы мясо оказалось драконьим, мы бы не видели сейчас рядом с нами этого маленького героя. Он съел мясо и, к счастью, остался жив. Но и сейчас он остается под моим личным контролем. Не исключено, что в любой момент его может настичь коварная смерть. Такова доля наших добровольных сотрудников. Теперь вам ясно?

Переводчик потряс головой, словно ему ухо залило водой. И не ответил.

— Пончик, — сказала Кора, — не отвлекайся. Не каждый день тебе дают по целой корове. Сегодня обойдешься овсянкой.

Пончик вздохнул и обошелся овсянкой.

Переводчик сел за стол, но так и не понял, шутила ли Кора или на самом деле проводила расследование без его помощи. И когда после завтрака Кора поднялась на минутку в номер, чтобы взять плащ, он кинулся к телефону. Оказалось, что Кора права. К Пончику он стал относиться с опаской, хотя не скрывал к нему отвращения.

* * *

В отличие от переводчика Мери, господин церрион средней руки, министр культуры Лиондора, был отлично осведомлен о ночных событиях на семнадцатой страже и роли в них Коры Орват.

Он встретил посетительницу посреди своего обширного кабинета, украшенного по периметру портретами своих предшественников.

— Как мы рады, как мы рады! — сообщил он, подхватывая

Кору под локоток и ведя к креслам. Кресел в углу было всего два. Так что переводчику пришлось стоять сбоку.

— Переводчик нам не понадобится? — спросил церрион.

Он был представителем новой волны политиков и, без сомнения, склонен к фронде. Вместо того чтобы к встрече с Корой натянуть сюртук, он встретил ее в пиджаке. К тому же черные усики министра и длинные кудри совершенно не соответствовали стандарту.

— Русского языка переводчик не знает, — безжалостно сказала Кора, — кроме того — пьет.

— Ах, как не стыдно! — воскликнул переводчик.

Но она теперь уже не боялась, что из-за ее характеристики несчастного пожилого мальчика выгонят с работы. Он служил по тайному ведомству, и министерство культуры ему было не указ.

Церрион также знал об этом, потому что лишь вздохнул и сказал:

— Не буду вас задерживать. Я знаю, что вы спешите в наш Загон, где вчера вечером случилось очередное исчезновение. Можно подумать, будто эти подлецы хотели продемонстрировать вам, что они сильнее и хитрее... Я в бешенстве. Вот так, именно в бешенстве. Подозреваю, что за этими похищениями стоят силы реакции, которые лелеют реванш, стремятся к возрождению старых феодальных порядков... все наши надежды связаны с вами, мадам Орват. Я наслышан о вашем ночном подвиге — нет, иного слова я не нахожу — именно подвиг, и именно ночной. На семнадцатой страже Загородного шоссе.

Взволнованный министр положил пальцы на колено Коры, как бы демонстрируя свою личную, даже интимную, заинтересованность в ее успехе.

— Спасибо, — сказала Кора, — я и на самом деле спешу в Загон.

— Если у вас есть вопросы, просьбы, пожелания, моя дорогая, то я к вашим услугам в любую минуту дня и ночи. Мои координаты, включая домашний телефон, прошу вас принять...

Он протянул Коре визитную карточку.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась к нему Кора, — каково ваше личное, как человека, мнение...

— Я уже ломал голову над этим! — воскликнул министр. — Но не представляю себе, как их смогли вытащить из Загона!

— Я не это хотела спросить, — произнесла Кора мягко, чтобы не рассердить государственного деятеля.

— А что? — Министр был задет тем, что поспешил с ответом и попал впросак.

— Мне интересно: если бы вы, например, приобрели настоящего дракона, куда бы вы его дели?

— Мне не нужен дракон! — вспылил министр. — Я государственный служащий и отлично понимаю ту моральную и материальную ценность, которую представляют драконы для моей бедной, но гордой родины. В день Благодарения Небу драконы взмывают над просторами нашей столицы и несутся к солнцу, покоряя просторы Вселенной... — Министр осекся, увидев недоуменное выражение лица агента ИнтерГпола, и, видимо, мысленно выругал себя. Он ничего не мог с собой поделать — эта красивая, крупная и уверенная в себе женщина вывела его из равновесия.

— И все же, — сказала Кора. — Куда бы преступник дел дракона?

— Не знаю.

— Значит, дракон никому не нужен?

— Драконы нужны... впрочем, я не задумывался над этим вопросом.

— А жаль. Давайте представим себе, что кто-то решил вывезти дракона на иную планету. Ведь существуют империи, готовые заплатить за настоящего дракона в его весе золотом.

— Были попытки вывести драконов из яиц, — сказал министр. — Но ничего не вышло.

— Я говорю не про яйца. А про живого взрослого дракона.

— А на чем вы вывезете такое чудовище? — удивился министр. — Насколько я знаю, в Галактике нет корабля, который мог бы перевозить драконов.

— В Галактике есть гигантские корабли...

— Мадам Орват, эти корабли никогда не опускаются на планеты. Они предназначены для вечных путешествий между звезд. А как вы поднимете дракона размерами двадцать на шесть метров, весом в сто с лишним тонн на лайнер?

На этот вопрос Кора ответить не смогла.

— Хорошо, — сказала Кора, стараясь не дать министру опомниться. — Если вывезти дракона нельзя, то, значит, он останется на планете. Скажите, пожалуйста, есть ли государство на вашей планете, которое готово или способно купить или выкрасть дракона? Для собственных нужд.

— На этот вопрос трудно ответить, — сказал министр. — Очень трудно. С одной стороны...

— Значит, есть, — сказала Кора. — Это Миандрийская империя?

— Я не был бы столь категоричен.

— Если дракон обнаружится в их пределах, вернут ли его вам?

— И это не простой вопрос. Отношения между нами сложились напряженные и не всегда гладкие, существуют разногласия экономического порядка. И даже проблема спорных территорий — архипелага Калара. Разумеется, претензии миандрийцев смехотворны, но тем не менее...

— Понятно, — сказала Кора. — Значит, если драконы заплывут в их море, вы ничего не сможете сделать.

— Разумеется, но в конце концов справедливость восторжествует...

— Теперь, по крайней мере, — сказала Кора, одарив министра очаровательной улыбкой, — я знаю, в каком направлении мне смотреть.

— О, это невероятно!

— А разве вероятно исчезновение дракона из-за решетки толщиной с мою руку?

Министр выразительно пожал плечами.

Кора поднялась.

— Спасибо за то, что вы нашли возможность поговорить со мной.

— Я был рад познакомиться с вами, — ответил министр. — И рад тому, что уже первые ваши шаги указывают на вашу решительность и предприимчивость.

Министр проводил Кору до дверей и повторил на прощание:

— В любое время суток. На службе и дома. Я в вашем распоряжении.

* * *

В Загоне их ждали.

Первый десципон встретил Кору и переводчика у ворот — он выбежал к ним, как только узнал о появлении лимузина.

Одеяние его строго соответствовало моменту. Синий поношенный плащ означал потерю в доме, плоский черный берет показывал всему миру, что владелец его погружен в нелегкие дела службы.

— Как вы спали? — спросил он и тут же продолжил, не ожидая ответа: — Я фактически не спал. Это не только ужасно, это и позор для нашего заведения. Что мы будем делать с двумя последними драконами? Весь мир теперь будет смеяться над нами. Знаете ли вы, что Загон закрыт вплоть до особого распоряжения правительства и газетам запрещено сообщать о пропаже еще одного дракона?

Десципон первым пошел по проходу между клетками к административному корпусу. Лишь в двух клетках еще оставались драконы: Ласка лежала на боку, занимая почти все свободное пространство загона и свесив хвост в бассейн. Она проводила Кору равнодушным взглядом и смежила очи. Небесный Ок вышагивал по окружности своего загона, вынюхивая что-то в пыли.

Остальные загоны были пусты, и калитки в них открыты. Лишь на одной висел замок. И там же на часах стоял полицейский.

— Вы не откушаете с нами? — спросил бородатый десципон.

Коре представился запах перегара и разлитой водки, еще не развеявшийся в кабинете, и она, с трудом поборов приступ тошноты, попыталась вежливо улыбнуться.

— Благодарю вас, я уже завтракала.

— Мы вас ждали с утра.

— Мы посетили господина церриона средней руки по его просьбе, — вмешался переводчик. — Он одарил мадам Кору долгой беседой.

Десципон вежливо поцокал языком.

Кора остановилась у запертой двери в пустой загон дракона Смирного.

— Я попрошу, — сказала она, — никого туда не входить. Я буду одна.

— А переводчик? — спросил Мери, который всегда не вовремя вспоминал о своих обязанностях.

— Переводчик подождет здесь и будет следить за тем, чтобы в загон не попытался проникнуть посторонний. Вы меня поняли?

— Понял, — вяло ответил Мери, но настаивать не посмел.

— Вы дежурили ночью? — спросила Кора у полицейского.

— С двенадцати, — ответил тот.

— Кто-нибудь попытался проникнуть внутрь... или, может быть, были другие происшествия?

— Никто не проник, — ответил полицейский, из чего Кора сделала вывод о наличии попыток и обернулась к десципону.

Тот подергал себя за бороду и сказал:

— Странная ситуация, мадам. Неизвестный старался перелезть в загон через решетку, отделявшую его от пустого загона. Но полицейский заметил движение и издал предупредительный крик.

— Издал предупредительный крик, — подтвердил полицейский и сложил губы трубочкой, словно хотел продемонстрировать этот крик специально для Коры. Та отмахнулась.

— Что было дальше? — спросила она.

— Ничего, — ответил директор.

— Скажите, — спросила Кора, — а можно ли проникнуть в загон с тыла, со стороны пещеры или задней стены?

— Та дверь давно заколочена, — сказал директор. — Я проверил ее сегодня утром. Если кто-то и пытался войти внутрь, то у него ничего не вышло.

— Значит, будем считать, что никто до меня в клетке не побывал.

Десципон подошел к двери, извлек из кошеля на поясе большой медный ключ и повернул в замке. Полицейский внимательно смотрел на руку десципона. Кора оглянулась. За ее спиной стоял понурый Мери, который был удручен очередным унижением, дальше бухгалтерша и счетовод, знакомые по вчерашней вечеринке. Они поклонились Коре, и Кора поздоровалась с ними.

Со ржавым скрипом растворилась дверь, и Кора вошла внутрь, стараясь никоим образом не стереть следов, если таковые сохранились.

Дождей давно не было, поверхность бетонного загона была пыльной, но дракон, бродя по загону, все вытоптал — пыль сохранилась лишь в углах загона и за маленьким бассейном — вернее, бетонным углублением метра в три длиной, достаточным для того, чтобы поболтать в нем кончиком хвоста.

В пыли Кора смогла разглядеть и сфотографировать следы подошв. Она понимала, что от этих следов пользы немного, и пускай ими занимается местная полиция — ведь уборщики и кормильцы бывали в загоне по долгу службы.

У входа в пещеру находилась кормушка — бетонная ванна, углубленная в землю. Эта кормушка и подарила Коре первые улики. Углубленное в бетон пола объемистое корыто было наполовину наполнено каким-то подозрительным на вид серым пойлом либо жидкой кашей, в которой, как обнаружила Кора, пошевелив в пойле валявшейся рядом палкой, плавали свекла, морковь, картофелины, гнилой арбуз и обглоданные кости.

«И это пища гордых драконов, — сказала про себя Кора. — Я бы скорее повесилась».

Десципон, счетовод и иные сотрудники Загона толпились у решетки.

— Вы свободны, — крикнула им Кора. — Можете идти. Я приду к вам потом.

Зрители нехотя удалились, словно ожидали, что Кора извлечет из бассейна или корыта голову дракона.

Вокруг корыта пыль была истоптана, с последнего дождя в засохшей грязи сохранился отпечаток драконьей лапы чуть ли не метрового размера. На борту кормушки застыла каша, но давно ли это случилось, не угадаешь. Тем не менее Кора сфотографировала не только след когтей дракона, но также и многочисленные следы различных мелких тварей, что подкармливались возле дракона, — ворон и воробьев, крыс и мышей.

Не исключено, подумала Кора, что в пище дракона можно будет обнаружить что-то интересное. По крайней мере, сыщик не имеет права упускать даже малую возможность в расследовании.

Кора достала из кармана на поясе тонкий пластиковый пакет и пробирку, которой она зачерпнула пойло, и, завернув в пакет, спрятала в пояс. В пойле мог содержаться яд или снотворное...

В этот момент Кора услышала голос из-за решетки:

— Госпожа Орват, госпожа Орват, вы меня слышите?

У калитки стоял толстый кормилец Аполидор со свернутым в большое кольцо водопроводным шлангом, висевшим на плече, и в серой рабочей фуражке.

— Вы что, Аполидор? — спросила Кора, обрадованная появлением кормильца, потому что именно он сможет ответить на некоторые вопросы.

— Доброе утро! — кричал Аполидор. — Меня не пропускают в загон.

Полицейский и в самом деле всерьез относился к своим обязанностям.

— Пропустите кормильца, — попросила Кора.

Полицейский с сожалением шагнул в сторону. Аполидор

втиснулся в калитку и поспешил к Коре. Он был удручен и потерял розовощекость и жовиальность вчерашнего дня.

— Какое несчастье! — воскликнул он. — Представляете, мы с Мелочкой вчера ушли, я не хотел, чтобы она более оставалась в той пьяной компании. Поэтому я только сегодня утром обо всем узнал. Представляете, ко мне стучится сосед. Вы, говорит, слышали, о чем в газетах запретили печатать? Я спрашиваю: о чем же в газетах запретили печатать? Он говорит: весь город в ужасе, украли еще одного дракона, теперь, наверное, закроют Загон, и начнется война с Миандрией.

— Погодите, — перебила кормильца Кора, — почему война?

— У нас так считается: дракон подох — значит, к войне. А у нас уже пять драконов пропало — значит, будет мировая война, поэтому правительство и запретило публиковать. Все только об этом и говорят.

«Странно, — подумала Кора, поглядев в сторону административного корпуса. — Оказывается, весь город знает о вчерашнем исчезновении дракона, а переводчик ничего не слышал?»

— Для меня это был удар, — произнес Аполидор. Его веки покраснели и опухли, он говорил сбивчиво.

«Может быть, этот человек привязан к драконам? — подумала Кора. — Жалеет их? Или просто боится за свое место?»

— Я знаю, — продолжал Аполидор, — что наши зверушки очень впечатлительны. Если что случится, они нервничают и никого к себе не подпускают. Только я их не боюсь — такая у меня натура. Не боюсь, и все тут. Так что я подумал: пойду в Загон, надо клетки чистить, чего-нибудь вкусненького драконам сообразить. Прихожу, а вы уже тут — я и обрадовался. Значит, теперь драконы в надежных руках, вы так дело не оставите. Правда?

— Я постараюсь. — Кора похлопала его по крутому толстому плечу. — Я тоже вас ждала.

— Что? Я рад вам помочь. — Кормилец смотрел на нее доверчивыми зелеными глазами, веснушки сбежались к носу,

розовые полные губы готовы были либо улыбнуться, либо горестно скривиться — как повернется дело.

— Мне хотелось бы провести анализ пищи дракона, — сказала она.

— Зачем? — испугался кормилец. — Мы их кормим чисто, без вредного. Нет, я против.

— Послушайте, Аполидор, — сказала Кора. — Вы меня неправильно поняли. Я и без вас понимаю, что драконов обкрадывают ради сотрудников Загона.

Аполидор потупился.

— Я знаю, что вместо нормальной пищи они получают пойло со свеклой.

— Но что я могу поделать!

— Я сейчас беспокоюсь не о качестве пищи, я хочу узнать, не подмешано ли что-нибудь в нее.

— Этого не может быть! Я сам проверяю пищу.

— Но ведь вы ее не пробуете.

— Как только вы могли сказать такое! Не дай бог!

— Значит, в пищу могли подмешать снотворное или даже яд.

— Что вы говорите!

— Ведь не только вы имеете доступ к пище. Наверняка у вас есть какая-то кухня, где все это готовят, наверняка кто-то привозит сюда баки или кастрюли.

— Да, у меня есть два молодца, но они очень глупые.

— Вот видите. Значит, мы с вами уже знаем несколько человек, которые могли подмешать что-то в еду дракону.

Аполидор недоверчиво покачал головой. Версия Коры ему совсем не понравилась.

— Наверное, вы знаете о какой-нибудь лаборатории, — сказала Кора, — где могут сделать анализ пищи. Вы же пользуетесь услугами ветеринаров?

— Наш ветеринар взял расчет, — сказал драконокормилец. — Уехал на море и не вернулся. Мне, говорит, своя шкура дороже.

— Я могу попросить провести анализы моих коллег-полицейских. Но я понимаю, что у драконов совсем иной метабо-

лизм. Достаточно того, что их мясо ядовито для других живых существ. Поэтому лучше бы обратиться к специалистам по драконам.

Аполидор растерянно покачал головой.

— Тогда я поговорю с вашим десципоном, — сказала Кора. — Принесите мне какую-нибудь пустую банку. Я сама наберу пойла из корыта.

Кормилец покорно пошел к выходу, но через несколько шагов остановился и обратил к Коре потное жалкое лицо.

— Конечно же! — воскликнул он. — Конечно, вы имеете в виду биохимическую лабораторию Второго института. Правильно?

— Я совершенно не представляю, чем занимается лаборатория вашего Второго института, — ответила Кора.

— Там работает профессор Ромиодор, он директор лаборатории. Конечно, он все для нас сделает.

Переваливаясь, Аполидор побежал к выходу, где в служебной будке у него хранились нужные и ненужные вещи. Там он отыскал стеклянную банку. Кора заставила Аполидора вымыть ее чистой водой, и он побежал к гидранту.

На всякий случай Кора не стала рассказывать кормильцу о том, что сама взяла образец пойла. Кормилец входил в круг подозреваемых.

Возвратился он минут через пять в сопровождении переводчика.

— Я все объяснил господину переводчику Меррони, — сообщил Аполидор. — Он знает. Он одобрил.

Аполидор сиял, словно сдал вступительный экзамен в консерваторию.

— Разумеется, — авторитетно сообщил старенький мальчик. — Это ведущая лаборатория по зоологии летающих позвоночных.

— Я бы хотела позвонить туда и поговорить с ее руководителем, — сказала Кора.

Мери умчался вперед, в административный корпус, и к то-

му времени, когда Кора подошла к телефону, он уже дозвонился до лаборатории и объяснил, в чем дело.

Заведующий лабораторией профессор Ромиодор был вежлив, но особого энтузиазма не проявил. Объяснил, что у его лаборатории и без того масса заказов. Но ради такого важного государственного дела он согласен сегодня же ночью начать анализы. Дня за два он сделает все, что можно. С драконами ему уже приходилось иметь дело...

В сопровождении полицейского Аполидор отправился в лабораторию, а Кора задержалась: ей хотелось поговорить с некоторыми работниками Загона.

Через час вернулся Аполидор, которому Кора разрешила вычистить клетку Смирного.

К обеду Кора убедилась в том, что ничего нового она в Загоне не узнает, а еще через два часа поняла, что там нет никаких подземных ходов и тайных выходов. По крайней мере, таких, сквозь которые можно вытащить настоящего дракона.

* * *

Вторую половину дня Кора провела в пустых хлопотах. Потом уже, вернувшись в отель, она подумала, что лучше бы послушалась совета переводчика и отправилась на экскурсию по городу и в музей.

Обычно Кора всегда находила время, чтобы посетить музей. Еще старый профессор в полицейской школе учил: при международных поездках, когда к тебе прикованы взгляды миллионов простых людей, совершай поступки неожиданные, но полезные для твоего имиджа, т.е. репутации. Например, сходи в музей. Может, у них в музее уже шесть лет ни одного посетителя не было — неважно, может, там и лежат-то всего три каменных наконечника для стрел, дырявый котел и диаграмма роста промышленности — неважно! Пускай тебя обругает за это оппозиционная газета: «В то время как все мы с нетерпением ждем, когда же наконец примется за дело хваленый детектив с Земли, он развлекается в музеях. Может быть, завтра сходит и в картинную галерею?» Ничего страш-

ного. Вы печально усмехнетесь и назавтра пойдете в картинную галерею. Пускай злобствует пресса — общественное мнение уже на вашей стороне!

Кора в музей не пошла, а потащила соглядатая Мери сначала на грузовую локомобильную станцию, затем на склады космопорта и даже заставила его выбирать вертолет, чтобы посетить съемки кинокартины «Полет дракона», так как Мери проговорился, что продюсер этого фильма предлагал Загону большие деньги за прокат дракона. Дирекция уже склонилась было к согласию, но второй десципон, который подсиживал первого десципона, сообщил о сделке в министерство, справедливо указав, что вывезти на съемки дракона еще можно, а вот что они будут делать с ним в чистом поле? Как удержат его от полета? Представляете себе дракона, летающего над населенными пунктами и даже детскими садами? Чем, кроме зенитной артиллерии, ты прекратишь его бесчинства? Ведь из исторических хроник памятно то время, когда драконы были сущим бедствием для земледельцев. Они похищали не только коз, баранов, но порой уносили коров. Детишки же и пастухи были их излюбленной пищей. До сих пор одной из главных достопримечательностей столицы, в чем Кора могла убедиться, служит монумент в честь Дацимора Великолепного, который, спасая свое селение от особо настойчивого дракона, смог поразить его каленой стрелой в правый глаз, отчего дракон упал и разбился. Статуя позабавила Кору, потому что ни скульптор, ни отцы города, которые заказывали и одобряли монумент, не заметили в нем противоречия: Дацимор был изображен попирающим ногой дракона, но при том он целится в небо из большого лука, то ли ожидая, что дракон вновь взовьется к облакам, то ли поджидая второе чудовище.

В киногруппу Кора и озверевший от мотаний по городу переводчик попали уже к закату. И сразу увидели, что на фоне зеленого неба по самому горизонту медленно шествует дракон.

Переводчик попытался на ходу выскочить из лимузина и скрыться в кустах. Потом он утверждал, что искал там телефон-автомат, чтобы вызвать войска для поимки чудовища.

Кора притормозила, а лимузин, конечно, заглох. Дракон же, увидев машину, двинулся к ней, и Кора уже подумывала, не последовать ли примеру Мери, но тут примчался на мотоцикле ассистент режиссера, который принялся кричать на Кору, что она влезла в кадр, а пленки так мало, что снимают без дублей. Дракон приблизился, из него вылезли водители — он был смонтирован на старом грузовике и вблизи совсем не походил на настоящего.

Потом они выпили с режиссером, который жаловался на жизнь, на пленку, на сценариста, на запившего актера и неудавшуюся жизнь. Он боялся, что публика не пойдет смотреть фильм, в котором играет такой самодельный дракон. Кора успокаивала режиссера, он хватал ее под столом за коленку и уговаривал сняться в эпизоде, переводчик сердился, утверждал, что пора в город, надо добраться туда засветло, потому что Кора не умеет ездить по местным ночным дорогам. Кора не стала напоминать ему, что прошлую ночь провела в дороге. Но когда выяснила, что больше от режиссера никакой пользы нет, села в машину, и они уехали.

По дороге Кора вспомнила, что песик Пончик, найденный ею на семнадцатой страже Загородного шоссе, не кормлен и не гулян. Так что она высадила переводчика в центре города, а сама поспешила в гостиницу. И вовремя. Несчастный Пончик сделал большую лужу на дорогом гостиничном ковре, кроме того, забрался, злодей, в сумку Коры и вытащил оттуда пластиковый пакет с образцами пищи для драконов — той гадости, которой их поил кормилец Аполидор. Пакет он разорвал, но, несмотря на голод и отчаяние, много съесть не смог. Только разбросал по полу кусочки картошки и капусты, комочки каши...

Кора хотела было как следует выпороть собачку, но чувство справедливости восторжествовало: бить-то надо было хозяйку. Это она заперла утром малыша и даже с ним не попрощалась.

В первое мгновение пес обрадовался до полусмерти, поняв, что его не забыли. Он кинулся к Коре, стараясь подпрыг-

нуть так, чтобы лизнуть ей подбородок. Но как только он почувствовал гнев Коры и вспомнил, в каком состоянии находится номер «люкс», он принялся поджимать хвостик и отступать под кровать, откуда повизгивал, пока Кора, не желая привлекать гостиничную прислугу, отмывала ковер и вновь собирала в пластиковый пакет образцы драконьей пищи.

Затем Кора смилостивилась, развернула пакет с бутербродами, купленными в буфете, и счастливый Пончик выбрался из-под кровати, чтобы отдать должное доброте своей хозяйки.

А Кора поняла, что смертельно устала, и решила, что ничего страшного не случится, если она отправится спать раньше, чем привыкла. Но перед сном она все же позвонила в лабораторию профессора Ромиодора. Того не было — уже ушел, но его ассистенты продолжали исследовать представленные образцы и какой-то милый женский голос обещал закончить все к завтрашнему утру. «По крайней мере, с этим все в порядке, — подумала Кора и решила: — Лягу, подумаю, что мы имеем, чего достигли, на что надеемся. Ведь, по сути дела, следствие стоит на точке замерзания».

Кора разделась, улеглась в постель и зажгла лампу на столике у кровати.

За окном еще шумел город — раздавались крики разносчиков лимонада и пирожков, звенели трамваи, играла далекая музыка, цокали копыта лошадей.

Пончик фыркал, разыскивая крошки столь скоро закончившегося пиршества... Такого в ее практике еще не было; украдены громадные животные, которых совершенно невозможно украсть. Спрятаны где-то, хотя их невозможно спрятать. Это похоже на волшебство, но Кора давно убедилась, что любое удачное волшебство основывается на научных открытиях или умелом и необычном использовании того, что давно уже известно ученым.

Решение задачи, конечно, парадоксальное.

Может быть, оно связано с какими-то неизвестными Коре местными обычаями или ритуалами?..

С этой мыслью Кора заснула.

* * *

Проснулась Кора поздно. Болела голова: здесь чуть иное атмосферное давление, да и сила тяжести немного меньше земной.

Голова была тяжелая, мысли двигались кое-как, застревали в сосудах, не хотели вылезать наружу.

Наскоро умывшись, Кора сразу позвонила в лабораторию. Может быть, и не стоило начинать день с этого, надежды на успех было немного, да и что даст следствию обнаружение в пище снотворного или яда? Лишь наличие злого умысла. А Кора и без того знала, что во всей этой истории есть злой умысел.

Но Коре, честно говоря, некуда было более звонить. Никто не ждал ее звонков и не собирался ей помогать.

К тому же Коре хотелось думать, что интуиция правильно подсказывает ей, что именно в лаборатории будет найден первый след преступника, — ведь он же местный житель и не привык к тому, чтобы полиция отправляла на анализ пищу драконов.

Кора набрала номер. Откликнулся тот же милый женский голос, что и вчера вечером. На этот раз он звучал иначе. Видно, от усталости.

Кора представилась.

— Пришел ли профессор? — спросила она.

— Да, — ответил милый голос. — Одну минуточку.

Профессор отозвался почти сразу. И не дал Коре задать вопроса.

— К сожалению, — скорбным тоном произнес профессор Ромиодор, — у нас случилось несчастье.

— Несчастье?

— Да. Ночью какой-то негодяй...

— Все ясно, — сказала Кора. — Ночью какой-то негодяй залез в вашу лабораторию и похитил документы, в которых зафиксированы результаты анализов.

— Не совсем так, дама Орват, — сказал профессор. — Похищены не документы, а сами образцы пищи.

— Но вы успели провести анализ?

— Понимаете, вчера был короткий день, я уехал за город, а мои ассистенты успели только определить пищевой состав жидкости. То есть ее составляющие...

— Я бы могла это сделать и без их помощи: свекла, картофельная кожура, овсянка и еще черт знает что.

— Вот именно, — сухо ответил профессор. — Вот это «черт знает что» и требовало определения. Как мы могли узнать, что в пищу добавлено нечто лишнее, если мы не знали, из чего она состояла с самого начала?

— Значит, у вас ничего не осталось?

— Ассистенты ждали моего приезда, чтобы начать конкретную работу.

— А как случилось ограбление? — спросила Кора.

— Ну, как вам сказать... забрались. У нас же это просто.

— Вы сообщили в полицию?

— Чем она поможет...

Профессор отвечал как-то вяло и скучно, словно хотел поскорее закончить разговор и вернуться к своим любимым занятиям. Но Кора этого допустить не могла.

— Сейчас я к вам выезжаю, — сказала она. — Ничего не трогайте.

— Не надо! — услышала она голос профессора, но повесила трубку, не ответив ему.

Переводчика внизу не было видно — наверное, еще спал после тяжелого вчерашнего дня, а то и вообще решил больше не связываться с сумасшедшей земной агентшей.

Лимузин долго не заводился. Кора залезла в капот, оказалось, что состояние двигателя было схоже с ситуацией в драконьем загоне, только пахло иначе. Она протерла и зачистила контакты — потеряла на этом минут пятнадцать.

Дорожный полицейский узнал Кору по портрету в газете — он был любезен к коллеге и показал, как проехать ко Второму институту.

Институт оказался вполне солидным учреждением — Кора полагала, что увидит очередную запущенную развалюху, а остановила лимузин перед железными воротами в высокой бетонной стене, по верху которой были протянуты провода.

Кора дала сигнал — никто не ответил. После второго сигнала из проходной рядом с воротами выглянула злая рожа в фуражке и сообщила, что без пропуска въезд воспрещен.

Кора оставила лимузин снаружи, а сама прошла в будку и попросила мрачного охранника позвонить профессору Ромиодору по телефону. Тот наотрез отказался: нет пропуска и нечего разговаривать. Конечно, Кора могла бы скрутить этого стража, но сейчас в этом не было смысла.

— Профессор ждет меня, — сказала она внушительно, но без злобы. — Он только что со мной разговаривал.

— Не знаю.

— Тогда я позвоню от вас в город.

— Не положено.

— Но профессор ждет меня!

— Это внутренний телефон.

— Ладно, — сказала Кора, делая вид, что капитулирует. — Нельзя так нельзя. А скажите, во сколько сегодня ночью было ограбление?

— Ограбление? — Страж был поражен. — У нас ограблений не бывает.

— Вы во сколько заступили?

— Не велено отвечать, — спохватился страж.

«Он и в самом деле мог не знать, если у них пересменка утром», — подумала Кора.

Время шло впустую. Впрочем, этот институт может оказаться центром расследования, и все, что связано с ним, полезно запомнить.

Кора покинула будку охранника и вернулась к машине. Охранник вышел на порожек будки, чтобы не терять Кору из вида. «Любопытно, — подумала Кора, — какое здесь безлюдное место: за пять минут, пока я спорю с охранником, никто не вошел и не вышел из института».

Сев в машину и отвернувшись от стражника, Кора включила свой браслет с голубыми камешками — единственное дамское украшение, с которым она никогда не расставалась.

Браслет пискнул, сообщая, что готов к работе. Кора вышла на связь с центральной телефонной станцией, без ведома теле-

фонисток подсоединилась к правительственному каналу и набрала личный номер церриона средней руки. К счастью, министр культуры был на месте.

— Вы меня узнаете? — спросила Кора.

— Разумеется, госпожа Орват, — откликнулся министр энергичным голосом человека, который перед службой пробегает рысцой четыре километра. — У вас трудности?

— Вы, как всегда, прозорливы, — сказала Кора. — Я нахожусь перед Вторым биологическим институтом. Вам такой известен?

— Разумеется. Я знаком с профессором Ромиодором.

— Вчера я отдала на анализ в его лабораторию важный для следствия препарат. Когда позвонила сегодня утром, чтобы узнать результаты анализа, мне сказали, что ночью в лаборатории совершена кража. И украли именно мой препарат.

— Если не секрет, то что собой представляет препарат?

— Пища, которая находилась в загоне для дракона в тот момент, когда он пропал.

— Чудесная пожива для грабителей!

— Кому-то не хотелось, чтобы в лаборатории эту пищу исследовали.

— Искали яд?

— Или снотворное.

— Так что же вам надо, госпожа Орват?

— Я приехала сюда, к институту. Меня не пускают, и у меня есть основания полагать, что профессор Ромиодор не горит желанием со мной встретиться.

— Дорогая дама Орват, — ответил церрион. — Как вы понимаете, я не имею власти над биологическим институтом и его профессорами. Как вы считаете лучше поступить — позвонить директору и попросить его от моего имени или связаться с церрионом светлого знания, который курирует институт?

— Мне все равно, министр, — ответила Кора. — Мне хотелось бы, чтобы меня впустили в институт и я бы сама увидела, как все произошло...

— Хотите понять, кому могло понадобиться это вонючее пойло?

— Значит, вы знаете, чем кормят национальную реликвию — последних драконов Лиондора?

— Я подписываю счета Загона. И могу приблизительно подсчитать, сколько они там воруют. К сожалению, я могу печалиться, устраивать разносы, но бессилен изменить систему. Вы не представляете, до чего тяжелое у нас экономическое положение.

— Представляю, — ответила Кора. — И жду вашей помощи.

— Сейчас будем нажимать на кнопки, Кора, — заявил министр. — И поглядим, есть ли еще порох в пороховницах. А вы далеко не отходите.

Ждать Коре пришлось недолго. Минут через пять железные ворота, громыхая, раскрылись — за ними стояло несколько стражников, готовых впустить в институт неприкасаемую Кору. Стражник, который только что поносил и унижал Кору, выбежал из будки и вытянулся, взяв под козырек. Сам профессор Ромиодор в сопровождении двух ассистенток — одна другой грудастей — спешил по широкому двору навстречу лимузину.

Кора затормозила и надела темные очки — это был психологический трюк, который давал ей преимущество человека, которому нельзя заглянуть в глаза. В то же время видеокамера, спрятанная в оправе очков, фиксировала интерьер института и лица его сотрудников. У ИнтерГпола есть обычай — снимать по возможности все те учреждения, заведения или лаборатории на других планетах, вход в которые запрещен. Порой вход запрещен по соображениям разумности, а порой потому, что местным властям хочется спрятать что-нибудь порочное от галактической общественности.

Профессор показался Коре знакомым: он был упруг, брюхат и оживлен. Зеленые глаза излучали искреннюю радость по поводу встречи с Корой.

— Госпожа Орват! — воскликнул он издали. — Ну как же так! Ну зачем же такие сложности? Мы же не чужие люди!

Кора открыла дверцу лимузина и ступила на плиты двора. У нее была возможность оглядеться и зафиксировать трехэтажные корпуса института, окружающие площадь перед входом. Узкие окна первого этажа были забраны толстыми решетками, двери в корпусах были стальные с глазками, под крышами корпусов виднелись холодные глаза телекамер, а если учесть, что телевидение на планете еще не было изобретено и приемниками пользовались только представители элиты, то понятно было, что институт пользуется высоким покровительством.

— Вы не советовали мне сюда приезжать, — ослепительно улыбнулась Кора, — вот я и приехала.

— Искренне рады! Наш совет не спешить с приездом был вызван лишь нежеланием занимать ваше драгоценное время пустяками. Уже выяснилось, что никакого ограбления и не было... Ах, как мы бываем порой легковерны!

Директор института повел Кору ко входу. Ассистентки семенили сзади, охранники замыкали шествие. Кора обратила внимание на то, что профессор не соблюдает формальностей в одежде, — на костюм, состоящий из куртки и синих брюк, он набросил голубой халат. На волосах — голубая же шапочка, как у хирурга. Подобным образом были одеты и ассистентки.

За стальной дверью обнаружился тамбур, где пришлось задержаться, пока шла дезактивация одежды.

— Мы биологи, — доверчиво объяснил профессор. — Мы имеем дело с различными мелкими организмами, называемыми бактериями. Это болезнетворные существа, от которых следует оберегать результаты наших опытов.

— Спасибо, профессор, — сказала Кора. — Я где-то об этом уже слышала.

Профессор обезоруживающе улыбнулся.

— Порой приходится приводить в институт чинуш, всяких начальников. Вы же понимаете... считайте, что я забылся! Облучение, которому нас сейчас подвергают, безопасно для здоровья. Я облучаюсь порой по пять раз на дню — и вот жив и даже склонен к полноте.

И тут Кора сообразила, кого он ей напоминает: конечно же,

драконокормильца. Словно они братья. Спросить об этом? Успеет.

Профессор повел Кору по длинному коридору.

— Куда мы направляемся? — спросила Кора.

— Ко мне в кабинет, — сообщил профессор. — Вы немного передохнете, мои девушки принесут нам прохладительные напитки.

— Простите, но мне хотелось бы понять, что же у вас произошло.

— Просто неосмотрительность. Глупейшая беспечность. Уборщица, представляете, ночная уборщица увидела миску с этим самым... с кормом для драконов. И решила, что это помои. Вот и вылила в канализацию! Какая жалость. Мы уже начали предварительные исследования. Должен сказать, что уже имею полное право написать докладную записку президенту о недопустимом воровстве в Загоне для драконов. Вы можете представить, что в образце пищи, который вы нам представили, вообще не оказалось мяса, если не считать полностью обглоданных костей? Вы мне не верите?

— Верю. А где сейчас эта ночная уборщица?

— Да, кстати, где эта ночная уборщица? — грозно крикнул профессор.

— Где ночная уборщица? — прокатилось по коридорам, перелетая с этажа на этаж, забираясь в подвалы, превращаясь в переспросы, в недоумения, в повторы: «Где ночная уборщица?..»

— Она уволилась, — сообщила наконец одна из полногрудых ассистенток.

— Ой, я виноват! — Профессор Ромиодор даже схватился за сердце. — Конечно же, это моя вина. Я не сдержался и глубоко оскорбил эту достойную, но туповатую женщину. Она плакала, уходя от нас? — обратился профессор к другой ассистентке.

— Не знаю, — пискнула та. — Я не видела.

— Она горько рыдала, — ответила первая ассистентка. — Она говорила, что за десять лет не совершила ни одной ошиб-

ки, не допустила ни одного непослушания, и вот — такое отношение! Простите, господин профессор, но так и было!

— Да, моя вина! Или, как говорили некогда древние римляне: «Меа кульпа!» Я правильно цитирую ваших предков?

Так хотелось сказать Коре: «Вы уничтожили единственную улику и затем убрали свидетельницу».

Но Кора сказала иначе:

— Я попрошу дать мне адрес вашей ночной уборщицы.

— Ну зачем же, зачем? Она ничего не знает!

— Ничего не знает! — вторили ассистентки.

— Вы не вернете это пойло, — сказал профессор. — В котором, вернее всего, ничего не было.

— Я бы хотела увидеть эту женщину.

— Давайте сделаем иначе, — сказал профессор. — Давайте позвоним в Загон драконов. Там драконокормильцем трудится мой двоюродный брат. Может, вы встречали его — магистр Аполидор?

— Да, я имею счастье его знать.

Вот откуда это сходство! И никто из этого не делает тайны. Впрочем, какая здесь может быть тайна?

— Аполидор добудет для нас настоящего драконьего пойла.

— И все же я хотела бы увидеть ночную уборщицу, — тупо повторила Кора.

— Ну что ж, упрямство свойственно женщинам, — осуждающе сказал профессор. — Мы постараемся это для вас устроить. Марианна, найди номер телефона той несчастной женщины. Валентина, соедини меня с Загоном драконов, вызови к телефону магистра Аполидора.

Аспирантки, взвизгнув от усердия, умчались выполнять приказы.

Профессор открыл дверь в небольшую, спартански обставленную, но очень чистую комнату.

— Это мой кабинет. Здесь мы с вами подождем результатов нашего расследования. Заходите, заходите, не думайте, что я на вас обижен, хотя вы, конечно же, нарушили всю работу моего института, сорвали нам творческий день. Одного этого

достаточно для того, чтобы выслать вас с нашей планеты. И у меня, признаюсь вам честно, есть такие возможности.

«Ой, ой, ой, — сказала себе Кора. — Глазки у нас преобразились — они уже не такие веселые и добрые, как у вашего кузена, и щечки подобрались, и губки поджались. У вас есть характер, господин профессор, и я вам сильно мешаю».

— А чем вы тут занимаетесь? — спросила Кора, глядя на профессора во все глаза. Взгляд был женский, сверкающий и немного томный. Пред ним не могли устоять даже великие аскеты и женоненавистники. А профессор к таковым не относился. Так что он чуть-чуть обмяк и если не подобрел, то, по крайней мере, потерял запал злобы.

— Мы работаем... когда нам не мешают... дамы! — Это уже было отступление.

— Я тоже работаю, — нежно произнесла Кора. — Я специально прилетела сюда, чтобы провести работу, которая оказалась не по плечу вашим бравым мужчинам.

— Один — ноль в вашу пользу, — усмехнулся профессор. — Мы здесь занимаемся генетически-биологическим конструированием. Вы слышали о таком на Земле?

— Слышала и видела результаты, — сказала Кора. — Но не предполагала, что на вашей планете может быть такой институт.

— Ну, и институтом нас назвать трудно, — сказал профессор. — Так, лаборатория. Сам я учился в Галактическом центре, Кембридже, Кавендише и других ведущих научных центрах Галактики. Оборудование у нас тоже привозное... Ведь живем мы в древней, но бедной и экономически отсталой стране. Нам очень мешают демократы. Все время хотят реформ, что расшатывает нашу и без того подорванную экономику.

— Чем подорванную?

— Ах, это долгий разговор! Вы не представляете, какой у нас народ! Никто не хочет работать! Три недели не можем найти ночную уборщицу! Кто будет работать в обстановке секретности за жалкие двести сорок?

Кора хотела пропустить мимо ушей оговорку о ночной уборщице, но профессор сам спохватился.

— Вы думаете, я имею в виду ту самую ночную уборщицу? Нет, я имею в виду уборщицу в третьем корпусе, вон в том, понимаете?

— Понимаю.

— Вот мы и морочим головы начальству, то есть стараемся помочь народному хозяйству. Кое в чем... Ну и что?

Последние слова относились к вошедшей ассистентке.

— Ваш кузен на проводе, господин профессор, — сказала она.

— Ну вот, сейчас ваши проблемы будут решены, — произнес профессор. — Слушаю! Это ты, Аполидор? Аполидор, дорогой, тебя беспокоит твой кузен Ромиодор. Ну и как дела? Как Мелочка? Здорова? Я из института. Да погоди ты, не перебивай. У меня сидит дама Кора Орват. Знаешь такую? Вот и она тебя знает. Передать привет? Обязательно передам. Госпожа Кора очень нами недовольна. И за дело, да, за дело. Представляешь, эта идиотка ночная уборщица приняла ваше пойло за пойло! — Профессор отсмеялся своей шутке и продолжал: — Да, вылила в канализацию. Нет, не бойся, я надеюсь, что в канализации это рассосется.

Кора насторожилась. Это была вторая оговорка, и если первая могла быть сознательной, чтобы подразнить Кору, то эта была вызвана вопросом Аполидора. И вопрос мог звучать примерно так: «А ты не боишься, что зараза вырвется на свободу?» А профессор считает, что в канализации это рассосется.

— Нет, — продолжал профессор, — не перебивай меня. Мы с госпожой Корой просим тебя: возьми еще пойла из той кормушки и привези сюда. Мы быстренько проведем экспресс-анализ. Как так нет? Почему все вымыли? Ну и что, если воняет! Ты понимаешь, что ты уничтожил вещественные доказательства?!

Голос директора трепетал от искреннего возмущения. Вот теперь-то он нашел, на кого свалить вину.

Кора понимала, что Аполидор совершенно прав. Какого черта он должен держать посреди Загона источник вони и заразы? Для чего беречь эту помойку?

— Я возмущен! — воскликнул директор еще раз и бросил трубку.

Он поглядел на Кору бешеными глазами и добавил:

— Ни на кого нельзя положиться.

— Но ведь Аполидор не ваша ночная уборщица, — сказала Кора. — Какие могут быть к нему претензии?

— Вы не понимаете! — рявкнул директор, но осекся. Он не был дураком и не хотел таковым показаться. Если трюк не удался, он сейчас придумает другой.

Другой трюк не заставил себя ждать.

Появилась вторая ассистентка.

— Господин директор, — пропела она. — Ночную уборщицу не могут найти. Соседи говорят, что она утром взяла билет на дилижанс и поехала отдыхать неизвестно куда.

— И правильно сделала! — воскликнул директор. — Я же ее уволил. Пускай теперь отдыхает.

Он поглядел на Кору, словно обыграл ее в шашки.

— Я же предупреждал. Никому нельзя верить.

Кора понимала, что может сейчас предпринять поиски уборщицы, хотя, скорее всего, это существо легендарное и в лаборатории отлично обходятся без нее. Потратит она несколько дней, в лучшем случае найдет в какой-нибудь деревне старуху, которую наняли, чтобы сыграть эту роль. Но ведь это никак не продвинет расследование. А вот противники Коры совершили глупейшую ошибку, поторопились, недодумали. На их месте она бы сделала липовую справку: все анализы в норме, ничего подозрительного в пище не обнаружено. Кому понадобилась такая инсценировка? Вернее всего, они не ожидали, что Кора займется расследованием в лаборатории.

...Кора замерла как пораженная молнией! Боже мой, где Пончик?

— Вы меня слушаете? — донесся до нее голос директора.

— Да, мне все понятно, — сказала она холодно. — У меня нет оснований не доверять вашим словам, хотя другой на моем месте наверняка бы усомнился в существовании ночной уборщицы. Но это дело местной полиции. Мое дело — сообщить о происшествии...

— Но ведь не было никакого происшествия!

— Для вас не было. Для меня это называется преступным уничтожением вещественных доказательств.

— Чепуха! Ничего подобного!

— Мне пора, профессор.

Профессор глубоко вздохнул. Он взял себя в руки.

— Вы не хотите осмотреть наши лаборатории? У нас нет секретов, мы рады показать вам свои скромные достижения, — произнес он голосом цивилизованного хозяина.

— Спасибо, в следующий раз, — ответила Кора.

Она совершила сейчас должностной проступок: она обязана была заснять все помещения института. Но отлично понимала, что ей покажут лишь то, что захотят показать, то, что показывают необразованным государственным деятелям, дабы выбить новые ассигнования. Важнее всего, как требовала интуиция и весь профессиональный опыт, было попасть в гостиницу! Найти песика. Узнать, жив ли он.

К вящему удивлению профессора, Кора потеряла интерес к ночной пропаже и к самому институту. Он проводил Кору до порога и с удивлением смотрел, как она села в лимузин и выехала с территории. Тогда он поспешил к телефону.

* * *

Переводчик маялся возле входа в гостиницу — что-то ему не доложили, и он потерял след Коры.

— Я завтрак заказал! — закричал он, опережая швейцара и открывая дверцу лимузина. Кора автоматически сунула ему в руку монетку, и переводчик сначала удивился, но потом монету спрятал. — Я заказал на завтрак омлет!

Ну просто молодая жена, впервые приготовившая повелителю завтрак!

— Спасибо, — сказала Кора, запирая машину. — Подождите меня в ресторане. Мне надо подняться в номер.

— Зачем?

— А вот это вас, любезный, не касается.

— Я не понимаю, Кора, — возмутился переводчик. — Вы

уезжаете с утра, не поставив меня в известность, а ведь я из-за вас могу выговор схлопотать!

— Хлопочите.

— Вы пользуетесь моим хорошим отношением, можно сказать, послаблением. Вот уберут меня, дадут вам другого переводчика, тогда попляшете.

Переводчик открыл дверь в гостиницу и пропустил Кору вперед.

— Может, он хотя бы выучит русский язык, — сказала Кора. — Никакого труда в этом нет. Надо сесть и позаниматься.

— У меня другое призвание! — отпарировал переводчик. Кора остановила ладонью его движение к лифту. Переводчику пришлось повернуть в ресторан.

Кора поднялась на свой этаж, добежала до номера.

— Пончик! — позвала она через дверь. — Как ты там без меня?

Показалось ли ей, что Пончик откликнулся?

Ключ, как назло, не поворачивался, и еще минута была потеряна на открывание двери.

Кора вбежала в номер. Пончика не было видно.

— Где же ты, собачка?

Кора встала на колени и заглянула под кровать. Под кроватью было темно, но никаких следов собаки. Только тут Кора догадалась, что не открыла шторы.

Она потянула за шнур, но слишком сильно — шнур оторвался, а шторы остались на месте. Черт побери, надо взять себя в руки!

Кора потянула шторы в разные стороны, забросила их края на спинку кровати — стало светло. Но это не помогло. Пончика все равно не было.

Тут Кора сообразила, что в номере побывала горничная и при уборке обнаружила собаку. А так как собакам нечего делать в номерах «люкс», то Пончика выкинули из гостиницы.

Кора взяла трубку и позвонила вниз, к портье.

— Вас беспокоит дама из четырнадцатого номера. Сегодня утром у меня была собака. Маленькая, светло-рыжая, с длин-

ной шерстью, очень живая. Сейчас я вернулась, а собачки нет. Где собачка?

— Собачкам в номерах быть не положено, — ответил портье. — А положено лишь собственным животным с регистрацией и за особую плату.

— О плате и регистрации мы договоримся как надо. А сейчас мне нужно, чтобы собаку возвратили. Где моя собака?

— Я тут же наведу справки, — портье испугался тона высокой дамы с Земли. — Я сейчас же спрошу, горничные еще в номерах.

— Но к вам собаку не приводили?

— О нет!

— Если с собакой что-то случится, вся ответственность ляжет на вас. И, предупреждаю, большая ответственность. Не хотела бы я оказаться на вашем месте.

— Не вешайте трубку, мадам, я вижу старшую горничную...

Прижав трубку ухом к плечу, Кора достала со столика у кровати свою косметичку, извлекла оттуда пилку и занялась приведением в порядок ногтей. Обычно это ей помогало собраться с мыслями.

Собачка исчезла. Неужели оппозиция настолько проникла в планы и мысли Коры, что догадалась о роли собачки в расследовании? Судьба уготовила собачке участь подопытного кролика. Именно Пончик на семнадцатой страже дегустировал теоретически драконье мясо, именно Пончик взял на себя пробу корма для драконов... и исчез.

Фантастические мысли проносились в голове Коры. Может ли, хотя бы теоретически, существовать средство, которое растворяет живые организмы? Ведь сейчас голос портье произнесет: «Никто не заходил к вам в номер, никто не видел вашей собаки, ни светлой, ни длинношерстной».

— Простите, мадам, вы меня слушаете? — спросил портье.

— Я здесь.

— Я только что говорил со старшей горничной. Она сама убирала ваш номер. Никакой собачки она не видела.

— Она могла ошибиться?

— Я полностью доверяю старшей горничной. Она работает у нас двадцать лет без единой жалобы.

— Спасибо, — сказала Кора, — я удовлетворена.

Разумеется, никакой собачки не было. Средство растворяет драконов и собак, недаром его так тщательно уничтожили во Втором институте. Участвует ли профессор в преступлении? Или руководит им?

Но зачем уничтожать драконов, растворять их? А может, делать невидимыми?.. Делать невидимыми? Конечно, это чепуха — не могла же Кора находиться в загоне с драконом и не заметить его присутствия! Нет, конечно... и все же Кора решила еще разок позвать песика.

— Пончик, — сказала она тихо и по мере возможности нежно, — выходи, дурачок. Где ты прячешься, бедный мой?

Кора замолчала, прислушиваясь: не пробежит ли рядом невидимый песик?

Ей показалось, что она слышит лай. Далекий-далекий. Откуда он донесся? Снаружи? С крыши дома на той стороне улицы?

Очень тихий, очень далекий и робкий лай не был плодом ее воображения. Песик звал ее!

Кора поднялась. Лай замолк, только зашуршала мышь...

Стойте!

Кора осторожно опустилась на корточки. Она медленно поворачивала голову.

Все верно!

Вот он, Пончик. Вот он, бедненький, жертва диких экспериментов!

Песик размером чуть меньше сантиметра присел под свисающим покрывалом, готовый нырнуть под кровать, если громадное тело так выросшей за ночь хозяйки приблизится к нему, чтобы, не заметив, раздавить.

Вот в чем таилась загадка пропавших драконов!

Как все просто!

Кончиком пальца Кора дотронулась до присевшего в ужа-

се Пончика и постаралась погладить его так, чтобы не причинить несчастному животному боли. Собачонка попискивала, но только тонкий слух Коры мог уловить этот комариный звук.

Вся схема преступления, простого и своеобразного, выстроилась в сознании Коры.

В Лиондоре, где-то, допустим, во Втором институте у профессора Ромиодора, был разработан молекулярный минимизатор — работы в этом направлении ведутся на многих планетах, с удивительными, зачастую непредсказуемыми результатами. Причем, насколько Коре было известно, кое-где минимизаторы реально действовали, то есть уже существовали живые организмы, у которых расстояния между атомами в организме были в пятьдесят или сто раз меньше, чем у нормальных особей.

Кора огляделась в поисках хранилища для Пончика. Как назло, никакой коробочки, ларца или плотного пакета...

— Придется тебе потерпеть, — произнесла Кора. Она прошла в туалет, взяла там стакан, в котором стояла зубная щетка, положила на дно несколько слоев туалетной бумаги, потом отыскала спрятавшегося под кровать Пончика, перенесла его в стакан, а стакан поставила на шкаф так, чтобы снизу не увидели. Если не будет тщательного обыска, то Пончик в безопасности. И он еще сыграет свою роль.

«Что ж, преступление разгадано, — подумала Кора, снова опускаясь в кресло и вытягивая ноги. — В пищу дракону вы подсыпаете минимизатор — и дракон становится маленьким... Погоди, погоди!» Кора вскочила и кинулась к столу, на котором лежала кипа фотографий, сделанных ею в загоне Смирного. Она извлекла из пачки те, на которых запечатлела следы птиц и мышей на корыте и вокруг него. Ну конечно же, это не птичьи следы — это следы дракона. Вот те его следы, которые она приняла за вороньи, а вот и те, что сочла голубиными. Значит, дракон уменьшался постепенно, проснулся, побежал, хотел спрятаться — но тут пришел злодей и засунул его в сумку. Какого размера стал дракон?

Если Пончик длиной меньше сантиметра, то при уменьшении от пятидесяти до ста раз дракон станет крылатой ящерицей длиной сантиметров в двадцать-тридцать. Что ж, не такое уж и маленькое существо. Дракон в фут длиной может больно искусать...

Кандидат в злодеи был один. Или почти один — кормилец Аполидор. Может, даже с помощницей — девочкой Мелой, которая не любит драконов. Хотя нельзя исключить и других сотрудников зоопарка. Но Кора не видела в том смысла для обоих десципонов и тех тружеников Загона, которые с пропажей драконов лишались работы. А вот Аполидор — другое дело. Он родственник профессора... Следующий вопрос: зачем все это делается?

И тут оказалось, что Кора, разгадав преступление, недалеко продвинулась вперед. Она знала, как крадут драконов. Их уменьшают и потом уносят в мешке. «А что дальше? Опять предположения, не подкрепленные ничем? Ты считаешь, что их уносят во Второй институт для генетических опытов, которые проводит тщеславный профессор? А где доказательства? Вы здесь чужая, Кора Орват. Ваше слово немногого стоит. Тебя поднимут на смех, и даже собачка Пончик, польстившаяся на драконью похлебку, тебе не поможет».

Выход один — на несколько часов придержать открытую тайну, не делиться ни с кем.

Нужен союзник. Лучший и единственный союзник — комиссар Милодар, который дал Коре это задание. Но Милодар далеко, и ради поиска почти вымерших драконов он сюда не прилетит, даже не пошлет свою голограмму. Ее работодатель здесь — церрион средней руки, министр культуры, ему и только ему она готова рассказать о том, что знает. А что, если он ей не поверит? Доказательств в виде мелких драконов у нее пока нет. А ведь церриону нужны именно драконы, а не собака Пончик. Значит, Кора должна затаиться, хоть ненадолго. Теперь она знает, как выглядят сегодня драконы. У нее появились шансы поймать преступника. Но если преступники догадаются о ее открытии, им нетрудно будет замести следы.

...Телефон заливался уже минуты две.

— Что такое? — спросила Кора, включив экран.

— Я был убежден, что вас украли или убили, — дрожащим голосом ответил переводчик. — Нельзя же так, Кора! Каша остыла.

— Какая каша? Ах, каша... завтрак. — И Кора улыбнулась при мысли о том, насколько глупым кажется слово «завтрак» человеку, который только что с помощью песика Пончика распутал одно из самых удивительных преступлений в Галактике.

На дне сумки Кора отыскала несколько крошек от печенья. Она кинула их в стакан с собачкой.

— Потерпи пока, — велела она песику. — При первой же возможности я тебя накормлю как следует.

Тут Кора увидела муху и, подкравшись, прихлопнула ее. Оглушенная муха также попала в стакан с песиком, хотя Кора не была уверена, что очень маленькие песики едят комнатных мух.

Затем Кора спустилась вниз. Переводчик был вне себя от нетерпения и обиды.

— Вы меня совершенно игнорируете, — заявил он. — Я уж не знаю, кому жаловаться.

— Жаловаться, Мери, вообще не следует, — объяснила Кора. — Я главнее вас и потому всегда права. Пошли завтракать!

Официант узнал Кору и принес ей горячий завтрак — так что стенания переводчика оказались лишними. Переводчик сидел напротив и с отвращением глотал кофе только потому, что в цивилизованной Галактике по утрам пьют кофе.

— Где вы были утром? — спросил он.

— Тебя не информировали? — удивилась Кора.

— Меня никто не информирует, — ответил переводчик. — А вот я обязан информировать о каждом вашем шаге, иначе меня выгонят с работы.

— Тогда записывай, — сказала Кора. — С утра я побывала во Втором институте и провела там местное расследование.

— Вы? Там? Но это же особый объект.

— Ты забыл, что мы туда отдали на анализ пищу дракона?

— Я понимаю, — сказал переводчик. — Но как вас туда пустили без меня?

— Я позвонила куда надо и нажала на нужные кнопки. У меня есть опыт по этой части. Профессор Ромиодор принял меня и долго со мной беседовал.

— О чем?

— О том, что препарат, который мы ему оставили, пропал.

— Этого не может быть! Институт охраняется, как президентская спальня!

— Я сказала профессору то же самое. Но они были упорны.

— Вот видите, как плохо, что меня с вами не было. Я бы позвонил господину церриону и уладил все ваши проблемы.

— Господин церрион о многом догадывается.

— Но это безобразие! Они же уничтожили улику!

— Мери, вы делаете успехи. Я тоже это заподозрила.

— Значит, мы так и не знаем, что было в драконьей пище?

— Не знаем.

— Тогда я позвоню в Загон. Может, там что-нибудь осталось?

— Молодец, мой юный помощник! Но наш знакомый драконокормилец все вычистил. Впрочем, я его не виню: кто-то должен был это сделать, а то бы зверинец задохнулся.

— И что мы будем делать?

— Вот это мудрый вопрос. Наверное, мы с тобой будем действовать.

* * *

Перед тем как действовать, Кора поднялась к себе, достала со шкафа стакан, где неслышно попискивал песик, положила туда кусочек мягкой булочки, затем позвонила в министерство церриону по внутреннему телефону. Церрион подошел сразу. Он был рад, что Кора позвонила, он надеялся, что вскоре у нее будут важные новости. Когда и как можно будет связаться с министром, спросила Кора, и, если нужно, попросить срочной помощи?

Министр ответил, что завтра он улетает с государственным

визитом за рубеж, но вечером и ночью будет дома — так что в любой момент он к услугам Коры.

Тон и искреннее дружелюбие министра несколько успокоили Кору, а то она чувствовала себя совсем одинокой.

Она повесила трубку и услышала быстрое дыхание.

В дверях стоял переводчик. Он переминался с ноги на ногу, как мальчик, которому не терпится в туалет.

Кора не успела ему выговорить за то, что он входит без стука, как переводчик напустился на нее с обвинениями.

— Почему за моей спиной? — спросил он горько. — Почему сразу к министру? Неужели нельзя это сделать через меня и показать этим, как вы мне доверяете?

— Но я вам не доверяю, — ответила Кора. — Никаких оснований доверять у меня нет.

— Зачем вам надо к нему?

— По простой причине: я догадалась, каким образом пропадают драконы.

— Уже?

— Неожиданный вопрос, — засмеялась Кора. — Вы должны были спросить: как?

— Как? Как пропадают драконы?

— Первым об этом узнает церрион средней руки. Затем я передам информацию в полицию.

— А я?

— Не поняла.

— А я почему не первый? — На глазах пожилого мальчика показались слезы. — Неужели вы не понимаете, что для меня это уникальная возможность сделать карьеру? Меня бы заметили, а это верная дорога в референты. И зачем только я вас встретил, неблагодарная!

Переводчик был искренне возмущен.

— Погодите, не рыдайте, — оборвала его стенания Кора. — У меня для вас более важное задание. Поезжайте, пожалуйста, в зоопарк.

— В Загон?

— В зоопарк, Загон, драконник — все равно! Поезжайте

туда и не спускайте глаз с клеток с оставшимися драконами. Вы отвечаете за то, чтобы к драконам не приблизился никто из посторонних. Если же к ним приблизится сотрудник Загона, записывайте, ставьте время посещения, цель посещения и время, которое проведено им внутри загона.

— А какой сотрудник приблизится? — спросил Мери.

— Это может быть уборщик, драконокормилец или даже десципон. Мне все равно кто!

— Слушаюсь, дама, — обрадовался переводчик. Он стремился к доверию, и такое задание означало возвращение доверия.

— Но ни во что не вмешивайтесь, старайтесь быть незамеченным. Ясно?

— Ясно, госпожа. А вы разве не едете в Загон?

— У меня другие дела.

— Какие?

— Узнаете, когда будет время.

— Только не ездите без меня к церриону средней руки. Кора, Корочка, я вас умоляю!

Он твердил это, как отвергнутый любовник. Кора невольно улыбнулась: ему бы сейчас упасть на колени. Только колени голые, а ковер в номере колючий. Видно, эта же мысль посетила и переводчика, потому что он, покачавшись на носках, бросаться на колени не стал, а поспешил прочь.

Кора же вновь подняла телефонную трубку и набрала уже знакомый ей номер Второго института. Трубку снял сам профессор.

— Доброе утро, профессор, — сказала Кора. — Мне надо с вами серьезно поговорить.

— Ах, это вы, следователь, — в голосе профессора прозвучала легкая усмешка. — Сейчас у меня совещание. Затем я еду в управление добывать кредиты. В два начинается семинар и продлится... впрочем, пожалуй, я смогу выкроить для вас минут шесть завтра, скажем, в пятнадцать двадцать. Вас устраивает?

— Нет, профессор, — мягко ответила Кора. — Ваши шутки

меня не развеселили. Я к вам приеду сейчас. И вы будете мне бесконечно благодарны за то, что я согласилась с вами поговорить, вместо того чтобы принять меры.

— Что вы хотите этим сказать? — усмешка покинула голос профессора. Тот насторожился.

— Давайте не будем занимать телефон пустыми разговорами. С преступниками я предпочитаю разговаривать с глазу на глаз.

— Как вы смеете!

— Вы лучше меня знаете, почему я с вами так разговариваю и что вам грозит.

— Мне ничего не грозит, я ни в чем не виноват!

«Так, — подумала Кора, — он начал защищаться, оправдываться, он отдает мне инициативу. Отлично. Похоже, что профессор — не самый главный и не самый сильный из противников. Кто же сильнее, мы узнаем через несколько минут».

— Советую вам, как интеллигентному человеку, рассудить, что для вас сейчас важнее. И никуда не звонить, никого не предупреждать. Со мной еще можно договориться. В Галактическом центре с вами будут говорить иначе. Итак, когда вы выберете для меня шесть минут?

— Приезжайте сейчас, — коротко ответил профессор.

* * *

Профессор вышел встретить Кору к воротам института, так что ей не пришлось снова объясняться с охранником. Впрочем, тот уже был подготовлен к встрече необычными утренними событиями.

Профессор был мрачен и, казалось, значительно похудел — словно потерял подушку, прикрывавшую живот. Не было с ним и ассистенток — видно, занялись наукой.

— Оставьте машину здесь, — сказал он и повел Кору к боковой дверце, что привела их к небольшому холлу, откуда лестница вывела их на обвитый плющом балкон, выходивший на пустую кирпичную стену.

На балконе стояло два стула и столик, на котором была

большая пепельница, переполненная окурками. Кора поняла, что ее привели в филиал институтской курилки, приспособленной для деликатных разговоров и объяснений.

— Ну вот, всегда так, не убирают за собой, — сказал профессор. Взяв пепельницу, он отнес ее к перилам балкона и высыпал содержимое вниз. Как раз в тот момент поднявшийся ветерок подхватил вонючий пепел и понес над балконом. Кора с отвращением отмахнулась.

— Вы не лучше их, профессор, — заметила она.

— Не лучше кого? — не понял профессор, занятый своими думами.

— Ваших подчиненных, которые не убирают за собой.

— У меня идиосинкразия на полные пепельницы, — ответил профессор, будто не обратил внимания на язвительную реплику Коры. — Говорите, что вас ко мне привело.

— Вы никому не докладывали о моем возвращении сюда?

— Мне некому докладывать. Я отчитываюсь только перед самим собой. — Профессор возмутился чуть больше, чем требовали обстоятельства.

— Надеюсь, что вы говорите правду.

Профессор только пожал плечами.

— Я хотела бы поговорить с вами о проблемах минимизации, — сказала Кора.

— Пожалуйста... — Профессор ответил автоматически, слово «минимизация» его не смутило — было знакомо и привычно. Но тут же он спохватился: — О чем?

— О работах вашего института, — сказала Кора. — Я узнала, что вы ведете опыты по минимизации живых организмов, однако забыли зарегистрировать ваш институт в Галактическом центре. Хотя не хуже меня знаете закон научной этики: все исследования, которые несут в себе потенциальную опасность для человечества, должны быть зарегистрированы и вестись под наблюдением Центра.

— Мы не ведем здесь опасных исследований.

— Минимизация входит в список опасных для человечества занятий. Или вы забыли заглянуть в список?

— Почему вы решили, что наши исследования имеют от-

ношение к минимизации? — Профессор покраснел, он дышал часто и мелко.

— Профессор, не будьте наивным. Неужели вы полагали, что ваши игры сохранятся в тайне?

— Я вообще не игрок, а исследователь.

— Вы могли еще надеяться на сохранение тайны, пока ограничивались стенами лаборатории и делились открытиями с полногрудыми ассистентками. Но как только вы вмешались в уголовную деятельность, вы поставили под угрозу не только будущее вашего института, но и ваше собственное.

Профессор нервно раздавил недокуренную сигарету о пепельницу. Он был красен, и веснушки почти пропали на его лице. Профессор не был похож на негодяя — в этом заключается одна из самых зловредных шуток природы: как правило, негодяи не похожи на негодяев.

Так как он молчал, Коре пришлось продолжить:

— Скажите мне, какого черта вы полезли в эту авантюру с уменьшением драконов? Вам мало было лаборатории, славы, денег, охранника на входе, заграничных командировок? Чего вам еще нужно было? Сколько вам заплатили за участие в элементарной уголовщине?

— Вы все неправильно поняли! — Директор был испуган, растерян, с него сполз весь лоск, и он стал очень похож на своего простонародного двоюродного брата-драконокормильца.

— А как вас понять правильно?

Директор достал новую сигарету, зажег ее, затянулся. Он все не мог решиться заговорить.

— Какие у вас доказательства того, что мы здесь занимаемся минимизацией? — спросил он хрипло и откашлялся.

— Господи, он ничего не понимает! — возмутилась Кора. — Он все еще думает, что я здесь играю в игрушки! — Она столь искренне обратилась к несуществующей аудитории, что директор непроизвольно оглянулся, словно ждал увидеть слушателей. — Вы думаете, что я пришла сюда потому, что мне нечего делать? — продолжала Кора. — Поймите, меня прислала сюда, в Лиондор, достаточно могущественная и авторитетная организация, называемая ИнтерГпол. Она прислала меня потому, что вы зашли в своих действиях слишком далеко — вы забыли о том, что драконы не только животные, но и национальное достояние вашей бедной, но гордой державы.

— Ах, только не надо при мне рассуждать о нашей бедности, но гордости! — вдруг взорвался директор, и Кора чуть не рассмеялась, потому что сама с трудом выдерживала традиционные стенания лиондорцев на эту тему.

— Не буду, — сказала Кора. — Мне и без этого есть о чем порассуждать. Я прилетела сюда и столкнулась с совершенно неразрешимым на первый взгляд преступлением: драконы исчезают, в то время как исчезнуть они не могут. Мне пришлось потратить больше суток, прежде чем я догадалась, что, прежде чем украсть, драконов уменьшают в сто раз...

— В семьдесят два, — автоматически поправил профессор.

— Уменьшают, уносят из загона и потом, очевидно, продают. Вы же ученый! Но вы не только помогали этой деятельности, не только снабжали преступников препаратами, но старались помешать следствию и даже пошли на уничтожение следов преступления.

— А вы хотели бы, чтобы я встретил вас со слезами раскаяния? — Директор прикурил новую сигарету от недокуренной и выбросил горящий окурок за перила.

— Надеюсь, у вас там внизу не склад бензина? — спросила Кора.

— Нет, — серьезно ответил профессор. — Там бывшая клумба.

— Зачем вы это делали? Вам мало денег?

— Денег всегда мало, — ответил профессор. — Вот новый корпус надо строить, а ассигнований не дают. Доказываешь им, что наш институт принесет Лиондору сказочные доходы в валюте, а они не слушают — все разворовали под лозунгами бедности и честности.

— Значит, вы сами устроили торговлю драконами? Куда же вы их продаете?

— Драконами? Торговлю? — И вдруг профессор рассмеял-

ся. Он смеялся громко, натужно, будто никогда раньше смеяться ему не приводилось.

— Тогда зачем же, черт возьми, вы этим занялись?

Профессор перестал смеяться и серьезно поглядел на Кору.

— Вы мне не верите, сыщик, — сказал он. — Но я это делал совершенно бескорыстно.

— Бескорыстие — это замена обычной торговли натуральным обменом, — изобрела афоризм Кора. — Что означает бескорыстие в ваших устах?

— То, что я сказал.

— Тогда я попрошу вас рассказать, как и почему вы дошли до жизни такой. По чьему заданию вы воровали или обеспечивали воровство драконов. Затем назовите своих сообщников. Учтите, что наша беседа фиксируется на пленку, — Кора показала на брошку, приколотую к плечу, — и каждое ваше слово будет иметь юридическую силу. Начали?

— Мне нечего вам сказать, — произнес профессор.

Значит, Кора поспешила. Значит, он еще не был готов к признанию.

— Уважаемый профессор, так много курить вредно, вы только что выбросили сигарету и уже стараетесь закурить новую.

— Да? — Профессор с удивлением поглядел на сигарету. Будто и не знал, что курит.

— От нашего с вами разговора сейчас зависит очень многое, — сказала Кора. — Включая вашу работу, ваш институт и, может, даже вашу свободу. А от того, что вы будете запираться или лгать мне, ничего не изменится.

— У вас нет никаких доказательств!

— Есть! Клянусь вам, есть, и неопровержимые.

Кора имела в виду песика Пончика, но, разумеется, открывать свои карты профессору не собиралась.

— Не представляю, где вы могли что-то раздобыть или состряпать.

— Профессор, вы живете не в вакууме. Вас окружают живые люди. И не все вас обожают так же, как ваши ассистентки.

— Дались вам ассистентки! — Профессор выбросил через перила только что зажженную сигарету.

Он был в бешенстве и растерянности, потому что Кора била наверняка, — если ты директор лаборатории и ведешь сложную работу, если у тебя десятки и сотни подчиненных, то кто-то тебя не любит, кто-то тебе завидует, кто-то жаждет твоей скорой кончины.

Но профессор еще держался. Он ничего не сказал, но отрицательно покачал головой.

— Даже если вы не будете осуждены, вы погибнете как ученый. Я даю вам слово, что сведения о вашей преступной деятельности будут доведены до Галактической Академии наук, до всех ваших коллег не только здесь, но и на других планетах. И я могу вас заверить, что вы станете изгоем... вам не подаст руки ни один биолог Вселенной.

— Нет, только не это! — воскликнул профессор.

— Тогда попрошу вас сказать правду. Кому это было нужно? Где драконы? Со своей стороны, ничего не могу вам обещать, но если увижу, что вы искренни в желании исправить свои ошибки, то постараюсь сделать так, чтобы к вашему проступку отнеслись... лояльно.

Профессор молчал. Неужели этот дурак так ничего и не понял? Или он запуган своими сообщниками?

Профессор зажег еще одну сигарету. Пепельница была до половины полна пеплом и раздавленными сигаретами. Кора терпеливо ждала.

— Хорошо, — сказал профессор. — Я вас понимаю. Но я не могу сейчас, немедленно ответить вам на ваши вопросы, потому что ответ на них связан с репутацией других людей.

— Вы боитесь своих сообщников?

— Нет, я не хочу, чтобы пострадали хорошие люди. Клянусь вам, госпожа Орват, что вы заблуждаетесь. В моих поступках и в поступках других людей нет корысти. Это трагедия... Дайте мне два-три часа. Не больше. Я поговорю... ну поверьте мне!

Зеленые глаза профессора заволокло слезами.

Кора поняла, что верит этому человеку. Какие бы преступления он ни совершил, сейчас он искренен.

— Для меня главное, — сказал профессор, — моя работа. Ее результаты. Я не могу лишиться ее. Я погибну без работы. Мне не страшны тюрьма или казнь, но ужасна ваша угроза превратить меня в прокаженного, в парию, мне страшно, что коллеги отвернутся от меня... Но дайте мне три часа, и я вам все расскажу.

— Хорошо, — сказала Кора. — Я вам постараюсь поверить.

Она поднялась. У профессора дрожали руки. Он ухватился за перила балкона, чтобы не потерять равновесия.

— Но сейчас вы должны мне помочь, — сказала Кора.

— Что могу — сделаю.

— Скажите, через сколько времени действует ваш минимизатор?

— Если вводить внутренне...

— Нет, с пищей. С тем пойлом, которое унесла «ночная уборщица».

— Два часа. Плюс-минус десять минут. — Профессор старался не встретиться с Корой взглядом.

— А есть ли у вас средство для восстановления организма в первоначальном размере?

— Разумеется, госпожа Орват.

— Прежде чем я уйду, я попрошу вас дать мне немного этого средства.

— Но зачем?

— Считайте, что один из моих друзей стал жертвой ваших ужасных экспериментов.

— Человек? Я не перенесу...

— Почти человек. Моя собачка!

— Вот как вы догадались!

— Это мне помогло. Хотя я догадалась бы и без трагедии с псом.

— Идите к машине, — сказал профессор. — Я вынесу вам ампулу к воротам.

Коре пришлось подождать профессора минут пять. Она не боялась, что он сбежит. Не тот человек. Для него и на самом

деле ценнее всего его наука. Он впутался в эту историю случайно, и, вернее всего, он и сам лишь жертва обстоятельств.

Профессор вышел, неся небольшую папку.

— Простите, что задержал, — произнес он, пытаясь перевести дух. — Вот статья, которую вы у меня просили.

— Благодарю вас, профессор, — произнесла Кора.

— Через три часа я буду у себя в кабинете, — обещал профессор.

— Я позвоню вам, — сказала Кора. — И надеюсь, что ваши проблемы разрешатся благополучно.

* * *

По дороге в Загон Кора догнала маленькое существо, похожее на паучка в платье. Две косички жестко торчали в стороны.

Существо деловито поднималось в гору к Загону, порой наталкиваясь на прохожих. Оно было погружено в свои мысли настолько, что никого вокруг не замечало.

Это была дочка кормильца, Мелочка.

Догнав ее, Кора посигналила, но Мела не обратила на это внимания, а, продолжая шагать, врезалась в живот офицеру и сильно ушиблась о начищенную бляху ремня. Только тут Кора поравнялась с ней и обнаружила причину столь странного поведения девочки. Оказывается, она на ходу читала книгу.

«Дай-ка я догадаюсь, что это за книга, — сказала себе Кора. — Для сказок Мела уже слишком взрослая, про любовь ей читать еще рано. Значит, это книжка о приключениях Тома Сойера».

— Эй! — крикнула Кора прямо в ухо девочке, и та с досадой оторвалась от чтения и оскалилась, готовая огрызнуться. Но тут она узнала Кору и сдержалась. Правда, вместо того чтобы поздороваться, она сказала:

— Подвезите меня. А то я папе обед несу, еле ноги тащу. Он у меня одурел от обжорства.

Через плечо у Мелочки висел рюкзак, который был для нее тяжел, — даже Коре пришлось поднатужиться, когда она снимала его, чтобы положить на сиденье.

— А что у тебя за книжка? — спросила Кора, пока девочка устраивалась на сиденье лимузина. — Приключения?

— Как вам сказать, — неопределенно ответила девочка. Она протянула книгу Коре. Книга называлась «Как избавиться от вредных насекомых и пресмыкающихся, или Чего не любит таракан».

— Странная книга. И ты ею зачиталась?

— Не оторвешься, — сказала девочка и сжала губы. Глаза ее смотрели упрямо и настойчиво. — Ненавижу всякую нечисть. Выучусь — всех истреблю.

— Ты мне говорила, что и драконов не любишь.

— Не выношу. Крокодилы-переростки.

— Ты что же, каждый день папе такую тяжесть носишь?

— Надо помогать. Вдвоем живем, мамы у нас нет. Я готовлю и таскаю, а отец деньги зарабатывает.

Девочка Коре нравилась. В ней была некая цельность, устремленность характера.

— Ты в школу ходишь?

— В школу ходила, только в этом году не пойду.

— Почему?

— А я все уже знаю. Чему они меня еще научат?

— Ну, допустим, тригонометрии.

Мела критически поглядела на Кору.

— А ну-ка, — без почтения произнесла она, — рассказывайте мне все, что вы помните из этой тригонометрии. До Загона хватит?

Кора была вынуждена признать, что знаний немного и в основном они заключаются в названиях функций. Даже эти названия Кора давно бы забыла, если бы не кроссворды, составители которых обожают вставлять синусы и тангенсы как по горизонтали, так и по вертикали.

— Еще чему меня будут учить? — спросила Мела.

— Еще? Наверное, истории. Но тут я ничего сказать не могу, потому что история у нас с вами разная.

— Еще бы. У вас свои короли, а у нас свои. Ваши короли своих подданных за ноги вешали, а наши — наших. Очень интересно!

— Еще осталась литература!

— Госпожа Кора, не надо меня смешить, — строго приказала девочка. Машина с трудом взбиралась на холм, увенчанный крепостью, в развалинах которой и разместился драконий Загон.

Лимузин затормозил перед входной башней.

— Спасибо, тетенька, — сказала Мела и с трудом стащила с сиденья свой рюкзак.

Кора открыла ей дверь лимузина, но тут же закричала:

— Назад! Не выходи! — Ее голос потонул в шуме воды.

— Ничего! — девочка уже бежала к башне, чтобы скрыться под аркой от внезапного, оглушительного, пузырчатого по лужам, веселого ливня.

Кора видела, что девочка остановилась и разговаривает с полицейским. Видно, полицейский ее не пускает. Придется выручать.

С сожалением Кора вылезла из машины под дождь и пробежала двадцать шагов до арки. Девочка еще стояла там.

— Ой, какой ужас! — сказала Кора. — Так и утонуть можно.

— Нет, — сказала Мела, — вам, чтобы потонуть, нужно целое море.

Если у девочки и было чувство юмора, то своеобразное.

— Я пошла, — сказала она полицейскому.

Девочка поставила рюкзак на голову, как африканка, идущая в гости в соседнее племя.

Полицейский открыл турникет.

Потом хотел закрыть, но Мела обернулась и объявила, показывая лапкой на Кору:

— Эта со мной.

— Тогда пускай идет, — улыбнулся полицейский.

Нет, у нее было чувство юмора.

Дождь был настолько сильным, что уже через несколько метров Мела растворилась среди его струй. Такой дождь не может долго продолжаться.

— Что у вас нового? — спросила Кора у полицейского.

— Слава богу, ничего, — ответил полицейский.

— Драконов покормили?

— Не знаю, госпожа. Я здесь неотлучно.

Помолчали.

Кора поглядела на часы. Скоро двенадцать. Ей следует спешить: может быть, это последние минуты перед очередной драмой. В любой момент могут пропасть последние драконы.

— Обращайте особое внимание на тех, кто хочет вынести из Загона клетку, ящик... или мешок, — сказала Кора.

— А как обратишь, — удивился полицейский, — если все выносят? Мясо выносят, сахар, другие продукты. Теперь ведь как получается — снабжение идет на семерых драконов, а кормят только двоих, и тех еле-еле.

— Не может быть! — вырвалось у Коры.

— Они спешат, все хотят хапнуть, понимают, что долго не протянут. Как смена кончается — все с ящиками и сумками. Как тут обратишь внимание?

— Это непредвиденное осложнение, — призналась Кора.

Дождь все хлестал. Каково там переводчику? Наверное, тоже спрятался.

— Тогда придется вам досматривать все сумки, — сказала Кора.

— И у десципонов тоже?

— И у десципонов тоже.

Кора вздохнула. Как надоела эта бедная, но гордая страна! Лучше бы она была побогаче, может, тогда бы меньше воровали.

* * *

Переводчика все не было. Кто-то его видел, но не сейчас, а раньше.

Куда он делся, никто не знал и не узнает, пока не кончится ливень.

Вошел драконокормилец. На этот раз он сам был накормлен, и, видно, куда лучше, чем кормил несчастных пресмыкающихся. Губы и щеки блестели от несмытого жира, глаза были туманны, словно он разглядывал нежную нимфу.

— Как дела? — спросил он Кору. — Какие новости?

— Отличные, — ответила Кора.

— Скоро найдем драконов? — спросил Аполидор сонно и оглядел коллег, будто намеревался улечься спать прямо здесь.

— Скоро, — пообещала Кора. — Наверное, сегодня.

В ее голосе была уверенность, обрадовавшая некоторых, но смутившая других. У каждого были свои причины ждать возвращения драконов или жить без них. Кому нужна была работа, кому — мясо. Но слова Коры никого не оставили равнодушным.

— Вы разгадали? — вскинулся десципон. — Они живы?

— Насколько я знаю, они живы. Но больше я ничего не скажу, потому что преступники должны быть задержаны на месте преступления.

— Правильно! — громче всех воскликнул драконокормилец.

Кора поглядела на часы. Два часа пятнадцать минут. Срок, данный профессору, истекает.

— Кого нет из сотрудников Загона? — спросила Кора вслух.

Кормилец обвел всех ленивым взглядом.

— Все здесь, — сказал он.

— Кто-нибудь покидал Загон в течение последнего часа?

— Никто. Я в этом уверен, — сказал десципон.

И все подтвердили его слова.

Что-то было неправильно. Может, потому, что исчез переводчик.

— А где ваша дочка? — спросила Кора.

— Внизу, — ответил Аполидор. — Книжку читает. Вы не поверите, как книжка называется, — «Бей тараканов!».

— «Чего не любит таракан», — поправила его Кора.

За окном все так же хлестал дождь.

— Дайте мне, пожалуйста, зонт, — попросила она десципона.

— Подождите, сейчас чай принесут, — ответил тот.

— Я скоро вернусь.

Она взяла еще мокрый зонт.

— Мне идти с вами? — спросил десципон.

— Нет, я хотела бы, чтобы все оставались здесь. Чтобы никто не выходил. Вы отвечаете за это, господин десципон.

Кора схватила зонт и побежала вниз по лестнице.

Косо хлестал дождь, стало холодно, как глухой осенью.

Кора добежала до клетки, в которой жил Небесный Ок. Калитка была заперта.

— Эй! — крикнула она.

В черном зеве пещеры что-то зашевелилось, потом медленно и осторожно наружу высунулись ноздри дракона. Дракон пустил жалкую струйку дыма и спрятался обратно.

Кора побежала к клетке Ласки.

Калитка в нее была приоткрыта.

Черт побери, сейчас бы парализующий бластер — на всякий случай. Может быть, вызвать на помощь полицейского?

Кора вошла в клетку.

— Ты здесь, Ласка? — спросила она.

Никто не ответил.

На земле лежал промокший бантик от девичьей косички.

Тогда Кора пошла вперед уверенней. Если за ней наблюдали из окна административного корпуса, то, вернее всего, затаили дыхание и делали вид, что ничего не видят, — иначе пришлось бы бежать на выручку. А еще неизвестно было, там ли Ласка.

Кора пересекла загон и заглянула в пещеру.

Вход в пещеру был широким, метра четыре, но для дракона только-только.

— Эй! — крикнула Кора. — Вылезай.

В пещере воняло, как в брюхе у гиены.

Кора вытащила из пояса фонарик — маленький, но сильный.

Как она и ожидала, никого в пещере не было.

Кора бросила мешавший ей зонт и побежала из клетки.

Из административного корпуса навстречу ей бежал кормилец.

— Погодите! — кричал он. — Не спешите!

Но Кора намеревалась именно спешить.

Она добежала до башни. Полицейский отпрянул, увидев ее.

— Кто сейчас здесь проходил? — спросила она. — Кто вышел из Загона?

— Никого, — искренне ответил полицейский.

— Думай!

— Только девочка, худенькая, дочка кормильца.

— С рюкзаком?

— С рюкзаком, конечно, она папаше обед носит, а обратно пустые тарелки и кастрюльки и если что из мяса — тоже носит.

— На этот раз она вынесла дракона, — сообщила Кора полицейскому, и тот понял, что госпожа из Центра сошла с ума. Тем более когда он увидел, что она выскочила на улицу и побежала так, словно за ней гнались десять чудовищ.

* * *

Девочку Кора догнала через два квартала. Та и не подозревала о погоне, поэтому не спеша тащила рюкзак и ничем не отличалась от других небогатых детей, что брели по своим делам по улицам города. Нет, отличалась. Где-то эта девочка потеряла тонкий розовый бантик с правой косички. И ни один человек в Лиондоре не подозревал, что эта отважная девица потеряла бантик в загоне страшного дракона, от которого в поле, как известно, бежит взвод пехоты в тяжелом вооружении.

К счастью, дорога шла в основном под горку — кормилец Аполидор жил в нижнем предместье, в районе небогатом, но никак не трущобном, — на улице Барсука, где фасады у домов чистые, но скучные, тротуары выщерблены подошвами, фонари горят редко и тускло, зато перед каждым домом есть палисадник с кустом роз и газоном — два шага на полтора.

Перед таким, некогда зеленым, двухэтажным домиком в два окна, зажатым между точно такими же соседями, Мела остановилась и положила рюкзак на ступеньки. Пока она доставала ключи и отпирала дверь, рюкзак дважды шевельнулся, развеяв последние сомнения Коры.

...Когда Мела отворила дверь и нагнулась за рюкзаком, она увидела, что к его лямкам тянется чужая рука...

Иная девочка упала бы в обморок или завизжала от страха.

А Мела тут же бросилась на Кору и укусила ее за запястье.

Другая женщина от этого упала бы в обморок или завизжала, но Кора подхватила свободной рукой девочку, которая не отпускала ее запястье, и кинула в открывшуюся дверь. Затем, невзирая на льющуюся из руки кровь, втащила в дом рюкзак с добычей и захлопнула за собой дверь, успев при том кинуть взгляд на улицу и убедиться, что никто не видел короткого боя возле домика драконокормильца.

Кора зажгла свет. Девочка сидела на полу в углу прихожей и обдумывала дальнейшую борьбу с Корой. Она оказалась достойным противником.

— Вы чего? — спросила Мела, шаря глазками по фигуре Коры, словно выбирая место, в которое лучше вцепиться.

— Я пришла к тебе в гости, — простодушно ответила Кора. — Нашла твой бантик и решила вернуть.

Не спуская настороженного взгляда с худенькой девочки, Кора достала розовый бантик и кинула его Меле. Бантик бабочкой полетел по воздуху, но не долетел до хозяйки. Та молчала.

— Я в клетке нашла, — сказала Кора. — В клетке драконихи.

— И что? — хрипло произнесла девочка.

— В какую комнату пойдем? — просто спросила Кора.

Она толкнула дверь справа от нее — это была гостиная. Или общая комната — неизвестно, как они здесь называются.

— Проходи, — велела Кора девочке.

Та нехотя подчинилась.

— У тебя зубы ядовитые? — спросила Кора.

— Чего? Не, обыкновенные.

— Дай мне руку перевязать.

— Жалко.

— И это цветок жизни! — воскликнула Кора. — Тогда сейчас завяжу руку скатертью.

— Нельзя, это от мамы осталось!

— Ну вот, видишь! Дай салфетку или платок — ну дай же, наконец!

— В спальне, в шкафу, — сказала девочка.

— Принеси.

— А если сбегу?

— Куда ты сбежишь! — усмехнулась Кора. — Рюкзак-то у меня.

— Это точно, — согласилась Мела и выскочила из комнаты.

Кора развязала тесемки рюкзака. Дракон, что сидел там, зашевелился — руке стало горячо: уменьшенный дракончик, оказывается, сохранил способность пыхать огнем и дымом.

Девочка вбежала обратно. Она принесла застиранный носовой платок.

— Не открывайте! — закричала она с порога. — Они такие шустрые!

— Хорошо, не буду, — сказала Кора. — А остальные где?

— Кто остальные?

— Остальные дракончики, — терпеливо объяснила Кора.

— Не знаю никаких дракончиков.

— Тогда выпускаем? — Кора протянула руку к рюкзаку.

— Погодите, сама выпущу. — Мела протянула Коре платок, и та завязала кисть. Укус был небольшой, но глубокий.

Мела не спешила выпускать дракона. Она смотрела, как Кора завязывает руку, потом сообщила:

— Вы не думайте, я не ядовитая. Я обыкновенная.

— Хорошо, верю.

— Окно закройте.

Кора закрыла окно.

Девочка развязала рюкзак и сначала вытащила из него две пустые кастрюли, миску, ложку, пакет с огрызками, несколько кусков хлеба, и только потом из рюкзака вывалился еле живой, обалдевший дракончик Ласка, осевший на хвост и дышавший тяжело, словно после тяжелой работы.

— Сейчас опомнится. Тогда берегись, — сказала девочка.

Девочка уже успокоилась и, как поняла Кора, была готова и даже хотела поговорить. Раз уж Кора все знает, то и таить от нее нечего. В конце концов, хоть Мела была девочкой необыкновенной, все же она оставалась десятилетним ребенком из неблагополучной семьи.

Вместо того чтобы лететь или бросаться на людей, дракон-

чик подобрал губами кусочек хлеба с пола и принялся его жевать. Кора смогла разглядеть его вблизи.

Уменьшившись, дракончик сразу приобрел разительное сходство с какой-то небольшой экзотической ящерицей — такие водятся в тропиках. Кора тут же подумала, что размер, фактор, в общем-то, относительный, превращает в наших глазах кошек в тигров.

Например, ее любимый котик Колокольчик. Ростом он с немецкую овчарку, и поэтому его никто не принимает за котика, словно это совсем иное животное. Вот и сейчас, глядя на дракончика в локоть длиной, включая хвост с маленькими шипами, Кора поняла, что никто бы и не догадался, что это уменьшенное чудовище, а решил бы, что незнакомая, но безопасная сестричка хамелеона.

Пока дракончик жевал, Кора спросила у девочки, которая также лицезрела добычу:

— А где вы их держите?

— В подвале, — ответила Мела. — Им-то все равно, только бы кормили.

— Там темно, сыро.

— Не, подвал у нас хороший. И кормежка у них лучше, чем в Загоне.

— А потом вы их продаете, Мела? — мягко стелила Кора.

— Так я вам и сказала, тетенька, — откликнулась девочка. — Вы же полицейская.

— Все равно уже все известно, — ответила Кора. — Теперь кусайся не кусайся, но драконов я нашла.

— Вы как меня выследили? — спросила девочка. — Ведь дождик шел.

— А я за тобой специально не следила. Я за твоим папой следила. Ведь он драконам лекарство для уменьшения давал. А когда они становились маленькими, он их тебе передавал.

— Когда как, — сказала девочка. — Сегодня он говорит: ты, говорит, сама иди в клетку, все равно уже промокла. А мне, говорит, надо на глазах у этой ищейки быть. Ищейка — это вы, тетенька.

— Догадалась. И ты пошла в клетку?

— Конечно. Как же папашу не послушаться. Только, видно, пока гонялась за Лаской, бантик потеряла. Вот вы и догадались.

— Мне все профессор Ромиодор рассказал, — честно ответила Кора. — Как только я догадалась, что драконов уменьшают, я прижала профессора к стенке, он и сознался.

— Ну вот! — огорчилась девочка. — Этого мы с папой и боялись: кишка у дяди Ромиодора тонка. Никакой он не характер.

— А ты разбираешься в характерах?

— Как же не разбираться, если у меня характер — ой-ой-ой!

— Вижу. Покажешь мне драконов?

— Папочка с работы придет, у него ключ от подвала. Вот он вам и покажет.

— Хорошо. — Кора не стала спорить. — Я позвоню ему по телефону.

— Наш телефон не работает! — испуганно воскликнула девочка.

В мгновенье ока она кинулась к стене, паучьими, но сильными ручонками разорвала провод. И засмеялась взрослым, холодным смехом.

— Глупенькая, — сказала Кора.

Дракончик медленно пошел по комнате, он никак не мог сообразить, почему раньше он был самым большим, а теперь стал самым маленьким.

— Почему глупенькая? — спросила девочка.

— Ничего это не изменит.

— Может, изменит.

Кора спокойно сидела на стуле, глядела на дракончика, тупо шагающего по комнате, натыкаясь на ножки стола и стульев.

— Ты любишь драконов? — спросила она.

— Я же говорила! — ответила девочка. — Я их ненавижу!

— Зачем же они тебе в доме?

— Чтобы их мучить! — ответила Мела.

Вроде бы все составные части преступления были в руках Коры, но все равно полной картины не получалось. Все складывалось так нелогично!

— Ты их мучаешь?

— Еще как! — И в доказательство этого девочка вдруг подошла к дракончику и жестоко наподдала его ногой. Дракон от неожиданности охнул и взлетел в воздух. Потом упал, шмякнувшись, как лягушка.

— Ты что, с ума сошла? — воскликнула Кора.

— Нет, не сошла. Хочешь, я ему еще дам?

— Нет, не надо! Я ничего не понимаю. — Кора встала и преградила дорогу девочке, которая хотела броситься на дракончика, с трудом вставшего на ноги. Не может быть, чтобы нормальная маленькая девочка ненавидела драконов. — Неужели твой папа об этом не знает?

— Мой папочка ненавидит их даже больше, чем я!

— Он? Он же драконокормилец!

— Ну и что из этого?

— Ничего не понимаю! — воскликнула Кора. — Твой папа ненавидит драконов и кормит их, ты ненавидишь драконов и держишь их в доме. Объясни, пожалуйста.

— А чего объяснять! Мы им мстим!

— Мстите? Драконам?

— Конечно. Они же убили мою маму...

Девочка зарыдала и кинулась топтать дракончика. Тот пытался забиться под кресло. Кора спасала дракончика, а девочка, захлебываясь слезами и шмыгая носом, рассказала, что, оказывается, два года назад любимая мама Мелы и жена Аполидора принесла обед своему мужу в Загон, взяв с собой девочку, которую не с кем было оставить дома. Ей показалось, что ее муж находится в клетке Великолепного, и она подошла к решетке. Дракон, который был в тот день в плохом настроении, выскочил из пещеры, кинулся к решетке, мама Мелы не успела отбежать, и дракон опалил ее своим дыханием, а затем, притянув ее тело к решетке, лапой разорвал на части.

Аполидор полгода просидел дома, переживая свою трагедию, а затем возвратился на работу, хотя многие полагали, что он никогда не сможет приблизиться к драконам. Но куда деваться, если ты по специальности драконокормилец, а каждый в бедном, но гордом государстве Лиондор состоит при своем деле и поменять занятие почти невозможно.

Аполидор вел себя тихо, придраться к нему было нельзя. Даже когда убийца его жены был найден мертвым в своем загоне, никто не заподозрил толстого добродушного Аполидора — ветеринар поставил диагноз: разрыв сердца.

А когда драконы стали исчезать, подозревали кого угодно, но не Аполидора...

— А на самом деле? Что же случилось на самом деле?

— На самом деле папочка узнал об опытах своего брата. И тогда ему пришла в голову замечательная мысль! Раньше он думал, что отравит всех драконов в мире. По одному, не спеша, даже если ему придется положить на это всю жизнь. Но теперь у нас с папочкой появилась мысль о такой мести, до которой никто еще не додумался. Папочка пришел к дяде-профессору и говорит: «Ты любил мою жену?» Тот отвечает: «Как положено и даже больше!» — «Ты будешь мстить?» — спрашивает папа. «Мой долг — месть, это главный закон Лиондора». — «Тогда давай мне твое средство, чтобы сделать драконов маленькими». — «Зачем?» — спрашивает дядя. А затем, говорит папа, что убить можно только один раз и мертвым уже не больно. А вот мучить можно целую жизнь. Это настоящая месть! Сначала профессор, дядя-профессор, отказывался и говорил, что папина месть первобытная, слишком жестокая. Но месть есть месть — что поделаешь, если родственники требуют? И тогда профессор дал папочке уменьшительного порошка. И папочка стал кормить дракончиков этим... мини...

— Минимизатором?

— Вот. Минимизатором... Пошли, посмотришь!

Девочка нагнулась, схватила дракончика Ласку за хвост и пошла из комнаты. Кора за ней.

Мела подошла к небольшой дверце за кухней, откинула крючок и открыла дверь, зажгла свет.

При свете неяркой лампы под потолком взору Коры открылась странная картина.

Внизу под лестницей копошились несколько худых, ободранных, несчастных ящериц, которые при звуке открывавшейся двери кинулись наутек, забились в угол подвала и отту-

да, дрожа, глядели на вошедших людей, пуская из ноздрей безопасные клубы дыма. Вонь в подвале стояла страшная.

Девочка размахнулась и кинула в кучу дракончиков новенькую.

Ласка попыталась на лету раскрыть крылья, но они ее не удержали, и бедная драконихa упала в кучу своих сотоварищей по несчастью, которые принялись отбиваться от нее...

— Я им не даю подохнуть, — сказала девочка, глядя на Кору холодными светлыми глазками. — Мы с папой их по вечерам мучаем. Принесем мамину фотографию, показываем им и мучаем. Пускай смотрят. Мы им подохнуть не дадим!

— Мела, вы же с твоим папой сумасшедшие! — вырвалось у Коры. — Как же можно мстить неразумным животным?

— Можно, — твердо ответила девочка.

Кору охватили ужас и бессилие. Как глупо — вести расследование, строить какие-то версии, не зная истинных мотивов поведения этих людей! Ну как можно было догадаться, что преступление, такое необычное и даже страшное, вызвано местью драконам?

— Пойдем отсюда, — сказала Кора.

— Пойдем, — согласилась девочка. Просто маленькая девочка, которая сама томится в плену мести за смерть любимой мамочки.

Мела заперла дверь в подвал на крючок. Все было так просто... И теперь понятна растерянность профессора — он же тоже участник благородной мести, от которой не имел права отказаться. А как объяснишь это прилетной следовательнице?

Они вернулись в комнату.

Теперь, когда все стало ясно, девочка смягчилась, потеряла к Коре враждебность.

— Я сейчас вам по-человечески перевяжу, — сказала она. — У меня йод есть и бинт настоящий. Подождете?

— Подожду, — сказала Кора. Ей было грустно.

Она подошла к столу. Там лежали стопкой бумаги. Сверху билеты на поезд. На сегодня. Взрослый и детский. До города Кребби.

Девочка вошла с бинтом.

Она увидела, что Кора рассматривает билеты.

— А мы уезжаем сегодня, — сказала она. — У папы отпуск.

— А драконы?

— У нас все продумано. Мы их на этот месяц одному хорошему человеку отдадим. Он их за нас помучает.

— Нет, — возразила Кора, — я их у тебя отберу. Ты уж их достаточно помучила. А маму все равно не вернешь.

— Вы неправильно говорите, Кора, — возразила серьезная девочка. — Если не мстить, очень много неправильности разведется. Надо мстить, чтобы было справедливо.

— Ты помучила драконов и стало справедливо?

— Стало справедливее.

— Но драконы не догадываются, за что их мучают.

— На том свете разберутся. — Девочка не хотела ввязываться в спор со взрослой тетей.

— На том свете драконы будут тебе мстить, — заметила Кора.

— Ну, вот этого не надо! — Девочка вдруг испугалась. Подумала немного и добавила: — А вы бы уходили пока. Сейчас папа придет, у него пистолет есть. Он в сердитом состоянии очень опасный.

— Я тоже очень опасная, — сказала Кора. — И давно вы решили с папой в отпуск уехать?

— Он давно собирался, но все времени не было. А вчера сказал, что деньги получил и можно ехать.

— Значит, вы оставляете драконов здесь, а сами едете поездом на море?

— Ну сколько можно одно и то же говорить! Не потащим же мы драконов с собой! Еще одного можно бы, а у нас их здесь шесть штук! Это ж помереть можно...

— Разумно! — сказала Кора.

Она подумала, что если Аполидор и его дочка сделали свое дело и утолили жажду мести, то на сцене должен появиться кто-то похитрее да поумнее. Кто знает, что драконов мучить глупо. А вот использовать их — не глупо. И этот кто-то обязательно должен быть знаком с профессором. Потому что он должен не только увезти куда-то маленьких дракончиков, но

и сделать их потом снова большими. Потому что маленькие драконы никому не нужны. Ведь маленькие тигры зовутся котами. И встречаются на каждом дворе. Даже если они полосатые.

— Мела, — сказала Кора, — пока ты готовишь кофе, я еще разок на дракончиков погляжу. Можно?

— Идите, только близко к ним не подходите, — откликнулась из кухни девочка. — Вы не думайте, что они у меня такие запуганные и затравленные. Если им палец протянуть — обязательно откусят. Совершенно непослушные. Я папе говорила: помучили, давай задушим. А он говорит: погоди, еще помучаем...

«Девочка мучила дракончиков, а папочка искал клиента, — подумала Кора. — Если я правильно рассуждаю, то он искал клиента. Или, может быть, с самого начала он исполнял чужую волю — просто драконов надежнее всего было хранить в этом доме?»

— Они бросаются, хоть и дохлые, — засмеялась девочка.

Кора прошла коридором к двери в подвал. Дракончиков было жалко. Но любви к ним Кора не испытывала. Она отперла дверь, приоткрыла ее и зажгла свет. Дракончики в ужасе отпрянули, но смотрели злобно и настороженно, они были готовы к последнему и решительному бою.

— Дурачки, — сказала Кора. — Не буду я вас мучить. Мучить других — занятие, которое придумали люди, потому что они единственные из живых существ знают наслаждение мести, радость от чужих страданий. А драконам плевать на чужие страдания.

И тут Кора поняла, что Ласка, самая светлая из дракончиков, намерена разбежаться, взлететь и откусить кусочек от Коры.

— Да погодите, крокодилы, — уговаривала их Кора. — Не надо на меня накидываться...

Сзади послышался легкий шум — наверное, прибежала девочка, чтобы посмотреть, как тетя Кора мучает дракончиков.

Кора хотела обернуться, но не успела, потому что почувствовала резкую боль в затылке и потеряла сознание...

* * *

Очнулась Кора с мыслью, что ей надо было позвонить господину церриону средней руки и признаться ему, что провалила задание, ибо стала с возрастом неосторожной, рассеянной и беспечной. Если ты стоишь в дверях подвала в доме преступника, то ты не должна позволять кому ни попадя подходить к тебе сзади и стукать тебя по голове.

«Сейчас поднимусь и позвоню церриону... наверное, когда-то здесь проходили римские легионы и основали на этой планете свою колонию. Центурионы стали церрионами и получили министерства... У меня бред? Странно, никаких оснований для бреда быть не должно...»

Кора постаралась открыть глаза, но глаза почему-то не открывались.

Надо протереть их — наверное, что-то в них попало... голова все так же отказывалась работать. Кора попыталась протереть глаза, но почему-то это не получилось. Почему? Кора тряхнула головой, чтобы прочистить мозги, и тут голову пронзило такой тупой и глубокой болью, что все стало на свои места. Ее ударили.

Теперь она сидит... или лежит? Нет, сидит — сидит с завязанными глазами, со связанными руками...

А ноги? Ноги привязаны, вернее всего, к ножкам стула... «Потерпи, головушка, сама виновата. Прижмемся спиной — да, это спинка стула. Потрогаем икрами ног — да, это ножки стула. Язык прижат, и состояние во рту отвратительное — значит, во рту кляп. Ну и попала ты в переплет! Можно сказать — повезло, что не убили. А может, лучше бы убили, чем обращаться как с дракончиками — мучить, но не убивать до смерти».

Кора постаралась принять решение, как освободиться от пут. Решение найти можно всегда, особенно если тебя этому учили. Но Кора не успела сделать это, потому что услышала шаги. Оказывается, уши ей не заткнули и она могла слышать.

Вот слышны шаги. Голоса. Хлопнула дверь. Шаги приблизились. В комнату вошли.

— Это еще что такое? — Кора узнала голос профессора.

— А что ты прикажешь делать? — произнес раздраженно драконокормилец. — Она залезла в дом, увидела дракончиков...

— Погоди, — сказал профессор. — Выйдем отсюда. Она же нас может услышать.

— Не убивать же ее?

Они вышли. Но, к счастью, остановились в коридоре или в соседней комнате за открытой дверью, и хоть им казалось, что они достаточно понизили голоса, на самом деле Кора, обладавшая профессионально развитым слухом, слышала каждое их слово.

— Она меня не должна видеть, — прошептал профессор. — От этого все зависит.

— Понимаю, — сказал Аполидор.

— А тебя она не видела?

— Не видела. Но я ждал тебя, чтобы вывезти ее из моего дома.

— Я все возьму на себя, — сказал профессор. — Не беспокойся.

— Только не убивай ее. Она хорошая баба, и дочка моя к ней хорошо относится. Не надо убивать.

— Да не буду я ее убивать! Клянусь небом, не буду. Отвезем куда подальше, бросим в лесу — пускай добирается.

— Ну смотри, ты мне обещал.

— Сколько времени? — спросил профессор.

— Без двадцати три, — ответил кормилец.

— Вам пора собираться. А то на поезд опоздаете. Когда начнется суматоха, вы должны быть как можно дальше отсюда. На берегу моря, на солнышке, на пляже.

— Мела! — позвал кормилец. — У тебя все готово? Нам с тобой пора на вокзал.

— Я готова, — ответила девочка. — Но я никуда не поеду, если вы что-нибудь плохое сделаете тете Коре.

— Что же я — убийца, что ли? — удивился профессор.

— А ты, дядя, обещаешь мне дракончиков мучить, пока нас не будет?

— Вот это я обещаю, — засмеялся профессор.

Девочка вошла в комнату и подошла к Коре.

— Вы нас простите, тетя Кора, — сказала она, дотронувшись до ее руки. — Папа неплохой, только он у меня слабовольный. А меня не всегда слушается. Вы немножко посидите, а потом вас обязательно найдут.

Девочка понизила голос и прошептала:

— А я с телефона-автомата в полицию позвоню, но не назовусь. Понимаете, чтобы они приехали и вас развязали. Так что вы потерпите немножко.

«Беги, — хотела бы сказать ей Кора, — ты вовсе не такая плохая, хотя в голове у тебя беспорядок!»

— Мела! — позвал ее отец. — До поезда полчаса осталось.

— Идите, идите, — негромко произнес профессор.

Шаги. Хлопнула дверь. Кора поняла, что Аполидор и его дочка ушли. В доме остался профессор, он — враг совсем другого масштаба. Единственный для нее шанс остаться в живых — вести себя тихо, ничем не показать, что она узнала профессора... Как мило, думала она, кормилец Аполидор и его дочка были уверены, что заставили доброго дяденьку уменьшать для них дракончиков. Дядя с трудом согласился... Сделал одолжение. Вот и сейчас он сделал им еще одно одолжение — согласился подержать дракончиков у себя, пока родственники отдыхают на море. Ах, какой благородный профессор! И она, дура, поддалась его очарованию, разделила его испуг — что подумает о нем международная научная элита?

Коре было слышно, как в коридоре профессор говорит по телефону, прикрывая трубку ладошкой:

— Все готово. Можете высылать машину. Выезжаю через пятнадцать минут. Не беспокойтесь... Уехали. Как и договаривались — они в поезде, едут на морские купания... — Профессор засмеялся. — Правильно. Так, надеюсь, и будет. Да, кстати, есть одно небольшое осложнение. Здесь сидит госпожа Кора Орват. Нет, не бойся. Мой брат ее оглушил и завязал ей глаза. Меня она не видела... Сидит связанная. А зачем ее убирать? Она знает только Аполидора и девочку. Так что она будет полезным для нас свидетелем. Ну все, я пошел в подвал соби-

рать этих тварей... Брезентовые рукавицы отыщу — у брата где-то были. Все. Ждите.

Стукнула трубка.

Кора всем телом почувствовала, как профессор заглянул в комнату, посмотрел на нее. И тихонько вышел. Скрипнула, закрылась дверь. Шаги удалились по коридору. Сейчас он полезет в чулан, будет искать рукавицы.

Кора напрягла мышцы рук — она делала это уже несколько минут, постепенно ослабляя путы. Одновременно хмурила лоб и двигала ушами, сдвигая вверх повязку. Надо спешить... Теперь ноги!

Если напрягать и расслаблять мышцы, веревки ослабевают — ведь привязывал ее не профессионал, а обыкновенный драконокормилец.

Освобождение от пут заняло минуты три. За это время профессор расшвырял все в чулане, но не нашел рукавиц и вынужден был отправиться к дракончикам с голыми руками. Коре не было его жалко. Сейчас они ему покажут!

Кора слышала, как, чертыхаясь, профессор прошел в ванную. Ага, сообразила она, замотал руки полотенцами. Вот он возвратился в коридор, щелкает крючок — дверь к дракончикам открыта. Сейчас начнется самое веселое — ловля драконов! Ему теперь не до Коры.

Кора быстро освободила руки от веревок, размотала ноги, чуть вытащила изо рта кляп, но прикусила его, оставив между губами. Теперь она могла в любой момент уйти.

Но это не входило в ее планы.

Профессор должен покинуть дом и унести дракончиков, полагая, что Кора надежно привязана к стулу.

Пока что она, приподняв повязку, огляделась.

Она сидела на стуле в гостиной, где уже бывала. Отсюда до двери на улицу всего несколько шагов.

Коре было слышно, как возится, чертыхается, падает, прыгает профессор: ловля драконов в тесном подвале — это спорт смелых!

Охота затягивалась. Коре уже надоело ждать.

Наконец она услышала, что профессор покинул подвал. Вот он тащит свою добычу по коридору.

Кора застыла на стуле. И правильно сделала.

Тяжелое дыхание вконец замученного генетика ворвалось в гостиную. Нелегко ему дались драконы!

Профессор не задерживался у дверей. Как только он убедился, что Кора надежно привязана и не предпринимает попыток освободиться, он поспешил далее.

Хлопнула входная дверь.

Теперь наступило время действовать.

В одно мгновение Кора сбросила веревки с рук, вытолкнула языком кляп, сорвала повязку с глаз, освободила ноги.

Тут же она бросилась к окну, которое выходило на улицу.

Увиденное ею зрелище было настолько выразительным, что Кора не удержалась и захлопала в ладоши — благо профессор ее не слышал.

Профессор волочил старый толстый кожаный чемодан, но не это развеселило Кору, а его вид. Профессор был исцарапан так, словно воевал с бешеной кошкой, причем подставлял ей лицо. Костюм его был порван, при ходьбе из брючины высовывалась голая коленка, а рукав пиджака где-то потерялся. Рубашка — в клочьях, один ботинок пропал...

— Нагноение тебе обеспечено, — тихо сказала Кора, глядя на профессора в окно. — Но не дай бог случится заражение крови. Нет, я тебе не завидую!

Морщась от боли, профессор подошел к автомобилю, который стоял у подъезда, и втолкнул в заднюю дверцу машины чемодан с дракончиками.

Затем сел за руль. Он не сразу смог завести машину — пришлось вытереть кровь с распухающих на глазах кистей.

Наконец машина рванула с места и помчалась по улице.

Но в этот момент Коры уже не было в доме. Она выбежала на улицу, и не успела машина профессора скрыться за углом, как Кора уже прыгнула в свой старинный лимузин. К счастью, тот был преисполнен чувства долга и завелся в одно мгновение. Затем он утробно и низко зарычал и бросился в погоню за профессорской малолитражкой.

* * *

Кора держалась на почтительном расстоянии от машины профессора — ей не хотелось, чтобы тот заметил погоню. Впрочем, сделать это было несложно, потому что центральная улица, пересекавшая всю столицу, была запружена автобусами, повозками, грузовиками и лимузинами, подобными тому, который был выделен для Коры.

Так как путешествие выдалось неспешным, от затора до затора, от светофора до светофора, Кора воспользовалась свободным временем, чтобы нажать синюю кнопку на браслете.

Как известно, Инструкция № 16 для агентов ИнтерГпола гласит: «В случае опасности для жизни агента либо для порученного ему дела агент обязан наговорить на браслет все соображения и факты, которые могут способствовать решению дела после гибели или выхода из строя агента».

Последние слова этой Инструкции Коре не нравились, но она признавала их разумность. Поэтому она наговорила на браслет вот что: «Нет сомнений в том, что похищение драконов производилось следующим образом: кормилец Загона Аполидор с помощью несовершеннолетней дочери Мелы подмешивал в пищу драконам препарат минимизатор, разработанный в лаборатории Второго института профессором Ромиодором, являющимся братом подозреваемого. Минимизатор оказывает воздействие на молекулярную структуру тела, что приводит к уменьшению организма в несколько десятков раз. Как только дракон под действием минимизатора уменьшался, Аполидор или его дочка спокойно засовывали бывшее чудовище в мешок и выносили из Загона на глазах у почтенной публики. Не вызывает сомнения и причина, побудившая кормильца Аполидора и его дочь заняться столь рискованным и сомнительным делом, как похищение драконов. Эта причина — месть за жену Аполидора, убитую в прошлом году драконом по кличке Великолепный. Аполидор и его дочь помещали украденных драконов в подвал своего дома и там мучили, избивая, моря голодом и холодом, но не давая своим жертвам помереть. Такой образ действий кажется неприемлемым для

цивилизованных жителей Земли, но в отсталом государстве Лиондор он не представляется из ряда вон выходящим...»

Малолитражка профессора выбралась на простор широкого, разбитого колесами пыльного шоссе. Справа показался указатель: «До аэропорта 7000 локтей». Кора осторожно объехала свалившуюся набок повозку с арбузами и тоже прибавила скорость.

Затем снова включила запись:

«Вся эта история звучит слишком гладко и почти безобидно. В то же время я видела дракончиков собственными глазами и гарантирую правдивость своих показаний. Весь мой опыт убеждает меня в том, что, когда необычное и масштабное преступление совершают люди, не имеющие представления о том, что творят, почти всегда находятся умные и сообразительные преступники, готовые воспользоваться плодами их трудов. Как выяснилось, уменьшенного дракона нетрудно привести в исходное положение, так что временное уменьшение драконов оказывается замечательным средством для транспортировки громадных чудовищ. Мне стало известно, что на драконов есть спрос в соседнем государстве — Миандрии, осталось лишь недостающее звено: кто догадается совместить спрос (рынок в Миандрии) с предложением (уменьшенными драконами) и каким образом это будет сделано? События не заставили себя ждать — я обнаружила в доме Аполидора железнодорожные билеты для него и дочери, так как подозреваемые собрались поехать на морские купания. Тут же я узнала, что профессор Ромиодор выразил готовность позаботиться в их отсутствие о дракончиках. Вскоре на меня было совершено покушение — меня спешили вывести из игры, но не убили. Следовательно, преступникам надо было время, чтобы вывезти из страны дракончиков, о чем наивный Аполидор не догадался. После того как я освободилась от пут, мне удалось увидеть, что профессор с чемоданом, полным дракончиков, на своей машине направился по центральной улице, ведущей, как я только что узнала, к аэропорту. Вернее всего, дракончиков постараются вывезти из страны воздушным путем. Так как число и возможности преступников мне неиз-

вестны, то я готовлюсь попасть в критическую и опасную ситуацию. В настоящий момент мы находимся в километре от аэропорта, и я сворачиваю с главного шоссе в сторону зданий аэропорта следом за автомобилем № 12-43-877, малолитражкой синего цвета. В автомобиле находится профессор Ромиодор, на заднем сиденье — чемодан с драконами. На этом я заканчиваю сообщение. Если больше не увидимся, передайте привет бабушке Насте, а также моему начальнику и учителю комиссару Милодару, от которого я немало натерпелась, но и многому научилась. До связи. Агент № 3 — Кора Орват».

Малолитражка профессора затормозила на стоянке у обветшавшего, давно не крашенного здания аэровокзала, знавшего лучшие времена. Профессор вылез из машины и покрутил головой, то ли проверяя, нет ли погони, то ли ожидая сообщников. Никого не обнаружив, вытащил из задней дверцы объемистый и тяжелый чемодан и поволок его в здание.

Кора дала ему скрыться внутри: далеко он теперь не уйдет — и припарковала свой лимузин так, чтобы в случае нужды можно было сразу выехать на основную магистраль. Затем Кора вошла в зал и осмотрелась.

Зал был велик, но желающих куда-то лететь с сумками, баулами, чемоданами, ящиками было больше, чем он мог вместить. Тем более что на табло в зале каждого второго рейса были надписи: «Вылет отменяется по техническим причинам» или «Рейс задерживается из-за нехватки топлива за пределами нашего государства». Кора внимательно просмотрела расписание, ища международный рейс, отправляющийся в ближайшее время, предпочтительнее всего в Миандрию. Но такого рейса не обнаружила.

Знакомство с расписанием показало, что единственный рейс на Миандрию уходит утром. Еще один рейс в неизвестное Коре государство Либерпуть был отменен «по техническим причинам за пределами наших границ». Стройная теория международной контрабанды рушилась на глазах. Тем более что профессор вел себя совершенно спокойно — вот он стоит в стороне от очередей к регистрационным стойкам, чемодан у его ног. Профессор достал какую-то брошюру серого цвета,

похожую на доклад на научной конференции, и читает, словно он не похититель государственных драконов, а обыкновенный биолог, собравшийся обменяться опытом с такими же, как он, наивными учеными.

Все неладно! Все неправильно!

Но будем терпеть. Должен же профессор что-то предпринять...

Кора сделала несколько шагов в сторону и встала за бетонной колонной, на которой были выцарапаны неприличные слова и политические обвинения, оставшиеся от последней избирательной кампании. И тут ее окликнули:

— Дама Орват! Какое счастье! Я ищу вас по всему городу!

Еще этого не хватало! Оказывается, ее отыскал переводчик в коротких штанишках.

— А вы здесь что делаете? — строго спросила Кора.

— Я вас ждал в Загоне, но там был такой дождь...

Переводчик не скрывал радости, что отыскал Кору. Одет он был иначе, чем всегда. Штанишки были длиннее, при известной доле либерализма их можно было счесть короткими брюками. На шее был тщательно повязан синий галстук с полосками, формально означающими: «Пребываю при персоне высокого ранга». Неужели Кору перевели рангом повыше? Или это самодеятельность тщеславного Мери?

— Как же вы догадались, что я в аэропорту? — спросила Кора.

— Ах, у меня есть свои источники информации.

Переводчик сделал широкий жест, как бы предлагая Коре отыскать его источники в толпе пассажиров.

— И что же вы обнаружили? — спросил переводчик.

— Я практически распутала все это дело, — сказала Кора.

— Не может быть!

Переводчик был тщательно причесан на прямой пробор, волосы смазаны кремом и чуть завиты на концах, что характеризует прическу холостого, склонного к вступлению в брак мужчину из хорошей семьи.

— Я даже знаю, где находятся драконы и в каком виде.

— Где? Где? Не таите от меня, вашего верного слуги!

— Здесь, — сказала Кора и насладилась произведенным эффектом.

Переводчик открыл рот и забыл его закрыть. Так и стоял, а Кора ждала, когда пройдет шок, чтобы можно было продолжить рассказ и показать на профессора и его большой чемодан с маленькими драконами.

Но сказать она ничего не успела, потому что знакомый приятный голос прервал эту сцену.

— Госпожа Орват? Вот кого я не ожидал здесь увидеть! — воскликнул церрион средней руки, который вошел в здание аэропорта и, увидев переводчика и Кору, направился к ним. — Чему мы обязаны вашим появлением здесь? Неужели вы покидаете нас раньше срока?

— Я несколько раз пыталась вам дозвониться, — сказала Кора, поздоровавшись с министром. — Но это нелегко сделать.

— Разумеется, — согласился министр, улыбнувшись, как умеют улыбаться большие начальственные лица, усталые от бесконечных трудов на благо государства. — Я был на совещании у премьера, затем готовился к срочной поездке.

— Вы улетаете?

— Иначе зачем мне приезжать в аэропорт, — улыбнулся министр. — Но я вернусь послезавтра и надеюсь, что смогу еще с вами побеседовать и, если нужно, оказать вам помощь в поисках драконов.

— Господин церрион, — сказала Кора, поняв, что вот-вот лишится единственного покровителя, — я как раз и искала вас, чтобы сообщить, что драконы мною найдены. Я знаю, как они были украдены, кем они были украдены и где они находятся сейчас.

— Вот видите? — воскликнул переводчик. — Она сошла с ума!

— Я буду рад побеседовать с вами сразу по возвращении, — сказал министр. — К сожалению, сейчас мне пора уходить. Мой самолет ждет.

— Ваш самолет?

— Разумеется, не полечу же я на пассажирском самолете. — Молодой министр сокрушенно покачал головой, будто Кора сморозила оскорбительную глупость, но он остается выше этого.

— Мы с господином церрионом не можем лететь на обычном самолете! — заявил переводчик.

— И, наверное, вы летите в Миандрию? — спросила Кора.

— Да. Об этом объявлено в последних известиях по радио, — сказал переводчик. — Это частный визит конфиденциального свойства.

— И профессор Ромиодор летит с вами? — спросила Кора.

Министр направился к выходу на летное поле. Переводчик за ним. Кора не отставала.

Министр ускорил шаги.

— Я спросила о профессоре!

— Я не знаю никакого профессора, — откликнулся церрион. — Переводчик Меррони, разве профессор Ромиодор проходит по нашему ведомству?

— Первый раз слышу это имя! — воскликнул переводчик. Он пытался на ходу оттеснить Кору.

Троица приблизилась к профессору.

Тот увидел в первую очередь министра — по высокой форменной шляпе. И, видно, встревожился, что министр может его не заметить.

Профессор рванулся следом за министром, волоча тяжелый чемодан.

— Господин церрион! — звал он. — Господин церрион, оглянитесь!

Он почти настиг министра и переводчика, которые или не слышали его, или делали вид, что не слышат, когда узнал Кору.

В этот момент они все как раз прошли через дверь на летное поле и оказались вне глаз и ушей остальных обитателей аэропорта.

— Как? — спросил профессор, пораженный зрелищем Коры. — Вас нет! Вы... вы же в доме кормильца Аполидора. Я же вас видел!

— Вот именно! — жестко сказал министр. — Вы мне доложили, что женщина связана и безопасна.

— Но я же видел!

— Почему вы ее не убрали, идиот?

— Ну... ну, это лишнее. Я не приучен... — Профессор был растерян и напуган.

— Говорите, вы не приучены убивать. А таскать каштаны из огня для вас другие приучены? Вступать в долю с порядочными людьми вы приучены! Надо было прирезать ее, пока связана, и тогда мы с вами спокойно бы улетели куда надо. И вернулись бы богатыми людьми. Вы же этого хотели?

— Мне нужны деньги для продолжения исследований. Вы же знаете, что не для похоти...

— Ясно. Мне они нужны для похоти? — Министр рассвирепел. Он неожиданно страшно и жестоко ударил профессора по лицу, и тот пошатнулся, прикрыв голову руками.

— Действуй! — приказал министр переводчику.

Кора оставалась свидетелем — не более как свидетелем. Но она была настороже, потому что в отличие от профессора знала, что профессиональные политики обходятся без морали и жалости — иначе им нечего делать в политике.

— Видите ли, — обратился министр к Коре, — оказывается, ему деньги нужны на развитие науки, на бескорыстное знание... А мне? Мне они нужны для того, чтобы стать президентом и вытащить эту страну из нищеты и лицемерия! Мне нужны деньги, чтобы железной рукой вымести гниль и воровство из всех ее уголков!

— Понимаю, вам приходится идти на последнее воровство, чтобы покончить со всем воровством, — ответила Кора.

Министр осекся. Замечание Коры ему не понравилось. Политики обычно лишены чувства юмора, не говоря уж о чувстве иронии или сарказма.

Переводчик уже поволок тяжелый чемодан к летному полю.

Метрах в трехстах от них Кора увидела небольшой современный самолет, украшенный гербом правительства и личным гербом церриона средней руки.

— Остановите его! — сказала Кора министру. — Не надо улетать. Это ничего не изменит.

— Поздно! — усмехнулся министр. — Вы сделали большую

ошибку, госпожа Орват! Вам не надо было спешить на аэродром. Сидели бы мирно на стуле, ждали, пока вас спасут. Потом бы дали показания на суде о преступлении драконокормильца — преступлении под влиянием душевных волнений. Аполидору дали бы не очень большой срок. Каждый судья понимает, что такое законы мести...

— Остановите его, или я сама буду вынуждена его остановить.

Профессор распрямился. Половина его лица представляла собой кровоточащую ссадину. Ну и рука у молодого министра!

— Зачем же меня бить? — спросил Ромиодор. — Я же все выполнил. Я все сделал, я подставил своего кузена, я даже сам привез драконов сюда... Зачем же бить?

— А затем, мой дорогой, — холодно сказал министр, — что никто не поверит в то, что один слабоумный служитель зоопарка уменьшил в сто раз драконов и притащил их к себе домой.

— Но мы же договорились, что он, использовав мое семейное доверие, украл у меня минимизатор... — растерянно сказал профессор, который все еще никак не мог понять, почему вместо благодарности он получает колотушки и угрозы.

— Да на тебя любой следователь надавит, и ты расколешься, — сказал молодой министр, и Кора поняла, что за спиной министра стоит темное уличное детство, а может, и преступная юность. — Мы не можем рисковать.

Министр вытащил пистолет. Сделал он это как-то лениво, не спеша, так что со стороны наблюдатель вряд ли заметил бы что-то неладное, — да и сам пистолет был похож на авторучку. Невинная сцена...

Кора понимала: они убьют профессора. Но тогда они не оставят в живых и саму Кору...

Она не стала ждать, пока министр откроет стрельбу, она знала эти авторучки — они стоили бешеных денег. Они стреляли растворимыми в крови ампулами с ядом, который нельзя обнаружить ни одним анализом. У человека просто останавливается сердце...

Но у авторучки был один недостаток — ограниченный радиус стрельбы, кажется, до семи метров.

Кора схватила профессора и рванула его на себя и в сторону.

Толстое, вялое, нетренированное тело Ромиодора взлетело в воздух и, упав, покатилось к груде ящиков, забытых здесь, видно, лет пять назад.

Министр выстрелил.

Кора рыбкой нырнула следом за профессором.

Она не знала, сколько зарядов выпустил министр и сколько их еще осталось.

Профессор забился у нее в руках.

— Да не беги, убьет! — зашипела на него Кора, затаскивая его в полумрак за ящики.

Но профессор бился, как рыба, вытащенная из воды. Видно, в его помраченном сознании министр оставался другом, защитником, а Кора — полицией, врагом, позором...

Профессор умудрился ударить Кору ногой в живот, и она на мгновение ослабила хватку.

Ромиодор выскочил из-за ящиков и кинулся к министру, который стоял, направив пистолет на ящики.

— Господин церрион, я здесь! — закричал профессор.

— Вот и молодец! — радостно откликнулся министр и, подождав, пока до профессора останется шагов пять, выпустил в него ампулу.

Профессор как бы натолкнулся на стену и, раскинув руки, сполз по ней на бетон.

— Руки вверх! — крикнула Кора из-за ящиков. — Или я стреляю.

Стрелять ей было не из чего — на мирную планету сыщик ИнтерГпола отправляется без оружия. Но министр об этом не знал.

Он бросился к самолету.

Переводчик, уморившийся тащить чемодан, остановился и сообразил, что Кора хочет убить его дорогого министра. Он вытащил из кармана своих коротких брючек пистолет и принялся палить в Кору. Оказывается, они отлично вооружились для конфиденциальной поездки в соседнее государство.

На расстоянии двухсот метров выстрелы переводчика опасности почти не представляли.

— Вернитесь! — окрикнула Кора, присев за ящики, чтобы не дразнить судьбу. — Сдайтесь!

Министр, человек молодой и сильный, подхватил чемодан и громадными прыжками побежал к самолету.

Переводчик отступал, стреляя на ходу.

В этой удаленной от пассажирских терминалов части аэродрома смертельная схватка не привлекла внимания. Отдаленно гудели моторы, еле-еле доносился голос информатора, и жизнь текла, словно отделенная стеклом.

Министр на бегу поднял руку.

Выглянув в носовое окошко, пилот увидел, что министр бежит к самолету, и сообразил, что надо делать. Моторы самолета взревели, и из сопел потек горячий воздух.

Переводчик догнал церриона и помог ему, напрягшись, втащить чемодан в чрево самолета.

Потом сам поднялся внутрь и утянул за собой трап.

Люк закрылся.

Кора вышла из-за ящиков. Было поздно бежать в диспетчерскую и пытаться остановить взлет. Да и кто послушает перемазанную, избитую девушку, старающуюся сорвать правительственный визит.

Кора подошла к профессору. Больше ему на научные конференции не летать. Видно, научным талантам лучше собирать деньги на исследования более традиционными путями.

Самолет покатил к взлетной полосе.

Кора посмотрела на часы. Прошло уже больше двух часов с тех пор, как ее ударили по голове в доме кормильца.

Самолет вырулил на полосу, на несколько секунд замер в конце ее и потом, набирая скорость, помчался по бетону.

Вот он оторвался от поля и начал круто набирать высоту.

В тот момент и случилось то, чего ждала Кора.

Самолет в полете как бы натолкнулся на препятствие. Он начал крениться и трепетать... и вдруг рассыпался, как лопнувший от передува воздушный шарик.

Во все стороны полетели кусочки самолета.

А в том месте, где был самолет, появилось черное пятно.

Падая, пятно быстро увеличивалось в размерах и разваливалось на шесть пятен поменьше, каждое из которых, вытянув хвост и расправив перепончатые двадцатиметровые крылья, прекращало падение, и драконы, словно шесть самолетов, рожденных погибшей от такого напряжения самолетом-маткой, выровняли курс и, набирая высоту, полетели в сторону Голубых гор.

* * *

Во Втором биологическом институте, куда Кора приехала на следующий день, чтобы по договоренности с ассистентками и директором получить у них толику максимизатора — средства для возвращения песика Пончика в прежнее состояние, ее ждали.

Всем было любопытно узнать, как погиб профессор Ромиодор, что случилось с самолетом и правда ли, что в катастрофе, которую Кора наблюдала, потерял жизнь сам церрион средней руки, наиболее вероятный кандидат в президенты на ближайших выборах, либерал, радевший о простом народе.

Но Кора мало что могла рассказать, сославшись на то, что приехала на аэродром поздно, когда профессор уже погиб, а драконы улетели. Так было уговорено еще утром на встрече с президентом и сановниками Лиондора. Но так как драконы все же существовали и об исчезновении их все узнали, то Кора рассказала молодым биологам официальную версию: покойный профессор, поддавшись родственным чувствам, дал немного минимизатора своему брату Аполидору, а тот уменьшал драконов и мстил им таким образом за трагическую гибель своей жены. Узнав об этом, переводчик Мери украл у кормильца дракончиков и хотел спрятать их на самолете церриона, который улетал с визитом в соседнее государство. Профессор пытался остановить преступника, но переводчик Мери убил его, а затем, когда по неизвестной причине драконы неожиданно вновь увеличились, погиб и сам. И погубил любимца народа — церриона средней руки. Вот и вся история.

Молодых ученых, включая нового директора лаборатории,

более всего волновали результаты испытаний минимизатора на живых драконах. Они с нетерпением ждали, когда же драконов, за которыми отправилась воздушная экспедиция, поймают и вернут, чтобы можно было сделать им анализ крови. Молодые ученые были энтузиастами науки. Ассистентки, которым теперь придется искать новых поклонников, что тоже не лишено пикантности, суетились вокруг Коры, разглядывая бегающего по носовому платочку сантиметрового песика. Одна из них даже уговаривала Кору оставить его таким вот, миниатюрным, — это же так восхитительно!

* * *

Когда Кора пришла попрощаться домой к Аполидору, все еще чувствующему себя виноватым за то, что он ударил Кору по голове и связал ее, Пончик уже снова вырос и бегал по комнатам, тревожась от не выветрившегося еще запаха драконов. Аполидор не жаловался, что его выгнали с работы, — в конце концов, он совершил должностное преступление. Нельзя же мучить животных, даже если ты имеешь на это оправдание.

— А когда вы успели дать драконам средство, чтобы они увеличились снова? — спросила Мела.

— Ты была на кухне, делала мне кофе, а я прошла в подвал и дала драконам максимизатор, полученный в институте от твоего дяди.

— И запомнили время?

— Я знала, что у меня в запасе есть два часа.

— Но как вы догадались это сделать? Вы же не знали, что они полетят на самолете.

— Если бы я знала, что они полетят на самолете, я бы никогда не дала драконам средство для увеличения. Я же не палач, а только сыщик. Я рассудила иначе: маленьких драконов можно спрятать и перепрятать. Тогда найти их будет невозможно. Ведь я подозревала, что вы с папой — лишь фасад, за которым скрываются настоящие преступники. А кто они? Я не знала. Поэтому я подумала: если драконы вновь увеличатся, то преступники будут захвачены врасплох. Куда ты спрячешь шестерых двадцатиметровых драконов?

— Просто и гениально, — вежливо произнес Аполидор, ставя на столик поднос с кофе. За последние три дня он похудел почти вдвое. На следующий день после гибели министра их с девочкой отыскали на побережье и под стражей привезли в столицу, где сутки допрашивали, прежде чем отпустили на волю, определив до конца дней Аполидора в подметальщики улиц с правом носить серый фартук и валенки, но без права на черную шляпу...

— Вы настоящая мстительница, — с уважением произнесла девочка. — Целому самолету отомстила, министру отомстила и даже переводчику.

— Глупыш, я никому не мстила.

— Мстила. Переводчику, что не переводил, а только доносил на вас министру. Он хотел тебя убить. А профессору — чтоб не врал. А самолету отомстила за то, что возил драконов. Представляете... — девочка даже закатила глазки, — как они начали увеличиваться? Чемодан — бабах! В клочки! Их самих — всмятку, самолет — на кусочки! Вот это месть!

Кора только отмахнулась. Ну как докажешь такому ребенку, что людей убивать нельзя? Даже плохих.

— Теперь они тебе будут мстить, — убежденно сказала девочка, — мертвяки всегда мстят убийцам.

— Не говори глупостей! — прикрикнул на нее подметальщик Аполидор. — Мадам Кора завтра улетает. Они не успеют ей отомстить.

Кора допила чай, позвала песика, попрощалась и улетела на Землю в тот же день.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРОФЕССОРА ЛУ ФУ

Глава 1

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Комиссар Милодар, шеф Земной службы ИнтерГпола, позвонил Коре Орват среди ночи, потому что имел гадкую манеру звонить всегда не вовремя. Сам он почти не спал и не выносил, когда спали его подчиненные.

Спросонья Коре показалось, что обвалился потолок и оттуда в спальню ворвалась стая визгливых гиен. А это был всего-навсего звонок видеофона.

— Ты что делаешь? — сурово спросил комиссар.

Кора достаточно проснулась, чтобы прямодушно ответить:

— Собираю апельсины.

Ее шутка не возымела действия, потому что комиссар удивленно откликнулся:

— Кто тебе сказал про апельсины?

Кора окончательно открыла глаза и посмотрела на часы. Четыре часа тридцать пять минут. Самое время для того, чтобы поговорить об апельсинах.

— Мне приснился сон, — ответила Кора. — Что я собираю апельсины и кидаю вам в лоб.

— Чепуха! Я не верю в сны! Признавайся, откуда ты узнала про апельсины?

— Комиссар, если вы будете на меня и дальше кричать, я пожалуюсь вашей жене.

— Ты с ума сошла! Она же спит!

После неудачного предыдущего брака комиссар Милодар выбрал в жены найденную в виртуальной реальности настоя-

щую Спящую красавицу. В его доме воцарился желанный покой, но обедал теперь комиссар в общественной столовой.

— Тогда расскажите мне тихим голосом, что произошло, — попросила Кора. — Только очень тихим голосом. У меня разыгрались нервы.

— Неправда! Ты еще такая молодая, что у тебя нет нервов!

— Еще тише, умоляю!

— Еще тише невозможно. Я сам себя не услышу.

— Это совсем необязательно, — сказала Кора. — Вы же уже знаете, о чем хотите мне сообщить.

Милодар тяжело вздохнул. Он не любил упрямства Коры и ее умения оставить за собой последнее слово. Но признавал некоторые таланты.

— Говорит ли тебе что-нибудь, — спросил он приглушенным голосом, — имя Лу Фу?

— Разумеется, как и любому интеллигентному человеку, — ответила Кора. — Это великий китайский ученый, физик и философ, лауреат Нобелевской премии. Каждый школьник знает о четырех принципах Лу Фу. Он изобрел гравитационный двигатель, и теперь благодаря ему мы можем за считаные дни пересечь всю Галактику.

— И это все?

— Я знаю, что он очень старый и живет где-то в горах или пустыне, где разводит розы.

— Молодчина, девочка! — похвалил Кору комиссар Милодар. — У тебя хорошая память. Я могу добавить только, что уважаемому профессору Лу Фу через неделю должно исполниться сто лет, и во всех странах мира, а также на многих планетах готовятся к этому празднику. Ведь Лу Фу оставил сотни учеников, не говоря уж о почитателях.

— И вы разбудили меня, чтобы сообщить об этом?

— Ты ошибаешься, Кора.

— Меня выбрали в делегацию ИнтерГпола, которая повезет букет великому ученому?

— Не говори глупостей! В делегацию выбирают солидных людей, а не рядовых агентов.

— Тогда в чем же дело?

— А в том, что профессор исчез и, вернее всего, убит.

— Быть не может!

Кора вскочила, сна ни в одном глазу.

— Ну чего же вы молчите, комиссар! Я вас слушаю!

— Смотри-ка, проснулась! — усмехнулся Милодар. — Уже готова к бою!

— Какие будут приказания, шеф?

— Я решил поручить это дело тебе!

— Но ведь есть более заслуженные агенты, более опытные...

— Наоборот, мне нужен агент молодой, быстрый, отважный и, кроме того, знающий китайский язык. А это ты, Кора Орват! Итак, через пятнадцать минут прошу быть у меня в кабинете.

— Я не успею, — ответила Кора.

Но, конечно же, комиссар Милодар ее не слушал.

Кора представила, как ее начальник включает хронометр, сидит перед ним, попивая кофе, считая секунды. Он уверен, что она ни за что не успеет!

Ах так?!

За двенадцать секунд Кора выскочила из постели, добежала до ванной и через семьдесят секунд уже была на кухне — умытая, причесанная и полностью одетая. А кухня, привыкшая к тому, что ее хозяйка всегда спешит, уже сварила кофе, залила молоком кукурузные хлопья и выжала сок из грейпфрута.

Завтрак занял почти минуту — пришлось подкрепиться, потому что неизвестно было, когда удастся поесть в следующий раз.

Хрустя кукурузными хлопьями, Кора включила компьютерную энциклопедию и сразу увидела на экране доброе лицо старого профессора Лу Фу. Профессор был совсем лыс, у него были тонкие белые усы, кончики которых спускались к подбородку, и редкая, клинышком, седая борода. Затем компьютер показал Коре дом профессора. Оказывается, он уже двадцать лет как отошел от работы в институте, вышел на пенсию и поселился в очень странном для пенсионера месте — на краю громадной, страшной пустыни Такла-Макан, одного из по-

следних не освоенных людьми мест на Земле. Если посмотреть на карту, то пустыня Такла-Макан расстилается на многие сотни километров к северу от Тибета, то есть на северо-западе Китая. Речки, которые стекают в эту пустыню, которая, как гигантская пиала, улеглась между гор, летом пересыхают и теряются в песках. Одна из таких речек называется Тарим и течет по северному краю пустыни. На ней стоит городок Тарим-Лючан, а неподалеку от него и спрятался от всех людей старый ученый Лу Фу.

— Сейчас вы увидите дом профессора Лу Фу, — произнес низкий голос диктора. Он говорил по-китайски.

На дисплее потянулась бескрайняя каменистая пустыня, над которой кое-где поднимались гигантские барханы. Затем показались низкие голые холмы, между ними — зеленое пятнышко. Пятнышко росло, пока не превратилось в цветущий оазис, защищенный холмами от ветров и песчаных бурь. Посреди оазиса, рядом с маленьким синим прудом, располагался небольшой белый дом, от которого, как распростертые руки, тянулись полукруглые стеклянные оранжереи.

— Здесь, в тишине и вдали от суеты, профессор проводит свои спокойные годы, размышляя о смысле жизни и стараясь по мере сил принести пользу людям.

Лу Фу вновь появился на экране. На этот раз он трудился в саду, вскапывая мотыгой грядку.

Кора выключила компьютер. Прошло уже четыре минуты из отпущенных ей комиссаром Милодаром.

«Какой благородный старик», — подумала она, выбегая на улицу к своему флаеру.

— Что готовить на обед? — крикнула из окна кухня.

— К обеду меня не жди, — ответила Кора.

— Когда же это наконец кончится! — взвыла кухня.

Дверца флаера открылась.

Садясь в машину, Кора сказала ей:

— У нас есть семь минут, чтобы долететь до Антарктиды, где меня ждет в штабе комиссар Милодар.

— Не успеть, — ответил флаер.

— А ты постарайся.

— Пробки, — ответил тот. — Воздушные пробки над Малаховкой и Бермудским треугольником. Меньше восьми минут не гарантирую.

— Я тебя очень прошу. Это дело чести.

— Ну тогда держись! — предупредил флаер. — Ты хорошо пристегнулась?

Они были над Антарктидой через шесть минут пятьдесят секунд, трижды нарушив правила движения и чуть не врезавшись в мыс Горн.

Еще через семь секунд на скоростном лифте Кора неслась вниз сквозь ледяной двухкилометровый щит Антарктиды. Там, в глубине и безопасности, находился штаб ИнтерГпола — Интернациональной Галактической полиции.

С опозданием в четыре секунды Кора вошла в кабинет комиссара Милодара.

Тот постучал согнутым пальцем по хронометру и сказал:

— Я бы на твоем месте не успел. Что будешь пить? Джин, виски, самогон, коньяк?

Кора не успела открыть рот, чтобы ответить, как Милодар уже протянул ей высокий бокал парного молока.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Я готова к работе.

* * *

По просьбе Милодара к нему в кабинет вошел высокого роста молодой брюнет с обожженным солнцем лицом.

— Познакомьтесь: Зденек Ольшевский, — сказал комиссар Коре, представив ее молодому человеку. — Корреспондент, который только что вернулся из пустыни Такла-Макан. Рассказывайте, Зденек.

Комиссар Милодар предложил гостям садиться и уселся сам. Он не любил принимать людей стоя, по той простой причине, что обычно оказывался самым низеньким в любой компании. И хоть он говорил, что Суворов и Наполеон тоже были невелики ростом, это мало его утешало. А что ты будешь делать, если ты сам — курчавый, с сединой в волосах, жилистый и подвижный мужчина в метр шестьдесят ростом, твой агент Кора Орват выше тебя на голову, а молоденький корреспон-

дент галактической детской газеты вымахал под два метра и вроде бы собирается расти дальше.

— Наша газета, — начал Зденек, — связалась с профессором Лу Фу потому, что скоро ему исполняется сто лет и нам хотелось, чтобы он поделился с нашими юными читателями своим жизненным опытом.

— Вы договаривались с самим профессором? — спросил комиссар.

— Нет, нам помогла договориться аспирантка Ичунь из университета в городе Урумчи, которая прилетает к нему каждую неделю. К тому же к профессору часто прилетают студенты-садовники.

— Извините, — перебила корреспондента Кора, — но ведь профессор Лу Фу — физик.

— В последние годы, как я уже говорил, — вмешался комиссар Милодар, — Лу Фу отошел от физики. Физик, учит он, должен быть молодым. Физика подобна балету или прыжкам в высоту. А старики должны разводить розы, ибо ботаника схожа с пешими прогулками.

— Ну и что было дальше? — спросила Кора.

— Уважаемый Лу Фу пригласил меня прилететь к нему вчера после обеда. Он сказал, что сможет уделить мне час своего времени, и я помню, что он добавил: «Вы откушаете моих апельсинов».

Вот почему Милодара так поразил вещий сон Коры про апельсины!

— Он выглядел спокойно? — спросил комиссар. — Ничего его не тревожило?

— По-моему, — ответил Зденек, — профессор находился в замечательном расположении духа.

— Продолжайте.

— Я долетел рейсовым лайнером до Урумчи, там взял флаер с программой полета до оазиса Лу Фу — его так называют в городе по имени основателя. В два часа дня я опустился возле входа в сад профессора.

— Ворота в сад были открыты? — спросил комиссар.

— Лучше я покажу вам, что увидел, — ответил юный корреспондент. — Ведь с того момента, как я подошел к воротам в сад, я начал снимать фильм для читателей нашей газеты.

— Показывайте! — приказал комиссар, который, конечно, уже смотрел фильм. Теперь его предстояло увидеть Коре.

Зденек вынул из кармана камеру и направил ее луч на белую стену. И Кора увидела, что стоит перед раскрытыми воротами, за которыми зеленеет сад. Ворота были чугунными, ажурными, узорчатыми — видно, образцом им послужили какие-то древние двери.

— Та-а-ак, — произнес Милодар. — Значит, ворота были раскрыты.

Тем временем Зденек решил сделать панораму — камера показала склоны холмов, спускающихся к долине, пересохшее болото, дно каменной речки, узкую дорогу, ведущую из пустыни, и возвратилась к воротам. Затем ворота увеличились и остались за пределами кадра — значит, Зденек вошел в сад.

Сад Лу Фу был удивительный. Как будто ты попал не в самую страшную пустыню, а гуляешь по берегу тропического острова Таити.

Высокие кусты роз опускали свои тяжелые головы над тропинкой, со свода сплетенного из тростника ажурного тунеля свисали гроздья винограда. Затем камера заглянула между кустами — туда, где по небольшому озеру плыл белый лебедь.

— Это чудесное место, скажу я вам, — сообщил Зденек.

— Вижу, — коротко ответил Милодар. — Дальше.

Старого полицейского волка не интересовали прелести природы. Он никогда не забывал о деле.

— Вот я вхожу в дом, — продолжал Зденек. Голос его дрогнул. Видно, он до сих пор переживал то, что ему пришлось увидеть.

И в самом деле, зрелище, которое предстало глазам Зденека, было потрясающим. Корреспондент думал, что сейчас увидит почтенного старца, а вместо этого оказался свидетелем страшного разгрома, который кто-то совершил в обширной гостиной профессора.

Злобный грабитель или просто сумасшедший не только перевернул стулья и кресла, но и распорол обшивку кресел и

дивана, вытащил и разбросал по комнате ящики комода, перебил посуду, поломал стулья, отогнул и разрезал чудесный старинный ковер. На полу валялась разломанная старинная ширма и разбитые фарфоровые статуи.

— Дальше! — почти крикнул Милодар. — Ну чего вы стоите!

— Извините, — ответил Зденек. — Но я был потрясен тем, что увидел. Я совершенно не знал, что же делать.

И это было видно по движению камеры. На экране косо двигались стены, пол, стулья... Зденек не выключил камеру, она просто покачивалась у него в руке.

Наконец Зденек взял себя в руки, и камера показала дверь в следующую комнату. Слышно было, как Зденек зовет хозяина.

— Уважаемый Лу Фу! — произнес он. — Где вы? Что случилось?

Глаз камеры заглянул в следующую комнату, которая, видно, была спальней ученого. Там находилась низкая лежанка, покрытая раньше периной и шелковым одеялом, вся мебель в комнате некогда была резной, старинной.

— Профессор был ценителем резьбы по дереву, — сообщил Милодар, который за ночь успел прочесть все, что было известно о Лу Фу.

Спальня была разгромлена так же, как гостиная. Казалось, что психу, который безумствовал там, доставляло удовольствие уничтожать все, до чего он мог дотянуться.

— Он что-то искал, — сказал комиссар. — И мы должны понять, что же он искал.

Камера показала лежащий посреди комнаты стул.

— Останови изображение! — приказал комиссар.

Кадр замер.

— Видишь? — спросил комиссар.

И Кора поняла — к ручкам кресла и его передним ножкам были прикреплены куски проволоки.

— А это означает... — произнес комиссар.

— Это означает, что кого-то привязывали к креслу, — закончила фразу Кора.

— А на полу, на ковре — кровь, — сказал корреспондент. — Я видел там кровь.

— Его пытали, стараясь узнать, где он спрятал... — Кора не закончила эту фразу.

— Но что же, черт побери, мог спрятать в центре дикой пустыни столетний ученый, который уже много лет как ушел на покой? — спросил Милодар.

И никто не смог ответить на этот вопрос.

Глава 2

УВЯДАЮЩИЙ САД

В прекрасном, напоенном ароматом садов, овеянном близостью снежных хребтов городе Урумчи Кору ждал местный следователь Лян Фукань, кругленький, коротко остриженный человек средних лет, который не скрывал своей обиды, потому что дело об исчезновении Лу Фу поручили не ему, а какой-то девочке из ИнтерГпола. Но, как человек воспитанный, Лян Фукань почти ничем не выдавал своего недовольства. Ведь ему уже позвонили из Пекина и объяснили, что когда преступление совершено против ученого, известного во всей Галактике, то следствие ведут галактические службы. Ведь старый профессор знал секреты, которые могли поставить под угрозу судьбу всей Земли.

— Вы будете отдыхать в гостинице, — спросил следователь Лян Фукань, — или готовы полететь в дом профессора?

— Я бы не хотела терять времени даром, коллега, — ответила Кора. — Ведь если там есть следы, они могут исчезнуть.

Они разговаривали, стоя прямо на поле аэродрома. Было жарко, но воздух был свежим, и ветер, несущийся с гор, приносил прохладу. Неподалеку группа туристов поднималась по трапу в тот самый лайнер, на котором прилетела Кора.

— Они летали на озеро Лоб-Нор, — сказал китайский следователь, перехватив взгляд Коры. — Это охотники. На озере сейчас много перелетных птиц.

Вид у туристов был боевой.

Хотя оружие они, очевидно, сдали в багаж, у каждого через плечо висел широкий ремень, к которому были прикреплены

убитые утки. Кора с детства не любила охотников. Кроме того, у Коры был любимый кот Колокольчик ростом с немецкую овчарку. Месяца два назад они гуляли с Колокольчиком по лесу, и вдруг раздался выстрел. Один заблудившийся в тех краях охотник принял Колокольчика за рысь и выстрелил, забыв, что на рысь охотиться нельзя, потому что это прекрасное животное охраняется законом.

Кора готова была растерзать горе-охотника голыми руками. Но тот бежал от нее быстрее зайца, три километра прыгал по болоту, потерял ружье и сапоги. Если бы не тревога за Колокольчика, Кора обязательно догнала бы свою трусливую жертву.

Так как любопытных на аэродроме не оказалось, охотники бахвалились добычей друг перед другом, тем более что недолго им оставалось хвастаться — сейчас усядутся в самолет и их попросят положить уток в холодильник.

В этой компании внимание Коры привлекло одно семейство, может, потому, что оно отличалось от остальных. Лишь глава семейства, высокий широкоплечий блондин с очень светлыми глазами на красном обветренном лице, украсил себя поясом с добычей — одной уткой. Его жена, грузная дама в рыжем парике, из-под которого виднелись ее собственные черные волосы, с черными усиками над верхней губой, была облачена, несмотря на жару, в длинное фиолетовое платье. К удивлению Коры, они тащили самую настоящую байдарку, длиной метра четыре, покрытую сверху кожаным чехлом, пристегнутым к бортам. Байдарка была нелегкой, а главное — неудобной, и странная чета застряла в дверях лайнера. Стюардесса советовала туристам оставить байдарку в багаже, а дама, которая с трудом придерживала снизу корму байдарки, начала кричать, что над ней издеваются и ее желают угробить, а любимую байдарку ее дедушки, на которой он пересек Атлантический океан, хотят разломать на куски и порубить.

Пока кипел спор, Кора обратила внимание на третьего члена этого семейства — девушку, вернее, подростка лет пятнадцати, вовсе непохожую на своих родителей. У нее было широкое скуластое лицо с полными губами, как у бирманки. На

долю девушки пришлось три рюкзака — под их тяжестью она покачивалась, но, когда кто-то из туристов хотел ей помочь, она отказалась.

— Странная семейка, — произнес рядом с Корой сотрудник туристического бюро, провожавший туристов. — Они и не охотились почти, а все время провели в своей байдарке в устье Тарима.

— Откуда они? — спросил следователь Лян Фукань.

— Отец — норвежец, Ивар Торнсенсен, а остальные, как вы понимаете, мама Торнсенсен и дочка Торнсенсен.

Наконец байдарку удалось впихнуть в лайнер, и туристы, которые ждали своей очереди подняться на борт, облегченно зашумели, а мадам Торнсенсен высунулась из двери и крикнула задержавшейся на трапе дочке:

— Ну сколько можно тебя дожидаться!

Подошел помощник следователя и сказал, что флаер готов. Можно вылетать.

— И зачем только вы пускаете к себе охотников? — уходя к флаеру, спросила Кора.

— Перелетных птиц развелось очень много, — ответил следователь. — И наши ученые решили, что если дать охотникам прилетать на Лоб-Нор, вреда птичьему населению не будет.

— Будь моя воля, я бы запретила всякую охоту! — проворчала Кора.

— Это невозможно, коллега, — возразил Лян Фукань. — Охотниками рождаются. Мы не можем все запрещать. Ведь тогда мы должны запретить и рыбаков, и, может, даже собирателей бабочек. Лучше мы будем следить, чтобы они не приносили природе вреда.

Кора не стала спорить с Лян Фуканем. Он провел ее к мощному полицейскому флаеру, который ждал на краю поля.

Флаер поднялся высоко, вровень с отдаленными горными вершинами, сверкающими белизной ледников. По берегам речек и каналов протянулись поля и сады, но чем дальше они летели к югу, тем реже становились зеленые пятна посевов и все больше серо-желтых песков и скал встречалось внизу, пока наконец пустыня не захватила всю землю. Только справа по

курсу зелено-синий пунктир указывал на цепочку луж и озер, в которую превратилась речка в это сухое время года. Дальше к востоку лежало озеро Лоб-Нор, но даже с такой высоты его не было видно.

И тут Кора почувствовала легкий укол в груди — конечно же, она уже видела на экране это зеленое пятно с округлым озером в центре, спрятанное между невысоких серых холмов, — вот он, одинокий приют великого физика.

Следователь Лян Фукань хранил молчание. Конечно, он знал, что Кора уже видела запись корреспондента.

Флаер опустился у ажурных ворот. Ворота были приоткрыты и как бы приглашали войти.

Кора выскочила из флаера и замерла.

Что-то изменилось.

Как жаль, что у нее нет с собой пленки Зденека!

— Вы давно здесь были, уважаемый Лян Фукань? — спросила Кора.

— Вчера, — ответил тот, — как только нам сообщил об исчезновении профессора журналист по имени Зденек, молодой и очень высокий человек.

— Я видела фильм, который он снял, — сказала Кора. — Но что-то в нем отличается от того, что мы видим.

— У меня тоже такое впечатление, — ответил следователь. — Я бы сказал, что у сада испортилось настроение. Смотрите, как опустились ветки.

Они пошли по дорожке, выложенной плоскими камнями.

— Вы уверены, — спросила Кора, — что в доме, кроме профессора, никого не было?

— Мы не можем быть уверены, — вежливо возразил Лян Фукань. — Потому что кто-то напал на профессора. А для этого надо попасть в дом.

Так и не поняв, что же изменилось в саду, Кора пошла по дорожке, под свисающими сверху гроздьями винограда, между высоких розовых кустов, к открытой двери небольшого белого дома.

Внутри ничего не изменилось, в доме царил страшный разгром — конечно, преступники что-то искали.

— Вы все проверили на отпечатки пальцев? — спросила Кора.

— Мы провели все необходимые следственные действия, — сухо ответил следователь. — В Урумчи есть хорошие криминалисты.

— И они ничего не нашли?

— В доме есть много отпечатков пальцев, — сказал Лян Фукань, — но все они принадлежат известным нам гостям профессора Лу Фу.

— Откуда вы это знаете? — спросила Кора.

— Очень просто: к профессору приезжали студенты университета, и мы обратились к студентам с просьбой: если кто-то бывал у профессора в последнее время, пожалуйста, расскажите нам об этом и позвольте снять отпечатки пальцев, чтобы проверить, не оставил ли после себя следов преступник.

— И что же вам удалось узнать? — спросила Кора.

Разговаривая, они прошли в спальню профессора, и тут Кора увидела опрокинутый стул, к которому привязывали старого ученого.

— Куда же делся профессор? — вслух подумала Кора.

— Его унесли.

— Как унесли? — усомнилась Кора. — Если его тело вытаскивали отсюда, значит, должны остаться следы.

— Таких следов здесь нет, — ответил Лян Фукань.

Кора оглядела комнату.

— Главное, — сказала она, — узнать, что же искал преступник.

— Я согласен с вами, — ответил следователь.

— Я хочу поговорить с аспиранткой, которая чаще других посещала профессора, — попросила Кора.

— Я думал об этом, — ответил следователь, — и попросил Ичунь прилететь сюда сегодня. Я думаю, что она должна быть здесь с минуты на минуту.

Как бы в ответ на слова следователя послышался негромкий робкий возглас:

— Ах! Что случилось?

Возвратившись в гостиную, Кора увидела стоявшую у входа девушку — хрупкую, узкоплечую, с длинной черной косой. На ее лице было выражение ужаса.

Она не могла поверить своим глазам.

Когда аспирантка Ичунь немного успокоилась, все вышли в сад, и там Кора спросила:

— Давно ли вы видели профессора?

— Я была здесь на прошлой неделе, — сказала Ичунь. — Я привезла учителю детали для компьютера, которые понадобились ему, потом приготовила ему пельмени, которые профессор очень любит...

Тут Ичунь разрыдалась и не могла остановиться. Все ее тело сотрясалось от горя.

Они уселись в небольшой беседке, увитой виноградом. Апельсиновые деревья склоняли к ним ветви, отягощенные оранжевыми плодами.

Видно, жара добралась и до деревьев оазиса. Кора заметила, что листья апельсиновых деревьев стали бурыми и скукожились, а виноградные листья усыпали стол посреди беседки, где они сидели.

— А последний раз я посетила профессора только вчера утром, — продолжила свой рассказ Ичунь. — Мы долго разговаривали, а потом он дал мне с собой целую корзину апельсинов и ящик винограда — для моих однокашников в Урумчи. Еле флаер поднялся...

— И сколько вы просидели у него? — спросила Кора у хрупкой китаянки. Глаза у Ичунь были большие, черные, и ресницы очень густые.

— Часа два, — ответила та.

— И вас ничего не удивило? Вы ничего не заметили?

— Пойми, Ичунь, — сказал следователь Лян Фукань, — сейчас для нас важна любая, даже самая маленькая и незаметная деталь. Может быть, профессор ждал каких-нибудь других гостей, может быть, ты заметила какой-нибудь флаер или просто путника, может быть, в разговоре он упомянул о каком-то человеке?

Ичунь нахмурилась, стараясь вспомнить.

— Нет, ничего особенного я не заметила. Профессор был в очень хорошем настроении. Он говорил, что к своему столетию сделает всему миру хороший подарок.

— Какой подарок, он не сказал?

— Тот самый, над которым он работал все последние годы, — ответила девушка.

— Разве он не отдыхал? — спросила Кора.

— Настоящий ученый, — ответила Ичунь, — никогда не отдыхает. Пока ученый жив, он продолжает изобретать, открывать и исследовать. А наш почтенный профессор Лу Фу был великим ученым. И все его открытия и изобретения были великими.

Конечно, никто не стал с этим спорить. Кора хотела все же узнать, какой подарок приготовил старый физик всему человечеству, но раньше заговорила Ичунь.

— Я вспомнила! — сказала она. — Когда мы сидели с ним в этой самой беседке, над нами пролетел аэробус. Почтенный профессор огорчился. «Мне очень грустно, — сказал он, — что в наши края прилетают чужие люди, чтобы убивать вольных птиц».

— И вам показалось, — спросил следователь, — что профессор имел в виду охотников-туристов?

— Разумеется, — ответила Ичунь.

— А вдруг кто-то из туристов мог попасть сюда? — сказал Лян Фукань.

Следователь тут же нажал кнопку на браслете связи и приказал компьютеру полицейского отделения в Урумчи немедленно отыскать всю информацию о туристах-охотниках, которые вчера летали на озеро Лоб-Нор.

— Что еще интересного говорил профессор? — спросила Кора.

Студентка не успела ответить, потому что плод апельсина упал с ветки и покатился по столу. Лян Фукань поймал его.

— Странно, — сказал он, — апельсин недозрел, а уже упал с ветки.

Кора поглядела на окружающий сад. Ей показалось, что сад с каждой минутой становился все менее зеленым и жизне-

радостным. И чего-то не хватало... Конечно же, перестали петь птицы! Ведь они так оглушительно щебетали на пленке, которую показывал им корреспондент Зденек. И не видно ни бабочек, ни стрекоз.

Кора и следователь проводили Ичунь до ворот сада.

— Загадочное дело, — сказал следователь. — Я думаю, надо проверить, что делали на озере Лоб-Нор все туристы-охотники. Может быть, кто-нибудь из них имел возможность незаметно посетить старого профессора. Мне трудно представить, чтобы кто-нибудь из местных жителей посмел поднять руку на Лу Фу, которого у нас считают великим мудрецом.

— Это правильное решение, — согласилась Кора.

— Что вы будете делать, коллега? — спросил китайский следователь.

— Я хочу остаться здесь, — ответила Кора.

— Одна? В таком пустынном месте? Я никогда не позволю вам этого сделать.

— Простите, почтенный Лян Фукань, — возразила Кора, — но я думаю, что мне может помочь именно тишина и спокойствие. Недаром ведь именно в тишине и спокойствии прожил последние годы профессор. Я хочу окунуться в ту атмосферу, в которой он жил. Мне же ничего не грозит. В крайнем случае я выйду на связь с вашим дежурным и мне пришлют помощь. Или сама улечу на флаере.

Конечно, следователю Лян Фуканю не хотелось оставлять девушку одну в доме, где произошла трагедия. Но тут он вспомнил, что Кора — не просто девушка, а агент ИнтерГпола и знает, что делает. Пожелав ей спокойной ночи, следователь улетел в Урумчи.

К вечеру стало прохладнее. Пустыня, раскаленная за день, быстро отдавала тепло. Яркий красный закат охватил западную сторону неба, и на фоне садящегося желтого солнца птицы летели цепочками и стаями ночевать в камышах озера Лоб-Нор.

Проводив коллегу, Кора возвратилась в оазис и с удивлением заметила, что за прошедший час зелень оазиса еще более потускнела и усохла. Этого быть не могло, потому что, как

проверила Кора, все посевы получали воду и удобрения, для чего в оазисе была придумана сложная система поливки и подкормки, которая работала на атомных батареях и не требовала участия человека. Нет, причина болезни и увядания растений таилась в чем-то ином. И Кора чувствовала, что она связана с тайной исчезновения профессора.

Конечно, Кора могла бы сейчас, пока еще не опустилась ночь, обойти оазис вокруг и еще раз посмотреть, нет ли где человеческих следов. Но она отлично понимала, что Лян Фукань и его помощники первым делом утром обыскали окружающую пустыню, и если бы нашли на камнях следы, которые не успели уничтожить песок и ветер, об этом было бы известно.

Кора возвратилась в дом. Когда она шла по дорожке, то вдруг услышала глухой удар.

Она замерла. Через несколько секунд удар повторился.

И на этот раз куда ближе к ней.

Кора сделала шаг назад и осторожно скользнула с дорожки в тень...

И в этот момент что-то тяжелое ударило ее по голове так, что Кора чуть было не потеряла сознание. Пошатнувшись, Кора схватилась за ствол яблони... И кто-то невидимый, напав на нее, начал жестоко и безмолвно колотить ее по голове, плечам, рукам, спине... И было так больно, что Кора еле сдерживала крик. Надо было бежать, пока тебя не убили... но куда бежать?

Глава 3

ВИЛЛА В ИТАЛИИ

Наверное, прошло не меньше минуты, прежде чем избитая Кора сообразила, что же происходит, — схватившись за ствол яблони, она качнула дерево, и на нее посыпались с яблони крупные, крепкие, еще зеленые плоды — они падали, как камни, и норовили набить шишки.

Кора отбежала в сторону, задела виноградную гроздь, та тоже сорвалась с ветки и упала у ее ног. Яблоки, падавшие с

деревьев, апельсины, груши — многочисленные, еще не дозревшие плоды катились по дорожке и застревали в траве.

Кора быстро прошла в дом профессора. Она никак не могла привыкнуть к виду разгрома. Она остановилась в дверях и задумалась.

Преступник, который напал на профессора, искал какой-то предмет, но этим предметом не мог быть документ, чертеж или книга. Ведь папки с бумагами и стопки исписанных листов на столе были не тронуты — преступник ими не интересовался. Ему нужна была какая-то вещь!

Эта вещь не могла быть драгоценностью. Было известно, что профессор всю жизнь с презрением относился к сокровищам и был убежден, что только ум и доброта могут быть настоящим богатством человека. «Следовательно, — сказала себе Кора, — в доме не могло оказаться бриллианта или статуи из розового нефрита».

Известно, что профессор отошел от науки, но, как правильно сказала сегодня аспирантка Ичунь, настоящий ученый никогда не перестает работать. Кора вспомнила, как один древний мудрец сказал: «Я мыслю — значит, я существую». Это и отличает ученых от людей, которые могут сказать о себе: «Я кушаю — значит, я существую».

Размышляя, Кора включила свет во всех комнатах небольшого дома и не спеша обошла их, останавливаясь и оглядывая каждую из комнат, прежде чем войти внутрь. Ей было так важно понять, как жил ученый, какими вещами пользовался.

Больше всего времени Кора провела в самой дальней комнате — в библиотеке профессора. Там были дискеты, кассеты и даже старинные книги и рукописи. Если преступник и заглядывал в библиотеку, здесь он ничего не тронул. Из этого Кора сделала вывод, что к тому времени, как он добрался до библиотеки, он уже отыскал нужную вещь. Иначе бы он устроил разгром и здесь. То есть надо помнить, что преступление удалось.

Часть библиотеки занимали книги по физике. Видно, профессор Лу Фу внимательно следил за всеми достижениями в

своей науке. Были там кассеты астрономические, целая стена была занята работами, посвященными функциям человеческого мозга, его энергии, волнам, которые он испускает и принимает. «Наверно, — подумала Кора, — профессор нашел новое поле деятельности. Но достиг ли чего-нибудь в нем? Ведь ему почти сто лет, а даже самые умные и талантливые люди в таком возрасте теряют память, быстро устают и не могут долго заниматься одним делом. Хотя бывают исключения...»

Больше всего Кору удивили книги и дискеты на полках четвертой стены библиотеки. Все труды, книги, картины относились лишь к чувствам человека и других живых существ. Здесь были даже детские сказки и стихи, в которых рассказывалось о том, что могут сделать доброта и злоба. «Да, — подумала Кора, — скорее всего, наш уважаемый старик далеко отошел от настоящей науки и, может быть, даже, как говорится, впал в детство».

Осмотрев библиотеку и ничего не найдя в ней такого, что могло бы указать причину исчезновения Лу Фу, Кора вышла в кабинет и решила проглядеть перед сном бумаги, заметки и, может, дневник профессора за последние дни.

Окно в сад было открыто, оттуда веяло ночной прохладой, настольная лампа давала мягкий желтый свет, и Кора смогла даже забыть на некоторое время о том, что сидит посреди разгромленного дома.

Было тихо, лишь порой ветер шуршал в листве и с гулким стуком падали на землю апельсины и яблоки.

Буквально через несколько минут после того, как Кора начала перебирать бумаги на столе у Лу Фу, она наткнулась на интересный документ.

Лу Фу был очень аккуратным человеком. В особой папке он хранил копии отправленных писем.

В одном из писем, отправленном в прошлом месяце и адресованном синьоре Серафине Беллинетти, в город Болонью в Италии, речь шла об исчезновении профессора. Письмо было написано по-итальянски, но, к счастью, итальянский язык Кора знала — она любила иностранные языки и еще в приюте

на Детском острове переписывалась с девочками из Шанхая, Венеции и Турку на их языках. Судя по всему, синьора Серафина была старой приятельницей и коллегой китайского мудреца, и он делился с ней своими заветными мыслями.

«До сих пор, моя дорогая Серафина, — писал профессор, — несмотря на то что результаты моих работ известны некоторым ботаникам, я опасаюсь выходить на широкую сцену с описанием моего открытия. Честно говоря, старику страшнее всего насмешка. А вдруг я ошибся? А вдруг принял желаемое за действительное?

Я напомню вам, Серафина, о том, как все началось. Как вы знаете, устав от общения со многими людьми и от бесконечных путешествий, я отыскал самое, на мой взгляд, уединенное место на земном шаре — пустыню Такла-Макан. Артезианская скважина, которую пробурили мои друзья, давала достаточно воды для немногих растений моего маленького сада. Я привез сюда мою библиотеку и отдыхал, общаясь с моими молчаливыми друзьями.

Затем однажды со мной произошел курьезный случай. Прошлой весной я отыскал в пустыне незнакомый мне чудесный цветок. Я осторожно выкопал его, надеясь вырастить в моем небольшом саду. Но цветок этот быстро завял.

Это так расстроило меня, что я весь вечер провел возле него, стараясь отыскать средства, чтобы ему помочь. Я даже поставил на ночь возле него свое соломенное кресло, потому что страдаю бессонницей. И всю ночь я думал об этом растении, стараясь мысленно помочь ему. К утру растению стало лучше, оно выпрямилось, распустились бутоны. И я задумался тогда: что помогло растению — удобрения ли, питательный раствор, которым я его поил, или мои чувства, излучения моего мозга, направленные на этот цветок?

Дальнейшее вы знаете, мой далекий друг. Мне удалось отыскать в библиотеке ваши интересные статьи о биотоках мозга и влиянии эмоций на других людей. Казалось бы, мы с вами занимаемся столь далекими проблемами — вы лечите безнадежно больных детей, я развожу цветы и другие растения. Но

мы оба верим, мой друг, что доброта — это не только понятие, которое придумали люди. Доброта — это реальная сила, которую можно выделить, измерить и использовать... как, впрочем, и злобу. Я теперь верю в то, что ненавистью можно убить, а добротой вылечить.

Мне кажется, что есть надежда превратить наши догадки и надежды в сухие цифры, а цифры — в приборы, которые на основе физических законов позволят помогать нашим братьям на этой планете».

Письмо очень заинтересовало Кору. И после того, как она прочла его, в новом свете начала понимать смысл документов и копий других писем профессора, которые лежали перед ней на письменном столе. Многие из писем были запросами в различные библиотеки и институты — профессору требовалась информация. Были там заказы на выполнение особых программ гигантскими компьютерами в Пекине и Токио, были, наконец, и просьбы в различные мастерские и на заводы изготовить тот или иной прибор или деталь прибора. И когда Кора закончила чтение переписки Лу Фу, она поняла, что находится на правильном пути, и почти наверняка догадалась — что же искал и, вернее всего, нашел преступник.

На рассвете Кора связалась по космической связи с синьорой Серафиной Беллинетти, которая еще не спала и спать не собиралась — ведь разница во времени между Урумчи и Болоньей — несколько часов. В Болонье еще был вечер.

На экране видеофона Кора увидела приятное, загорелое, худое лицо пожилой женщины с очень яркими карими глазами. Кора сказала синьоре, что профессор исчез и ей нужен совет, а может, и помощь синьоры Серафины.

— О боже! — встревожилась синьора. — Прилетайте немедленно!

Затем Кора предупредила следователя Лян Фуканя о том, что ей надо побывать в Италии, и поднялась на скоростном полицейском флаере так высоко, что из рассветной синевы и мглы воспарила в розовое сияние утреннего солнца — ведь сверху видно куда дальше, чем с поверхности Земли.

Обгоняя солнце, Кора помчалась на запад, и по мере того, как она стремилась к темной стороне неба, вокруг смеркалось, все ярче высвечивались на небе звезды, а когда флаер опустился в Болонье, там царил теплый итальянский вечер. Большой старинный город никак не мог угомониться, на площадях и в галереях кипела жизнь.

Вилла синьоры Беллинетти располагалась на холме на окраине Болоньи, но шум вечернего города сюда почти не долетал. Обширный парк, окружавший виллу, дарил ей прохладу и свежесть воздуха.

Пока Кора летела через полмира, она многое узнала о синьоре Серафине. Сорок лет назад, когда синьора была молодой и прекрасной дамой, она попала в автомобильную катастрофу. Ее муж и маленькая дочка погибли. Тогда синьора решила посвятить свою жизнь безнадежно больным, умственно отсталым детям, которых нельзя вылечить даже в XXI веке. А когда ее отец, известный писатель, подарил ей виллу под Болоньей, которая вот уже семьсот лет принадлежит роду Беллинетти, Серафина превратила ее в клинику, сама стала ее директором и с тех пор не знала ни сна ни отдыха, помогая несчастным детям, которых привозили к ней со всех концов Земли. И многие верили в то, что детям помогали бесконечная доброта синьоры и, конечно же, громадный опыт, который она накопила за десятилетия работы в своей клинике.

Флаер опустился на зеленой поляне перед входом на виллу. Синьора Серафина, стройная и прямая, словно молодая балерина, потому что каждое утро пробегала десять километров, спустилась по широким ступеням к Коре, которая с удивлением рассматривала старинный дворец, похожий на сказочный замок.

— Прошу вас, Кора, — сказала синьора, — заходите в дом. Вы сказали мне ужасную новость. Я теперь не могу думать ни о чем ином.

— Простите, если я нарушила ваше спокойствие, — ответила Кора.

— Не нашли еще моего друга, профессора Лу Фу?

— Нет, его до сих пор не нашли, хотя принимаются все меры. Но я поспешила к вам, потому что, просматривая его бумаги, я начала догадываться о причине трагедии. И здесь мне очень нужна ваша помощь.

Синьора Серафина провела Кору в гостиную. Это была обширная комната, мраморный пол которой был покрыт бескрайним веселым мягким ковром, на котором валялись детские кубики и другие игрушки.

— Садитесь, — сказала синьора.

Она была немолода, но ее смуглая кожа была гладкой, глаза живыми и лицо всегда было готово к улыбке.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она.

Кора протянула синьоре копию письма, которое написал ей недавно профессор.

— Что имеется в виду? — спросила она. — Привела ли ваша переписка к какому-нибудь результату? Принесли ли какую-нибудь пользу ваши открытия?

— О да! — воскликнула синьора Серафина. — Разумеется, значительно труднее разобраться в том, что происходит в человеческом организме, чем в зеленом растении, но я уверена, что через несколько лет мы добьемся результатов и в работе с больными детьми.

— Объясните подробнее, — попросила Кора, — значит ли это, что профессор Лу Фу изобрел или изготовил какой-то прибор? Имеет ли это отношение к вашей работе?

— Можно сказать и так, — согласилась синьора Беллинетти. — Признаюсь, что я ему кое в чем помогла. Сейчас вы об этом узнаете. Для этого нам с вами придется пройти в мой сад.

Во дворце синьоры Серафины был внутренний двор, со всех сторон окруженный галереями, поднимавшимися на четыре этажа.

Внутри двора росли густые деревья и кусты, усыпанные ягодами. Среди кустов и под деревьями стояли детские кроватки, на них мирно спали дети.

— Вот это наша летняя спальня, — тихо сказала синьора,

чтобы не разбудить детей. — Дети лучше спят и чувствуют себя среди деревьев. Потому что деревья дарят им доброту.

— Что вы сказали? — удивилась Кора.

— Я много лет посвятила изучению влияния растений на людей и знаю, что среди растений есть существа добрые и злые. Но люди об этом не догадываются. Если бы и вы решили провести ночь в нашем саду, к утру вы отдохнули бы куда лучше, чем у себя дома. Все кусты и деревья подобраны здесь не случайно.

— Как это интересно! — воскликнула Кора.

— Но не только растения влияют на людей, — продолжала синьора. — Люди тоже могут передавать им свои чувства.

С этими словами синьора направилась в угол сада и поднялась на галерею второго этажа.

— Вот с этого прибора мы с почтенным Лу Фу начинали наши опыты, — добавила она.

Прибор, который увидела Кора, был похож на старинный граммофон — ящик с диском, на который надо класть пластинку, а из ящика выходила большая трубка, усиливающая звук.

Заметив удивление Коры, синьора произнесла:

— Мы с профессором не хотели привлекать пока излишнего внимания к нашим опытам. Это самая первая модель, и только два человека на Земле знали, как она работает. Вы будете третьей.

Наступила ночь. Она была теплой и очень темной — облака проплывали над садом замка, закрывая яркие звезды, маленькие разноцветные фонарики, что прятались в листве деревьев, придавали саду вид карнавала — вот-вот заиграет негромкая веселая музыка, и эльфы и гномы пустятся в пляс.

— Это еще очень примитивный аппарат, — сказала синьора. — Но он действует, и вы сейчас это увидите.

Синьора уселась в кресло, которое стояло за «граммофоном», взяла наушники и тонкий золотой обруч, который водрузила на седые волосы, и стала похожа на королеву со старинной картинки. Затем она приспособила к вискам небольшие

присоски и, прежде чем включить граммофон, прошептала Коре:

— Вы видите ту небольшую пальму, что растет возле кроватки беленькой девочки?

— Вижу.

— Спуститесь к ней, подойдите поближе и внимательно наблюдайте за пальмой. Именно за пальмой.

Кора спустилась вниз.

Пальма была невелика, небольшая гроздь орехов свисала с ее ствола.

Кора подняла голову. Увидев это движение, синьора Серафина подняла руку и включила прибор. Раструб граммофонной трубы медленно повернулся к пальме, послышалось легкое жужжание. Кора почувствовала какое-то тепло, исходящее от пальмы. Девочка зашевелилась во сне и повернулась на бок, лицом к пальме. Но самое удивительное происходило с листьями пальмы — они шевелились! Словно подчиняясь ритму неслышной музыки, широкие перистые листья совершали осторожные медленные движения. Кора не могла оторвать от них взгляда. В то же время она продолжала ощущать танец листьев, как ощущают музыку.

Девочка улыбнулась во сне. И тут Коре показалось, что она видит, как увеличиваются и желтеют орехи, прижавшиеся гроздью к стволу пальмы. Правда, Кора не могла быть в этом уверена, потому что пальма освещалась лишь светом фонариков, спрятанных в листве, и падающим с галереи светом ламп.

Но чем более Кора вглядывалась в пальму, тем более она убеждалась в том, что орехи зреют прямо у нее на глазах, а сама пальма медленно растет и становится более раскидистой. И это сопровождалось приятной музыкой и легким светлым чувством, охватившим Кору.

Девочка сладко улыбалась во сне.

Внезапно музыка оборвалась, и сразу наступила какая-то неприятная пустота в ночи, словно из нее вынули смысл этого прекрасного неба и всемирного покоя.

— Что случилось? — спросила Кора, направляясь к синьоре.

— Ничего особенного, — ответила та, устало усмехнувшись, — просто сеанс окончен, волшебник немного устал.

— Вы вели передачу? — спросила Кора.

— Да, я передавала волны Лу Фу. Разве вы этого не заметили? Поднимайтесь сюда, здесь удобнее говорить.

Кора поднялась на галерею. Ее удивило то, что за несколько минут синьора Беллинетти, казалось, постарела лет на двадцать и из стройной подтянутой женщины превратилась в старуху.

— Не обращайте внимания, я отдохну, приму витамины... это пройдет.

— Но что это было? — спросила Кора. — И какое отношение это имеет к опытам профессора Лу Фу?

— Самое прямое, — ответила синьора. — Этот граммофон собственноручно соорудил мой дорогой друг. Потерпите, сейчас я вам все расскажу... Уже давно существовала идея, что растения обладают чувствами. Каждый, наверное, замечал, что в некоторых домах цветы стоят долго и не вянут, а в других — стоит внести цветок за порог, как он гибнет. А цветы в горшке? В некоторых домах они распускаются, как в джунглях, а в других увядают на второй день. И вот наш почтенный Лу Фу устроил в пустыне садик и решил проверить эти слухи и легенды. Но он не верил ничему на слово — он ведь ученый. Он решил так: если в рассказах о чувствах цветов есть доля правды, эти чувства можно уловить приборами. Задача лишь в том, чтобы сделать нужный и правильный прибор.

— И ему это удалось? — Кора показала на граммофон.

— Честно говоря, я ему немного помогла. Ведь профессор связывался со многими людьми. Не только с учеными, но и с ботаниками, священниками и учителями. Потому что Лу Фу полагал, что доброта и злость, которые должны лежать в основе управления растениями, — явления реальные, и потому их частицы или волны можно найти, выделить и изучать.

— Но при чем тут вы?

— Я искренне верю в то, что даже безнадежно больным людям куда больше помогает доброта, чем самые сложные лекарства. И надо сказать, что мне удалось достичь некоторых,

хотя и небольших, результатов с самыми моими маленькими больными. Профессор узнал о моей работе и вскоре прилетел сюда.

— Как? Он прилетал сюда из Урумчи? И никто об этом не знал?

— Профессор — очень скромный человек и никогда никому не рассказывал о своих путешествиях. А когда он затеял большую и сложную работу, то он испугался, что молодые коллеги будут посмеиваться над столетним старцем, полагая, что ему уже поздно делать открытия в науке. Именно почтенный Лу Фу предложил мне совместить наши усилия. Если я ищу способы, как сделать так, чтобы доброта боролась с неизлечимыми болезнями, а он ищет способы, как воздействовать человеческой добротой на растения, то надо построить прибор, который мог бы создавать атмосферу доброты и воздействовать ею на растения, затем помещать детей в эту атмосферу добрых растений, чтобы они, в свою очередь, помогали моим детям. Вам не сложно то, что я рассказываю?

— Чего же сложного? — удивилась Кора. — Я поняла. Этот граммофон воздействует на растения, делает их добрее. А растения лечат детей.

— Вы, наверное, видели, как пальма шевелила листьями, которые увеличивались и становились все шире, как росли орехи, а если бы у вас была линейка, вы бы смогли измерить, что за полчаса, которые вы провели в моем саду, эта пальма подросла на полметра.

Трудно поверить таким невероятным словам, но Кора понимала, что синьора Серафина никогда в жизни не сказала ни одного лживого слова.

— Этот аппарат, который вы, Кора, видели, — продолжала учительница, — еще первый опытный образец. Я должна подключаться к нему и все время думать о том, как я люблю эту пальму, какая она красивая и хорошая, как она любит ребенка, как она укрывает его своими листьями. Не думайте, что это — простая работа. За несколько минут я должна выложить все запасы своей душевной энергии — иначе ничего не выйдет. По-

этому-то я кажусь вам такой усталой и измотанной после сеанса.

— Значит, — подумала вслух Кора, — если вы можете передавать чувства добра как обычные слова, то можно передавать и другие чувства?

— Разумеется, — согласилась синьора Серафина, — но дурные чувства нас с профессором не интересовали.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Кора, — а давно у вас стоит этот прибор?

— Уже второй год, — ответила воспитательница.

— Значит, у профессора уже был другой?

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила синьора, — он писал мне о работе над новым аппаратом.

— И в чем его отличие от этого?

— К новому аппарату, который куда меньше размером, не надо подключаться оператору. Профессору удалось наконец выделить чистые волны добра. И он сконструировал аппарат, который сам, без человека, может излучать и направлять волны добра в нужном направлении. Это куда более надежный и эффективный прибор, чем мой граммофон. Но я люблю моего старичка... — и синьора Беллинетти нежно погладила по боку свой граммофон.

— А вам приходилось видеть новый аппарат? — спросила Кора, которая уже почти не сомневалась, что именно этот аппарат стал причиной нападения на дом профессора Лу Фу.

— Да, — сказала итальянка. — Новый прибор похож на фотоаппарат с расширенным объективом. Именно оттуда и идет поток излучения. Я не могу вам точно рассказать о его деталях, но, если вы подождете секунду, я вам его нарисую.

Через несколько минут в руках Коры уже был рисунок нового, пропавшего прибора, который назывался генератором доброты.

Пока синьора рисовала, Кора спросила ее:

— А как вы думаете, кроме вас и профессора, еще кто-нибудь знал о приборе и видел его в действии?

— Трудно ответить, — сказала синьора. — Профессор был очень осторожен, пока опыты не закончены и аппарат не готов к использованию. «Самое опасное, — говорил он мне, — когда еще не проверенное и не законченное изобретение попадет в руки плохому, корыстному человеку. Может так случиться, что этот негодяй придумает доброму изобретению такое злобное применение, что думаешь — может, лучше и вообще бы ничего не изобретать».

— Наверное, не так просто было войти без разрешения в его дом?

— Конечно! И уверяю вас, не потому, что профессор боялся за себя, — профессор никогда ничего не боялся. Просто он не хотел, чтобы его не завершенное еще изобретение попало в другие руки.

Кора тут же представила себе вход в парк профессора — открытые ворота на пленке, снятой корреспондентом Зденеком.

— Он говорил мне, что в пустыне всегда можно издалека увидеть, кто к тебе едет или летит. Не то что в большом городе. И только когда профессор узнавал лицо друга или слышал голос приглашенного гостя, он раскрывал ворота...

* * *

Было уже поздно, погасли цветные огоньки в листве деревьев. Синьора Беллинетти прикрыла ладонью рот, стараясь скрыть зевок.

— Извините, что я задержала вас, — сказала Кора. — Я вас покидаю. У меня к вам только одна, самая последняя просьба. Кроме вас, кто еще знает об этом... граммофоне и о ваших встречах с профессором?

— Мы же договорились с ним, — сказала синьора, — что, пока дело не кончено, мы не будем рассказывать об этом посторонним.

— Но ведь вы должны были установить этот граммофон, наладить его — вряд ли вы вдвоем с профессором управились бы с этой машиной.

— Нам все наладил наш механик, но, клянусь вам, он не подозревал, в чем назначение граммофона. А чистила его, смазывала, работала с ним, когда меня не было, маленькая помощница Мариам.

— Кто?

— Моя маленькая Мариам. Моя трогательная любимица, — при этих словах синьора грустно улыбнулась.

— Расскажите мне о ней, — попросила Кора.

— Ах, — огорчилась синьора. — У вас такой вид, словно вы готовы заподозрить любого человека, даже беспомощную маленькую девочку.

— Простите, синьора, — ответила Кора. — Для меня сейчас главное — найти профессора, вашего друга, и если маленькая девочка сможет мне помочь, я буду рада с ней встретиться. Разве я не права?

— Ну конечно же, вы правы! Это я виновата в том, что позволила своему горю овладеть мной.

— Так могу я поговорить с девочкой?

— Ее уже давно здесь нет.

— Тогда расскажите мне о ней.

— Это было ужасное несчастье. Мариам нашли на горной дороге неподалеку от Флоренции. Она была без сознания и ничего не помнила. А так как я оказалась в тот момент неподалеку, то ее передали в мой приют.

Продолжая рассказ, синьора Серафина поднялась, подошла к кофеварке, стоявшей на столике в углу комнаты, и занялась приготовлением кофе.

— Мариам было около пятнадцати лет.

— А вы сказали — маленькая девочка!

— Она была мала ростом и во всем — еще девочка.

— А на каком языке она говорила? — спросила Кора.

— Ее родной язык — арабский. Но и его она вспомнила не сразу. Память возвращалась к ней постепенно. Читать и писать она не умела. Мы научили ее итальянскому языку. Когда Мариам оправилась, она не захотела бездельничать — и оказалась замечательной помощницей. Ведь мне всегда не хватает санитарок и сестер — роботы далеко не во всем могут заменить человека, а людям возиться с отсталыми несчастными детьми не всегда приятно. Мариам казалась живой, веселой, послушной, сообразительной девочкой.

— Так почему же она оказалась на горной дороге?

— Она призналась мне, что убежала из дома, потому что ее папа разошелся с мамой, но оставил ребенка себе. Девочка не захотела жить с мачехой и убежала из дома.

— А где был ее дом?

— Она не могла вспомнить. Судя по всему, в одной из арабских стран.

— А как же она добралась до Флоренции?

— Папа с новой женой были в свадебном путешествии и взяли ее с собой.

— И неужели ее отец не дал никаких объявлений о пропаже дочери? Неужели ее не искала полиция?

— Боюсь, что отец находился под влиянием новой жены, которая не любила девочку.

— Ах, какая ужасная история! — сказала Кора. — И долго эта Мариам прожила здесь?

— Она появилась у нас чуть больше года назад, как раз когда у нас завязалась переписка и совместная работа с профессором Лу Фу. И прожила... наверное, не меньше шести месяцев.

— А профессор ее видел?

— Не только видел, профессор был к ней расположен. Он говорил, что хотел бы, чтобы у него была такая работящая и умная внучка. Он уверял, что Мариам похожа на китаянку.

— А вы говорили, что она — арабка...

— Профессор был старым человеком, он мог ошибиться, — ответила синьора.

— Ну и что же случилось дальше?

— Мариам научилась помогать мне работать с этим грамофоном. Порой она заменяла меня вечерами, посылая волны добра, пока дети засыпали, а наш профессор Лу Фу проводил с девочкой опыты — он измерял излучения ее мозга. Он к ней очень привязался. Даже предлагал поехать с ним в пустыню, на окраину Китая.

— А она?

— Она сказала, что если не найдет своего папу, то обязательно приедет к профессору. Но, к счастью, ее отец нашелся. Вернее, он сам ее нашел. Пришлось нам расстаться.

— И вы больше ничего не слышали о ней? — спросила Кора.

— Почему же? Месяц назад, к моему дню рождения, я получила от Мариам поздравительную открытку. Она должна быть в моем кабинете.

Они возвратились в кабинет синьоры Серафины. За время их отсутствия кто-то прибрал в кабинете, спрятал в большой сундук мячики и детские игрушки, привел в порядок бумаги на столе синьоры.

— Ах, — произнесла синьора, — наша экономка убирает мой кабинет, и из-за этого я ничего не могу найти. Я люблю, когда у меня в кабинете беспорядок. Это мой собственный беспорядок, и я в нем отлично разбираюсь. А когда приходит чужой человек и наводит у тебя порядок — я ничего отыскать не могу. Ну скажите, где все письма?

— А вот где! — воскликнула карлица в голубом халате и очень высокой шляпе, которая выскочила из-за шторы.

Карлица вытащила второй сверху правый ящик письменного стола, и оттуда буквально выпрыгнули тучей письма и открытки.

— Ты что наделала! — закричала синьора вслед убежавшей карлице.

Но та уже процокала каблучками по мраморной лестнице, и ее след простыл.

Пришлось Коре с синьорой ползать по полу, пока наконец синьора не воскликнула:

— Вот эта открытка!

Открытка была из Багдада. На одной стороне была изображена мечеть под золотым куполом, на другой короткий текст: «Спасибо за все. Очень жалею, что не смогла с вами попрощаться. Надеюсь на встречу. Искренне ваша, Мариам».

— Почему она пишет, что не смогла с вами попрощаться? — спросила Кора.

— Ее отец приехал за ней, как раз когда я улетала в Бомбей на конгресс защиты детей от родителей. Когда я уезжала, никто и не подозревал, что ее отец объявится. А приехала — нет ни девочки, ни папы!

Синьора улыбнулась, вспоминая, как была тогда удивлена.

— Но, может, кто-нибудь видел ее отца, разговаривал с ним? А вдруг девочку похитили? Вдруг она не хотела уезжать?

— Нет, — пискнула экономка-карлица, которая незаметно вернулась в кабинет синьоры. — Мариам как увидела своего папочку, так и побежала к нему, обнимает его, плачет, где ты, говорит, пропадал, я так, говорит, по тебе, папа, скучала... Я сама видала!

— Ну видите — вот вам и свидетель, — сказала синьора.

Серафина проводила Кору до флаера. Они попрощались на площадке перед заснувшей виллой. Карлица-экономка вынесла зажженный фонарик и размахивала им, провожая Кору.

Кора помахала рукой этим милым добрым людям и, подняв флаер над Болоньей, ушла в тонкие перистые облака.

Пролетая над Венецией, она вышла на связь с комиссаром Милодаром, который, разумеется, не спал, и доложила о полете к синьоре Беллинетти.

— У тебя есть какие-то сомнения по поводу девочки Мариам?

— Мне хотелось бы, чтобы вы проверили ее, — сказала Кора. — Ведь она появилась, когда опыты уже начались, и исчезла, когда профессор закончил у себя работу над новой моделью генератора доброты.

— Ты, как всегда, преувеличиваешь, — заметил Милодар. — Но в одном я с тобой согласен — конечно же, причиной нападения был этот самый генератор. Но вот где он сейчас и на ком испытывают его доброту, мне хотелось бы узнать как можно скорее.

— А мне хотелось бы найти профессора, — ответила Кора. — Я беспокоюсь, жив ли он.

Глава 4

ВЕРСИЯ КОРЫ

Флаер Коры летел навстречу солнцу, и потому она рассчитывала, что окажется в Урумчи к середине дня. Пролетая над сверкающими снежными вершинами Гималаев, она соедини-

лась с кабинетом следователя Лян Фуканя, который с утра ждал ее вызова.

— Как вы слетали в Италию? — спросил он. — Был ли ваш полет удачным?

— Более чем удачным, — ответила Кора.

— Вы, наверное, устали и хотите спать?

— Нет, сейчас наступает самый важный момент, — сказала Кора. — Мы с вами идем по следу опасных преступников. Скажите, пожалуйста, просмотрели ли вы книгу посетителей гостиницы в Урумчи?

— Я сделал, как мы договаривались, коллега, — ответил следователь. — Но в последние дни гостиница стоит почти пустая.

— Почему?

— Потому что сейчас еще не спала жара, туристов почти не бывает, а если человек прилетает по делу, то он предпочитает закончить его до вечера, чтобы улететь домой, — благо до Парижа от Урумчи лететь всего час.

— И все-таки, кто жил в гостинице?

— Корреспондент Зденек Ольшевский, два палеографа из Шанхая...

— Палеографы? — Кора вынуждена была признать, что не знает такого слова.

— Я с ними разговаривал. Это почтенная пожилая чета, они изучают старинные рукописи. Со временем буквы меняют свое написание, и специалист может определить, когда написан текст, если он знает, как в то или иное время изображали букву или иероглиф.

— Кто еще? — спросила Кора. Ей было стыдно, что она не знает таких простых вещей.

— Пара с Марса. Они проводят у нас медовый месяц.

— Это еще почему?

— Они сначала поехали в Париж, но там им показалось влажно и холодно.

— Хорошо, дальше...

— А дальше — пустота! — ответил следователь.

— Тогда, коллега, — попросила Кора, — узнайте, пожа-

луйста, не было ли среди туристов-охотников на острове Лоб-Нор девочки-арабки примерно шестнадцати лет, предположительно по имени Мариам.

— Хорошо, — ответил Лян Фукань, не задавая вопросов. Он лишь дал совет: — Поставьте флаер на автопилот и отдохните немного. Лететь вам еще полчаса, успеете вздремнуть.

Но Кора не послушалась его совета. Она снова вызвала Милодара.

Комиссар как раз завтракал, что не мешало ему при этом смотреть новости Галактики, дочитывать роман «Граф Монте-Кристо», который ему настолько полюбился в детстве, что он его читал снова каждые полгода, и разговаривать по видеофону с женой, которая проснулась, проспав четверо суток, и теперь никак не могла решить, то ли ей отправиться за покупками, то ли соснуть полчасика.

Кора поздоровалась с Милодаром и Спящей красавицей.

— Я все узнал, — сразу заявил комиссар, — так что запоминай: в самом деле год назад на шоссе Болонья — Флоренция была найдена девушка, которая шла по дороге пешком, сбежав от своего папы из горной гостиницы. Девочку задела проезжавшая мимо неизвестная машина, но, к счастью, ничего страшного не произошло. Девочка упала, ушибла голову и временно потеряла память. Девочку взяла к себе в клинику синьора Серафина Беллинетти, и та прожила в клинике сначала как пациентка, а потом в качестве санитарки и помощницы синьоры несколько месяцев.

— Шесть месяцев, — подтвердила Кора.

— После этого, по словам обслуживающего персонала, за девочкой приехал отец, который ее отыскал.

— Как отыскал? — сразу спросила Кора.

— Никто не знает. Местная полиция никаких запросов не получала, и на ее объявление о том, что нашлась девочка, никто не откликнулся.

— Вам не кажется это странным, комиссар? — спросила Кора.

— Еще как кажется, — ответил комиссар.

В их разговор вмешалась Спящая красавица.

— Пожалуй, я пойду погулять, — сказала она. — Но сначала полчасика посплю. Ты меня разбудишь?

— Разбужу, мое сокровище, — ответил комиссар. И добавил специально для Коры: — Идеальная жена! Для нее главное счастье — сидеть дома и ждать меня. И, конечно, кушать конфеты.

— Я забыла, вы давно женаты? — наивно спросила Кора.

— Уже скоро полгода, — сказал Милодар.

— Вам не кажется, что ваша жена растолстела примерно в два раза?

— Кора, не преувеличивай! — испугался комиссар.

— Еще полгода, — безжалостно сказала Кора, — и вам ее будет не обнять!

— Кора!

— Молчу.

— Нет, я не возражаю против критики. Но когда человек немного полнеет, значит, он счастлив, значит, он доволен жизнью.

— Не обольщайтесь, комиссар, — заметила Кора. — Все объясняется куда проще. До встречи с вами Спящая красавица только спала, а теперь она спит и ест. А это — большая разница.

Комиссар Милодар покачал головой, обдумывая информацию, потом отмахнулся от неприятных фактов и продолжил:

— Папа приехал за девочкой вечером, в десять часов, в пятницу. Самой синьоры в клинике не было. Девочка, по словам санитарок, узнала своего отца, кинулась к нему, обняла и рыдала, радуясь тому, что ее папа нашелся. Никаких сомнений в том, что папа был ее папой, ни у кого не оказалось.

— Это совпадает с рассказом синьоры. Но что удивительно, — заметила Кора, — у синьоры не сохранилось ни одной фотографии или кадра с портретом девочки.

— А папу никто не смог описать, — развил мысль Коры ее начальник, — потому что встреча произошла на лужайке перед виллой, поздним вечером, а освещение там оставляет желать лучшего.

— Ну хоть что-то о папе вы узнали? — воскликнула Кора. — Не может быть, чтобы именно вы оказались бессильны.

— Нет, конечно, кое-что я узнал, — ответил комиссар. — Иначе я бы должен был подать в отставку. Итак, отец девочки Мариам отличается маленьким ростом, не более метра пятидесяти пяти, он худой, говорит громко, за рулем его черного флаера сидел пилот со светлыми волосами.

— И это все? — удивилась Кора.

— А ты чего хотела? — рассердился комиссар. — Достаточно, чтобы хороший агент начал действовать.

— На каком языке они говорили?

— На неизвестном, — ответил комиссар.

— Это как я должна понимать?

— А так: их языка никто из медсестер и нянечек не понял.

— А какие языки знают медсестры и нянечки в клинике синьоры? — спросила Кора.

— А вот теперь я попрошу тебя обойтись без насмешек! — воскликнул комиссар и кинул салфетку в угол комнаты. — Да, ты права! Ни одна из них не знает ни одного языка, кроме итальянского. Но это не основание, чтобы опускать руки.

— Я не буду опускать руки, комиссар, — пообещала Кора.

— Тогда скажи мне, у тебя есть какая-то версия?

— Есть, но самая первая, самая приблизительная, — ответила Кора.

— Выкладывай. — Милодар подобрал салфетку и продолжил завтрак.

— Эта девушка Мариам не случайно оказалась на горной дороге. Аварию кто-то инсценировал, историю с женитьбой папы придумали... Цель у них была — добраться до клиники синьоры Серафины.

— Ты хочешь сказать, — произнес Милодар, отхлебывая апельсиновый сок из запотевшего бокала, — что нападение на дом профессора кем-то планировалось заранее?

— Задолго. За год по крайней мере.

— Но зачем? Почему?

— Не знаю. Вы просили, чтобы я предложила вам свою версию. Вот я ее и предлагаю.

— Продолжай.

— Они знали, что профессор изобретает генератор добро-

ты, или что-то подозревали. Им никак невозможно было подослать к профессору своего агента. Профессор осторожен, и к тому же он живет один. А как только они узнали, что профессор знаком с синьорой и даже отправил ей первый вариант своего генератора, они поняли, что тут-то им представляется возможность подослать своего агента.

— Значит, девочка Мариам — их агент? — спросил Милодар.

— Может быть.

— Тогда ответь мне на главный вопрос: кому и зачем надо было идти на такие дьявольские хитрости и бить по голове девочку Мариам, чтобы добраться до «граммофона» на вилле синьоры Серафины? Ну зачем?

— Может быть, затем, чтобы выращивать картошку? — сказала Кора.

— Попрошу без шуток. Ты должна понимать, что преступления такого масштаба и так тщательно продуманные должны иметь причины. А где причина?

— Будем искать причину, — сказала Кора.

Когда Кора приземлилась у гостиницы в Урумчи, вымылась, привела себя в порядок, наступило время обеда.

К ней в номер позвонил следователь Лян Фукань и спросил, не примет ли Кора приглашение отобедать вместе с ним.

Кора с благодарностью приняла приглашение.

Они сидели за столиком в почти пустом ресторанном зале, если не считать новобрачных марсиан, закутанных в меховые шубы и страшно недовольных тем, что в зале было прохладно.

— Я разговаривал с проводником туристов, — сказал следователь, когда Кора утолила голод. — Я попросил его рассказать, не заметил ли он чего-нибудь странного той ночью, когда пропал профессор. Проводник сообщил мне, что ночь выдалась облачной, ветреной, по озеру бежали волны, и когда норвежец Ивар Торнсенсен, как всегда после заката, отправился на своей байдарке на рыбную ловлю, проводник даже отговаривал его, полагая, что на байдарке и перевернуться не-

долго. Но норвежец не послушался. И, как всегда, уплыл в камыши на всю ночь.

— А его жена и дочь? — сразу спросила Кора.

— Я задал этот вопрос проводнику, — улыбнулся Лян Фукань. — Он убежден, что они не присоединились к отцу и не выходили из своей палатки.

— Что же было дальше?

— А дальше ничего не было, — ответил следователь. — Потому что проводник отправился спать.

— Он не слышал, когда вернулся норвежец?

— Слышал, — ответил следователь. — Он даже выглянул на шум, когда норвежец втаскивал на берег свою байдарку, а потом вынул из нее связку рыбы, которую отнес к себе в палатку. Это было глубокой ночью.

— Да, на байдарке доплыть до профессора он бы не смог, — вздохнула Кора.

— Здравствуйте! — услышали они голос Зденека Ольшевского. Корреспондент еще вчера возвратился в Урумчи. Во-первых, ему было интересно участвовать в расследовании, а во-вторых, он познакомился с группой юных археологов, которые нашли в пустыне город, принадлежавший таинственному, давно исчезнувшему народу си-ся, и под руководством своего учителя истории вели его раскопки. Вот Зденек и отправился с утра на раскопки. А вернувшись, решил пообедать.

Следователь пригласил Зденека за стол, и тот с аппетитом принялся уплетать суп с пельменями.

— Ты очень вовремя появился, — сказала Кора. — Я как раз собиралась тебя искать.

— А что еще случилось? — спросил корреспондент.

— Когда ты летел в лайнере в Урумчи, туристы-охотники летели вместе с тобой?

— Никаких туристов я не видел, — ответил журналист.

— Этого и быть не могло, — сказал Лян Фукань. — Ведь туристы провели на озере Лоб-Нор целую неделю, а наш уважаемый Зденек прилетел сюда лишь за день до исчезновения профессора.

— Ах, конечно, я совсем забыла! — воскликнула Кора. — Но когда ты прилетел сюда, никто с тобой не разговаривал?

— Со мной многие разговаривали, — ответил Зденек. — Но я не понимаю, что ты хочешь узнать?

— Очень просто, — ответила Кора. — Профессор знал, что к нему прилетает корреспондент детской газеты, и он мог открыть ворота любому, кто скажет, что он и есть корреспондент. Вот меня и интересует, рассказывал ли ты кому-нибудь в лайнере или в гостинице, что собираешься к Лу Фу?

— Так сразу я не вспомню, — признался Зденек.

— Видел ли ты девочку, похожую на арабку, по имени Мариам?

— Где?

— Здесь!

— Ни разу. А я должен был ее видеть?

— Ничего ты не должен! — Кора рассердилась, что Зденек ничем не может ей помочь. — Но, может быть, ты встречал где-то высокого, плечистого норвежца с белыми ресницами и очень светлыми глазами, по имени Ивар Торнсенсен?

— Где? — спросил Зденек. — Здесь?

— Да, здесь!

— Нет, такого человека я не встречал.

* * *

Кора возвратилась в осиротевший сад профессора уже под вечер. Жара еще не спадала, потому что воздух был неподвижен. Небо было зеленым, и звезды на нем казались оранжевыми.

Но было еще достаточно светло, чтобы Кора пришла в ужас от того, что случилось с садом профессора за то время, пока она летала в Италию. Ветви деревьев опустились, листья опали, будто глубокой осенью, апельсины, сморщенные, коричневые, валялись на земле среди пожухлой травы. Можно было подумать, что Коры здесь не было по крайней мере месяц — настолько преобразился только вчера благоухавший сад.

Коре хотелось плакать, до того ужасна была гибель этого

оазиса, сожранного пустыней за считаные часы, несмотря на то что посреди него все еще голубел почти пересохший пруд.

Кора прошла в дом. Ничего там не изменилось — так же шелестели страницы разбросанных книг, взлетали перья от разрезанных подушек, косо висели дверцы разломанных шкафов.

Кора прошла в кабинет профессора и села на единственный целый стул.

Она закрыла глаза и представила себе, что происходило на вилле у синьоры. Конечно, если Мариам и на самом деле была подослана к синьоре Серафине, она старалась быть полезной и послушной. Она помогала доверчивой синьоре посылать волны доброты через «граммофон», она, видно, была достаточно сообразительной, чтобы понять несовершенство прибора. А может быть, возле виллы в горах таился ее начальник или отец, которому Мариам обо всем докладывала. А когда приехал профессор Лу Фу, девушка смогла и ему понравиться. Она присутствовала при всех разговорах синьоры и профессора и таким образом узнала, что профессор вот-вот изобретет настоящий генератор доброты, который сможет работать сам по себе и действовать в сотни раз лучше, чем первая модель. И когда это стало понятно, пропал смысл сидеть на вилле у синьоры и возиться с больными детишками. Настоящий, нужный преступникам прибор надо будет отнять у профессора. Когда тот закончит над ним работу...

Коре понравилось, как она все придумала. Все находило свое объяснение. Даже то, что «папа» приехал за Мариам, когда синьоры на вилле не было, — зачем показывать свое лицо лишнему свидетелю?

В замечательной версии Коры Орват не хватало нескольких важных кусочков мозаики. Она не знала главного — зачем преступникам понадобился генератор доброты. Она не знала, кто эти преступники и где они скрываются. Она не знала, где находится профессор — живой или мертвый.

Кора повторила свой рассказ Милодару.

— Все может быть, — осторожно ответил тот. — Но я бы сказал, что профессор жив.

— Почему?

— Ну представь себе картину! Преступники переворачивают дом профессора кверху ногами, ищут прибор...

— И находят, — добавила Кора.

— Как ты догадалась?

— Потому что они не тронули заднюю комнату — библиотеку. Значит, они нашли прибор раньше.

— Вот видишь! Прибор они нашли, но профессор им для чего-то был нужен.

— А если они просто закопали его в землю? Убили и закопали?

— А зачем? Взял прибор и беги — каждая минута промедления опасна!

— А зачем им нужен профессор?

— Может быть, они не уверены, что справятся с прибором?

— Как я хотела бы верить вам, комиссар! — воскликнула Кора.

— А ты и верь! Я же твой начальник.

— Но где тогда профессор?

— Надеюсь, — ответил Милодар, запуская пальцы в пышную седеющую шевелюру, — что я смогу дать тебе ответ через полчаса.

Глава 5

ПЛЕННИК ПЛАНТАЦИИ

Кора вышла в сад. Вернее, в то, что еще утром называлось садом.

«Неужели, — подумала она, — вся эта пышная растительность поддерживалась в пустыне только силой любви, только волнами, которые испускал генератор доброты?»

Чтобы легче думалось, Кора подключила шланг к водо-

проводной трубе и начала поливать растения. Она шла от дерева к дереву, от куста к кусту и уговаривала растения: «Пожалуйста, выздоравливайте, пожалуйста, оживайте! Вы, наверное, так расстроены тем, что пропал ваш хозяин. Но он обязательно найдется. Мы с комиссаром Милодаром обязательно его отыщем!»

Она не успела еще полить весь сад, как ей показалось, что шум листвы под поднявшимся ветром изменился. Словно растения оживали. Вот в чаще застрекотало какое-то насекомое, заквакала лягушка в прудике...

И тут же Кора услышала вызов — на запястье зажужжал браслет связи, и на нем загорелся экранчик размером в два ногтя. На экране показалось лицо комиссара Милодара.

— Дорогая Кора, — сообщил он. — Мы с тобой головотяпы, которых надо немедленно гнать из полиции. Мы с тобой ломаем голову над тем, кому нужен генератор доброты, а центральный компьютер только что сообщил мне, что Ивар Торнсенсен известен как торговец наркотиками!

— Значит, не зря я его подозревала! Ну прямо чувствовала неладное! — воскликнула Кора.

— Тогда подумай, Кора, — продолжал комиссар, — зачем торговцам наркотиками может понадобиться прибор профессора, который посылает волны доброты, и растения во много раз усиливают свой рост. Зачем это торговцам наркотиками? Ну скажи, зачем?

— Дорогой комиссар, — ответила Кора, кладя на землю садовый шланг, — вы говорите таким радостным голосом, будто открыли Америку.

— Вот именно! Я открыл Америку. Приходилось ли тебе, крошка, слышать о корионге?

— Да, это страшной силы наркотик, который, к счастью, очень редок, и на Земле его разводить невозможно. А таможня его находит у контрабандистов из-за лучей, которые он испускает.

— Почему его невозможно разводить на Земле?

— Преступники пробовали — но ничего не получилось.

— Почему?

— Ой, я забыла, комиссар!

— Такие вещи агент полиции забывать не должен. Недостаток кориона заключается в том, что он растет со скоростью сантиметр в год. И не помогают никакие химикалии, никакие удобрения — ничего!

Кора ответила не сразу. А когда ответила, то в ее голосе звучала уверенность:

— Значит, ему не помогает ничего... кроме волн доброты!

— И я так думаю, — сказал Милодар. — Именно так.

Кора сразу же поняла, какой вопрос она должна задать следующим:

— А где и как разводят корионг? Вернее, где они пытаются это сделать?

— Молодец! Я это уже выяснил! — откликнулся Милодар. — Знаешь ли ты, где расположен Золотой треугольник?

— Нет, комиссар.

— Золотой треугольник лежит между Бирмой, Таиландом и Лаосом. Понимаешь?

— Это к югу от Китая?

— Да. Там, среди непроходимых гор, в горных долинах выращивали наркотики. И хоть за последние десятилетия агентства по борьбе с наркотиками многого добились, до конца это проклятие еще не уничтожено. В самом недоступном месте Золотого треугольника лежат владения генерала Маун Джо. Именно ему удалось организовать в прошлом году похищение семян кориона из лаборатории Института биологической медицины. Там, по нашим сведениям, он пытается вырастить этот наркотик, который в тысячу раз превосходит силой любой земной наркотик. Ты представляешь, какая опасность грозит всей Земле?

— Вы думаете, что норвежец Ивар и его семья могут быть связаны с генералом Маун Джо?

— А вот это тебе придется выяснить. Даю тебе на это два часа. Если не справишься...

— И что же тогда? Вы оставите меня без компота?

— Агент Орват, прошу без шуток! — ответил комиссар. — Я попросту найду сотрудника, который лучше, чем вы, справится с этой задачей. Вам же будет стыдно.

— Я поняла вас, шеф, — ответила Кора.

Она выключила браслет связи. Затем кинула последний взгляд на несчастный заброшенный сад профессора Лу Фу.

— Простите меня, — сказала она деревьям и кустам. — Но я надеюсь, что ваш хозяин скоро вернется сюда в добром здравии.

Ей показалось, что деревья в ответ зашуршали листвой. Но, конечно же, ей показалось... это было лишь плодом ее воображения.

* * *

Через пятнадцать минут Кора спустилась к аэропорту Урумчи. Сдержанный и серьезный Лян Фукань встретил ее.

Они поздоровались, и Кора спросила китайского коллегу:

— Удалось ли вам узнать, куда улетела семья Ивара Торнсенсена?

— Они долетели отсюда до Дели, а там пересели на местный флаер до Бангкока, столицы Таиланда.

Кора кивнула. После разговора с комиссаром она и предполагала, что торговцы наркотиками будут пробираться в свои места... Но ее мучила другая мысль...

— Почтенный Лян Фукань, — попросила она, — у вас сохранилась пленка отлета рейсового лайнера, на котором были Ивар Торнсенсен и его семья?

— Совершенно случайно, — улыбнулся следователь, — наш агент службы безопасности прогуливался по соседству и заснял отлет именно этого рейса. Такое вот странное совпадение!

— Не будет ли нескромной моя просьба, — попросила Кора, — показать мне этот отлет?

Она прошла следом за следователем Лян Фуканем в комнату охраны, и там следователь включил экран.

Сначала был показан рейсовый лайнер — громадный пассажирский корабль, который вылетает в космос и, описав дугу, возвращается в атмосферу. Таким лайнерам дальних сообщений достаточно часа, чтобы облететь Землю.

Вот из здания космопорта выходят пассажиры. Их ждет открытая платформа — ведь многие везут отсюда сувениры, и далеко не всегда это маленькие предметы. Вот художник везет свернутые в рулон полотна, вот историк сделал копию буддийской статуи, а вот господин Ивар Торнсенсен с черноволосой супругой волокут байдарку!

— Вот именно! — вскочила Кора. — Как же я раньше не догадалась?

— О чем вы не догадались? — удивился следователь. — Это самая обыкновенная байдарка. В ней семейство Торнсенсен каталось по озеру.

— Конечно же! — Кора не могла сдержать своей радости. — Какой номер аэропорта Дели? — спросила она.

Следователь продиктовал ей номер. Кора немедленно вызвала службу охраны аэропорта в Дели. На экране появился сикх в светло-голубом тюрбане.

— Простите за странный вопрос. Вчера у вас опускался рейсовый из китайского города Урумчи. На нем прилетели туристы, семья Торнсенсен. Была ли у них с собой байдарка?

— Но ведь байдарки обычно разбирают и складывают, — ответил сикх.

— Вот именно! Я надеюсь, что кто-то заметил, если эти люди вылезли из лайнера с неразобранной байдаркой.

— Подождите у аппарата, — попросил сикх, — я спрошу у погрузочной бригады.

Через две минуты дежурный подтвердил: несмотря на запреты, упрямые Торнсенсены везли байдарку неразобранной.

А еще через несколько минут Кора отыскала на аэродроме в Бангкоке служащего, который также очень удивился тому, что байдарка была не разобрана.

— Куда дальше отправились норвежские туристы? — спросила у него Кора.

— Они покинули аэродром и отправились в гостиницу.

— Вы не знаете, в какую?

— Нет, к сожалению, этого мы не знаем, — ответили из Бангкока.

И поэтому Коре пришлось снова обращаться за помощью к комиссару Милодару.

— Комиссар, — попросила она, — вы должны узнать для меня, где провели ночь туристы Торнсенсены! И куда отправились дальше.

— Ах, моя девочка, — вздохнул в ответ комиссар, — неужели ты думаешь, что я сидел здесь сложа руки? Мне уже точно известно, что они не останавливались ни в какой гостинице. Возле аэродрома их ждал грузовой флаер, и они тут же взяли курс на Золотой треугольник, во владения генерала Маун Джо.

— Байдарка была с ними?

— Какая байдарка? — спросил комиссар.

Коре было приятно сознавать, что все же комиссар не знает всего, что известно ей.

— Торнсенсены провезли через весь мир неразобранную байдарку, — сказала Кора.

— Это их собачье дело, — фыркнул комиссар, который не любил, когда его прерывали.

— Но ведь вас интересовала судьба профессора Лу Фу?

— При чем здесь профессор Лу Фу?

— Любому ребенку, кроме вас, комиссар, ясно, — не удержалась от ехидства Кора, — что в этой байдарке находился профессор Лу Фу, конечно же, связанный и без сознания.

— Да ты что!.. — И тут же Милодар взял себя в руки и, подумав еще минуту, произнес: — Я вынужден признать, что мне пора на пенсию. Каждая девчонка может дать мне сто очков вперед! Об этом догадаться должен был я сам! Кора, жди меня в Бангкоке и никуда ни шагу, поняла?

Но ответом ему было молчание. Экран связи был пуст.

— Кора, ты где? Ты куда собралась? Ты с ума сошла...

Браслет связи молчал.

Не надо быть комиссаром ИнтерГпола, чтобы догадаться, что Кора кинулась в джунгли Золотого треугольника спасать профессора Лу Фу и отнимать у бандитов генератор доброты.

* * *

Разумеется, никто в Бангкокском аэропорту не сказал Коре, как добраться до Золотого треугольника — владений генерала Маун Джо. Но тогда Кора сделала самый простой ход, о котором мало кто знает из начальства, но в курсе дела любой рядовой агент. Она подозвала такси и, усевшись в него, спросила водителя:

— Сколько до Золотого треугольника?

На что шофер летающего такси разумно ответил:

— А вам там куда? Золотой треугольник будет побольше Молдавии. Или, может, просто с краю вас ссадить?

— Мне нужно повидать генерала Маун Джо, — сказала Кора.

— Отважная девица, — ответил таксист, назвав сумму в десять раз больше обычной. Когда же Кора, не торгуясь, согласилась, он поднял машину в воздух.

Полет до Золотого треугольника в неспешном устаревшем такси занял больше часа. Сначала внизу шли плоские долины, кое-где прямо из голубой воды, заполнившей квадраты полей, поднимались рисовые побеги, в иных местах крестьяне уже срезали колосья. На горизонте темнели сизые горы.

По мере того как такси, пробираясь сквозь густой поток летающих грузовых машин, летело к северу, поля внизу становились все меньше, они террасами поднимались по склонам холмов. Сверху были видны широкие конические плетеные шляпы крестьян.

Холмы поднимались все выше, и все гуще рос на них лес. Густо опутанные лианами, поднимались лесные великаны. По ветвям одного из них стайкой носились обезьяны и грозили такси кулачками, чтобы не спускались слишком низко.

Но вот в долине горной речки показалась прогалина. Туда и направил свою машину таксист.

— Но тут же нет ни одного дома, — сказала Кора.

— Зачем дом генералу? — удивился таксист. — Он же тайный генерал, никто в Бангкоке не знает, где его найти. Полиция всех стран мира с ног сбилась, чтобы обезвредить такого страшного наркобарона. Но отыскать его убежище невозможно.

— А как же вы? — удивилась Кора.

— Но я же таксист! — ответил тот. — Как же я буду работать, если не знаю, куда везти пассажира?

Кора вынуждена была согласиться с таксистом.

— Но если вы так все знаете, — спросила она, — может быть, вам приходилось слышать или видеть — не прилетали ли вчера к вашему генералу гости?

— Вы имеете в виду Ивара Торнсенсена с поваром и Ма До До? — хитро улыбнулся таксист.

— Вы — гений!

— Я не гений. Я, как говорится, держу глаза и уши открытыми.

— И что вы можете сказать о них?

— А что говорить? Ивар Торнсенсен — давнишний помощник и телохранитель генерала. Он доверенное лицо бандита, и генерал использует его для особо важных поручений. Под видом жены Ивара с ним летает известный в прошлом террорист, а нынче личный повар генерала Исмаил аль-Акбар, которого тот посылает в путешествия за новыми рецептами, так как он удивительный чревоугодник и за новое кушанье готов отдать половину своих богатств.

— А кто был с ними третий? — спросила Кора.

Таксист понизил голос до шепота:

— Это любимая дочка генерала и наследница его империи, зовут ее Ма До До. Она сочетает беззащитный облик, нежную красоту и такое коварство, что лучше не приближаться к ней на километр. Говорят, что она может отравить человека взглядом... — И таксист зажмурился, отчего машина чуть было не

потеряла равновесие и чудом не врезалась в вершину горы, нависавшей над пустынной долиной.

Таксист стал медленно и осторожно опускаться на краю прогалины.

— Они нас засекли, — сказал он, — но так как их система обороны просвечивает любую машину, которая приближается к долине, то они давно уже знают, что мы не представляем опасности.

— Но если вы видели этих людей, — Кора спешила узнать побольше от таксиста, — то, может, что-то вас удивило?

— К ним лучше не присматриваться, — ответил таксист. Потом кинул на Кору мимолетный взгляд и прошептал: — Они привезли с собой пленника.

— Пленника! — Кора изобразила удивление, хотя уже поняла, что с этим таксистом лучше ничему не удивляться.

— Это уже не первый раз, — сказал таксист. — Например, надо расправиться с конкурентом или кого-нибудь из врагов генерала привезти на расправу — они устраивают как бы поездку на рыбную ловлю... берут с собой байдарку, удочки... потом одурманят человека, сунут его в байдарку, замотают, как мумию, и везут сюда в долину. Вот и сейчас эти бандиты откуда-то прилетели и байдарку с собой привезли. У них даже поговорка есть: «Угодить в байдарку». Понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — вздохнула Кора.

По крайней мере, она знала, что находится на верном пути. И теперь от нее требовалась предельная осторожность, чтобы не погибнуть самой и не погубить профессора.

Таксист высадил ее на краю зеленой долинки, возле мирно журчащей по камням речушки. Могучие тиковые деревья возвышались на склонах гор, оттуда доносились резкие голоса птиц.

— За тобой обратно прилетать или погибнешь? — спросил на прощание таксист.

— Я вызову тебя по рации, — ответила Кора. — Если понадобишься.

Потрепанное желтое такси поднялось в воздух и потянулось обратно к перевалу.

Кора не знала, куда ей идти дальше. Она направилась к речке.

И тут же услышала сзади голос.

Кора обернулась. За ее спиной стояла Фатима. Та милая девушка, которую она впервые увидела на аэродроме в Урумчи и о которой разговорчивый таксист сообщил, что на самом деле она — коварная дочка генерала Маун Джо.

Если Фатима и узнала мельком виденную ею Кору, она ничем не подала виду. А обворожительно улыбнулась и сказала:

— Ах, какие у нас неожиданные гости!

Кора также сделала вид, что не узнала Фатиму.

— У вас тут так красиво, — сказала она. — Я наняла такси, чтобы полюбоваться горами в этой части страны, но когда увидела с воздуха такую чудесную долину, то решила — это самое удивительное место на Земле. Вот где я смогу побыть в полном одиночестве!

— И вы сказали таксисту — лети обратно в Бангкок, вернешься за мной к вечеру! — закончила за Кору Фатима, настоящее имя которой, как Кора уже знала, было Ма До До.

— Вы такая догадливая! — сказала Кора.

— А вы не первая туристка, так плененная нашим ущельем, — ответила Ма До До. — Ваша единственная ошибка заключается в том, что вы подумали, будто никто здесь не живет. На самом же деле здесь живу я, мой жених и мой драгоценный папочка.

— Вы здесь отдыхаете? — спросила Кора.

— О нет, мой папа — ботаник, он разводит некоторые очень ценные растения и цветы. Но его занятия требуют тишины и уединения. Мы даже живем под землей, чтобы не мешать цветам.

— Ах, как это интересно! — воскликнула Кора. — А можно будет посмотреть на плантации вашего папы?

— Папа будет рад показать вам своих питомцев. Только сейчас он занят с другим гостем.

— С каким? — спросила Кора.

Ма До До чуть заметно усмехнулась. Не такой уж она была наивной, чтобы принять слова Коры за чистую монету. Но она продолжила игру:

— Разумеется, как только папа закончит разговор с профессором Лу Фу, навестившим его в ущелье, он тут же вас примет. А пока я приглашаю вас к нам в гости...

Ма До До, не оглядываясь, пошла вдоль берега речки, и Кора последовала за ней.

— Хотите поглядеть на красивые цветы? — спросила Ма До До.

— С удовольствием, — согласилась Кора.

Они свернули на узкую тропинку и пошли среди редких высоких деревьев, листва которых пропускала солнце, и потому под пологом леса было солнечно и светло.

— Мне откуда-то знакомо это имя — Лу Фу, — сказала Кора. — Это не тот ли великий физик, который открыл новый принцип космических полетов?

— Ой, простите, — откликнулась Ма До До. — Я совсем не разбираюсь в науке. Я учусь танцевать и сейчас приехала навестить папу на каникулах. Но, может быть, ваш профессор и изобретал какие-то корабли — только это было так давно... наверное, сто лет назад.

Они вышли на узкую поляну, частично прикрытую от взгляда сверху каменным навесом. На поляне густо росли маки — таких гигантских маков Коре видеть никогда не приходилось.

— Красиво? — спросила Ма До До.

— Очень, — призналась Кора. — Но, честно говоря, я люблю, когда цветы не такие гигантские. А то рядом с этими маками чувствуешь себя куклой.

Ма До До засмеялась серебряным смехом.

— Как вы точно выразились! Простите, мы с вами так и не познакомились. Меня зовут Ма До До, я дочь генерала Маун Джо, хозяина этих мест. А как вас зовут, девушка?

— Меня зовут Кора Орват, — ответила Кора.

— Очень красивое имя, — сказала Ма До До. Как Кора и догадалась, именно дочка главного преступника и скрывалась под именем Фатимы. И наверняка она же была шпионкой Мариам на вилле синьоры Серафины. Оказывается, хозяин плантаций наркотиков уже давно следил за профессором и желал использовать его открытие в своих коварных целях.

Ма До До пригласила Кору следовать за ней. Они остановились перед гладкой, словно отполированной скалой.

— Откройся, мой дом! — произнесла Ма До До, словно они попали в какую-то старую сказку.

И тогда часть скалы отошла, обнаружив проход.

— Звуковой замок, — сказала Ма До До, — реагирует только на мой голос и голос моего папы.

Внутри обнаружился коридор, обыкновенный коридор, оштукатуренный, с пластиковым полом и потолком, к которому были прикреплены светильники. Можно было подумать, что они попали в какое-то обыкновенное городское учреждение.

Девушки прошли по коридору метров сто и остановились перед дверью.

Ма До До постучала.

— Войдите! — раздался изнутри тонкий голос.

Кора оказалась в низком широком круглом зале, вырубленном в скале. Оставшиеся от пещеры, которая когда-то была на этом месте, сталактиты и сталагмиты поблескивали, как в сказке. За большим обеденным столом сидел очень маленький черноволосый человек с приплюснутым носом, черными глазками и очень большими мягкими ушами. Одет он был в военную форму с золотыми эполетами и расшитым воротником. Этот человечек жадно ел из большой миски лапшу — лапша была очень длинной, и он наматывал ее на палочки, и никак не мог домотать до конца. От этого он сердился и потому раздраженно спросил, не поднимая головы:

— Ну что еще?

— Я привела к нам гостью. Я уже видела ее на аэродроме в Урумчи. Мне кажется, что она знакома с профессором Лу Фу.

— Не может быть! — воскликнул маленький генерал. — Не может быть. Чертова лапша!

Наконец ему удалось намотать лапшу на палочки, и он отправил в рот громадный моток тонкой лапши, который с трудом там поместился, отчего на некоторое время генерал потерял способность говорить и вынужден был энергично работать челюстями.

Кора получила возможность осмотреться. Она крутила головой в тщетной надежде увидеть похищенный прибор.

Генерал перехватил взгляд Коры, проглотил наконец лапшу и начал снова наматывать ее на палочки.

— Что, Кора Орват, — спросил генерал, — ищешь машинку профессора?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— А я знаю всех званых и незваных гостей, — ответил генерал.

Он показал на экраны, что спускались с потолка, как вишенки на длинных черенках.

— Мне видно все, что происходит вокруг моих владений. И конечно же, я внимательно наблюдал за тем, как ты опустилась в нашей секретной зоне, как ты договаривалась с таксистом и как ты познакомилась с моей драгоценной дочуркой.

— Ну конечно, я совсем забыла, что вы ботаник и разводите растения. И вам нужно следить, чтобы их не потоптали слоны или кабаны!

Генералу эта мысль понравилась.

— Это здорово! Слоны выйдут и пойдут топтать мои плантации. Ты не знаешь, что я с ними сделаю! Я их раскрошу на кусочки из пулеметов!

Пока генерал это говорил, он набрал еще ком лапши и отправил в рот.

— Я гурман, — проговорил он с набитым ртом, — я кушать люблю. Чтобы было вкусно! Я за новое блюдо полцарства отдам. У меня специальный повар есть, который рыщет по всему миру в поисках новых рецептов.

«Чего же вы тогда такой мелкий и худенький?» — хотела было спросить Кора, но удержалась.

— Ты хочешь спросить, почему я такой хрупкий и изящный? — сам спросил генерал. — Потому что мне ничего на пользу не идет. В этом моя сила. Я могу есть не переставая всю жизнь, круглые сутки — и хоть бы что!

— А наша гостья смотрела на маки, которые мы вырастили под скалой, — сказала Ма До До, — но они ей не понравились. Они показались ей слишком большими. Она любит маленькие маки.

— Ну и дура, — ответил генерал. — Маленькие маки дадут мало опиума, я заработаю мало денег, и мне не на что будет кушать. Ты не представляешь, сколько денег у меня уходит на питание! Например, вчера я кушал блюдо из соловьиных язычков. Знаешь, сколько соловьев пришлось для этого придушить?

— Восемнадцать тысяч, — сказала Ма До До. — Как одного.

— Ой! — вырвалось у Коры. — Сколько же мест на Земле теперь никогда не услышат соловьиного пения?!

Генерал рассмеялся.

— Ты глупая, — сказал он. — Кому нужны песни, если их можно скушать? Думаешь, людям не хватает соловьиных песен? Чепуха, людям не хватает колбасы. Да ты перебей всех соловьев на Земле, никто и не заметит, а ты убери из магазинов колбасу — тебя растерзают возмущенные жители твоей планеты. Вот так-то...

Коре нечего было ответить, потому что она понимала, что имеет дело с прирожденным спорщиком: что бы ты ему ни доказывала — последнее слово все равно останется за ним.

— А теперь, дорогая Кора, — продолжал генерал, — я тебе покажу, почему у меня сегодня такое отличное настроение. Мой старый друг профессор Лу Фу из Урумчи привез мне чудесный подарок. За что я буду благодарен профессору до последнего дня его жизни.

Почему-то Ма До До засмеялась, словно зазвенели серебряные колокольчики.

С шумом генерал отодвинул тарелку, вскочил из-за стола и оказался настолько меньше Коры ростом, что мог пройти у нее под рукой. Фуражку он натянул поглубже.

— Что же, пойдем? — спросил он.

— Куда? — не поняла Кора.

— Я покажу тебе мои ботанические успехи, — сказал генерал Маун Джо. — Ведь ты всю жизнь мечтала увидеть такие чудеса. Да и нам с моей доченькой нелишне снова взглянуть на наши достижения.

Генерал дважды хлопнул в ладоши, и дверь, ведущая в глубь пещеры, отворилась. Пройдя еще одним коротким и широким переходом, они оказались в громадном пещерном зале, ярко освещенном прожекторами и подвесными светильниками, яркими, как маленькие солнца, которые свешивались с каменного купола. Пол пещеры площадью с футбольное поле представлял собой делянки различных растений, которые были Коре неизвестны.

— Видишь ли, моя дорогая туристочка, — сказал генерал, останавливаясь перед небольшим барьером, который отделял часть зала, уставленную столами с лабораторным оборудованием, от плантаций, — растения, которым я посвятил жизнь, отличаются одним общим свойством. Они приносят людям хорошее настроение. Поэтому я — величайший благодетель человечества.

— Простите, но я вас не поняла, — сказала Кора.

— Это все то, что невежественные, грубые завистники называют наркотиками. Здесь, как ты видишь, и опиумный мак, и конопля, и множество растений, названия которых тебе неизвестны, но без которых не могут существовать многие хорошие люди. И чтобы они не мучились от плохого настроения, я устроил здесь самые лучшие в мире плантации. Здесь у меня трудятся замечательные специалисты — ботаники, генетики, селекционеры, радиологи...

При этих словах маленький генерал сделал широкий жест

в сторону кучки людей в белых халатах, которые стояли за лабораторными столами. Увидев, что генерал смотрит на них, его служащие, как один, отдали ему честь и щелкнули каблуками. Вид у них был скорее строевой, чем научный.

— Покажите нашей гостье, — громко сказал генерал, обращаясь к своим подчиненным, — самое новое наше достижение. Покажите ей средство, с помощью которого мы принесем на Землю всеобщий мир и радость. Все будут спать и видеть сладкие сны, а просыпаться только для того, чтобы сделать очередной взнос в мою казну!

Генерал счастливо расхохотался.

Все в пещере дружно вторили ему.

— Папочка, — сказала Ма До До на языке качинов, — может быть, не стоит ей все это показывать?

Кора, которая, кстати, знала язык и этого небольшого бирманского народа, сделала вид, что ничего не понимает.

Генерал широко улыбнулся и ответил дочурке:

— Она же не выйдет отсюда живой.

— Это рискованней, если агент ИнтерГпола увидит, как мы работаем. Может, лучше мы поместим ее в тюрьму вместе с профессором? Их никто не найдет.

— Тут я решаю! — рявкнул генерал. И тут же добавил по-английски: — Я тут решаю. И немедленно вызвать ко мне повара.

Повар появился через мгновение. Несмотря на мужскую одежду, Кора сразу узнала в нем «маму» генеральской дочки, которая ездила на озеро Лоб-Нор.

— Лапша была недосолена! — сообщил генерал сердито. — И не хватало бергамота. Если это повторится еще раз, я найду тебе замену.

Повар молча склонился в поклоне, а генерал, поманив Кору, подошел к барьеру, за которым тянулись плантации. Именно там, под стеклянным колпаком, стоял прибор, уже знакомый Коре по рисунку синьоры и описанию аспирантки Ичунь. Это был генератор доброты, изобретенный Лу Фу. Более того, он испускал светло-зеленый луч, который был направлен на

небольшую грядку, где росли невысокие, по колено, густые кустики, со странными на вид мелкими розовыми цветами. От них даже на расстоянии нескольких метров исходил слабый приторный запах.

— А теперь полюбуйся собственными глазками, — сказал генерал, — на наше с профессором великое изобретение. Ты сейчас наблюдаешь за тем, как под влиянием лучей добра, которые профессор изобрел под моим руководством, растет и цветет корионг — редчайший наркотик, привезенный из другой галактики. Достаточно грамма его высушенных листьев, чтобы в другой мир, в мир грез и мечты, перешли более тысячи человек. Уже на этой грядке ты видишь счастье для миллиона человек! А еще через три дня мы сможем осчастливить целую большую страну. Ты мне не поверила?

Кора упорно молчала. Пускай наркобарон сам выговорится. Чем дольше она будет молчать, тем больше он скажет лишнего. Она знала, что так бывает почти со всеми преступниками. Им нужна аудитория, чтобы показать ей, какие они ловкие, умелые, великие, неуловимые.

— Папочка! — взмолилась более осторожная Ма До До.

— А теперь погляди на контрольную делянку, — сказал генерал. — Росткам корионга, которые высажены мною здесь, уже по три месяца. А они не поднялись и на сантиметр.

И на самом деле, на соседней грядке из земли еле-еле поднимались тонкие одинокие стрелочки с ноготь длиной.

Маленький генерал протянул руку и по-хозяйски, как будто свою верную собаку, похлопал генератор доброты по кожуху. Маленький прибор сразу среагировал на это — луч стал тоньше и жужжание тише.

— Эй, осторожнее! — злым голосом прикрикнула на папу Ма До До.

— Эй, где профессор? Подать его сюда! — закричал генерал. — Что он мне подсунул?

Пронзительный голосок маленького генерала пронесся по пещере, и от этого звука сверху грохнулся большой сталактит,

а фуражка генерала упала на нос, так что дочке пришлось ее нахлобучивать папе на место.

Не прошло и минуты, как в ответ на вопль генерала из бокового прохода появился белокурая бестия норвежский бандит Ивар Торнсенсен, который гнал перед собой, подталкивая в спину, изможденного, несчастного, но ничуть не потерявшего присутствия духа профессора Лу Фу.

— Ну вот, — укоризненно заявил генерал, как будто только что расстался с физиком и продолжал мирную беседу, — я же тебя просил — сделай так, чтобы твоя машинка работала как следует. Ну что мне, бить тебя, старая развалина?

— Простите, — отвечал старый физик с чувством собственного достоинства, — но я не даю никаких обещаний бандитам и убийцам.

— Ну вот, — вдруг обиделся генерал. — Какой же я убийца? Я в жизни сам никого не убил.

— Но ваши наркотики убили, поломали жизни многим тысячам людей, потому вы — еще более страшный и опасный преступник, чем все убийцы мира вместе взятые.

— Ах так! — взвизгнул генерал. — Уничтожить его!

— Нет, папочка, только не это! — закричала Ма До До. — Он нам нужен.

— Неужели ты не понимаешь, что оба они — и он, и эта ищейка, которая добралась до нас по его следам, — смертельно опасны? — спросил генерал. — Хватит шуток.

— Но если мы убьем профессора, кто нам починит машинку, когда она сломается?

— Чинить — не изобретать. Мы убежим отсюда и найдем за наши-то денежки жадного физика, который сможет наладить инструмент. А на этой делянке... — генерал с улыбкой поглядел на грядки, где кустился корионг, — на этой делянке мы имеем столько денег, что можем купить с тобой небольшую планетку.

— И все же жалко спешить.

— Неужели ты не поняла? Мы должны уйти отсюда через полчаса. Потому что столько времени я даю ИнтерГполу и ко-

миссару Милодару, чтобы до нас добраться. К этому времени мы должны быть далеко отсюда и глубоко под землей в запасном убежище.

— Может быть, еще денек, папочка?

— Молчать! — генерал обернулся к людям в белых халатах. — Начать уборку корионга. Выкапывать вместе с корнями, класть каждое растение в пластиковый пакет, и все вместе в контейнер. Отвечаете за все головами. Затем все грузить на мой флаер. Ясно?

— Так точно, генерал! — выкрикнул главный из помощников.

— Эти же, — генерал показал на Кору и старика, — должны погибнуть так, чтобы следа от них не осталось.

— Мы их зароем живьем в землю? — спросил Ивар.

— Чепуха. Смерть должна наступить от естественных причин, — сказал генерал.

— А где же они, эти причины? — развел ручищами Ивар.

— А вот в этой же машинке, — засмеялся генерал. — Слушайте меня внимательно. Отведите старика и девчонку в пещеру-камеру, где старик уже сидел. Заприте. У входа поставьте ящик с поруньей.

— Ой! — Лицо юной Ма До До исказилось страхом. Даже ей стало не по себе. «Что же могло так испугать ее?» — удивилась Кора.

— Затем включите аппарат, направьте его на колючую поруньо, а мы тем временем займемся сборами. Надеюсь, что минут через десять порунья с ними справится. И никаких следов!

Генерал весело расхохотался, Ивар и повар вторили ему. Но Ма До До, хоть и была испорченной девушкой, все же заплакала и убежала из пещеры.

— А ну, исполнять! — крикнул генерал. — А мне принесите зажаренную баранью ногу. Что-то я проголодался.

Ивар и еще два бандита в белых халатах погнали Кору и профессора по коридору. Столетний профессор так устал и

был настолько изможден, что Коре приходилось поддерживать его под локоть. Но он не жаловался.

Ивар запихнул их в тесную камеру — тупик подземного хода. Звякнула, запираясь, решетка, щелкнула дужка замка — они были отрезаны от всего мира многими метрами скалы. Мрачную тишину разгоняла лишь слабая лампочка, горевшая под потолком.

Зато за решеткой в коридоре света было больше.

Двое солдат в рукавицах и бронежилетах притащили большой ящик, в котором находилось небольшое растение, похожее на новогоднюю елочку. Они обращались с этим ящиком так, словно в нем была не елочка, а гремучая змея.

Поставив ящик на пол, они отбежали в сторону. Ивар подошел к ящику и сунул в него конец водопроводного шланга.

— Я надеялся, что они не догадаются, — тихо сказал профессор, — дать ему источник воды.

— А что такое? — не поняла Кора. — Что все это значит?

Профессор ответил не сразу. Он смотрел, как на столе за растением Ивар устанавливает генератор доброты.

За спиной Ивара появился генерал. Фуражка была задвинута на затылок, он вгрызся зубами в жареную баранью ногу.

— Включай! — махнул он рукой.

— Генерал! — вдруг взмолился профессор. — Пожалейте молодую девушку! Я и так скоро умру, но девушка должна жить. Я вас умоляю. Я ведь знал вашего деда, и он уважал меня...

— Молчать!

— У вас есть собственная дочь. Подумайте, а что, если бы такое грозило вашей дочери?

— Вот для того, чтобы ничего плохого не случилось с моей дочерью, я и оставляю вас наедине с поруньей. — Генерал снова принялся жрать баранью ногу, а зеленый лучик генератора доброты уперся в кустики, что росли в деревянном ящике.

— Насмотрелись? — спросил генерал. — Так вот, остальное будет происходить в наше отсутствие — у нас пятнадцать минут на сборы. Все по местам!

Размахивая бараньей ногой, как первобытный человек ду-

бинкой, маленький генерал пошел прочь из пещеры, а за ним потянулись остальные.

В пещере стало тихо и пусто, лишь было слышно, как журчит вода, льющаяся в ящик с растениями.

— А почему вы расстроились, когда они включили воду? — спросила Кора.

Профессор, стоявший, прислонившись к каменной стене, с трудом произнес — видно, последний взрыв энергии и мольбы, с которыми он обращался к генералу, дорого ему дались:

— Потому что при быстром росте живое существо нуждается в воде. Я надеялся, что они забудут о воде, и тогда порунья не сможет расти — она завянет. Но теперь она вырастет.

— Ну и пускай растет, — сказала Кора. — Вы не беспокойтесь. Я убеждена, что скоро появятся наши друзья. Следователь Лян Фукань и комиссар Милодар наверняка уже выследили генерала.

— Глупая моя девочка, — печально ответил профессор. — Боюсь, что они не успеют.

Кора посмотрела на ящик. Растение, похожее на елку, на глазах вылезало из ящика и тянулось кверху. Некоторые его зеленые щупальца дотронулись до решетки, за которой находились пленники.

— Порунья — это самое страшное растение влажных лесов. Оно таится на нижнем этаже тропического леса и подстерегает свою добычу... Ты когда-нибудь слышала о росянке?

— Это такое болотное растение, которое может схватить и съесть муху.

— Правильно. Порунья — это гигантская росянка местных болот. Она может поймать и высосать соки из косули, зайца или даже обезьяны. Она хватает зазевавшееся животное своими колючками, пронзает его и сквозь них, как сквозь иголки шприцев, сосет кровь.

— Ой, как неприятно! — Кора со страхом посмотрела на порунью. Та же не теряла времени даром — множество ее иголок и веток уже заплели решетку, так что не было видно коридор. Неприятный гнилой трупный запах растения заполнял

собой камеру, казалось, что нечем дышать. И главное — вокруг было совершенно пусто. Ни палки, ни камня — нечем отбиваться! Ведь перед отлетом в Бангкок Кора оставила в Урумчи не только документы и оружие, но даже перочинный ножик, чтобы в случае, если ее заподозрят, ничто не связывало ее с ИнтерГполом.

— Эй! — закричала Кора. — На помощь! Мы здесь!

Но даже если звуки и пробивались сквозь зеленую жадную чащу растений, все равно некому их было услышать в подземелье. И вернее всего, последние сообщники генерала Маун Джо уже собирали ценности и бежали к флаерам, чтобы перелететь на резервную базу.

— Мне грустно, — сказал вдруг профессор, — что я сам виноват во всем, и вы страдаете от того, что пытались меня спасти. Вы ведь прилетели сюда в поисках меня?

— Да, я агент ИнтерГпола, и вас ищут. И я надеюсь, что нас обязательно найдут.

— Простите меня, почтенная девушка, — ответил физик, — но если помощь не придет в ближайшие минуты, то нас не только не спасут, но и не найдут. Это растительное чудовище может сожрать и переварить абсолютно все... никто и не догадается, что мы с вами здесь были.

Теперь жадные щупальца и иглы растения загнали пленников к дальней стене и стремились дотянуться до них. Вот уже первая из гибких иголок сейчас проникнет в кожу...

Кора закричала от страха.

Профессор старался встать так, чтобы заслонить своим телом девушку, но Кора не давала ему это сделать...

Вот еще одна иголка прикоснулась к ее коже, еще одна...

Но тут Кора, несмотря на весь ужас, который владел ею, вдруг поняла, что иголки и щупальца растения дотрагиваются до ее кожи, но не протыкают и почти не обжигают ее... словно теряют интерес к ней, стоит им дотянуться до своей жертвы.

— Смотрите, — произнес профессор. — Этого не может быть! Они не нападают на нас. Они лишь трогают...

Стоять становилось все теснее, потому что зеленые иглы и

щупальца опутали пленников, набились в клетку так, словно хотели познакомиться со своими жертвами...

— Но они нас не жалят! — сказала Кора.

— Я ничего не понимаю...

Так прошло еще несколько минут. Единственная опасность, правда вполне реальная, грозила Коре и старику от того, что было тесно и трудно дышать...

Вдруг откуда-то, словно сквозь вату, послышались крики. Они приближались.

— Они здесь! — донесся женский голос. — Но они уже погибли. Порунья сожрала их.

— Нет, мы живы! — закричала в ответ Кора. Но, видно, ее голос не пробился сквозь зеленую преграду.

— Огнеметы! Срочно огнеметы! — это был голос Милодара. — Уничтожим эту нечисть...

— Не делайте этого! — закричала Кора так отчаянно, что Милодар услышал ее.

— Стойте! Слушайте! — раздался его голос.

Тогда заговорил профессор:

— Ни в коем случае не выключайте генератор доброты, вы меня слышите?

— Мы вас слышим, — ответил следователь Лян Фукань.

— Мы попытаемся подойти сейчас к двери, а вы должны будете открыть замок. У вас есть ключ?

— Да, у нас есть ключ. Ма До До, которая привела нас сюда, взяла с собой ключ, — сказал следователь.

— Постарайтесь не бояться растения, думайте о нем, что оно хорошее, — приказал профессор. — И откройте клетку.

Сказав так, профессор осторожно, раздвигая иглы и щупальца растения, двинулся к решетке, Кора за ним.

С другой стороны к решетке подошел отважный следователь Лян Фукань, который не побоялся смертельно опасного растения.

Щелкнул замок, дверь открылась.

Раздвигая послушные ветви, пленники вышли наружу и

вскоре, миновав ящик с поруньей, оказались в объятиях друзей.

— Как? Как вы могли остаться живы? — спросил Милодар.

— Только потому, — ответил с улыбкой Лу Фу, — что вы услышали нас и не стали жечь и убивать растение. Если бы вы причинили ему какой-нибудь вред, оно бы немедленно нас убило.

— Но почему?

— Потому что, как я понимаю, лучи доброты не только помогают растению расти во много раз быстрее, чем обычно, но каким-то образом дают ему заряд доброты. Вы скажете мне — растения не могут чувствовать. Но если они лучше растут от того, что я посылаю им лучи добра, если они не хотят убивать нас — я уверен, что порунья также почувствовала, что не может причинить вреда нам. Но это, как и любой научный факт, еще нуждается в проверке.

— Никогда бы не поверил, что такое возможно, — сказал Милодар.

— А вы лучше помогите мне, — сказал гордый профессор, — вынести наружу ящик с растением. Неужели вы думаете, что в награду за то, что пожалело нас, оно заслуживает смерти в этом подземелье?

И они все вместе с помощью бангкокского таксиста, который помог найти Кору, вытащили наружу ящик со страшной поруньей, и, надо сказать, она никого так и не сожрала. По крайней мере, в тот день.

А когда комиссар Милодар умчался на боевом вертолете брать штурмом тайную резервную базу генерала Маун Джо, а следователь Лян Фукань увез на медицинском флаере в больницу смертельно уставшего, еле живого Лу Фу, Кора подошла к Ма До До.

— Спасибо, — сказала она ей.

— Я так боялась не успеть... — сказала Ма До До и горько заплакала.

— Ты что? — спросила Кора.

— Папу жалко, — сказала она. — Хоть он жестокий и ко-

варный, но у меня нет другого... И кроме него, до меня никому нет дела.

— Я знаю место, где тебя любят и ждут, — сказала Кора.

— Такого места нет.

— Вот, держи. — Она протянула девушке конверт. В нем лежала пленка с говорящим портретом синьоры Серафины Беллинетти, которую та дала Коре при расставании.

— Дорогая Мариам, — сказала синьора. — Может быть, у тебя сейчас другое имя. Но я должна сказать, что твои руки и твоя доброта нужны всем нашим детям! Приезжай скорей и знай, что на свете у тебя есть верные друзья.

Ма До До заплакала, а Кора тихонько ушла к флаеру — ведь порой человеку лучше всего побыть в одиночестве.

ЗЕРКАЛО ЗЛА

Глава 1

ТАЛИСМАНЫ ИМПЕРИИ

Так как визит Второго министра империи Эпидавра и сопровождающего его Лица был совершен втайне, средства массовой информации о прибытии на Землю высоких гостей не сообщали, встреча с ними для Коры была полной неожиданностью.

В тот момент Кора как раз свалилась с доски, на которой неслась, балансируя на сверкающем под утренним солнцем откосе океанского вала, накатывающегося на австралийский пляж неподалеку от города Дарвина. Чуть-чуть качнувшись, Кора потеряла равновесие, доска ушла вбок, волна догнала ее пенистым гребнем, подмяла, закрутила, понесла в смеси соленой воды и мелкого песка, и в этот момент в ухе прозвучал голос ее шефа, комиссара Милодара:

— Третий, немедленно на связь!

Будучи агентом дисциплинированным и исполнительным, Кора тут же ответила:

— Слушаюсь, шеф!

Но вместо ответа комиссар услышал лишь бульканье, шум воды, вливающейся в легкие Коры, и страшно смутился, потому что в тот момент Второй министр и сопровождающее его Инкогнито, именуемое Лицом, внимательно слушали, как комиссар вышел на связь с агентом, и могли подумать то, что подумал Милодар: Кора Орват проводит время в веселой, легкомысленной компании и вместо ответа вливает в себя кружку пива или даже бутылку вина.

А Кора, естественно, захлебнулась и даже чуть было не потеряла сознание.

Волна продолжала крутить безвольное тело, а вода вливалась в горло девушки. Ошеломленные посланцы Эпидавра замерли с приоткрытыми ртами, потому что не подозревали, что могут существовать гуманоиды, способные столько выпить за один раз.

— Уволю! — закричал Милодар, забыв, что должен оберегать честь своей фирмы. Но и его терпению мог наступить предел. — Этим все они кончают!

— Простите? — спросило Лицо.

— Все они спиваются, скуриваются, снаркоманиваются — нервы, нервишки! Всех заменю роботами!

И как бы в ответ на эту вспышку гнева звуки поглощения влаги прервались.

— Ну вот и слава богу, — сказал тогда Милодар с отвращением, — напилась.

— Вы нам отыщете другого агента? — спросил деловой Второй министр.

— Разумеется. И куда лучше, чем эта Кора Орват!

Милодар был расстроен. Всегда наступает момент разочарования. Он давно ждал этого момента — разочарования в агенте Коре Орват, лучшем полевом сотруднике ИнтерГпола. Не может так быть — несколько лет сплошных достижений! Тут кто угодно с катушек слетит... «Но, может быть, я суров к ней?»

С этой мыслью Милодар включил картотеку. Веселые, холодные, грустные, мягкие, жестокие лица агентов мелькали на экране, и комиссар одними губами повторял:

— Не пойдет, не пойдет... не пойдет. — Это были славные разведчики, проходимцы, игроки, убийцы, идеалисты, грабители приютов — кто только не попадает в Галактическую полицию, призванную негласно поддерживать порядок на протяжении сотен парсеков! Но второй Коры среди них не было.

Комиссар заметно загрустил.

Его можно было понять. Он и сам переживал нелегкий период в жизни, потому что разводился с Джульеттой. Зачем она так сделала... Зачем?

Милодар незаметно для себя углубился в печальные семейные проблемы и, глядя на экран, на лица своих сотрудников, вместо них видел лицо Джульетты.

Посланцы Эпидавра хранили гордое и обиженное молчание. Прием, оказанный столь высоким лицам, оказался ниже всяческих ожиданий, и, если бы не крайняя нужда, они бы в прямом смысле хлопнули дверью.

Разумеется, никто в том кабинете уже не думал о судьбе Коры, чуть не погибшей из-за несвоевременного вызова.

Слово «чуть» употреблено здесь не случайно, потому что и на самом деле Кора чудом оказалась жива, потому что у самой кромки воды, там, куда достигали изможденные от борьбы с берегом языки волн, сидел кот Колокольчик, верный друг и любимое животное Коры Орват. От прочих котов Колокольчик отличался не только верностью хозяйке и чрезвычайным умом, но и несвойственной котам безрассудной храбростью.

Колокольчик не выносил, когда Кора каталась на волнах, поминутно рискуя жизнью, но еще более не выносил ситуаций, когда не мог ей толком помочь. Даже кот ростом с ньюфаундленда не может плавать так, как ему бы хотелось, — лапы кота приспособлены для сухопутной жизни.

И тем не менее, судорожно зевнув, что выдавало крайнее волнение, Колокольчик издал боевой вопль, который заставил встрепенуться всех купальщиков и катальщиков на досках и даже разбудил спасателя Джека Макдональда. Издав вопль, котик кинулся к воде и в мгновение ока был ею поглощен.

Тут надо отдать должное спасателю Джеку Макдональду, который, отбросив сон, как фантик от конфетки, в два прыжка оказался у океана. Увидев же движение спасателя и сообразив, что утонула самая популярная среди мужского населения этого пляжа девушка Кора, еще сорок мужчин кинулись в громадные волны...

Через три минуты громадный вал вынес на песок бездыханную Кору, бездыханного котика, оглушенного спасателя и

большинство молодых людей. Начался громкий спор, откачивать ли Кору здесь или отвезти в больницу в Дарвин, но, к счастью, поблизости, оказалась медсестра Танья Найтингейл — далекая родственница и наследница той самой Найтингейл. Танья умело сделала искусственное дыхание сначала Коре, потом котику и, наконец, Джеку Макдональду.

Пока она занималась этим, уговаривая остальных спасателей не толпиться и не перекрывать воздух, она услышала, как вживленный в ухо Коры динамик размером с маковую росинку попискивает человеческим голосом:

— Ты уволена за моральное разложение! Ты слышишь или даже слышать не желаешь?

Танья Найтингейл убедилась, что ее пациентка будет жить, наклонилась к ее уху и прошептала:

— Какой идиот мешает мне работать?

Эти слова прозвучали в кабинете Милодара как гром.

— Что? — спросил Милодар.

Ответа не последовало, потому что Танья уже откачивала котика. Но голос Найтингейл помог Милодару сделать вывод:

— Это не она. Это другая.

— А что это означает? — спросило Лицо.

— А это означает, что ей откусили ухо, — ответил Милодар, не вдаваясь в подробности. — Так перепились, что откусили ухо. Теперь ждите.

— Чего ждать? — спросил Второй министр империи.

— Все, кому не лень, будут в это ухо говорить, — пояснил Милодар и стал ждать.

Хотя в глубине души он надеялся, что вся эта история найдет разумное объяснение. И уши Коры — на месте.

К счастью, в ту минуту Милодару и гостям принесли поднос с чайником и бутербродами с красной и черной икрой. А так как нигде во Вселенной красной и черной икры почти нет, то гости на время забыли о скандале, которому были свидетелями.

Гости ели по третьему бутерброду, Милодар печалился,

что они уничтожили всю месячную норму гостевых, когда раздался звонок из Австралии.

На экране появилось лицо Коры.

— Я вас слушаю, комиссар, — произнесла она слабым голосом, стараясь не смотреть на обеденный стол, потому что ее мутило от вида пищи.

Кора была бледна, щеки ввалились, волосы еще не успели высохнуть.

— Песок со щеки стряхни, — сказал комиссар.

— Вы меня вызывали? — спросила Кора и, качнувшись, ушла из кадра.

Гости из Эпидавра согласно кивнули, усмотрев в этом алкогольную интоксикацию организма молодой женщины, но опытный взгляд Милодара увидел совсем иное: с Корой что-то случилось.

Об этом и спросил.

Вернувшись на экран, Кора почему-то покраснела, но так как существует правило — агент обязан говорить начальнику правду и только правду, Кора ответила:

— Я утонула.

— Этого еще не хватало! — с облегчением рассердился Милодар. — Почему тебя потянуло тонуть?

— Я на ваш вызов ответила, но в тот момент была...

— Под водой, — догадался Милодар. — Но тебя спасли.

— Спасли.

— А Колокольчик не утонул?

Колокольчика Милодар недолюбливал и все надеялся, что тот попадет под машину или погибнет в драке с большим псом. Но Колокольчик себя берег.

— Его тоже откачали, — сказала Кора.

— Отлично, — сказал Милодар, — теперь слушай меня внимательно. Ты в Австралии?

— Так точно.

— А я на центральном посту, под ледяным щитом Антарктиды. На хорошем флаере до меня минут двадцать лету. Так что одна нога там, другая — тут.

* * *

Когда Кора, приведя себя в пути в порядок, вошла в подледный кабинет шефа Земной службы ИнтерГпола, она увидела, что Милодар в кабинете не один.

Вместе с ним находились инопланетяне из Эпидавра, которых Кора узнала по изображениям, хотя не подозревала, что Землю посетили столь высокие гости.

Второй министр Эпидавра был седовласым джентльменом семи с половиной футов ростом, узкоплечим и сутулым. Широкий плащ сиреневого цвета был призван защищать министра от любого вредного действия земных организмов и излучений, с той же целью он, разумеется, никогда не снимал защитного полупрозрачного шлема, который делал его похожим на космонавта двадцатого века, который только что спустился на Луну и теперь, совершая первые шаги по лунной пыли, позирует для потомства.

Несколько отличалось от Второго министра Лицо, которое прибыло на Землю инкогнито, так как всегда и всюду прибывало в таком качестве. Секретность, которой было окружено Лицо на своей планете и во время исполнения особых заданий Совета империи, была столь велика, что Лицо не снимало маски даже дома, перед женой, и рассказывают, что когда позапрошлое Лицо скончалось, то на похоронах его дети отказывались оплакивать отца, а вдова громко сказала: «Если бы я раньше знала».

За исключением лица, скрытого не только шлемом, но и замотанного черной материей, Инкогнито был во всем схож со Вторым министром, правда, уступал ему несколько ростом, но превосходил шириной плеч. Как сотрудник тайной полиции, Кора знала также и тщательно оберегаемый секрет Эпидавра: Второй министр империи был на самом деле ее первым министром, премьером, пожизненным и сменяемым только путем кровавых заговоров. Инкогнито не ведал безопасностью империи, а отвечал за раскрытие и разоблачение заговоров. То есть Кора сразу поняла, что причина, приведшая руководителей империи под ледяной щит Антарктиды,

была столь серьезной, что они впервые за последние шестнадцать лет оставили империю без присмотра, поручив управление императору и старенькой регентше.

— Это она? — спросило Лицо после формальных приветствий.

— Это она, — подтвердил Милодар.

Инопланетные гости разглядывали Кору так, словно в жизни им не приходилось встречать обыкновенную земную девушку двадцати с небольшим (двадцать семь, но это не так важно) лет от роду, красивую, ладно скроенную, хоть и узковатую в бедрах (с точки зрения европейского вкуса), ростом всего в сто восемьдесят пять сантиметров, что не позволило ей в свое время сделать карьеру в баскетболе. У этой молодой женщины были светло-русые, почти пшеничные волосы, коротко остриженные, ибо еще не успели отрасти после сложного задания, в ходе которого ей пришлось изображать лысого мужчину, серые, в голубизну, пожалуй, излишне светлые глаза и пухлые губы, мешавшие лицу сохранять постоянную строгость и непреклонность.

— Вы любите пить, находясь под водой? — спросил Второй министр Эпидавра.

— Да, но только соленую воду, — подтвердила Кора.

Посланцы Эпидавра подумали, Милодар не вмешивался. Наконец Лицо сообщило:

— Смешно.

— Я бы не сказал, что очень смешно, — возразил Второй министр. — Однако налицо попытка развеселить нас, пользуясь тем, что мы с вами туповаты и не знаем, что соленая морская вода отличается отвратительным вкусом.

— Видишь, Кора, — сказал Милодар, — а ты старалась.

— Я больше не буду, — дала обещание Кора.

— Тогда садись и выслушай нашу проблему, — сказал Милодар.

Он так и не представил гостей Коре, потому что они были столь важными персонами, что не могли при всем желании

снизойти до знакомства с простым агентом, а Кора, разумеется, этого знакомства не навязывала.

Она понимала, что проблема достаточно серьезна, если Милодар из-за нее чуть не утопил своего лучшего агента, к тому же он знал, насколько Коре противно, если ее вызывают на задание в выходной день. Служба есть служба... Но с недавних пор Милодар женщин побаивался.

— Наши друзья прибыли к нам издалека, — сообщил Милодар. Гости согласно наклонили головы. У министра сквозь темную муть шлема угадывались пышные бакенбарды, у Лица не угадывалось ничего. — Наши друзья ищут потерянную на Земле вещь... так сказать, предмет государственного значения. Мы с тобой им обязаны помочь. Это личная просьба Ксении Михайловны. Она просила задействовать именно тебя.

Ксения Михайловна Романова, безвредная на вид бабушка, была шефом Службы безопасности Земли. Коре она давно симпатизировала.

По тону Милодара Кора поняла, что ее шеф лжет. Ксения Михайловна, если и говорила о визите с Эпидавра, никогда не стала бы давать комиссару советы. Она была разведчицей старой школы. Но комиссару сейчас было выгодно изобразить себя передаточной инстанцией и притом набить цену Коре. Вернее всего, других агентов он берег для своих дел. А Корой всегда можно пожертвовать. «И если он сейчас будет меня излишне расхваливать, — подумала Кора, — считай, что я влипла».

— Несмотря на молодость, — произнес Милодар, постаравшись без успеха пригладить копну завитых, тугих, как проволока, волос. — Несмотря на видимость...

«Какая у меня видимость? — подумала Кора. — Это что, у меня есть видимость?»

— Кора Орват — один из лучших полевых агентов.

Гости с Эпидавра согласились, дружно кивнули, а затем Второй министр вежливо спросил:

— Не все ли равно в настоящей ситуации, хороший она агент или посредственный?

— Нет! — отрезал Милодар. — Посредственный агент загубит операцию.

Кора молчала. Она понимала, что, независимо от ее желаний и слов, ей все равно придется работать. Разумеется, она предпочла бы узнать обо всем как можно скорее и предпочла бы работать в Швейцарии или на Кипре, но, в конце концов, и в Эпидавр можно слетать.

— Продолжайте, комиссар, — сказал Второй министр. — Объясните вашему хорошему агенту, который неумеренно пьет соленую воду, в чем суть нашей проблемы.

«Я ему совсем не понравилась, — подумала Кора. — В сущности, он мне тоже не нравится, но любой женщине неприятно это сознавать».

— Империя Эпидавр, — начал Милодар, — расположенная на Южном полушарии планеты Цукех...

— Это означает Прекрасная на нашем языке, — добавило Лицо. Странно было слышать голос, исходивший из абсолютно черного сверкающего шара размером с крупный арбуз.

— Империя Эпидавр существует уже несколько столетий, — сказал Милодар.

— Девятьсот сорок восемь лет назад, — добавил Второй министр, — князь Совпарий Шестой сокрушил могущество четырех племен и вышел к Тростниковому морю.

— Спасибо, — сказал Милодар. — Но я хотел бы, не обижая вас, заметить, что со спецификой жизни на Эпидавре агент Орват может ознакомиться на досуге...

— Досуга у нее, надеюсь, не будет, — все же обиделся Второй министр.

Лицо махнуло длиннющей рукой, повелевая продолжать.

— Триста лет назад в пределах империи произошла революция, — подчинился комиссар.

— Точнее — мятеж! — не выдержал министр. — Обыкновенный мятеж, не более того.

— И мятежники взяли верх.

— Временно! — сказал Второй министр.

— Простите, может быть, вы сами расскажете? — спросил Милодар.

И тогда Лицо обрушилось на своего спутника на непонятном языке. Хоть и непонятно, но явно обрушилось. Широкая лингвистическая подготовка Коры, которая уже в приюте выучила восемь языков и еще сорок освоила за годы работы в ИнтерГполе, позволила ей определить, что примерно половина слов Лица имеет бранный характер. Милодар это тоже понял и получал удовольствие, слушая, как собачатся эти надутые вельможи.

Наконец выговор завершился, Второй министр уставился в пол между своих коленок, высунувшихся из-под плаща, а удовлетворенное Лицо замерло, очевидно, обратив взор к Милодару.

Сделав многозначительную паузу, Милодар продолжал:

— Мятежники захватили дворец императора и продержались там несколько дней, пока к императорским войскам не подошло подкрепление. Но за это время они успели нанести ощутимый вред. Во-первых, они зарезали императора и его ближайших родственников...

Второй министр заерзал в кресле, намереваясь ринуться в бой, но Лицо шумно втянуло воздух сквозь широкие ноздри, и Второй министр осекся. Кора запомнила, что втягивание воздуха в Эпидавре считается угрозой. Может, когда-нибудь пригодится.

— Во-вторых, — продолжал Милодар, будто ничего вокруг не происходило, — они ограбили дворец и похитили три сокровища. Три символа императорской власти, без которых император — не император, а так, пфью... ничто!

— Ну уж тут позвольте! — не выдержало само Лицо. — Пожалуй, вы перегибаете палку. Я позволил вам пересказать ситуацию исполнителю не для того, чтобы вы оскорбляли священную особу.

— Но ведь нет теперь особы!

— Временно.

— Триста лет, как их империей правят регентши. — Милодар обращался только к Коре. — Потому что они даже не могут провести коронации.

— Три сокровища... — произнесла Кора. — Где-то я об этом читала.

— Ты читала об этом в истории Японии, — ответил Милодар. — Но я могу привести тебе еще несколько исторических примеров из истории Земли. По преданию, эти предметы были вручены первому правителю Эпидавра богиней... простите, как звали богиню?

— Богиней Света и Страха Юог, — ответило Лицо. Второй министр все еще хранил обиженное молчание.

— Вот именно, — сказал Милодар, будто всю жизнь помнил о богине, а только сейчас запамятовал. — Богиня Юог при драматических обстоятельствах вручила первому императору Зеркало, Алмаз и Венец.

— Неточно, — поморщилось Лицо. — Необходимо уточнение.

— Пожалуйста.

— Она передала императору, который был всего-навсего пастухом единорогов, Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти.

— Чудесно, — сказал Милодар. — Какой оптимистический набор.

— И необходимый, — не уловил сарказма Второй министр.

— И с тех пор вы их не нашли? — спросила Кора, потому что ей показалось, что от нее ждут умного вопроса.

— Разумеется. Иначе трагедия не застилала бы столь долго небо нашей империи.

— И заменить нельзя?

— Не говорите глупостей! — воскликнул Второй министр, а Лицо, снова втянув воздух через ноздри, поправило спутника:

— Заменить святыни, к сожалению, нельзя. Иначе они бы не были божественными святынями.

Все замолчали. Кора поняла, что подошла пора Милодару закончить рассказ.

— Недавно на мертвом астероиде, лежащем в стороне от коммерческих трасс, были найдены следы последнего лагеря мятежников.

— Они улетели от вас? Разве тогда уже были космические путешествия?

— У нас очень древняя цивилизация, — пояснило Лицо. — Вам не понять.

— Нам не понять, — покорным эхом отозвался Милодар. И Кора перехватила его невысказанную мысль: «Но за помощью вы прибежали к нам».

— Говорите, — предложило Лицо.

— В лагере, или на базе, этих самых мятежников были найдены документы, которые свидетельствовали о долгих путешествиях мятежников по Галактике, о расколе в их рядах, о их постепенной гибели. Там в ходе раскопок удалось узнать о приблизительном местонахождении имперских сокровищ. И стало ясно, что Зеркало Зла утеряно на Земле во время раздоров между мятежниками. Судьба остальных сокровищ неизвестна.

Опять наступила пауза, и Кора не нашла ничего лучше, как спросить:

— А что, зеркало большое?

Лицо подало знак Второму министру, и тот поспешил раскрыть плоский чемоданчик, который, как оказалось, был прикреплен к его кисти длинной золотой цепочкой. Краем глаза Кора заглянула в чемодан, который был приоткрыт и тут же захлопнут. В чемодане лежали бумаги, фотографии, а также две зубные щетки в прозрачных футлярах, расчески, паста и полотенце. Гости не надеялись на своих земных хозяев.

Второй министр положил перед Милодаром на стол цветную фотографию — на ней было изображено зеркало. С такими зеркалами в сказках изображаются девицы. Изобретены они были, видно, в Древнем Китае или в не менее Древней Греции и более всего, с точки зрения Коры, были схожи с пинг-понговой ракеткой, лишь уступали ей размером. Овальное зеркало было вставлено в позолоченную рамку, судя по

потертостям, достаточно старую, а обод зеркала и ручка были богато, хоть и грубовато украшены объемными изображениями танцующих девушек среди виноградных роз.

— Это вид с лицевой стороны, натуральный размер, — произнес Второй министр. — Вот оно же, вид сзади. А это приблизительное положение его в руке владельца.

На этот раз на стол легла старинная раскрашенная гравюра, изображавшая молодого человека в тонком темном венце, в который были вставлены крупные разноцветные камни. Держа в руке зеркало, молодой человек смотрел в него, и на его лице отражался ужас. По крайней мере так получилось у художника.

— Теперь вам ясно, что искать? — спросило Лицо.

Министр собрал фотографии и рисунок, приоткрыл чемодан и спрятал все среди бумаг под полотенце.

— Вы нам это не оставите? — спросил Милодар.

— Нет, — ответил Второй министр. — Изображения государственных талисманов являются объектами повышенной секретности.

— Вы усложняете нам задачу, — сказал Милодар, но настаивать не стал, потому что, как Коре было известно, на потолке над столом находилась видеокамера, которая давно уже сделала копии фотографий и гравюры.

Эпидавряне не возражали. Они не знали, оскорбительно ли сравнение с пинг-понговой ракеткой, и потому предпочли помолчать.

— И вы за ним прилетели? — спросила Кора.

— Вот именно.

— А зачем я вам понадобилась?

— Чтобы это зеркало найти, — сказал Милодар, — наши гости лишь приблизительно представляют себе, где оно могло потеряться...

— Пошлите туда группу, пускай отыщет с приборами, — сказала Кора.

— Прошло триста лет! Место известно лишь условно... — Милодар подошел к большому глобусу. Глобус был старин-

ный, прошлого века и, говорят, принадлежал кому-то из латиноамериканских диктаторов. Шар доставал Милодару до носа, и потому, чтобы разглядеть Северный полюс, комиссару приходилось запрокидывать голову. Вертелся глобус со скрипом.

Милодар чуть шевельнул глобус, чтобы Коре было удобнее смотреть, и шлепнул ладонью по северной части Индийского океана.

— Оно на дне? — спросила Кора.

— Нет, на суше, в горах. В северной Бирме.

— И найти нельзя?

— Надо обыскать площадь в шесть тысяч квадратных километров гор и лесов и найти кончик иголки в стогу сена.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю тебе поехать в Бирму и найти зеркало.

— Ну что ж, — легкомысленно ответила Кора. — Я в Бирме не была. Когда лететь?

— Ты не совсем правильно поняла, — сказал Милодар. — Ты должна отправиться в Бирму не сегодня, а триста лет назад, в тот момент, когда там воевали мятежники. Ты их отыщешь по шуму боя и крикам населения.

— Чепуха, — сказала Кора. — Такой машины времени еще не изобрели. Можно отправить человека на десяток лет в прошлое, но не дальше.

— На двенадцать лет, это пока рекорд, — согласился Милодар. — Но у меня есть другая идея. Она еще не испытывалась на людях, но когда-то надо начинать.

— Опасная? — спросила Кора.

— Еще какая опасная, — сказал Милодар. — Как раз по тебе.

— Нет, спасибо, — сказала Кора.

— У тебя нет семьи.

— У меня есть кот Колокольчик и бабушка Настя. Я их не оставлю.

— Но есть шанс, что ты вернешься.

— Лучше я и слушать не буду. Вы же меня обязательно загубите!

— Девушка, послушайте нас, — сказало Лицо из Эпидавра. — Уже три столетия наше государство живет не в полную мощность. У нас нет коронованных императоров, и страной правят регентши, одна другой глупее. Сейчас же подрос интеллигентный, умный, добросовестный наследник престола. Если мы достанем хотя бы Зеркало, мы попытаемся короновать, и миллионы людей вздохнут свободно.

Кора сочувствовала горю вельмож, хотя не понимала, будучи демократкой, почему появление на троне императора должно облегчить жизнь миллионов людей.

— Нет, — сказала она.

— Вы обязаны нам помочь, — сказало Лицо.

— Поможет, — сказал Милодар. — Обязательно поможет. У меня дисциплинированные агенты. Я разрешаю им побунтовать и поворчать в разумных пределах, а потом приказываю замолчать. Кора, молчать!

— Слушаюсь, — вздохнула Кора.

* * *

Разговор продолжался в Институте номер шесть, крайне засекреченном учреждении, которое занимается генетическими опытами и достигло таких сенсационных результатов, что, по слухам, всем его сотрудникам отрезали языки и приковали их цепями к рабочим местам в лабораториях. Все это, разумеется, чепуха и сплетни, а институт охраняется столь тщательно только от чайников, сумасшедших и авантюристов, а также людей с манией величия, которые могут проникнуть в Институт номер шесть и воспользоваться его установками, и особенно установкой Дельта.

Так как, несмотря на глубокую секретность, установка Дельта многократно описывалась, только не совсем верно, в популярных изданиях, то лучше довериться рассказу о ней, прозвучавшему в Институте номер шесть.

Вот что рассказала, пользуясь притом иллюстрациями, стремительная худенькая девица с таким острым носом, что Коре страшновато было приблизиться к ней — а вдруг уколет. По сторонам носа размещались маленькие черные глазки, а

волосы девицы были покрашены в красный цвет и покрыты блестками.

— Я сегодня собралась на дискотеку, — сообщила девица. — Так что давайте сократим лекцию до минимума.

Возмущенный Милодар потребовал было сменить лектора, но более ответственные лица находились в то время на заключительном заседании международного симпозиума, и пришлось удовлетвориться девицей.

Девица взяла светящуюся указку, велела гостям садиться на неудобные табуретки, а сама поднялась на небольшую эстраду, фоном которой служила зеленая доска, исписанная формулами и разными словами, оставшимися от вчерашних научных споров.

— Помимо памяти индивидуальной, — сообщила девица, — существует память вида. Вы знаете, что такое вид?

— Вопросы задавать будем мы, — резко ответил Милодар, все еще недовольный тем, что ему приходится выслушивать лекцию лаборантки.

Заявление Милодара лаборантку не смутило.

— Вы мало читаете, — сообщила она Милодару. — Иначе бы вы знали, что в любом фантастическом романе приходит великий ученый или его ассистент и рассказывает дуракам, которые собрались в лаборатории, в чем суть изобретения. Дураки хлопают глазами, а читатель умирает от скуки на десятой странице.

Кора даже ахнула от такой наглости лаборантки, но Милодар ничего не ответил, он лишь приоткрыл рот и смотрел на лаборантку, словно только сейчас сообразил, что под этим камуфляжем скрывается юное существо с отличной фигурой. Зато посланцы Эпидавра были повергнуты оземь таким хамством, потому что положение женщины в той империи своеобразно и ограничено таким числом запретов и правил, что большинство женщин кончают с собой, не достигнув зрелости. Зато те, кто выживает, превращаются в существа высшего типа, в частности, именно из них формируется корпус регентш.

— Продолжайте, — произнес Милодар, скользя взглядом от пяток до затылка лаборантки. — И сообщите нам свое имя.

— Зовут меня Пегги, — сообщила девица. — Мне двадцать два года, но я отлично сохранилась, и мне редко дают больше семнадцати, я давно уже не девушка, учусь в аспирантуре, любимая ученица профессора Гродно.

— Спасибо, — сказал Милодар. — Умоляю, продолжайте.

«Когда-нибудь я тоже начну тебе хамить, старый бабник, — подумала Кора. — Тогда ты у меня запляшешь».

— Существует память вида, — продолжала Пегги. — Обычно поддерживается она прямым обучением от родителей к детям. Приходилось ли вам видеть, как кошка учит котят ловить мышку?

В голосе девушки прозвучал металл. Кто-то из учеников должен был поднять руку и ответить на вопрос.

Никто не решился.

— Это поучительное зрелище, — сообщила Пегги. — Точно так же кошку учила ее мать.

Лаборантка тронула себя за ухо, и по красным космам пробежали золотые огоньки. Зрелище было внушительное. Хотелось убежать.

— Кошка, как примитивное существо, учит детей жить в меняющемся мире, передавая им свой опыт. Причем не только генетический, но и благоприобретенный. Ведь червяк не учит — ему достаточно того, что заложено в генах. А кошка учит. Поняли?

«Она будет профессором, — подумала Кора. — Перебесится и профессором станет».

— Котенок, — строго продолжала лаборантка, ритмично помахивая светящейся указкой, — получает от матери часть памяти данного семейства кошек, а так как сама мама-кошка была обучена ее собственной матерью, то мы при возможности можем проследить, что знали и умели кошки этого семейства, а то и популяции нашей страны и как эти знания накапливались... или терялись. Да! — Вдруг девицу охватил пафос. —

Кое-что теряется! И безвозвратно. Например, с приходом медицины люди забыли о травах. Что касается и кошек!

— Ну уж и кошек! — недоверчиво воскликнул Милодар.

— Пустите современного котенка, а то и взрослого кота в лес. Он сожрет какую-нибудь гадость и отравится. Ведь он жил в городе, и даже если его мама-кошка знала, какую траву можно есть, а какую нет, она не может найти в комнате образца нужной травы и показать ребенку.

Слушатели замолчали, переваривая информацию.

Кора была согласна — кошке неоткуда взять травку, чтобы предупредить детей об опасности отравиться.

— То же самое происходит и с человеком. На то есть учителя и родители, на то изобрели книги, видео и компьютеры, чтобы не утерять информацию, добытую предками. Но информация — это еще не память!

Пегги подняла к потолку указку и вытянула луч на максимальную длину. Луч коснулся потолка и образовал на нем темную точку, настолько ему передался накал души преподавательницы. Из ее красных волос сыпались редкие искры. Падая на ковер, они тихонько шипели.

— Вам не казалось обидным, — спросила она, — что вот ваш дедушка, генерал, завоевавший четыре страны, погиб в бою на безымянной высоте, названной впоследствии его именем, но не успел ничего вам рассказать? — Этот вопрос Пегги обратила к Лицу.

— Вы откуда знаете? — глухо и подозрительно спросило Лицо.

Пегги только пожала плечами, а Милодар, может и незаслуженно, воспользовался обстановкой и заметил:

— Мы многое знаем.

Пегги подождала, пока он замолчит, и продолжала:

— А как интересно было бы заглянуть в его память, в его душу...

Пегги вздохнула. Лицо не удержалось и тоже вздохнуло.

— А ваш прадедушка? — спросила Пегги у Лица. — Ведь его только называли разбойником с большой дороги. На самом же деле он был куда сложнее, чем тот простой злодей, которого рисовали ваши недруги.

— И поплатились, — заметило Лицо.

— Это уже другой разговор, — сказала Пегги.

Кора смотрела на лаборантку совсем другими глазами. Та, оказывается, успела подготовиться к визиту и неплохо выучила урок. А все разговоры о дискотеке и красные космы — это на публику.

Пегги сделала паузу. Теперь уже никто не смел ее прервать.

— Наш институт во главе с профессором Ахметом Гродно решил эту задачу. Но мы пока держим наше открытие в тайне. Нельзя же нарушать естественный ход событий.

— Что вы открыли? — спросило Лицо.

— Мы нашли способ проникать в прошлое. Но не грубым физическим способом, не с помощью машины времени, что не дает достойных результатов. Ну прыгнете вы на двадцать лет в прошлое. Ну посмотрите еще раз на собственную маму в молодости. А дальше что? Менять течение событий на Земле? Загонять себя и собственную планету в параллельный мир? Нет, дайте нам пожить у себя дома!

— Так что же вы открыли?

— Мы открыли возможность... мы нашли ключик к тому, что заключено в каждом человеке, — ключик к его наследственной памяти. Другими словами, мы дали возможность маме-кошке вспомнить, какие травки можно предлагать котенку, а какие нельзя. Но помнила об этом прабабушка нашей кошки, а не мама-кошка. Мы нашли способ отыскать в вас, уважаемый Долиал, глава безопасности империи Эпидавра, прибывший к нам инкогнито, те следы генетического прошлого, которые несут в себе и берегут память вашего дедушки-генерала и даже вашего прадедушки, так называемого разбойника с большой дороги.

— Об этом не будем, — предупредил Второй министр, оберегая честь Лица. Но Лицо лишь вяло отмахнулось, признавая превосходство нахальной девицы.

— Мы полагаем, — сказал тогда Милодар, — что это — величайшее открытие двадцать первого века, но вопрос о присуждении Нобелевской премии профессору Ахмету Гродно временно отложен, так как не решена степень секретности открытия.

— Но при чем секретность? — не сообразил Второй министр.

— Неужели, — ответил Милодар, — любой человек в Галактике не пожелает заглянуть в память своего деда, своего далекого предка, прочесть его мысли и овладеть его знаниями, которые, как все полагают, сгнили в могиле вместе с ним?

— Да, — согласилось Лицо, — соблазн очень велик, и можно страшно разбогатеть на этом.

— Ах, что нам в богатстве! Но вы не поняли еще, какую власть мы сможем обрести над миром! — воскликнула Пегги, спрыгнув с эстрады и чуть не проткнув министра острым, словно деревянным носом. — Разве вы забыли, сколько гениев умерли, не успев поделиться с человечеством своими мыслями, сколько великих изобретений погибло при катастрофах, в концлагерях или войнах! Вы должны знать, что на каждое изобретение, на каждое открытие, на каждую гениальную идею в мире была тысяча идей, открытий, мыслей, которые по той или иной причине не были высказаны. Неужели вы не понимаете, что, собрав и осуществив эти мысли, мы совершим такой скачок вперед...

Пегги закашлялась, а Милодар закончил за нее:

— И это может плохо кончиться для человечества. Кто знает, сколько нужно нам гениальных изобретений и мыслей, а сколько окажутся лишними? А что, если Природа бережет нас от перегрева? А что, если цивилизация лопнет от излишнего знания?

И Милодар произнес эти слова с такой искренней горечью, что все остальные не посмели ничего сказать — все молчали.

— К тому же, — нарушила наконец молчание Пегги, — операция эта длительная, сложная, и опасности, о которых

говорит комиссар Милодар, находятся в отдаленном будущем. А Нобелевскую премию нам не дают из-за жалких интриг, которых не чужд и ИнтерГпол.

Все посмотрели на Милодара. Он отмахнулся от обвинения, как от мухи, и миролюбиво попросил Пегги:

— Расскажите нашим гостям, как происходит активизация памяти предков. И какая от этого может быть польза в их поисках.

— Вот именно, — сказало Лицо. — Именно этот вопрос я хотел задать.

— Наш профессионализм заключается в том, — подытожил Милодар, — что мы знаем, какой вопрос, когда и кому задать.

— Тогда и объясните нам, — попросил Второй министр, — зачем нас сюда пригласили.

— И, в частности, зачем было нужно меня топить, — добавила Кора.

Пегги поглядела на Милодара, комиссар кивнул, и девушка повела их в соседнее помещение.

* * *

Соседнее помещение оказалось громадным, но низким залом, в котором располагалась аппаратура, в основном скрытая под кожухами и за экранами. Так что снаружи оставались ящики, дисплеи и некоторое число кнопок, не считая солидного прозрачного гроба для Спящей Красавицы, к которому Пегги и подвела гостей.

— Все происходит просто, — сообщила она. — Гененавт всего-навсего ложится в саркофаг.

— Разве нельзя было подобрать нейтральное слово? — спросила Кора, которая заподозрила, что в саркофаг будут класть именно ее, а она не терпела, если ее клали в саркофаг, даже если при этом обзывали гененавтом.

— Не бойтесь, — съязвила Пегги, — принцы не будут приставать к вам с поцелуями.

— Слава богу!

— Девочки, девочки! — остановил их Милодар. — Мы присутствуем при эпохальном эксперименте.

— Это вы присутствуете, а я лежу в саркофаге! — втуне огрызнулась Кора.

— Продолжайте, — произнес Второй министр голосом и тоном Милодара.

— Саркофаг наполняется особым газом...

— Еще чего не хватало! — вырвалось у Коры.

— Если ты будешь шуметь, мы подберем другого агента, — сказал Милодар. — Ты отказываешься от самого счастливого шанса в жизни. Через час ты можешь встретиться со своей бабушкой.

— Больше того! — поддержала Милодара краснокудрая лаборантка. — Вы станете своей бабушкой — ваш мозг сольется с ее мозгом. В этом и есть смысл нашей установки! Следуя в прошлое, вы будете становиться как бы паразитом мозга ваших предков. Ведь они в самом деле живы в вас! Каждый бит информации, который находился в мозгу вашего дедушки, живет и в вашем мозгу. Мы научились будить эту информацию.

— Но почему я тогда не могу без приборов помнить о том, что знал мой дед?

— Да потому, что ваш мозг мгновенно лопнет, не в силах вместить всю ожившую информацию! Неужели вы не понимаете?! — Пегги была возмущена.

— Теперь поняла.

— Ваш мозг защищен от безумия именно забывчивостью. То есть ничто в природе не пропадает, но все забывается, чтобы живые не сходили с ума от памяти и страданий мертвецов.

Оба эпидаврийца захлопали в ладоши — так им понравилась краткая речь Пегги. Девушка зарделась, и шеки ее стали одного цвета с волосами.

— Зайдите после эксперимента ко мне, — сказал Милодар. — Мы подыщем вам место в ИнтерГполе.

— Я не хочу работать в ИнтерГполе и стать полицейской ищейкой, — мягко возразила девица, чем повергла Милодара

в шок. — Лучше я получу скромный процент от Нобелевской премии.

Милодар молчал и этим дал возможность Пегги закончить объяснение:

— Мы погружаем вас в физиологический раствор, чтобы полностью отрезать от мира, чтобы ни одно постороннее возмущение к вам не проникло. Это слишком опасно. В полной тишине, в полной оторванности от мира вы сначала войдете в мозг своей матери...

— Или отца?

— Это сложнее, — призналась Пегги. — Как правило, генетическая память женщин передается по женской линии, мужчин — по мужской.

— А если линия обрывается?

— Пока мы не можем помочь... но в будущем добьемся восстановления через боковые линии родственников.

— Не отвлекайтесь, — попросило Лицо.

— Пока вы будете пребывать в саркофаге, — продолжала Пегги, — и частицы памяти вашей матери будут пробуждаться в вас, мы сможем контролировать этот процесс приборами.

— Вы тоже увидите мою маму?

— Нет, но мы будем знать, когда вы с ней находитесь в контакте.

Кора подняла ладонь, как бы испрашивая слова.

— Кажется, я вас поймала на ошибке.

— Нас нельзя поймать. Эта система испробована и абсолютно безопасна для испытуемого. Для спящей красавицы, как мы называем... вас.

— Но я же не могу пролежать в саркофаге восемьдесят лет, если столько лет было моей прабабушке, когда она умерла.

Пегги снисходительно улыбнулась.

— Мы уже слышали это возражение, — сказала она. — И вот что я вам отвечу: представьте себе самый обычный древний магнитофон.

— Представили, — ответил за Кору Второй министр.

— Вы можете воспроизводить на нем музыку. А можете быстро перематывать пленку.

— Все понятно, — сказала Кора. — Вы начинаете воспроизведение в нужный вам момент.

— Не совсем понятен механизм действия, — сказало Лицо, — но приходится согласиться с тем, что нам сообщено.

Они стояли полукругом вокруг саркофага. И молчали. Теперь, когда Пегги все объяснила, а остальные почти все поняли, оставался пустяк. Поверить в слова Пегги.

Молчание прервало Лицо:

— Можно ли наблюдать за жизнью и действиями предка кого-то из нас?

— За ним наблюдает гененавт. А мы — за гененавтом. — Пегги показала на саркофаг.

— Я не верю, — сказало Лицо.

— Мы не верим! — поддержал его Второй министр.

— Есть выход, — ответил Милодар, и глаза у него сделались хитрыми, как у кота, который играет с мышонком.

— Какой именно?

— Вы можете занять место в саркофаге, а мы запишем то, что вы увидите и почувствуете, — предложил комиссар. — И вместе подведем итоги.

— Хорошая идея, — сказало Лицо. — Славная идея. Прошу!

Последнее слово относилось ко Второму министру.

— Почему я? — удивился министр.

— Потому что, если они будут подсовывать мне воспоминания дедушки комиссара Милодара, я никогда не смогу проверить, это правда или инсценировка. А вот кем был ваш дедушка, я знаю. И кем были ваши предки, тоже известно.

— Мой отец — генерал, а мой дедушка — полковник и герой! — воскликнул министр, словно не был в том уверен.

— Вот мы и посмотрим.

— О нет! Это опасно для жизни! — возразил Второй министр. — Мы не можем мною рисковать. Народ этого не поймет.

— У нас даже младшие научные, даже аспиранты уже испробовали, — сказала Пегги.

— У вас другие организмы. Грубые и выносливые, как у кошек.

— У кого как, — ответил Милодар. Он любил наблюдать конфликты со стороны, когда ему это ничем не угрожало.

— Нет! — крикнул министр.

— Да! — ответило Лицо. — Или вы останетесь здесь. Но не живым.

И тогда Второй министр сдался.

— Раздеваться надо? — спросил он.

— Желательно побрить голову, — ответила Пегги. — Но, так как путешествие будет небольшим, помехи нам не так страшны.

— Не страшны, — согласилось Лицо.

— Только ботинки пускай снимет, — предупредила Пегги, — а то за каждым не настираешься.

* * *

Второй министр покорно улегся в саркофаг. Ему велели закрыть глаза. Лежа, он как-то уменьшился ростом, но согласился снять шлем, только когда крышка саркофага под нажимом тонких пальцев Пегги въехала на место, отрезав сановника от внешнего мира. Именно тогда он снял шлем, положил темный блестящий шар рядом с собой, и Кора увидела, какие у него загнанные, перепуганные глаза. Она испытала нечто вроде злорадства: не ей одной предстоит такое унижение... Впрочем, полезно посмотреть со стороны на испытание, которому тебя намерены подвергнуть, хотя, честно признаться, Кора так и не понимала, как она, полежав в этом саркофаге, сможет отыскать и вернуть в Эпидавр Зеркало Зла.

— Эй-хо-хо! Кто здесь проводит опасные эксперименты в мое отсутствие? — послышался громовой голос. Все замерли, как застигнутые за воровством яблок сорванцы.

— Это я, — пискнула Пегги, — но ведь это только демонстрация.

— Я взял на себя ответственность, — сказал Милодар маленькому, даже ему лишь по пояс профессору в белом халате, из-под которого выглядывали сапожки на высоких каблуках. Профессор был к тому же почти лыс и зачесал последние волосинки поперек головы. Нос у него был круглым, как картошка, и в нескольких местах продырявлен.

— Профессор Ахмет Гродно, — представился он, а Кора догадалась, что раны в носу — следы любовного общения с лаборанткой Пегги. — Тебе можно, крошка, тебе можно! — Профессор подбежал к аспирантке и, встав на цыпочки, поцеловал ее в высокую грудь. Остальные смутились и сделали вид, что не заметили откровенного жеста профессора. — Так что мы демонстрируем? — спросил профессор.

В лаборатории уже появились несколько его коллег. Они громко обсуждали проблемы только что закончившегося симпозиума.

— Не мешайте! — прикрикнул на них профессор. Он встал на цыпочки, чтобы получше заглянуть в саркофаг, и спросил: — Из Эпидавра? Типичное вырождение!

— Из Эпидавра, — сказал Милодар. — После окончания я с вами уединюсь и все объясню.

— Я предпочитаю, чтобы мне все объяснила Пегги, — возразил профессор. — Я ее больше люблю, чем тебя, старый козел Милодар.

Профессор засмеялся и постучал пальчиком по стеклу саркофага.

— Как ты там, сорванец? — спросил он.

Второй министр не услышал, но робко улыбнулся.

— Пускай газ! — приказал профессор Пегги, и саркофаг стал заполняться серым непрозрачным газом.

— А как же наблюдать? — спросила Кора.

— А мониторы на что? — удивился профессор. И приказал: — Включить большой дисплей!

Тут же загорелась вся стена лаборатории, представлявшая дисплей.

— Вот здесь, — сказала Пегги, направляя на стенку светя-

щуюся указку, — мы увидим то, что делал, видел или совершал предок Второго министра в тот или иной момент...

— В какой момент? — спросил профессор Гродно у Лица.

— Ровно сто лет назад, — ответил тот, словно уже заготовил ответ заранее.

— Даем сто лет назад! — Профессор Гродно провел ладонью поперек головы, прижимая волосы.

— Мой ласковый, — любовно прошептала ему Пегги.

На экране началось мелькание цветных линий и неясных образов.

— Не обращайте внимания, — сказал Гродно Лицу и Милодару. — Идет ускоренная перемотка воспоминаний его папы и дедушки.

Профессор погладил бедро Пегги, и та прижалась им к уху гения.

Профессор притом не спускал глаз с приборов пульта.

— Что там? — спросил он у одного из ассистентов.

— Есть сто лет.

И на экране загремел бой!

Звук, правда, проходил через сто лет неровно, с перебоями, да и само изображение иногда двоилось или шло косыми полосами. На мгновение свет отключался и начинал таинственно мерцать.

— Сложная штука — человеческий мозг! — воскликнул профессор, видно, объясняя неполадки в изображении.

Так как экран был велик и несколько нависал над залом, то эффект присутствия был ощутим всеми присутствующими. И когда небольшой полосатый броневик, преследуя группу всадников, вооруженных карабинами и мечами, попытался выехать с экрана в зал, послышалось общее «Ах!», перепуганное зрение оказалось сильнее разума.

Всадники умчались и скрылись в дыму, который, как показалось Коре, горько пахнул порохом. Тут она увидела прихрамывающего воина в блестящей кирасе, разрисованной драконами, в плоском, как сковорода, шлеме, с пистолетом в руке. Сапоги и штаны воина были измараны грязью и кровью.

— Это он, — сказало Лицо, увидев воина в профиль, — у того был такой же, как у Второго министра, горбатый и крючковатый нос.

— В битве при Варынге. Конечно же... с восьмого по десятое фецуария сто лет назад... Как славно!

Что было славного в битве при Варынге, Кора так и не узнала. Но тут дедушка Второго министра направился в сторону, а так как камеры следили за тем, что отпечаталось в генетической памяти вельможи, то вскоре воин оказался в низине, где его ждали два человека в сапогах и в серых плащах с капюшонами, нависавшими над лицами.

— Мы уже хотели уезжать, предводитель, — произнес один из ожидавших.

— Я не мог. Я задержался в штабе. Надо было все проверить.

— И что же?

— Как и договаривались, я перенес крестик на схеме в болото Больших Червяков.

— Славно, ах, славно, полковник! — откликнулся человек в плаще.

Кора кинула взгляд на Лицо. Глава Эпидавра смотрел на экран, будто перед ним разворачивалось действие приключенческого фильма, построенного на сказочной выдумке.

— Не может быть... не может быть, — шептали его тонкие губы. Конечно же, Кора еще не знала языка Эпидавра, но, что шепчут мужские губы, умела понимать без знания соответствующего языка.

Отойдя в сторону, люди в капюшонах обнаружили стоявшую за ними и запряженную карликовым дромадером крытую повозку. Один из них щелкнул языком, и верблюд легко потянул повозку по низине.

— Фактически два шага... — сказал дедушка Второго министра.

— Может быть, мы кончим демонстрацию? — спросил профессор Гродно. — Надеюсь, вам достаточно ясно, как мы работаем?

— Нет! — вдруг закричало Лицо. — Ни в коем случае! Еще пять минут!

Повозка тащилась по тропинке, сильный дождь со снегом молотил по плечам путников, где-то близко гремел бой, слышались выстрелы и крики, из серой мглы вдруг показались корзина и часть обшивки воздушного шара, который бесшумным видением промчался над повозкой и с треском рухнул в кусты.

— А нельзя перемотать? — спросил Милодар.

— Нет, — ответила умненькая Пегги.

Кора кинула взгляд на нее и, к своему изумлению, обнаружила, что красные космы были всего лишь париком — теперь они исчезли, и под ними оказались прямые каштановые волосы, ничего особенного, волосы как волосы. И лицо сразу обрело миловидность и душевную скромность.

— Нельзя, — подтвердил ее слова профессор. — Перемотка идет только назад — мы перематываем генетическую память в прошлое. А если нам нужно двинуться в будущее, то мы попросту выключаем систему, пробуждаем клиента и затем погружаем его вновь в момент, который нам нужен. И это не так просто, как кажется. Вы меня поняли?

— То есть, — произнес Милодар, — вы можете прекратить сеанс, разбудить министра, а затем, повторив всю процедуру вновь, перенести его на девяносто лет до нас...

— Вот именно, умница! — обрадовался профессор. Он протянул Милодару маленькую ручку и пожал твердую кисть разведчика. Милодар смущенно улыбнулся. Кора знала, что он сейчас ощущает глубокую приязнь к профессору, потому что тот сильно уступает ростом невысокому комиссару.

— Тогда подождем... что-то очень заинтересовало гостя из Эпидавра.

Ждать пришлось недолго. Как только завершился обмен репликами, низина, по которой двигалась повозка, превратилась в овраг, густо заросший кустарником, отчего стоявший впереди фургон казался скалой и угадывался скорее по белой простыне снега на крыше.

Путники оставили повозку в низине, а сами осторожно приблизились к двум солдатам, которые переминались возле фургонов.

Уже знакомый нам дедушка Второго министра смело вышел к фургонам и сказал:

— Пароль: кукушка на яйцах.

Солдат, съежившийся под снегом, выпрямился и откликнулся:

— Отзыв: кукушки на яйцах не сидят, ваше превосходительство!

— Вызови начальника караула! — приказал дедушка. — Небось в фургоне прячется.

— Так точно, прячется!

Еще через полминуты рядом с дедушкой оказался невысокий толстяк в мундире — не успел одеться. Видно, дедушка был большим человеком в армии.

— Почему вы здесь оказались? — грозно спросил дедушка. — Что за прятки такие? Вас здесь могут пристрелить, и никто об этом не узнает.

— Такой приказ мы получили в штабе! — Офицер полез за пазуху и протянул дедушке лист бумаги.

— Я разберусь, — сказал тот, — я разберусь.

— Но я не могу приказ передать в чужие руки! — обиделся офицер.

— Ах не можешь! — Почему-то эти слова рассердили дедушку министра, и тот выхватил из-за пояса пистолет. Вспышка выстрела озарила овраг и искорками блеснула на мокрых листьях.

Тут же вперед выбежали оба спутника дедушки и подняли стрельбу по солдатам, погибшим, так и не сообразив, что случилось.

А господин дедушка аккуратно сложил отнятый у офицера приказ с неправильно поставленным на нем, как поняла Кора, крестиком, и пробурчал себе под нос:

— Не могу передать в чужие руки... не могу передать! Вот и передал!

— Теперь, я думаю, мы можем выключить экран, — сказал профессор Ахмет Гродно.

На экране спутники дедушки вынимали из фургона и перетаскивали в повозку плоские деревянные ящики. Ящики были тяжелыми, люди в плащах скользили по грязи и чертыхались.

— Потише, вы! — прикрикнул на них дедушка.

— Выключайте, — сказало Лицо из Эпидавра. Выражения его глаз увидеть было нельзя, так как шар его шлема был снаружи непрозрачным, но, судя по голосу, настроение его было сложным...

Пока техники и лаборанты выпускали из саркофага газ и приводили Второго министра в чувство, профессор Гродно спросил:

— Ну как, вы удовлетворены экспериментом?

— Это был эксперимент?

— Разумеется, демонстрация секретного изображения.

— Могу ли я утверждать, что виденное мною имело место в действительности?

— Разумеется. Вы видели на экране то, что хранится в генетической памяти вашего друга.

— Может ли эта... это изображение быть доказательством на суде?

— Ни в коем случае! — воскликнул Милодар. — До тех пор, пока не будет снята секретность...

— Отлично, — сказало Лицо.

Он обернулся к своему спутнику, который уже вылез из саркофага и с помощью ассистентов уселся в кресло.

Между ними последовал разговор на эпидаврском языке. Поначалу напряженный, но мирный, затем поднявшийся до высоких нот.

Лицо нападало. Министр защищался. И, видно, защищался неубедительно, потому что был потрясен теми переживаниями, которые на него обрушились.

— Так открываются вековые тайны, — произнес Милодар.

— А он чувствовал себя в шкуре своего дедушки? — спросила Кора у Пегги.

— В этом вся драма! — вздохнула та.

— Итак, — Лицо из Эпидавра обернулось к Милодару, — мы хотели бы обсудить с вами детали будущих действий.

— А в чем дело?

— Ситуация резко осложнилась, — сообщило Лицо. — Из соображений престижа, охраняя честь моей державы, я вынужден просить вас казнить без суда и следствия всех, кто видел эту... пленку!

— То есть меня? — удивился профессор Гродно.

— В первую очередь.

— Да уймите его! — закричал профессор, обернувшись к Милодару.

— Почему же? — спросил Милодар. — Пускай высказывается. Это даже забавно.

— Потому что иначе может просочиться информация, на основе которой мы будем вынуждены переписать историю нашей державы, чем воспользуется гнусная оппозиция! — закончило монолог Лицо с Эпидавра.

— Почему же? Почему же? — невинно спросил Милодар.

— Да потому, что якобы пробывший все сражение в штабе один из героев битвы полковник Вали-Валинта на самом деле организовал ограбление войсковой кассы... Так вот какое наследство он получил от тети в Калене де Даерти!

Лицо с трудом смогло удержаться от того, чтобы не растерзать тут же Второго министра, который был глубоко опечален и даже обратился к Милодару и профессору Гродно:

— Ну разве внук за дедушку ответчик?

— А генетическая память? — надвинулось на него Лицо с черным шаром вместо головы. — Она разве моя?

И тут Второй министр, собравшись с духом, нашел единственно возможный выход из положения:

— Может быть, мы проверим вашу генетическую память, мой милорд?

— Что? Что! Да я тебя... Мои предки всегда отличались... и вообще, почему я должен оправдываться?

Он рухнул на стул и закрыл лицо руками.

В лаборатории вновь воцарилось молчание.

* * *

— Как же вы намерены использовать этот гроб, — спросила Кора у Милодара, — для поисков зеркала, потерянного триста лет назад?

— Очень просто, — ответил Милодар, — потому что все гениальное — просто. В саркофаге будет находиться твое сегодняшнее тело — именно в нем закована субстанция памяти твоей бабушки. Но в то же время ты будешь находиться внутри бабушки. Ведь вы же — одно и то же. В мире, в котором существовала твоя бабушка, ты будешь двигаться, жить, любить, разговаривать, действовать.

— Но ведь Второй министр только наблюдал и показывал нам эпизод из жизни своего дедушки.

— Мы с тобой сделаем следующий шаг, — вмешался профессор Гродно. — Мы будем не только наблюдать, но и участвовать. Конечно, твое участие будет условным, кажущимся. Кажущимся для нас. Но настоящим — там. Поняла?

— Нет.

— И не надо. Потому что если тебя там укусит пчела, то тебе будет больно.

— Но даже если я буду в образе моей прабабушки действовать в прошлом и найду там зеркало, как же я принесу его? Ведь я неподвижно лежу в гробу?

— Ты не принесешь, — ответил Милодар. — Ты лишь найдешь. И укажешь, где искать.

Заговорил профессор Гродно:

— Мир, в котором будет существовать Кора, то есть ее прабабка, это мир виртуальной реальности, мир, смоделированный не только мозгом Коры, но и компьютером, который обладает всей возможной информацией о нашей планете и о людях, которые жили на ней. Введите в компьютер задачу, а

мы приложим ее к реальной субстанции линии предков Коры Орват.

— Значит, мне придется провести какое-то время в этом гробике?

— Да, спящая принцесса, — сказала Пегги.

— Не говорите так, словно намерены унаследовать моего жениха, — заявила Кора. — У меня его нет.

— ИнтерГпол всегда набирал женщин без связей и привязанностей, — не удержалась Пегги.

Они с Корой друг дружке не нравились.

— Вам придется приготовиться к длительному пребыванию в состоянии генетического сна, — сообщил маленький доктор.

— Длительное... Это день, два?

— Это месяц, два, три... Многое зависит от того, где мы отыщем вашего предка, вашу прапрабабушку. Если она обитает в Лапландии или в центре Сибири, то перебросить ее в бирманские джунгли... на это потребуется время.

— Я этим займусь лично, — пообещал Милодар.

Он кинул взгляд на продолжавшего сидеть в позе глубокого отчаяния представителя империи Эпидавр и второго, стоявшего в дальнем углу, лицом к стене.

— А я... где я буду?

— Ты будешь находиться здесь. В газе столь плотном, что твое тело будет подвешено в нем, как в жидкости, не касаясь стенок саркофага.

— Послушайте, комиссар! — с отчаянием воскликнула Кора. — Я уверена, что ваша идея подходит кому-то из бравых молодцев, которые умеют владеть шпагой и пистолетом. Я же — слабая женщина!

Милодар поглядел на слабую женщину, запрокинув голову. Его примеру последовал профессор Гродно.

— Нет, — сказал профессор, — не настолько слаба, как хочет казаться.

— А мне нужна женщина, — сказал Милодар. — Как ни парадоксально, но я рассчитываю больше на твой женский

ум, на твою хитрость, твое женское умение выходить из воды если не сухой, то лишь с подмоченной репутацией.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Вы всегда были со мной любезны.

— Дай бог, — сказала Пегги, которая нагло присутствовала при всех этих событиях, — чтобы в 1799 году вашей милой прабабушке было меньше восьмидесяти. Хотя клюка вам, конечно, к лицу.

— Если ей будет больше восьмидесяти, — мягко возразил Милодар, — мы обратимся к ее внучке. У нас большой выбор предков.

Пегги разочарованно замолчала. И тогда Кора решилась на небольшую месть.

— Если можно, — сказала она, — я попросила бы профессора Гродно не подпускать к саркофагу аспирантку Пегги.

— Это еще почему?! — вскинулась Пегги. — Кто ставит под сомнение мою профессиональную подготовку?

— Вопрос не в подготовке, а в натуре, — откликнулась Кора. — Бывали случаи, что некоторые женщины срывали важные эксперименты из ревности.

— Я? Из ревности? К кому же, простите?

— К вашему шефу, — ответила Кора и с дьявольской улыбкой убрала руку профессора Гродно со своего бедра.

Профессор отпрыгнул на несколько метров, разбил что-то ценное и поклялся, что несет личную ответственность за безопасность первой жертвы геноненавтики — так отныне будет называться научная дисциплина, первой жертвой которой станет Кора Орват.

Пегги пошла рыдать в соседнюю комнату. А Лицо из империи Эпидавр сообщило, что оно будет готовиться к отлету, ибо неотложные дела ждут его в империи.

С этими словами он церемонно поклонился и пошел прочь из зала, а Второй министр бежал за ним, лавируя среди приборов и крича:

— Вы только посмейте меня здесь оставить! Я вас сожру с потрохами!

— Вы и без этого достаточно скомпрометированы, колле-

га, — заметило Лицо, не оборачиваясь. — Даже на генетическом уровне.

Они скрылись в дверях, а Милодар с профессором Гродно отпустили Кору до завтрашнего утра в деревню к бабушке Насте, перевезти туда Колокольчика, провести ночь на свежем воздухе и переночевать на сеновале. За это время архивы и компьютеры нашей планеты должны подготовить виртуальную реальность Бирмы, а также по возможности проследить предков Коры по женской линии до конца XVIII века, благо такая работа, правда, без генетического обеспечения, проводилась уже десять лет назад, когда комиссар Милодар в благодарность за помощь шестнадцатилетней Коры, воспитанницы приюта для галактических найденышей, обещал отыскать ее родителей. В чем почти преуспел.

Впрочем, все будет проверено и перепроверено завтра, во время путешествия Коры по подвалам ее генетической памяти.

Затем аппаратура профессора Гродно возродит к воображаемой жизни отдаленную прабабушку Коры, и сознание нынешней Коры дотронется до давно угасшего сознания предка. То есть отыщет память о ней в себе самой.

И Кора отправилась домой, закрывать квартиру, объясняться с Колокольчиком, эвакуировать его в деревню и молить бога, чтобы в 1799 году ее прямые предки жили не в Хивинском ханстве или Лапландии, а как можно ближе к Индийскому океану.

Глава 2

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПИКАДИЛЛИ

Миссис Мэри-Энн Форест жила в бедности. Муж ее, некогда боцман на корабле Его Величества «Энтерпрайз», потерял ногу во время боя с французами возле Кале, но так навострился ходить на деревяшке, что последние три года жизни был лесником в королевском лесу графства Кент. Там и встретил смерть от руки браконьера.

Родина не была щедра к нему, но нельзя сказать, что забыла верного служаку. Небольшую пенсию вдове платило Адмиралтейство, а шесть шиллингов в месяц Энн получала от Управления королевских лесов. К тому же миссис Форест принадлежал маленький дом, стоявший в террасе домов на Грингроуз-стрит, выходившей к Темзе, недалеко от улицы Воксхолл, то есть смыкавшийся стенами с соседними, точно такими же, двухэтажными, в два окна по фасаду, домиками. Обе комнаты на первом этаже занимала семья Форестов, то есть сама Мэри-Энн и двое ее детей — семнадцатилетняя Дороти и одиннадцатилетний Майкл. А две комнаты на втором этаже миссис Форест сдавала мистеру Гордону Смиту, бывшему служащему Ост-Индской компании, тихому пьянице, который хоть и нерегулярно, но платил вдове и к тому же бесплатно — а где найдешь в наши дни такое? — учил ее детей грамоте и арифметике. Дети были в мать, сметливые, быстрые умом, и умели читать и писать не хуже иного джентльмена. Гордон даже говорил, что Дороти могла бы поступить в Оксфордский университет, а потом когда-нибудь надеть судейскую мантию. Это была его обычная шутка, и все дома весело смеялись над ней. И в пабе «Золотой лев», то есть пивной на углу, он рассказывал о способных детях миссис Форест, и, конечно, никто не принимал его всерьез, хотя надо сказать, что в большинстве своем улица неплохо относилась ко вдове и ее детям, хотя могло бы случиться и обратное. Грингроуз-стрит полагала, что вдова с достоинством и скромностью несет свое горькое положение, дети и дом ее всегда в порядке, а бедность чиста и неназойлива. К тому же миссис Форест работала не покладая рук и приспособила к работе детей — она делала шляпы для госпожи Блюмквист, веселой разбитной шведки, которая держала шляпную мастерскую возле миссис Форест на Кинг-стрит возле Ковент-Гардена.

Был у миссис Форест один явный недостаток, и, наверное, он осложнил бы ее жизнь в квартале классом повыше. Но на такой бедной улице, как Грингроуз, цвет лица или разрез глаз не играли решающей роли.

Британская империя была необъятна, и к концу XVIII века

над ней уже никогда не заходило солнце, так что жен, сожительниц, детей нижние чины привозили нередко, офицеры — куда реже. Вот и боцман Форест привез свою Энн из далеких земель, название которых помнила лишь сама миссис Форест, и, наверное, в ее памяти оно осталось иным, чем на картах Адмиралтейства. К счастью для ее детей, Мэри-Энн была светлокожей, хоть и черноволосой и черноглазой женщиной. Дети унаследовали от нее четко очерченные полные губы, упрямые круглые подбородки, высокие широкие скулы, черные ресницы, но волосы и глаза они взяли от отца — светлые, что придавало детям особую прелесть и необычность. Если к тому же добавить, что и Майкл, и Дороти пошли в мать открытым, веселым, даже порой легкомысленным характером, общительностью, ловкостью и склонностью к незлым шалостям, то, к счастью, получилось так, что и среди сверстников они пользовались популярностью и на бедной улице были как дома...

Обе комнаты первого этажа, которые занимало осиротевшее шесть лет назад семейство Форестов, были чистыми, аккуратными, но отличались от комнат соседских домов, впрочем, и комнат мистера Гордона Смита, заваленных книгами, барахлом и бумагами, ибо этот господин уже раз тридцать начинал писать воспоминания, но далее пяти страниц не продвигался, а потом через год, намереваясь продолжить их, не мог найти первых страниц и все начинал снова. Комнаты миссис Форест были пустыми. Так ей нравилось. Одна картинка: раскрашенная гравюра в рамке, изображающая «Энтерпрайз», огибающий с грузом чая мыс Доброй Надежды, в буфете под стеклом трубка мистера Фореста и его медаль за защиту Гибралтара против французов и испанцев, врученная боцману лично генералом Элиотом, именно так, оловянная кружка, из которой мистер Форест пил пиво, а также шесть стеклянных бокалов, купленных Форестом уже здесь, по приезде на родину.

Английскому духу претит жизнь в пустом помещении, с голыми стенами и без небольших и, желательно, тесно стоя-

щих предметов. Но у Мэри-Энн лишних предметов не было, а стены были голыми. Дети к этому привыкли, а соседи заходили редко и полагали отсутствие предметов следствием бедности вдовы.

Вот, пожалуй, и все, что можно сейчас рассказать о семье миссис Форест, ее детях и ее доме.

Тот апрельский день 1799 года выдался солнечным и теплым. Хотя в ветре, скользившем по Темзе и быстро подгонявшем по ее широкой глади небольшие парусники, сопровождаемые крикливыми чайками, еще таилась весенняя прохлада. Близкое лето давало о себе знать более всего в жаре солнечных лучей.

Шляпа, заказанная для одной знатной дамы, была готова, уложена Мэри-Энн в круглую коробку и перевязана бечевкой.

— Все! — сказала Мэри-Энн. — Только не спеши, не бегай, ты взрослая девушка.

— Разумеется, мама, — ответила Дороти, которая одной ногой уже была на улице, на солнце, на свободе.

— Когда миссис Блюмквист заплатит тебе, расплатишься с мистером Стоуном (это был бакалейщик) — и сразу домой!

— Да, мама!

Обе знали, что согласие, полученное матерью от Дороти, вырвано под пыткой и не будет выполнено. Всем было очевидно, что, отдав шляпу, Дороти помчится на Оксфорд-стрит фланировать по тротуару, как настоящая леди, глазея на витрины и рассматривая экипажи и всадников, разъезжающих по улице.

— Ну, беги!

Мэри-Энн подошла к окну, перед которым росли два пышных розовых куста, на которых уже начали наливаться бутоны. Она смотрела вслед Дороти и любовалась ею. Конечно, девочка могла бы быть и поменьше ростом, а то уж очень кажется худой, но Дороти грациозна, легка, взор ее привлекает доверчивостью и добротой, хотя может стать холодным, и тогда жди взрыва — это у нее от восточной маминой крови. А от от-

ца она унаследовала аккуратность и упрямство британского моряка.

Почувствовав взгляд матери, Дороти обернулась и помахала ей. Они были так близки с матерью, что Дороти угадала ее мысли: «Если все будет хорошо, Дороти сможет устроиться в хороший дом горничной и там встретит достойного человека...»

Ах, мама, какая ты наивная! Не нужен Дороти достойный человек, садовник или дворецкий. Мечта Дороти — попасть в море, оказаться на палубе такого корабля, что летит по стене передней комнаты их дома. Какое горе, что она не родилась мальчиком! Вот Майклу все это открыто, а он любит шить шляпы. Вы не поверите — он шьет лучше всех в их доме!

Мастерская миссис Блюмквист под красивой вывеской с изображением дамы в легком, облегающем тело платье, какие, говорят, завели сначала в мятежной Франции, и в широкополой шляпе, располагалась на узкой Кинг-стрит неподалеку от Ковент-Гардена.

Дороти добралась до мастерской без особых приключений — путь от Воксхолл-стрит, от Темзы, узкими тихими улицами, где жила публика солидная, но небогатая, занял не более получаса. Так что вскоре Дороти уже крикнула снизу, увидев в открытом окне второго этажа мастерской наполовину скрытую вывеской веселую, но не очень щедрую госпожу Блюмквист:

— Вам не холодно, миссис Блюмквист?

— У нас в Швеции все лето такое, — ответила белокурая госпожа Блюмквист. Она говорила с некоторым выдуманным ею акцентом, чтобы скрыть настоящий, эдинбургский, откуда она была на самом деле родом.

Весна пришла дружная, многие кусты и деревья уже распустились, а на зеленых склонах к Темзе, там, где не было грязных причалов и складов, зазеленела такая свежая трава, что можно было позавидовать щипавшим ее козам.

— Ты сама не замерзни, а то несешься в одном платье, вспотеешь! — откликнулась миссис Блюмквист.

Тук-тук-тук — взлетела Дороти на второй этаж по скрипучей лестнице. Аккуратная госпожа Блюмквист уже сложила в длинный бумажный конверт предназначенные миссис Форест деньги. Дороти быстро поздоровалась с тремя мастерицами, что сидели вместе с госпожой Блюмквист, и помчалась на улицу. Столько еще надо было сделать до возвращения домой, а ведь мама уже поглядывает на ходики, которые отбивают не часы, а склянки — память о корабле «Энтерпрайз». То есть они бьют раз в полчаса. В половине первого — раз, в три часа — шесть ударов, в четыре — восемь склянок. И все начинается снова — так три раза в сутки. Отцу было приятно думать, что какой-то кусочек корабельной жизни сохраняется в его доме. А Майкл с Дороти долгое время были уверены, что в жизни нет часов, а есть склянки, что приводило некогда к смешным и печальным недоразумениям.

От Ковент-Гардена до Оксфорд-стрит не так уж далеко — девичьи башмаки простучали эти кварталы за несколько минут...

* * *

В тот день молодой человек по имени Алекс Фредро, служивший штурманом на компанейском корабле «Глория», названном так в честь покойной супруги сэра Уиттли, вице-президента совета директоров и бывшего министра, проснулся поздно. И причиной тому была не дуэль и даже не романтическое приключение, а встреча с епископом Яблонским, отыскавшим его во время негласного визита в Англию и взявшего у него некоторые важные бумаги. Епископ знал о скором отплытии Алекса в Британскую Индию, из-за чего тот не мог быть более «почтовым ящиком». Епископ был старым другом господина Николаса Фредро, отца Алекса, и именно его негласному, но немаловажному влиянию Алекс был обязан своим образованием и тем, что ему не пришлось начинать службу на кораблях Компании юнгой, а он сразу стал мидшименом, или мичманом, то есть будущим офицером, а к двадцати вось-

ми годам дорос до достаточно опытного штурмана, иначе бы ему не служить на «Глории».

Алекс не любил Лондона, он всегда чувствовал себя в нем чужим и потерянным. Лондон был для него слишком шумным, тесным и неуютным местом. Здесь даже стволы деревьев, если найдешь одно на заднем дворе, обрастали лишайниками и какой-то мокрой зеленью.

На этот раз Алексу не пришлось долго околачиваться в порту — его «Кент» отправился в сухой док, а сэр Уиттли, который всегда внимательно следил за судьбой подчиненных ему людей, сам предложил Алексу перейти штурманом на «Глорию», корабль новый, один из лучших в Компании, который спешно снаряжался в Мадрас и Рангун для исполнения секретных планов, из-за чего и груз на «Глории» был иным, нежели обычно на кораблях Компании, которые должны были поставлять ткани, посуду, оружие, нужные товары британского производства в обмен на пряности, тик и иные произведения тропических стран, с большей или меньшей мерой охоты склонявшихся к признанию власти короля Великобритании.

Алекса разбудили громкие крики грузчиков, которые утопили в грязи сундук какого-то джентльмена, стаскивая его с экипажа. Он еще лежал некоторое время, не открывая глаз и слушая, как разгорается под окнами скандал, как в него вплетаются все новые голоса — возницы, пострадавшего джентльмена и тех зевак, которых хлебом не корми, но дай подсказать что-нибудь бесполезное.

Наконец, когда не осталось сил притворяться, что ты все еще спишь, Алекс вспомнил, что обещал быть днем у своего старого приятеля по штурманской школе, недавно выгодно женившегося и решившего оставить ненадежное и опасное морское поприще. Но визит, до которого надо было наведаться на «Глорию», где будут устанавливать новый компас, требовал посещения парикмахерской и покупки новых башмаков: гардероб Алекса был скромен, но не от его жадности или крайней бедности, хоть и приходилось посылать деньги оставшимся дома племянникам и сестре, но раз уж пока у Алекса не было своего угла в Англии, то большой гардероб был не нужен, а основное добро молодого моряка умещалось в сундуке, стоявшем сейчас в углу номера.

Тут Алекс открыл глаза, и пришлось вставать.

Гостиница была чистой, для джентльменов, служащих и офицеров Ост-Индской компании, потому в ней не было ни клопов, ни крыс, несмотря на то что она лежала неподалеку от реки, куда вошла перед отплытием «Глория», а ночную посуду слуги мыли каждый вечер, в тазу была налита прозрачная вода, и полотенце было выстиранным, как в лучших домах.

Умываясь, молодой человек поглядел в овальное зеркало, прикрепленное к стене, и остался собой недоволен. Хоть он, следуя моде, отрезал косичку и стригся коротко, что было удобно в морской жизни, но так и не решился завиться, и потому его волосы, прямые, каштановые и не очень густые, никак не украшали его обыкновенного, ничем — ни горбатым носом, ни высоким лбом, ни орлиным взором — не примечательного лица. Скорее лицо было излишне мягким в чертах, и даже подбородок недостаточно крут, что выдавало мягкость характера, хотя на самом деле внешность Алекса Фредро была обманчивой — он был чрезвычайно упорен, настойчив и терпелив и, главное, умел, хоть и не любил, отчаянно драться, что спасало его в мичманском кубрике.

Вспомнив на мгновение те годы, Алекс замер, но зеркало тут же выдало его — у отражения остекленел взгляд и опустились уголки губ... Впрочем, своим сложением Алекс также не был доволен, потому что его широкие плечи и развитые, сильные руки выдавали в нем простолюдина, каковым он на самом деле не был — фамилия Фредро прослеживала свои дворянские корни по крайней мере лет на двести в прошлое... О, как мечтал он раньше быть таким же изящным, узкоплечим, гладкобедрым и изысканным, как настоящие кавалеры!.. Даже понимая, что подобные качества на корабле не приносят пользы, а к элите Компании в Мадрасе или в Калькутте он не относился, изжить в себе зависть не мог. А так как Компания не поощряла дуэлей между своими служащими, то

это занятие его и не привлекало. Алекс Фредро был карьеристом. Он хотел стать капитаном настоящего корабля. Надеяться на это у него были все основания, если учесть, что его козырями были упорство и морское ремесло. Правда, не более того.

Приведя себя в порядок и позавтракав внизу, где хозяйка гостиницы, благоволившая к скромному штурману, оставила ему горячий кофейник и яичницу с беконом, Алекс вышел на улицу, где грузчики все еще возились с сундуком, который чуть ли не наполовину ушел в грязь. Он обошел драматическую сцену, прижимаясь к стене дома, где было посуше, и направился к центру Лондона, в известную ему парикмахерскую. Он все же решился немного завить волосы и, не исключено, посоветоваться с цирюльником, не отпустить ли ему бакенбарды, небольшие, как у капитана Фицпатрика, командира «Глории».

Дойдя до угла, Алекс достал из жилетного кармана часы-луковицу, щелкнул, открывая крышку, часы сыграли простую мелодию, вряд ли кому известную в Лондоне, и сообщили, что времени оставалось немного, ведь визит к парикмахеру наверняка отнимет более часа. Так, может, сначала все-таки заглянуть на «Глорию» и потом с легким сердцем?..

Решить эту проблему следовало немедленно, но так как она была не столь уж важна, то Алекс решил отдаться в руки судьбы. Он достал медную монету в полпенни и сказал вслух:

— Голова, — имея в виду голову короля Георга III, изображенную на лицевой стороне монеты.

— И тогда пойдете в парикмахерскую? — спросил невысокого роста пожилой, курчавый, с проседью человек, одетый в черное, но без шляпы.

Настроение у Алекса было достаточно миролюбивым, чтобы не обижаться на столь необычное вмешательство в чужие дела.

— Тогда в парикмахерскую. — Он улыбнулся и подумал, что образовавшаяся у него от вахтенного одиночества привычка беседовать с самим собой может сослужить в Лондоне дурную службу.

Он подкинул монету. Случайный прохожий внимательно и напряженно смотрел на него. Поймав монету, Алекс раскрыл ладонь. Кверху лежала Британия, держащая в одной руке копье, в другой — овальный щит.

— Значит, на корабль, — сообщил Алекс курчавому джентльмену.

— Почему же так? — удивился тот, утыкая палец в тыльную сторону кисти. Монета вылетела и упала на мостовую. — Я же собственными глазами видел, что была голова монарха.

Джентльмен громко засмеялся, но тут же нагнулся, поднял монету, протянул ее Алексу, и тот убедился, что смотрит на голову Георга.

— Я не слепой, — сказал Алекс. — Была Британия.

— А кто настаивает на этом?

— Но я видел...

— Вы видели короля, мой милый, — сказал курчавый джентльмен и буквально потащил Алекса к углу, к Оксфорд-стрит, к парикмахерской, и притом почему-то приговаривал: — Да скорее же! Разве вы не понимаете?

— Что вы делаете, черт побери! — воскликнул штурман.

Вырвав рукав из цепких пальцев джентльмена, он хотел было объяснить тому по-мужски, что так цивилизованные люди себя не ведут, но джентльмена и след простыл — днем на шумной Оксфорд-стрит нетрудно затеряться в толпе...

* * *

Сэр Джордж Уиттли, вице-президент Британской Ост-Индской компании, в отличие от штурмана Фредро, побывал на «Глории» уже с раннего утра и проверил, должным ли образом идет погрузка корабля. С кораблем у господина Уиттли были связаны настолько важные и далеко идущие планы, что даже не все директора Компании были в них посвящены, а всей правды не знал никто, кроме сэра Джорджа.

Пока все шло, как предполагалось. Но ясно было, что успех зависел от множества причин и случайностей — Атлантический океан, Индийский океан, Индия... Куда больше шан-

сов потерять, чем найти. Но если найдем, то вся жизнь обретает особый смысл.

Сэр Джордж ехал домой по Оксфорд-стрит в отрытом экипаже, наслаждаясь солнечным апрельским днем и не опасаясь простуды — этот краснолицый, рано поседевший, крепкий мужчина, казавшийся толстым, вовсе не был толстым, а скорее туго-мясистым здоровяком. И если ему и грозила смерть, то только от излишнего накопления жизни — от этого порой происходят апоплексические удары.

Протянув вперед трость, сэр Джордж дотронулся до спины Мэттью и произнес, перекрывая шум улицы:

— Поторопись, Мэтт, у нас сегодня гости к ленчу.

— Вы же видите, какое здесь движение, сэр! — откликнулся кучер. — Я не удивлюсь, если через несколько лет Лондон погибнет.

— Отчего? — искренне удивился сэр Джордж.

— От конского навоза. Он наполнит улицы до вторых этажей!

— Это необычное, но не лишенное здравого смысла соображение, — сказал сэр Джордж, который привык всерьез рассматривать любую теорию или гипотезу, если видел в ней гран здравого смысла.

И в этот момент на подножку экипажа вспрыгнул небольшого роста курчавый джентльмен без шляпы. У него было лицо цыгана либо индийского жулика — подобные лица неоднократно встречались сэру Джорджу в Ост-Индии, которой он не выносил вместе с ее сладкими красотами, претенциозными руинами, подобострастными раджами и посредниками, коварством отравленного воздуха и тухлыми, но острыми запахами тесных городов.

Рука сэра Уиттли потянулась к внутренней, обшитой кожей стенке экипажа, где был глубокий карман для пистолета, но тут же он вспомнил, что собственноручно вытащил пистолет оттуда, ибо пэру империи неловко разъезжать по столице с заряженными пистолетами. Могут узнать газетчики, и тогда

поднимется смех на всю страну: «Перед кем трепещет этот милорд?»

— Я не зарежу вас, — негромко сказал курчавый человек, и, к удивлению своему, сэр Уиттли обнаружил, что он не молод и не похож на индийца, а скорее принадлежит к какому-нибудь балканскому народу, что не исключало его цыганского происхождения. — Не бойтесь.

И, раскрыв в ухмылке рот, курчавый разбойник показал настолько ровные и белые зубы, каковые могли быть сделаны из фарфора, но не из костей, как то положено.

— Что вам надо? — спросил сэр Уиттли, избегая обращения к этому бродяге, который явно бродягой не был, но, возможно, состоял в греческих заговорщиках.

Мэттью обернулся, но коней не придержал, потому что в этой толчее они и без того шли шагом.

— Для вашего блага, — произнес курчавый мужчина, глядя в глаза сэру Уиттли с настойчивостью гипнотизера, — прошу вас свернуть на Пикадилли, ибо на ближайшем углу вас могут ждать неприятности.

— Что такое? Что за бред, в конце концов! — возмутился сэр Джордж.

Но курчавый поднял палец, как бы подчеркивая этим серьезность своего предупреждения.

— Помните ли вы о том, как по вашему приказу для проведения дороги к форту был снесен храм сикхов? Говорит ли вам что-либо имя Раджагатан Сингх? Сверните на Пикадилли! Сейчас же!

И с этими словами курчавый спрыгнул с подножки и пропал. Мгновение — и его голова мелькнула среди прочих... Нет, наверное, в нем есть негритянская кровь! Да, именно такая странная, чепуховая мысль промелькнула в голове сэра Джорджа. И он услышал:

— Я поверну, чем черт не шутит!

Он не ответил, хоть голос Мэттью и проник сквозь грохот улицы. Он вспомнил шоколадные, ненавидящие глаза старого сикха, изрыгающего проклятия на исполнительного, хо-

лодного и уверенного в своей правоте британского чиновника. Этот старый, фактически пустующий сикхский храм перекрывал низину между двумя холмами, создавая стратегическую ловушку для любого отряда, следующего из форта Св. Георгия на север. Это была точка зрения майора Куинси. И ее, разумеется, разделял старший фактор Уиттли, который нес перед Компанией и короной ответственность за безопасность британских подданных и британского имущества в этой стране, которую так и не полюбил и жизнь в которой лишь терпел — почти двадцать лет терпения... Он увидел, что экипаж поворачивает на Пикадилли, и понял, что Мэттью принял угрозу курчавого пророка, видно, из соперничающей компании бандитов, всерьез и решил не рисковать жизнью патрона. Теперь придется объезжать целый квартал, прежде чем вернешься на основную дорогу. Впрочем, с этими сикхами надо быть осторожным — они истинные убийцы, и, что самое опасное, у них долгая память. Ведь добрались же они до Горди Ричардсона! В его имении, в Сассексе! По крайней мере на том настаивает молва.

Экипаж чуть накренился, поворачивая, Мэттью стегнул коня, тот дернул вперед, и надо же так случиться...

— Стой! Куда ты! Назад!

* * *

— Стой! Куда ты! Назад! — Дороти услышала этот крик, но не поняла, что он относится именно к ней.

Перед тем она долго рассматривала витрину часового магазина, в которой за стеклом возвышались мраморные и позолоченные каминные часы, изображающие двух обнаженных богинь, опершихся о мраморный грот, вместо входа в котором находился золотой циферблат. Но не позолота и не фигурки богинь столь зачаровали Дороти, а живой, в прожилках, зеленый нефрит, из которого была сделана горка. И в этом нефрите жила какая-то ценная и близкая для Дороти тайна, некое воспоминание, которого и быть не могло. Но порой это просыпалось в ней — и именно с камнями, дикими, порой не-

красивыми, в которых Дороти видела то, что было неподвластно взору других людей. Дороти могла идти по улице и вдруг присесть возле булыжника на мостовой, потому что, пронзая мысленным взором грязь и потертость камня, она понимала, какая красота откроется в нем при разломе или распиле... Порой, еще девочкой, она притаскивала домой камни и хранила их в мешочке в своем углу. Отец смеялся, велел выкинуть, но, конечно же, не выкидывал, а мать сама имела к камням собственное тайное отношение, хотя не столь выраженное, как у Дороти. Но и она могла долго вертеть в руках непрозрачный осколок гранита, как бы впитывая пальцами его тепло и скрытую красоту.

Нефритовые каминные часы произвели такое впечатление на девушку, что она с трудом оторвалась от витрины, все еще мысленно трогая камень... И не замечая ничего вокруг, вышла на мостовую — точно под поворачивавший на Пикадилли экипаж сэра Джорджа. И ни остановить его, ни удержать коней, которые при неожиданном повороте также потеряли на секунду способность ориентироваться, было невозможно.

Сэр Джордж успел лишь приподняться над сиденьем и зажать рот рукой, ибо предчувствие страшного конца этой сцены больно сжало его сердце.

Но в этот момент случилось совершенно непредвиденное.

Молодой человек в скромном синем сюртуке, серых, в обтяжку, штанах ниже колен и белых чулках, волей судьбы увидавший неминуемую беду за секунду до того, как кони растоптали девушку, проявив нечеловеческую ловкость, прыгнул к девушке так, как кидаются на абордаж через трехъярдовую пропасть, разделяющую в море два корабля, и рванул Дороти к себе, падая на край мостовой, к счастью для всех, на невысокую тележку, увенчанную грудой темно-зеленых арбузов. Арбузы посыпались из опрокинувшейся повозки и спасли молодых людей, ибо удар коней, старавшихся остановиться и вставших на дыбы, пришелся в груду арбузов и тележку. Через несколько секунд прекратились треск, грохот и многоголосый крик, ибо сотни людей, увидев, что происходит, успели

испугаться. Но не успели, разумеется, что-либо предпринять, так как экипаж врезался облучком и передним колесом в фонарный столб, отчего Мэттью свалился на землю, и над всем этим крошевом людей, арбузов, поломанного дерева, как статуя, возвышался неподвижный от растерянности и страха сэр Джордж. Он высоко поднял трость, словно намеревался от кого-то защищаться.

Первым поднялся молодой человек в синем камзоле и обернулся в поисках своей шляпы — он принадлежал к тем воспитанным джентльменам, которые чувствовали себя без шляпы неприлично обнаженными. Но притом он помог подняться спасенной им девушке, которая также забыла о боли и разорванном платье, потому что испугалась, не потеряла ли она пустую шляпную коробку, за что будет наказана.

И лишь поднявшись, девушка вскрикнула от боли, и все увидели (а толпа окружила сцену быстро и тесно), что разорванная юбка не может скрыть разрезанного бедра, из которого течет кровь, и разбитую в кровь щеку. Молодой человек также был в крови, хотя, как потом оказалось, это была кровь Дороти. К тому же одежда обоих участников происшествия пришла в ужасное состояние — Алексу было достаточно одного взгляда на свой сюртук, чтобы понять: с мыслью об обеде у приятеля придется проститься. Но, правда, смотрел он больше не на себя, а на девушку. Девушка была совсем молоденькой, почти девочкой, хотя длинноногой и стройной, и ростом она почти не уступала штурману Фредро. Лицо ее, возможно, не лишенное очарования, сейчас вряд ли можно было бы назвать таковым — кровоподтек и синяк захватывали правую сторону лица, волосы растрепались, косынка или шляпка были утеряны. К тому же девушка была бледна и вот-вот готова лишиться сознания.

Штурман помог девушке подняться на ноги, и она стояла, пошатываясь, опираясь всей тяжестью на руку штурмана, и не соображала, где находится и что с ней случилось.

И в этот момент, перекрывая уличный шум, гул толпы и вопли пришедшего в себя владельца тележки с арбузами, по-

слышался низкий голос человека, привыкшего управлять людьми:

— Мистер Фредро, вы ли это?

— Вот именно, милорд, — ответил штурман, только теперь сообразивший, что весь инцидент произошел с экипажем, в котором находился сам сэр Джордж Уиттли, вице-президент Ост-Индской компании, более того, фактически владелец «Глории» и организатор ее плавания в южные моря, то есть живой бог для молодого штурмана.

— Это я, — повторил штурман виновато, словно сам толкнул или подсунул девушку сэру Джорджу.

Сэр Джордж не успел ответить, как из глубины толпы, где обычно собираются борцы за правду, предпочитающие вести борьбу анонимно, раздался громкий голос:

— Для таких господ жизнь человека и пенса не стоит!

Ответом возгласу были глухой ропот и иные возгласы, также нелицеприятные для сэра Джорджа, который почувствовал себя обнаженным и беззащитным, словно король Франции Людовик на эшафоте на Гревской площади.

И надо сказать, что, хотя уже прошло шесть лет со дня казни монарха, а затем и завершения страшного террора, сэр Уиттли относился к тем вельможам, которые на всю жизнь после этого сохранили в себе недоверие к толпе, к ее темным инстинктам, ее грубости и внутренней ненависти к тем, кто дает работу, хлеб, кров, кто правит страной по возможности мудро и справедливо. Возможно, к этому примешивалась и память предков сэра Уиттли, которым пришлось бежать и скрываться от круглоголовых Кромвеля или от бедняков Уота Тайлера... В любом случае страх перед чернью глубоко сидел в сэре Джордже. Он медленно опустил трость и сжался на сиденье, готовый закричать Мэттью: «Гони!», но понимая, что именно это сделать невозможно и, пока толпа не выпустит его, никуда он не денется.

Девушка закрыла глаза и потеряла сознание, это было видно сэру Джорджу, и тогда он, ничуть, правда, не тронутый видом пострадавшей дурочки, которая со свойственной просто-

людинам беззаботной тупостью сама сунулась ему под колеса, понял, что пора действовать.

В любом случае сэр Уиттли, будучи человеком, в принципе, бессердечным, если дело не касалось его близких, приказал бы Мэттью ехать дальше, кинув побирушке шиллинг, но в окружении такого числа свидетелей он был вынужден вести себя иначе. Тем более что, пока он рассуждал, сжимаясь под растущим зловещим ворчанием толпы, в первые ряды пролез вездесущий репортер-газетчик, ловкая бестия, готовый за сребреник разрушить карьеру и дело большого человека, а сегодня сэру Уиттли менее всего хотелось оказаться на виду у газет вигов.

— Чего вы стоите, Фредро! — крикнул он штурману. — Алекс, Мэттью, кладите девушку сюда. — Он посторонился на широком сиденье, освобождая место для пострадавшей, словно иной мысли ему и в голову не могло прийти.

Несколько рук поднялось вслед за девушкой — всем хотелось помочь, и уже утихала злость черни, потому что господин вел себя иначе, чем от него ожидали.

Алекс встал на подножку и поддерживал все еще бесчувственную девушку, чтобы она не коснулась сэра Уиттли и, не дай бог, не измарала его кровью. Сэр Джордж прозорливо осознал это желание штурмана и отдал ему должное, а сам отодвинулся как можно дальше от пострадавшей, потому что его плащ и сюртук были сшиты у такого дорогого портного, что этой девице за век не заработать на такую одежду.

— Трогай! — приказал сэр Джордж, полагая, что толпа теперь пропустит его экипаж, тем более что сзади дудели рожки карет, раздавались крики возчиков и кучеров, задержанных в своем движении.

Проверяя, убрался ли газетчик, сэр Джордж увидел у стены, на некотором отдалении от начавшей рассасываться толпы, немолодого уже человека с курчавыми, в седину, волосами, остроносым крепким лицом. Конечно же, это не грек и не цыган — это типичный сатир! Мраморную голову такого он видел в доме графа Мальборо — тот купил ее в каком-то из портов во время Средиземноморской кампании.

Курчавый человек, столь неожиданно появившийся на его пути с предупреждением о сикхах и в результате заставивший его влипнуть в неприятную историю, поднял руку, как родственник, остающийся на берегу и посылающий последний привет кораблю.

Сэр Джордж резко отвернулся от него.

Экипаж медленно поехал боковыми улицами, избегая толкотни, чтобы спокойнее и незаметнее добраться до дома. На этих улицах и улочках немыслимо трясло, молодой штурман достал свой платок и попытался закрыть им рану. Разрез на ноге был неглубок, но в длину достигал фута и потому обильно кровоточил.

В помощь штурману сэр Джордж пожертвовал своим платком — платки пропитывались кровью и создавали в экипаже ощущение полевого госпиталя. Ноздри сэра Джорджа давно не впитывали запаха свежей человеческой крови — у нее особый, дикий, тревожный запах... Сэр Джордж пытался угадать, какова собой жертва столкновения, но не мог — к нему были обращены распухшая синеющая грязная щека и спутанные волосы...

Экипаж свернул с улицы к металлической ограде, ворота в которой, выкованные более ста лет назад и бывшие произведением железного кружевного мастерства, медленно раскрылись, как бы примеряясь к скорости, с которой хозяин дома въезжал в свою резиденцию.

Открыв створки ворот, слуги в голубых ливреях замерли, вытянувшись и ничем не показывая своего удивления, но необычный вид экипажа встревожил дворецкого и двух лакеев, которые вышли к дверям наверху широкой лестницы, чтобы встретить сэра Уиттли. Они побежали навстречу ему, не дожидаясь, пока экипаж остановится у лестницы, и сильные руки лакеев сразу подхватили девушку, помогая штурману вытащить ее из экипажа.

Дворецкий, остановившись в двух шагах поодаль, спросил сэра Джорджа:

— Куда прикажете?

В этом вопросе было все. И понимание того, что девушка не принадлежит к кругу персон, равных лорду, а то и самому дворецкому, и попытка осознать степень ответственности, какую сэр Джордж вознамерился взять на себя в связи с каким-то непонятным событием. Что это — благотворительность, доброта, столь несвойственная лорду, либо стечение обстоятельств, из которых сэру Джорджу придется выпутываться?

А сэр Джордж, которому дворецкий служил еще со времен Мадраса, более двадцати лет, одной фразой все поставил на место:

— В комнату для гостей... на первом этаже. И вызвать мистера Симкина.

Комнаты на первом этаже предназначались не для гостей лорда, а для слуг гостей. Штурману этого знать не следовало, а Мартин все понял.

Уиттли кинул взгляд на штурмана. Тот стоял, прикрывая измаранную кровью кружевную сорочку под распахнутым сюртуком. Шляпу он потерял во время происшествия.

— Это чудо, мистер Фредерик, — произнес сэр Джордж, к сожалению, перепутав непривычно звучащую фамилию своего штурмана. И, почувствовав себя неуверенно, сразу нашелся: — Вы позволите называть вас просто...

— Александр... Алекс.

— Чудесно, чудесно. Сам бог послал тебя, Алекс, чтобы спасти эту несчастную дурочку. Нет, вы только подумайте! Во всем Лондоне на помощь бросается именно мой человек! — И сэр Джордж облегченно и искренне рассмеялся. — Я вам обязан, да, да, не отнекивайтесь. И не подумайте покидать мой дом в таком виде! Сейчас Мартин... — Сэр Джордж обернулся в поисках дворецкого — тот был рядом, но уже успел отдать нужные указания, и лакеи унесли девушку, а одна из служанок побежала за доктором Симкином. — Ах, вот ты где, Мартин. Мартин, голубчик, отведи Алекса в комнату Джулиана. Открой его гардероб и помоги штурману моего корабля, славному морскому волку и будущему капитану, отыскать себе одежду по вкусу. Надеюсь, размером она ему подойдет.

— Разумеется, сэр, — слегка поклонился дворецкий, — однако я должен напомнить, что, так как сэр Джулиан уже шесть лет не был дома, его костюмы несколько вышли из моды.

— Алекс не модник, нет, Алекс не модник. — И тут же, будто усомнившись в комплименте, сэр Джордж обернулся к штурману. — Ты не модник, мой друг?

Алекс улыбнулся. Ответа не требовалось. Сэр Джордж тоже улыбнулся, и так было достигнуто взаимопонимание.

— Когда же вы приведете себя в порядок и покажетесь доктору Симкину на случай царапин и ссадин... не спорьте, мой друг, надеюсь, вы присоединитесь ко мне в библиотеке, и мы выкурим по трубке. Мне давно хотелось поговорить с вами о будущем плавании «Глории», но все не было времени, а теперь судьба распорядилась за нас, разве это не чудесно?

Алексу ничего не оставалось, как согласиться, что такая перспектива чудесна.

— А затем вы останетесь на ленч, и я представлю вас моей невестке. Вам не приходилось еще встречать жену моего Джулиана?

— Не имел чести.

— Вот и отлично, вам же вместе плыть в Рангун!

И тут, словно вновь увидев, какой жалкий вид у штурмана, да и вообще сообразив, что парадная лестница — не лучшее место для разговоров, сэр Джордж передал молодого человека в руки усатого Мартина, а сам проследовал к себе, недовольный тем, что вдруг обнаружил на рукаве плаща пятнышко крови.

* * *

Миссис Джулиан Уиттли, она же младшая хозяйка дома, Регина, супруга единственного сына и наследника сэра Джорджа, пребывала с утра в отвратительном настроении. Она осталась без горничной.

Все уже было давно решено. Регина прибавила Салли жалованье, обещала, что сама позаботится в Ост-Индии о дос-

тойном женихе, и выбросила эту заботу из головы. У Регины была особенность — она привязывалась к людям и вещам. То есть для нее и люди и вещи были понятиями одной категории — ее окружением. Она до сих пор повсюду таскала с собой куклу, которую тетя Джейн подарила ей в пятилетнем возрасте, она не позволяла выкидывать старые платья и даже туфли, для них за гардеробной была особая комната, которую в доме все открыто звали «старьевщицей». Она долго сопротивлялась замужеству, потому что мысль о том, чтобы покинуть родной дом, была невыносима. Для нее была трагедией поездка в Индию через год после свадьбы. Она прожила с мужем в Мадрасе три года, привыкла постепенно к новой жизни, но, когда муж был переведен фактором на новое место — в Рангун, — взбунтовалась и под предлогом лечения дизентерии и малокровия возвратилась в Лондон и осталась тут надолго. Некоторые досужие языки даже утверждали, что она намерена расстаться с Джулианом, а отец ее, лорд Грейди, добьется развода для дочери, чтобы не губить ее в джунглях этой проклятой Индии. Потом, когда прошло три года и старший сэр Уиттли стал настаивать на ее возвращении к Джулиану, который уже обосновался на собственной фактории в Рангуне, соблазняя молодую женщину возможностями, открывавшимися перед ее сыном и ею самой, Регина, проснувшись как-то утром, вдруг поняла, что муж — это нечто привычное, подобно старой кукле, и к нему пора возвращаться.

Разумеется, такая мысль не пришла бы в голову Регине, если бы в Лондоне не было так скучно, если бы муж ее не присылал деньги так скупо, вкладывая, как утверждал, в индийские фрахты, если бы не прижимистость старого сэра Джорджа, если бы не ощущение того, что жизнь проходит в скучной роли соломенной вдовушки, хотя ей куда более подходит роль владычицы далекой империи. Когда же обнаружилось, что в Рангун пойдет не пропахший гнилью и рыбой торговый тихоход, а удобная, вместительная, комфортабельная «Глория», путешествие на которой может обернуться приятными разнообразными приключениями, Регина неожиданно для старого

лорда легко согласилась возвратиться к мужу, забыв, что покинула его из-за плохого тропического климата. Правда, сэр Уиттли был вынужден хорошо заплатить за столь легкое согласие. Но и он не остался внакладе, потому что платил невестке не золотом, а акциями Компании.

И вот, когда все было решено, когда «Глория» уже грузилась чуть ниже Тауэра по течению Темзы, вдруг без объяснения, без предупреждения эта недостойная Салли потребовала расчет. И даже не удосужилась объяснить почему. «Боюсь, и все тут. Не хочу в Индию, а хочу в Лондон!»

Регина готова была бросить ее в подвал и заковать в колодки, но в доме сэра Уиттли подвал был полон капустой, копчеными окороками и прочими продуктами, да и колодок не нашлось. Регина хотела было пойти на крайнюю меру: глядя на наглое, круглое, мучнистое лицо желтоволосой горничной, она чуть было не позвала лакеев, чтобы Салли арестовали за попытку украсть... нет, разбить... нет, избить... Пока она искала предлог, время было потеряно. Вошел дворецкий Мартин, и при нем ничего не оставалось, как красивым и широким жестом указать Салли на дверь, даже не спросив ее, а что же случилось на самом деле.

Конечно, дело было не в климате. Дело заключалось в письме, которое пришло из Брайтона, где у нее жила тетка. Вроде бы и жила, но о ней Салли не помнила. А теперь эта тетка вознамерилась оставить Салли в наследство небольшой домик у моря и триста фунтов. Именно это говорилось в письме, которое принес и даже прочитал вслух странный джентльмен, весь в черном, курчавый, с проседью, похожий не то на грека, не то на цыгана и оказавшийся стряпчим. Отцу Салли он вручил подарок от сестры его покойной супруги — табакерку из чистого серебра, а Салли аванс — сорок фунтов чеком на Лондонский банк. Вот такая невероятная история случилась утром.

Конечно, пока курчавый джентльмен не передал письма, подарка и чека, в доме Салли его приняли с подозрением. Потом же он стал лучшим другом и советчиком. А совет его за-

ключался в том, чтобы без нужды не рассказывать соседям и знакомым о свалившемся с неба счастье. Отец согласился, и Салли согласилась. Потому и мямлила хозяйке, робея и краснея, о плохом климате в Индии и страхе перед морским путешествием.

Рассвирепевшая Регина потеряла контроль над собой, которым так гордилась. Салли была старой, привычной вещью, которая вдруг проявила склонность к предательству. Все равно как если бы кукла ушла в лес.

А откуда возьмешь горничную за неделю до отплытия? Конечно, можно отыскать воровку или шлюху... Порядочная девушка не отправится так вот, с бухты-барахты, через половину мира, в страшную Индию.

Регина отвернулась, чтобы не прощаться с Салли и не видеть больше этой круглой тупой рожи, но слышала, как шаги Салли и Мартина удаляются по коридору. Сама же она уставилась в зеркало, потому что ее взор был обращен вовнутрь.

Все еще преисполненная холодного бешенства и жалеющая о том, что она живет в этой проклятой Англии, а не в Индии, где она быстро отправила бы непокорную служанку к палачу или хотя бы выпороть на конюшню... Говорят, что в России до сих пор у дворян сохранилось такое благородное право и плебеи там знают свое место. Ах, почему она не родилась в могучей и справедливой России!

Услышав за приоткрытым окном взволнованные голоса, Регина подошла к окну и увидела экипаж ее свекра, въехавший в ворота дома. С первого взгляда Регине показалось, что под влиянием разговора с горничной она сошла с ума — сэр Уиттли сидел рядом с молодой девушкой, а на подножке экипажа стоял молодой человек без шляпы, в разорванном синем сюртуке и поддерживал ту женщину, чтобы она не привалилась к сэру Джорджу.

Это кошмарное явление приближалось к дому, и, взглянув вниз, Регина увидела, как Мартин, сопровождаемый лакеями, кинулся вниз по лестнице, чтобы освободить экипаж от бесчувственного женского тела.

Что это? Какой-то несчастный случай? Но представить себе, что Уиттли остановится и подберет на улице пострадавшую, если она не герцогиня Кентская, было невозможно. А что, если это в самом деле знатная дама? Но, задавая себе этот риторический вопрос, Регина уже знала, что это не так, — ее острому взгляду и на таком расстоянии было видно, что женщина с окровавленным, распухшим лицом относится к низшим слоям общества.

Регина не спешила спуститься вниз, но, пока ее свекор беседовал на ступеньках лестницы с молодым человеком, помогавшим доставить в дом женщину, она его внимательно разглядывала. На первый взгляд молодой человек не был ничем примечателен, хотя высок и ладно сложен. Регине понравилось его открытое простодушное лицо и даже веснушки на переносице, столь легкомысленно выглядевшие на лице джентльмена, который, правда, и не пытался от них избавиться пудрой или белилами, как сделал бы щеголь из окружения Регины Уиттли. Да и вообще лицо молодого человека было обветренным и загорелым, что выдавало в нем военного или моряка либо по крайней мере человека, проводящего свою жизнь на открытом воздухе. Таких людей в доме Уиттли принимали лишь по делу — они прибывали на кораблях из Ост-Индии или Вест-Индии. Такие люди служили Компании и дому. Мало кто из них поднимался высоко и становился гостем. Еще не наступила пора, когда крупные состояния делались в колониях. Пока что деньги ковались на бирже и на складах метрополии — служащие факторий и фортов чаще гибли от лихорадки и дизентерии, не успев разбогатеть, либо теряли все добро, когда очередной пират или корсар нападал на компанейский корабль, не спеша плывущий в Англию по Индийскому океану. Жизнь была игрой, и игроки на поле боя не выигрывали.

Наконец сэр Уиттли и молодой человек в сорочке, измазанной кровью, словно после дуэли на шпагах, проследовали в дом, что Регину удивило. Движимая любопытством, она вышла на лестничную площадку второго этажа и услышала, как

Мартин с молодым человеком поднимаются по лестнице. После секундного раздумья Регина отправилась по лестнице вниз, рассчитывая встретиться с молодым человеком на половине лестницы, которая закруглялась, прижимаясь к белой стене, на которой были развешаны головы охотничьих трофеев времен буйной молодости сэра Уиттли: со стен скалились медведь, вепрь, бенгальский тигр и белый носорог — чудовище невероятно редкое и почти неуловимое.

— Ах! — воскликнула Регина, которая якобы ничего не знала. — Что случилось? Кто вы? Что с вами?

— Простите, мэм, — ответил за молодого человека, скромно склонившего голову, дворецкий Мартин. — Но молодой господин по приглашению сэра Джорджа переоденется в комнате вашего супруга. В таком виде он не может появиться на улице.

— В комнате... моего мужа? — Размеренность возмущенных слов была рассчитана на молодого человека и Мартина. Они должны были понять, что лишь она, жена Джулиана Уиттли, может разрешить или не разрешить войти кому-то в гардеробную молодого господина.

Но сцены не получилось, потому что снизу, из холла, послышался голос сэра Уиттли, который обладал дьявольской способностью слышать чужие разговоры, даже если они велись тихим шепотом, и вмешиваться в них к собственной выгоде.

— Дорогая, — прогудел голос с верхней ступени лестницы. — Я позволил себе запустить Алекса к Джулиану в спальню — я не могу выпустить моего спасителя на улицу в растерзанном виде. Надеюсь, ты не возражаешь?

Регина молчала, переваривая слова свекра. Он назвал молодого человека Алексом, это означает, что тот либо достаточно близок к лорду, либо стоит на очень низкой ступеньке общественной лестницы — рядом с Мартином или кучером Мэттью. Но одежда... одежда молодого человека скромна...

— Я рада быть вам полезной, — сказала Регина горловым

голосом, воркующим, словно он доносился из голубиного клюва.

Алекс так и назвал ее про себя голубкой. И в последующие недели она для него голубкой и останется.

Алекс не знал, что муж Регины Джулиан, впервые увидев Регину на лужайке для крикета в Райтлейне — имении эссекских Ланкастеров, представил ее именно голубкой, быстро, но притом сохраняя голубиную неспешность, выклевывающей невидимые зернышки в ярко-зеленой траве.

Регина всегда, с детства, была не толста, но по-голубиному округла, головка ее была мала по отношению к плотному, хоть и не лишенному талии телу, и Регина имела птичью манеру часто и быстро поворачивать клюв — острый небольшой носик, который легко краснел на холоде или на ветру. Лицо ее было миловидно, но в нем всегда присутствовала настороженность птички. Даже передвигалась она по-птичьи — мелко перебирая маленькими, но широкими в бедрах ножками, словно собираясь взлететь, но так никогда и не взлетев.

Но не птичья, а человеческая внешность Регины пленила молодого Уиттли и заставляла кружить возле нее поклонников, ибо у Регины были пышные и упругие груди и соответствующие им размерами и пышностью иные соблазнительные части тела. Ее грудям всегда было тесно — и под лифом, и под широким халатом. Даже если их удавалось надежно спрятать от алчущих взглядов, стоило Регине глубоко вздохнуть, а она умела и любила глубоко вздыхать, груди ее вздымались, как крылья, требуя узды — желательно в виде мужской решительной руки. И в какую бы одежду она ни облачалась, окружающим виделось, что она обнажена.

Но это вовсе не означает, что Регина была рабыней своих бедер и своего бюста. Природа не наградила ее страстной натурой, и она долгое время не умела и не хотела пользоваться своей властью над мужчинами. В результате в шестнадцать лет она стала жертвой насилия дворецкого в доме ее отца, сэра Грейди. Нельзя сказать, что ласки этого грубого пожилого человека не доставляли ей удовольствия. Но она отлично могла без них обойтись, как обходилась, например, зимой без

клубники. И когда, рассердившись на дворецкого, она призналась матери о том, что он с ней сделал, и дворецкого немедленно и тайно выгнали из дома, она не испытывала большой печали от этой разлуки с ним и возвращения в девственное состояние.

Позже, когда Регина начала выезжать, у нее появились поклонники, большей частью движимые похотью, но не имевшие серьезных намерений, потому что семейство Грейди было давно и основательно разорено, а Регина и три ее младшие сестры оставались последней ставкой в жизненной борьбе. Джулиан же, увидев Регину, сразу понял, что именно эта голубка станет его супругой, и, несмотря на отчаянное сопротивление сэра Джорджа, который понимал, что женитьба на девице Грейди — удар по его финансовым планам, добился своего. Он ведь умел все делать тихой сапой — такой вот послушный мальчик, отличник, а всегда добивается своего.

Но сейчас он далеко, в Рангуне, это где-то на краю Ост-Индии, в Авском королевстве, а голубка Регина смотрит на окровавленного штурмана Алекса, и вид его и даже не выветрившийся еще запах крови вдруг заставляют ее ноздри раздуться, она глубоко вздыхает, и шнуровка корсета лопается, позволив нежно-розовым грудям молодой госпожи показаться штурману...

Разумеется, громко ахнув, Регина бежит к себе, дворецкий Мартин, который знает о жизни дома Уиттли куда больше, чем полагают его хозяева, позволяет себе улыбнуться и, легко подтолкнув в плечо штурмана и как бы низводя до своего уровня, ведет его к гардеробной Джулиана Уиттли.

Глава 3

КАК ОПАСНО БЫТЬ ГОРНИЧНОЙ

Доктор Симкин давно собирался на покой и для того сокращал число своих пациентов. Чем более он их сокращал, тем большим спросом пользовались его услуги. Доктор, который отказывается лечить, ограничиваясь лишь узким кругом

избранных, сразу становится нужен тем, кто в этот круг не попал.

Но сам-то доктор знал, что последним пациентом, от которого он откажется, будет сэр Уиттли. Доктор появился в этом доме безусым выпускником медицинской школы в качестве ассистента покойного Филиппа Нокса и с тех пор уже скоро сорок лет врачевал растущих, взрослеющих, стареющих и умирающих совершенно независимо от усилий медицины обитателей дома. Примирившись с тем, что природа сильнее врачебных потуг, доктор принял девиз: «Не навреди!», в чем преуспел. И потому наиболее удачно лечил отдыхом, постельным режимом и прогулками по парку.

Милая девчушка, попавшая под колеса экипажа сэра Уиттли, была для Симкина, за счет свисающих седых усов похожего на старого викинга, лишь еще одним примером того, насколько вреден сэр Джордж для окружающего человечества. Он был как бы антиподом Мидаса — все, чего он касался, превращалось в прах и гниль... За исключением собственности сэра Уиттли, которая этому закону не подчинялась и росла, как сказочная гора сокровищ. Этим, кстати, объяснялось упорство, с которым сэр Уиттли выпихивал в Ост-Индию свою невестку. Ему требовалось, чтобы она как можно скорее понесла от его сына, и тогда накопление сокровищ и власти семейства Уиттли найдет достойное оправдание. В том же, что Регина не родила за первые два года жизни в Мадрасе, он видел ее злонамеренную лень и нежелание помочь сэру Джорджу.

Зная семейство, так же как знал его дворецкий Мартин, Симкин испытывал к нему привязанность, но не любовь, подобно тому, как не знала любви Регина. В этом они были схожи. Но Симкин при своем равнодушии к окружающим был человеком добрым и даже отзывчивым. Скорее по привычке, чем от душевных движений, он покорно поднимался среди ночи и мог провести сутки у постели больного, стараясь притом облегчить его страдания. Этого нельзя было сказать о Ре-

гине. Она все еще была ребенком, для которого не обозначилась разница между людьми и игрушками.

Осмотрев пострадавшую девушку и приказав служанкам осторожно промыть раны, царапины и ссадины Дороти, потому что в них попала уличная грязь, он затем ее перевязал. Девушка пришла в себя и из слов доктора поняла, что она не дома и не в больнице, а в доме доброго милорда, который привез ее к себе из чувства сострадания. Это так напугало Дороти, что она попыталась подняться и уйти домой, но рана в ноге была настолько серьезной и болезненной, что даже дойти до ночной посудины без помощи сиделки она не могла.

Седой, с проплешиной доктор, у которого была смешная манера доить свои длинные седые усы, спокойно наблюдал за попытками девушки, а затем сказал, что в любом случае ей следует три дня пролежать в кровати, именно в этой кровати, питаться бульоном и вареной курицей, а он, доктор Фредерик Симкин, будет навещать ее каждый день.

Он был добр, но строг, и тогда Дороти спросила, нельзя ли как-то сообщить о случившемся ее матери. Доктор взял на себя эту обязанность и, дав перед уходом снотворное, покинул девушку.

Сэра Джорджа и штурмана, переодетого в дорогой, но скромный сюртук и брюки Джулиана, доктор застал в библиотеке за аперитивом. Они оживленно беседовали о возможностях «Глории» и сути муссонов, ибо оба были людьми профессиональными и знали, что мореплавание и торговля в Ост-Индии — дело сложное и опасное, а легкомысленные щеголи или ленивые тупицы там в лучшем случае не уживаются. В Индии полезнее было быть мерзавцем, чем порядочным человеком, но выгоднее умником, чем дураком. Впрочем, эти правила куда в меньшей степени относились к морякам и офицерам Компании, если они не были одержимы жаждой обогащения.

Сэр Джордж предложил доктору рюмку портвейна и спросил, как себя чувствует девушка.

— Ей требуется покой, — сообщил доктор, зная, что вызывает этими словами неудовольствие лорда, но ему порой нравилось говорить лорду неприятные вещи, хотя бы потому, что сам лорд обожал говорить гадости окружающим.

— Пускай отдохнет до завтра, — усмехнулся Уиттли.

— Я полагаю, что ей следует три или четыре дня пробыть в постели. Рана на ноге, нанесенная вашей каретой, милорд, значительна и может опасно загноиться.

— Разве у нее нет своего дома?

— А у вас не хватает комнат? Или жалко миску куриного бульона?

— Доктор, доктор... — вздохнул Уиттли. — Я хотел только одного — вернуть эту крошку родителям, успокоить их...

— Ничего себе — спокойствие: получить искалеченного ребенка!

— Ну уж искалеченного! — Сэру Уиттли совсем не нравилось вести этот спор в присутствии молодого штурмана, но отступать было поздно.

— Рискните, — предложил доктор. — Пускай сюда явится ее отец с полицейским, а за ним пятьдесят репортеров.

Доктор отлично знал о нелюбви Уиттли к этой категории человечества и был уверен, что таким простым и тихим ходом он выиграл шахматную партию.

— Но через три дня вы гарантируете...

— Я не гарантирую, но обещаю постараться. Сейчас несчастная крошка заснула.

— Несчастная крошка... — Уиттли с подозрением взглянул на доктора — не издевается ли тот. Доктор был совершенно серьезен.

— Я возьму на себя труд предупредить ее мать и успокоить ее, — смилостивился Симкин. — Но вы должны распорядиться, чтобы маму Дороти пустили сюда беспрепятственно.

Уиттли, уже сдавшийся и смирившийся с тремя днями возможных неудобств, обратил взор к камину, возле которого мог бы стоять Мартин, но тот ответил от двери в буфетную:

— Я все слышал, сэр.

Если бы супруга сэра Уиттли, столь безвременно почив-

шая, была жива, она бы нашла, как всех поставить на место. Но, увы, Уиттли был одинок.

Вокруг были одни предатели, филантропы и пацифисты, но в окружении врагов Уиттли всегда предпочитал почетный плен благородной гибели. Поэтому, ничем не выразив недовольства, он повернулся к штурману и продолжил разговор.

— Мы посылаем два корабля, — сказал он. — Наибольшие надежды я возлагаю на «Глорию». Так как я сторонник прогресса, то убежден, что любое тяжелое орудие важнее роты солдат. И вообще машины... Еще рюмку кларета?.. Машины со временем заменят человека. Я еще доживу до того времени, когда машины Уатта поставят на фрегаты и те независимо от погоды или противных ветров и штилей будут добираться до Индии менее чем за месяц.

— Но и вонь от них будет, — позволил себе улыбнуться штурман — горячий патриот парусного флота.

Сэр Уиттли не согласился с молодым собеседником.

— Сегодня, — сказал он, — мой кучер Мэттью попытался заглянуть в будущее и предположил, что через несколько лет Лондон погибнет, потому что по третьи этажи будет завален конским навозом. Он представляет себе прогресс как накопление того, что имеется. Для меня же прогресс — это появление нового. И я боюсь, да, боюсь гибели Лондона! Но не от конского навоза, а от угольной сажи, так как не только печки города, но и все экипажи, все машины в нем будут работать силой пара и, соответственно, будут нещадно дымить.

Штурман поежился от такой страшной перспективы. Он не любил заглядывать в будущее и потому не претендовал ни на звание политика, ни на поприще великого человека.

Но последнюю фразу свекра услышала вошедшая в библиотеку Регина, появление которой должно было считаться совершенно случайным...

— Ой, простите, я не знала, что вы заняты, сэр!

Уиттли предпочел бы, чтобы его называли отцом или еще как-либо нежно, только не сэром, словно чужого. Но невестка его не любила. И ничего не могла с собой поделать. Она

была вежлива, ласкова, улыбчива, а сэр Уиттли порой просыпался ночью от кошмара — будто голубушка, голубица, горлица выклевывает ему глаза. И так странно это делает: раздвигает веки пальчиками, унизанными кольцами, а потом прицеливается аккуратненьким, твердым, как сталь, носиком. И — удар!

— Заходи, Реджи. — Лорд назвал ее нелюбимым именем. — Познакомься — твой спутник в многодневном пути Александр...

— Фредро.

— Алекс Фредро. Штурман «Глории». И не смотри, что он так молод.

Иностранец, поняла Регина. Слишком много иностранцев развелось в Англии в последнее время. Скоро не останется чистокровных англичан и страна превратится в индийскую помойку. Она сказала это вслух, конечно же, не в отношении к штурману, а как бы отвечая на последнее рассуждение свекра о золе и дыме, которые погубят Лондон.

— Мы скорее помрем от тех болезней и миазмов, которые сами ввозим в Англию, — сказала она. — Кому нужны доходы, если они влекут за собой вырождение и заразу?

Штурману показалось, что он видит перед собой птицу, покрытую перьями, округлую, которую хочется взять в обе ладони и почувствовать, как под перьями в тугом теле бьется быстрое сердце. Фарфоровые глаза голубки остановились на лице штурмана, но избегали его зрачков. Он не мог оторвать взора, хотя не должен был смотреть на нее — при виде этой птицы в мужчине сразу просыпался охотник, но не с луком — такую добычу надо было ловить руками, только руками...

— Присаживайся с нами, Реджи, — сказал сэр Джордж. — У нас от тебя нет секретов.

— И на том спасибо, — откликнулась звонко Регина, и тут штурман почувствовал напряжение в отношениях родственников.

Беседа о предстоящем путешествии оборвалась, хоть Регина и была в курсе его целей и задач.

В ожидании, пока Мартин пригласит господ к ленчу, заговорили об утреннем происшествии.

— Кстати, — вспомнил сэр Джордж, — я бы миновал то место без приключений, если бы ко мне в экипаж не забрался неизвестный проходимец и не уговорил меня повернуть на Пикадилли, ибо меня якобы подстерегают сикхи, чтобы совершить покушение.

— Но кто он был? — удивился штурман.

— Какой-то грек. А может, и тамил — мало ли их... Маленький, курчавый.

Штурман тоже вспомнил о том, как пожилой джентльмен как бы направил его в ту точку, где оказался экипаж сэра Джорджа, но, конечно же, им не могло прийти в голову, что это мог быть один и тот же человек.

— Интересно, кто она, эта девица? — спросила Регина, наконец-то встретив взгляд штурмана и смутив его еще более.

За ленчем разговор продолжался и сэр Джордж заявил, что, по его сведениям, в столице есть профессиональные проходимцы, которые нарочно кидаются под кареты, чтобы получить компенсацию. По завершении этой филиппики Мартин, бывший в столовой, позволил себе сообщить обществу, что только что прибежала мать девушки, которая еще находится у нее. Мартин счел своим долгом вкратце поговорить с ней и узнал, что она — вдова, воспитывающая двоих детей, потому что ее муж, бывший боцман флота Его Величества и бывший лесник королевских лесов, был убит браконьерами. Миссис Форест живет тем, что изготавливает шляпы, и считается отменной мастерицей, в чем ей помогает и Дороти. В этих нескольких фразах Мартин, как и многие простые люди, очарованный скромной гордостью миссис Форест, попытался вызвать в господах сочувствие к судьбе несчастного семейства, однако ему и не надо было этого делать. Штурман Фредро провел молодость в лишениях и сиротстве и сразу почувствовал симпатию к пострадавшей девушке, а сэр Уиттли, узнав, что ее покойный отец был боцманом на флоте, сразу вычеркнул девушку из числа проходимок и попрошаек, а услышав, что тот был убит браконьерами, проникся к Дороти отцовскими чувствами хотя бы потому, что недавно браконьеры совершили нападение на лес, принадлежавший сэру Джорджу (как раз перед охотой, на которую он пригласил знатных знакомых), и истребили всех косуль, которые были предназначены в жертву...

— Где он был лесником?

— В графстве Кент, — ответил Мартин, который этого не знал, но полагал, что лучше ответить сразу, чем задуматься и вызвать недовольство хозяина.

— Так я и думал! — воскликнул Уиттли.

Разумеется, лес Уиттли располагался именно в графстве Кент.

— Я попрошу, — сказал Уиттли Мартину, — чтобы перед ее отбытием домой девушку привели ко мне. Я намерен сделать ей подарок. А также подготовьте десять фунтов для передачи ее матери. Вы говорите, что она женщина примерного поведения?

— Безусловно, милорд.

— Двадцать фунтов. Мы должны делиться с теми, кто страдает ради нас и из-за нас.

Ничего невероятного в этом не было, так как сэр Джордж при всех своих отрицательных качествах до пожилых лет сохранил сентиментальность и в сегодняшнем событии усмотрел перст судьбы, указующий ему на необходимость более думать о Боге, нежели о суете земной.

Довольный Мартин склонил голову, а голубка спросила:

— Сколько ей лет?

— Если не ошибаюсь, семнадцать, мэм.

— Значит... она из приличной семьи?

— Вот именно.

— Умеет ли она шить?

— Без сомнения.

— Я навещу ее, — сказала Регина. — Как только ей станет получше. Я полагаю, что смогу дать ей подработать — мне перед отъездом надо привести в порядок гардероб.

Как разумная и не склонная к расточительности женщина, Регина не намеревалась удивлять Рангун или Калькутту модными лондонскими туалетами. И, если нужно, она сможет заказать себе новое платье и в Индии, где к этому есть все возможности. Но привести в порядок то, что намерена везти из Лондона, не мешало. Возможно, скромная и не избалованная заказчиками девушка окажется полезной.

Более за ленчем о девушке не вспоминали, потому что разговор перешел к предстоящему путешествию. Алекс был напряжен — он робел перед лордом и притом боялся, что миссис Уиттли-джуниор глубоко вздохнет, и тогда корсет разлетится в клочья и розовые шары ее бюста покажутся на свет, как головы выныривающих из морской глубины лысых пловцов.

Он боялся этого и надеялся на это...

Ему предстояло провести с этой женщиной на борту «Глории» несколько недель. И, как известно, каюты офицеров корабля расположены на корме, под каютами капитана, и мадам Уиттли может отказаться от плавания, сославшись на болезнь.

И тут же штурман отогнал эту мысль и попытался посмеяться над таким мальчишеством. И случилось чудо: как только Регина покинула их и оставила докуривать трубки, он сразу вырвался из-под ее влияния. Осталось лишь чувство тревоги.

Еще через полчаса штурман с некоторым облегчением откланялся, но получил приглашение на обед в будущий четверг, на котором будут капитан Фицпатрик и несколько посвященных в планы Уиттли членов совета директоров. Это означало высокую степень доверия к Алексу, и тот был польщен.

* * *

Утром следующего дня Дороти навестила молодая хозяйка дома. Она была любезна с девушкой, хотя сначала испугалась, увидев, как вспухла и посинела правая сторона ее лица, а глаз заплыл. Правда, Мэри-Энн, которая приходила рано, чтобы самой покормить дочку, причесала Дороти, умыла ее, и после первого отвращения, которое Регина испытывала к старости, уродству, боли, крови, она смогла пересилить себя, а когда

Дороти заговорила, стараясь оборачивать к госпоже левую, здоровую половину лица, Регина отметила для себя, что речь девушки была вполне приличной для ее круга, без этого дикого простонародного умения сжевать половину букв, к тому же в ней Регина угадала не только миловидность, но и умение держать себя, что происходит обычно от строгого воспитания. Госпожа Уиттли присела на стул у кровати Дороти, благо у нее не было настроения с утра заниматься хозяйственными делами, и устроила Дороти мягкий, конечно, как будто вольный допрос и разузнала о ней все — от романа боцмана с «Энтерпрайза» и азиатской девицы, которую он, можно сказать, обольстил, правда, с ее согласия, когда болел лихорадкой в городе Амарапуре, куда был направлен сопровождать посольство майора Саймса. В этой истории было много неясного даже для самой Дороти, потому что получилось, что Мэри-Энн была как бы сиделкой при отце, а потом благородный майор Саймс, проведший со своим посольством много месяцев при дворе в Амарапуре, благословил брак боцмана с местной девицей, а король Авы дал на то согласие, также проявляя этим добрую волю.

Возможно, дама с иным воспитанием и жизненным опытом, нежели госпожа Уиттли, восприняла бы рассказ девушки как чистой воды вымысел и с гневом разоблачила бы рассказчицу. Но ничего подобного не произошло — Регина поверила всему, потому что прожила достаточно в Ост-Индии, чтобы понять, что наиболее маловероятным в этой истории было то, что боцман Форест обвенчался с ост-индской девицей, а не то, что привез ее на военном корабле домой. Корабль принадлежал Ост-Индской компании, дальнейшее зависело от благорасположения капитана или иного руководящего лица. Регину судьба сталкивала в Калькутте с майором Саймсом, и она знала, насколько этот образованный и бесстрашный джентльмен добр, внимателен и даже деликатен, когда дело касается окружающих. Любой большой корабль нес на своем борту не только команду, но и пассажиров, а также зачастую семьи офицеров, не говоря уж о всевозможной живности — от

кур до коров, дабы обеспечить свежим мясом команду, слуг и челядь джентльменов, и даже оркестр, если капитан был меломаном. Так что ясно: от одной лишней женщины мир не перевернется.

Разумеется, Регину несколько огорчило, что такая воспитанная девушка оказалась полукровкой, как бы беспородной собачкой, но под божьим небом все имеют право на жизнь. Значительно большее впечатление на молодую госпожу произвело то, что Дороти умела читать и писать — сама она делала это с трудом, хотя восемь лет провела в школе для благородных девиц, но так получилось, что для собственного удовольствия госпожа Уиттли не прочла ни одной книжки.

Вечером, когда с кратким визитом в комнату к Дороти прибыл сам сэр Джордж, который, оказывается, не только был близко знаком с сэром Майклом Саймсом, но и посещал его в доме на Уелбек-стрит, где он как раз завершает большой иллюстрированный труд «Посольство в Аву», выхода которого с нетерпением ждут все любители путешествий и дальних стран, а также специалисты, размышляющие о дальнейших судьбах Британской империи.

При этих словах сэр Джордж снисходительно и устало усмехнулся, и Дороти поняла, что именно он относится к таким персонам и посещал Саймса с политическими, может быть, тайными целями.

На следующее утро прачка принесла одежду Дороти, и та, отказавшись от услуг матери, да и соскучившись уже лежать в постели, попросила иголку и ниток и принялась сама зашивать и приводить в порядок свое порванное платье и белье, а когда Регина пришла со следующим визитом, она смогла оценить быстроту и ловкость пальчиков Дороти. Та же, плененная голубыми глазами и глубиной воркующего голоса миледи, уже старалась произвести на Регину хорошее впечатление. В результате разговор кончился тем, что, еще не поднявшись с кровати, Дороти получила от госпожи ее любимую широкополую шляпу, поврежденную сильным порывом ветра в прошлое воскресенье. Вскоре пришла с гостинцами мать и при-

вела Майкла, робевшего в громадном доме. Она хотела отнять у дочери шляпу, чтобы самой кончить работу, опасаясь, как бы та не испортила такое высокое произведение шляпного искусства.

В момент спора дочери с матерью вновь заглянула Регина, планы которой относительно Дороти все ширились, и быстро утихомирила спор, принеся еще две свои шляпы, так что теперь все семейство Форестов было при деле. И когда сэр Уиттли вновь посетил свой госпиталь, то он обнаружил комнату полной народу; оттуда доносились женский смех, щебет, и, остановившись в дверях, сэр Уиттли не мог не залюбоваться этой мирной, будто сошедшей с полотна голландского художника, сценой: три красивые женщины — Регина, Дороти и Мэри-Энн — столь естественно и непринужденно занимались своими делами, что Уиттли вдруг загрустил оттого, что он уже не так молод, что может лишь купить, но не получить в подарок любовь какой-то из таких женщин, и, впрочем, за двадцатилетнюю жизнь со скончавшейся от дизентерии в Мадрасе леди Уиттли он ни разу не услышал, чтобы она позволила себе беззаботно рассмеяться. А оказывается — невестка может!

— Я не буду мешать, не буду, — отступая из комнаты, произнес Уиттли, ибо в комнате воцарилась тишина.

Он столкнулся глазами со взором Мэри-Энн и вдруг, словно потеряв на минуту сознание, окунулся в такую давнюю, пряную и влажную ночь, что звезды раскачивались на небе. Ма Лин глядела на него именно так, а свет свечей вспыхивал искорками авантюрина в ее шоколадных глазах. Почему она всегда молчала? Она же любила его, но всегда молчала...

— Простите. — Уиттли пришел в себя и вышел, закрыв за собой дверь так резко, словно женщины, бывшие в комнате, были в чем-то виноваты.

Через два дня доктор Симкин разрешил перевезти Дороти домой. Мартин, за отсутствием дома хозяина, распорядился отослать девушку домой на разъездной карете, полагая, что никто его за это не укорит.

Когда Дороти собиралась в дорогу и доктор Симкин осто-

рожно перебинтовывал ей бедро, Регина без стука вошла в комнату, остановилась, опершись о косяк двери, и внимательно глядела, как трудится доктор. Она впервые увидела свою нечаянную жиличку обнаженной, худенькой, почти костлявой, но обещающей расцвести в ближайшие годы.

— Так бы и уехала, не попрощавшись, — сказала она укоризненно.

— Я бы обязательно зашла к вам, — без робости ответила Дороти.

— Надеюсь. — Фарфоровые глаза смотрели холодно и обиженно. — Но сомневаюсь.

— Поднимайтесь, поднимайтесь, — приказал доктор. — Не давит? Можете ходить?

— Конечно, доктор! Большое спасибо, доктор.

— И не больно?

— Нет, доктор.

Чуть прихрамывая, Дороти сделала три шага и подошла поближе к Регине. Щека ее почти зажила, остались лишь струпья от ссадины. Регина любовалась девочкой.

— Ты уверяла меня, что мечтаешь о путешествиях, — сказала она.

— Вы же знаете, миледи, что это именно так, — ответила Дороти.

Со стороны разговор не нес в себе особого смысла, но для собеседниц он был подведением итогов тех нескольких дней, что они провели в одном доме.

— Значит, ты согласна?

— Спасибо, мэм, — ответила Дороти.

— Не испугаешься и не сбежишь?

— Вы же знаете, мэм.

— «Глория» отплывает через восемь дней.

— Я знаю.

— Я надеюсь, что ты будешь мне хорошо служить.

— Да, мэм.

— Тогда собирайся, я скажу об этом сэру Джорджу и надеюсь, что он одобрит мой выбор. А детали... Жалованье, подарки...

— Не надо говорить об этом сейчас.

— Ты права, Дороти.

Когда вечером, перед обедом с директорами Компании, Регина сказала свекру, что Дороти согласилась отплыть с ней в Рангун в качестве ее горничной, старый Уиттли пригладил офицерские пышные усы и сказал:

— Мы не можем заглянуть в будущее, Реджи. Но я надеюсь, что ты сделала хороший выбор.

Конечно, не дело столь высоких персон обсуждать кандидатуру горничной для невестки, но здесь был особый случай.

— Вот штурман Алекс удивится, — сказала Регина и засмеялась — словно зазвенела серебряным надтреснутым колокольчиком.

И сэр Уиттли тоже засмеялся.

* * *

На обеде, приглашения на который удостоился и молодой штурман Фредро, к которому расположился сэр Уиттли, присутствовали капитан «Глории» Алан Фицпатрик, старший офицер корабля Хирам Крокс, сухой и невыразительный служака, однако накопивший за многолетнюю службу в Компании средства, позволявшие ему быть заметным ее вкладчиком, и рассчитывавший, выйдя в отставку, претендовать на место в совете директоров. Остальных Алекс не знал, хотя когда-то встречал, например, он видел издали, но не был представлен капитану «Дредноута», линейного корабля, списанного из королевского флота, еще крепкого и, главное, вместительного семидесятипушечного гиганта. К сожалению, Адмиралтейство в тот момент не могло помочь Компании, потому что каждое судно было на счету — разгром французского флота у мыса Сан-Висент и Нильская победа Нельсона еще не означали конца войны. Испанцы и французы собирали силы для новых ударов, а мираж завоевания Напо-

леоном всей Османской империи, от Каира до Стамбула, оставался страшным жупелом для Великобритании.

— «Дредноут» вместителен, — говорил похожий на рождественского Санта-Клауса лорд Вудкастл, генерал, воевавший еще с Клайдом против французского адмирала Дюпле. — И нужен нам скорее как транспортное судно. В Портсмуте мы грузим на него роту шотландских стрелков, а полк сипаев заберем в Мадрасе. Пушки сгружаем в Рангуне. Вместе с той артиллерией и запасом пороха, который будет на «Глории», операция должна пройти просто и быстро.

— Но он будет ползти по океану года три, — возразил капитан Фицпатрик.

— Не думаю, что мы отстанем от «Глории», — обиделся капитан «Дредноута».

— Чем обладает ваш сын? — спросил Чарльз Дункан, вице-президент компании, обращаясь к Уиттли.

Все присутствующие отдавали должное сэру Джорджу, понимая, что идея неожиданного захвата Рангуна и, возможно, самой Амарапуры была именно им пробита в Компании и при дворе. Конечно, очень не вовремя началась война с Францией, но сейчас, когда стоял вопрос о защите своих факторий и индийских владений от осмелевших французов и голландцев, Уиттли все же убедил короля Георга в проведении секретной операции в Бенгальском заливе.

— Король Авы Баджидо выжил из ума, — говорил он у короля и повторил сейчас. — Не сегодня-завтра его царство развалится, потому что моны из южных городов, присоединенные к Авскому королевству столь недавно, кипят местью и мечтают восстать. Они готовы на союз с дьяволом, то есть с нами. Баджидо собрался в идиотский, обреченный на провал поход против Сиама. Мы не имеем права не подобрать яблоко, которое падает к нам в руки. И если мы не сделаем этого...

— Это сделают французы, — с доброй улыбкой произнес рождественский дедушка Вудкастл. Говорят, даже через сто лет после его смерти индийские матери рисовали на земле похожие на сабли усы, если дети их не слушались, — такова бы-

ла мрачная память, оставленная дедушкой в Бенгалии и Хайдарабаде.

— Поэтому, несмотря на сложность международной обстановки...

— Не надо нас учить, Джордж, — сказал Чарльз Дункан. — Лучше обсудим детали путешествия со специалистами.

И он обернулся к приглашенным на разговор морякам.

Молодой штурман пошел на нарушение собственных принципов и завился перед визитом к сэру Уиттли, надеясь, что к ужину выйдет и сама знатная пассажирка «Глории». Так и случилось.

Она вежливо поздоровалась со штурманом, ни голубым взглядом, ни прикосновением не выделив его из числа прочих гостей. И сразу после ужина извинилась и ушла, сославшись на усталость.

За столом она, правда, уставшей не казалась и оживленно вспоминала со старым дамским угодником Фицпатриком какие-то калькуттские истории, потом по просьбе Вудкастла велела принести письмо от Джулиана, которое прочел вслух ее отец. Разумеется, в письме жене фактор в Рангуне не мог делиться компанейскими секретами, но некоторые детали тамошней жизни и соперничества с укоренившимися в Рангуне армянскими купцами присутствующих позабавили.

Вернувшись домой, расстроенный штурман тщательно вымыл голову, и искусственные завитки исчезли. Так-то лучше. Кесарю — кесарево...

* * *

Мэри-Энн не хотела отпускать дочь, хоть в этом нежелании была обреченность.

— Мама, ты знаешь, что я уеду, — сказала Дороти тихо в первый же вечер по возвращении домой.

— Я бы тоже поехал, — сказал Майкл.

— Помолчи! — Мать сорвала на нем раздражение. Она была бессильна хотя бы потому, что сама мечтала забрать детей и вернуться домой, за океан. Кто возьмет ее? Откуда у нее могут

быть такие деньги? А помнят ли ее там? Кому нужна презираемая беглянка, изменившая вере отцов и языку матери? Пока был жив муж, он мог заполнить собой ее жизнь настолько, что и вера отцов, и память о солнце, о повозке, запряженной буйволом, о доме на невысоких сваях, о голубых горах, откуда ночью доносится рык тигра, — все это было не главным. Она была женщиной английского боцмана и английского лесника, она родила ему лучших в мире детей, она хотела прожить с ним долгую-долгую, бесконечную жизнь.

А теперь? Теперь она жила ради детей, а то бы добровольно ушла в мир бесконечных перерождений, чтобы возникнуть вновь на этом свете жалким червяком, недостойным того, чтобы видеть солнце... У нее оставалась вера в сказку: вот придет какой-то человек — она даже не представляла, кто он, даже не знала, на каком языке заговорит он с ней, — и скажет: волей добрых натов я возвращаю тебя на землю отцов...

Она мечтала о том, чтобы хотя бы Дороти, в которой она видела продолжение себя самой, вырвется из этой чужой и холодной страны и увидит свою бабушку... Жива ли она еще?

Так почему же она сейчас так набросилась на дочь?

Ни Дороти, ни Майкл не понимали, конечно, что это — черная зависть к той, кому досталось высшее счастье, а она не способна его оценить. За последние дни Мэри-Энн не раз была на грани того, чтобы кинуться в ноги госпоже Уиттли и вымолить у нее согласие, чтобы она взяла горничной не Дороти, а ее саму. И понимала она, насколько жестоко и бессмысленно бросить детей в Лондоне, если никого из родных у них не осталось. И знала она, что Регина не возьмет с собой женщину, с ее точки зрения, немолодую, но как она завидовала Дороти.

Потом Мэри-Энн стала плакать и, выплакавшись, просила у дочки прощения, а рассудительный Майкл, который хотел их помирить, сказал:

— Ты должна понимать, Дора, каково нам с мамой без тебя. А если ты утонешь или попадешь в плен к пиратам?

— Я вернусь, — сказала Дороти, садясь рядом с мамой на

продавленный диван и обнимая ее. — Вы же знаете, что я обязательно к вам вернусь, потому что вы самые дорогие для меня люди на свете. Но я же не могу отказаться от шанса, который дает мне Господь. Я вижу в этом указание свыше.

Мэри-Энн согласилась с дочерью — разумеется, стечение обстоятельств было странным и навевало мысль об управляющей событиями судьбе.

Между тем госпожа Уиттли не оставляла Дороти в покое — приближалось время отплытия. А так как при ревизии гардероба, при покупке и пригонке новой одежды Регине постоянно требовалась помощница, Дороти целыми днями пропадала в доме Уиттли, и уже на третий-четвертый день Регина поняла, что привыкнет к Дороти, все хорошевшей по мере того, как заживали ее раны и ссадины. Первые дни она ходила в дом Уиттли с палочкой, а потом оставила ее дома. Разок она встретила сэра Джорджа в охотничьем костюме и тирольской шляпе, и тот ей обрадовался, словно она была его Галатеей — словно он ее создал и спас от увечий. Ведь если беда кончается хорошо, то ты уже не сердишься на того, кого так обидел. Разумеется, с точки зрения сэра Джорджа, девушка далеко уступала привлекательностью матери. Уиттли всегда влекло к особам экзотическим, страстным, в движениях которых ощущалась грация пантеры, — такой ему и казалась мирная и погруженная в заботы Мэри-Энн. Уиттли догадывался, что ее скромность и застенчивость — лишь внешний слой натуры, под ним кипят страсти. И если бы ему повезло оказаться в доме Форестов в тот момент, когда мать закатывала дочери сцены ревности из-за отплытия той на «Глории», Уиттли потер бы широкие ладони и сказал: «А о чем я предупреждал вас, господа?»

— Как себя чувствуешь, птичка? — спросил сэр Джордж, любуясь чуть прихрамывающей ланью.

— Спасибо, сэр, хорошо.

— Как здоровье твоей матери?

— Она здорова, сэр.

— Разумеется, здорова, — недовольно проворчал сэр

Джордж, как будто хотел спросить нечто совсем иное и получить иной ответ. — Ну иди, иди, — произнес сэр Уиттли.

Самого же хозяина дома ожидал в библиотеке неприятный ему, но нужный отставной полковник Блекберри, человек столь незаметного вида и незначительных умственных способностей, что все остальное в нем было загадкой: как он стал полковником, не имея ни протекции, ни талантов? Но, рассуждая так, Уиттли понимал, что полковник Блекберри силен именно своей незаметностью. Говорили, что его умение перевоплощаться было невероятным и основывалось только на одном — этот маленький человек с узким серьезным лицом, светлыми глазами в белых ресницах и серой кожей мог потеряться в любой толпе, мог, чуть подкрасив брови и ресницы и не трогая даже темно-серых волос, сойти за кого угодно — от китайца до эскимоса, и именно в такой роли был особенно полезен Его Величеству. Сейчас же он был приглашен правлением Компании для того, чтобы сопровождать секретные грузы на «Глории», и главное, как он сам сказал, вежливо сидя на краешке кресла:

— Главное — что никто в Рангуне не должен знать о содержимом трюмов «Глории» и «Дредноута». Даже служащие Компании.

— Почему вы говорите это мне, полковник? — удивился сэр Джордж.

— Мы проверяем всех, даже слуг.

— Так и проверяйте. В вашем распоряжении двести матросов и более сотни солдат.

— Ни один из них не был связан с Ост-Индией.

— Ах, не говорите мне о том, какие бывают связи, — отмахнулся Уиттли.

— Мне приходилось встречать предателей в самой что ни на есть респектабельной оболочке.

Директор службы безопасности Компании вздохнул устало и понимающе: если бы не он и не подобные ему тихие незаметные люди, сколько битв было бы проиграно, сколько лишних жертв было бы принесено на алтарь Отечества.

— Ни один солдат, ни один матрос не знает, куда и зачем отправляется эскадра. И если они не знают, то не могут проговориться — их нельзя подкупить или запугать.

— Тогда подозревайте меня, полковник.

— Скорее я заподозрю вас, — осторожно заметил полковник.

— Действительно?

— Разумеется, вы знаете о наших планах, вас можно купить.

— Вы серьезно?

— Если бы я думал серьезно, я бы не согласился сотрудничать с вами. Но вы инициатор плавания и экспедиции. Думаю, вам нет смысла ставить ее под угрозу.

— Кто бы мне заплатил такие деньги? — криво усмехнулся Уиттли, который не любил сомнительных шуток.

— Вы знаете, какая вас может ждать добыча. Но пока она в чужих руках. А значит, что владелец копей богаче вас и может кого-то купить.

— Но кого? И как он сюда доберется?

— Уважаемый милорд, — устало и тихо, голосом сотрудников безопасности всех времен и народов, произнес полковник Блекберри, — современный нам мир, в отличие от того наивного и первобытного мира двухсотлетней давности, связан воедино узами мировой цивилизации. По моим сведениям, сейчас завершается строительство собора Святого Фомы на острове Тернате, завтра будет бал в форте Святого Георгия в Мадрасе по случаю дня рождения генерала Бриттена, а чуть позже из Макао отходит каррак в Панаму, который будут поджидать на пути по крайней мере шесть пиратов и корсаров, Соединенные Штаты Северной Америки объединяют свои силы с французами в Квебеке, а русский адмирал Ушаков, обогнав Нельсона, который никак не вылезет из кровати леди Гамильтон, послал отряд для взятия Рима...

— Прекратите! — рявкнул покрасневший Уиттли.

Он сам не знал, что его разозлило более всего — нетактич-

ное упоминание в устах полковника имени леди Гамильтон либо его тихий поучительный тон.

Полковник склонил голову и молча разглядывал свои обгрызенные ногти.

— Почему вы пришли именно ко мне? — спросил сэр Джордж.

— Ваша невестка...

— Надеюсь, вы ее не подозреваете?

— Господин Уиттли, я имею цель охранять интересы Компании и ваши лично. Когда я говорил о том, что события в нашем мире связаны войной и торговлей, я имел в виду, что подданные Его Величества несут нелегкую службу по всему земному шару. Но это не значит, что наши враги не имеют таких же возможностей.

— Я не держу дома французских или индийских шпионов.

— Я могу назвать по крайней мере две кандидатуры, которые вызывают во мне подозрение.

— Давайте, полковник. Послушаем вас.

— Во-первых, я попросил бы снять с рейса штурмана Александра Фредро.

— Не говорите глупостей. Я полностью доверяю ему.

— Доверяете, потому что не проверяли. А мы проверяли.

— И что же выкопали ваши ищейки?

— Александр Фредро — поляк.

— Всемогущий господь! Он же никогда не скрывал этого! Но его мать была шотландкой.

— Мало того, что его отец участвовал во всех войнах Польши против нашего союзника — России, начиная с семьдесят третьего года, но он погиб во время последней из войн — пять лет назад. А ваш Фредро в тот момент...

— В тот момент Александр командовал небольшой британской шхуной, на которой удалось вывезти из Данцига несколько десятков повстанцев, и этот поступок мы ставим ему в заслугу. Детство же и молодость он провел в Британии и служил на британском флоте.

— Как ни перекрашивай волка, ягненка не получится, —

возразил полковник, разочарованный тем, что не смог даже удивить Уиттли.

— И учтите, — продолжал сэр Джордж, — лучше штурмана, чем Алекс, у меня нет. Он штурман милостью божьей. В двадцать восемь лет я доверил ему «Глорию», и ни один из старых капитанов не вспомнил, что Алекс — паршивый иностранец.

Полковник Блекберри скромно и настойчиво посмотрел на сэра Джорджа, и тот в его взгляде прочитал ответ.

Конечно, полковник не учитывал глубокого внутреннего презрения, которое питают сильные мира сего к собственным же слугам, которые выполняют грязную работу, но делают это с энтузиазмом, выпячивая свою роль и показывая всем своим видом, что и могильщики, и палачи на нашем свете необходимы. И чем более говорил полковник, тем больше в глазах сэра Джорджа библиотека наполнялась серой тоскливой пылью, сквозь которую он все хуже видел своего собеседника, и каждое его слово вызывало у Уиттли унылое раздражение.

— Мой долг — предупредить вас, — продолжал полковник. — Поляки сейчас ищут союза с Францией, заигрывают с их тираном Бонапартом, надеясь, что это — единственная держава, желающая вернуть им независимость и способная на это. Есть ли у вас гарантия, что штурман Фредро не посадит ваш корабль на камни возле острова Бурбон?

— Реюньон, — поправил разведчика Уиттли, — он переименован Французской республикой.

— Вот видите! — Полковник произнес это так, словно наконец-то уличил Алекса в измене.

— О штурмане мы разговор закончили.

— Но я буду следить за ним!

— Ваша воля.

— И я бы на вашем месте оставил его дома. Для менее важного плавания.

— Сколько раз вам повторять, что мне нужны хорошие капитаны и штурманы, а не угодные вам болванчики!

— Хорошо, — сдался полковник. Но сдача носила чисто

формальный характер. Уиттли подумал: он похож на сдавшего шпагу противника, который тут же побежит в каземат, чтобы вытащить из-под соломы новую шпагу. — Но штурман Алекс — не единственный подозреваемый, — сказал полковник.

Уиттли только собрался попрощаться с визитером, но был вынужден выслушивать новые подозрения и доносы.

— Ваша невестка взяла на работу новую горничную и собирается тащить ее в Ост-Индию.

— Ну и слава богу. Эта несносная женщина пропилила мне всю лысину, пока не смогла отыскать хорошую горничную. Вы не представляете, насколько эта проблема важна для женщины. Я и сам, когда служил в Индии, порой шагу не мог ступить без Мартина, он у меня теперь дворецкий.

— Эта девица родом из Ост-Индии.

— Ничего подобного, — уверенно возразил Уиттли. — Ее мать была привезена боцманом Форестом много лет назад и всю жизнь провела в Лондоне. Будучи несчастной вдовой, она не вышла больше замуж, а посвятила всю жизнь воспитанию детей. Как только у вас поворачивается язык облить грязью такую достойную женщину! Не говоря уж о ее дочери — дочери слуги короля, отдавшего за него свою жизнь!

Тут сэр Джордж вскочил и замер над креслом, в котором сидел полковник, как бы предлагая тому приподняться, чтобы удобнее схватить его за лацканы сюртука и выбросить из дома.

— Так называемая Мэри-Энн Форест, — тихо произнес полковник, — была захвачена Форестом в Аве, когда он входил в экспедицию майора Саймса в Рангуне. Понимаете — в Рангуне!

— Плохо работают ваши люди, полковник, — вдруг рассмеялся Уиттли. — Даже я, не копаясь в прошлом, знаю, что боцман Форест был в составе миссии майора Саймса, а Мэри-Энн ухаживала за ним, относясь к одному из лучших семейств и будучи подготовленной к восточной медицине сестрой милосердия. Так что позвольте оставить ваши вымыслы без внимания.

На этом ему удалось вытолкать из дому полковника Блекберри. Уиттли налил себе полный бокал портвейна, хотя доктор запретил ему перегружать себя тяжелыми винами, и выпил его. Он был выведен из себя этим полковником. И не потому, что сам был противником осторожности, а потому, что в этом допросе сквозило недоверие к нему самому, сэру Уиттли!

Когда полковник докладывал о неутешительных результатах переговоров с сэром Уиттли сэру Чарльзу Дункану, первому вице-президенту Компании, тот сказал:

— Я полностью доверяюсь мнению сэра Уиттли. В конце концов, это его идея, его деньги и его сын.

Полковник поклонился, но не сдался.

Он был похож на тонкую березку, выросшую у подножия круглой массивной скалы, каковой и казался сэр Дункан.

— Меня не оставляет беспокойство, сэр, — произнес он упрямым шепотом, — потому что сэр Уиттли — лишь часть Компании, такая же часть, как я и вы. Интересы ее каждый из нас должен ставить выше интересов семейных.

— Пожалуй, вы не правы, полковник, — возразил Дункан. Он был так грузен, что каждое слово давалось ему лишь после дополнительного вздоха. — Каждый из нас обязан знать свое место. Ваше место ниже, нежели место сэра Уиттли.

— Разумеется, — согласился полковник.

— Однако именно вы отплываете на «Глории», и у вас будут все возможности наблюдать за персонами, вызывающими у вас подозрения.

— Может быть поздно, — упрямился полковник.

— Что же делать? Я не намерен спорить с Уиттли по пустякам.

— Я все понял, — сказал полковник.

И Чарльз Дункан догадался, что с самого начала полковник пришел к нему со своим планом, который готов был изложить, найдя в Дункане союзника. Не найдя, он отказался от желания делиться планами, но не от самих планов.

* * *

Вернувшись к себе в номер в пятницу после целого дня работы на «Глории» и намереваясь сообщить хозяйке, что завтра переедет в свою каюту на корабле, чтобы не платить более за номер, Алекс был удивлен, когда хозяйка сказала ему, что днем к нему приходили каких-то два джентльмена строгого вида, которые сказали, что принесли штурману письмо от капитана корабля и должны передать письмо ему в руки. Потому она проводила их наверх, в комнату, и они там просидели часа полтора, но, не дождавшись, ушли очень сердитые.

— Как же можно! А если это были жулики? — удивился штурман.

— Нет, — твердо заявила мадам Брунулески, почесывая усики, — это не могли быть жулики, потому что это были солидные люди. Я узнаю жуликов с первого взгляда.

Штурман махнул рукой и взбежал по лестнице в свой номер.

Даже если бы хозяйка гостиницы не сказала ему, что у него были посетители, он бы быстро определил это сам. Ожидая его, джентльмены строгого вида не теряли времени даром, они тщательно обыскали комнату, раскрыли сундук штурмана, проверили всю его одежду, в некоторых местах даже подпороли подкладку, а в сундуке искали двойное дно — фанерная обшивка была отодрана и кое-где лопнула. Обыскивая комнату, джентльмены не очень старались замести следы, но сделали в этом направлении некие условные потуги. На дне сундука лежал плоский кожаный портфель штурмана, в котором хранились некоторые нужные, а то и дорогие сердцу бумаги — нет, не деньги, а завещание отца, письма матери, диплом штурманской школы с висячей свинцовой печатью и записки от одной особы, имя которой не имеет отношения к нашей повести. Были там и еще кое-какие бумаги, но штурман сам не помнил — то ли счета, то ли деловые записки, впрочем, ничего крайне важного. Так вот, портфель исчез. Некоторое время, стоя посреди комнаты, Алекс тупо пытался вспомнить, были ли в портфеле деньги. Нет, их не было и

быть не могло, потому что сбережения штурмана хранились в банке Ост-Индской компании, да и деньги это были малые. Большую часть отсылал домой, в Польшу, сестрам.

Что же искали эти джентльмены?

После некоторых размышлений Алекс пришел к выводу, что в его номере побывали русские агенты, которые искали, нет ли в сундуке или где-то в номере документов, связанных с деятельностью епископа Яблонского или переписки с людьми Костюшки, — Алексу было известно, что агенты русского царя, как и агенты австрийского императора, вольготно чувствовали себя в Англии, которая была их союзником в войнах с Наполеоном, и могли позволить большее, чем в стране нейтральной. В любом случае грабителями те джентльмены не были — хозяйка гостиницы не могла бы этого не почуять.

Грустно было потерять портфель с такими ценными сердцу бумагами, и потому Алекс, мрачный, как туча, спустился вниз и заявил, что намерен идти в городскую полицию и заявить о краже.

— Не может быть! — Хозяйка была в ужасе, она почти забыла английский язык. — В моей гостинице... вас ограбили, и я их допустила сама! Нет, не ходите, я возмещу вам любой ущерб! Сколько у вас украли?

— К сожалению, украли важные и дорогие для меня документы. Ценность их не меряется деньгами.

Впрочем, стоит ли объяснять этой трясущейся женщине, она и так от страха потеряла способность соображать?

— Как они приехали?

— В карете, в черной карете, без герба.

— Разумеется. И карета ждала их?

— Они на ней уехали.

— И вы не разговаривали с кучером?

— Зачем мне это, сеньор? Я сразу поняла, что это плохие люди.

Может, она ничего не поняла и спокойно провела время на кухне, а может быть, и на самом деле чутьем эмигрантки ощутила, что пришла опасность и лучше не высовывать сво-

его массивного носа на лестницу и не слушать, как там идет обыск в комнате постояльца.

— И никто их не видел?

— Нет.

Какого черта им портфель? Совершенно ничего для них там нет.

Забегая вперед, можно сказать, что портфель найдется, но только через несколько дней после отплытия «Глории». Его подкинут в правление Компании, и вскоре он ляжет на стол Уиттли. К тому времени сэр Джордж уже будет знать об обыске в комнате штурмана и сделает нужные для себя выводы. И ничего не станет предпринимать.

* * *

История с Дороти закончилась куда драматичнее и неприятнее, чем простой обыск.

Вечером того дня, когда штурман Фредро узнал об обыске, она поздно возвращалась домой. До отплытия «Глории» оставалось всего два дня, и Регина находилась в состоянии постоянного возбуждения и даже обиды на окружающих, которые не могли понять, насколько ей плохо и трудно в такие минуты, как она не может собрать все, что нужно, а окружающие только мешают. Регина Уиттли не кричала на служанок и плотников, которые сколачивали ящики, на грузчиков и сапожников — она не позволяла себе опуститься до крика, но ненависть ее была столь велика, что при взгляде на нее очередной жертве становилось понятно: ее вот-вот заклюют. Фарфоровые глаза лишь отражали холодный свет смутного дня, клюв, нацеленный на сердце, хищно приоткрывался, а пальцы с длинными ухоженными ноготками казались смертельными когтями.

— Долой! — шипела она. — Долой с моих глаз!

Жертва неслась прочь, но через некоторое время Мартин, который отвечал перед господином, чтобы Регина все же успела погрузиться на «Глорию» и не натворила глупостей, возвращал раскаявшуюся, уничтоженную жертву и снова кидал ее в водоворот сборов.

Конечно, Дороти приходилось хуже многих, потому что она была неплохой шляпницей, но имела мало опыта в прочих портняжных делах и потому, чтобы не попасть впросак, была вынуждена обращаться за помощью и советом к другим служанкам, которые далеко не всегда ее жаловали — некоторые из них хотели бы занять ее место на корабле, хотя и не имели к тому никаких оснований и способностей. Так что Мартину несколько раз приходилось спасать девушку как от гнева хозяйки, так и от зависти товарок.

Домой Дороти возвращалась уже в темноте, хотя в апреле темнеет поздно, а надо понимать, что путь от Вест-Энда до Воксхолла, а оттуда к Темзе не короток. Дороти брела с трудом, тем более что от долгой ходьбы разболелась еще не зажившая толком нога. И Дороти находилась в том свойственном любому уставшему до смерти человеку настроении, когда ты глубоко раскаиваешься в том, что ввязался в какую-то историю, не несущую ничего, кроме подобных же бед в будущем.

Народу на больших улицах было еще немало, фонарщики лишь зажигали фонари, но когда Дороти свернула в узкий переулок, ведущий вниз к реке, то сразу стало темно от тесно сошедшихся старых домов, и свет в окнах, тусклый и лишь обозначенный на фасадах, не освещал улицы, а лишь подчеркивал ее темноту.

Идти приходилось осторожно, чтобы не угодить в грязную воду или помои, которые выливали в окно, не опасаясь штрафа.

Ближе к реке, когда уже можно было ощутить запах медленно текущей и нечистой воды, ведь Темза была сточной канавой гигантского города, Дороти пошла быстрее — здесь ей был знаком каждый камень.

Улица была совсем пуста, и поэтому когда она услышала шаги сзади, то сначала даже обрадовалась — по крайней мере она не одна в этом ущелье между рядами домов.

Но через несколько шагов ее радость испарилась, и трудно было бы сказать, что насторожило девушку — то ли старание

человека сзади ступать тихо, то ли спешка и шумное дыхание, слышное в промежутках между ударами подошв о камни, то ли угроза, повисшая в воздухе.

Прихрамывая, Дороти поспешила вперед — только бы добежать до узкого поворота в ее переулок, до поворота, уже видного отсюда, потому что там за тремя вязами, уже распустившими маленькие длинные листочки, стоит пивная, паб, который сейчас открыт и многолюден, а каждый второй в нем знает Дороти и не даст ее в обиду.

Но добежать до угла она не успела, потому что неожиданно увидела, что у ствола вяза стоит человек — силуэт его был четко виден на фоне Темзы, к которой отсюда шел крутой склон. Вода отражала свет звезд и, главное, еще не погасший свет заката. Так что неподвижный человек в цилиндре и длинном сюртуке, с тростью в руке был виден, как фигурка в кукольном театре теней. Четко и словно вырезано из картона.

Но Дороти отлично понимала, что это не кукла, что человек сзади гонит ее к человеку в цилиндре так же, как загонщики гонят лису на цепь стрелков, — об этом рассказывал отец.

И все же Дороти ничего не оставалось, как идти вперед, вернее, бежать в руки охотнику, потому что тот, кто сзади, был невидим, он был лишь тяжелым дыханием и тяжелыми шагами, он был страшнее. Ей показалось, что она сможет ускользнуть от человека в цилиндре или как-то закричать оттуда, от угла, в надежде на то, что ее крик донесется до паба или до маминых ушей, таинственным образом слышавшей порой голос дочери за несколько миль.

А когда отец умер, видно, вскрикнув перед смертью, она зарыдала, забилась и потеряла сознание, хотя, конечно, не могла услышать его предсмертного крика — он погиб в кентском лесу, а Мэри-Энн уже тогда жила в этом доме. Между ними было миль пятьдесят, не меньше.

Дороти бежала к человеку в цилиндре и не могла закричать, как во сне — ты тонешь, надо позвать на помощь, мама рядом, только открой рот, но слова не получаются, звуки не рождаются в глотке...

— Стой! — прохрипел преследователь. — Стой, куда ты?

Человек в цилиндре, вглядывавшийся в темноту переулка, сделал шаг вперед и раскинул руки, чтобы не упустить Дороти.

И тогда Дороти — все равно уже не было времени думать и соображать — помчалась, набирая скорость, на человека в цилиндре, словно намереваясь сбить его с ног, и шаги сзади сразу отстали. Она была вся насторожена, как дикое животное. Вся — слух и зрение...

Она врезалась в человека с тростью — цилиндр в сторону. Он не ожидал, что жертва сама нападет на него, это было нарушением правил! Девице положено с тихим визгом нестись обратно, прямо в лапы преследователя.

Растерянность была мгновенной, но она позволила Дороти, движения которой были безнадежно скованы длинными, до земли, юбками, рвануться за ствол вяза, словно она играла с преследователем в пятнашки. Он направо — она направо, он налево... а где же второй?

И его волосатая толстая рука вылетела из темноты — навстречу. Дороти кинулась назад, оттолкнувшись обеими руками от ствола. У нее было лишь два преимущества — молодость и гибкость. Они были сильнее — и могли догнать ее в чистом поле... Но, как мышонок, ускользающий между рук на дне сундука, Дороти металась у поворота и даже умудрилась вырваться — на несколько секунд. Тогда она кинулась к огням паба, фонарю, освещающему медные буквы «Золотой лев».

Но преследователь догнал, вцепился в рукав платья, рванул на себя, к счастью, материя затрещала по шву, рукав остался в пальцах преследователя, но от рывка Дороти развернуло, и она увидела на мгновение второго врага, того, кто тяжело топал за ней по переулку... И ей показалось, что к ним присоединился и третий, маленького роста, скрытый раньше в тени домов...

Больше Дороти не глядела назад. Она бежала к фонарю, но, как назло, никто не выходил из паба и не входил в него. И Дороти знала, какой густой шум и табачный дым царят там,

внутри, за толстыми стенами — на улице может произойти сражение, но никто внутри его не услышит.

Снова сзади вцепилась в нее рука.

— Да стой ты! — проскрипел задыхающийся голос... И Дороти попыталась упасть, чтобы таким образом вырваться, впрочем, делала она это неосознанно — не думала ни о чем, только бы убежать! — Ах! — вскрикнул человек сзади.

Хватка ослабла, будто он споткнулся и вынужден был ради того, чтобы удержать равновесие, выпустить добычу.

И это дало возможность Дороти домчаться, подобрав юбки выше пояса, до паба, но не до двери — некогда было. Она замолотила в маленькое, забранное косой решеткой окно так, что чуть не разбила его.

Она не слышала, что происходит сзади, и не смела обернуться. Ударив несколько раз кулаком в окно, она кинулась к двери.

А тут дверь как раз открылась, но сначала вышел совсем пьяный зеленщик Робертс, а за ним плелся его хромой сын Пол. А вот за ними, почуяв неладное, услышав стук, вылетел известный всей улице и всей набережной Сэмми Грант, мулат из Вест-Индии, отставной сержант с черной повязкой через черное лицо, знаменитый канонир времен войны с янки. Делать Гранту было нечего, он весь день проводил в пабе или других подобных местах, и у него был сказочный нюх на драки, потасовки и всевозможные приключения.

А человек, посвятивший себя дракам и так и не ставший взрослым к пятидесяти годам, умеет мгновенно разобраться в ситуации и понять, на чьей стороне драться выгодно или почетно.

— Дороти! — взревел он. — Кто тебя обижает?

И в этот момент Дороти умудрилась спрятаться за зеленщика и захлебывающимся голосом прохрипеть:

— Там! Вон там!

В этот момент один из преследователей ворвался в круг света, нарисованный фонарем на мостовой у входа в паб. Он был в черном сюртуке, цилиндр потерялся, а прямые черные

волосы прижались к голове, смазанные душистым маслом. Он увидел Дороти и закричал:

— Держите ее! Это преступница!

И тогда наступил светлый момент для Сэмми.

— Дороти? — вежливо спросил он. — Преступница?

— С дороги, черномазый! — зарычал преследователь.

А вот этого говорить совсем не следовало. Сэмми сказал друзьям, уже высыпавшим на шум из паба:

— Только не вмешиваться. Я вас умоляю всем святым!

— Понимаем, Сэмми, — сказал зеленщик. — Как не понять. Считай, что он твой!

И тогда Сэмми врезал преследователю в подбородок кулаком размером с арбуз.

Противник оказался крепче, чем многие подозревали, и вытащил из-за пояса пистолет.

Это взбесило законопослушного Сэмми. Он не выносил, если кто-то вытаскивал пистолет.

В следующее мгновение пистолет улетел куда-то далеко, к Темзе, звякнув о камень, а затем плеснув водой. И еще один удар послал этого человека в нокаут, как говорят боксеры.

— Дороти, пошли отсюда, — попросил горбатый фокусник Фан. Насколько Дороти видела, он из паба не выходил, а прибежал откуда-то со стороны. — Я тебя провожу домой, — сказал он.

— Фан прав, — сказал кто-то из толпы соседей. — Нечего тебе здесь делать.

Фан потянул Дороти за руку прочь от драки, он говорил что-то, но у Дороти звенело в ушах, и она не разбирала слов.

— А где второй? — спросила Дороти.

— Кто они? — Рука у Фана жесткая и большая, вообще руки словно достались ему от другого, куда более крупного человека. Когда горбун шел, пальцы почти касались земли. — Они больше тебя не тронут, — сказал фокусник. — Я точно знаю. Они ненавидят, когда их раскрывают.

— Ну хоть объясни что-нибудь, Фан!

— Вот дойдем до дому, и расскажу.

Фокусника хорошо знали на набережной. Он выступал на перекрестках, и ребятам не надоедало выпрашивать у матерей пенсы, чтобы кидать их ловкому горбуну. И он нравился именно ребятам, потому что был так мал ростом, словно не вырос из мальчиков. И даже узкая, жидкая, из нескольких волосков, но длинная черная борода не переубеждала — она была маскарадом. Каждый понимал, что Фан притворяется, и только когда ты подрастешь, а Фан останется таким же, как был, ты начинаешь сомневаться, зачем он здесь, почему он такой и почему не хочет стареть. В общем, он был глуп — никто в том не сомневался — и к тому же азиат, чуть ли не индус вонючий. Но когда привыкнешь к человеку, то не так воняет.

Фан потащил Дороти за руку по улице прочь от толпы, окружившей человека в черном, и тут их неожиданно догнал далекий крик:

— Эй, сюда, здесь еще один лежит!

— Человека убили! — откликнулся второй голос.

— Ты слышал? — спросила, задыхаясь, Дороти.

— Не останавливайся, тебе надо скорее домой.

— Что там за человек?

— Ты его убила?

— Я никого не убивала. Они на меня напали, а я убегала. Почему они на меня напали?

— Наверное, насильники, — сказал Фан. — Или воры.

Он поднялся на две ступеньки, ведущие к узкому дому миссис Форест, и начал колотить молотком по медному щитку. Издалека сзади доносились голоса. Фан нервничал, торопился, и, когда миссис Форест открыла дверь, он, так и не отпустив цепкой руки Дороти, втащил девушку в прихожую. Мэри-Энн встретила их с керосиновой лампой в руке — вечером прихожую не освещали.

— Фан? Что с тобой? — Она, конечно же, знала Фана, он нередко приходил к Форестам.

И тут Мэри-Энн увидела дочь. По ее растерзанному виду она поняла, что с дочкой опять приключилась беда, и потащила ее в гостиную, где Майкл, который готовил уроки, радостно приветствовал старшую сестру:

— Опять подралась, да?

И Дороти стало смешно. Она прижала к себе черноволосую голову брата и сказала:

— Я дралась с двумя драконами сразу, но спас меня Фан.

— Да скажите мне, в конце концов, — закричала Мэри-Энн, — что произошло? Почему?

— Теперь слушай меня внимательно, — сказал Фан. Он говорил по-английски смешно, с акцентом, и Дороти знала, что он мог бы говорить с матерью по-бирмански или по-лигонски, но предпочитал английский, полагая почему-то, что в Англии никто не должен знать, откуда он родом. Это было наивно, потому что в Англии наверняка были люди, знавшие, что Фана привез много лет назад один из компанейских дельцов именно как удивительного фокусника, полагая, что сможет неплохо зарабатывать, показывая уродца-фокусника по ярмаркам. Но из этого ничего не вышло, и Фан то ли сбежал, то ли откупился от своего хозяина. Вернуться домой Фан не смог и остался в Лондоне. Жил он бедно, не очень утруждая себя работой, доставал откуда-то и курил опиум, все думали, что он китаец, а он был из Лигона, вассального княжества Авы. По крайней мере так говорила Дороти мать.

— Слушай меня, — сказал он Мэри-Энн, — я у тебя давно сижу, чай пью.

— Ты только что пришел.

— Глупая женщина, я давно сижу, целый час сижу!

Дороти поняла.

— Когда я сейчас пришла, мне дверь Фан открыл.

— Как же так! — Мэри-Энн не сдавалась. — Полицейские спросят у паба, и там скажут, что Фан тебя встречал, что я его посылала тебя встретить.

— Когда полицейские сюда придут, — ответил Фан, — то они ни одного свидетеля не найдут. В этом я уверен. Все уже по домам пошли, сегодня паб раньше закрылся, а его хозяин Артур вообще носа на улицу не высовывал. Очень простуженный.

— Простуженный? — удивилась Мэри-Энн. — Ты откуда знаешь?

— Потому что у него с утра зуб болит.

— Какой еще зуб?

— В коленке, — сказал сообразительный Майкл. — Ты что, не знаешь разве, как у нас здесь полицию любят? — Сообразительный мальчик закрыл тетрадь. — А что на самом деле было?

— На самом деле ничего не было. Так что собирай, Мэри-Энн, на стол.

Они сидели за столом, пили чай, когда пришли двое полицейских. Одного из них Дороти знала, он всегда ходил в этих местах, знал всех, и его все знали.

Этот полицейский по фамилии Браун, медленный, низколобый, одетый похоже на тех, кто преследовал Дороти, но все же не так — у полицейских была единая одежда и особого рода высокие шляпы, спросил от двери, отклоняя голову от лампы, которую держала Мэри-Энн.

— Это на вашу дочку, миссис Форест, напали?

— Да, а вы откуда об этом знаете?

— В таких случаях послушный горожанин должен обращаться в полицию, а не прятаться дома и не пить чай.

— Хотите чаю, сержант Браун?

— Не говори глупостей, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— Так, может, ваш спутник разделит с нами трапезу?

— Где твоя Дороти?

— В комнате.

— Мне надо поговорить с ней.

Браун вошел в комнату, там сразу стало тесно. Садиться он не стал. Его спутник выглядывал через плечо.

— Значит, на вашу девочку напали? — спросил Браун.

— Да, — сказала Дороти, опередив остальных. — На меня напали. Хорошо, что я успела до паба добежать. Там меня мужчины встретили.

— Какие мужчины? — спросил полицейский из-за спины Брауна. Браун наморщил низкий лоб — он был недоволен,

он-то знал, что ответа на этот вопрос быть не может. Мало ли кто были джентльмены, которые встретили Дороти.

— А кто на тебя напал? — спросил Браун.

— Там было темно, — сказала девушка, — а я так перепугалась. Поставьте себя на мое место, сэр.

— Мне трудно это сделать, — сказал второй полицейский. — Но, наверное, ты кого-то узнала у дверей паба.

— Не узнала она никого, — отмахнулся Браун. — Откуда ей. А ты, Фан, давно пришел?

— Моя давно пришла. Давным-давно, — быстро ответил горбун. — Сижу, чай пью, тут Дороти прибежала, вся рваная, какая бедная девочка, все ее бьют! Ах, как нехорошо. — Акцент у него был вдесятеро сильнее, чем обычно.

— Давно он пришел? — спросил Браун у Мэри-Энн.

— Наверное, час назад. Или больше.

— Больше, мама, — с невинной рожицей вмешался в разговор юный Майкл. — Еще светло было, как мистер Фан к нам пришел.

— Правильно, — сказал Фан. — Еще совсем светло было. Фонари не зажигали.

— А кто эти люди были? — спросила Дороти. — Вы их поймали?

— А там был не один? — искренне удивился Браун. Но, оказывается, ему в пабе совсем мало рассказали. О том, кто бежал вторым, забыли сказать.

— Их было двое по крайней мере, — сказала Дороти. — Один за мной бежал и гнал на второго. А тот, в цилиндре, стоял у большого вяза и ждал меня.

— И что же было дальше?

— Я так быстро бежала, что успела добежать до паба.

— Не лги! Он бы придушил тебя на пороге.

— Когда я добежала до паба, оттуда вышли несколько человек. Они были пьяные, они пели песни.

— И ты позвала на помощь?

— Я позвала на помощь, — с готовностью согласилась на подсказку Дороти.

— А тот, который бежал за тобой, испугался.

— Не знаю, — сказала Дороти. — Он исчез. Больше я его не видела.

Браун и его напарник потоптались еще в дверях, потом ушли. Так и не сказав, кто был тот человек или люди и что с ними сталось. На прощание Браун велел Форестам, всему семейству, быть осторожными и, если можно, вообще уехать из Лондона. Он не шутил. А Фану сказал, что подозрение с него не снимается. Фан стал спрашивать: подозрение в чем? Но Браун не ответил и сказал, что если фокусник понадобится полиции, его вызовут в участок.

Обо всем остальном они узнали вскоре после того, как ушла полиция. Через несколько минут постучал зеленщик, сын зеленщика, и рассказал, что тот, которого уложил на землю Сэмми, сам поднялся и смотался еще до появления полиции.

Своего напарника он не звал и не искал, и никто не сказал ему, что напарник лежит зарезанный ярдах в пятидесяти от него, в нише между двумя домами. Его-то и нашла полиция — ее вызвали, как только нашли тело. Никто не знает, кто зарезал того, тяжелого, с одышкой. Никто из тех, кто был в пабе, этого не сделал. И не мог сделать — все были на виду друг у друга.

Дороти трясло. Так бывает — перепугаешься, а страх приходит позже.

Мать велела ей идти спать, но Фан сказал, что ему нужно с Дороти поговорить. Ведь она послезавтра отплывает.

Мэри-Энн сказала, что после этого приключения, вернее всего, Дороти не возьмут в Ост-Индию. А заберут в полицию.

— Нет, — уверенно ответил Фан, — никто не подумает, что Дороти могла зарезать здоровенного и вооруженного мужчину. И кому нужна ваша Дороти?

— Вот это меня и пугает. — Мэри-Энн посмотрела на горбуна со значением, Дороти перехватила взгляд, но не поняла. — Будем надеяться на лучшее. Нам ведь очень нужно, чтобы Дороти все же отплыла на «Глории».

Тут Мэри-Энн стала отправлять Майкла спать, а тот сопротивлялся, ему было интересно, о чем будут разговаривать взрослые. К тому же рядом с их домом произошло убийство... Мать дала слово Майклу, что его возьмут на проводы Дороти

и даже сама Мэри-Энн попросит взять его на борт и посмотреть, в какой каюте будет плыть Дороти.

Наконец Майкл подчинился.

— Осталось еще одно дело. Из-за него я к вам сегодня и пришел, — сказал Фан.

— Вы шли к нам по делу? — В голосе Дороти прозвучало разочарование.

— Ты хотела бы, чтобы все было иначе?

— Разумеется. Я хотела бы, чтобы вы меня защищали, дядя Фан, — сказала Дороти. — А оказывается, что все произошло случайно.

— Давай тогда встретимся на полдороге, — ответил горбатый фокусник. — Считай, что я шел по делу, но заодно решил встретить тебя и проводить незаметно, потому что боялся опасности для тебя.

— Вы подозревали?

— Да.

— Значит, вы могли знать, кто они такие?

— Я мог подозревать, — сказал Фан.

— А мне можно знать?

— Нет. Потому что...

— Никаких потому что! — вмешалась Мэри-Энн. — Фан боится, что некто в Ост-Индской компании не хочет, чтобы ты была на «Глории».

— Я? Я кому-то могу помешать?

— Если им есть что скрывать на борту «Глории», то они замышляют недоброе против Рангуна, против королевства Ава.

— Но я-то при чем?

— В твоих жилах течет кровь благородных лигонцев, подданных королевства Авского. И как говорится, чем черт не шутит...

— Конечно, это маловероятно, — вмешался Фан. — Это только мое подозрение. Я хотел передать с тобой письмо одному человеку в Рангуне. Просто передать. Моему родственнику. Но теперь я боюсь.

— Нет, вы не бойтесь, дядя Фан, — сказала Дороти. — Вы мне не доверяете?

— У меня нет выхода, — спокойно ответил Фан. Он не стал спорить с девушкой. — И если чужой прочтет письмо, он ничего не поймет.

— Где письмо? — спросила Дороти.

— Тебе его не надо видеть, — ответил горбун. — Чем ты меньше знаешь, тем меньше сможешь рассказать. Мать зашьет письмо в твою ночную юбку.

— В полосатую, — добавила Мэри-Энн.

— Мать сказала это, чтобы ты пореже надевала ее и не вздумала ее стирать, — сказал горбун.

Все засмеялись.

Дороти спросила:

— А на чем будет написано письмо?

— На тряпочке, конечно же, на тряпочке — что же еще можно вшить в край ночной рубашки? И если будешь тонуть...

— Не смей! — Мэри-Энн кинулась на Фана с кулаками. — Ты что, сглазить хочешь?

Горбун отскочил в угол.

Мэри-Энн принесла рубашку, нитку, иголку и принялась вшивать в край тонкую тряпочку с несколькими короткими словами.

— А кому я ее отдам? — спросила Дороти.

— Это тебе придется запомнить. Сейчас мы с тобой выучим, а перед отплытием мать повторит. Хорошо?

— Говорите.

— Запомни: пагода Шведагон. Шве-да-гон. В Рангуне. На восточном склоне холма, на котором выстроена пагода, есть монастырь Священного зуба Будды. В монастыре найдешь настоятеля, его зовут У Дхаммапада. Ему ты передашь письмо и ответишь на все его вопросы.

— Я должна это сделать, мама? — спросила Дороти.

Мэри-Энн кивнула не сразу. Она поняла Дороти. Та росла англичанкой в английской семье. Хоть мать и выучила ее лигонскому и бирманскому языкам. Передать письмо какому-то монаху в каком-то иноземном монастыре? Она же английская девушка...

— Прости, так надо, — ответила наконец Мэри-Энн. — Это важное письмо и полезное для хороших людей.

Перед тем как уйти, горбун некоторое время стоял возле окна, выходившего на улицу.

Потом все же не решился выйти через переднюю дверь, и мать проводила его через кухню. Дороти догнала его и спросила:

— А может так быть, что за мной гнались из-за этого письма?

— О письме они, к счастью, не знают, — ответил Фан. — Иначе бы...

— Значит, это твои враги, дядя Фан?

— Они враги твои и мои и всех добрых людей, — ответил старый фокусник и исчез за дверью.

Дороти хотела узнать больше у матери, но та отмалчивалась, а потом принялась плакать. И Дороти начала плакать, они обнялись и, наплакавшись, заснули на диване в передней комнате.

* * *

У сэра Джорджа Уиттли были свои источники информации.

Утро следующего дня, когда он был в конторе Компании в порту, принесло ему ряд неожиданных новостей.

Сначала штурман Алекс Фредро нанес сэру Джорджу деловой визит и рассказал о том, что его номер был обыскан и ограблен. Это могло быть случайностью, но в свете вчерашнего разговора с полковником Блекберри, скорее всего, случайностью не было. Сэр Уиттли приказал штурману немедленно переходить на корабль и оставлять его как можно реже. Затем он вызвал к себе старого друга капитана Фицпатрика и в обсуждении различных проблем завтрашнего отплытия, в частности, напомнил ему, что на борту будет находиться полковник Блекберри, который, являясь кандидатурой Чарльза Дункана, ненавидящего сэра Уиттли шотландской холодной ненавистью, склонен быть более старательным и исполнительным, чем того требуют интересы дела. В лице капитана он встретил

полное понимание, и тот согласился, чтобы к штурману в качестве вестового слуги был приставлен Эрик Боу, хитрый, быстрый и коварный кокни, обязанный капитану жизнью и потому готовый охранять штурмана от случайностей.

Куда более расстроило сэра Уиттли появление в конторе могучего одноглазого негра по имени Сэмми, ветерана американских войн, который, оказывается, был вчера свидетелем нападения на Дороти и принес письмо от ее матери, в котором Мэри-Энн опасалась за судьбу дочери и просила помощи у Уиттли. Не успел Уиттли должным образом выругаться после того, как расспросил немногословного негра и ничего не понял из его разъяснений, как ему сообщили, что вчера вечером один из сотрудников службы охраны Компании убит в районе Воксхолла, второй избит, но еще смог вернуться домой. Достаточно было сложить два и два, чтобы понять: полковник Блекберри в случае со штурманом ограничился обыском с целью отыскать компрометирующие бумаги и заставить Уиттли снять Фредро с борта. Видно, не удалось. Но с девушкой, с горничной, к тому же полукровкой, можно было без особых опасений разделаться иначе и этим застраховаться от риска. И потому Дороти решили убрать. Ей чудом удалось уцелеть, а ее друзья — любители пива даже прирезали одного из агентов Блекберри, в чем, конечно, никогда не признаются.

Уиттли отправил с Сэмми записку Мэри-Энн — чья грамотность и изящный почерк его растрогали, — в которой велел не выходить из дома, пока он не распорядится. Сам же, предупредив о событиях невестку, с которой привык обсуждать те дела, которые обсуждать с ней было выгодно, и спокойно переждав вспышку ее гнева, послал карету к дому Мэри-Энн, чтобы на ней переправить на «Глорию» горничную своей невестки.

Мэри-Энн и Майкл поехали провожать Дороти в настоящей карете.

Вахтенный офицер, предупрежденный об их приезде, проводил их в кормовую каюту миледи, которая располагалась прямо под каютой капитана и не уступала ей размером и удобствами. Майклу каюта, в которой будет жить его сестра,

показалась дворцом. Впрочем, каюта эта была тридцати футов шириной — от борта до борта, и не меньше в длину — от двери до ряда окон, глядящих назад. Каюта была покрыта коврами, там были все удобства для дамы, включая широкую, под балдахином кровать с бортиком вокруг, чтобы не свалиться в шторм. С другой стороны каюты за занавеской стояла койка горничной — его сестры.

Пока Майкл носился по палубе, изображая из себя морского волка, Мэри-Энн сказала:

— Конечно, я приду завтра тебя провожать, но может так статься, что мы не сможем уединиться...

— Я помню, — сказала Дороти, — У Дхаммапада, пагода Шведагон, монастырь Священного зуба.

— Я не о том.

Мэри-Энн сняла с пальца тонкое серебряное колечко с круглым, стертым от старости, размером с рисовое зерно красным камешком. Она никогда не снимала его, а Дороти привыкла не замечать этого дешевого колечка.

— Не расставайся с ним, — попросила Мэри-Энн, — оно тебе пригодится.

— Как?

— Я никогда не говорила тебе, но у этого камешка есть странное свойство. Он меняет цвет, если тебе угрожает опасность. Он чернеет. Это колечко досталось мне от бабушки, а той — от ее бабушки.

Глава 4

ПИРАТЫ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

В шестой день после того, как корабли Ост-Индской компании «Дредноут» и «Глория» вышли из устья Темзы и, пользуясь добрым попутным ветром, взяли курс к югу, к берегам Африки, шеф Земной службы ИнтерГалактической полиции комиссар Милодар, невысокого роста, немолодой, жилистый человек с копной седеющих курчавых волос, приехал к профессору Гродно в состоянии бешенства. Профессор Гродно,

который руководит лабораторией генетической памяти, и его хорошенькая ассистентка Пегги не смогли скрыть своего удивления, на что Милодар ответил:

— А чего удивляться? Эти бюрократы доведут до клинической смерти даже железного робота, вот так!

— Что же случилось? — спросил малюсенький и потому честолюбивый профессор Гродно.

— А то, что за два полета в Лондон 1799 года я получил выговор! А то, что нам запретили без особой надобности включать мониторинг Коры, то есть Дороти Форест!

— Как так! — воскликнул профессор. — Это же опасно.

— И рискованно для эксперимента в целом, — добавил комиссар.

Пегги ничего не сказала. Она лишь улыбнулась уголками губ. Она недолюбливала самоуверенную Кору, потому что сама была самоуверенной и надеялась связать свою судьбу и ложе с профессором Гродно. В Коре же она чувствовала соперницу. Как, пожалуй, и в каждой молодой женщине.

— Но почему? — спросил профессор.

Он с тревогой поглядел на прекрасное обнаженное тело Коры Орват, неподвижно зависшее в плотном, почти прозрачном, крайне инертном газе саргоне. Тело было опутано проводами и обклеено датчиками, что не могло скрыть его соблазнительности. Это и выводило Пегги из себя.

— А потому что Центр-энерго выставил ИнтерГполу такие счета за наши экскурсы и мониторинги, словно мы поглотили половину энергии всей планеты! — заявил Милодар. — Всего два моих визита в восемнадцатый век для внедрения агента и элементарный мониторинг они оценили в два годовых бюджета моей конторы!

— Я ждал этого, — вздохнул профессор Гродно. — Я тихо молил небо, чтобы эта кара обрушилась на нас попозже, но она была неизбежна.

— Что вы хотите этим сказать?

— В Центр-энерго имеют все основания сердиться на нас. Мы и вправду ограбили Землю.

— Всего один человек...

— Вы забываете, что путешествие во времени на такое расстояние невозможно! Значит, мы отправляли только вашу голограмму. Так вот, стабилизация голограммы на расстоянии в триста лет вообще непредсказуема по расходу энергии. Вам, полицейским, все равно. Отдал приказ — выполняйте. На меня же работали математический институт и три физические лаборатории — все в один голос утверждали, что голограмма до восемнадцатого века не доберется. Я же сделал так, чтобы вы добрались, причем в одном куске.

— Спасибо, — сказал комиссар. — Вы выполнили свой долг, я выполнил свой долг. Значит, энергетики должны выполнить свой долг. Почему они этого не делают?

— Потому что тогда погаснет свет в школах, закроются космические порты, а в подводные города хлынет вода!

— Не драматизируйте, профессор.

— Это от меня не зависит. А вы, оказывается, не любите правды.

— Кто ее любит, — отмахнулся комиссар. — Особенно не хочется выслушивать ее от союзников. Ничего, кроме неприятностей, такая манера не приносит. Ну, ладно, мы обойдемся без командировок моей голограммы в Индийский океан. Хотя этим мы лишаемся возможности контролировать случайности. А что, если на наших друзей нападут какие-нибудь пираты?

— Надеюсь, они отобьются, — сказал профессор Гродно. — Два корабля линейного класса превосходят мощью целую эскадру пиратов.

— Дай бог, — ответил Милодар. — Но лучше было бы пугнуть приближающегося пирата, переодевшись в скелет...

— С фосфорным черепом, — хихикнула Пегги.

— Неважно, с каким черепом! Но мы должны хоть иногда заглядывать туда, где плывет наша девочка...

Милодар обратил взор к Коре. Лицо ее сквозь дымку было спокойным. Тонкие, но сильные кисти рук были сложены на груди, так что пальцы уместились в нежном углублении между персей агента № 3.

— Какие перси! — прошептал Милодар.

— Персы? — не понял профессор Гродно, который, как и любой средний по образованности человек двадцать первого века, не знал, что означает слово «перси». Милодар и сам не мог бы похвастаться широкой эрудицией, но он встречался со многими людьми и обладал цепкой памятью. А всего месяц назад он вел дело о краже археологических ценностей из нетронутого скифского кургана. Организатором банды был столетний профессор, археолог, поп-расстрига, который изъяснялся длинно и красиво. От него Милодар и узнал слово «перси», а также слова «ошуюю», «одесную» и «акриды».

Милодар не ответил профессору. Он думал о том, что у него опять нелады в семейной жизни, последний брак развалился, а душа требовала ласки и нежности. «А почему бы и нет, — подумал комиссар. — Уже десять лет мы работаем вместе. Может, и больше. А что, если удастся уговорить Кору уменьшиться раза в два? Говорят, такие косметические операции уже делают в Бразилии. Мы станем с Корой одного размера...»

— Да, — вздохнула над его ухом Пегги, — долгое пребывание в гробу Коре не к лицу. Она подурнела, ох как подурнела!

— Вы так думаете? — Милодар все еще находился в царстве мечты.

— Я с вами не согласен. Женщина как женщина, — возразил профессор. — Чего вы хотите от сотрудника, который уже две недели лежит в газовой камере, и сколько еще пролежит, одному богу известно.

— Вот именно! — Милодар выкинул мысли о новой женитьбе. Возможный объект был отделен от него непрошибаемой стенкой. И сколько бы ты ни целовал этот гроб, спящая красавица не проснется.

— Какие нам оставлены возможности контроля? — спросил профессор Гродно.

— Только в случае явной и серьезной угрозы жизни агента и появления красного сигнала, — Милодар показал на черный кружок над пультом, — мы можем прекратить работу и тащить Кору обратно. Возможно, я смогу вымолить, пробить

еще один или два сеанса мониторинга, чтобы хотя бы знать, добралась она до Индии или утонула у берегов Австралии...

— Нет, — сказал профессор, — Дороти Форест не могла утонуть у берегов Австралии, потому что она должна родить ребенка.

— Зачем? — не сразу сообразил Милодар.

— Иначе кому она передала генетическую память?

— Ну да, конечно, — согласился Милодар.

Он прошел к рабочему столу профессора и включил экран записей мониторинга. На экране, хоть неясно, с перебоями, мелькали уже известные нам сцены из жизни Дороти...

— Что-то заказчик не появляется, — заметил профессор.

— Вы имеете в виду министра из Эпидавра?

— Его же оставили, чтобы нам помогать.

— Он вернется через неделю. Неотложные дела дома... — Милодар усмехнулся. Заказчики его уже не интересовали. Это было его дело, его задача, которую решал только он, и лишние помощники ему не требовались. — Когда он вернется, покажите ему те пленки, которые считаете нужными.

— Я подумаю, — сказал профессор. Они с Милодаром, оба маленькие и честолюбивые, симпатизировали друг другу.

Затем Милодар попрощался с Пегги. Он поцеловал ей руку, а потом, когда Пегги склонилась, и щеку.

— Если бы я не улетал сегодня в командировку, — сказал он, — то пригласил бы вас в китайский ресторан.

— В четвертый раз приглашаете, — ответила девушка без обиды.

— Много командировок, — ответил, не смущаясь, Милодар.

Он остановился на минуту у саркофага, вглядываясь в спокойные черты бледного лица Коры Орват. Душа ее была сейчас так далеко...

— И все же она подурнела. И в этом нет ничего удивительного, — сказала вслед уходившему Милодару ассистентка Пегги.

* * *

«Глория» и «Дредноут» следовали в пределах видимости. Старый «Дредноут» и под стать ему немолодой капитан берегли себя, и, пожалуй, ни разу до самого Кейптауна «Дредноут» не поставил все паруса, ссылаясь на ветхость корпуса, что было, по мнению капитана Фицпатрика, явным преувеличением.

На стоянке в Кейптауне неспешно заправлялись водой и грузили на борт продовольствие, отчего орудийные палубы превратились в помесь хлева с сеновалом — живые консервы мычали, топтались, а коровы умудрялись даже давать молоко. Среди команды нашлись фермерские сыновья, которые могли этих коров доить, так что офицеры и в первую очередь миссис Уиттли пользовались свежим молоком, что помогало сохранить здоровье. Еще со времен капитана Кука и китобоев, уверявших, что от цинги есть одно средство — свежие продукты, корабли Ост-Индской компании брали в дальние плавания яблоки, лук, чеснок, да и свежее мясо скрашивало диету моряков.

В Кейптауне простояли дольше, чем полагалось, потому что осень Южного полушария принесла затяжную холодную непогоду и Фицпатрик не стал рисковать, прорываясь в зону пассата через опасные воды сороковой широты. Тем более что Фицпатрик, разумеется, рассчитывал воспользоваться экваториальным противотечением, подхватив его у Мадагаскара, чтобы с началом муссона выйти ближе к Суматре, пользуясь на этот раз восточным муссонным течением, которое наберет силу к концу мая.

Там же, в Кейптауне, капитаны кораблей договорились о точках рандеву и о том, что в случае, если эти громадные корабли, на самом же деле лишь маковые росинки в просторах Индийского океана, не смогут отыскать друг друга, разлученные ветром и волнами, ждать в Калькутте, где «Дредноуту» следовало взять на борт сипаев и изготовиться к последнему броску через Бенгальский залив...

От Лондона до Кейптауна миновали недели пути, вовсе не тоскливого, как опасалась Дороти. Каждый день приносил

столько разнообразных наслаждений, столько маленьких и больших приключений, столько переживаний, что они пролетели мгновенно и жалко было укладываться спать, а впрочем, порой они с Региной шептались чуть ли не до утра, потому что Дороти уже через неделю стала старой и любимой вещью миссис Уиттли, куда лучше всех предшествовавших горничных и служанок.

— Я тебя буду называть компаньонкой, — заявила она как-то, радуясь новой прическе, придуманной ими совместно с Дороти.

— А какая в том разница для меня? — спросила Дороти.

— Как горничная, ты можешь выйти замуж за матроса, в лучшем случае — за боцмана, как твоя мать. А компаньонка леди Уиттли может претендовать на лейтенанта королевского флота, не меньше! К тому же в Ост-Индии так не хватает хорошеньких женщин хотя бы приличного британского происхождения!

Конечно, следовало из этого, твое происхождение оставляет желать лучшего, но мы тебя в беде не оставим.

Дороти не обижалась. Ей в жизни не приходилось жить в такой роскоши, в такой громадной комнате, видеть такое ослепительное солнце, бьющее в решетчатые окна, или видеть, как по ним колотит ливень. Здесь все звучало иначе — масштаб событий и стихий был иным, чем в Лондоне. Регина утверждала, что на фактории жизнь будет куда шикарнее хотя бы потому, что миссис Уиттли сможет взять себе в услужение сколько угодно туземок, а в обязанности Дороти будут входить лишь руководство этими женщинами и самые интимные обязанности подруги и наперсницы.

Ночью большая дамская каюта становилась куда теснее, чем днем, — Регина опускала альков над своей кроватью, а Дороти протягивала занавеску перед своей. Но утром, разбуженная шумом ветра, солнцем, покачиванием судна, Дороти пробуждалась сразу, весело и бодро, на свежайшем воздухе, который вливал здоровье и силу в лишенное изъянов и болезней семнадцатилетнее тело Дороти Форест.

Завтракали дамы вместе за одним столом в своей каюте, а вот обедать капитан Фицпатрик приглашал миссис Уиттли наверх, в свою каюту, ибо обед — священнодействие, традиция, ритуал. Он имеет место на корабле давно, куда раньше, чем на суше, впрочем, на корабле иной распорядок, диктуемый склянками, а не часами. И для Дороти было удивительно приятным открытием то, что с момента, как она взошла на «Глорию» и услышала склянки, она понимала их, даже не задумываясь и не отгибая пальцев, как это приходилось делать ее хозяйке.

На обед у капитана собирались офицеры корабля, а также полковник Блекберри и двое важных коммерсантов, которых Дороти не замечала, потому что и они сами никого не замечали, прячась куда-нибудь за шлюпку, чтобы бесконечно обсуждать курсы акций и стоимость гвоздики в прошлом году на Амстердамской бирже.

Полковник Блекберри не считал нужным скрывать, что Дороти он не доверяет и вообще предпочел бы, чтобы она находилась на морском дне. Однако, как джентльмен, он ничем не выказывал своих чувств, зато с его поведением был связан один эпизод, который произошел в один из сумрачных, но для Дороти прекрасных дней, когда «Глория», обогнув западную оконечность Африканского материка, взяла курс на юго-восток, к Кейптауну, уже не опасаясь, что встретит здесь французские корабли.

Ветер был северным, прохладным и влажным, он гнал перед собой рваные сизые облака, сквозь которые порой выглядывало на несколько минут солнце, освещая белоснежные барашки и отражаясь в темных скатах гигантских валов. Дороти стояла у борта, в том месте, где из тела корабля вырастал рог единорога — бушприт, несший косые паруса. Тупой нос «Глории» разрезал волны, вздымая пену и рождая мощный звук водопада, который перекрывался ударами волн о борт корабля и неожиданным выстрелом — хлопком гигантского паруса где-то в невероятной вышине. За день до того в хорошую погоду Дороти под смех матросов и птичий лепет хозяйки взобралась следом за одним из ее поклонников, марсовым

Чарли, по туго натянутым вантам на марс — небольшую и даже уютную бочку, прикрепленную высоко к мачте. Ей не было страшно, болельщики гоготали с палубы, госпожа Уиттли потом занудно корила ее за то, что девушка надела матросские штаны и этим якобы опозорила не только свою честь, но и честь всего рода Уиттли. На самом деле Регина страшно завидовала Дороти, что той не страшно подняться по вантам на мачту, когда корабль несется вперед и раскачивается на ходу так, что лишь отчаянные уговоры Дороти заставляют Регину сползти с широкой постели и чего-нибудь откушать. Регина сердилась на горничную и за то, что та не страдает вовсе морской болезнью, это также унижало ее как благородную даму. Впрочем, здесь ей на помощь пришел полковник, еще более посеревший от качки, который за обедом в капитанской каюте убедительно рассуждал о том, что невосприимчивость к морской болезни есть следствие низкого происхождения. Недаром матросы и черномазая служанка бегают по кораблю, как посуху, тогда как благородные джентльмены вынуждены страдать. Капитан Фицпатрик, не испытывавший от качки неудобства, был вынужден согласно кивать, а штурман Фредро задумался, насколько предки полковника Блекберри знатнее его польских пращуров. Ведь он также не испытывал проблем с морской стихией. Более того, столь рассердившая Регину сцена восхождения ее горничной по вантам на марс вызвала в нем острое желание и самому последовать наверх — учась управлять кораблем, он не один месяц поднимался, бегал по стеньгам, гудевшим от ударов ветра, и спускался по вантам на палубу, словно обезьяна в лесу. Он любил тот таинственный, даже в самый солнечный день погруженный в прозрачную тень мир парусов, несущийся между морем и небом.

А когда Дороти спустилась с мачты и ловко, как будто привыкла за несколько минут к матросской жизни, натягивая ступнями выбленки — веревочные ступеньки, соединявшие ванты, — уверенно встала на фальшборт и спрыгнула на мокрые от брызг доски палубы, штурман протянул ей руку, чтобы помочь, но девушка руку отвела, как бы утверждая этим самостоятельность, и сообщила штурману:

— Этот Чарли там, наверху, хотел меня поцеловать, и если у него будет синяк под глазом, то виноватых не ищите.

Группа моряков, ожидавшая возвращения путешественницы на палубе, не успела сообразить, что все это означает, как следом за Дороти на палубу спрыгнул злой Чарли с растущим на глазах синяком под глазом. Тогда все стали смеяться. Смеялся и штурман. И Дороти, которая, как призналась потом, боялась, что ей влетит за избиение господина матроса, тоже стала смеяться. Но тут ее смеющийся взор встретился с глазами штурмана, и она сразу стала серьезной, смутилась и убежала, оставив зрителей осыпать невежливыми шутками пострадавшего Чарли.

Регина привыкла делиться с горничной своими неглубокими мыслями, и Дороти уже к середине путешествия знала, что Джулиан Уиттли как мужчина ровным счетом ничего из себя не представляет, что, впрочем, устраивает его жену, потому что она найдет себе куда более интересного возлюбленного. Джулиан же ей нужен как человек, который обязательно сделает большую карьеру в Компании, тем более что все члены президентского совета, как правило пожилые джентльмены, имели счастье некогда качать его на коленях. Джулиан уже давно был как бы наследным принцем и потому, хоть и проходил, как положено принцу, все ступеньки служебной лестницы, делал это быстрее прочих и легче их. Теперь, в тридцать лет, он получил пост директора фактории в Рангуне — это был немалый порт на пути из Индии в Китай, к тому же, как нам известно, отец Уиттли планировал именно там расширить владения Компании. И потому, несмотря на нелюбовь к мужу, разумная птица Регина ехала к нему через полмира, чтобы жить в жаре и в окружении дикарей и родить ребеночка, будущего лорда Уиттли.

Нельзя отпускать мужа полностью на вольные хлеба, объясняла она Дороти, потому что он может взбрыкнуть, как застоявшийся жеребец, — уже были случаи, что застрявшие в Лондоне соломенные вдовушки теряли своих мужей. Конечно, рассуждала Регина, на этом тоскливом корабле можно завести от скуки интригу, но слишком опасно — перегородки

здесь тонкие, а корабль прослушивается, как фанерный. Да еще этот паршивый полковник Ягода — так она сокращала фамилию Блекберри — вынюхивает измену и, возможно, готов сообщить любую гадость, только чтобы насолить старому Уиттли и самой Регине за то, что они отстояли Дороти, которую он намеревался убить.

— Так что ты тоже, моя душечка, гляди в оба. Такие, как полковник, подобны удавчикам — пока не задушат мышку, никогда не успокоятся.

— А еще он не любит штурмана Фредро, — заметила Дороти.

— Знаю. Единственный приятный джентльмен на борту, — ответила Регина и так вздохнула при этом, что Дороти вдруг почувствовала раздражение. Вот именно — раздражение. Хотя какое ей дело до какого-то там штурмана? — Если бы мы были не на «Глории», а жили в Лондоне, я нашла бы возможность... дать ему понять, что неравнодушна к такому типу мужчин. Нет, ты меня знаешь, я никогда бы ничего себе не позволила...

Затем последовала пауза, как будто Регина вспомнила о тех несчастных случаях, когда она все же себе что-то позволила.

— Ты спишь?

Дороти не ответила. «Пускай думает, что сплю».

— Ну, ладно, ты еще совсем ребенок и многого не понимаешь, — сказала тогда Регина и принялась скрипеть кроватью, устраиваясь поудобнее.

И Дороти вспомнила, как сегодня штурман протянул ей руку и они стояли лицом к лицу, а больше она ничего не помнит. Вроде бы несла какие-то глупости. Вот не думала, что будет так стесняться!.. Какая между ними пропасть! Офицер, штурман и горничная. Ей суждено отыскать себе матроса Чарли, и тогда уж Чарли будет ставить ей синяки под глазами, а не наоборот...

* * *

Как зарождается любовь?

С первого взгляда ее не бывает, потому что первый взгляд всегда ложный. Любовь возникает после нескольких взгля-

дов, но потом, когда ты вспоминаешь об этой истории, то кажется, будто взгляды сливаются в один, долгий, которым все было сказано. А так как начался он во время первой встречи, то она и перетягивает на себя одеяло твоих сладких воспоминаний. Во время первой встречи Дороти показалась штурману Фредро уродливой из-за ран и синяков, впрочем, и он сам, хоть и спас ее героически из-под копыт, был измазан, исцарапан и никак не отвечал представлению Дороти о герое. В Лондоне они встречались редко, мельком, и как бы не было оснований и возможности разглядеть друг друга внимательнее.

Но потом, на малом пространстве корабля, где встречаться приходилось неизбежно, даже не перекидываясь словами, штурман незаметно для себя стал замечать мелочи, не придавая им значения: поворот шеи, локон, выбившийся из-под будничного платка, которым были покрыты буйные волнистые волосы горничной, щиколотки и икры, когда налетевший бриз всколыхнул юбку, — все вместе и являло собой грацию прелестного существа, которая открывалась для штурмана постепенно, день за днем... Пока не случился этот эпизод с мачтой. Ей-богу, подумал штурман, ни одна горничная — да при чем тут горничная! — ни одна девица в Лондоне не решилась бы залезть по вантам на марс.

Растущего же внимания к себе со стороны Регины Уиттли Алекс пытался не замечать, хотя не замечать не мог, потому что леди Уиттли была куда более опытной соблазнительницей, чем наивная Дороти, и от вынужденного безделья желание свести с ума штурмана тем более овладевало Региной, чем упорнее он сопротивлялся искушению. Хотя Регина не была особой охотницей до мужчин, все же здоровой молодой женщине так трудно остаться совершенно равнодушной к мужчинам, находясь с полутора сотнями молодых людей в деревянной скорлупке плывущего по морю ореха под названием «Глория».

В ту ночь, после эпизода с мачтой, об этом догадалась и Дороти. Догадалась потому, что раньше ей и дела не было до мыслей и чувств Регины, а оказалось, что она ошибалась —

штурман уже сумел тихой сапой забраться в сердце Дороти и свить там незаметное пока, но реальное гнездышко.

Следующий эпизод, как бы повысивший температуру отношений на борту «Глории», произошел уже в Кейптауне, во время долгой стоянки в ожидании погоды. Как-то в теплый осенний апрельский день Регина по договоренности с женой тамошнего представителя Компании, в дом которого Регина переместилась вместе с Дороти, чтобы не болтаться на корабле, стоящем на якоре на рейде Кейптауна, взяла открытый экипаж, куда, помимо миссис Уиттли, поместились Дороти и младшая сестра хозяйки дома, легко краснеющая веснушчатая и донельзя наивная мисс Вулвортс. На козлах сидели кучер и слуга с ружьем — хоть места возле Кейптауна были безопасны, но ходили слухи, что какая-то негритянская банда с севера нападает на путников.

Ехали вдоль моря, берег был песчаным, светлым, океанские воды, пришедшие, наверное, с Южного полюса, из неведомых краев, откуда, как говорила мисс Вулвортс, иногда приплывали ледяные горы, величаво разбивались о землю ярдах в ста от песка и неслись потом, рассыпаясь в пенную муть, по песчаному мелководью. На горизонте остались Столовая гора и строения богатого города, воздух был влажным, теплым и душистым.

— Словно нюхательные соли, — заметила Регина, которая также ощутила особый запах здешнего моря.

— Водоросли гниют, — сообщила мисс Вулвортс и испортила остальным романтическое настроение.

Потом они приехали в место, где стояла небольшая пляжная хижина, возле нее стол и скамейки, врытые в песок. Охранял этот домик для пикников слишком вежливый негр, который все желал поговорить, но понять его оказалось невозможно. Он лепетал на языке местных голландцев — буров.

Старый негр поставил на каменный очаг чайник, а Дороти пошла гулять по берегу. Ноги проваливались в песок, скоро она отыскала красивую раковину. Ей захотелось искупаться. Тем более что ярдах в ста от пикниковой хижины росла куща невысоких и изогнутых ветрами деревьев и за ними можно

было раздеться. Дамы сидели на лавочке, ждали, пока приготовят чай, беседовали, а кучер и охранник осматривали ногу одной из лошадей.

Дороти быстро разделась донага — купальщицы в длинных нижних рубашках обречены были стоять по пояс в воде, прикрыв грудь руками крест-накрест, и дрожать от ветра. А если ступишь глубже, тебя тут же стреножит и утопит собственная одежда.

Кинув последний взгляд на остальных, Дороти быстро сбежала к воде и на несколько секунд остановилась, лишь ступив в пену, пробуя ногой, не холодная ли вода.

Именно в этот момент ее увидел и сердцем понял, что стоящая вдали женская фигурка — Дороти, штурман Алекс.

Это зрелище его встревожило.

В те годы очень мало кто умел плавать. Даже на английском флоте матросы не были обучены плаванию и, попав в воду, быстро тонули. Умеющая плавать женщина была сенсацией и даже чем-то неестественным.

— Смотрите, туземка! — крикнул Алексу его спутник, судовой лекарь с удивительно неудачной фамилией Стренгл, что означает «душитель». Стренгл говорил, что пошел в плавание именно потому, что не смог за двадцать лет организовать достойной практики, так как имя его отпугивало пациентов.

— Нет, — сказал Алекс. — Это Дороти.

Они с доктором взяли в городе напрокат верховых лошадей и отправились на прогулку, чтобы поразмяться. По воле случая они избрали именно ту дорогу, по которой поехали на пикник дамы.

— Какая Дороти? Наша Дороти?

Доктор относился к поклонникам Дороти, как, впрочем, и большая часть команды, правда, поклонялся он ей платонически, ведь Дороти вела себя так, что матросы и офицеры видели в ней скорее младшую сестренку, нежели женщину.

И тут они увидели, как девушка, уверенная, что никто за ней не наблюдает, спокойно пошла вглубь. Зашла по пояс и потом как бы прыгнула вперед, вылетев из воды и погрузившись в нее через полдюжины ярдов — таков был прыжок! Мужчины

искренне любовались ее грацией и силой, неожиданно увидев в Дороти новую, необычную и манящую черту.

Они придержали коней и медленным шагом приближались к месту купания Дороти.

Тут они заметили дам у домика и приветствовали их.

К тому времени Дороти отплыла далеко от берега, дамы ее не видели, и для них было неожиданностью, когда доктор Стренгл вдруг спросил у негра:

— А тут нет акул?

— Акула? — спросил негр, явно не имея представления, что значит это слово. — Много акула.

— Очень большие акулы, масса, — подтвердил охранник.

— Я этого и боялся.

Доктор сложил руки трубкой и принялся отчаянно кричать:

— Дороти, назад! Дороти! Здесь опасно!

Дамы никак не могли понять, куда и почему он кричит. Надо было присмотреться к волнам, угадать среди них черную горошинку — голову Дороти.

— Ей угрожает опасность, — заявил штурман, передавая повод от лошади охраннику и устремляясь к берегу.

И только тут Регина и мисс Вулвортс закудахтали, от волнения у Регины лопнула шнуровка корсета, и все окружающие смогли впервые лицезреть замечательные розовые дыни ее бюста.

Регина разрывалась между страхом потерять такую замечательную и нужную горничную и еще большим страхом, что из-за нее утонет штурман Алекс. И она не придумала ничего лучше, как побежать к берегу, увлекая всех за собой и крича охраннику:

— Так чего же вы! Акулы, акулы... Возьмите какую-нибудь лодку и плывите!

— Боюсь, что на десять миль вокруг вы не найдете ни одной лодки, Регина, — сказал доктор Стренгл. — Правда, я видел одну на горизонте, но докричаться до нее можно только с помощью пушки.

— Тогда найдите какое-нибудь бревно! — вконец рассердилась миссис Уиттли. — Скажите этим людям!

Охранник, в рукав которого она вцепилась, видно намереваясь оторвать его вместе с рукой, попытался вырваться, охваченный страхом, и пролепетал:

— Но я же не плаваю, мэм!

— Где здесь мужчина? — закричала Регина, видя, как голова Дороти пропадает среди волн. — Немедленно дайте мне мужчину!

Молодой штурман уже подбегал к воде. Пловцом он был посредственным, хоть и не беспомощным, но воды не боялся, потому что имение дяди стояло на берегу Вислы и детство он провел у реки.

Все остальные последовали за ним, но на некотором расстоянии, треугольником, словно стая перелетных птиц. Первым бежал Алекс, за ним, на некотором отдалении бежали, проваливаясь в песок, Регина и мисс Вулвортс, затем доктор, охранник, кучер и негр.

У воды Алекс начал раздеваться. Сбросил камзол, но в тот момент, когда принялся отстегивать гульфик у панталон, он замер, потому что как раз тогда его настигли остальные спасатели.

— Простите, мэм, — произнес, покраснев, штурман.

И тут до Регины, а уж тем более до мисс Вулвортс, дошел весь ужас их положения. Штурман начал раздеваться так, словно находился с ними в спальне, но вокруг сияло солнце, дул ветер, шумел океан и было много свидетелей.

Закрыв глаза руками, женщины резко отвернулись от штурмана и отбежали вверх по склону.

— Что вы делаете! Как вы смеете! — кричала на бегу Регина. — Сейчас же оденьтесь!

— Но тогда я не смогу плыть по океану, — возразил штурман, поддерживая панталоны.

— Это меня не касается. Спасайте ее, как желаете, и если вы при этом утонете, это ваше личное дело!

Но тут же, увидев, что штурман продолжает раздеваться, она замолчала, отвернувшись, но искоса поглядывая на него.

Убедившись в том, что он в безопасности, штурман, обнажившись до пояса и оставив на себе лишь нижние панталоны, вошел в океан.

Им овладела робость, но он понимал, что несколько пар глаз смотрят на него и уже поздно возвращаться обратно, сославшись на то, что вода холодна или слишком соленая для подвига. Поэтому, подождав, пока очередной вал достиг берега и закрыл его по пояс, потянув обратно к берегу, штурман упал животом вперед и, бешено заработав руками и ногами, помог отбегающей от берега волне подхватить себя и вынести в открытое море.

Алекс и не заметил, как оказался за пределами той ступени, от которой начиналось мелководье и о которую ударялись, разбивались волны, — вокруг было неровное, покрытое пологими волнами пространство. Вдруг штурман сообразил, что он потерял ориентацию и не знает, куда ему плыть дальше. Так как вода надежно держала его, куда лучше, чем в речке, штурман стал крутить головой, удерживая себя на плаву круговыми широкими движениями рук, и сразу увидел берег, голубые горы вдали и даже различил ставшие маленькими фигурки на берегу, которые собрались в кучку и пытались разглядеть, что же происходит в океане.

Значит, девушка находится в другой стороне. Но как отыщешь ее в волнах?

Не давая страху овладеть собой и воображению представить, как его уносит беспощадными валами в океан, в открытое море, штурман попытался представить себе, где же может быть Дороти, и сообразил, что Дороти находится напротив Регины и ее свиты.

Туда он и поплыл. А судьба благоприятствовала ему потому, что, утомившись купаться, Дороти не спеша поплыла к берегу.

Она первой увидела штурмана, очень этому удивилась и даже испугалась, потому что не ожидала увидеть купальщика-мужчину, особенно если учесть, что она была совершенно обнажена.

Тогда ее увидел и штурман и закричал:

— Что вы делаете! Здесь опасно! Здесь акулы!

— Что? — откликнулась Дороти. — Какие акулы?

Только тут она узнала штурмана. Ее страх и смущение усилились, потому что иной человек, допустим, доктор Стренгл, был бы просто мужчиной, а штурман был мужчиной особенным.

— Здесь опасно. Разрешите плыть с вами?

Они уже сблизились настолько, что можно было разговаривать, почти не повышая голоса.

— Я не разрешаю, — заявила Дороти. — Плывите один.

— Почему?

— Потому что вам отлично известно, что мужчины и женщины в приличном обществе вместе не купаются.

И тогда штурман понял, что девушка совершенно раздета. Совершенно!

— Но если приплывет акула?

— У вас с собой пистолет? — спросила Дороти. — Или сабля?

— Нет, зачем же?

— Ясно, вы разорвете ей пасть, как разорвал пасть льву Геракл, — сообщила девушка.

Штурман впервые увидел ее руки обнаженными... и плечи, и то место, где плечи переходят в грудь...

— Да плывите вы вперед! А то потом в жизнь от сплетен не избавлюсь!

Штурман понял, что девушка права, но горе было в том, что он уже устал и с каждой секундой его тело, непривычное к плаванию среди волн, все более требовало покоя. Он подавил в себе волну страха и сказал:

— Вы правы, я поплыву чуть впереди, но дайте мне слово, что будете плыть следом.

— А я уже плыву следом, — сказала Дороти.

Она вовсе не сердилась на штурмана. Ведь ради простой горничной он кинулся в океан, понимая, если он не последний идиот, что убить акулу он не сможет, но все же был готов рисковать собой.

Ею овладело непонятное веселье, даже озорство, и мысль о

том, что молодой человек знает, что она обнажена, и взволнован этим, ей была сладка и щекотна.

Дороти широко разводила руками и, заводя их за спину, совершала как бы прыжок вперед, почти по пояс выходя из воды, и ей хотелось бы, чтобы штурман обернулся, но он не оборачивался.

Зато, сложив вместе руки впереди, Дороти увидела, как сверкнул камешек в ее колечке. И она поняла, что он значительно потемнел. Сначала она даже решила, что изменение цвета связано с тем, что камешек мокрый, но камень все темнел и темнел, из розового превратившись в черный.

Где-то близко была опасность! И она приближается.

Дороти оглянулась. Океан был пуст. Лишь далеко у горизонта виднелись косые паруса рыбачьих лодок.

Дороти хотела окликнуть штурмана, но не решилась — ей казалось, что он плывет из последних сил и лучше его не сбивать.

А штурман и на самом деле боялся сбиться с дыхания, а сердце билось слишком часто, вот-вот выскочит из груди. Он уговаривал себя, что береговая линия приближается, хотя вовсе не был в том уверен.

Как Алекс думал потом, скорее всего, он бы утонул в тот день, если бы не польский гонор, гордыня, не позволившая ему пойти ко дну у берега Южной Африки.

Он плыл по-мальчишески, далеко выбрасывая вперед руки и поднимая больше брызг, чем следовало, отчего все более уставал. Дороти же держалась чуть сзади, она плыла, разводя руки в стороны, подобно лягушке, и могла так проплыть много миль, почти не утомившись. А так как воду и море она любила, то вода была ее другом, и если в самом деле усталость вдруг овладевала ею, то Дороти переворачивалась на спину и отдавалась воле волн.

Она видела, что Алекс плывет энергично, резко машет руками, так что вначале она за него не беспокоилась, даже позавидовала мощи и резкости мужских движений. Но чем ближе они подплывали к берегу, тем резче, неровней и как-то судорожней становились гребки Алекса, и вдруг Дороти с ужасом

поняла, что он плывет уже из последних сил. И испугалась, что не сможет вытащить его на берег, если что-то случится.

И в тот момент, когда Дороти испугалась за штурмана, сердце ее перевернулось, и в нем поселилось чувство к молодому человеку.

...Впереди, уже в ста ярдах, волны разбивались о стену берега и дальше крутыми белыми валами неслись, уменьшаясь, по песку мелководья. Именно там и было труднее всего плыть.

Неизвестно, чем бы завершилось это купание, если бы в дело не вмешалась третья сила — совсем недалеко Дороти вдруг увидела черный треугольник, словно вырезанный из чугуна. Треугольник поравнялся с пловцами, обогнал их и начал делать круг, как бы отрезая их от полосы прибоя.

Дороти не сразу догадалась, что это такое.

— Смотри! — крикнула она Алексу.

Тот понял, что их все же настигла акула — безжалостное чудовище океана, и надежд добраться до столь близкого уже берега почти не осталось.

— Скорее! — крикнул он. — Скорее, я тебя закрою. Это акула!

Треугольник высотой в два фута несся по кругу, разрезая воду и не оставляя за собой белой полосы, настолько он был приспособлен природой к этой цели. Теперь он уже мчался обратно, навстречу им, будто намеревался разрезать их так же, как разрезал волны.

Перепугавшись, Дороти поплыла быстрее и стала настигать штурмана, что тому и требовалось, потому что ему хотелось только одного — чтобы девушка успела добраться до белых бурунов, суливших спасение.

Акула на этот раз прошла совсем рядом с людьми, но треугольник был виден, и это успокоило Алекса, который знал, что акуле, чтобы схватить добычу, приходится переворачиваться на спину, ибо ее пасть расположена в нижней части головы. И до тех пор, пока плавник виден, остаются надежды.

Откуда только силы берутся у человека!

Когда акула наконец решилась на нападение и начала настигать их сзади, когда плавник вдруг исчез, что означало, что

акула уже перевернулась и готова схватить жертвы, штурман настиг перепугавшуюся Дороти, которая изменила своему стилю плавания и отчаянно лупила руками по воде, почти не продвигаясь вперед. Штурман обхватил одной рукой плечи Дороти и потянул ее за собой, сам пригребая только одной рукой — силы не только вернулись к нему, но и удесятерились.

И в тот момент, когда акула уже готова была схватить Дороти (хотя не исключено, что акула просто развлекалась и кушать ей не хотелось), вал, несший молодых людей, ударился о склон берега, закрутил их и потащил вперед, словно муравьишек.

Акула развернулась, и ее плавник, вновь показавшийся над волнами, стал медленно удаляться в сторону открытого моря, тогда как героев нашей повести волны выкинули на берег, захлебнувшихся, избитых и почти потерявших сознание.

Мужчинам, которые вбежали в воду, чтобы вытащить Дороти и Алекса, пришлось под руководством доктора делать пловцам искусственное дыхание, в чем, правда, не было нужды, ибо через минуту-две оба пришли в себя и принялись кашлять, корчиться на песке, выплевывая соленую воду. Прошло еще минут пять, прежде чем Дороти услышала, а главное, осознала, что ее хозяйка страшно сердится на нее за то, что она полезла в море, чуть не утонула и не попала на зуб акуле, а главное, что она чуть не утопила такого славного джентльмена и дворянина, как мистер Фредро, и сделала это, чтобы насолить хозяйке!

Регина была настолько сердита, что даже не сообразила, что ее горничная лежит на песке обнаженная, словно русалка или наяда, но доктор Стренгл снял с себя сюртук и прикрыл наготу девицы, прежде чем она очухается настолько, чтобы одеться и привести себя в приличный вид.

Что и случилось, как только Дороти пришла в себя.

А вот штурман Алекс, который уже сидел на песке, смог увидеть Дороти в виде наяды, насладиться этим прелестным зрелищем и был благодарен судьбе не только за то, что она спасла их, но и за зрелище, которое предстало его глазам.

Когда вечером они возвратились в Кейптаун — доктор и штурман на борт «Глории», а женщины в Компанейский дом,

Дороти была слаба и попросила у Регины разрешения лечь. Та разрешила. Гнев ее уже миновал, да и происходил он не от нелюбви к Дороти, а, наоборот, от страха ее потерять. К тому же миссис Уиттли гордилась своим проявленным хладнокровием и предусмотрительностью и была уверена в том, что не прикажи она мужчинам спасти ее горничную, никто бы не успел ей на помощь.

Дороти заснула еще засветло, спала она долго, просыпалась в поту, вставала, пила воду и ложилась вновь. Госпоже пришлось самой раздеться и лечь спать, впрочем, та не сердилась.

Когда Регина заснула, ей снился полуобнаженный штурман Алекс, лежащий на песке.

Штурману снилась Дороти в образе наяды, и он вновь обнимал ее за плечи, спасая от опасности.

А Дороти снился треугольник акульего плавника.

Если бы под рукой оказался настоящий психоаналитик, он бы сделал вывод, что в образе плавника выступают опасности, которые окружили Дороти и ее подстерегают.

* * *

На следующий день госпожа разговаривала с Дороти сквозь зубы и велела отдыхать.

Дороти не обижалась — она была сама во всем виновата и понимала, что, не поплыви к ней штурман, вряд ли она лежала бы на войлочном матрасе в этой уютной голландской комнатке. Ее постелью было бы дно океана.

Воспользовавшись свободой, Дороти занялась штопкой и переделкой своих вещей, а после сытного обеда на кухне со слугами, половина из которых были черными, она решилась все же спросить у Регины разрешения сходить в город, благо торговая улица была недалеко, и купить кое-что из необходимых для путешествия вещей — на судне из-за того, что стирать приходилось соленой водой, вещи быстро приходили в негодность.

Дороти понимала, что после вчерашнего Регина могла запретить ей выход в город, поэтому шла по коридору осторожно, стараясь не шлепать домашними туфлями, а перед гостиной, выделенной для Регины хозяевами, остановилась, не решаясь постучать в дверь, — как бы не побеспокоить хозяйку, если та не одна.

Так и оказалось.

Регина разговаривала с каким-то мужчиной, и голоса неясно проникали сквозь закрытую дверь. Все же Дороти могла разобрать, о чем шла речь, и любопытство заставило ее прислушаться.

— Но не лучше ли им было ехать по берегу? — спросила Регина.

— Вы не совсем понимаете, — ответил хрипловатый мужской голос. — Бухта Бичхэд отстоит от Кейптауна на сто миль. Добираться туда по узкой и плохой дороге... Да вы же сами испытали на себе одну из местных дорог.

— У нас есть и похуже, — ответила Регина.

— Скакать четыре часа по такой дороге, да какие четыре — все шесть! — и обратно. Это нелегко и порой опасно. Там встречаются шайки беглых негритянских рабов.

— Но почему они не выбрали место поближе к городу?

— Потому что это слишком опасно. Места ближе к Кейптауну населены, и посланца могли заметить. У них все продумано, мэм. Это дьявольски хитрые паписты и революционеры!

Дороти подумала, что собеседник ее госпожи имеет в виду французов, потому что к революционерам можно было отнести американцев, но к тому же в папизме обвинить можно было лишь французов, и это было забавно, потому что даже Дороти знала, что во Франции отрубили голову королю, а монахов и священников казнят почем зря. «Но раз французы наши враги, — понимала Дороти, — то в глазах патриота они должны быть и папистами, и антипапистами».

— Говорите, — произнесла Регина. И Дороти, уже знавшая госпожу, поняла, что человек, с которым она беседует, ей неприятен.

— Когда корсар или французский фрегат проходит мимо Капеской земли, он не может зайти в Кейптаун, ибо мы его контролируем! Но в ста милях к востоку они подходят к берегу

в бухте Бичхэд, высаживают людей, те берут послание о том, какие английские корабли и когда прошли мимо мыса Доброй Надежды. Разбойники получают возможность настичь беспомощное судно и предательски потопить его.

— Значит, они посылают лодку из Кейптауна...

— Да, у них свои лодки! И лишь вчера двое из них были арестованы у выхода из порта, и на борту их бота было найдено сообщение. Теперь вы понимаете, насколько важен мой визит?

— Я не совсем понимаю связь между событиями, — ответила Регина.

— Что может быть проще! — Слышно было, как мужчина отодвинул стул, поднялся и, стуча каблуками по каменному полу, прошел к двери.

Дороти чутьем поняла, что он сейчас откроет дверь, и кинулась прочь.

Но она не успела спрятаться за угол, как в спину ей прозвучал сухой властный голос полковника Блекберри:

— Остановитесь, бесстыжая! Я подозревал вас в том, что вы подслушиваете секретные разговоры, но теперь в этом убедился. А ну, идите сюда!

Дороти, как загипнотизированный мышонок, пошла к полковнику.

Из открытой двери на шум выглянула Регина.

— Дороти? — искренне удивилась она. — Ты что здесь делаешь? Ты подслушивала?

— Клянусь, нет, мэм, — искренне ответила Дороти. — Я хотела только попросить вашего разрешения выйти в город, но когда подошла к двери, то услышала, что вы не одни. И пошла прочь. И тут дверь открылась, и господин Блекберри закричал на меня.

— Лжет! — закричал полковник, и его серое лицо внезапно побледнело от непонятной ненависти к Дороти. — Всегда врет!

Ненависть заставила вздрогнуть Регину, но, когда дело касалось ценных для нее вещей, в Регине просыпалась рачительная хозяйка, а полковник об этом не знал, потому что не

умел заглядывать в души, и в этом была его слабость, которая его в конце концов погубит.

— Я верю тебе, Дороти, — царственным голосом произнесла миссис Уиттли и жестом приказала Дороти войти в гостиную. — Очень хорошо, что ты к нам присоединилась. Господин полковник рассказывает очень интересные истории, которые касаются и тебя. И лучше, чтобы ты присутствовала при этом.

— Я не намерен говорить в присутствии прислуги! — взъярился полковник.

— Тогда вы не будете говорить совсем, — ответила Регина. — И весь ваш пыл пропадет даром. И не советую бежать жаловаться капитану Фицпатрику. Уверяю вас, что он получил указания моего свекра и Компании в целом подчиняться моим приказаниям как последней инстанции. Вы можете это проверить.

— Вы не являетесь...

— Являюсь, мой дорогой, являюсь. И не тратьте времени даром. Ваш покровитель, сэр Чарльз, далеко, и вряд ли на борту найдется больше чем два-три ваших человека. Я смогу вас всех здесь оставить!

Полковник проглотил слюну. Он был все так же бел и гневен, но заставил себя смириться, чем вызвал у Дороти еще больший страх. Потому что стал подобен змее, которая отползает от занесенного над ней каблука, чтобы завтра ужалить босую ногу.

После длительной паузы, за время которой, подчиняясь жесту Регины, Дороти отошла к камину и стояла теперь лицом к полковнику и хозяйке, Регина произнесла:

— Говорите, полковник. С самого начала. Чтобы Дороти поняла, о чем речь.

— Она и без этого понимает.

— Не уверена. Так что потратьте несколько лишних фраз.

— Хорошо. Я повторю. Но повторю для вас, миссис Уиттли. Чтобы вы осознали всю серьезность положения.

Полковник говорил, не спуская глаз с Дороти, будто ожи-

дая, что она не выдержит, падет на колени и закричит: «Виновата я!»

Но этого не случилось, потому что Дороти, наконец-то поняв, о чем шла речь, пока она подслушивала под дверью, сознаться не могла, будучи ни в чем не повинной.

— Сегодня в порту задержаны два французских шпиона, — сообщил полковник. — Под видом рыбаков они выходили в море в бухте под названием Бичхэд. Туда они еженедельно отправлялись на скоростном боте, в условленном месте оставляли сведения для французских корсаров, какие английские корабли следуют мимо мыса Доброй Надежды. Эти сведения помогали корсарам и приватирам выслеживать наши корабли, грабить их и топить.

Регина кивала, словно повторяла выученный урок, а Дороти старалась не встречаться глазами с инквизиторским взглядом полковника.

— Что же мы видим в свете этой опасной обстановки, когда наш рейс должен проходить в полной тайне, а Индийский океан буквально кишит французами? — спросил полковник.

— Что? — невольно спросила Дороти.

— Мы видим одну девушку, горничную миссис Уиттли, которая, в отличие от всех нормальных девушек Великобритании, обучена бесстыже обнажаться...

— Полковник, полковник... — подняла узкую ладонь Регина. — Успокойтесь, вы не на суде.

— Простите, но я возмущен и с трудом владею своими чувствами! Факты — упрямая вещь! Эта предательница кидается в океан, чего не сделала бы на ее месте ни одна порядочная девушка... Причина заключается в том, что в море ей надо встретиться с ботом французских шпионов, чтобы сообщить им о плавании «Глории».

— Куда я плыву? — не поняла Дороти.

— Там были видны паруса?

— Где?

— В океане были видны паруса. Я снял на этот счет показания охранника и кучера. Были паруса! И, уплывая в океан, ваша горничная спешила сообщить шпионам, что «Глория» и

«Дредноут» уже в порту. К счастью, акуле удалось остановить ее продвижение.

— Простите, — вдруг перебила полковника Регина, которой нельзя было отказать в своеобразном чувстве юмора. — Это вы послали акулу навстречу Дороти?

Около минуты полковник переваривал смысл вопроса, а когда понял, то неожиданно густо покраснел и отрезал:

— Здесь не место для шуток!

— Простите, сэр, — не выдержала Дороти. — Но что я могла сообщить, плывя по океану и даже, честно говоря, не видя никаких парусов...

— Я тоже не помню парусов, — согласилась с ней Регина.

— Вы могли сообщить им, что наши корабли стоят в порту.

— Так же, как любой житель Кейптауна, — заметила Регина.

— Но ваша горничная могла сообщить о грузе корабля, о числе матросов, о морской пехоте, о том, что... Шпионы всегда найдут, о чем сообщить.

Наступила тишина. Дороти понимала, что любые ее попытки оправдаться будут ложно истолкованы. Она молчала, и молчание прервала Регина:

— Простите, но мы с Дороти сегодня ездили к западу от города, тогда как упоминаемая вами бухта находится к востоку.

— Значит, есть другая бухта.

— Но этих самых французских шпионов поймали в порту! Когда же они успели совершить такое путешествие?

— А почему вы решили, что речь идет о тех же самых шпионах? Может, их здесь сто.

Регина пожала плечами, сдаваясь.

— Дороти, — спросила она, — ты действительно бросилась в океан и поплыла к какой-то лодке, чтобы сообщить им, сколько пушек у «Глории»?

Тон и подбор слов выказывали сторону, на которой стоит в этом споре госпожа Уиттли.

— Нет, госпожа, — ответила ей в тон Дороти. — К сожалению, я никогда бы не сообразила подсчитать, сколько пушек у «Глории».

— В чем-то мы с тобой похожи, — вздохнула Регина. — Но

теперь ты видишь, к чему может привести легкомыслие. Не полезла бы ты в воду, не пришлось бы штурману спасать тебя...

— Кстати, а почему там же оказался штурман Фредро и почему он тоже поплыл по направлению к шпионской лодке? — спросил полковник.

— А я надеялась, что он спасал меня от акулы, — сказала Дороти.

— Знаешь, порой я жалею, что акула тебя не сожрала, — сказала всерьез Регина. — Хоть мне и трудно пришлось бы без хорошей горничной, зато не было бы этих допросов.

— Вы бы нашли здесь другую. Здесь есть очень хорошие горничные, — обиженно ответила Дороти.

— Ну ладно, ладно...

— И единственным приятным воспоминанием, — упрямо продолжала Дороти, — был сам миг спасения. Господин Фредро был настоящим рыцарем.

— Прочь! — закричала Регина. — Ты мне надоела со своими вечными намеками!

Склонив голову, Дороти пошла прочь из комнаты, забыв спросить разрешения выйти в город, и уж решила, что ей это никогда не удастся.

Закрыв за собой дверь, она все же задержалась у нее еще на несколько секунд.

— В последний раз я официально предупреждаю вас, — был слышен голос полковника. — Вы должны оставить свою горничную в Кейптауне. Слишком рискованно брать ее с собой далее.

— Как только она снова бросится в море, я вам сообщу, полковник. Вы что-то еще хотели сказать?

— Я хотел сказать, что доложил обо всем капитану Фицпатрику как старшему офицеру эскадры, а также направляю письмо в Компанию с подробным докладом о случившемся.

— Вернее, о ваших фантазиях, полковник.

— Называйте их как хотите.

— Мне также помнится, — сказала Регина, — что мой отец уже просил вас в Лондоне несколько умерить полицейский пыл.

— Я защищаю интересы Компании.

— Мы все их защищаем.

— Разрешите идти?

— До свидания, полковник. Я была счастлива провести с вами эти полчаса... — Голос Регины стал сладким.

Дороти поспешила прочь.

А через пять минут Регина сама пришла к ней в комнату.

— Я знаю, что он нес чепуху, — сказала она, входя и садясь на единственный стул у кровати. Дороти вскочила и стояла рядом. — Если бы ты хотела шпионить, ты бы нашла в десять раз больше возможностей поговорить с французами в городе, чем прыгать для этого в океан. Тем более что время и место прогулки выбирали без твоего участия. Но я не стала говорить об этом знаменитому сыщику. Пускай резвится — а вдруг найдет что-нибудь полезное? Цепные псы неприятны, но нужны каждому суверену. Кстати, зачем я к тебе пришла?

— Вы пришли спросить, почему я подслушивала у вашей двери.

— Но ведь такого раньше за тобой не замечалось?

— Я шла к вам спросить, нельзя ли мне выйти в город. Мне надо купить сукно и немного ситца — я хочу сшить...

— Великолепная идея! Я составлю тебе компанию. Мы с тобой славно пробежимся по магазинам, может быть, в последний раз за много-много месяцев. Беги, вели заложить экипаж, а я пока оденусь.

— Как хорошо! — Дороти не могла сдержать радости — и не только потому, что сбылось ее желание, но и потому, что хозяйка более не сердилась на нее.

Улыбаясь, Регина направилась к двери, но в дверях остановилась и направила на Дороти похолодевший взгляд.

— Тебе понравилось, что он обнимал тебя в воде? Совершенно голую?

— Он не обнимал, госпожа, он только спасал меня, тянул к берегу.

— Он прижал тебя... Впрочем, это меня не касается. Но, если ты позволишь штурману что-нибудь подобное на корабле или на суше, я тебя сдам в руки полковнику с личной запис-

кой, что видела, как ты продаешь секреты нашей «Глории» французским шпионам. Тебе все ясно, моя милая?

— Мне ясно, — согласилась Дороти. Гнев Регины был столь велик, что грудь ее судорожно поднялась и шнуровка корсета с треском разлетелась. — Мне ясно, — покорно повторила Дороти, стараясь не улыбнуться.

— И не смейся! — приказала миссис Уиттли. — У меня самая красивая грудь в Лондоне! Ты об этом, может, и не слышала...

— В нашем квартале об этом не рассказывали, мэм, — робко ответила Дороти.

— Да я тебе... — Тут чувство юмора возобладало над спесью миссис Уиттли, и она расхохоталась. — Представляю... представляю, как у вас в квартале обсуждают мой бюст!

И, продолжая смеяться, она покинула комнату Дороти.

* * *

Небольшие французские порты Дюнкерк и Сен-Мало были родиной многих французских пиратов, но самым знаменитым из них стал Робер Сюркуф, который пиратом не был, а считался благородным корсаром. Для читателя, который незнаком с пиратской вольницей, надо объяснить, что пиратом назывался вольный хищник морей — все, что он хватал, отнимал или крал, принадлежало только ему и его команде. И относились к пирату как к обыкновенному разбойнику. Если попадался, чаще всего его отправляли на виселицу. Корсары появились позже, это были государственные служащие, поскольку они служили государству. Правда, служба эта была довольно условной — корсар сам снаряжал корабль, затем подписывал договор с властями о том, что он будет преследовать, грабить, топить и захватывать торговые корабли, принадлежащие враждебным государствам, а за это будет получать долю в награбленном, а также пользоваться всеми правами гражданина своей страны, ее портами, а если нужно, и военной помощью фрегатов. Больше всего корсаров развелось в Атлантическом океане, где они подстерегали испанские и португальские корабли, что везли из колоний серебро,

золото и всяческое добро в Европу. Порой из корсаров получались знаменитые путешественники и открыватели новых земель. Таким был, например, английский национальный герой Фрэнсис Дрейк, обошедший на «Золотой лани» вокруг света, но по пути потопивший и ограбивший немалое число испанских кораблей.

После революции 1789 года Франция принялась воевать со всей остальной Европой. Можно точнее сказать, что вся Европа набросилась на революционную Францию. Шла эта война и в колониях, шла она в Индии, где были английские и французские порты и фактории. К тому же в войну вмешалась и Голландия, оккупированная французами, а голландцы владели крепостями в нынешней Индонезии и на островах Пряностей. Все воевали со всеми, и Индийский океан стал опаснейшим местом для мореплавания. Даже невероятные размеры этой чаши, наполненной водой, не спасали мореходов, ведь пути по океану, как дороги через лес, были сравнительно узкими — их диктовали ветры и течения, а также время. В любом случае надо было на пути из Европы обогнуть южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды, затем взять курс к северо-востоку, миновать остров Мадагаскар и держать путь к Калькутте или Мадрасу, если ты англичанин, к острову Реюньон или Пондишери, если ты француз, к Батавии, если ты голландец. А по пути тебя подстерегали хищники, будь ты беспомощным жирным барашком или даже могучим, снабженным рогами и копытами, но травоядным животным...

Родители Сюркуфа были состоятельными буржуа, но богатство было нажито не в лавке, а в военных походах, плаваниях и путешествиях — это была морская семья. А дедушка его даже корсарил у берегов Перу.

Мальчику хотели дать солидное образование, чтобы он стал адвокатом или судьей, но он был непоседлив и в пятнадцать лет упросил отца отпустить его юнгой на «Авроре», торговом корабле, который занимался, как оказалось, самым грязным из торговых дел — перевозил из Африки на остров Бурбон в Индийском океане черных рабов.

Погрузив на борт шестьсот рабов, купленных у одного из

нигерийских царьков, «Аврора» обогнула Африку и попала в шторм неподалеку от острова Мадагаскар. После двух дней борьбы со штормом корабль сел на камни. Шлюпки были только для команды. Чтобы рабы не суетились и не прыгали с тонущего корабля в воду, их заперли понадежнее в трюме и отплыли к берегу. Когда шторм кончился, капитан и несколько матросов вернулись к кораблю, который, оказывается, так и не затонул. Взобравшись на борт, они открыли люки, и в лицо ударило страшным смрадом — все рабы задохнулись. Так началась морская школа Робера Сюркуфа.

Еще два года он проплавал на невольничьих судах, постиг все тонкости перевозки негров и понял, что ему пришла пора выходить в самостоятельное плавание. В семнадцать лет Сюркуф вернулся домой и уговорил родственников помочь ему купить небольшой бриг «Креол», снабдить его командой и провиантом и отправить к берегу Африки. И семнадцатилетний капитан тут же закупил столько рабов, сколько могли вместить трюмы «Креола».

Все было бы хорошо, но шел уже 1792 год, и конвент Франции в борьбе за свободу и равенство запретил рабство и работорговлю на французских территориях. Запретить-то запретил, но не рассказал французским плантаторам на Бурбоне, который вскоре станет Реюньоном, ибо первое название отдавало монархизмом, как им обойтись без рабов. В результате работорговля продолжала процветать, только цены на рабов поднялись. Но тут в дело вмешались англичане. Не потому, что они были сторонниками равенства и братства больше, чем французские революционеры, а потому, что они воевали с Францией и показаться борцами за свободу было весьма выгодно. Так что английские фрегаты начали охоту на французских работорговцев возле Африки и в Индийском океане. Несколько французских кораблей было остановлено, и рабы были отвезены к берегам Африки и отпущены там на волю. Правда, никто не стал спрашивать у рабов, в какой части Африки они жили раньше. И складывалась дикая ситуация, как если бы невольника, захваченного в Крыму, высаживали в Италии. А дальше что? А дальше незнакомые жители незнакомой страны в лучшем случае получали новых рабов и начинали ими торговать, а в худшем, может, и съедали.

Положение на Реюньоне изменилось в 1794 году. Новый губернатор, вернее, комиссар, присланный туда из Парижа, был идеалистом и противником работорговли. Он вызвал к себе капитанов всех стоявших в порту судов и приказал им менять профессию. Некоторые подчинились и занялись перевозкой пряностей. Другие решили уйти в корсары или сменить место своих похождений, а Сюркуф спокойно приказал своим головорезам поднимать паруса и совершил еще один рейд к тропической Африке.

Правда, он не был дураком и, когда возвращался к Реюньону, лег в дрейф в условленном месте, не доходя до порта, и по договоренности с благодарными плантаторами, у которых на плантациях негры мерли как мухи, ссадил живой товар в шлюпки. Потом спокойно направился в порт.

Было раннее утро, капитан лег спать, но тут на корабль нагрянул сам губернатор с преданными ему соратниками. Они тут же полезли в трюмы, и не надо было быть о двух головах, чтобы догадаться, что корабль только что освободился от рабов — на нарах остались кандалы, которыми крепился товар, а в проходе стояли котлы для риса — единственной пищи рабов. Комиссар революционной Франции торжествовал — наконец-то он поймал самого упорного из работорговцев.

Сюркуф предложил комиссару и его спутникам позавтракать вместе, но комиссар был непреклонен. Он был намерен составить акт о конфискации корабля.

Сюркуф пожал плечами.

Он провел их к себе в каюту, туда принесли бумагу и чернила, и началась долгая процедура, в которой капитан отстаивал каждый пункт так, словно ему важнее было протянуть время, чем добиться победы в споре. Наконец через час акт был готов, и Сюркуф покорно подписал его.

— Теперь вы сядете в мою шлюпку, — сообщил комиссар, — и проследуете в тюрьму.

Без единого слова Сюркуф поднялся на палубу.

Корабль был в открытом море...

За время, пока составлялся акт, матросы успели поставить паруса и вывести корабль за пределы действия береговых батарей.

Когда комиссар потребовал объяснений, двадцатилетний работорговец ответил, что «Креол» держит курс к Африке, где он намерен высадить комиссара, чтобы он пожил среди черномазых, которых столь рьяно защищает. Но если комиссар не хочет такой судьбы для себя, то он должен взять обратно все обвинения против Сюркуфа да еще собственноручно разорвать акт, обвиняющий Сюркуфа в работорговле.

Комиссар сопротивлялся несколько часов, надеясь, что его хватятся и Сюркуфа догонит военный фрегат. Но надежды были пустыми и таяли с каждой секундой — отыщи корабль в просторе океана, если неизвестно, куда на самом деле держит путь «Креол». Наконец комиссар капитулировал, Сюркуф возвратил его на Реюньон, и дело было закрыто.

Но Сюркуф понимал, что его выгодная карьера работорговца завершается. Ему может еще раз повезти, и он привезет еще триста рабов. Но комиссар уже будет ждать его на фрегате и сделает все, чтоб Сюркуф не вышел живым из тюрьмы.

Но что делать?

Становиться корсаром. Пиратом на службе республики.

Сюркуф понимал, что если он обратится к комиссару за патентом, разрешающим от имени республики охоту за английскими торговцами, тот никогда ему такого патента не даст. Как лицу, доверия не достойному.

Сюркуф сделал иначе.

Он продал вместительный тихоходный «Креол» и вместо него купил небольшую стремительную «Скромницу», вооруженную четырьмя шестифунтовыми пушками. Команда «Скромницы» едва насчитывала тридцать человек, но молодцов Сюркуф отобрал из проверенных и преданных ему матросов. Сюркуф объявил, что идет на Сейшельские острова за грузом черепашьих панцирей, а сам пошел к северо-востоку, надеясь перехватить какого-нибудь богатого англичанина.

Только через месяц удалось настичь и захватить небольшое английское судно «Пингвин», которое везло груз ценного

тикового дерева из Бирмы в Индию. Сюркуф захватил «Пингвина», загнал команду в трюм, а на борт перевел призовую команду, чтобы она доставила трофей на Реюньон. После этого ему попался голландец, груженный рисом, а у Калькутты Сюркуф захватил лоцманский бриг, крепкое быстроходное судно, на который он и перешел со своей командой, переименовав его в «Картье» — в честь французского мореплавателя.

В порт Реюньона Сюркуф пришел следом за высланными вперед трофеями, сопровождая еще два захваченных корабля. Но в тот же день ему был объявлен приказ комиссара — так как он действовал без патента, все его призы конфискуются, включая и корабль, на котором он прибыл. В случае выражения недовольства гражданином Сюркуфом он будет арестован и казнен как простой пират.

Сюркуф не жаловался. Он тихо дождался первого же попутного корабля, на котором отплыл во Францию, пока комиссар и чиновники делили выручку от продажи добычи Сюркуфа.

К счастью для Сюркуфа, правившая Францией Директория нуждалась в отважных корсарах, сведения о подвигах Сюркуфа обогнали его, а комиссара было пора менять — время революционеров и идеалистов кончилось. Так что Сюркуф получил во Франции колоссальную сумму — 27 тысяч ливров как его долю за стоимость товара на захваченных им кораблях. А пока шло разбирательство, Сюркуф жил дома, влюбился в местную красавицу Мари Блэз, обручился с ней и, рассчитавшись полностью с казной, снарядил замечательную «Клариссу». «Кларисса» была специально построена для Сюркуфа, она была невелика, но могла обогнать любой иной корабль в Индийском океане, вооружена четырнадцатью двенадцатифунтовыми пушками, то есть могла сразиться и с военным фрегатом, а в кубриках — в тесноте, да не в обиде — разместились сто сорок опытных моряков из Сен-Мало.

В 1799 году, когда «Кларисса» взяла курс в Индийский океан, Сюркуф уже не был самым юным работорговцем морей, ему исполнилось двадцать пять лет, из которых десять он провел в море. Он казался старше своего возраста. Это был

плотный, ниже среднего роста человек, говорят, немного похожий на генерала Бонапарта, волосы подстрижены короткой челкой, лицо тяжелое, круглое, нос короток, а веки глаз всегда чуть опущены, отчего казалось, что Робер — человек, равнодушный ко всему и даже сонный. Но это была лишь маска. С одинаковым выражением лица он мог отправить на рею непокорного раба или прийти на свидание к Мари. Говорят, что он никогда не улыбался, хотя любил танцевать на вечеринках и был неплохим наездником, для чего держал в Сен-Мало лошадей.

Вот таким был капитан «Клариссы», которая обошла мыс Доброй Надежды за две или три недели до появления там «Глории» и «Дредноута». У бухты Бичхэд Сюркуф спустил шлюпку, чтобы взять в условном месте письмо от шпионов в Кейптауне, но в письме ничего интересного не сообщалось. Тогда он взял курс на остров Реюньон, что лежит в самом центре Индийского океана, но не спешил. Ему не хотелось появляться на Реюньоне на новом корабле без добычи. Поэтому он задержался у Мадагаскара в надежде, что узнает о прохождении английских кораблей. Если ничего не попадется, он возьмет восточнее, чтобы подежурить на самой оживленной дороге между Кейптауном и Индией. Он не спешил. Он был терпеливым рыболовом.

Так что вышедшие на две недели позже из Кейптауна «Глория» и «Дредноут», продвигаясь к северо-востоку, с каждым днем все более сближались с корсаром. Точнее, сближалась «Глория», так как долгий шторм со снегом и дождем южнее Мадагаскара разогнал корабли, и когда погода установилась, никаких следов «Дредноута» найти не смогли. Капитан Фицпатрик был готов к такому повороту событий, рандеву было согласовано, так что никто не придал значения этой разлуке. Тем более что «Глория» была достаточно хорошо вооружена и имела довольно сильную команду, чтобы отогнать любого пирата.

* * *

— Я не думаю, что полковник Блекберри намерен тебя убить, — сказала как-то Регина, когда они с Дороти, словно две подружки, пили чай в каюте. — И все же я бы не подходила к фальшборту, не оглянувшись, кто стоит у тебя за кормой.

Регина выучила несколько морских слов и теперь щеголяла ими перед горничной. Той было неприятно слышать этот самый «фальшборт», потому что Дороти была уверена, что научил хозяйку морским словам именно Алекс, который стремился к миссис Уиттли. По крайней мере Регина этого не скрывала.

Дороти была несправедлива к штурману, он как мог сопротивлялся встречам с миссис Уиттли и обучению ее морской навигации. И не потому, что старался сохранить верность Дороти — честно говоря, это еще не приходило в голову штурману; но потому, что боялся, что не сможет устоять перед абордажем, на который его брала миссис Уиттли. Он старался не поддаваться, но не мог не поддаться холодной страсти ее светло-серых глаз и, главное, движениям двух вулканов, расположенных у нее над талией. И, наверное, устремления Регины давно бы увенчались успехом, если бы не кажущееся Алексу ее сходство с птицей и подозрение, что во время любви Регина больно клюется носиком.

Впрочем, и это не было главной сдерживающей причиной. Главное заключалось в том, что штурман Фредро по натуре своей был разумным человеком, желавшим стать капитаном компанейского корабля, а любой роман на корабле, находившемся в открытом море, неизбежно становился известен всем на борту, а значит, как только «Глория» бросит якорь в Калькутте или Рангуне, этот секрет Полишинеля станет очевиден всем, включая мистера Уиттли-младшего и прочих влиятельных лиц. А с сомнительной национальностью Алекса этого довольно, чтобы закрыть все надежды на карьеру на английском торговом или военном флоте.

Дороти об этих мыслях штурмана не догадывалась, а потому преувеличивала близость штурмана и миссис Уиттли, а следовательно, ею все больше овладевала ревность, которая, в

свою очередь, подталкивала чувство любви. Пока мы ревнуем, любим. Уход ревности — верный признак того, что любовь собирает вещи.

После отплытия из Кейптауна полковник Блекберри ни разу не подошел к Дороти, но порой она ловила холодный глаз кобры, изготовившейся к прыжку, а ее колечко поспешно темнело, даже чернело, если полковник оказывался случайно поблизости. Тогда Дороти прикрывала ладонью правой руки колечко, словно боялась, что полковник увидит, как камень меняет цвет, тревожно предупреждая девушку.

Поэтому, приближаясь к фальшборту, Дороти оглядывалась, но прежде она глядела на камешек — тот никогда не уставал подсказывать ей, есть ли рядом кто-то из врагов. А их было трое: сам полковник и двое его подручных, которые были включены в состав команды. Один — помощником плотника, второй числился кононром. Но это было лишь видимостью, любой на «Глории» знал, что на самом деле это служки безопасности Компании, шакалы полковника, но трогать их не смели, да и сами служки на корабле вели себя тише воды.

— Он пришел ко мне вчера, представляешь, какая наглость! — продолжала Регина, отхлебывая чай, точно как это делают голубки, погружая в него вытянутые губки и замирая, чай поднимался из чашки по канальцу в глотку, потом, наглотавшись, Регина резко закидывала голову вверх, помогая чаю перетечь в желудок. — Он не может изжить ненависти к тебе. Он сказал, что если он увидит на горизонте вражеский парус, то первым делом выкинет тебя за борт.

— Но почему? Почему?

— Он все еще думает или хочет думать, что ты передала сведения о «Глории» французам. Ты знаешь, что Сюркуфа видели возле Мадагаскара?

— А почему он такой знаменитый? — спросила Дороти.

— Во-первых, он молод и красавец, настоящий джентльмен, — ответила Регина. — Во-вторых, он захватил столько наших кораблей, что даже большие суда с сотнями матросов на борту боятся пересекать океан в одиночку.

— А мы?

— Мы не должны бояться, — ответила Регина. — По вооружению мы равны фрегату, а матросов и солдат у нас на борту больше, чем у трех Сюркуфов.

Последние слова миссис Уиттли произнесла громче, чем требовалось, будто рассчитывала, что они донесутся до ушей Сюркуфа и испугают его. Это был вид первобытного колдовства, борьба со злым Наваждением. Так этот крик Дороти и восприняла.

Корабль шел к северу, с каждым днем становилось все теплее, ливни чередовались с днями ясной погоды, летучие рыбы залетали на сухую палубу и прыгали по ней, оставляя мокрые, быстро сохнущие лужицы. Чайки, охотясь за рыбками, смело подхватывали их с палубы, а другие неслись беспорядочной стаей за «Глорией», потому что в волнах, поднятых кораблем, крутилась рыбешка да порой кок выкидывал за борт съестное.

В вереницу окон, протянувшихся во всю ширину кормы и поделенных на мелкие квадраты, попадало солнце, и в лучах играли, медленно опускаясь, пылинки.

— Завтра, — сказала Регина, — я решила устроить небольшой чай для узкого круга. Мы пригласим капитана, первого помощника и двух штурманов. Ты возьмешься приготовить чай? — Вопрос был чистой формальностью, но Регина избегала приказывать, если в том не было необходимости. Люди и без того знали, что она — хозяйка на корабле.

— Полковник будет?

— Мне не хотелось его приглашать, но положение таково, что обойти неприлично. Зато будет твой любимый Алекс.

Регина смотрела на Дороти не отрываясь, будто ждала, что горничная чем-то выдаст себя.

* * *

На следующий день в пять часов пополудни гости собрались к миссис Уиттли. Некоторая манерность жизни на корабле при желании сохранить отношения приличных людей помогала всем видеть в «Глории» естественную часть Лондона, Компании, общества, где наносят визиты и приглашают на чай. День выдался жарким, большей частью безветренным.

Неожиданными порывами бриз подталкивал «Глорию», но затем покидал паруса и прятался где-то у темных облаков, которые поднимались горной цепью на западе, поджидая опускающееся к ним солнце. Барометр упал, но шторма пока не предвиделось, зато в воздухе от безветрия господствовала влажная жара, пока еще непривычная для Дороти и тех матросов, которые впервые попали в тропики.

В каюте Регины, несмотря на ее размеры, было душно, и даже открытые окна мало помогали — ветер не хотел заглядывать внутрь. Впрочем, Регина не раз признавалась Дороти, что не выносит лондонского холода и ветров, а будь ее воля — прожила бы всю жизнь в Индии. Тут госпожа Уиттли несколько лицемерила, потому что для того, чтобы она осталась в Индии, ей потребовался бы соответствующий дворец и, главное, иной супруг — она не была уверена, что сделает Джулиана Уиттли генерал-губернатором.

Гости вместе с хозяйкой сидели вокруг тяжелого обеденного стола, Дороти и вестовой капитана Фицпатрика подавали на стол. Чай на «Глории» был куда обильнее, чем принято в Лондоне, потому что скука морского путешествия вызывает аппетит и стремление разнообразить меню. И если матросы довольствовались пищей простой и грубой, для обитателей верхних кают в Кейптауне были загружены овощи, птица, экзотические фрукты — до Индии оставалось еще несколько дней пути, и как-то следовало их скрасить.

Несмотря на жару, господам были поданы крепкие напитки, причем, раз уж тут некого было стесняться, Регина пила джин, лишь чуть разбавляя его охлажденной водой, мужчины же довольствовались портвейном, но не ограничивали себя, и потому их речи становились все громче.

С разрешения Регины верхние пуговицы мундиров были расстегнуты, и взгляды, которые кидал на Дороти штурман, были столь откровенно восторженными, что Регина, перехватившая один из них, сухо произнесла:

— Ты можешь погулять, Дороти, пойди на палубу. Мы позовем тебя, когда ты понадобишься.

Дороти рада была выйти на палубу, где было куда прохладнее. Ей было странно, что восторженные взгляды Алекса совсем не оскорбили ее, впрочем, она нашла бы оправдание любому его промаху или небрежности — она была уже влюблена в него, просто не могла себе дать в том отчета. Она же не задумывалась о том, что, постирав свое и хозяйкино белье, она выносит развешивать его на корму, где были протянуты для этой цели леера, именно в те часы, когда стоял вахту Фредро. Порой она невинно, но умело подстраивала случайные встречи с ним. Она сама искренне удивлялась этим встречам, краснела и, потупив взор, спешила проскользнуть мимо.

Солнце уже клонилось к западу, воздух был почти неподвижен, и паруса порой хлопали так громко, словно раздавался выстрел из пушки, это ветер набирал силу, как бы пробовал, что можно сделать с парусами. От этих порывов «Глория» двигалась медленно и неравномерно, то почти замирая и лишь медленно покачиваясь на пологих ленивых валах океана, то вдруг начинала набирать скорость.

И тут Дороти увидела чужой корабль.

Он дрейфовал далеко, почти у горизонта, и в это жаркое предвечернее время его никто не замечал, потому что он медленно сближался с «Глорией» со стороны солнца и был плохо виден.

Но Дороти вглядывалась именно в солнце, размышляя о том, что если на солнце живут маленькие люди, то их можно разглядеть, если закоптить стекло...

Дороти оглянулась в поисках кого-то, кому можно сообщить такую интересную новость, но увидела лишь одного из служек полковника, который словно дремал, опершись спиной о грот-мачту.

— Эй! — сказала она ему. — Поглядите! Настоящий корабль! Может, это «Дредноут»?

Служка, помощник плотника, чуть прихрамывающий худой человек с нежными руками, которым никогда не приходилось сжимать плотницкого инструмента, оторвался от мачты и быстро подошел к фальшборту, вглядываясь в даль.

— Нет, — сказал он. — Это не «Дредноут». Знать надо — у «Дредноута» три мачты, а у этого две.

— Надо дать ему сигнал, — сказала Дороти, — а то они могут нас не заметить.

Дороти подняла руку, чтобы помахать далекому кораблю, не задумываясь, что сигнал не дойдет на таком расстоянии. И в этот момент из каюты миссис Уиттли вышел, желая подышать свежим воздухом, а может, и увидеть Дороти, штурман Фредро. Дороти почувствовала, что он появился на палубе, хотела было сообщить и ему интересную новость, но в этот момент служка с неожиданной для Дороти злобой приказал ей:

— Опусти руку! Опусти руку, я тебе говорю, шпионка проклятая!

И в следующий момент он схватил ее за шею и с такой силой стал нагибать ее голову за борт, что Дороти ничего не успела сообразить, как центр тяжести оказался по ту сторону фальшборта, и она, неловко ударившись о борт, полетела в море с высоты в двадцать футов. И только ее умение плавать спасло Дороти от гибели, потому что она хлебнула воды, прежде чем смогла выбраться на поверхность.

К счастью, «Глория» двигалась так медленно, что, когда Дороти оказалась на поверхности в нескольких футах от борта и тут же поплыла к нависшей над ней громаде, корабль еще только проплывал мимо, намеренный оставить ее погибать одну посреди пустого океана.

Плывя, она увидела собственную руку с почерневшим камешком и поняла, что опасность еще не миновала.

Она подняла голову и заметила, что служка полковника целится в нее из пистолета.

И если ему удалось сбросить ее с борта, пользуясь полной неподготовленностью девушки к такому нападению, то на этот раз она была готова к опасности, хотя, конечно, не могла понять, чем вызвано это желание погубить ее.

Дороти нырнула, продолжая под водой плыть к кораблю — все же оставаться в море было страшнее, чем погибнуть от выстрела.

Находясь в те секунды под водой, Дороти не могла увидеть того, что происходило на борту...

Служка, который рассчитывал, что в такой жаркий предвечерний час никого на палубе не будет и его действия останутся незамеченными, не успел остановиться, когда понял, что свидетель все же есть — это младший штурман Фредро, который вышел из каюты. И хоть штурман стоял далеко от служки и не успел на помощь Дороти, он закричал:

— Стой! Что ты делаешь! Я убью тебя!

Служка кинул взгляд на Фредро и, видно, сообразил, что у него еще осталось в запасе несколько секунд. Он направил пистолет вниз, намереваясь застрелить Дороти, как только она вынырнет у борта.

Штурман был безоружен, и двигался он медленнее, чем следовало. Хоть он и был человеком решительным и верным, но не отличался быстротой и живостью ума. Он побежал к служке, но вдруг прямо над его ухом раздался выстрел, оглушивший штурмана. Он увидел, как служка выронил пистолет и схватился за руку. Между пальцев показалась кровь. Служка завыл от боли и страха.

Фредро обернулся.

В дверях каюты, держа в руке пистолет, стояла прекрасная голубка миссис Уиттли. Полные щеки ее пылали, глаза светились светлым холодным огнем Артемиды-охотницы.

— Что вы наделали? — Полковник, выбежавший следом из каюты, пытался вырвать из ее руки уже неопасный пистолет.

Регина неожиданно резко развернулась, перехватив пистолет за ствол, ударила полковника по щеке рукоятью тяжелого оружия. Тот охнул и отшатнулся к стене.

— Ловко вы его! — воскликнул капитан Фицпатрик. И без перерыва, словно продолжая фразу, громовым голосом, поднявшим всех членов команды, произнес: — Шлюпку на воду! Спустить паруса! Отдать плавучий якорь! Доктора Стренгла на палубу!

Помощник капитана побежал на мостик, чтобы проследить, как выполняются приказания, и все поспешили к борту посмотреть, не утонула ли Дороти. Но Дороти уже держалась за конец, сброшенный с борта прибежавшим раньше всех штурманом, и, судя по всему, была невредима.

Служка стонал, доктор Стренгл промыл и перевязал ему

рану. Следя за тем, как шлюпка подходит к Дороти, миссис Уиттли спросила его голосом богини возмездия:

— Кто тебе приказал убить ее?

— Только если она начнет подавать сигналы вражескому кораблю.

— И кому же она подавала сигналы?

— Она подавала сигналы пирату.

— Где же он?

— Там... на горизонте.

Чужой корабль вырисовывался на горизонте черным силуэтом размером с ладонь.

— Так чем же она подавала сигналы? — спросила Регина.

— Она подняла руку, — сказал штурман. — Я видел. Она сначала позвала этого мерзавца, а потом помахала рукой.

— Сам Господь Бог не увидел бы этого на таком расстоянии, — сказала Регина. — Но теперь я понимаю. Вы, полковник Блекберри, отдали ему приказ: воспользоваться любым оправданием для убийства. Так ли? Признавайтесь!

— Мне не в чем признаваться. Кроме того, что мой человек и служащий Компании выполнял свой долг и на него было совершено покушение.

— Я защищала жизнь моей горничной! — вспылила Регина. — И я предупреждала вас, чтобы вы остерегались прибегать к убийствам или иным преступлениям.

— Я доложу правлению Компании.

— Ваша воля, полковник, — ответила Регина.

Тем временем матросы помогали Дороти взобраться на борт. Она была оглушена, испугана, но невредима. Умение плавать вторично спасло ей жизнь.

Регина провела ее в каюту, чтобы уложить, доктор Стренгл осмотрел девушку и сказал, что опасности для жизни — никакой. Впрочем, служка тоже будет жить.

— Слава богу, — ответила Регина. — Я не хотела бы брать на душу такой грех. Хотя он это заслужил.

— Пожалуй, да, — рассудительно согласился доктор. — Нельзя бросать девушек за борт, а затем расстреливать их. Это жестоко.

Регина сама принесла Дороти рюмку джина и заставила выпить, чтобы укрепить силы. Потом велела спать.

— Спасибо, миссис Уиттли, — сказала Дороти.

— Я не уверена, что поступила правильно, — ответила миссис Уиттли. — Но ты умная девушка и знаешь, что в моем пистолете есть еще пули. Для той дуры, которая попытается соблазнить штурмана Фредро. И я не промахнусь, потому что училась стрелять в Ост-Индии в настоящих боях. Поняла?

— Поняла, — ответила Дороти. Глаза ее слипались. Ей еще в жизни не приходилось выпить столько джина сразу.

Заглянул штурман, он сказал, что хотел справиться о здоровье Дороти, но Регина, взяв его под локоть, повела к двери, утверждая, что Дороти надо отдохнуть. Дороти подумала, что Регина совсем не шутила. Она вообще-то шутит только тогда, когда смеется над кем-то другим. Интересно, чей это корабль?.. С этой мыслью Дороти заснула.

А это был бриг «Кларисса» корсара Робера Сюркуфа.

Глава 5

В ПЛЕНУ У СЮРКУФА

Морской бой начался только рано утром. Но, правда, ночью мало кто спал. Многие молились, чтобы Господь послал ветер или призвал на подмогу «Дредноут». Солдаты и матросы чистили ружья, проверяли, сух ли порох, хорошо ли сложены ядра и пакеты с картечью. На палубе в большом корыте матросы стирали рубахи — они верили в то, что в рай следует идти чисто одетыми. Устанавливали бочки с водой, чтобы заливать ею, если начнется, пожар, и убирали все, что могло ему способствовать. Парусные суда такого рода, как «Глория», вспыхивали быстро — все, из чего они были сделаны, могло гореть и горело, а, как известно, самый жуткий пожар — это пожар на воде, потому что от него нельзя убежать.

Капитан Фицпатрик пришел к миссис Уиттли посреди ночи, чтобы убедить ее спрятаться с Дороти на время боя внизу, в трюме, утверждая, что там безопаснее, чем в столь высоко

расположенной каюте, но Регина вдруг взбеленилась, накричала на капитана, убежденная, что, когда «Глория» будет тонуть, о ней все забудут и она утонет вместе с кораблем. Фицпатрик пытался воззвать к ее разуму, утверждая, что пиратам вовсе не хочется топить «Глорию», она им нужна целой и невредимой, так что опасаться приходится не столь обстрела, как абордажа. Но так как в рукопашном бою один англичанин стоит трех французов, а стрелки у них на борту лучше французских, то опасаться нечего — скорее они их захватят и привезут в Калькутту как приз.

Капитан задребезжал джентльменским смехом, но смех получился неубедительным.

— Так кто же тогда будет в нас стрелять? — пропела птичка Регина.

— Ну, сначала для порядка будет морской бой, — ответил Фицпатрик. — Они же должны попытаться нас захватить. И только после провала этой попытки начнется неудачная попытка абордажа.

— Когда я слушаю вас, то понимаю, насколько глупой я выгляжу в ваших глазах, — ответила Регина. — Мы останемся в каюте до тех пор, пока ваши развлечения не закончатся.

Более того, заложив с помощью Дороти задние окна подушками и корзинами с постельным бельем — у Регины был опыт обороны форта против французов в Мадрасе, — миссис Уиттли спокойно разделась, улеглась и заявила горничной:

— Девочка, я тебе советую не переживать, а поспать до рассвета. Никто не начнет морского боя до тех пор, пока не разглядит как следует противника.

— Что-то мне не хочется спать.

— Заставь себя. Потому что завтра нам предстоит трудный день, и я не удивлюсь, если к концу его мы окажемся французскими пленницами.

— Вы серьезно так думаете?

— Совершенно серьезно, Дороти. Потому что французские корсары — как волки, они могут быть размером втрое меньше оленя, которого преследуют, и рогов у них, разумеется, нет, но они быстры, они умеют хватать за горло — это их

профессия. А я с уважением отношусь к людям, которые занимаются своим делом.

— Даже к пиратам?

— Все нужны в божьем мире. Волки и ягнята.

— А может быть, мы убежим от них? Ведь «Глория» — новый корабль!

— Нет, потому что лапы волка приспособлены к тому, чтобы мчаться тысячу ярдов с невероятной скоростью... А впрочем, черт с ними, со сравнениями. Спи!

Окна, заложенные до половины тюками, давали мало света, а Дороти привыкла, что в них широко льется лунный свет. Было душно.

Хозяйка скоро засопела и в самом деле заснула.

Дороти ворочалась, томилась и наконец поняла, что, если она не выйдет на палубу, на открытое пространство, под чистое небо, она задохнется.

Хозяйка не проснулась. Дороти беззвучно ступила босыми ногами на ковер, натянула домашнее платье и выскользнула из каюты.

Дороти знала, что сейчас вахта Смитсона, а Алекс должен спать. Но в ту ночь все изменилось на судне. И «Глория» лишь делала вид, что спит. Тишина ночи с бегущими по звездам серыми облаками могла обмануть лишь в первую минуту, но стоило Дороти отойти от своей каюты к центру палубы, откуда удобнее было посмотреть наверх, где располагался штурвал, как Дороти услышала знакомое:

— Простите, девица!

Мимо спешил доктор Стренгл, неся зловещий для ее глаз груз — стопку салфеток для промокания крови и моток шпагата для перетягивания кровоточащих конечностей. За Стренглом шагал его помощник, здоровенный матрос с пилой и большим ножом мясника. Дороти сначала решила, что они собрались резать корову, но потом сообразила, что и это предназначается людям.

Медики застучали каблуками по трапу, скрывшись на орудийной палубе, оттуда в ответ послышался тупой удар —

что-то нужное делали с пушками. Два матроса грузили в шлюпку анкерки с водой...

Дороти поглядела назад.

Там, у штурвала, она угадала коренастую фигуру штурмана Смитсона, рядом торчал Фицпатрик, что-то объяснявший штурману. Дороти быстро отошла к борту, чтобы не попасться капитану на глаза. Ей было неловко болтаться без дела, когда люди готовились к завтрашнему страшному бою.

Вон там, на горизонте, скрылось солнце — значит, там должен быть виден пиратский корабль... Море не было бурным, но по нему бежали волны, поднятые ветром где-то далеко отсюда, а горизонт был закрыт поднимающимися облаками, и поэтому было бесполезно вглядываться в темную даль.

Корабль казался осажденной крепостью — всюду по нему бегали муравьишки, укрепляя его, надеясь отбиться от врага, заранее слабые, потому что они защищались. А тот, кто защищается, всегда слабее.

— Дороти? — прошептал рядом штурман Фредро.

— Вы так незаметно подошли ко мне! — обрадовалась девушка.

— Хорошо, что вы вышли.

— Мне совсем не хочется спать.

— А миссис Уиттли? Она спит?

— Я удивляюсь ее хладнокровию.

Штурман молчал, глядя в темноту. Дороти не выдержала и спросила:

— А вы ее искали?

Она увидела, что штурман улыбнулся. Глаза уже привыкли к темноте, разреженной несколькими фонарями, что покачивались над палубой. Но фонари были тусклыми, с прикрытыми шторками, может быть, капитан не отказался от мысли оторваться за ночь от врага. Надежда на это была, если бы поднялся ветер, и тогда в распоряжении капитана появилась бы возможность маневра, сейчас же, в безветрие, оба корабля были игрушками стихии — она держала их в плену штиля.

— Я искал вас, Дороти, — сказал штурман. — Вам страшно?

— Пока я не знаю. Наш корабль такой большой, и здесь столько солдат и матросов. Вы защитите нас?

— Я надеюсь на это. И на милость Господа.

— А почему мы бежим от него? Разве мы слабее?

— Он — боевой корабль. Мы — торговое грузовое судно, хоть и сильно вооруженное. Если нам удастся удержать его на расстоянии, то все обойдется. Но если мы сблизимся, я ничего не знаю...

Его ладонь накрыла руку девушки. Дороти не убрала ее. Ее вдруг охватило такое горячее чувство счастья, словно ее опалило жаром из печки. Она хотела, чтобы его руки обхватили ее и прижали. Она даже лопатками чувствовала воображаемое объятие. Она замерла, как птичка под ладонью.

— Я боюсь не за себя, — сказал Алекс. — Я рожден и воспитан для того, чтобы жить в опасности. И не собирался жить долго. Но вы все изменили, Дороти, и мне теперь стала дороже моя жизнь.

И Дороти поняла, что он скажет дальше, потому что была готова ответить молодому человеку подобными словами.

— Я признаюсь, что, если бы не смертельная опасность для вас, я бы не осмелился... и, может быть, долго бы не осмелился до вас дотронуться... Но завтра может случиться всякое...

— Спасибо, — сказала Дороти, потому что совершенно не представляла, что надо отвечать в таких случаях.

За их спиной остановился старший помощник. Он молчал, но они чувствовали его присутствие и обернулись, спрятав руки за спину.

— Простите, Алекс, — сказал старший офицер. — Капитан просит вас заступить сейчас на вахту вместо Смитсона. Он должен дать вам некоторые советы...

— Слушаюсь, — ответил Алекс.

Он обернулся к Дороти и протянул ей небольшой листок бумаги.

— Здесь написан, — сказал он, — адрес моей тети в Польше. На случай, если судьба разбросает нас. Я буду писать тете — она единственный родной мне человек.

— Моя мама живет на Вудгарден-роуд, шесть, — быстро сказала Дороти. — Миссис Форест. А я — мисс Дороти Форест.

Штурман протянул девушке руку.

Дороти встретилась пальцами с кончиками пальцев молодого человека.

Штурман наклонился, видно, желая поцеловать ей руку, как это делают поляки, но Дороти никто никогда не целовал руку, и она, почувствовав намерение Алекса, убрала руку за спину. Но смотрела на него в упор, открыто. Подвижны были лишь пальцы, сминавшие за спиной бумажку с адресом Алекса.

Штурман сказал:

— Спокойной ночи, Дороти, поспите немного.

— А когда это начнется?

— Как встанет солнце, — сказал штурман.

— Или еще раньше, — сказал старший помощник, — все зависит от того, насколько им удалось сблизиться с нами.

— Тогда нападайте первыми! — сказала Дороти.

Мужчины улыбнулись — из уст такой молоденькой девушки вызов звучал курьезно. Они вместе ушли на ют. Их фигуры растворились во тьме. Потом Дороти услышала, как стучат по трапу их башмаки. Моряки негромко говорили, и Дороти стало обидно: неужели штурман уже не думает о ней?

Еще некоторое время Дороти оставалась у борта, иногда оборачиваясь к штурвалу, у которого смутно виднелись люди и слышался негромкий разговор, потом она смотрела в море в надежде увидеть огни неприятеля, чтобы скорее выстрелили наши пушки и убили всех врагов.

Потом ей стало зябко и захотелось спать.

Дороти вернулась в каюту.

Регина не спала.

— Ты где была? — строго спросила она.

— На палубе.

— С кем?

— Ой, ни с кем! Там были разные люди. Доктор Стренгл, старший помощник капитана Фицпатрика.

— И Алекс?

— Он сейчас на вахте, — ушла от ответа Дороти.

— Ты бегала на свидание! — решительно заявила хозяйка. — В тот момент, когда решается вопрос жизни и смерти, ты думаешь только о свиданиях.

— Нет, — ответила Дороти, — я думаю о том, как немного поспать. Мистер старший помощник сказал, что они могут напасть на рассвете.

— Так и сказал?

— Да.

— А сейчас сколько?

— Не знаю. Сейчас еще ночь. Будут бить склянки, и мы узнаем.

Они лежали молча и ждали, когда ударят склянки. Но не дождались и заснули.

А проснулись от грохота, который предшествует близкому сражению в море.

* * *

По трапам стучали каблуки матросов, нижняя палуба стонала оттого, что по ней подкатывали орудия, отовсюду неслись крики, даже над головой, в капитанской каюте стоял топот.

Открыв глаза, Дороти увидела, что миссис Уиттли уже наклонилась и трясет ее за плечо.

— Скорее, лежебока! Помоги мне одеться!

Она умела так больно щипаться!

— Сейчас, сейчас... Уже началось?

— В жизни я еще не слышала более глупого вопроса!

Регина стащила сонную Дороти с постели, и та, пошатываясь, протирала глаза. И тут увидела, как мешки, закрывавшие окна на корме, медленно падают внутрь. Они шлепнулись на пол, и в каюте запахло паленым.

— Что это?

— Он еще далеко, — сказала Регина, проявлявшая незаурядное присутствие духа. — Достань из сундука мой костюм для верховой езды.

Переступая через осколки стекла, усыпавшие пол каюты,

Дороти пошла к нужному сундуку и отыскала в нем пришедший с Востока, модный в Лондоне, но не одобряемый светом костюм, состоящий из широких шальвар и короткой куртки, расшитой серебром. Он позволял сидеть на лошади верхом. Как только Регина догадалась вспомнить о нем!

В дверь каюты заглянул доктор Стренгл. Он был бледен и встрепан более чем обычно.

— Что вы тянете? Спускайтесь в лазарет! Здесь опасно.

— Доктор, закройте дверь! — крикнула Регина, потому что ей пришлось перекрыть голосом грохот, донесшийся с палубы. — Даже в такую минуту неприлично наблюдать, как переодеваются дамы.

Отважная птичка, подумала Дороти, натягивая обыденное синее платье, отороченное по вырезу кружевами.

Регина надела шляпку с узкими полями. Дороти повязала на буйные волосы серый платок.

— Я должна все видеть! — повторяла Регина, готовясь к выходу в свет. — Я не могу сидеть, как крыса, нору которой заливают мышьяком! Ты пойдешь в трюм или на верхнюю палубу?

— Я с вами, — ответила Дороти.

— Тогда пошли.

Регина достала из шкатулки, стоявшей на столике у ее ложа, небольшой каретный пистолет. Пока Дороти заканчивала свой туалет, со сноровкой бывалого солдата Регина успела натрусить в ствол пороха, забить пулю, насыпать затравку на полку — она была готова к бою.

— Пусть только он ко мне подойдет, — сказала она спокойно.

Наверное, она имела в виду самого генерала Бонапарта.

Дороти оружия не полагалось, и она последовала за хозяйкой на палубу, надеясь, что там еще нет пиратов.

Пиратов там не было, но именно в тот момент, когда женщины появились на палубе, в десяти ярдах перед ними от удара ядра рухнула, обломившись, рея с грот-мачты, увлекая за собой нижний грот-марсель. Они отпрянули назад, в каюту, но в тот момент Смитсон, сбежавший сверху, кинулся к ним и повлек за собой Регину к открытому трапу, откуда поднимал-

ся дым и пахло серой, как из преддверия ада. Время от времени оттуда вырывался тугой звук — стреляли пушки «Глории». Смитсон помог госпоже Уиттли спуститься на орудийную палубу, на Дороти он не обращал внимания, полагая, что служанка последует за воинственно выглядевшей госпожой.

На орудийной палубе Дороти зажмурилась от обрушившихся на нее грохота, криков раненых, едкого дыма и выстрелов. Она остановилась, опершись на основание мачты, и старалась понять, что происходит вокруг. Спутники Дороти исчезли из виду.

В этот момент случилось нечто ужасное, пришедшее из кошмара, чего в жизни не бывает. Оглянувшись на треск, удар и крик, Дороти увидела, как сквозь мощные доски борта внутрь корабля врывается, как бык, ломающий рогами перегородку, красное, чернеющее на глазах ядро... Поражая канониров, во все стороны, словно стрелы, полетели щепы. Кто-то заорал, а Дороти глядела в неровный круг голубого неба, потом перевела взгляд туда, где, оставив за собой дорожку разрушения и гари, успокоилось ядро. Оно было на самом деле невелико — только в полете показалось Дороти громадным, но натворило немало бед на орудийной палубе...

Грязный, словно обугленный, офицер, который стоял слева от Дороти, закричал, как будто приказывая пушкам, откатившимся назад после выстрелов:

— Товсь!

Навалившись на лафет, канониры покатили пушки к раскрытому борту. Офицер словно не замечал, что не все соседние пушки одинаково двинулись к бортам, так как людей уже не хватало — один лежал, вытянувшись во весь рост, еще один скорчился от боли, третьего пронзило деревянное копье, оторвавшееся от борта.

Этот канонир смотрел на Дороти, будто просил помочь, даже губы его беззвучно шевелились — да разве разберешь в таком грохоте и треске?! Дороти шагнула к нему, но остановилась, оробев, потому что не знала, что ей делать, когда приблизится.

— Иди...

Еще два шага.

Рядом грохнула пушка, и краем глаза Дороти уловила ее стремление ударить и раздавить. Дороти отпрыгнула, но пушка ударила углом лафета раненого матроса и прекратила его страдания... Его оттащили и бросили рядом с мертвыми. Дым рассеялся, Регины не видно.

Дороти подумала, что, наверное, она уже внизу, где должен быть лазарет. Она колебалась, спускаться или вернуться в каюту, и эта секунда спасла ей жизнь, потому что еще одно вражеское ядро влетело и своротило пушку, убив двух канониров. Это произошло как раз перед Дороти — в трех шагах. Откашлявшись от дыма, почти на ощупь Дороти отыскала люк, ведущий вниз, в глубоком полумраке, который царил на нижней палубе. Его не могли рассеять два фонаря в плетеных металлических сетках, подвешенных к потолку. Дороти пошла на звуки голосов, туда, где в обычные дни находился общий кубрик мичманов и младших офицеров, и тут же увидела, как на длинном обеденном столе, покрытом клеенкой, лежал человек, которого держали двое санитаров, тогда как доктор Стренгл отпиливал ему ногу выше колена обыкновенной ножовкой с мелкими зубьями.

Дороти поняла, что оставаться здесь не может — даже не от вида этой операции, как от визга матроса, который прервался, лишь когда Дороти отступила к самому трапу...

— Перетягивайте и бинтуйте! — крикнул Стренгл помощнику, а сам поспешил к Дороти. Его клеенчатый фартук был измаран кровью, и в крови был даже лоб, потому что он все время вытирал пот. Яркие лампы горели только над операционным столом, в остальной части кокпита было темно. И неудивительно, так как эта палуба была ниже ватерлинии и было слышно, как волны ударяют о борт...

— Дороти, что вы здесь делаете? — спросил доктор. — Вам лучше спрятаться...

И тут она сказала то, о чем еще секунду назад не думала:

— Я пришла помогать вам.

— Как? Таскать трупы? — рассердился доктор Стренгл. — Для этого у меня есть полдюжины бездельников.

— Я умею перевязывать... или дать воды, — сказала Дороти. — Я полгода помогала тете, которая служит сестрой милосердия в госпитале Святого Павла.

— Не знаю... это не женская работа... — Доктор Стренгл колебался. Потом вдруг принял решение: — Но все же это лучше, чем торчать на верхней палубе. Иди помогай Дейвису.

Он показал в сторону, в полумрак. Широкоплечий санитар шагнул в сторону...

Там лежал штурман Алекс!

— Алекс!

— Не кричите, мэм, он не в себе, — ответил широкоплечий санитар со старомодной серьгой в ухе.

— Я не кричу... доктор Стренгл велел мне...

Она закусила губу. Ей было страшно, как в темном лесу. И никто не придет на помощь.

— Да, — сказал над ее плечом доктор Стренгл. — Это наш молодой друг. Однако должен вам сказать, что раны его не внушают мне опасения. Его руку я положил в шину, она срастется, и быстро, — перелом несложный. То же могу сказать и о ране в боку, которая не нарушила жизнедеятельности ни единого из важных органов, а задела лишь мягкие части тела.

— Я хотела бы...

— Дейвис, *дайте мисс Дороти бинт, корпию и салфетки*... Ты в самом деле имеешь опыт врачевания?

— Я бы не стала вас обманывать, доктор Стренгл!

— Скорее, доктор, он кончается! — закричали от стола.

Стренгл кинулся туда, но еле устоял на ногах, так содрогнулся, будто человек, получивший сильную пощечину, их корабль.

И все сразу замерли. Даже стонущие раненые замолчали, прислушиваясь.

— Они здесь... — сказал кто-то в тишине.

И тут же тишина пропала, сметенная шумом, который доносился сверху, — в нем можно было различить человеческие крики, звон сабель, команды, запоздалые выстрелы пушек, треск рвущихся парусов и сломанных при столкновении рей.

— Что это? — спросила Дороти шепотом, не надеясь услы-

шать ответ, как лежащий у ее ног штурман открыл глаза и тихо произнес:

— Они берут нас на абордаж. Да, на абордаж! Где моя сабля?! — закричал он. — Мое место там.

— Не надо, мой дорогой, — шептала Дороти, не зная, слышит он ее или нет. — Тебе нельзя подниматься... Я сейчас сменю тебе повязку.

Штурман вновь закрыл глаза. Видно, усилие оказалось для него слишком трудным.

Дороти стала осторожно накладывать на кровоточащий бок корпию и придерживать ее салфеткой, и вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — бой кончился.

По крайней мере это случилось куда скорее, чем Дороти ожидала.

Голоса и громкие, поспешные шаги раздавались на оружейной палубе. Но ни выстрелов, ни звона металла... Означает ли это, что мы победили или это победили нас? У кого можно спросить? Где доктор Стренгл? Почему он склонился над операционным столом, словно его не касается судьба корабля и всех его жителей?

Затем, когда Дороти уже смогла сменить повязку штурману, который так и не приходил в себя, в широком луче серого света, проникающего с орудийной палубы, показалась фигура человека с короткой саблей в руке. Голова его была завязана красным платком, а на шее висела золотая цепь.

— Надеюсь, — сказал он на плохом английском языке, — сопротивления не будет. Иначе мы никого не жалеем.

Никто ему не ответил.

— Здесь госпиталь? — спросил он. Вернее, догадался.

— Да, сэр, — сказал санитар Дейвис.

— Выражаю сочувствие, — произнес француз и исчез на верхней палубе.

Теперь Дороти знала, что ее опасения о судьбе тех, кто не хочет нападать, а лишь защищается, оправдались самым страшным образом. Потому что они касались не только ее, но и штурмана, беспомощного и несчастного. И она решила остаться возле него, что бы ни говорила госпожа.

А тем временем даже те, кому было очень больно, старались сдерживать крики, а доктор Стренгл тоже занялся перевязками, благо пока более некого было оперировать.

* * *

В первые десять минут сведения о том, что происходит наверху, поступали через раненых или контуженых матросов, которые в пылу битвы не успели или не смогли спуститься в лазарет, а теперь спешили скрыться подальше от пиратов. Один из матросов видел, как капитан Фицпатрик отдал корсару свой кортик и тот принял его, как от сдавшегося в бою капитана. Второй матрос все повторял:

— А они как муравьи, мы их давим, а они лезут, как муравьи! Наверное, их тысяча человек было...

— Как называется корабль? — спросил кто-то из темноты.

— Не знаю.

Третий матрос, что как раз спускался в трюм, ответил:

— «Кларисса». Француз.

Как будто это последнее не было ясно раньше.

— Как же они вас? — спросил тот же голос.

В голосе звучал упрек.

— Тебе что, ты здесь отлеживался, — огрызнулся матрос. — А они картечью верхнюю палубу вымели — человек двадцать на тот свет...

Тут на верхней ступеньке снова показался француз и крикнул:

— Доктора и санитаров! Быстро!

Стренгл откликнулся:

— Не могу, у меня операция. Пускай сюда несут.

Наверх пошли санитары с носилками.

Потом доктор, перевязав раненого, поспешил наверх, понимая, что требуется его помощь.

Уже добежав до трапа, он обернулся и крикнул Дороти:

— Возьми мой медицинский ящик!.. И вон те салфетки!

Дороти послушно подхватила ящичек с железной ручкой, но потом замерла, будто не была уверена, что сможет возвратиться к штурману.

— Скорее! — крикнул доктор. — Нас ждут!

Дороти выбежала на верхнюю палубу следом за доктором. Она сразу увидела санитаров, которые укладывали на носилки Смитсона. У него была оторвана рука.

— Не трогайте его! — приказал Стренгл. Санитары опустили носилки, и доктор склонился над раненым.

Поднявшись на верхнюю палубу, Дороти поставила сундук у носилок и оглянулась. Перед лестницей на капитанский мостик стояли две небольшие группы людей — одна состояла из Фицпатрика, полковника Блекберри и еще двух корабельных офицеров. Напротив них, на голову уступая капитану ростом, стоял французский предводитель. Они пираты, значит, он у них предводитель? Или все же капитан? Предводитель был округлым человеком с большим круглым лицом. Он казался очень мирным и домашним, ему вообще нечего было делать на палубе морского судна. За ним стояли два его сообщника, один в сюртуке и полосатых брюках, второй, усатый, в мундире французского морского офицера, только вместо шляпы у него на голове красовалась странная высокая красная шапка, похожая на гребень петуха, загнутый вперед. За спиной Фицпатрика в дверях своей каюты стояла миссис Уиттли, совершенно спокойная, только без пистолета.

Дороти обернулась. Она увидела спины нескольких французов, которые стояли, опустив ружья и пистолеты, но готовые направить их на толпу английских матросов и солдат, стоявших тупо и покорно — они уже были пленными и знали, что они пленные.

Палуба между этими двумя скоплениями людей была обожжена, залита потемневшей вишневой кровью, в некоторых местах расщеплена ядрами, над головой полоскались рваные обгоревшие паруса...

— Где салфетки? — раздраженно выкрикнул доктор, и Дороти склонилась к нему. Для французов появление девушки было неожиданным, и кто-то из них присвистнул, второй громко сказал что-то скабрезное, потому что французы зашлись хохотом, а их круглый начальник сначала сам хохотнул, а потом рассердился и стал отчитывать своих матросов.

Дороти старалась не слушать то, что происходило вокруг.

Докторский сундучок был из темного полированного дерева, но не новый и кое-где исцарапанный. Она откинула замок, и ящик открылся, обнаружив внутри хирургические инструменты. Рукоятки некоторых ножей и игл были измараны кровью — ими сегодня уже пользовались.

Смитсон стонал.

— Господи, — сказал доктор Дороти, — я был бы самым счастливым человеком на свете, если бы кто-нибудь изобрел средство, которое позволит человеку спать, пока мы его кромсаем.

Дороти не ответила. Что-то внутри ее сказало, что такое средство есть, хотя никто не говорил ей об этом. Но ее губы сами спросили:

— А опий, доктор? Вы пробовали опий?

— Это опасное средство...

Разговаривая, доктор обрезал ножницами кожу и мышцы вокруг раны. Смитсон, к счастью, лишился чувств. Когда Стренгл стал стягивать куски кожи на культе, Дороти отвернулась, не в силах выносить это зрелище.

— Дороти! — позвала ее госпожа. — Подойди ко мне.

Видно, она давно заметила служанку, но понимала, что та занята...

— Меня зовут, мистер Стренгл, — сказала Дороти.

— Иди, ты мне не нужна, мне поможет санитар.

Дороти с облегчением побежала к миссис Уиттли и по дороге поскользнулась на липкой крови и чуть было не упала, но сильная рука округлого пирата жестко и сильно подхватила ее и чуть было не подняла на воздух.

— Трэ шарман, — сказал он — или что-то похожее. Но в этом не звучало оскорбления.

— Спасибо, — сказала ему Дороти и сделала несколько последних шагов к Регине.

— Ты где была?! — накинулась на нее Регина, но, когда Дороти хотела ответить, тут же знаком заставила ее замолчать, потому что капитан пиратов как раз заговорил:

— Будучи корсаром на службе Республики Франция, —

сказал он на правильном, но каком-то ненастоящем, попугайском английском языке, — я объявляю вас своей добычей, своим призом.

Капитан Фицпатрик обреченно склонил голову.

Предводитель корсаров сделал короткое, почти незаметное движение рукой, как бы выпуская на слушателей старого послушного пса, и человек с большими черными усами, в форме французского офицера и странном красном колпаке на голове, сделал полшага вперед и продолжил.

Дороти догадалась, что капитан корсаров специально выучил первую фразу и повторяет ее всем захваченным капитанам английских судов. А другой человек знает английский и должен все объяснить.

— Капитан Робер Сюркуф, корсар Республики Франция, просил меня, господа, довести до вашего сведения, что ваше судно отныне считается призом нашего корабля «Кларисса».

Сюркуф слушал помощника, внимательно и быстро оглядывая всех, кто стоял перед ним. Затем взгляд его, остановившись на несколько секунд на двух молодых женщинах, скользнул вверх, и он принялся, как поняла Дороти, изучать состояние вант и прочего такелажа «Глории», искалеченного во время боя.

— Наш корабль, — говорил далее человек в колпаке, — проследует со всей возможной скоростью на остров Реюньон, чтобы сдать приз комиссару острова и представителям призовой комиссии. Нижние чины и прислуга будут оставлены на острове с кораблем или при желании могут перейти на службу к капитану Сюркуфу, чтобы заменить тех, кто пал в бою с вами. Офицеры, леди и джентльмены, находящиеся на борту, проследуют на «Клариссу», где получат возможность довершить в нашей компании свое путешествие. На острове Реюньон их судьба будет решена в зависимости от суммы выкупа, который готов выплатить за них губернатор Мадраса. Я говорю понятно?

Он говорил с акцентом, но понятно.

Капитан Сюркуф перевел взгляд на Регину и с наслаждением гурмана медленно оглядел знатную даму. Регина почувствовала этот взгляд и была возмущена.

— Милорд! — воскликнула она. — Милорд!

Сюркуф задал вопрос своему помощнику, но миссис Уиттли сама ответила на него по-французски. Все-таки она не зря провела столько лет в пансионе.

Тогда Сюркуф заговорил с ней, и Дороти не понимала, о чем они говорят, но видела, как Регина волнуется, как ходуном ходят ее тугие груди, но, к счастью, ее платье в тот день было лишено шнуровки, и, хоть ткань его потрескивала и груди старались выбраться наружу, пользуясь декольте, они мешали друг дружке, и корсар мог лишь догадываться о том, какое сокровище скрывает куртка дамы, одетой под персидского мальчика.

Миссис Уиттли подняла голос.

В ответ корсар Сюркуф тоже повысил голос. И когда Регина вознамерилась продолжить спор, корсар перешел на английский язык. Он изъяснялся с трудом, но, видно, хотел, чтобы английские слова прозвучали из его уст.

— Все люди тут! Бон? Офицеры и мадам — на «Клариссу». Раненые — здесь. Раненые офицеры — на «Клариссу». Я сказал.

— Но мне нужна служанка! Я не могу без служанки.

— Нет! — И вдруг Сюркуф засмеялся. Не переставая смеяться, он обвел рукой вокруг и ткнул пальцем в Дороти. — Мон матрос много! Одна девица не хватит.

Французы засмеялись. Англичане молчали.

Дороти поняла только, что остается на «Глории». А еще остается доктор Стренгл, потому что в лазарете лежало два с половиной десятка раненых матросов, а раненых офицеров, которых Сюркуф приказал взять к себе на «Клариссу», было только два — Фредро и Смитсон. На «Клариссе» был свой хирург. И хоть основной выкуп принесут офицеры и джентльмены, жизнью матросов тоже не следовало пренебрегать — белые матросы были ценным товаром, и всегда найдется способ нажиться на них... Сюркуф был прижимист, и богатство не

сделало его щедрее. Он выгадывал на всем — на черном рабе и на пленном графе.

Он знал, что, в сущности, между ними нет разницы — обоих надо кормить и стеречь, тогда они принесут выгоду.

Затем Сюркуф спустился в шлюпку, более не глядя на Регину, которая не выносила, если ее не слушались, и поклялась себе, что обязательно отомстит этому наглому пирату — неужели не сможет? За Сюркуфом его помощники скорее погнали, чем пригласили, пленных офицеров и миссис Уиттли, которой самой пришлось нести с собой шкатулку, в ней лежали ее туалетные принадлежности. Шкатулка, как знала лишь Дороти, была всегда готова на случай кораблекрушения. Больше она ничего не смогла взять. У борта Регина обернулась, отыскала взглядом свою горничную и уверенно произнесла:

— Только не волнуйся и не переживай. Держись поближе к доктору Стренглу, на ухаживания французов не поддавайся. Я советую тебе сразу взять у доктора какой-нибудь хирургический нож или пинцет, чтобы защищаться. Береги себя — я тебя выкуплю. На Реюньоне мы уже будем вместе. Подойди ко мне...

Дороти подбежала к ней.

Регина вдруг обняла ее крепкими полными руками и прижала к высокой груди.

— Прости, — сказала она, уткнув в плечо Дороти свой клювик. — Я тебя взяла с собой... Это я виновата.

Француз в мундире и красном колпаке оторвал Дороти от хозяйки.

— Поторопитесь, мадам, — сказал он холодно.

— Мерзавец, ты это запомнишь, — сказала миссис Уиттли.

— С удовольствием буду ждать этого момента, мадам, — осклабился тот.

С Дороти поравнялся полковник Блекберри. Даже в такой драматический момент он ненавидел девушку так, что камень в колечке почернел.

— Ну, если выяснится, что это твои фокусы, — прошипел он, — я сам тебя задушу! — И исчез за бортом.

Снизу донесся крик Сюркуфа, его помощник подтолкнул Регину к борту, там ее подхватил французский матрос. Голова миссис Уиттли скрылась за бортом, и на палубе вдруг стало пусто, хотя матросы и солдаты стояли там и покинули корабль вряд ли более дюжины офицеров да двое торговцев.

Затем пираты стали вытаскивать из кладовой бочки с ромом, видно, у них туго было с напитками или хотелось попробовать настоящий английский ром. Потом они тащили сыры и мешки с картошкой.

Тем временем санитары и доктор Стренгл спустились в лазарет, чтобы перенести в шлюпку штурмана Фредро, а Дороти поспешила следом, чтобы попрощаться с ним.

Доктор объявил штурману о разлуке. Французы торопили.

Санитары подняли носилки и понесли к трапу. Доктор на ходу проверял повязки, Дороти принесла кружку, и штурман напился. Доктор хотел сменить повязку, но француз сказал ему, что некогда прохлаждаться.

Дороти хотела подняться за штурманом на палубу, но француз остановил ее.

— Нечего бегать по кораблю, мадемуазель, мне не хотелось бы, чтобы с вами случилось что-то дурное. Ребята молодые, и они разгорячены боем.

Французский пират был не молод, в его черной бороде было много белых волос.

— Я с острова Джерси, — сказал он. — Не поднимайтесь, пока не останется только призовая команда.

Доктор Стренгл услышал и сказал:

— Он прав, Дороти. Ты еще увидишься со своим штурманом.

— Он совсем не мой, — сказала Дороти.

Доктор почему-то засмеялся, а потом сказал:

— А ну-ка подойди ко мне, мне трудно без помощника. Теперь мы с тобой отвечаем перед Богом за жизнь этих несчастных людей.

Матрос с Джерси уселся на трап под самым люком и закурил трубку.

Дороти стала помогать доктору, сначала ей было трудно, но вскоре она втянулась в работу и отупела от крови, стонов, мокрых бинтов и грязных салфеток.

* * *

К вечеру Дороти свалилась на пустую койку в лазарете и заснула без задних ног. Она так устала, что не видела снов.

Утро было сырым, туманным, в лазарете было темно, сыро, плохо пахло, воздух наполнен хрипом, стонами, ругательствами и тяжелым дыханием. Одна из ламп погасла, вторая светила еле-еле. Стренгл спал на соседней койке. Дороти поняла, что если она не вымоется и не сменит белье, то умрет от отвращения к самой себе.

Стараясь никого не разбудить, Дороти пошла к трапу. Привалившись к нему сбоку, спал французский стражник. Дороти оставила на полу грязные домашние туфли, в которых провела вчерашний день, и неслышно, босиком, поднялась по трапу на орудийную палубу.

На орудийной палубе было пусто, трупы, видно, выкинули за борт, больше ничего не было убрано. Люк в передний трюм был закрыт, возле него сидел, опершись на ружье, французский матрос. Значит, там, догадалась Дороти, заточены матросы и солдаты «Глории». К счастью, часовой глядел в другую сторону, и Дороти, прячась за сдвинутыми с мест пушками, стараясь не наступать в засохшие лужи крови, добежала до трапа на верхнюю палубу.

Там царил белый, почти непроницаемый туман, и Дороти показалось, что она попала в громадный светлый, заполненный молоком шатер и, стоит лишь оттолкнуться от него ногами, ты воспаришь в этом молоке, поднимешься в ту высь, откуда доносятся скрип рей, гул, хлопанье не полностью наполненных ветром парусов и крики чаек.

Спереди донесся удар колокола, еще удар... В ответ откликнулся колокол «Глории». Значит, кто-то стоял на мостике юта и обменивался сигналами с «Клариссой».

Дороти пробежала по палубе к своей каюте. У бизань-мачты она чуть было не наступила на спящего француза. Знакомо

пробили склянки. Дороти сосчитала — шесть склянок, то есть семь часов утра. Наверное, склянки бьют одинаково во всем мире, даже в какой-нибудь дикой России.

Она с трудом могла различить силуэты людей у штурвала и надеялась, что и ее никто не видит.

Дороти бесшумно пробежала к своей каюте. Дверь в нее была лишь прикрыта. Внутри царил рассветный сумрак и было зябко — в разбитые окна тянуло влагой.

— О боже! — вырвалось у Дороти.

Каюта была разгромлена, и, судя по всему, грабители повеселились всласть уже после того, как Сюркуф с пленниками возвратился к себе на «Клариссу». Видно, французы искали драгоценности, деньги, а может, и какие-то иные вещи, по крайней мере женские платья их не заинтересовали, и все добро как Регины, так и Дороти было вывалено на пол, кровати сдвинуты с мест, искали под ними, даже стулья зачем-то опрокинуты, а подушки вспороты, и пух, осевший в каюте, поднимался от осторожных шагов Дороти.

И тут Дороти захотелось поскорее вернуться в задний кокпит, к доктору Стренглу, стать незаметной, может, даже грязной и неопрятной, только уйти поскорее из каюты. Какой наивной казалась теперь ее мечта вымыться и привести себя в порядок — если ее увидят французы, то сочтут таким же трофеем, как тряпки.

Но нужно было все-таки вытащить из куч тряпья и посуды нужные вещи — в первую очередь полосатую нижнюю юбку, в которой зашито важное послание. Ведь не исключено, что юбка кому-нибудь приглянется. У пиратов есть подруги на Реюньоне, и когда они вычистят все более ценное, то возьмутся и за белье.

Но юбка нашлась не сразу, пришлось перекопать массу материи — только когда вещи Регины покинули свои сундуки, стало ясно, сколько нарядов она везет с собой в Ост-Индию. Зато в поисках юбки и своего серого платья Дороти отыскала важную вещь — за кроватью Регины стоял кувшин, полный чистой воды, и пустой таз — видно, Регина так и не успела умыться до начала вчерашнего боя. И Дороти не удержа-

лась — вид чистой воды вызывал в ней такое вожделение, что она забыла на некоторое время о поисках, тихонько прошла к двери, закрыла ее на засов и, сбросив грязное платье и белье, стала сама себе поливать на лицо, руки и плечи. Кусок душистого мыла, принадлежащий Регине и недоступный прежде служанке, тоже пошел в дело, и через несколько минут Дороти чувствовала себя куда свежее и чище, чем прежде. Обнаженная, Дороти снова принялась за поиски чистой одежды, и тут же нашлась полосатая юбка — словно все сбывалось по желанию Дороти.

Дороти натянула юбку, но тут замерла — над головой снова пробили склянки. Неужели она здесь уже полчаса? Она бросилась искать серое платье.

Пробил колокол, большой колокол над головой. Издалека откликнулся колокол на «Клариссе». Значит, туман еще не рассеялся. Надо быстрее возвращаться...

И тут кто-то поскребся в дверь. Именно поскребся, а не постучал, словно любовник, боящийся разбудить родителей.

Дороти кинулась было к двери, потом поняла, что обнажена выше пояса. Она схватила первое попавшееся платье и, натягивая его, сказала:

— Сейчас, иду!

Говоря, уже испугалась: ну что же она делает? Там же француз, который заметил, как она прошла в каюту. И теперь... А что теперь? Дороти натянула на себя платье, к счастью, модное, парижское, без китового уса и фижм, схожее с греческой туникой.

Она шла к двери и уже решила, что, если француз начнет приставать к ней, она поднимет шум — по крайней мере могут вмешаться французские офицеры, которые стоят на вахте...

— Кто там? — спросила она тихо.

— Откройте!

Голос был английским — порой одного слова достаточно, чтобы понять, кто говорит. Дороти посетила дикая мысль: а вдруг это скрывающийся на корабле англичанин, которому нужна помощь?

Она открыла дверь. Задвижка заскрипела.

За дверью стоял очень сердитый, лохматый доктор Стренгл.

— Ты с ума сошла! — прошипел он, протискиваясь в комнату. — Тебя же могли... могли!

— Поэтому я и пошла, когда все спят. Мне нужно было умыться и переодеться.

— И это ты все натворила? — Добрый встрепанный доктор, сам измазанный и покрытый засохшей кровью, был испуган.

— Нет, видно, они искали ценности.

— И нашли?

— Миссис Уиттли не возит много драгоценностей из Англии в Ост-Индию, — разумно ответила Дороти. Но, по правде говоря, она не знала, где Регина хранит то немногое, что взяла в дорогу.

— Тогда быстро идем вниз. Ты могла бы попросить воды, и принесли бы санитары.

— Это скорее нужно вам.

Доктор не ответил.

— Все? Бежим!

Они быстро пошли к трапу.

Француз на нижней палубе, тот самый, что с острова Джерси, не спал. Он стоял возле трапа и не скрывал недовольства.

— Вы зачем ходили? Хотите, чтобы вас подстрелили?

— Я разрешил ей переодеться и умыться, — сказал доктор. — И сам сопровождал девушку. Разве во Франции девушки не моются?

— Французские девушки сидят дома и ждут своих женихов, — мрачно ответил сторож.

...В кокпите шевелились, стонали, требовали воды раненые.

Дороти пришлось сразу бежать к ним, и весь день с небольшими перерывами она помогала доктору. Да и не хотелось ей более наверх.

И следующей ночью ей не удалось поспать. Начал умирать один из раненых. Он так кричал, что прибежал французский офицер и хотел его пристрелить. Но не успел — матрос умер.

После его смерти никто не спал, раненые были взвинчены и думали, что французы их всех утопят, чтобы не тратить на них продуктов и воды.

Дороти засыпала на полчаса, потом ее будил стон, и она спешила к койке очередного страдальца. И вовсе не думала о судьбе своей хозяйки. И не завидовала ей. Хотя, наверное, ей следовало бы позавидовать миссис Уиттли.

* * *

О событиях последующих дней на «Клариссе» Дороти узнала со слов Регины, когда они плыли с ней в шлюпке по Индийскому океану. Миссис Уиттли рассказала не все сразу, порой путала, что произошло раньше, а что потом, но так как времени было достаточно, а Регина любила повторяться, Дороти смогла составить себе более-менее полную картину тех событий.

Первый день прошел мирно, никто не обращал внимания на пленников, которых развели по каютам нижней палубы — выгородкам в трюме, устроенным с учетом работоргового прошлого корсара. У Регины была отдельная каютка, так же как у капитана Фицпатрика. Остальные жили в тесноте, по двое, а то и по четверо в каморке. Но офицеры Сюркуфа успокаивали пленников тем, что и они сами живут в тесноте, потому что «Кларисса» имела на борту вдвое больше матросов и солдат, чем могло разместиться по правилам. Каждый бой приводил к жертвам, а каждый захваченный корабль требовал призовой команды. Так что чем успешнее был поход Сюркуфа, тем больше требовалось людей. Но теперь осталось недели две — Сюркуф намеревался провести еще неделю на торговой дороге в надежде добыть еще один или два трофея, а затем спешил к Реюньону. Он не хотел рисковать такой богатой добычей, как «Глория», и не выпускал трофей из виду.

В первый день хоронили в море погибших, приводили в порядок саму «Клариссу», которая немало пострадала от огня пушек «Глории», два раза Сюркуф отправлялся на шлюпке на «Глорию» и проверял товары, хранящиеся в ее трюме. Наибольшее удивление и радость Сюркуфа вызвали сорокадвух-

фунтовые пушки, пригодные для морского боя линейных кораблей и штурма крепостей. Пушек было двенадцать, и они заменяли собой балласт. Груз этот был тайный и в списках не значился.

Ценность осадных орудий невозможно было переоценить — корсар видел такие только на линейных кораблях, да и то не на всех, — порой трудно было удержать их при откате.

Вечером того же дня, отоспавшись, посвежев и, главное, пребывая в отличном настроении, капитан Сюркуф пригласил к себе в каюту на обед капитана Фицпатрика и миссис Уиттли. Когда же капитан вежливо намекнул о желательности пригласить и полковника Блекберри, сообщив о его должности в Компании, Сюркуф смешно сморщил короткий нос и фыркнул:

— На что мне соглядатай за столом?

О чем дипломатичный Фицпатрик при всей нелюбви к полковнику сообщать ему не стал.

За столом Сюркуф много пил, становился все веселее и говорил все громче, а Регина в ужасе думала о том, что у нее здесь нет горничной и даже запасного платья и она обречена на то, чтобы зарасти грязью. Сюркуф не отрывал глаз от бюста Регины, словно ждал от него какого-то фокуса, как от дрессированного тигра. Регина сдерживала дыхание, старалась умерить страх перед разбойником и натянуто улыбалась.

В конце ужина, когда принесли кофе, Сюркуф сделал миссис Уиттли неприличное предложение, не стесняясь присутствия других свидетелей.

— Уважаемый месье Сюркуф, — вежливо, как ей казалось, ответила женщина. — Вы забываете, что пытаетесь оскорбить жену и невестку высокопоставленных особ Ост-Индской компании. Я надеюсь, что у моей Компании есть средства, чтобы призвать к порядку такого ничтожного разбойника, как ты... — Уничижительное «ты» завершило филиппику, после чего Регина покинула капитанскую каюту.

Капитан Фицпатрик, который не все понял, был тем не менее испуган, потому что понимал, что Компания далеко, а на «Клариссе» Сюркуф — полновластный хозяин. И ему ниче-

го не стоит утопить пленников — и без них добыча богатая. Ждали, насторожившись, и офицеры Сюркуфа, хотя большинство из них, в свою очередь, поняли лишь настроение Регины, но не оскорбительный смысл речи.

Сюркуф стоял, словно размышляя. Он глядел вслед миссис Уиттли, потом вдруг расхохотался и пустил ей вслед матросское ругательство, что страшно развеселило его помощников и успокоило Фицпатрика, который тут же откланялся. Его никто не удерживал.

Той же ночью пьяный Сюркуф пытался войти в каюту Регины. Так как переборки в трюме дощатые, то эту атаку слышали все пленники. Однако дверь оказалась крепкой, и засов не поддался капитану — он сам делал эти клетушки такими, чтобы из них не сбежать, но забыл, что дверь бывает крепкой с обеих сторон.

Утром капитан встал поздно, с похмелья он был мрачен, Регина отсиживалась в своей каюте. К полудню полковник Блекберри, прямой как палка и бесстрашный, как бультерьер, явился к Сюркуфу послом от миссис Уиттли и изложил ее требования: нормальную каюту, воду, мыло, горничную и сундук с чистым бельем.

Капитан обдумал требование и неожиданно для всех частично на них согласился. Конечно, он не стал посылать из-за легкого волнения за два кабельтовых шлюпку на «Глорию», чтобы привезти требуемое, но велел принести в каюту к Регине жбан с горячей водой, а затем собрать по команде части женского туалета, которые, как он и не сомневался, были кое-кем похищены из ее каюты. И в самом деле удалось таким образом кое-что добыть.

— Ты ее балуешь, капитан, — сказал с упреком Мишель де Труа, не снимавший фригийского красного колпака с девяносто третьего года, когда его чуть не гильотинировали за аристократическое происхождение. — Это плохо для дисциплины.

— Во-первых, — ответил Сюркуф, который, когда считал нужным, был откровенен со своим помощником, — этот каприз повысит сумму выкупа. Во-вторых, я люблю спать с умытыми женщинами.

— Ты противоречишь себе, капитан. После того как ты переспишь с ней, сумма выкупа может уменьшиться, а что еще хуже — она может утопиться... Или пожаловаться комиссару острова. Зачем тебе лишние враги?

— Враги не бывают лишними, — сморщил нос Сюркуф, — мне их всегда хватает.

К вечеру капитан пригласил Регину к себе в каюту, но она отказалась идти к насильнику.

Каюту дамы заперли снаружи, и вечером, а также в последующий день ей не давали есть. Сюркуф либо почувствовал, либо узнал откуда-то, что у миссис Уиттли дьявольский аппетит.

К вечеру следующего дня голодная Регина получила вежливое приглашение на ужин к капитану.

Принес его де Труа. Он вел себя сдержанно и отстраненно.

Заплаканная, злобная, как горгона, миссис Уиттли дала согласие.

Когда она вошла в каюту Сюркуфа, где ожидала увидеть Фицпатрика и офицеров, она не смогла скрыть свой испуг: Сюркуф был один.

Стол был накрыт на двоих.

Капитан Сюркуф был сама предупредительность. Он похвалил собранный с миру по нитке туалет миссис Уиттли, принес ей извинения за позавчерашний инцидент, вызванный алкоголем, страшной усталостью и вспышками необузданных страстей, которые овладевают им, потому что ему не удалось получить в детстве соответствующего образования.

От запахов, исходивших от блюд на столе, Регина чуть не лишилась чувств. Она с трудом слышала извинения капитана, ей не страшны были его поползновения — она была так голодна, что готова была грызть деревянную койку.

Сюркуф уселся напротив Регины. Между ними горели свечи в канделябре, он просил Регину самой класть себе что и как угодно — у нас попросту, по-пиратски, пошутил капитан.

Регина накладывала себе ростбиф, цыпленка, свежего тунца, картошку — большинство продуктов происходило с ее собственного судна, а капитан Сюркуф наливал и подливал ей терпкое и совсем не хмельное вино. Он даже объяснил ей,

что это не вино, а разновидность виноградного сока с особым запахом.

Когда Регина, слишком быстро и обильно наевшись, захмелела, Сюркуф проводил ее к снятой им с одной арабской прау турецкой оттоманке, покрытой мягкими шелковыми подушками, в которых миссис Уиттли утонула, как муха в киселе.

Над ней наклонилось не лишенное приятности лицо капитана.

— Я люблю вас, — сообщил он, осторожно касаясь верхней части ее платья.

— А я вас не люблю и не могу полюбить, потому что вы разбойник, — ответила Регина. Ее покачивало — и неизвестно, то ли вместе с «Клариссой», то ли независимо от нее.

От пирата исходили мужская сила, наглость и такая бездна желания, что оно начало независимо от Регины переходить в нее, заставляя дышать все чаще и думать уже не о том, как бороться с корсаром, а что сделать, чтобы скрыть возможный позор, и как использовать новую, только что появившуюся в обиходе вещь в своих интересах.

Сюркуф, конечно, не подозревал, что в птичьей толстощекой и очаровательной головке Регины идет серьезная умственная работа, он думал, что перед ним спесивая, глупая, знатная, избалованная дамочка, которую он сломит и подчинит себе, как и многих других женщин до нее.

Более того, откровенничая с Дороти, Регина потом призналась ей, что сама руководила Сюркуфом все эти дни и сама устроила так, что, пригласив ее на ужин вдвоем, вынужденный изображать из себя джентльмена, он оказался в невыгодном положении просителя. Но тут уж Дороти не знала, верить Регине или нет. Потому что Регине было выгодно изобразить дальнейшие события как результат ее планирования и острого ума, а не как добрую мину при не совсем удачной игре. В любом случае у кого-то в той каюте не было выбора — то ли у Регины, то ли у Сюркуфа.

...В этот момент платье Регины совершило предательский поступок и лопнуло, обнажив ее пышные, розовые, нежные и упругие груди, которые заканчивались такими острыми розо-

выми сосками и были столь совершенно округлы, что Сюркуф почувствовал, что сходит с ума. О чем он и сообщил своей новой возлюбленной.

— О нет! — прошептала Регина, стараясь закрыть груди полными руками, но с ее возражениями корсар не смог и не счел нужным считаться.

Сдаваясь его сильным и наглым рукам, которые, не спрашивая согласия, раздевали ее, Регина почувствовала радость, которой не испытывала уже много лет, если не считать случайной интрижки в загородном имении, почти забытой и несущественной... Все годы жизни с мистером Уиттли-младшим она чувствовала себя неоцененным и брошенным в пыль цветком, и ей приходилось искать удовлетворение не в случайных и жалких ласках мужа, а в откровенном восхищении слуг и служащих Компании. Но кто посмеет поднять наглый взгляд на жену фактора?

Сюркуф не только посмел, но и совершил насилие над Региной, которая старалась в минуты наслаждения не показать насильнику, насколько она счастлива. Ей хотелось просить его продолжать и продолжать насилие, но в то же время она не забывала сопротивляться, правда, не мешая этим Сюркуфу бесчинствовать.

В этом извечном сражении кобылицы и жеребца Регина как бы убегала от Сюркуфа по зеленому лугу, а тот снова и снова нападал на нее. Любовники — а мы посмеем употребить это слово по отношению к Регине и Сюркуфу — соединялись вновь и вновь, причем жеребец оставался в счастливом неведении о том, что его ведут в сладкое укрытие, дразня и заманивая все глубже.

В результате Сюркуф был опустошен, счастлив и, конечно же, несколько виноват, потому что Регина дала волю долгим, хоть и беззвучным слезам, потому что Сюркуф погубил ее и теперь ей придется броситься с борта в воду.

— Не стоит этого делать, — размягченно воспротивился Сюркуф, — у нас впереди еще столько минут счастья.

— Это для вас счастье — для меня же страшное мучение и позор!

Она говорила так убедительно и рыдала так натурально (ей и в самом деле было жалко себя, жалко, что ее муж — такое ничтожество по сравнению с капитаном Сюркуфом, но ей надо возвращаться к нему — не выходить же замуж за преступника и мужлана!), что Сюркуф и в самом деле почувствовал раскаяние и даже хотел проводить даму до ее каюты, чтобы никто не посмел выглядывать из-за мачты или шлюпки.

У трапа вниз она сказала негромко и трезво:

— Прикажите отвести меня вниз матросу. Ваше внимание там, внизу, покажется излишним.

— А впрочем... — И Сюркуф согласился с возлюбленной. Да и был опустошен ею настолько, что сил не осталось, чтобы идти вниз и возвращаться вверх по трапу. Сюркуф окликнул матроса, который только что спустился с гальюна, прикрепленного к бушприту, и велел отвести пленницу в каюту. И, не попрощавшись, ушел к себе.

Когда миссис Уиттли возвратилась в каюту, из-за стенки послышался голос Фицпатрика:

— Вы живы?

— Я жива, — сухо ответила Регина.

— Он... он не посмел?

— Он не надругался над вами? — с надеждой на положительный ответ спросил через другую перегородку полковник Блекберри.

— Это было ужасно, — ответила Регина. — Но, к счастью, он корыстен и неумен. Я пригрозила, что покончу с собой, а его перед этим зарежу.

— Оу! — произнес капитан Фицпатрик.

— У меня в подошве башмака, — прошептал через перегородку полковник, — спрятан небольшой нож. Завтра на прогулке я передам его вам, и вы тогда вонзите нож ему в спину, когда он над вами надругается.

— А нельзя ли, чтобы это сделали вы сами и раньше, чем он надо мной надругается? — спросила недовольным голосом Регина.

Полковник не ответил, кто-то из офицеров за двумя или

тремя перегородками позволил себе хихикнуть, а Фицпатрик, меняя скользкую тему, спросил:

— Он хоть накормил вас?

— Да, — сухо ответила Регина. — И пытался напоить... но ему это тоже не удалось. Теперь же я хочу спать.

Регина долго не засыпала, она вновь и вновь переживала слишком быстро миновавшие моменты насилия. Никогда еще ей не было так приятно вспоминать прошлое!..

На следующий день насилие повторилось, и Регина сопротивлялась чуть меньше, чем в первый вечер, но достаточно, чтобы Сюркуф измучился, подавляя ее сопротивление. Но, смертельно устав, он не смог подавить в себе желания ласкать эти груди и прижимать это пышное, но непослушное тело.

Во второй вечер Регина не произнесла ни звука, пока схватка не завершилась. Когда же они лежали рядом на трофейной оттоманке, Регина негромко и как-то деловито произнесла:

— Ну что ж, теперь тебе, мой милый, придется меня отпустить.

— Что?

— То, что ты слышал. Любой иной выход тебе невыгоден.

— Но почему же? Мне кажется, что сегодня я тебе уже не был так неприятен.

— Давай не будем говорить о моих чувствах. Ты владеешь моим телом, но не моей душой, — возразила Регина. — Но завтра ты потеряешь и тело.

— Как?

— Я тебе уже говорила, что намерена покончить с собой. Потому что я не переживу позора.

— Ничего страшного, никто не видел... — Сюркуф уже вел себя неправильно и понимал, что ведет себя неправильно. Перед покоренной женщиной нельзя оправдываться...

— Если вчера вечером мне удалось убедить своих соплеменников, то сегодня они уже догадаются наверняка. Но дело не в этом...

— А в чем же? — Сюркуф был измучен, опустошен, но при том все в нем стремилось к продолжению ласк.

— В том, что, как только я покончу с собой, ты лишишься половины выкупа, — ответила Регина.

— Ничего страшного. — В Сюркуфе никогда не засыпал деловитый работорговец. — У меня останутся «Глория» и ее трюмы.

— И слава насильника благородной дамы. Если бы ты был пиратом или просто разбойником, тебе бы это сошло с рук, твои товарищи смеялись бы, гордые тобой. Но теперь времена изменились. Ты же служишь Франции?

— Это все условно, я — вольная птица.

— Ваша Французская революция уже кончилась, — строго сказала Регина. — Сегодня у вас консул, завтра снова король. Можно грабить торговые корабли, но нельзя довести до самоубийства невестку пэра Англии.

— Ты еще жива, — пробормотал Сюркуф, протягивая губы к груди прекрасной птицы, и та, отчаянно сопротивляясь, затянула его в свои сети, позволив еще и еще насладиться своим телом.

На этот раз провожать возлюбленную Сюркуф не смог.

Он проспал шестнадцать часов. Он был счастлив, но лишен сил.

Когда Регина возвратилась от Сюркуфа, соседи за перегородкой молчали, и полковник более не предлагал своего ножа.

На третий день к вечеру Сюркуф с трудом поднялся с ложа, но желание вновь охватило его. Он приказал накрыть стол, и в положенное время, подчиняясь его приказу, покорная, заплаканная Регина поднялась к нему в каюту на заклание.

Сначала она пыталась снова выторговать «Глорию» за любовь, но Сюркуф, даже умирая от истощения всех мужских сил, на такой обмен не соглашался. Так что Регина отложила самоубийство еще на один день, а Сюркуф не смог подняться, чтобы проводить ее хотя бы до двери каюты.

На четвертый день к лежащему на оттоманке капитану пришли все три его помощника и сообщили ему о недовольстве команды и их, помощников, намерении избрать нового капитана. Их тревога могла быть подытожена классическим русским выражением: «Нас на бабу променял!»

Когда Сюркуф дрожащей, бессильной рукой вытащил из-под оттоманки пистолет, Мишель де Труа заявил:

— Всех не перестреляешь.

Что тоже, очевидно, было заимствованием из русского фольклора, которого офицеры Сюркуфа не изучали.

Сюркуф сдался и, роняя скупые мужские слезы, объяснил соратникам, что любит эту женщину, желает ее, но знает, что вскоре умрет, потому что насилие над ней отнимает у него слишком много сил.

— Отдай ее команде, — сказал второй помощник, из пиратов. Он имел в виду себя. Но Мишель де Труа напомнил собравшимся арабскую легенду о пленной арабской девице, которая, отдаваясь всем сыновьям мавританского султана, заставила их перерезать друг друга.

— Что же делать?

— За борт, — сказал третий помощник, тоже из пиратов.

— Не могу, — ответил Сюркуф. — Она грозит мне каждый день тем, что кинется туда сама. И наверняка она уже всем сообщила об этом. Если она утонет, то меня повесят.

— За что? — удивился пират. — Разве мы с тобой мало их утопили? Помнишь, как нам специально дарили по дюжине черных девочек в Мозамбике, чтобы хватило до Реюньона, а мы их кидали за борт по мере использования.

— Идиот! — закричал Сюркуф. — Ты забыл, что я — капитан французского флота! У меня невеста в Сен-Мало из лучшего семейства! Что я, пират паршивый, да?

Третий помощник замолчал. Потому что он понял, кого имеют в виду под этим названием.

— Она требует отдать ей «Глорию», — сокрушенно сказал Сюркуф.

— Нет, так не пойдет, — возразил Мишель де Труа. — Это наш приз.

— Тогда мне придется надругаться над ней сегодня ночью...

— Капитана хватит еще ночи на три, потом в парусину — и за борт, — сказал лишенный чувства юмора второй помощник.

Тогда Мишель де Труа по собственной воле пошел в трюм

и привел оттуда госпожу Уиттли. И начались трудные переговоры. Капитан Сюркуф почти не принимал в них участия. И когда в конце концов после долгого, тягучего спора, длившегося до полуночи, командный совет «Клариссы» сошелся на том, что Регине дают убежать от корсаров, украв шлюпку и двух матросов с английского корабля, Сюркуф нарушил молчание и несвойственным ему жалким голосом произнес:

— Но при условии... при условии, что вы... ты еще придешь ко мне этой ночью.

— Вы сошли с ума, молодой человек! — возмутилась Регина.

— Пожалели бы вы его, — сказал де Труа. — Он идет из-за вас на такое, на что никто из пиратов не пошел бы.

— Это ваше общее решение, — возразила Регина.

— И тогда наше общее, чтобы ты еще ночь с ним провалялась, — сказал бывший пират.

— Я подчинюсь грубой силе, но при одном условии, — ответила Регина.

— Говори.

— Я беру с «Глории» мою горничную и сундук с одеждой.

— Ни в коем случае! — возмутился де Труа. — Мы и так теряем на вашем бегстве сказочный выкуп.

— Вам остаются пушки. Я же пошла вам навстречу. Еще день-два, и вы бы сами предложили мне «Глорию» и «Клариссу» в придачу.

В тот момент только циничный бывший пират догадался, что вся эта ситуация была придумана и сыграна, как в театре, этой наивной и глуповатой дамой. Потом, уже после того, как Регина уплыла, на этом сошлись и остальные помощники. Но не Сюркуф. Он до конца жизни считал себя хоть и благородным, но насильником.

Вечером Регина сказала так, чтобы слышали в соседних камерах:

— Сейчас за мной снова придут. И мне придется снова сопротивляться. И я вам скажу так: либо я украду шлюпку и уплыву в открытый океан на милость божью и волн, либо я покончу с собой, больше сил моих нет противостоять его жестоким домогательствам!

Даже если спутники Регины по несчастью и не верили в ее стойкость, возразить они не могли. Как возразишь несчастной женщине? Они только принялись отговаривать ее от самоубийства. Регина обещала прибегнуть к самоубийству лишь в самом крайнем случае.

Вечером, когда за ней пришли, она срывающимся голосом попрощалась с Фицпатриком и полковником Блекберри, который, конечно же, не верил ни единому ее слову, как не верил ни единому слову ни единого человека в мире.

Затем она покорно ушла на заклание.

Ровно в полночь она покинула беспомощно спящего насильника и спустилась в шлюпку, на которой Мишель де Труа перевез ее на «Глорию». Пока Мишель следил за тем, как матросы призовой команды снаряжают и спускают на воду бот «Глории», грузя в него сухари и анкерки с пресной водой, Регина приказала привести к ней Дороти и сообщила ей, что они вместе бегут из плена. Дороти была счастлива, Регина сказала, что подробности она объяснит потом, а Мишель де Труа выступает в роли благородного изменника пиратскому делу, который якобы романтически влюбился в Регину и теперь рискует жизнью, помогая беглянке.

Они вместе собрали сундучок с одеждой Регины. Затем из щели над потолком Регина вытащила плоскую шкатулку со своими украшениями и золотыми монетами, тем ничтожным минимумом, без которого не может обойтись светская дама, и велела Дороти спрятать шкатулку себе под платье, потому что не была уверена, что ей удастся уплыть без обыска.

Когда они вышли на палубу с сундучками, как девицы, возвращающиеся в пансион после летних вакаций, там их уже ждали два матроса, которые согласились разделить с женщинами опасности путешествия по открытому морю на маленьком суденышке без каюты и палубы. Один из них был Дейвис, который помогал Стренглу как санитар. Он был хороший человек. Второй, молодой, был Дороти незнаком.

Мишель де Труа не стал обыскивать Регину. Он сделал иное.

Когда они подошли к борту и матросы уже спустились

вниз, он вынул из кармана небольшой прибор с дрожащей стрелкой и сказал:

— Это компас. От него может зависеть ваша жизнь. Потому что его стрелка указывает на север, а вам туда и плыть. Иначе можно погибнуть, заблудившись в просторах океана.

— Спасибо, — сказала Регина, протягивая руку.

— Не бесплатно, — ответил благородный романтик Мишель де Труа. — Даже мое благородство знает пределы.

— Откуда у меня...

— Я знаю, что вы не зря так долго собирались. И раз ваших драгоценностей не отыскали в первый день, они у вас.

Тогда Регина запустила изящные пальчики в пропасть между грудями и вытащила оттуда золотой перстень с изумрудом.

— Спасибо, — сказал Мишель, не отрывая взгляда от прелестей Регины.

— Только без этого! Придите в себя, офицер! — крикнула на него миссис Уиттли.

Мишель словно проснулся и ответил, надевая перстень на мизинец:

— Вы совершенно правы, мадам!

Матросы оттолкнулись веслами от «Глории».

Сверху на них смотрели менее удачливые, а может, и более робкие товарищи.

Отгребя от «Глории» на сто ярдов, Дейвис поднял на невысокой мачте парус, и ветер позволил матросам убрать весла.

Так началось путешествие двух молодых женщин по Бенгальскому заливу.

Глава 6

СПАСТИСЬ, ЧТОБЫ ПОГИБНУТЬ

Как объявил Регине Мишель де Труа, а с его мнением был согласен и Дейвис, третий раз попавший в Индийский океан, Регина убежала от корсаров чуть ли не в центре Индийского океана, на экваторе. К востоку лежали Мальдивские острова — полоска атоллов, к северу почти на таком же расстоянии лежал

остров Цейлон, а до Калькутты или Рангуна надо было плыть почти полторы тысячи миль к северо-востоку. Так что самым разумным было держать курс на север, тогда обязательно выплывешь к южной оконечности Цейлона, хотя на месте беглянок Мишель де Труа остался бы дрейфовать у входа в громадный Бенгальский залив в расчете на встречу с торговым кораблем, который доставит их в Индию. Правда, еще неизвестно, что за торговый или не торговый корабль им попадется.

Возможно, окажись на месте Регины Уиттли какая-нибудь обыкновенная женщина, она бы смирилась со своей горькой участью и прибыла бы, опозоренная, в порт Сен-Дени на Реюньоне, где коротала бы месяц за месяцем, пока прибудет выкуп. Не исключено, что к тому моменту ее репутация была бы погублена настолько, что мистер Уиттли-младший вынужден был бы отказаться от такой жены и отослать ее с позором в Англию, потребовав развода из-за развратного ее поведения и сэкономив выкуп. С него бы сталось.

Но Регина все же была женщиной необыкновенной и решила, что для нее остался лишь один почетный выход — рискуя всем, даже жизнью, пытаясь пересечь в скорлупе просторы океана, первой добраться до Рангуна и обогнать любые неблагоприятные вести. А если потом, после возвращения Блекберри и других пленников, кто-то посмеет наушничать мистеру Уиттли, будет поздно — она-то уж сможет подготовить почву, вернее, яму для любого разносчика клеветы.

Дороти оказалась под стать своей хозяйке, потому что по молодости лет она не могла представить себе, что пускается в смертельно опасное путешествие. А матросы — Дейвис и молодой кокни Генри Боул — были лишены воображения, но не желали сидеть в грязном трюме пленниками, с которыми завтра могут сделать все, что угодно, даже продать в рабство арабам — всем известно о таких случаях. Они были матросами, морскими людьми, и жизнь в шлюпке и даже смерть в океане их не так пугали, как неизвестность и бессилие.

Так что четверка, взявшая курс на север, была подобрана судьбой вполне удачно. Впрочем, сами путешественники об этом не догадывались.

С первых же минут лодка была поделена пополам. Задняя половина досталась матросам, так как там находился руль и оттуда управляли парусом. Парус и был стенкой.

Будущим историкам этого беспримерного плавания любопытно было бы узнать, с какими словами обратилась миссис Уиттли к своей служанке после того, как они оказались в шлюпке и отплыли на безопасное расстояние от «Глории». Читатель мог бы предположить, что Регина расплакалась от такого благополучного завершения ее бедствий или обняла свою страдающую горничную, а ныне — подругу по несчастью...

Ничего подобного. Придя в себя и почувствовав облегчение, миссис Уиттли с отвращением произнесла:

— Как ты посмела надеть мое лучшее платье!

Дороти даже не сразу сообразила, в чем состоит ее преступление, но потом, кинув взгляд на свое, не очень чистое, измятое платье, вспомнила, как в спешке одевалась в каюте госпожи, когда в дверь скребся доктор Стренгл, и даже не заметила, какое платье натянула. Да и потом, сообразив, что вместо своего, скромного, серого, надела господское, шелковое, сшитое по парижской моде из розового муслина, она не придала этому значения. А с тех пор у Дороти не было возможности снова попасть в каюту, чтобы еще раз переодеться.

Так как Дороти не смогла отыскать слов, чтобы оправдаться, Регина еще более рассердилась и сообщила, что прикажет запороть девушку, как только они приплывут на место.

— Тогда я, может быть, лучше прыгну в воду? — спросила Дороти. Она была задета несправедливыми упреками госпожи, но на самом деле топиться не собиралась.

— Ах, оставь! — воскликнула Регина. — Я почти неделю угрожала им, что утоплюсь. Главное, чтобы тебе поверили. А я тебе не верю. Так что делай, как считаешь нужным.

Дороти поднялась. Она посмотрела на «Глорию», которая еще была видна на горизонте. «И зачем, — подумала она, — я согласилась покинуть этот корабль и доброго доктора Стренгла?»

— Платье сними, — приказала Регина, вовсе не проникаясь жалостью к девушке, которую толкала к самоубийству. А ведь недавно она шла на любой скандал, чтобы отправиться в путь с горничной.

— Я такая молодая и красивая, — сказала Дороти, — меня грех топить. Потому что некому будет стирать для госпожи, некому будет взбивать ей постель и прикрывать ее своими юбками, когда она присядет на корме, чтобы справить свои надобности...

— Хамка! — завопила госпожа. — А ну, сейчас же за борт!

Дороти поставила ногу на борт. Шлюпка несколько накренилась, и Дейвис с кормы прикрикнул:

— Женщины, а ну, прекратить базар! Вы мне шлюпку опрокинете.

Не обращая внимания на его слова, Дороти сделала движение, чтобы снять платье, для чего руками крест-накрест подхватила юбку за подол и потянула кверху.

— И не вздумай! — воскликнула перепугавшаяся потерять свою главную собственность Регина. — Лучше постираешь платье! Я за него шестнадцать гиней заплатила. Тебе таких денег сроду не видать.

— Так топиться или не топиться?

— Знаешь что, — спокойнее, но злее ответила госпожа, — я сама умею устраивать спектакли. И я знаю, что ты не собиралась топиться, а только хотела меня позлить. Учти, я тебя еще накажу. Но пока ты мне нужна, и я тебя люблю. Может быть, я тебя люблю больше всех на свете, не считая одного мужчины... Я тебе расскажу о нем, как только стемнеет, а то здесь жарко и еще качает. И ты зря меня перестала бояться. Я интриганка и ненавижу нескромных девок.

Голос Регины звучал столь угрожающе, что Дороти на какое-то мгновение усомнилась в себе и кинула взгляд на камешек в колечке. Камень был безобидно розовым — ничто Дороти не угрожало. И, значит, миссис Уиттли пока не намеревалась мстить.

Регина позвала Дейвиса и сделала ему выговор за то, что он прикрикнул на госпожу. На что Дейвис ответил, что в общих интересах добраться живыми до английских владений.

А надежды на то немного. Не надо обольщаться. Так что давайте помогать друг другу, а не вредить. Они, мужчины, будут управлять кораблем, а женщины уж пускай занимаются хозяйством, делят пищу и воду, но не вмешиваются в мужские дела.

И тут Дороти увидела, что, когда с Региной разговаривают без сомнения в том, что она подчинится, миссис Уиттли превращается в робкого агнца. По крайней мере внешне.

Но разговор об отношениях на борту скорлупки на этом не кончился, а продолжился на следующий день во время обеда, когда Регина, как хозяйка, разливала пресную воду, а Дороти резала хлеб и положила каждому на ломоть по куску солонины.

К тому времени женщины, которые большую часть дня таились в тени паруса, разделись до нижних юбок и рубашек. Дейвис ничем не выказал возражений, тем более что матросы и сами были обнажены до пояса, но молодой Генри стал глядеть на груди Регины, которые были теперь почти обнажены и лежали вольно, свободно, как кокосы, свисающие с пальмы. Он глядел на госпожу Уиттли так, что Дороти испугалась: а вдруг кинется? Но тут выступила сама Регина. Она обратилась прямо к веснушчатому простоватому Генри:

— Послушай, голубчик, и вбей себе в голову вот что: если вы с Дейвисом сможете доставить нас в Калькутту или хотя бы к твердой земле в безопасности, я даю слово, что вы станете обеспеченными людьми до конца своих дней. Спасение меня, верность Компании немалого стоят. Поняли?

Дейвис кивнул, Генри отвел взгляд от прелестей миссис Уиттли.

— Но как только вы посмеете хоть чем-то вызвать мое неудовольствие, вам лучше проклясть день, в который вы имели несчастье появиться на свет. Конечно, вы можете нас погубить, но тогда надежда обогатиться и кончить свои дни в покое и достатке улетит от вас, как вон та чайка.

— Чайка, — повторила за госпожой Дороти. — А разве чайки улетают далеко от земли?

— Даже если и не улетают, мы не знаем, в какой стороне

земля, — мрачно ответил Дейвис, который не любил угроз, тем более что не давал оснований к упрекам.

На борту шлюпки наступило молчание, которое длилось до заката.

Когда наступило время ужина, Дейвис опустил парус, а миссис Уиттли передала на мужскую половину воду и галеты.

Спать было неудобно, женщины постелили на дно запасной парус и втиснулись в пространство между днищем и банками.

Вскоре вышла луна, шлюпку широко и редко раскачивало океанскими валами. Не хотелось думать, что это путешествие может плохо закончиться.

...Регина начала рассказывать Дороти о том, как ей удалось вырваться с пиратского корабля. Матросы тоже разговаривали на баке, и их голоса доносились невнятно, смешиваясь с шорохами воды, которая облизывала лодку. Ночью пошел дождь. Дороти сказала, что у нее есть нож, который ей тихонько дал на прощание доктор Стренгл. Регина отобрала его, заявив, что Дороти все равно не сможет никого зарезать, потому что она еще ребенок, зато, если нужно, Регина ее защитит.

Следующий день был жарким и почти безветренным. Матросы старались поймать рыбу, но скорее делали это из желания чем-то заняться, ведь все равно им не дали с собой ни жаровни, ни огнива. Даже когда на третий день в шлюпку попало несколько летучих рыб, только Дейвис, разделав рыбку своим ножом, сжевал ее. Остальные отказались есть сырую рыбу.

Хоть парус и давал некоторую тень, к середине дня она уменьшилась настолько, что солнце все же добралось до путников. Результаты этого сказались на третий день пути. Хуже всех досталось Регине — у нее была тонкая белая кожа, которая стала в открытых местах красной, и к вечеру Регина начала мучиться от ожогов. Она хотела охлаждать их забортной водой, но Дейвис строго приказал этого не делать, потому что начнутся язвы и от них можно умереть. Миссис Уиттли предпочла терпеть, и потихоньку смачивала кожу пресной водой. Дороти пришлось легче всех — кожа ее, более смуглая, чем у остальных, не так боялась солнца и лишь потемнела. Но До-

роти было неловко, что она переносит невзгоды пути легче хозяйки, и она втрое ухаживала за ней.

На четвертый день солнце зашло, зато поднялся ветер, и матросам пришлось потрудиться у паруса и у руля, чтобы удержать шлюпку на волне. Но они не могли знать, приближаются ли к земле или их относит куда-нибудь в сторону океанским течением.

Океан был бесконечен, равнодушен и казался Дороти живым существом, которое с отстраненным любопытством глядит на то, как по его коже ползет лодка с человечками, и, может, океан даже рассуждает, кто первым помрет из пассажиров шлюпки.

Один из двух анкерков с водой кончился на пятый день. Дейвис сказал, что недурно бы ограничить воду, а то он заметил, как Дороти поливала на руки госпоже пресной водой. Регина оскорбилась и стала кричать на матросов. Они слушали ее мрачно, а когда она откричалась, Дейвис перенес полный бочонок на корму, взял кружку и с тех пор сам делил воду — по кружке утром, днем и вечером. Этого должно было хватить на неделю, и до того следовало встретить землю или корабль.

Один раз вечером, на седьмой день пути, корабль появился на горизонте, но с него лодки не заметили.

Страшное уныние все более охватывало людей. И более всех казнила себя Регина, которая вдруг поняла, что позор, от которого она бежала, куда лучше, чем смерть, к которой они приближаются.

В самой же шлюпке никаких особенных событий не происходило, если не считать припадка, случившегося как-то ночью с Генри — он переполз на женскую половину и принялся шепотом уговаривать Дороти полюбить его, раз уж все равно погибать. Проснулась Регина и чудом не зарезала Генри, которого оттащил Дейвис. Но Регина понимала и сама сказала о том Дороти, что ее власть на борту слабеет по мере того, как дела мореплавателей ухудшаются. Еще день-два, и мужчины выйдут из-под контроля. Ей кажется даже, что Дейвис уже сейчас дает им воды и галет меньше, чем берет себе. А потом и

вовсе перестанет давать воду. Дороти стало очень страшно, она так надеялась, что Дейвис не возьмет такого греха на душу.

Матросы ослабли и перестали грести, помогая парусу. Все отупели, перестали умываться и только ждали своей очереди напиться...

И все же самое страшное происходило лишь в воображении.

На самом деле, если говорить трезво, миссис Уиттли и ее служанке сказочно повезло. Шансов на то, чтобы выпутаться из этой авантюры, у них не было никаких. И только слабым знанием океана и опасностей, подстерегающих путников, можно было оправдать решение Регины.

По всем законам морской жизни они должны были либо погибнуть от жажды и голода, либо опрокинуться в первый же шторм. Ничего подобного не случилось, и не потому, что им покровительствовал Милодар, который на самом деле находился в неведении о событиях и лишь исходил гневом в спорах с Земэнерго, а потому, что судьба порой позволяет себе ухмыльнуться и облегчить безысходную участь героев только для того, чтобы кинуть их в геенну огненную.

* * *

На десятый день, когда вода еще плескалась на дне анкерка, а галеты, хоть и подмокшие после вчерашнего шквала, перепугавшего дам, но не сумевшего опрокинуть шлюпку, представляли собой тяжелый ком солоноватого теста и даже солонина еще лежала в некотором количестве под банкой на баке, то есть задолго до того момента, когда несчастным героям в приключенческом романе приходит помощь, Дейвис приподнялся на банке, потом встал на ней и принялся махать руками. Генри поднял приспущенный парус и, отбежав на корму, положил руль направо. Как можно из этого догадаться, матросы увидели в отдалении светлый на фоне уходящих к горизонту темных облаков парус.

Дело происходило утром, но не рано, примерно в девять часов. К сожалению, золотые часики-брегет госпожи миссис Уиттли встали — в них как-то попала вода, и точное время

можно было высчитывать лишь приблизительно, по высоте солнца над водой.

Трудно передать радость, с какой путники увидели, что неизвестный корабль также начал совершать эволюцию навстречу шлюпке — видимо, на нем не только увидели маленький парус, но и сообразили, что видят потерпевших кораблекрушение и нуждающихся в помощи мореходов.

— Из огня да в полымя, — услышала Дороти сказанные Дейвисом сквозь зубы слова.

— Что ты хочешь этим сказать? — вздрогнула Дороти.

— Это не наш корабль.

— Разумеется, не наш, — откликнулась Регина. — Это арабская джау. Я их насмотрелась, когда жила в Калькутте.

— Они могут забрать нас в неволю и продать, — произнес Дейвис. — Я слышал, как они поступают с людьми. Ведь мы для них неверные.

— Я могу и буду говорить с ними куда проще и спокойней, чем с французскими пиратами, будь те хоть тысячу раз католики. Здесь тебе, Дейвис, делать нечего. Ты греби, управляй парусом, я помню, что ты вел себя хорошо и не обидел нас с Дороти. Но, когда дело касается серьезных вещей, дай уж мне, голубчик, решать, как обставлять дела. Это торговая джау, я бы назвала ее баггалой, — продолжала Регина. — Что значит по-арабски «мул». Не удивляйся ее скромному издали виду и ее косым парусам, словно у рыбачьей фелюги. Я думаю, что эта фелюга не уступит размерами нашей «Глории».

Разумеется, Дороти не могла поверить хозяйке — и на самом деле одна большая мачта с косым парусом и вторая, совсем маленькая, тоже с одним косым парусом, не могли принадлежать большому судну.

По силуэту баггала более всего напоминала быстроходную лодку, однако у нее была высокая корма, как на «Глории», которая завершалась резным транцем с двумя рядами окон, словно она была перенесена на арабскую фелюгу с английского корабля.

Суда сближались довольно быстро, и уже через четверть часа Дороти поняла, что ошибается, потому что фигурки людей, глядевших на шлюпку, перегнувшись через фальшборт баггалы, были столь малы по сравнению с судном, что приходилось признать правоту миссис Уиттли.

Шлюпка подошла к борту баггалы, покрашенному в зеленый цвет, оттуда в шлюпку кинули трап с деревянными перекладинами, а по концам, опущенным сверху, в шлюпку шустро спустились три матроса в шальварах и куртках на голое тело. Все они были смуглыми, невысокими и верткими людьми, которые не переставали улыбаться, что-то быстро говорить и перекликаться с теми, кто наблюдал за этой сценой с верхней палубы. Так как ничего, кроме женских сундучков, пассажиркам не надо было брать с собой, то с помощью английских матросов они поднялись на борт, где их ждал окруженный толпой любопытных арабов молодой человек, одетый в желтый халат, с зеленым тюрбаном на голове. Он был тонок, узкоплеч, внимательные черные глаза смотрели из-под тяжелых век оливкового лица.

— Добро пожаловать, — произнес он на английском языке.

— Здравствуйте. — Регина уже приняла царственную осанку и была уверена в себе даже более, чем на совещании корсаров. — Я рада, что вы догадались о нашей принадлежности. Меня зовут леди Регина Уиттли, я супруга фактора Ост-Индской компании в Рангуне.

— Я рад приветствовать вас на борту моего корабля, — сказал узкоплечий человек. Дороти поняла, что ему не более двадцати лет. — Мое имя Камар аз-Заман, — сообщил молодой человек. — Я сын достопочтимого Абд-ар-Рахмана, которому принадлежат эта баггала и много других кораблей и домов. Я прошу вас пройти к моему отцу, который ждет вас в своих покоях.

Узкоплечий молодой человек сделал широкий жест сухой рукой, которая высунулась по локоть, когда широкий рукав съехал к плечу.

— Я благодарю вас за помощь, — сказала Регина. — Но попрошу сначала выделить мне и моей служанке какую-нибудь каюту, чтобы мы могли привести себя в порядок, прежде чем предстанем пред взором твоего отца. И также дайте место мо-

им матросам, ибо они смелые и преданные мне люди, которые многое сделали для нашего спасения.

Молодой человек наклонил голову в ладно завязанном зеленом тюрбане и быстро заговорил по-арабски, отдавая распоряжения окружавшим его людям, которые внимали ему, но не сразу бросились исполнять его приказания, а сначала задавали ему вопросы, на которые молодой человек не мог ответить и потому рассердился и прикрикнул на моряков. Дороти было смешно наблюдать за этой сценой, тем более что молодой человек был ей приятен, и сам он, внимательно оглядывая спасенных большими черными глазами, несколько раз останавливал свой взгляд на Дороти, которой было приятно сознавать, что она произвела на него большее впечатление, чем пышная птица Регина. Ей уже надоело, что все мужчины мира сходят с ума по этой толстухе, тогда как Дороти — тоже не последняя девушка в мире, по крайней мере на своей улице она считалась лучшей из девушек и никто не оспаривал ее первенства, может, потому, что считали ее еще девочкой — хорошенькой, даже красивой, но всего-навсего девочкой. Это понятно, говорила мама, потому что Дороти росла на глазах у соседей, а время бежит так скоро, что ты только-только успел привыкнуть к тому, что по улице бегает черноволосая голубоглазая девчонка в коротком платьице, как оказывается, что ей пора замуж... Дороти почувствовала, что Камар снова посмотрел на нее, и встретила открыто его взгляд, заставив его, в свою очередь, потупиться.

«Он смутился», — обрадовалась Дороти. Ведь каждой женщине лестно встретить мужчину, который робел перед ней, тогда как другие мужчины перед ним почтительно склонялись.

— Вам покажут ваши каюты, — сказал молодой человек. — Надеюсь, что они вам понравятся.

— Нам не нужно двух кают, — резко ответила Регина, которая не могла вытерпеть, что ее намереваются уравнять в правах с горничной. — Эта девушка, Дороти, моя служанка, и она будет находиться со мной в одной каюте, потому что она нужна мне для услуг.

Дороти показалось, что в глазах молодого человека мелькнуло разочарование, и ощутила такой приступ злобы к этой курице, что готова была ее задушить. А чуткая Регина почувствовала, что сильно задела горничную, и порадовалась. Она любила унижать людей, все вокруг должны были знать свои невысокие места.

— Не обращайте внимания на то, что в вашей каюте еще пахнет табаком, — вдруг улыбнулся Камар, — это каюта кормчего, и он с наслаждением уступает ее вам до тех пор, пока она вам будет нужна.

— Ах, — произнесла Регина, — как жаль, что мы доставляем кому-то неудобства.

— Кормчий будет счастлив, — отрезал молодой человек. — Сейчас вас проведут в каюту. А через...

— Через час, — сказала Регина.

— Через час за вами придут. Мой отец будет ждать вас.

Молодой человек повернулся к ним спиной, но сделал это так неловко, словно и не хотел поворачиваться. И тут Дороти поняла, в чем дело, — Камар был горбат.

Он не принадлежал к тем низкорослым, приземистым, уродливым горбунам с могучими, свисающими до земли руками. Горб его был относительно невелик и не смог согнуть тело, скорее казалось, что какой-то злой шутник подложил между лопаток мяч. И вид горбуна не вызывал отвращения, а только жалость к несправедливой судьбе.

Чуть прихрамывая и не оглядываясь, молодой человек удалился, и за ним ушли несколько человек, тогда как один из оставшихся, бородатый толстяк с красными щеками и губами и будто нарисованными широкой кистью червяками бровей, сказал, указывая пальцем себе на грудь:

— Саид.

— Рахман, — ответила Регина. — Якши.

— Что вы сказали? — спросила Дороти.

— Это какие-то их вежливые слова, я легко подхватываю другие языки, но не всегда помню, что значит вся эта чепуха.

Регина увидела, как двое матросов уводят в сторону Дейвиса и Генри.

— Мы увидимся! — крикнула она спутникам по путешествию.

— Дай-то бог, — ответил Дейвис.

— Вы нас не забывайте, госпожа, — вторил ему Генри. Матросы чувствовали себя неуверенно и робели. В море, в шлюпке, они были смелее.

— Я о вас помню, — отмахнулась полной ручкой Регина. — Ничего с вами не случится.

Саид что-то говорил госпоже по-арабски, видно, уверившись в ее обширных знаниях. Дороти огляделась.

Баггала вряд ли намного уступала «Глории», но корпус английского судна был куда более массивным и высоким, отчего в «Глорию» помещалось куда больше товаров. Мачт на ней было больше, и стояли они теснее, а многочисленные паруса, наверное, помогали быстрее передвигаться. Но стоило Дороти шагнуть к борту и поглядеть, как расступаются волны перед носом баггалы, как она поняла, что эта лодка не уступит в скорости даже «Клариссе». Да, на ней стояло лишь два паруса, но размеры их были за пределами воображения — косая рея главного паруса поднималась ярдов на пятьдесят над палубой, а его треугольник мог бы закрыть собой церковную колокольню в Лондоне...

— Закрой рот, — заметила Регина, — приди в себя и не изображай деревенскую дурочку перед лицом этих дикарей.

— Иду, — смутилась Дороти. — А что будет с нашей шлюпкой?

Вдруг Дороти стало жалко шлюпку — пустая, брошенная, она плывет сейчас, привязанная за веревку к корме баггалы.

— Мы должны будем заплатить за переезд, — ответила Регина. — А такая шлюпка стоит больших денег.

Дороти поняла, что Регина уже начала выгадывать, мысленно торговаться с господином Абд-ар-Рахманом, которому предстоит теперь завозить знатную даму в Рангун или Калькутту.

Саид провел дам в каюту на корме, по странному совпадению расположенную почти там же, где каюта Регины на «Глории», и лишь немного уступающую ей размером.

Каюта была устлана коврами, там стояли две низкие тахты и невысокий круглый стол. Зато не было ни стульев, ни обеденного стола. Дороти этому не удивилась, потому что она знала, что восточные люди сидят на коврах или низких диванах и берут пищу руками.

Видно, кормчий был вынужден спешно покинуть свою каюту, потому что на одной из оттоманок валялись какие-то халаты и шаровары, на ковре стояли рядышком расшитые золотом туфли с загнутыми носками, словно из сказок «Тысячи и одной ночи», которую Дороти читала еще девочкой.

Когда Саид, кланяясь, ушел из каюты, Регина, полная неожиданностей, сказала, как бы продолжая вслух мучившую ее мысль:

— Я поняла, почему он так на тебя глазел. Ты же в моем драгоценном платье! Конечно же, он судил по платью и решил, что ты тоже дама! Вот чепуха!

Последнее относилось к очевидной слепоте горбатого араба.

— Видала, какой урод!

— Он мне не показался уродом.

— Разумеется. Тогда снимай мое платье. У тебя в сундуке есть твое. После тебя все вещи приходится выбрасывать!

Это было несправедливо, потому что больше недели Дороти в этом платье провела в шлюпке, а до того несколько дней в лазарете. Вряд ли можно было сейчас различить, каким оно было раньше. Нет, этот несчастный араб глядел на нее потому, что видел в ней красивую девушку. Именно так!

Убедить себя было нетрудно, с госпожой Дороти не стала делиться своими догадками.

— Сходи спроси воды, — приказала Регина. — Конечно же, они забудут.

— А как вода по-арабски? — спросила Дороти.

— По-моему — су. А может быть, я ошибаюсь.

Но Дороти не пришлось объясняться с арабами, потому что как раз в этот момент, не постучавшись, вошли два молодца с тазами и кувшинами. Они попытались объяснить Регине, что готовы полить женщинам, но Регина выставила их и сказала, попробовав воду кончиком пальца:

— Я встану в таз, ты будешь поливать меня из кувшина. Вообще-то вода могла быть погорячее.

Регина мылась долго и почти не оставила воды служанке, может быть, даже сделала это нарочно. Это было наказание за внимание молодого горбуна. Дороти имела основание так думать, потому что Регина ни с того ни с сего вдруг заявила:

— Самое большое уродство — это горб. В этом есть что-то отвратительное. И не отвечай, я знаю, что ты мне ответишь. Кстати, ты заметила, какой у него изумрудный перстень?

— Нет, мэм.

— Глупо. Такие вещи женщина обязана замечать. Женщина призвана ценить дорогие и прекрасные вещи.

Наконец Регина была готова к визиту к хозяину судна. Они вышли из каюты.

У дверей сидел на корточках чернолицый мальчишка в коротких панталонах. Увидев выходящих женщин, он с гортанным криком помчался прочь, и не успели они отойти и десяти шагов от каюты, как появился сладкий Саид и стал, разводя руками, приглашать их за собой.

И тут Дороти ждала неожиданность.

Каюта господина ар-Рахмана оказалась невелика и крайне скромно обставлена. На диване, покрытом ковром, сидел сам ее хозяин, а для гостей были приготовлены обтянутые кожей пуфы, похожие на мягкие бочонки. Темно-красный ковер покрывал пол и диван. На нем, подложив под себя босые ноги, сидел повелитель нового и незнакомого мира, в который попала Дороти.

* * *

Нетрудно было догадаться, что господин Рахман и его сын Камар — близкие родственники. И сейчас, когда горбун стоял сбоку от дивана, на котором восседал отец, его лицо казалось слепком с лица отца. Лишь раскрашивая их, небесный художник использовал на лицо отца всю розовую краску, и для юноши остались лишь желтые и бурые тона. Но те же громадные черные глаза в густых ресницах, украденные у томной женщины, которая никак не может поднять тяжелые верхние

веки, прикрывающие верхнюю половину зрачка, придают лицу выражение равнодушное и сонное. Что вовсе не соответствует действительности. Тело же господина Рахмана когда-то было таким же, не считая горба, как у сына, — узкоплечим и тонким. Но с годами оно приобрело тугой круглый живот, который был как бы приставлен к Рахману спереди. «Смешно, — подумала Дороти, — сыну приклеили горб, а отцу живот».

— Садитесь, — сказал господин Рахман.

Дороти не поняла слова, но жест не вызывал сомнений.

Сел и Камар, выразительно взглянув на Дороти.

— Я рад, что судьба привела вас на мой корабль, — сказал Рахман. Вернее, он произнес это по-арабски, а его сын тут же перевел фразу на английский.

— Мы тоже счастливы, что спаслись, встретив вас, — ответила Регина.

После этого некоторое время они улыбались друг другу, потому что совершать добрые поступки и благодарить за них — удовольствие и для гостей, и для хозяев.

Вошли мальчики и принесли кувшины, высокие бокалы и поднос с орешками и изюмом. Они обносили гостей. Камар глядел на Дороти, а Дороти оглядела себя — критическим взором. Ее обыкновенное серое платье было мятым, но по крайней мере чистым и целым.

В бокалах из темного стекла покачивалась сладковатая жидкость вроде разбавленного яблочного сока.

— В последние дни стоит хорошая погода, — сообщил господин Рахман.

— Погода не всегда хороша для путешествия в открытой шлюпке, — ответила Регина.

Камар переводил быстро и уверенно. «Где же он так научился языку?» — подумала Дороти.

— Угощайтесь, — сказал Рахман. — Я не могу предложить вам фруктов, потому что мы уже две недели в открытом море и некоторые яства кончились.

Пока Камар переводил, Рахман развел руками, выражая печаль, и веки опустились еще ниже, оставив лишь узкие щелки глаз.

Когда же они начнут говорить о деле?

— Надеюсь, ваш сын сообщил вам, — произнесла наконец Регина, словно подслушала нетерпеливые мысли Дороти, — что я — жена фактора Ост-Индской компании в Рангуне. Мое имя миссис Регина Уиттли.

Рахман ответил не сразу, он укоризненно покачал головой, будто был не очень доволен тем, что быстро завершилась светская часть встречи и теперь придется разговаривать о делах.

— Что же заставило вас покинуть ваш корабль, уважаемая госпожа? — спросил Рахман. — И отправиться в столь трудное и опасное плавание?

— На наш корабль напал французский корсар Сюркуф, — сказала Регина.

Это сообщение огорчило Рахмана.

— Ай! — сказал он. — Как плохо! Неужели это исчадие ада возвратилось в наше море?!

— Вы слышали о нем?

— Он ограбил один из моих кораблей и повесил на рее его капитана за то, что тот посмел перечить этому негодяю! Но продолжайте свой рассказ, госпожа. Неужели вы единственная спаслись от ужасной участи?

— Наш корабль «Глория», который следовал в Калькутту, а оттуда в Рангун, подвергся нападению Сюркуфа и после боя был захвачен им. Меня и офицеров корабля перевели на борт его «Клариссы». — Регина говорила осторожно, медленно, словно ожидала, пока переводчик передаст ее слова господину. На самом деле, как понимала Дороти, госпоже надо было уже сейчас точно выразить свою версию событий. — Однако с помощью человека, который сочувствовал мне, я смогла... — Регина искала правильное слово, — я смогла получить шлюпку и убежать.

Все это звучало не очень убедительно, но ни господин Рахман, ни его сын ничем не выразили удивления. Господин Рахман сокрушенно качал головой и потом сказал:

— Я поражен отвагой слабой женщины, которая решилась на такое путешествие.

— У меня не было выбора, — ответила Регина. — Речь шла о моей чести.

Сын с отцом некоторое время спорили о переводе последней фразы, и Дороти поняла, что они никак не сойдутся в понимании женской чести. Не договорившись, они прекратили спор и предпочли слушать.

— Сколько же времени уважаемая госпожа пробыла в открытом море?

— Больше недели. Точнее — восемь дней.

— Удивительная отвага и большое везение, — сказал господин Рахман. — Что же вы намерены делать дальше?

— Я хотела бы узнать, куда направляется ваш корабль, — произнесла миссис Уиттли.

— Мы идем с грузом муската и ванили с острова Тидоре, а также погрузили в Малакке несколько ящиков хорошей китайской посуды, — откровенно ответил Рахман. — И держим путь в порт Оман, где мы разгрузимся и, возможно, некоторое время будем отдыхать от трудов.

— О! — произнесла разочарованно Регина. Она знала географию. Дороти была не настолько образованна, но по тону госпожи поняла, что судно господина Рахмана плывет вовсе не туда, куда следует.

— А где мы сейчас находимся? — спросила Регина.

— Сейчас мы находимся в двух днях пути от южного берега Цейлона.

— А есть ли там английский порт?

— Еще два дня пути до Коломбо. Но мне говорили, что тамошняя фактория захвачена французами. Это слух не проверенный, но упорный.

— А сколько отсюда пути до Рангуна? — спросила миссис Уиттли.

— Пять дней. При хорошем ветре. Может, немного меньше или немного больше.

— Вот туда мне и надо. Мой муж ждет меня, — сообщила Регина господину Рахману.

— Наверное, — сказал господин Рахман, — мы встретим в Омане суда, направляющиеся в Ост-Индию.

— В Омане?

— При благоприятном ветре уже в этом году вы счастливо воссоединитесь со своим мужем.

Регина медленно моргала большими светлыми прозрачными глазами, словно птица, залетевшая по неосторожности в собачью конуру. Потом смысл слов Рахмана дошел до нее и вызвал гневную реакцию.

— Вы издеваетесь надо мной? — спросила она тихо. — Или просто несете чепуху?

По мере того как она говорила, ее голос все поднимался, пока не превратился в визг. Груди ее совершили привычный фокус, разорвав спереди платье, но никто и бровью не повел при виде этого представления.

— Несете что? — вежливо спросил горбатый Камар.

— Че-пу-ху, — по складам ответила Регина.

Камар перевел. Его отец задумался, почесывая небольшую, аккуратно подстриженную бороду.

— Я не хочу обижать госпожу и не хочу обижаться на гостью, — ответил он. — Хотя мне глубоко прискорбно слушать оскорбления, которых я не заслужил. Но войдите в мое положение, госпожа Уиттли. Я плыву по морю, потому что этим я зарабатываю деньги. Я не последний человек в этом мире. В море я вижу ничтожную лодочку и в ней четырех человек, англичан. Одна из спасенных мною особ объявляет без всяких на то доказательств, что она — знатная дама и жена английского фактора в Рангуне. Правильно ли я понял?

— Как вы еще могли понять? — раздраженно ответила Регина, которая с трудом сдерживалась, выслушивая ответ господина ар-Рахмана. — И я не вижу основания ставить под сомнение мои слова. В крайнем случае вы можете допросить моих спутников.

— Но вы же сами утверждаете, что они лица низшего звания, ваши рабы.

— У нас в Англии нет рабов, и показания матросов и Дороти могут быть приняты во внимание любым судом.

— Мы не на суде, госпожа Уиттли. Я просто рассказываю вам, какими представляются со стороны ваши обстоятельства.

— Зачем я должна это слушать? — Щеки Регины раскраснелись, как всегда бывало, когда она возбуждалась. Но здесь ее никто не боялся.

— Затем, что мне нет никакого смысла губить свое путешествие, отказываться от большой прибыли только ради того, чтобы отвезти неизвестную женщину неизвестно куда.

— Но я — миссис Уиттли!

— Может быть, это и правда, — кивнул достопочтимый Рахман. — Я даже знаю, что с недавних пор именно господин Джулиан Уиттли и в самом деле стоит во главе фактории в Рангуне. Море — это большая дорога. Путники встречаются и обмениваются сведениями.

— Тогда вы должны были слышать о нападении Сюркуфа на «Глорию»!

— Я плыву с востока и неделю никого не встречал.

— Так что вы хотите получить за то, что отвезете меня в Рангун?

— Ничего, — вежливо улыбнулся Рахман. — Ровным счетом ничего. Но я обещаю вам бесплатный кров и постель на борту моего корабля на все время путешествия до Омана.

— Я его готова убить, — прошептала Регина.

Дороти поглядела украдкой на свое колечко. Камешек был розовым, никакой угрозы Дороти от арабов или хозяйки не исходило.

Дороти понимала, что разум здесь на стороне арабского купца. Она будто была знакома с ним, потому что в детстве сосед сверху рассказывал ей сказки про Синдбада-морехода. Вот она и сидит сейчас перед Синдбадом, который постарел, растолстел, обзавелся несчастным сыном, но, в общем, не очень изменился. И если раньше она плыла по океану на английской шлюпке, и потому ей не могла встретиться птица

Рок или кит размером с остров, то теперь любое чудо могло стать явью.

— Я полагаю, что моя гостья устала, — произнес ар-Рахман. — Вам принесут пищу в каюту. Простите, что не могу разделить трапезу с вами, но нам не разрешает этого наш закон.

Регина была мрачнее тучи. Она не поднималась с места.

— Сколько будет стоить, — упрямо спросила она, — если ваше судно... — Последнее слово она произнесла, вложив в него все возможное презрение, но Камар или не понял, или не захотел понять интонацию миссис Уиттли. — ...если ваше судно отвезет меня в Рангун?

— Это очень дорого стоит, — ответил Рахман и поднял руку, прекращая разговор. А так как Регина упорствовала, не поднимаясь, поднялся он и, кинув взгляд на Дороти, причем той показалось, что глаза его из-под нависших век улыбаются ей, последовал прочь из каюты, пройдя совсем близко от Регины, но не взглянув в ее сторону.

И тогда миссис Уиттли не оставалось ничего иного, как последовать за хозяином судна. Замыкал шествие Камар, и Дороти чувствовала всей спиной, как он ее рассматривает. Но когда она обернулась и поймала его взгляд, Камар виновато отвел глаза. Может быть, он жалел женщин и хотел бы им помочь, да был бессилен...

В каюте Регина рухнула на диван и залилась слезами.

— Ты видишь, — повторяла она, — ты видишь, какое это злобное животное? Он готов нас выбросить за борт.

— А мне так не показалось, — ответила Дороти.

— Что ты понимаешь! Тебе ведь все равно, куда плыть. Ты готова провести здесь месяц, год, попасть в гарем к его недоноску, только чтобы не помогать хозяйке, которая ради тебя бежала от пиратов.

— Ради меня? — искренне удивилась Дороти.

И Регина не менее искренне — она в тот момент верила собственным словам — ответила:

— Разумеется, они бы надругались над тобой, а потом выбросили бы тебя за борт, чтобы замести следы.

Но тут двое мальчиков принесли подносы с пловом и отдельно тушеную курицу, сладости и крепкий чай.

Блюда были наперченными, острыми, но вкусными, и женщины, истосковавшиеся, оказывается, по горячей, настоящей пище, приготовленной на плите, в две минуты смолотили плов и курицу, опились чаю и объелись сладостями так, что потом обе заснули и проспали до следующего утра, причем ночью у обеих стало неладно с животами, и они, перешептываясь, долго бродили по палубе, стараясь понять, где расположен гальюн на баггале, и спас их Дейвис, куривший на палубе, который объяснил, что в каюте должны быть ночные посудины для знатных пассажирок.

* * *

Утром Регина проснулась мрачной, больной, с красного лица лоскутами слезала обгоревшая в шлюпке кожа. Даже пират Сюркуф вряд ли полюбил бы ее в тот момент.

— Мы погибли, — сказала она. — Я всю ночь не спала и поняла — мы погибли. Мы закончим жизнь в арабском гареме — нас продадут на рынке в Омане. Теперь ты понимаешь, почему я не спала всю ночь?

Дороти знала, что хозяйка ночью спала, потому что у той заложило нос и она сопела и храпела. Но храпящий человек не знает, как он ужасен для окружающих.

— Тебе все равно, — сказала хозяйка. — Тебе и в гареме будет лучше, чем в твоем вонючем нищенском доме.

— Мой дом не вонючий и не нищенский, — обиделась Дороти, но хозяйка даже не слышала ее. Она была поглощена своим горем. — И вообще мне показалось, что господин Рахман согласен нас доставить в Рангун.

— Что ты говоришь! — возмутилась Регина, но тут же спросила: — А почему ты так думаешь? Что за глупость?

— Он не был сердитый, — ответила Дороти. — Он — торгаш. Он думал, как бы нас... использовать.

— Ты в самом деле так подумала? Нет, чепуха! Бред твоего жалкого мозга.

Но мысль Дороти, несмотря на отрицание ее Региной, запала той в сознание. Она подошла к окну каюты и, глядя на птиц, летящих за кормой баггалы, шептала, рассуждая:

— Но что он хочет? Сколько ему обещать...

Принесли воду для омовения, потом чай и сладости. «Я растолстею, — подумала Дороти, — и стану такой же соблазнительной, как Регина. Правда, сладостей много не съешь».

Потом Дороти попросила разрешения у госпожи выйти на палубу. Сама Регина на палубу не пошла, потому что плохо выглядела, но Дороти отпустила и велела ей внимательно прислушиваться и приглядываться. Как будто Дороти была арабкой.

На палубе было прохладно. Моросил дождик, но ветер дул ровно, и судно неслось быстро... К Оману? Где это — Оман?

— Доброе утро, — сказал горбун.

Он неслышно подошел к Дороти. Глаза его опухли и поблескивали где-то глубоко, обведенные почти черными кругами.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила Дороти.

— У меня внутри есть болезнь, — сказал Камар. — Но в Каире живет один доктор, знаменитый на весь мир. Он обещал вылечить меня травами.

Дороти чувствовала к молодому человеку жалость. Ей хотелось что-нибудь сделать для него.

— Вы хорошо говорите по-английски, — сказала она. — Просто замечательно.

— Я хочу поехать в Англию, — ответил молодой человек, — я буду учиться в университете в Оксфорде. Я несколько лет готовился. У меня был учитель, отец купил его у пиратов. Но потом он умер. Сейчас я хочу найти другого. Не хотите ли стать моим учителем?

Молодой человек робко улыбнулся, и вдруг Дороти увидела, что камешек в кольце немного потемнел. Осторожно!

Дороти было странно сознавать, что Камар может ей чем-нибудь угрожать. Слишком безобиден и робок был его черный взгляд. Но камешку она уже верила.

— Разве женщина может быть учителем по вашему закону? — спросила Дороти.

— В некоторых обстоятельствах может, — туманно ответил Камар.

Они замолчали.

— Ваш отец, — спросила тогда Дороти, чтобы переменить тему разговора, — ваш отец в самом деле не изменит курса вашего корабля? — спросила она.

— Это очень дорого стоит, — ответил Камар.

— Но с каждым часом мы уносимся прочь от Рангуна? — спросила Дороти, глядя, как легко судно разрезает волны.

— Может быть, — странно ответил Камар.

— Моя госпожа готова дорого заплатить.

— Каждый день стоит много золотых монет. Нас ждут в Омане перекупщики. Вы просто не представляете, сколько мешков с пряностями лежит у нас под ногами.

— Я думаю, что муж миссис Уиттли оплатит вам ваши расходы.

Камар вдруг улыбнулся.

— Мы привыкли, — сказал он искренне, — не доверять неверным. Вы, христиане, не держите своего слова. Вы — обманщики.

— Далеко не все!

— Бывают, наверное, исключения.

— Среди ваших людей тоже много обманщиков.

— Разумеется. Но у нас другая хитрость и другая ложь.

— А сколько стоит изменить курс?

— Спросите у моего отца, — сказал горбун. — Я бы сделал это бесплатно.

«Он слишком пристально смотрит на меня, от него исходят горячие волны... Мне становится сладко и страшно. Но и жалко его».

— Лучше за все платить, — сказала Дороти, отворачиваясь от Камара.

— Тогда платите вперед, — сказал Камар.

Дороти бросила взгляд на камешек. Он еще более потемнел.

Она уже понимала, какого рода опасность исходила от Камара и почему камешек как бы остановился, темнея, на пол-

дороге. Он не мог понять своим каменным компьютером, насколько была опасна для Дороти страсть, охватившая молодого горбуна.

— Я не знаю, как моя госпожа решит уговаривать вашего отца, — сказала Дороти. — Она умная, она сообразит. Например, она может написать расписку...

— А когда мы привезем вас, — печально ответил горбун, — то английский фактор скажет, что нас не знает, а его жена сумасшедшая, подпись которой недействительна. Так было с одним другом моего отца. Он был разорен и повесился.

— Значит, нас ждет дорога в Оман? Откуда, вернее всего, мы уже никогда не вернемся домой...

— Но в Омане бывают европейцы. Туда заходят португальцы, там бывают голландцы...

— Это все наши враги. Нам нечего ждать пощады...

— Зачем вы согласились пойти в услужение к такой неприятной женщине? — спросил Камар.

У него был смешной акцент. Будто ему было трудно выплевывать английские слова, поэтому он предварительно очищал их от мяса и выговаривал лишь кости слов.

— Чего еще я могла ждать? — ответила Дороти. Следует сказать, что слова молодого араба были ей приятны.

— Я вижу, что вы принадлежите к высокому роду, — продолжал Камар. — Я узнаю сиамскую княжну, когда я вижу одну из них.

— Сиамскую княжну? — Эти слова ничего ей не говорили. Она не была уверена, что слышала когда-нибудь это слово — Сиам. Наверное, это арабское государство. И вдруг ей стало неловко признаться в том, что ее мать — лигонка из Авского королевства. Она испугалась разочаровать молодого горбуна.

— Вы схожи с тростинкой, с гибким побегом розы, и губы ваши подобны розовым лепесткам.

— Не надо, — улыбнулась Дороти, — если вы будете продолжать сравнения, вы скоро наверняка меня смутите.

Камар замолчал. Дороти смотрела прямо перед собой, склонив голову за борт и глядя, как бежит волна, но чувствовала неотрывный взгляд Камара.

— А вы живете в Лондоне? — спросил он через некоторое время.

— Да, у нас там есть дом, он остался от моего отца.

— Вы не бедствуете?

— О нет! — возмутилась Дороти. Она искренне не считала, что семья Форестов бедствует.

— Так почему вы пошли в услужение?

— Мне трудно и долго объяснять вам причины, побудившие меня отправиться в плавание.

— Вы скрываете свое истинное лицо?

Дороти не ответила. Потому что не знала, скрывает ли она что-либо, ибо ее никто, даже Блекберри, об этом не спрашивал.

— Вы мне не доверяете? — спросил Камар.

— Я думаю, как нам добраться до Рангуна, — сказала Дороти.

— У меня есть одна мысль...

— Скажите!

— Рано. Сначала посмотрим, к какому решению придет мой отец.

— А он может изменить решение? — обрадовалась Дороти.

— Каждый человек может изменить свое решение. Даже вы, Дороти.

Он совсем иначе, чем англичане, произносил букву «р», и потому имя Дороти в его устах звучало почти незнакомо.

Из двери каюты выглянула Регина. Она быстро углядела, где и с кем стоит Дороти, и закричала:

— А ну, сейчас же домой! Я с утра непричесанная!

Регина кричала нарочно громко и грубо. Видно, ей хотелось напомнить Дороти, что та — ее вещь.

Дороти не стала обижаться, она понимала, что хозяйка сейчас расстроена и испугана. Она ее жалела.

Но Камар повел себя неожиданно.

— Если вы только прикажете мне, — сказал он решительно, — я скажу миссис Уиттли все, что я о ней думаю. И о том, на кого можно кричать, а на кого нельзя.

— Не обращайте внимания, госпожа расстроена.

— Она должна знать, что вы находитесь под моим покровительством.

— Вот этого она знать не должна. И я тоже...

Камар потупился. И Дороти вдруг поняла, насколько этот немощный человек упрям и упорен. Его уродство послужило ему на пользу, потому что у него не было основания любить здоровых, красивых и стройных людей, ведь не любит же жаба лебедей! Но она может не любить и прочих жаб, потому что в ее глазах они выглядят уродливыми.

Дороти быстро пошла к каюте.

Регина велела ей причесывать себя и особенно проверять, нет ли в волосах вшей или гнид — госпожа была чистоплотна и боялась этих насекомых, бывших самыми обыкновенными жителями большинства париков и причесок того времени. К счастью, на этот раз обошлось, но туалет Регины занял много времени, тем более что потом Дороти пришлось штопать и зашивать платья, наконец — стирать нижнее белье. Дел хватило до обеда.

— Зачем ты стоишь с этим уродцем! — выговаривала между тем Регина своей служанке. — У них, арабов, ничего случайно не бывает. Они страшно коварны.

Интересно, Камар считает коварными европейцев, а Регина — арабов. И обе стороны искренни в своих мыслях и подозрениях.

— Он собирается ехать в Оксфорд, — сказала Дороти. — Он выучил английский, чтобы его туда пустили.

— Надеюсь, этого никогда не случится! — фыркнула Регина.

— А может быть, именно в этом и есть наш шанс? — произнесла Дороти.

— Говори, что ты имеешь в виду. — Регина подняла голову, обернулась. Ее глаза настороженно округлились.

— Англия — наша страна. И как бы много денег ни было у арабского торговца, я думаю, его сыну очень трудно поступить в английский университет без протекции.

— Я иногда удивляюсь, — сказала Регина, — где ты научилась так говорить.

— Из книг, — честно ответила Дороти. — У меня хорошая память, и я помню мои любимые книги целыми страницами.

— Какие же у тебя любимые книги? — спросила Регина, не скрывая презрения перед любимым занятием Дороти, которым ей заниматься не положено.

— Разумеется, «Приключения Тома Джонса — найденыша»! — воскликнула Дороти. — И еще я люблю «Приключения Гулливера».

— Ах да, — отмахнулась Регина. — Только голову зря забиваешь.

Но слова Дороти запали ей в голову.

— Вы говорили о его желании ехать в Англию?

— Он сказал мне, что господин Рахман не доверяет европейцам. Он говорит, что европейцы обещают заплатить за наше возвращение, а потом забудут о своих обещаниях, — ответила Дороти.

— А что ты сказала?

— Я сказала, что вы можете дать ему расписку.

— А он?

— Он считает, что этого недостаточно.

— Сегодня я снова буду разговаривать с Рахманом, — сказала Регина, — потому что больше терпеть нельзя. С каждым часом мы удаляемся. Я не могу ждать оказии в Омане, потому что должна попасть в Рангун, к Джулиану, первой и не допустить, чтобы сплетни о моем поведении, о том, как я купила себе билет домой, оказались в Рангуне раньше меня. Ты это понимаешь?

— Разумеется, — ответила Дороти.

— Сегодня я буду предлагать ему все, что возможно, абсолютно все! Я должна купить, выпросить, вымолить...

После обеда Регина одна пошла на переговоры с Рахманом. Дороти осталась в каюте. Там ей не сиделось, и она вышла на палубу. Она хотела, чтобы вышел Камар, пускай он расскажет, как там идут дела. Как бы Регина в своем неуемном желании попасть в Рангун не наобещала лишнего.

Но Камар не выходил. Уже темнело.

Дороти увидела Дейвиса. Оказывается, англичане жили на

нижней палубе, вместе с матросами. Дейвис жаловался, что кормят плохо, но, правда, не обижают.

И не заставляют работать.

Уже было совсем темно, на теплом небе высыпали яркие тропические звезды, над палубой босые матросы зажгли фонари, засветились и окошки в каютах. Дороти стало зябко и неуютно. Она вернулась в каюту.

Вскоре пришла Регина. Она была взбешена. Она прижимала к животу коробку со своими драгоценностями, на которые делала основную ставку. Но Рахман отказался от драгоценностей, правда, предварительно ощупав и обнюхав их. Они показались ему недостаточной платой. Регина предлагала выписать вексель, и это не помогло.

— А как вел себя Камар?

Дороти хотелось, чтобы он вел себя как друг.

— Он молчал, но я поняла, что он на стороне отца. Он — подлец!

— Почему вы так думаете?

— Я знаю людей. И я сама не святая, мне легче разбираться в людях, чем тебе, потому что ты еще наивная дурочка!

Почему-то Регина сердилась на Дороти.

— А что будет дальше? — спросила служанка.

— Дальше? Он сказал... Я сказала, что согласна на любые его условия. Пускай он их мне предложит.

— А он?

— Он сказал, что они посоветуются с Камаром и сегодня же он скажет мне свои предложения.

В этот момент в каюту заглянул мальчик и сказал по-арабски, что было понято одинаково женщинами как приглашение Регине возвратиться к Рахману.

— Я буду молиться за вас, госпожа, — сказала Дороти.

— Ну что ж, твои молитвы мне могут пригодиться, — рассеянно ответила Регина, думая совсем о другом.

Дороти взглянула на камешек — просто так, почти нечаянно. Камешек был темен. Странный камень — он темнеет и рядом с деликатным Камаром, и рядом с испуганной Региной, которой и дела нет сейчас до своей служанки.

Пока хозяйки не было, Дороти пыталась шить, но руки плохо слушались — чувство тревоги не отпускало ее.

Окончательно миссис Уиттли возвратилась примерно через час.

Слабый свет двух фонарей все же позволил Дороти увидеть, что хозяйка возбуждена и скорее расстроена, чем рада, хотя от дверей она громко сказала:

— Все в порядке. Мы договорились.

— Но как? — Дороти вскочила и стояла у стола, прижав к груди рукоделие.

— Ужасно! Просто ужасно. Я отдала ему драгоценности. Затем я выписала на его имя вексель на десять тысяч рупий. Я не представляю, сможет ли мой муж собрать такую сумму. Просто не представляю...

— И это все?

Регина ответила не сразу. Она прошла к своему дивану и села на него, подогнув под себя ноги.

— Я ужасно устала, голова разламывается!

— И больше ничего не было? — повторила Дороти вопрос, потому что хозяйка чего-то недоговаривала.

— Практически все. Да... Практически...

— Что это значит — практически? — спросила Дороти.

— Не считая пустяков! — сердито ответила Регина. — Ты что, спать не собираешься?

— Нет, мы же не ужинали.

— Ах да! Но меня покормили у Рахмана.

Как будто после этого вопрос об ужине отпадал. Дороти могла потерпеть.

— Госпожа!

— Не мешай мне спать! Я устала и плохо себя чувствую.

— Но вы не разделись... давайте я помогу вам...

— Отойди! Не смей ко мне прикасаться!

— Вы сердитесь?

— Разумеется, я сержусь! — Неожиданно миссис Уиттли вскочила с дивана и уткнула перст в грудь Дороти. — Я сержусь на тебя за предательство, за измену! Я тебе этого никогда не прощу!

— Я не понимаю вас, мэм.

— Еще бы! Тебе невыгодно меня понимать. А сама за моей спиной крутит амуры с горбатым наследником! Я все знаю, вы обо всем сговорились. И я не удивлюсь, если потеряю служанку, которая бросит меня в тяжелый момент и перебежит к грязным мусульманам.

— Что вы говорите?

Регина не ответила, потому что в дверь постучали, вошел мальчик и сказал что-то по-арабски, обращаясь к Дороти.

— Что он говорит? — спросила Дороти.

— Зовет тебя на свидание к твоему ублюдку! — прошипела Регина, но негромко, чтобы не было слышно вне каюты.

— Мне нужно идти? Так поздно? — удивилась Дороти. — Скажите им, что я приду завтра.

Мальчик потянул Дороти за рукав платья.

— Иди, иди, — куда мягче произнесла госпожа. — Только не задерживайся. Мне трудно без тебя раздеться.

Подчиняясь требованиям посланца, Дороти сделала шаг к двери.

Настроение у нее было отвратительное, она чувствовала, что происходит нечто страшное и угрожающее, но еще не понимала — что же именно.

* * *

Мальчик проводил Дороти в каюту, расположенную этажом выше, чем каюта женщин.

Он постучал три раза в дверь, изнутри донесся знакомый голос.

Мальчик открыл дверь, пропустил Дороти и ушел. За спиной туго хлопнула дверь.

— Добрый вечер, — сказал узкоплечий Камар. Вместо тюрбана на его голове была лишь зеленая повязка, струящийся шелковый халат доставал до пола и даже волочился сзади, шурша по коврам.

Он протянул к Дороти руки, и та только сейчас как следует рассмотрела, какие у него бледные и длинные пальцы.

— Добрый вечер, — настороженно произнесла Дороти. — Почему вы позвали меня? Ведь сейчас очень поздно.

— Потому что Аллах откликнулся на мои молитвы, — хрипло проговорил молодой человек. — Он даровал мне счастье.

— Какое? — решила уточнить Дороти.

— Тебя, — ответил Камар.

— Я вас не понимаю, — сказала Дороти.

— Ты отдана мне. Твоя хозяйка отдала тебя, и поэтому наша баггала уже изменила курс. Если ты выйдешь на палубу и посмотришь, ты увидишь, что звезды расположены на небе иначе, чем прошлой ночью. Мы держим теперь путь не на Южный крест, а на Полярную звезду в созвездии Малой Медведицы.

Сообщив эти навигационные сведения, Камар замолк, и так как Дороти все еще не могла найти слов и сил, чтобы ответить ему, он сам продолжил:

— Судя по выражению твоего лица, я могу предположить, что для тебя мои слова — новость.

— Да. — Дороти удивилась, услышав совершенно чужой низкий голос.

— Она тебе ничего не сказала? Ай-ай-ай! Я-то думал, что вы обо всем договорились. Я так надеялся, что ты добровольно решила соединить свою судьбу с моей.

— Судьбу... — Дороти ничего не могла понять.

— Ты станешь цветком моего гарема, — сообщил молодой горбун, — ты станешь моей любимой женой.

Он говорил, словно умолял, не смея поднять робкие глаза на свою избранницу.

— Как же госпожа мне ничего не сказала?

— Наверное, она думала, что для тебя это будет приятным сюрпризом. Отныне ты будешь жить в роскоши и довольствии. Сними это жалкое колечко...

Он снял с мизинца и протянул ей пышный золотой перстень с изумрудом.

Упоминание о колечке заставило ее посмотреть на камешек. Тот вел себя странно, он как бы подмигивал ей, часто меняя цвет — от розового до черного. И Дороти догадалась,

что в том вина не камешка, а Камара, так как у того в голове тоже не было порядка.

— Но как она могла? — спросила Дороти.

— Могла?

— В нашей стране нельзя продавать людей. Я — свободная девушка. Мой отец был королевским служащим. Как такое могло прийти ей в мысли?!

— Дорогая моя голубка, цвет очей моих, — сказал горбун, приближаясь к ней и протягивая золотой перстень. — Мы же не в Англии, мы с тобой в Азии, посреди океана. Здесь мало кто знает об английском короле и тем более о ваших порядках.

— Но об этом узнают — ее же будут судить!

— Твоя хозяйка договорилась, что никто и никогда больше не увидит тебя. Ты утонула в пути. Утонула. А в моем гареме тебя будут звать Фатимой, моя драгоценность. Возьми перстень, возьми, пусть он соединит нас...

Молодой человек уже приблизился настолько, что смог схватить холодными влажными пальцами Дороти за руку, и попытался надеть на ее руку перстень. Дороти вырвалась и отступила назад.

— Не смейте ко мне приближаться! Я вам голову оторву!

— Ах, какая страстная! — воскликнул в радости Камар. — Какие чувства! Как я мечтал о такой красавице, а не об этих коровах, которых мне подсовывали бедные родственники или корыстолюбивый папа!

— Она у меня попрыгает! — пригрозила Дороти. — Она еще пожалеет о дне, когда родилась на свет! Торговать живым товаром!.. Да даже неграми теперь запрещено торговать! Я до короля дойду.

— Вай, вай, — умиленно качал головой ее жених.

— Ее сразу разоблачат, — сказала Дороти. — У меня есть свидетели, матросы, которые были с нами в шлюпке.

— Матросов она тоже продала моему папе, и совсем дешево, — сообщил Камар.

— Матросов?

— Заход нашего корабля в Рангун дорого обойдется моему папе. Он показал госпоже Уиттли все расчеты, и она согласи-

лась на них. Поэтому она отдала моему папе все свои драгоценности, которые ты унаследуешь, как только станешь моей женой, она выписала вексель на десять тысяч серебряных рупий. Она дала мне рекомендательное письмо в Оксфорд. И все равно бы мой отец не согласился, если бы не моя настойчивая просьба. Из любви ко мне он решил свернуть с пути!

— То есть я была последней гирей на этих весах? — спросила Дороти.

— Мне трудно ответить тебе отрицательно, — сказал Камар. — Возьми перстень.

— И не подумаю. Ни на что не рассчитывай. И если посмеешь дотронуться до меня пальцем, пеняй на себя!

— Я не так слаб, как тебе кажется, — рассердился жених. — Но дело не в этом. Ты должна понять, что отныне для тебя нет пути назад. Проведя ночь в моей спальне, ты опозорена для всего мира. Ты — моя наложница и, если будешь хорошо вести себя, станешь женой. Но если будешь непокорной, я тебя сломаю!

И тут Дороти поняла, что молодой узкоплечий горбун вовсе не такой человек, которым кажется с первого взгляда. И все его милые беседы у борта лишь призваны были скрыть расчетливую интригу. Теперь Дороти убедилась в том, что не только ее горькая судьба, но и судьба самой миссис Уиттли решалась не столько старым Рахманом, как его стеснительным и вкрадчивым сыном.

— Ты должна простить мне мою слабость, — изменил тон Камар. — При виде тебя, гурия, я теряю рассудок. Я не знаю, что со мной творится... Такого не было никогда.

Он оттеснял ее к дивану, и маневр был очевиден для Дороти, но она отступала, будто не догадывалась. Она знала, что успеет нырнуть в сторону.

Когда она почувствовала, что до дивана остался один шаг, она спросила:

— Значит, вы все еще собираетесь поступать в Оксфорд?

От неожиданности горбун остановился.

— Почему ты спрашиваешь?

— А другие ваши жены не знают английского?

— Почему ты это спрашиваешь?

— А вам хочется получить учительницу? Ведь вы говорите с акцентом, господин Камар. Любой догадается в Оксфорде, что вы не настоящий джентльмен.

— Я поступлю, потому что миссис Уиттли написала рекомендательное письмо, — ответил Камар. — Это была самая важная статья нашего договора.

— А это значит, — постаралась улыбнуться Дороти, — что вам не видать Оксфорда как своих ушей! Она не пустит вас в Англию!

Камар разгадал смысл слов Дороти. Он даже не стал спрашивать почему, а улыбнулся, показав коричневые зубы.

— Наоборот, моя драгоценная жемчужина, — сообщил он. — Пока ты у меня, пока ты поешь в моей золотой клетке, я в полной безопасности. Миссис Уиттли в порошок расшибется, только чтобы добыть мне место в Оксфорде. Меня объявят сыном магараджи Майсура, а может, и наследником престола Великих Моголов. Ты не знаешь, моя драгоценная, с какой легкостью и даже облегчением твоя госпожа продала тебя мне. И я думаю, что вся история с пиратами, вашим бегством в шлюпке — выдумка миссис Уиттли. Ты знаешь правду. И ты ей опасна.

Господи, насколько близко он подобрался к правде! Ведь он прав — наверное, Регина давно кается в том, что слишком много рассказала служанке о своем приключении на «Клариссе». Ведь все люди меряют окружающих по своим меркам.

— Дороти, пойми, — задумчиво и без волнения произнес Камар, — все люди — грешные и слабые создания. И нам кажется, что окружающие даже хуже нас. Так думает и твоя хозяйка. Если она ради своих интересов может продать половину твоей Англии, то она так же думает и о тебе. А ты готова продать свою госпожу?

— Кто ее купит! — вырвалось у Дороти. Так она была сердита.

Камар тихо засмеялся, и Дороти упустила тот момент, когда он схватил ее за плечи, цепко, словно тигр добычу, и повалил на диван, упав сверху на нее.

— Ах ты, мерзавец! — вскричала Дороти, в которой, несмотря на смешанное происхождение, вскипела гордая кровь английских девушек. Она вовсе не потеряла присутствия духа, не испугалась и не отбивалась бессмысленно и беспомощно, как лань в когтях хищника, а схватила его за длинный костистый нос и что было сил повернула его, как ручку крана.

С отчаянным воплем магараджа Майсура и наследник Годванны возопил и отпрыгнул от нее, со всего размаха опустился на ковер костлявым задом, так что из-под ковра послышался хруст досок.

Он не сразу смог вернуть речь, и, так как из носа потекла кровь, он принялся вытирать кровь подолом халата. А свободную руку воздевал к потолку, будто призывая на помощь своего бога.

А Дороти тем временем вскочила с дивана и вертела головой, стараясь отыскать какое-нибудь оружие, но, как назло, все предметы в каюте были мягкими, если не считать подсвечника и кувшина. Подсвечник и показался Дороти лучшим оружием. Она протянула к нему руку...

— Как ты посмела... — услышала она глухой голос Камара. — Ты хотела сделать мне больно!

— А ты? — спросила она резко.

— Я же хотел любить тебя! Я хотел сделать тебя богатой и счастливой! А теперь я истеку кровью.

— Не истечешь, — ответила Дороти.

Камар подполз к круглому гонгу, не замеченному Дороти, и, достав из-за него колотушку с мягким шаром на конце, ударил два раза.

— Так, — успела сказать Дороти, — один не справился, папу зовешь на помощь?

Но это был не папа, а два матроса в шароварах, куртках и красных фесках. Они остановились в дверях каюты.

В их глазах отразился ужас при виде безобразной сцены.

Посреди каюты стояла растрепанная, но невредимая английская девушка, а их господин сидел на полу, угрожая ей колотушкой от гонга и придерживая у лица полу белого халата, измазанного кровью.

— Привязать! — приказал молодой хозяин, показывая на столб, поддерживавший потолок каюты.

Дороти, понявшая смысл жеста и слова, ничего не успела сделать, как мамелюки схватили ее и привязали к столбу тонкими веревками, которые тут же впились в руки, и стало страшно больно...

Один из мамелюков помог Камару подняться. Тот пошел к выходу. Потом обернулся и произнес:

— Я скоро вернусь. Как только лекарь остановит кровь. И я накажу тебя, как наказывают непокорных сучек. Ты поняла, дрянь неверная?

— Я поняла, господин магараджа, слушатель университета в Оксфорде.

— И в Оксфорде я тоже буду! А вот будешь ли ты жива, зависит теперь только от твоего послушания. Иначе ты обретешь судьбу худшую, чем смерть. И будешь молить о смерти!

Неожиданно Камар всхлипнул. И совсем другим голосом произнес:

— А я так хотел, чтобы мы с тобой любили друг друга!

Он показал на пол — на ковре лежал золотой перстень с изумрудом. Мамелюк поднял его, и Камар надел его себе на мизинец.

Дверь закрылась.

Дороти осталась одна. Она могла бы кричать, но понимала, что те, кто услышит ее, включая птичку Уиттли, лишь заткнут уши, проклиная нарушительницу их безмятежного покоя.

* * *

В тот день комиссар Милодар был вне себя. Его беспокойство разделял профессор Гродно. Милодара мучило предчувствие страшной опасности, грозящей его агенту, а Гродно уловил тревожные изменения в пульсе и кровяном давлении Коры Орват, лежащей подвешенной в анабиозной ванне.

— Да, — согласился он с Милодаром, который третий раз уже звонил ему, — там, в прошлом, происходит что-то крайне опасное. Дороти Форест попала в беду.

И тогда комиссар Милодар совершил служебный проступок. Он направил в Галактический центр гравиграмму о космической опасности категории АБ, что позволяет комиссару планеты распорядиться ее энергоресурсами для спасения жизней. Если же оказывается, что тревога была ложной, а комиссар планеты не имеет в Галактическом центре достойных покровителей, можете считать, что он остался без работы. Но Милодар сделал это. И пошел на страшный риск.

— Я же не могу! — кричал он по видаку на профессора Гродно, будто тот был в чем-то виноват. — Я не могу потерять лучшего агента в трех метрах от цели. Это галактический скандал. И все из-за жалкого сквалыжничества энергетиков. У них, видите ли, парниковый эффект! У них, видите ли, не хватает холодильных установок, чтобы поддерживать жизнь на Земле... Все! Даю сигнал АБ!

Дав сигнал и потратив еще два часа на продолжение скандала, Милодар получил энергию ровно на три минуты пребывания голограммы комиссара в 1799 году.

Комиссар примчался к профессору Гродно, и первым делом они, подключившись к датчикам беспокойно спавшей Коры Орват, увидели Индийский океан сверху и, определив корабль, на котором находится Дороти, начали быстрый спуск к нему, чтобы сначала рассмотреть место действия, войти в курс дел, а если нужно, появиться рядом с Дороти и приободрить ее. Или спасти...

Бескрайний темно-синий простор Индийского океана, освещенный звездами и луной треугольник, покрытый кое-где белыми завихрениями циклонов, быстро приближался. Уже потерялись из виду окружающие его земли. Через несколько минут снижения обнаружился и искомый корабль.

— Странно, — заявил Милодар, — я думал, что они уже добрались до Рангуна. Почему они еще в океане?

Профессор Гродно и его язвительная ассистентка Пегги ничего не ответили.

— Но это не тот корабль! — закричал комиссар. — Смотрите, это какая-то рыболовная шхуна с косыми парусами. А ну, выключай аппаратуру. Ошибочное наведение!

— Подождите, комиссар, — сказал трезвый профессор. — Не исключено, что корабль «Глория», на котором должна плыть ваша девица, потерпел крушение, утонул, попал в руки пиратов.

— Это пираты?

— В древности людей подстерегали в океане различные опасности.

Тем временем аппаратура дала еще большее увеличение, и, подключив источники ночного видения, Милодар смог убедиться, что этот корабль не такая уж маленькая рыболовная шхуна — это значительный океанский корабль...

— Джау, — послышался голос Пегги, которая тем временем включила справочный дисплей. — Вернее всего, баггала, что означает по-арабски...

— При чем тут арабский! — закричал взволнованный Милодар. — Какие еще арабы! Мы находимся восточнее Индии.

— По данным наблюдения, эта баггала построена в Омане, — продолжала Пегги. — Две палубы, каюты команды на нижней палубе, каюты командиров и хозяев — на верхней — занимают корму по примеру европейских судов. Две мачты с трапециевидными парусами, высота грот-мачты — двадцать пять метров, верхний конец грот-реи — сорок метров. Длина судна — сорок шесть метров, ширина — одиннадцать. Баггала держит курс на Рангун и в настоящее время находится в Бенгальском заливе, в трех днях хода от цели.

— Даже так? — с сомнением в голосе произнес комиссар.

— Значит, «Глория» утонула, а наша героиня спаслась на арабском судне, — пояснил профессор Гродно, который, будучи самым образованным, считал своим долгом объяснять окружающим суть событий.

Все они, не отрываясь, смотрели на экран, где, вырастая и тем оправдывая предположения Пегги, белели паруса арабского судна. Милодар кинул взгляд на Кору, будто боялся, что она подведет и направит исследователей по ложной дороге.

...Вот они приблизились к палубе и, невидимые для арабских моряков 1799 года, направились к каюте на корме.

Дверь в каюту была заперта. По обе стороны от нее стояли

могучие воины с обнаженными саблями, видно, стерегли важную персону.

— Ничего не понимаю. — Милодар снова обратил взор к подвешенному в саркофаге телу Коры за подсказкой. Брови Коры были нахмурены. Ее генетическая память была глубоко встревожена, на что указывали, и уже не первый день, приборы профессора Гродно. Но за последний час приборы буквально взбеленились. Их зашкаливало.

Взор камеры временного видения проник сквозь двери.

— О нет! — воскликнул Милодар. — Я этого не потерплю!

Глазам наблюдателей из будущего предстала чудовищная картина: Дороти Форест — отдаленный предок Коры Орват, надежда не только Земли, но и всей Галактики, — была примотана тонкими шелковыми шнурами к столбу, поддерживавшему потолок устланной коврами каюты. Одежда ее была кое-где разорвана, глаза зажмурены от боли и унижения.

— Что случилось? — воскликнул Милодар. — Нет, вы мне ответьте, что случилось? — Он схватил профессора Гродно за воротник и стал трясти его, возможно намереваясь задушить, но Пегги бросилась на выручку к профессору, которого намеревалась женить на себе, и принялась отрывать от него когти комиссара. Еще минута, и женить было бы некого.

— Ну и что ты придумала, негодная? — услышали драчуны незнакомый голос, и под влиянием его Милодар отпустил профессора и даже помог ему подняться, чтобы лучше видеть происходящее на экране.

Они увидели, что в каюту вошел узкоплечий молодой человек с небольшим горбом, который почти не искажал его фигуры, но как-то склонял ее в сторону. У молодого человека были длинные руки с голубоватыми пальцами, лицо его под зеленой повязкой, схватившей длинные черные волосы, было смуглым, оливковым, а спрятанные под тяжелыми веками глаза затенены длинными ресницами. В молодом человеке было нечто вкрадчивое, женское, что подчеркивалось изысканной одеждой — расшитым розами шелковым халатом, зелеными атласными шальварами, золотыми туфлями с высоко поднятыми носками.

Пальцы рук горбуна были усыпаны перстнями, особенно выдавался массивный золотой перстень с большим изумрудом на мизинце. Он держал в правой руке шелковый платок, который прижимал к носу, словно страдал насморком.

Молодой человек явно был здесь хозяином. За его спиной воины закрыли дверь.

— Готова ли ты стать моей возлюбленной, дорогая моя газель, отрада моих очей? — спросил молодой человек на старательном, ученическом английском языке с гортанным акцентом.

— Никогда! — ответила Дороти.

— Будь разумна, — сказал молодой человек, останавливаясь перед Дороти. — Тебя никто не спасет, никто не придет на помощь. Твоя госпожа и видеть тебя не хочет — ей лучше ты мертвая, чем свободная. Лучше покорись мне, награди меня своими ласками, полюби меня хоть на малую толику того, как я тебя обожаю! Ты будешь счастлива! Это говорю тебе я, Камар, величайший из величайших!

— У вас руки потные, — сказала Дороти, выждав паузу.

Камар закусил губы и ничего не ответил.

В этой тишине по другую сторону экрана комиссар Милодар произнес:

— Молодец, девчонка. Как жаль, что она давно жила, я бы ее завербовал!

— Она отняла у него инициативу, — сказала Пегги. — Это лучший ход для женщины в ее положении.

— Ты меня не оскорбила! — ответил наконец молодой человек.

— У вас плохо пахнет изо рта. И вообще я вас не люблю! У меня есть жених в Лондоне. Он штурман на большом корабле. От одного выстрела его пушек вы все пойдете ко дну.

— Ха-ха-ха! — картинно рассмеялся горбун. — Невесты штурманов не служат горничными при глупых английских миссис.

«Справедливо», — заметила про себя Пегги, которая ревность к Коре порой переносила на Дороти.

— Я сделал все, что от меня зависело, — сказал тогда Камар. — Я старался уговорить тебя, я пытался соблазнить тебя,

я был добрым и отзывчивым. Я мечтал, как мы с тобой будем жить в Оксфорде и гулять рука об руку по дорожкам тамошнего королевского парка. И все прахом! Ты оказалась неблагодарной и грубой девкой, и мне придется изменить отношение к тебе.

Камар хлопнул в ладоши, и оба мамелюка вошли в каюту.

— Есть два способа, как учил меня мой папа, достопочтимый ар-Рахман, — сообщил он. — Можно выпороть тебя так, что с тебя слезет кожа и ты поймешь, что значит не слушаться своего повелителя.

— Ты мне не повелитель. Мой повелитель — Его Величество король Англии! — гордо заявила Дороти.

— Есть договор о продаже невольницы Фатимы, — ответил Камар, — и давай не будем более препираться. Я собираюсь в Оксфорде выучиться на адвоката, и тогда мы будем спорить. А сейчас мне надо тебя переломить. Как говорит мой дедушка Гусейн ас-Саббах: если кобылицу не объездишь с первой ночи, считай, что ты лишился лошади. Ну, ты сдаешься добровольно?

— Не сдавайся, — прошептал Милодар.

— В те времена все было проще, и, в конце концов, каждая женщина хочет выйти замуж. Что и предлагают вашей подопечной, — возразила Пегги.

— Что вы говорите! — схватился за голову Милодар. — Она же выполняет задание!

— Не совсем она, — сказала Пегги, но ее никто не слушал.

Пощелкивая у себя под ногами бичами, два мамелюка приближались к девушке. Дороти закрыла глаза.

— Ну нет! — засмеялся Камар, уловив страх девушки. — Зачем мне избитая наложница. Это была шутка.

По его знаку мамелюки нехотя засунули бичи за пояса.

— Привяжите эту тигрицу к дивану, только покрепче. Покрепче привязывайте к ножкам, я не хочу, чтобы меня исцарапали. Пусть она, беспомощная, лежит на спине...

Мамелюки отвязали Дороти от столба, и она пыталась сопротивляться, но видно было, как онемели ее опухшие руки от веревок, как она ослабла...

Один из мамелюков спросил что-то у Камара, и тот ответил по-английски:

— Нет, одежды с нее пока не срывайте. Я сам это сделаю, у меня есть нож. Нет ничего приятнее насилия под взглядом ненавидящих глаз...

Он отступил назад, с наслаждением глядя на то, как мамелюки привязывают распластанную Дороти к дивану.

— Нет! — воскликнул Милодар. — Я такого больше не выдержу. Я ее должен спасти.

— Вы благородный человек, — согласился профессор.

— При чем тут благородство! Операция под угрозой срыва!

И тогда Милодар схватил с вешалки белое полотенце, включил галактическую связь, рванул экстренный рубильник Земэнерго и закричал:

— Чрезвычайная ситуация по группе А! Моей голограмме необходимо три минуты в прошлом! Срочно!

Он скрестил руки на груди и шагнул на площадку трансформации.

* * *

Наконец Дороти была надежно прикреплена к дивану. Ее руки, вытянутые вверх и в стороны, были привязаны к двум витым ножкам в изголовье, а ноги примотаны за щиколотки к двум другим ножкам дивана.

— Ты грязная свинья! — прошипела Дороти, и после некоторого колебания обиженный Камар заткнул ей рот своим шелковым платком, который он держал у все еще кровоточащего носа.

Затем он вытащил из-за пояса небольшой, с загнутым концом кинжальчик и, громко засопев от предвкушения, полоснул им по платью Дороти так, что ни капли крови не показалось на ее груди, но ткань разделилась пополам, обнажив бюст девушки.

Дороти глядела на Камара с ненавистью и ужасом. Казалось, что глаза ее стали вдвое больше.

Куда же делся будущий студент Оксфорда, адвокат, представитель цивилизованного поколения оманских судовладельцев?

Пегги и профессору Гродно было очевидно, что он скоро добьется своей грязной цели! Где же комиссар Милодар?

Но вдруг сзади послышался странный шум, будто кто-то, сидящий в медном кувшине, стучался, просился выйти.

От неожиданности Камар, который не отличался отвагой, выпрямился.

Оба мамелюка, которые лишь отступили к дверям, но не покинули каюты, чтобы не оставлять своего хозяина перед лицом возможной опасности, также обратили свои взгляды к большому медному кувшину, что стоял на низком столике в углу.

Вдруг из узкого высокого горла кувшина поднялся столб дыма, ударился о потолок и расплылся грибом.

Шум внутри кувшина все усиливался. Камар побледнел.

И вот, все вырастая и вырастая, из кувшина стал подниматься человек с резкими чертами лица, острым крупным носом и головой, обмотанной белой чалмой.

Он становился все больше и больше, впрочем, истинных его размеров никто из присутствующих не смог осознать, потому что мамелюки уже поняли, кто к ним пожаловал, и рухнули ничком на пол, уткнув носы в ковер, а Камару стало дурно, и он мелкими шажками отбежал в угол, не смея при том оторвать взгляда от джинна. Ударившись задом о кальян, он от неожиданности сел на пол...

— О, ничтожный горбун, исчадие породившей тебя грязной плоти! — возопил по-английски джинн. — Твое счастье, что я успел на помощь несчастной жертве твоего разврата до того, как ты сделал свое черное дело, и потому ты останешься жив... конечно, если будешь вести себя достойно.

— Кто ты? — прошептал Камар, которого удивило знание джинном английского языка настолько, что он смог преодолеть любопытством ужас.

— Я джинн Британских островов, — согласилась просветить его голограмма Милодара с повязанным на голове полотенцем из лаборатории. — И я куда более могуч, чем все джинны Аравии вместе взятые... Хотя, впрочем, мы не пор-

тим отношений. А ты обречен. Если будешь спорить со мной, то смерть твоя будет ужасна! Я тебя отправлю замерзать в Антарктиду!

— Ой! — взвыл Камар, который не знал, где находится страшная Антарктида, а Милодар, конечно же, забыл, что в то время она еще не была открыта.

— Сейчас же развяжи несчастную девушку.

— Сейчас... — Трясущимися руками Камар стал развязывать руки Дороти. Он не догадался позвать на помощь мамелюков и потому долго возился с узлами.

— Эй! — обратился к мамелюкам Милодар. — Помогли бы господину.

Но, во-первых, мамелюки не знали английского языка, а во-вторых, они уже давно выползли из каюты и умчались к господину ар-Рахману, чтобы, трепеща от пережитого страха, поведать ему, в какую передрягу угодил его сын.

Наконец Камару удалось распутать руки Дороти, и она сама, вытащив изо рта кляп, села на диван и непослушными отекшими пальцами принялась отвязывать ноги.

— Слушаешь ли ты меня, ничтожный Камар? — спросила голограмма Милодара по возможности грозным голосом.

— О да, английский джинн! — ответил Камар.

— Если ты только посмеешь когда-нибудь дотронуться пальцем до Дороти Форест, которая находится под моим особым покровительством, у тебя отсохнет твоя паршивая рука. Чтобы остаться живым, ты должен будешь покорно отправить девушку на берег в Рангуне так, словно она настоящая принцесса. Ты понял?

— Понял.

— Ну и хорошо, — с облегчением заявил Милодар, довольный тем, что ему удалось спасти Дороти, которая также была испугана, но в ее положении ей не из чего было выбирать, и она предпочла иметь дело с джинном, чем со сладострастным Камаром.

Затем Милодар обернулся к Дороти и сказал:

— Мое время истекает. Тебе же предстоит найти Зеркало

Зла в чаще Лигона. Зеркало Зла... Прощай, я не могу более с тобой находиться...

— Постойте! — закричала девушка вслед Милодару, который уже втягивался обратно в медный кувшин. — Не спешите! Я ничего не понимаю.

На самом деле Дороти звала джинна вернуться, потому что боялась остаться без его защиты. Она была человеком своего времени, верила, разумеется, в чудеса, в ведьм и чертей, вполне допускала существование джиннов, только не дома, в Англии, а на Востоке. Слышала о них в сказках... Английский джинн — это была нелепица, и поверить в него даже ей было нелегко. Но кем бы ни был этот волшебник, лучше иметь его под боком, потому что тот же Камар может и забыть об обещании, вытянутом из него под угрозой.

Но джинн исчез в кувшине, Камар несмело поднялся с ковра и остался стоять в нерешительности, со страхом поглядывая на Дороти.

И тут в дверь ворвался уважаемый ар-Рахман.

Дело в том, что ар-Рахман лишь производил впечатление человека пузатого, узкоплечего и немощного. На самом деле не исключено, что в предыдущем рождении этот человек был тигром или даже удавом, так он умел расправляться с конкурентами и врагами. В голове вместо мозгов у Рахмана находилась дьявольская счетная машинка, он мог превратить в золото все, чего касались его темные руки. И у Рахмана была лишь одна слабость в жизни — горбатый сын Камар, которому он должен был отдать все свои богатства и которого он мечтал видеть рядом с собой у штурвала. Пока что Камар оправдывал надежды отца. Он отличался упорством и усидчивостью, он выучил язык неверных, чтобы уехать в город Лондон. «Ну что ж, — думал Рахман, — мы его сделаем князем в Англии, раз у нас есть золото».

Когда же три минуты назад в каюту хозяина ворвались перепуганные мамелюки и, трясясь от ужаса, стали рассказывать о том, что на Камара напал английский джинн, выползший из кувшина, уважаемый ар-Рахман не затрясся сам, а

схватил со столика два заряженных пистолета и кинулся прочь из каюты, крикнув мамелюкам:

— Трусливые ублюдки, да гореть вам в аду!

Еще через минуту он ворвался в каюту Камара и застал там странную и совсем неожиданную сцену.

Его сын стоял в одном конце каюты, прижав к груди трясущиеся руки, а на диване в другом конце каюты сидела подаренная Камару отцом английская невольница, из-за которой приходится плыть в этот проклятый Рангун. С ее ног и рук свисали веревки, которыми она была недавно связана.

— Что? Что здесь было? — тонким голосом закричал хозяин баггалы.

Срывающимся голосом Камар рассказал ему, показывая на медный кувшин, как из него вылез английский джинн и как он заставил Камара отказаться от невесты.

— Здесь? — спросил ар-Рахман, подходя к кувшину. — Отсюда он вылез? А ну, вылезай снова, и мы с тобой померяемся силой!

Не надо думать, что ар-Рахман всегда был таким отважным. Наоборот, как и любой удачливый торговец, он был удачлив и отважен в замыслах, хитростях и планах, но, конечно же, он не любил драться на кулаках.

...Из кувшина никто не вылез.

Тогда обезумевший от пережитого страха за свое любимое чадо отец сунул дуло одного из пистолетов в горло кувшина и выстрелил. От выстрела кувшин упал на пол и покатился, а пистолет отдало так, что Рахман выронил его из руки.

— Ну, где твой джинн, ведьма? — закричал Рахман, тряся рукой.

— У него дела в Англии, господин, — вежливо ответила Дороти.

Следует упомянуть, что разговор этот происходил один на один. От страха и волнения обе стороны отлично понимали друг друга без переводчика, который все еще дрожал в углу.

— Так вот, — сказал Рахман, схватил с пола кувшин и подошел к окну в корме баггалы. — Уплывай-ка в свою Англию. Чтобы мы тебя здесь больше не видели!

Ар-Рахман широким жестом выкинул кувшин в океан. Только птица-мать, уводящая от гнезда страшного хищника, могла бы сравниться в отваге с купцом ар-Рахманом, который, надо сказать, ни секунды не сомневался, что в этом кувшине скрывается или недавно скрывался иноземный джинн.

Блеснув под первыми лучами рассвета, кувшин ухнул в темное море.

Рахман опустил руки и сказал усталым голосом:

— Делай с ней что хочешь, сынок.

— Нет! — закричал Камар. — Нет, отец! Я не дотронусь до нее никогда! Она ведьма! Джинн сказал, что у меня отсохнут руки, если я дотронусь до нее. Мне она отвратительна.

— Да, — вздохнул Рахман, — ты не смел, мой сын. Но дело твое. Тогда мы продадим ее в Омане на невольничьем рынке. Такие кошки там высоко ценятся. Ты слышишь?

Осмелев, он подошел к Дороти и сунул ей под подбородок дуло пистолета так, что она была вынуждена поднять голову.

— Ты будешь проклинать тот час, когда посмела обидеть моего сына!

— Отец, отойди, она же ведьма! — закричал Камар.

— Не бойся, я ее руками не трогаю. — Он тоже не хотел рисковать более, чем было разумно.

— Ее никто не должен трогать, — повторил Камар.

Дороти же, ненавидя старого купца за то, что он тычет ей в лицо дулом пистолета, улучила момент и рванулась в сторону. Рахман от неожиданности спустил курок, раздался громкий выстрел, и круглая пуля вонзилась в стену.

Дороти отскочила от него. Она и в самом деле была похожа на пантеру.

— Ну, что, стреляйте! — закричала она.

— Зачем же я буду стрелять в собственные деньги, — засмеялся Рахман, который быстро пришел в себя.

Он призвал мамелюков, но других, посмелее, тех, кто покинул его сына, ждали плети.

Мамелюки взяли Дороти под стражу, а матросы за час соорудили клетку из бамбуковых стволов с решетчатым полом и потолком. Клетка была кубиком, в который втиснули Дороти.

Она была так мала, что Дороти могла лишь сидеть в ней, прижав к себе коленки. Затем клетку привязали к канатам и подняли на рею.

Рассвело. Солнце показалось над горизонтом. Дороти качалась в клетке высоко над головами людей, которые стояли на палубе, задрав головы.

— До Рангуна она повисит так, — сказал Рахман. — Ахмат, ты будешь кидать ей лепешку и поливать водой. Пускай придет в себя. Но не касаться ее. Она — ведьма.

И он гордо ушел с палубы, оставшись в глазах подданных победителем джиннов.

За ним поспешил его сын, который не хотел больше смотреть на свою возлюбленную.

Остальные члены команды выходили глазеть на то, как в клетке высоко над головами качается английская ведьма. Все уже знали, что она — ведьма и ее защищает английский джинн, которого победил хозяин. Застрелил из пистолета и выкинул в море. Честное слово, многие видели!

Над Дороти смеялись, дразнили ее, но издали. И самое странное — Дороти легла, свернулась калачиком и мирно заснула.

Когда солнце поднялось высоко, из своей каюты вышла миссис Уиттли.

Она подошла к борту и стала вглядываться вперед, надеясь увидеть землю. Дороти еще спала и не видела ее. Но, подняв случайно взгляд, Регина не сразу сообразила, что же видит, ведь платье Дороти было располовинено, волосы спутаны, и издали она была похожа на обезьяну.

Регина прошла на корму, где, стоя у штурвала, разговаривали господин Рахман и его сын.

— Кто там висит? — спросила она. — В клетке. Я раньше этого не видела.

Рахман, когда Камар перевел ему вопрос, ответил без смущения:

— Дикая обезьяна. Я ее купил недавно. Будьте осторожны, она кусается.

Камар послушно перевел слова отца, но он смотрел на Регину так, что она вдруг догадалась, кто заточен в клетке. Она открыла было рот, чтобы потребовать отчета, возмутиться... и ничего не спросила. Потому что господин Рахман международно понятным жестом приложил палец к губам. И потрясенная Регина ушла к себе в каюту. Ей стало страшно, а вдруг кто-то в Рангуне узнает, что она сделала с горничной... Камар зашел к ней в каюту через час и сказал от двери:

— Госпожа Уиттли может не беспокоиться. Никто не увидит недостойную ведьму. Она повисит там до Рангуна, а если останется жива, то ее спрячут в трюме до Омана. Спите спокойно, госпожа Уиттли. Мой отец никому ничего не скажет...

Регина против своей воли выдавила из себя:

— Спасибо. Но я надеюсь, что наш договор остался в силе?

Камар усмехнулся. Ему показалось забавным, что госпожа благодарит его за намерение дурно обращаться с соплеменницей. И прежде чем уйти, Камар спросил со всей присущей ему учтивостью:

— А в вашей стране есть джинны?

— Что за чепуха! — воскликнула Регина. Но Камара этим отрицанием она не разубедила...

А комиссар Милодар, вернувшийся из недолгого визита в 1799 год, сказал профессору Гродно:

— Надеюсь, что теперь они будут обращаться с ней как с наследной принцессой. Вы бы видели, как они падали в ноги моей голограмме.

Глава 7

ЛИГОНСКАЯ ПРИНЦЕССА

Баггала достопочтимого ар-Рахмана вошла в устье реки Рангун во второй половине дня в воскресенье. Капитан баггалы хотел кинуть якорь до темноты, потому что в своем устье река Рангун — часть дельты великой реки Иравади — не только подвержена приливам и отливам, но течет по такой плоской местности и несет с собой столько ила, что фарватер ее постоянно меняется. Хоть баггала заходила сюда раньше, у Сириама пришлось подождать бирманского лоцмана — лодки

местных лоцманов дежурили там, чтобы проводить по предательскому фарватеру торговые суда.

Дороти наблюдала за всеми этими событиями с большой высоты. Ей страшно хотелось пить — начинался третий день ее плена в бамбуковой клетке, подвешенной высоко к рее. Дороти не кричала, не жаловалась и не звала на помощь. Она терпела. Она надеялась, что ее не убьют, а когда накажут достаточно, то опустят вниз. Но, видно, молодой купец был обижен ею и в самом деле считал ее ведьмой.

У Дороти было время подумать, что же за мужчина в белой чалме прятался в кувшине, который потом выкинул за борт ар-Рахман. И правда ли, что старый купец убил этого джинна из пистолета? Наверное, убил — попробуй остаться живым внутри медного кувшина. Да тебя порохом сожжет! И все же джинн хотел помочь ей, и лицо его было знакомо. Не встречала ли она его в Лондоне?

Воду ей давали лишь два раза в сутки — матрос забирался на рею с кувшином, поливая сверху на Дороти, дразня ее, но потом показывал ей знаком, что она может запрокинуть голову и открыть рот. Дороти подчинялась, и матрос лил ей в рот столько воды, сколько считал нужным.

Потом просовывал сквозь бамбуковые палки лепешку. Так происходило два раза в сутки.

Рея медленно поворачивалась в зависимости от направления ветра, и когда Дороти повисала над морем, она могла облегчить себя — иначе приходилось терпеть. Когда до земли стало близко, появилось много чаек, они стаей неслись за кораблем, подбирали объедки, которые падали в воду, и казалось, что за баггалой несется крикливое облако.

В ожидании земли все, кто мог, высыпали на палубу. Глядя сверху, Дороти обнаружила, что в недрах корабля таились сотни людей — наверно, не только матросов и пушкарей. Дороти подумала, что баггала везет и пассажиров, может, даже паломников к мусульманским святым местам. Хотя, честно говоря, Дороти не была уверена, в каких странах на Востоке люди исповедуют эту дикую религию.

Люди на палубе то и дело задирали любопытные головы,

чтобы поглядеть на дикую язычницу, которую пришлось подвесить к мачте, потому что она кинулась, одержимая бесами, на хозяйского сына Камара. Очень страшное сумасшедшее чудовище... Не дай Аллах, если вырвется из клетки! Среди этих людей она не видела своих товарищей по путешествию — английских матросов. И понимала, что их Рахман посадил в трюм — зачем им с миссис Уиттли лишние свидетели? Только бы их не убили. Впрочем, Дороти рассчитывала на жадность арабских купцов, которым выгоднее продать человека, чем убить.

В этом описании рассуждений и чувств Дороти таится неточность. Так разумно и спокойно размышлять в клетке, что качается над морем и палубой (того гляди сорвется, и ты разобьешься), в которой все время мутит, как мутит любого человека, которого раскачивают, как мячик на веревочке, было невозможно.

Но все же человек привыкает почти ко всему, и кое-как Дороти думала. И трудилась.

А трудилась она над тем, что, изломав ногти, волокно за волокном распутывала узлы джутовых веревок, которыми были скреплены бамбуковые колья, чтобы в случае возможности можно было раздвинуть их и выбраться из клетки. Ведь, в конце концов, ее должны же опустить на палубу — вряд ли она будет долго болтаться тут на виду у всего бирманского города.

Но она ошибалась, потому что ар-Рахман использовал дикое существо в клетке как способ давления на миссис Уиттли. Впрочем, он не спешил показывать свою козырную карту, понимая, что обстоятельства благоприятствуют его замыслу.

Когда показался берег — низкий, как бы полоска, проведенная свинцовым карандашом между желтым, илистым у дельты морем и серым от тонкого слоя облаков и в то же время раскаленным небом, — миссис Уиттли вышла на палубу и подошла к борту, с облегчением разглядывая цель путешествия. Конечно же, она была взволнована, и, хотя по всем законам моря никто не мог обогнать ее на пути в Рангун, опасения неблагоприятного чуда ее не оставляли.

Стоя у борта и репетируя первые слова встречи с мужем, Регина заметила, что отступившие на почтительное отдаление от нее арабские моряки время от времени кидают взоры вверх и потом переводят их на английскую леди. Проследив за направлением взглядов, Регина обнаружила, что почти над ней, на большой высоте, выше верхушки мачты, так как рея косого паруса поднималась к самым облакам, привязан какой-то ящик.

Так как сначала Регина увидела дно клетки, то она не поняла, что это такое. Но вокруг раздались перешептывания и смешки, из-за спин что-то крикнули, и многие засмеялись. Тогда миссис Уиттли сообразила, что нечто, висящее в небе, имеет к ней отношение.

Она пошла вдоль палубы к корме, ко входу в свою каюту, чтобы рассмотреть висящую вещь под углом, и наконец увидела, что это клетка, а в клетке сидит человек. То, что этим человеком может быть Дороти, ей в голову не пришло. Но смущение и темные подозрения она не смогла изгнать. Вновь и вновь она поднимала голову и наконец случайно даже встретилась взглядом с существом, заключенным в клетку. На таком расстоянии, конечно же, даже глаз существа было не разглядеть, но ведь мы чувствуем чужой взгляд! Помимо зрения у нас для этого имеются иные чувства.

Регина не только угадала, что существо в клетке, такое неразличимое, что даже непонятно было, животное это или человек, смотрит на нее, но и ощутила во взгляде враждебность.

Одержимая желанием разгадать тайну существа в клетке, Регина поднялась по трапу на корму, где находился штурвал. Возле рулевого стоял господин ар-Рахман, державший у глаза подзорную трубу, направив ее в сторону приближающегося берега. Между ним и штурвалом стоял бирманский лоцман, одежда которого состояла лишь из куска ткани, обернутого вокруг чресел, и конической плетеной шляпы. Конечно, Регина не знала, что видит лоцмана, и не понимала слов, которые тот изредка кидал двум рулевым, поворачивавшим большой штурвал. Ее больше интересовала подзорная труба, которую держал в руке ар-Рахман.

Поздоровавшись, Регина спросила:

— Скоро ли мы будем в Рангуне?

Стоявший рядом с отцом Камар перевел вопрос и ответ:

— Сейчас мы входим в дельту. Видите, какие низкие здесь берега?

Он указал в сторону, и Регина увидела, что справа от корабля показалась желтая глинистая коса, почти неотличимая от жидкой грязи, которую представляла собой вода.

— И сколько нам еще плыть?

— Часа два, не менее.

— А что такое там? — спросила Регина, показывая на далекую клетку.

— Где? В клетке? Разве вы не узнали свою служанку, которую продали нам? — прозвучал ответ.

— Что? Это Дороти? Да вы с ума сошли! Немедленно прекратите! — В этом гневном возгласе прозвучало все душевное смятение Регины, которая, не будучи монстром, конечно же, раскаивалась, что была принуждена обстоятельствами так жестоко обойтись с нужной и неплохой вещью, как будто разбить вдребезги самую удобную чашку. Правда, для утешения ей приходилось заставлять себя вспомнить, какой непослушной, неопрятной и нечистой на руку была ее служанка, посмевшая в тяжелый момент жизни Регины украсть у нее любимое платье. Но подобные внутренние разоблачения, не оформившись, угасали и не приносили удовлетворения.

— Вы подсунули нам, — сообщил через переводчика ар-Рахман, не скрывая издевки в черных масленых глазах, — ненормальную преступницу, которая чуть было не убила моего сына Камара. Любую иную мерзавку мы бы давно утопили, но лишь из уважения к вам мы решили оставить ее в живых.

— Ну и оставили бы ее в живых в трюме! — крикнула Регина.

Дороти услышала ее крик, даже разобрала слова, потому что на палубе, где десятки людей, напрягая слух, старались понять, что происходит у штурвала, наступила глубокая тишина.

— У нас нет обычая заточать людей в трюм, — сообщил хо-

зяин баггалы. — Мы даем возможность наказанному дышать воздухом. О нет, мы не жестокие люди!

— Он пытался изнасиловать ее? — спросила Регина, совсем позабыв, что в качестве переводчика в беседе выступает именно насильник.

Камар послушно перевел вопрос, но затем добавил нечто от себя, причем его фраза была длинной, и голос все повышался, пока он ее произносил, и кончил Камар на вопле, схожем с женским стенанием. И потому перевести ответ невозмутимого ар-Рахмана ему удалось не сразу. А Регина крутила головой, переводя взгляд с сына на отца, и не сразу догадалась, что имеет не одного, а двух оппонентов.

— Вы продали нам свою горничную, свою рабыню, вы получили за нее то, что хотели. — Камар показал рукой на приближающийся берег. — Вы вскоре встретитесь со своим любимым супругом. Я же испытал горькое разочарование, потому что человек, — рука указала на клетку, — женщина, которую я хотел осчастливить, оказалась дикой кошкой, неблагодарной собакой, которую я лично продам в публичный дом в Омане, чтобы она скорее подохла от дурной болезни, ублажая матросов и грузчиков!

Глаза Камара сверкали справедливым гневом, и миссис Уиттли вдруг испугалась. Пальцы ее непроизвольно сложились в кулачки и поднялись к груди. Ар-Рахман уловил жест и выражение испуганных глаз большой полногрудой птицы и сказал не без коварства, а Камар, добавив к коварству сарказм, перевел:

— И не следует, уважаемая госпожа Регина, преувеличивать значение этого эпизода. Что прошло, то прошло. Учтите, что вы сами еще не воссоединились со своим супругом. И от нашей доброй воли зависит, насколько быстро это свершится. Вы тоже можете закончить свой путь в публичном доме Омана. Хотя, конечно же, вы понимаете, что это — лишь шутка.

— Шутка... — упавшим голосом повторила Регина.

— И это все останется шуткой, если ваш муж выполнит обязательства по векселю. Именно поэтому клетка с вашей рабыней, которую вы так легкомысленно продали мне, со-

всем забыв, что англичане, в отличие от нас, диких и отсталых арабов, не признают рабства, будет висеть на рее грот-мачты баггалы. И если выплата будет задержана, я, может быть, отвезу вашу служанку не в Оман, а в Калькутту, к губернатору.

Регина уже не понимала, что говорил ар-Рахман, а какие угрозы принадлежали горбуну. Потому что ар-Рахман продолжал улыбаться, а горбун говорил, охваченный гневом, он был бледен и даже покачивался, будто готовился упасть в обморок. Его голубые губы стали ниточкой, глаза исчезли под веками, голос звучал хрипло. Да, в общем, и не так важно было, чьи слова она слышит, — эта семейка была заодно. Они выбьют из Джулиана деньги. Они своего не упустят... Если бы не этот проклятый Сюркуф! Ну она добьется, что и его посадят в такую же клетку! Ах, при чем тут Сюркуф!

Униженная и оскорбленная, миссис Уиттли, не прощаясь, побежала прочь и под взглядами наглых матросов спустилась по трапу к своей каюте. Нырнула в нее и хлопнула дверью. Вслед ей полетели смешки и даже оскорбления арабов. Ар-Рахман не стал их останавливать, а повернулся к лоцману и принялся задавать ему вопросы о том, какие корабли стоят в Рангуне, кто сейчас пребывает в должности мьозы — то есть королевского губернатора, благоденствуют ли в порту арабские торговые дома, что делают англичане. Шел обычный разговор, который ведет владелец корабля, входя в чужой порт. Лоцман отвечал охотно, потому что знал, что от его ответов зависит и размер вознаграждения.

О Дороти и Регине арабы более не говорили, словно не считая их достойными того, чтобы тратить время.

* * *

Прошло еще три часа, прежде чем берега реки Рангун, в которую вошла баггала, поднялись настолько, что на них появилась трава, а потом и кустарники. Затем миновали прибрежную крепость — квадрат вытоптанного пыльного плаца с несколькими хижинами на высоких сваях, обнесенный земляным валом и тыном. В разрывах тына стояли пушки. Возле них толпились солдаты, всматриваясь в даль, чтобы получше

разглядеть входящий корабль. Но так как корабль был хоть и большой, но мирной арабской баггалой, канониры успокоились, и один из них даже помахал вслед гостям.

Первой увидела Рангун Дороти. Солнце еще пекло, и ей страшно хотелось пить, но о ней забыли в суматохе подготовки корабля ко входу в порт. Жажда не мешала Дороти вглядываться вперед, и она увидела, как баггала оказалась на месте слияния двух потоков. На правом берегу большего потока находился город, окруженный пальмами, из которых поднимался золотой конус какого-то строения. Налево — а в ту сторону и повернуло судно — виднелся другой город, больше, чем увиденный первым. Он тянулся сколько хватало глаз по левому дальнему берегу, и, постепенно поднимаясь, дома терялись в зелени. Как бы не добежавший до реки пологий холм замыкал картину. Может, он был бы не столь заметен, если бы не гигантское сооружение, венчающее его, — золотой конус с небольшим зонтом сверху, высотой, наверное, не меньше, чем сам лондонский Тауэр.

Чем ближе баггала подходила к городу, который, очевидно, был Рангуном, тем самым городом, откуда когда-то уплыла в Англию мама Дороти, тем оживленнее становилась река. По всем направлениям ползли лодки и баржи с высокими загнутыми носами и кормой. Посреди реки стояли на якорях большие корабли, тогда как места у длинных деревянных причалов, за которыми, как и в каждом большом порту, тянулись низкие строения складов, были заняты баржами и речными суднами, обладавшими небольшой осадкой. Чуть дальше Дороти разглядела возле реки перед высоким бревенчатым забором нескольких человек в европейской одежде — к счастью, воздух был чист, и Дороти с ее острым зрением могла различить их на расстоянии с полмили. Человечки у забора смотрели в сторону баггалы.

Конечно, из своей клетки Дороти не могла разглядеть, что это были за люди. Да и если бы разглядела, все равно бы не узнала, но центром этой группы людей был мистер Джулиан Уиттли, нетерпеливый супруг Регины, который уже несколько дней как выходил на берег встречать приходящие из Бен-

гальского залива суда в ожидании «Глории» и «Дредноута», с прибытием которых он ожидал не только воссоединения своего семейства, но и воплощения в жизнь своей мечты — приобретения для Ост-Индской компании и для себя новой колонии.

На этот раз мистер Джулиан Уиттли разглядел, что в порт вошла большая арабская джау, вернее всего, из Омана, что не представляло для него интереса. И, опустив подзорную трубу, мистер Уиттли собирался было вернуться под защиту стен фактории и в тень веранды, опоясывающей ее главное здание, как его заместитель лейтенант Стюарт, принадлежавший к славному, но многочисленному шотландскому клану, попросил:

— Сэр, не позволите ли вы мне воспользоваться вашей подзорной трубой, свою я оставил, к сожалению, в фактории.

— Что вас заинтересовало, друг мой? — спросил фактор.

В отличие от широкоплечего зеленоглазого лейтенанта, покрытого рыжими волосами с ног до головы, Джулиан был обтекаем, сутул, мягок и потлив. Он пропускал сквозь себя по десять пинт жидкости в день, чтобы как-то возместить потери в ней, но тем не менее постоянно мучился жаждой.

— Я удивлен, — сказал лейтенант, поднося к глазу подзорную трубу и вглядываясь в темный предмет, прикрепленный к рее грот-мачты баггалы, — кажется, это клетка, и в ней какое-то животное. Я думаю, что они где-то поймали большую дикую обезьяну, которую опасно держать на палубе и губительно — в трюме. Вот ее и подвесили к мачте.

Заинтересовавшись зрелищем, англичане стали передавать друг другу подзорную трубу, и счетовод Бруклин даже заявил, что угадывает в обезьяне злобного орангутанга, который водится в Нидерландской Индии и рыж, словно лейтенант Стюарт.

Отсмеявшись, англичане отправились на веранду, где их ждали прохладительные напитки и ранний ужин. Здесь, на экваторе, темнота наступала в одно время весь год, и потому, чтобы не ужинать при свечах или лампах, привлекая множе-

ство насекомых, старшие служащие фактории старались откушать, пока не отгорел закат...

* * *

Баггала бросила якорь напротив складов, чуть в стороне от фактории.

День кончался. Солнце уже клонилось к земле, и тени стали длинными. Взбешенная подлостью ар-Рахмана и его сына, миссис Уиттли потребовала, чтобы ее тут же отправили на берег. Ар-Рахман не возражал против этого. Тогда миссис Уиттли потребовала, чтобы купец тут же снял с мачты и спрятал в трюме клетку с Дороти. Но тут ар-Рахман в эмоциональном переводе его сына ответил, что и не подумает снимать Дороти с мачты до тех пор, пока не встретится с мистером Уиттли и не получит обговоренного вознаграждения. Дороти на мачте — его обеспечение, ибо он не может верить неверной английской женщине, тем более настолько подлой, что она продает своих соотечественников в рабство.

— Что же вы раньше не говорили, что вы — противник рабства? — искренне удивилась Регина, обиженная за такой поворот во взглядах купца. — Вы же сами предложили мне продать... моих людей.

— Почему бы и нет? — произнесли переводческие уста Камара. — Мы хотели проверить вас. И увидели лишь бездну подлости. Так можем ли мы и дальше вам верить?

— Можете! — искренне воскликнула Регина.

А купец ар-Рахман отрицательно покачал головой, сложив руки на выдающемся вперед животе.

— Но это бесчеловечно и жестоко — держать на мачте живого человека, — обратилась Регина к последнему аргументу — к милосердию.

— Многое зависит теперь только от вас, госпожа Уиттли. Чем скорее ваш муж привезет деньги, тем скорее закончатся мучения вашей рабыни.

— Она не рабыня!

— Мы тоже так думали...

Даже Регина поняла, что разговор грозит пойти по кругу, и

стала быстро собирать свой сундучок, облегченный на коробку с драгоценностями. Пока она собиралась, арабы спустили с баггалы шлюпку и словно забыли о миссис Уиттли. Никто не вышел попрощаться с ней, никто не заметил ее отплытия. Купец и его сын были заняты, потому что к баггале подвалила большая лодка с позолоченным носом, изображающим голову птицы, и резной деревянной надстройкой на палубе. Из этой лодки вылез толстый бирманец в переливающейся шелковой юбке и белой куртке с шариками золотых пуговиц. Регина догадалась, что это портовый чиновник. И в самом деле, это был начальник рангунской таможни, который приехал проверить груз, получить деньги в казну и мзду себе, ничтожному.

Шлюпка, которую выделили для Регины, была маленькой и текла. Два гребца еле шевелили веслами, и Регина хотела, чтобы кто-то из них вычерпал поступающую воду, но, когда она, подобрав ноги, показала на деревянный черпак, плавающий в прибывающей воде, один из гребцов наклонился, вытащил черпак и кинул его так, что он плюхнулся на колени Регины. Намек был очевиден, и Регина хотела было объяснить этим обезьянам, что она сделает с черпаком, прежде чем выкинет его за борт, но потом почему-то передумала и принялась вычерпывать воду. Вследствие ее отчаянной работы лодка не успела затонуть, прежде чем добралась до берега.

Лодка ткнулась носом в глиняный скат берега неподалеку от английской фактории. Гребцы не стали вытаскивать Регину и даже ничем не помогли ей. Регине пришлось карабкаться на берег на четвереньках, толкая перед собой сундучок, и когда она вылезла на ровное место, то была вся измазана рыжей грязью. Она подобрала сундучок и сверху на добром английском языке объяснила ухмыляющимся матросам, что она с ними сделает, когда до них дойдут руки. И она была столь зла, что бедным матросам показалось вдруг, что эта белая женщина сейчас заклюет их до смерти. Они оттолкнулись веслами от берега и быстро поплыли обратно к баггале.

Погрозив лодке вслед кулаком, несчастная миссис Уиттли побрела к тыну фактории, составленному из толстых тиковых

бревен, заостренных на семифутовой высоте, — потребовались бы боевые слоны, чтобы справиться с таким забором.

К сожалению, ворота были закрыты, хотя было не только светло, но даже солнце еще не село.

Регина остановилась перед воротами.

Затем обернулась. Баггала, которая спустила паруса, казалась небольшой, зато на рее четко вырисовывалась клетка, и Регине показалось, что внутри ее она узнает Дороти.

Регина не знала, что Дороти с ее верхней позиции не только угадывала Регину, но и наблюдала за ней неотрывно с того момента, как лодка отвалила от баггалы. И хоть Регина удалялась, уменьшалась, Дороти видела ее как на ладони и, даже несмотря на жажду и сосущий под ложечкой голод, не могла не смеяться, глядя, как ее бывшая хозяйка вычерпывает воду, взбирается на глинистый обрывчик и бредет к запертым воротам фактории.

Вот она стоит перед воротами и, поставив сундучок в пыль, старается привести в порядок космы. Наконец, отчаявшись, заносит кулак, чтобы ударить в ворота, но замирает.

Затем оборачивается и долго смотрит на баггалу, прикрыв глаза от света козырьком ладони. Она смотрит на Дороти. «Как жаль, что я не могу помахать ей в ответ, — пожалела Дороти. — Она бы еще больше испугалась».

Наконец Регина снова повернулась к воротам и принялась молотить в них кулачком. Через какое-то время в воротах открылось окошко. А еще через минуту распахнулась калитка и впустила Регину внутрь.

* * *

Вечером в большой лодке на берег отправились хозяева баггалы — наверное, в гости к своим единоверцам. К бортам судна присосались плоскодонки, которые привезли с берега свежие фрукты и мясо, — бойкая торговля шла до темноты. Дороти думала, что она до благословенной темноты не доживет. Она даже пыталась грызть бамбуковые колья, надеясь, что в них сохранилась какая-то влага. Но тщетно. Она считала

до тысячи, до десяти тысяч, потом еще раз до десяти... а темнота не наступала.

На синем небе зажглись звезды, и, подражая им, загорелись цепочки огней вдоль реки, на берегу и на лодках, пришвартованных к причалам. Издалека доносилась странная, рваная, но знакомая музыка, порой мимо проплывали лодки, и слышно было, как шлепают по воде весла и льется с лопастей вода, мелодично перекликались бирманцы — у них был певучий язык, словно они говорили не о делах, а пели о любви. Но небо на западе, где опустилось солнце, оставалось разноцветным, светлым, а от этого и река еще была освещена остатками дня.

К счастью Дороти, от долгого ожидания и от жажды она забылась, и когда открыла глаза, то звезды были куда ярче, небо чернее, огоньки на берегу многочисленнее, и внизу, на палубе баггалы, тоже перемигивались огоньки фонарей.

Конечно, можно было бы ждать ночи, когда все уснут, но Дороти поняла, что должна рискнуть: еще немного — и она умрет от жажды или так ослабнет, что у нее не останется сил доплыть до берега.

Дороти осторожно вытащила из нижних гнезд заранее отвязанные бамбуковые колья — трех кольев было достаточно, чтобы пролезть наружу. Один из таких кольев чуть было не вырвался из руки и не упал на палубу...

Дороти осторожно раздвинула колья и выглянула.

О ужас! Оказывается, пока она дремала, рея изменила положение, и теперь клетка свисала как раз над палубой, то есть прыгнуть вниз было нельзя, а она так рассчитывала нырнуть, выбравшись из клетки, — в реке ее трудно было бы найти и поймать.

На палубе, ближе к баку, разговаривали три матроса. Теперь придется ждать, пока они уйдут. Впрочем, задача спуститься на палубу была почти невыполнимой — следовало вылезти сквозь щель в стенке клетки, перебраться на ее крышу, оттуда вскарабкаться по веревке на рею, и лишь потом можно было бы сползти по рее к мачте... Для девушки, хоть сильной и ловкой, задача была почти непосильной.

Отчаяние все более окутывало Дороти по мере того, как опускалась ночь. Дороти уже поняла, что до мачты ей не добраться.

Но и оставаться на месте было также невыносимо. Завтра мистер Уиттли заплатит по векселю, и тогда Дороти кинут в трюм... А там, если она останется жива, ее ждет страшная смерть в Омане!

Рассуждая так, Дороти подползла к краю клетки и теперь сидела на корточках, держась за разведенные в сторону прутья.

И в отчаянии от того, что ее жизнь погублена, Дороти обратилась с горячей молитвой к Богу, надеясь на его защиту и опору.

И как раз в тот момент, когда бессильные слезы заволокли глаза несчастной девушки, ее молитва дала плоды: баггала сильно качнулась, мачта с клеткой накренилась так неожиданно, что Дороти отпустила прутья и стремглав полетела вниз... Раздался громкий плеск, который, впрочем, не привлек внимания на баггале, потому что на палубе никого уже не было, а до вахтенного у штурвала было слишком далеко.

Если бы Дороти лучше знала обычаи природы в тех местах, то она бы не так удивилась своему чудесному спасению. Ведь дважды в сутки под влиянием лунного притяжения, как это определил уже давно великий Ньютон, воды океана поднимаются и обрушиваются на сушу, чтобы затем отступить и обнажить широкие полосы мелководья. Дельта же Иравади находится на одном уровне с океаном, и эта великая бирманская река в своем нижнем течении дважды в день меняет направление течения и под давлением массы океанской воды начинает течь обратно. Порой это превращение происходит так быстро и сильно, что покатая высокая волна поднимается в месте впадения реки в Бенгальский залив и несется вверх мимо Рангуна до самого города Пегу, раскачивая, а то и срывая с якорей речные суда.

Вот именно эта волна и явилась Дороти после ее горячей молитвы, сильно качнула стоявшее поперек реки судно, и, к счастью, выпавшая из клетки девушка рухнула в воду.

Оглушенная ударом, Дороти пошла было ко дну, но вода

не захотела ее поглотить и, подержав тело с полминуты, выбросила его на поверхность. К счастью, Дороти не захлебнулась, но наглоталась илистой воды. Вынырнув, она не сразу сообразила, что жива, здорова и сможет доплыть до берега. Но потом сообразила, обрадовалась и поблагодарила Бога.

Вода была блестящей, словно жирной, и отражала свет звезд, луны и фонарей баггалы, которая нависала над Дороти глухим черным бортом. Приливное течение тянуло Дороти вверх по реке, что, впрочем, ее вполне устраивало. Она примерно представляла себе, в каком направлении от корабля должны находиться левый берег реки и фактория. Она поплыла сначала к фактории и только потом сообразила, что ей там нечего делать — никто ее не ждет, а если и ждет, то с трепетом и желанием отравить, зарезать и уничтожить.

Так что Дороти, широко загребая, поплыла напрямик к берегу — в сущности, ей было все равно, где она выберется, правда, чем безлюдней это место, тем приятнее и лучше.

* * *

...Черная спина неведомого животного поднялась над водой ярдах в десяти от Дороти.

Дороти забила руками по воде, стараясь отпугнуть чудовище, но то не уплывало, а пошло вокруг Дороти, разрезая воду острым плавником.

Но что делать акуле в реке? Разве она может дышать пресной водой?

Дороти зажмурилась и со всей возможной скоростью принялась бить по воде руками. Но если ты спешишь и волнуешься, то быстрее от этого не плывешь — это известный всем закон.

Дороти ждала, всем телом ждала, когда острые зубы акулы сомкнутся на ее ноге... Но этого не случилось.

И каково же было удивление Дороти, когда она, снова открыв глаза, увидела, что под луной уже сверкают три или четыре черные спины — акулы ходили по кругу, одна за другой, словно совершали какой-то танец, но не проявляли желания приблизиться к своей жертве.

Вдруг одна из них выскочила из воды, как бы играя, и, подняв фонтан брызг, рухнула обратно.

Нет, это не акулы! Акулы так себя не ведут.

Так и не узнав, что за странные существа встретили ее, Дороти поплыла дальше к берегу. Она ведь не знала, что в Иравади водятся речные дельфины, существа безобидные и веселые.

Дельфины проводили Дороти до самого берега. Она выбралась из реки примерно в том же месте, где поднялась на берег миссис Уиттли, но ей, в отличие от Регины, не приходило в голову заботиться об одежде, от которой на ней осталась лишь полосатая нижняя юбка. Только сейчас Дороти вспомнила, что в подол юбки вшита тряпочка с запиской фокусника монаху. Вернее всего, записка погибла...

Жалко. Потому что, кроме этого монаха, Дороти не к кому идти в Рангуне. Не возвращаться же к миссис Уиттли, которую Дороти ненавидела и презирала. Та если не умрет при виде служанки, тут же ее убьет или придумает какую-нибудь дикую историю, чтобы оклеветать ее и уничтожить, — им рядом более не жить! Но, к сожалению, слово Регины здесь значит куда больше, чем все слова Дороти, вместе взятые.

Справа от Дороти темнели склады, горели фонари над причалами и в надстройках речных судов, слева острым зигзагом на фоне неба виднелась стена фактории из заостренных бревен, а впереди начиналась пыльная улица, застроенная китайскими лавочками и харчевнями, разноцветная от многочисленных бумажных фонарей, по которой брели, сидели, питались, разговаривали, спали многочисленные обитатели порта — кули, матросы, проститутки, бродяги, солдаты, нищие...

Дороти остановилась за углом крайнего дома, стараясь оставаться в темноте, чтобы получше приглядеться к портовой толпе. И тут она обратила внимание на то, что ее более чем скромный наряд вряд ли будет сильно выделяться: многие женщины, особенно нищенки, попрошайки и проститутки, были облачены лишь в юбки и выше пояса обнажены. Никого это не удивляло, вечер был таким теплым, что можно было бы ходить и без кожи — все равно не замерзнешь.

Правда, Дороти была не причесана — спутанные волосы

падали на плечи, — но как приведешь себя в порядок в бамбуковой клетке?

Дороти не знала, сколько времени, но ночь еще не наступила, и улица была оживленна.

Первые шаги дались Дороти с трудом — надо было заставить себя казаться естественной.

Один шаг, второй, десятый... Улица жила своей жизнью, не придав значения появлению нового персонажа.

И тогда Дороти поняла, как она хочет есть!

Она напилась, пока плыла по реке, утолила жажду мутной илистой водой Иравади, но голод, возбужденный запахами харчевен и лепешек, пряного риса, завернутого в виноградные листья, сводил с ума. Но у Дороти не было ничего, ровным счетом ничего, что она могла бы отдать за кусок лепешки.

Так, повторила Дороти про себя: пагода Шведагон, монастырь Священного зуба Будды, достопочтимый У Дхаммапада. Где же пагода Шведагон? Наверное, это тот громадный золотой конус, который Дороти видела с реи. Он возвышается примерно в пяти милях от берега на покатом, поросшем деревьями холме.

Дороти не спеша шла по улице, одурманенная запахами пищи, не смея остановиться, потому что тогда голод может заставить ее просить у туземцев. Но ведь она — свободная британская женщина. Она не может нищенствовать в дикой стране.

И тут Дороти поймала себя на том, что некоторые слова и даже выражения ей понятны — как будто они поднимаются из глубины ее памяти. Впрочем, ничего удивительного в том не было. Когда Дороти была маленькой, она сначала выучила со своей матерью слова лигонские и бирманские (бирманский язык немного похож на лигонский). Мэри-Энн была лигонкой, но жила при авском королевском дворце и потому говорила по-бирмански. Нередко ей становилось так тоскливо в Лондоне, где не было ни одной близкой души, что она учила Дороти языку предков, чтобы самой было с кем поговорить и от кого услышать эти слова. Потом уже, когда отец погиб, в доме появился одноглазый фокусник. Мать говорила с ним по-бирмански, но никогда — при чужих. Она не хотела спле-

тен и соседской подозрительности. Когда мать разговаривала с дядей Фаном, Дороти понимала, о чем они говорят. Это был как бы секретный, специально для них язык, как секретный язык, изобретенный детьми в школе или на улице.

И вот сейчас — а это было маленьким чудом — люди, сидевшие на корточках и жующие бетель, спорящие над миской супа, договаривающиеся о каких-то делах, произносили слова этого секретного языка, и он был понятен Дороти!

Конечно, не все слова и не из всех уст, но она не была безгласной и глухой на портовой улице. А от понимания языка у нее возникало странное чувство: будто она уже бывала на этой улице, хотя на самом-то деле родилась Дороти в Англии вскоре после возвращения родителей из Бирмы.

Углядев добродушного вида толстую женщину, сидевшую на ступеньках харчевни и продающую с жаровни маленькие пончики, Дороти подошла к ней и спросила:

— Вы не скажете мне, уважаемая, как пройти к пагоде Шведагон?

Толстая женщина не сразу поняла ее, потому что Дороти, как оказалось, слово «пагода» произнесла по-английски. По-бирмански это слово произносится как «па я».

— Шве-да-гон, — повторила Дороти.

Женщина окинула Дороти критическим взглядом и ответила быстрой речью, из которой Дороти почти ничего не поняла и потому упрямо повторила:

— Шве-да-гон.

— Куда тебе в такое время в Шведагон, — сказал тогда старый китаец, вышедший из харчевни. По тому, как Дороти глядела на пончики, он сразу все понял и, взяв горячий пончик с жаровни, кинул его, чтобы не обжечь пальцев, Дороти, и та подхватила пончик на лету.

Женщина начала было кричать на старого китайца, но тут же осеклась, узнав его, и подобострастно захихикала.

Старик выглядел солидно и знал себе цену. Он был облачен в черный атласный халат, расшитый золотыми драконами. На голове плотно сидела круглая черная шапочка.

Дороти чуть было не подавилась острым, горячим, вязким тестом и не смогла даже ответить толком на вопрос старика:

— Зачем тебе идти в Шведагон?

Дороти кивнула, показывая, что поняла вопрос.

Какой маленький пончик! Бывают же такие маленькие пончики!

Старый китаец никуда не спешил. У него были большие черные печальные глаза философа. Он все стоял на верхней ступеньке и разглядывал Дороти. Потом сказал что-то по-китайски толстой торговке. Та нагнулась вперед, дотронулась до юбки Дороти, взяла ее между мясистыми младенческими пальцами и помяла. Ответила китайцу, и тот сразу спросил:

— Откуда ты будешь, девушка?

Дороти увидела, что за спиной старика в темном проеме двери стоят два крепких молодых китайца в синих куртках и синих широких штанах.

Старик перекинул вперед седую косу и перебирал ее сухими желтыми пальцами. Порывом налетел горячий влажный ветер, и свет бумажных фонарей цветными бликами пробежал по лицу и седой бородке старика.

Дороти вдруг стало страшно. Она кинула взгляд на колечко. Но камень, насколько она могла судить, остался светлым, почти белым — от старика не исходило угрозы.

— Ты не из этого порта, — сказал старик. — Ты хочешь еще пончик?

Дороти не смогла удержаться от кивка — голова сама склонилась.

Старик чуть улыбнулся. Его телохранители — а Дороти была убеждена, что это так, ибо от старого китайца исходило ощущение власти — засмеялись. Торговка подняла свое тяжелое тело, чтобы поднести поднос поближе к Дороти, и сказала:

— Осторожнее, милая, они горячие.

Она не требовала денег ни с китайца, ни с Дороти.

Дороти взяла пончик, стала дуть на него, перекатывая в пальцах. В конце концов, ей было всего семнадцать лет, она быстро ко всему привыкала и предпочитала ждать от жизни хорошее. Хоть и не всегда ее надежды оправдывались.

— Говори, — потребовал китаец.

Дороти колебалась. Потом поняла — не убежать же!

— Я с арабского корабля, — сказала она, с трудом подбирая и произнося певучие бирманские слова, но с каждым сказанным словом в ней просыпались все новые — язык как бы возвращался к ней. Она даже и не подозревала, насколько прочно пустили в ней корни слова, которые шептала ей мать еще в колыбельке. — Он пришел сегодня...

Дороти показала рукой назад.

— Ешь, — сказала торговка. — Ты голодная.

— Что ты там делала? — спросил китаец строго, словно Дороти была китаянкой или бирманкой и ей нечего было делать на арабском корабле.

Дороти пожала плечами. Рот ее был занят пончиком. Начинка пончиков была острой, перечной, овощной. Тесто вязкое и не соленое.

Старик выкрикнул китайскую фразу, и, подчиняясь приказу, один из его телохранителей кинулся стрелой через улицу, сшибая людей, и схватил араба, который на той стороне улицы договаривался с проституткой. Он так быстро рванул араба на себя, что тот не успел выхватить нож, с заломленной назад рукой перебежал улицу и, согнувшись, остановился рядом с Дороти.

Китаец заговорил по-арабски. Дороти уже угадывала мелодию арабской гортанной речи, но не понимала слов.

Араб удивился.

По знаку телохранитель отпустил араба. Тот не убежал и не напал на китайца. Видно, тоже почувствовал, что имеет дело с необыкновенным человеком.

Китаец спрашивал. Араб отвечал. Затем старик показал на Дороти. Араб только сейчас увидел ее, ибо раньше не отрывал глаз от старика. Он, конечно же, узнал обезьяну и отшатнулся от девушки.

Тут же из араба хлынул бурный поток слов. Он помогал себе руками, порой упирал осуждающий перст в грудь Дороти, которая чувствовала себя неловко под градом непонятных обвинений.

— Ты поняла? — спросил старый китаец, когда араб замолчал и отшатнулся от Дороти.

— Нет, — сказала Дороти. — Но я думаю, что он плохо обо мне говорил.

— Этот человек — матрос с судна, на котором ты приплыла, он говорит, что ты — рабыня английской госпожи, которая продала тебя сыну ар-Рахмана, но ты чуть было не убила своего благодетеля. И потому тебя наказали. Так это ты висела в клетке на рее? Весь порт говорил сегодня об обезьяне, которую привез на своей баггале ар-Рахман. А это была ты!

Китаец тонко засмеялся и погладил бороду ладонью.

Дороти сказала:

— Я свободная английская женщина. Никто не смеет меня продавать.

— Но продали?

— Я не знаю, — ответила Дороти. — Мне об этом не сказали.

— А как же сын ар-Рахмана?

— Я не люблю, когда мужчины касаются меня, — гордо заявила Дороти. — У меня есть жених. Он — английский офицер.

— Чудесно, — произнес китаец. — Но плохо вести важный разговор на улице. Я прошу тебя, госпожа, пройти в этот дом, там есть тихая комната, и ты мне все расскажешь.

— Зачем? — спросила Дороти.

Она увидела, что толстая торговка чуть заметно отрицательно качает головой. Она кинула взгляд на колечко — камешек потемнел, но, может быть, на него неудачно упал уличный свет.

— Я придумаю, как тебе помочь и как наказать твоих обидчиков, — сказал китаец. — Я хочу, чтобы восторжествовала справедливость. К тому же есть несколько вопросов, на которые мне интересно получить ответы. Так ты идешь?

Дороти понимала, что у нее и нет иного выбора.

Она послушно прошла в дом.

Оглянулась. Араб убегал по улице.

— Вы не боитесь, что он приведет своих людей? — спросила Дороти у старика, который шел рядом с ней.

Старик захихикал. Его длинный черный халат шуршал в

темном коридоре, словно шла целая процессия облаченных в шелк вельмож.

— Его люди не посмеют здесь сделать ни одного шага без моего позволения, — произнес он.

В низкой длинной, тускло освещенной комнате были только нары, покрытые какими-то тряпками. Там сладко пахло и стоял дым. Телохранители криками и пинками выгнали из комнаты лежавших на нарах людей. Тут же низенький человек в синем халате с высоким воротником внес складной стул и поставил посреди комнаты. Старый китаец уселся на него, указав Дороти место на нарах напротив.

— Меня интересует, — сказал старик, — почему ты, женщина из Британии, понимаешь язык бирманцев.

— Моя мать была из этих мест, — ответила Дороти. — А отец был английским моряком. Он увез мою мать в Лондон. Она и сейчас жива.

Китаец кивнул.

— Ты плохо говоришь по-бирмански, — сказал он. — Значит, ты права. И что ты намерена делать дальше?

— Я еще не знаю, — сказала Дороти. Она немного лукавила. Ей не хотелось рассказывать старику о монастыре Священного зуба Будды. Она сама не могла бы объяснить почему. — Может быть, я буду искать моих родственников.

— Ты знаешь имя твоей семьи?

— Моя мать жила в Амарапуре. Она служила при королевском дворе.

— Как звали ее?

— Ма Дин Лайинг.

— Как звали твоего деда?

— Сайя Хмаунг. Он из княжества Хмаунг. Больше я ничего не знаю.

— Ты мне уже рассказала достаточно, — ответил китаец. — Я думаю, что ты будешь благодарить тот час, когда подошла к этому дому и встретила меня.

— А это ваш дом?

— Это один из домов, принадлежащих мне, — сказал старик. — Здесь курят опиум. Ты слышала об этом?

— Конечно, я слышала об этом.

— У меня много таких домов. У меня есть люди в горах, которые выращивают мак, и есть другие люди, которые давят маковый сок, и третьи люди, которые возят его сюда и делают из него опиум. Люди курят его и получают наслаждение. Я — старый Лю, который дарит людям наслаждение.

Дороти знала, что это не так. Она понимала разговоры мамы и дяди Фана о том, как плохо станет тому человеку, который пристрастится к опиуму, ибо опиум отнимает у человека силы и разум и ему хочется лишь мечтать в безделье.

Но Дороти не стала ничего говорить.

— Мой человек отведет тебя наверх, — сказал старик. — Ты будешь спать. Уже поздно, и, наверное, ты устала в той клетке. Скажи, а почему ты не утонула, когда упала из клетки в воду?

— Потому что я умею плавать.

— Это так странно! — изумился старик. С этими словами он покинул комнату, а телохранитель провел Дороти наверх, в маленькую комнату над опиумокурильней, куда через минуту пришла пожилая китаянка с тазом и кувшином, чтобы Дороти могла умыться. Потом она же принесла Дороти чайник и чашку, а также соленых сухариков. Это был самый сказочный пир в жизни Дороти.

Пожилая китаянка сидела на корточках напротив Дороти и подливала ей в чашку чай.

— Ты с арабского корабля? — спросила она. Видно, слухи о Дороти уже распространились по рангунскому порту. — Это правда, что тебя целых пять дней держали в клетке на мачте?

— Правда.

— Тебя наказали?

— Я не хотела, чтобы меня продавали в рабство.

— Наш хозяин очень обрадовался, — сказала пожилая китаянка. — Старый лис Лю хочет заработать на тебе большие деньги.

— Как это можно сделать? — удивилась Дороти.

— Если ты не врешь, может быть большой скандал. Британскую женщину продали в рабство. Господин начальник

английской фактории Уиттли будет очень недоволен своей женой. Он не хочет позора. Но ты в самом деле не рабыня?

— Я свободная женщина.

— А это правда, что твоя мать — Ма Дин Лайинг?

— Так ее звали до крещения.

— Я знаю поэму ее матери. О любви. Ты из рода Хмаунг?

— Из рода Хмаунг.

— Значит, хитрый лис Лю дважды выиграет — продали английскую леди и внучку поэтессы Ма Джи Нурия. Все будут очень много платить старому Лю, чтобы он молчал.

— Скажи, — попросила Дороти, которой вся эта история не нравилась, потому что о самой Дороти все забыли. Что хорошо ей, а что плохо, никого не интересовало. — А что такое Хмаунг?

Но китаянка не успела ответить. В дверь заглянул один из телохранителей старика.

Он прикрикнул на женщину по-китайски.

— Спокойной ночи, — сказала китаянка. Поклонившись, она ушла из комнаты.

— Спи, — приказал телохранитель Дороти.

Он закрыл дверь. Слышно было, как звякнула щеколда.

С улицы доносились шум и запахи пищи.

Дороти улеглась на нары, покрытые мягкими тряпками.

Ей очень хотелось спать. Тем более что убежать отсюда было бы трудно.

Воздух едва проникал сквозь окошко, затянутое промасленной бумагой.

Дороти прилегла на нары и задремала.

* * *

Проснулась она как от удара.

За дверью были слышны приглушенные голоса.

Звякнула щеколда, дверь приоткрылась. В дверях стояли оба телохранителя. Один из них держал в руке фонарь. Он посветил внутрь комнаты, как бы проверяя, не убежала ли Дороти. Дороти сразу закрыла глаза — она спит.

Видно, телохранитель сдавал пост сменщику. Он зашел в комнату, что-то положил на циновку.

Дороти продолжала лежать с закрытыми глазами.

Дверь закрылась.

Старик китаец ее бережет. Как противно — попасть из одного плена в другой! Если он хочет спекулировать ею, то это может плохо кончиться именно для Дороти.

За окном было тихо. В четырехугольнике окна синел ранний рассвет.

Дороти совсем не хотелось спать.

Она поняла, что надо делать, — нужно бежать.

Она поглядела, что оставил на циновке телохранитель. Оказалось — бирманскую юбку, блузку и сандалии. Ну что ж, спасибо старику Лю, по крайней мере он не хочет, чтобы его добыча выглядела жалкой рабыней.

Правда, когда Дороти подняла с пола юбку, то обнаружила, что та представляет собой лишь сшитый рулон материи, который удобно надеть на бегемота, но неизвестно как — на женщину.

Поэтому Дороти оставила юбку в комнате, но воспользовалась блузкой и сандалиями, крепившимися двумя полосками кожи между большим и вторым пальцем ноги. Осторожно, стараясь не скрипеть, Дороти открыла затянутое бумагой окно. Выглянула наружу. Окно выходило на покатую черепичную крышу-козырек над первым этажом.

Улицу заполнил серый туман, и неизвестно было, насколько он глубок... Старику Дороти не верила — он мог продать ее обратно Регине. А почему бы и нет? Если ему хорошо заплатят, то можно угодить и в публичный дом где-нибудь в Китае, оттуда уже никогда не выйдешь живой. Так что лучше быть голодной, но свободной. Дороти улыбнулась собственным мыслям, осторожно подтянулась, переползла на подоконник и опустила ноги так, чтобы съехать с крыши ногами вперед. Она продолжала держаться руками за подоконник, потихоньку сползая на животе вниз, и готова уже была отпустить подоконник, чтобы попытаться удержаться на круто положенной черепице, как услышала стук двери над головой и

удивленный возглас. Видно, шум встревожил охранника, и тот решил проверить, спит ли пленница.

Дороти поняла, что не может терять ни секунды. Она отпустила руки, съехала на животе вниз, секунду продержалась, цепляясь за водосток, и затем ухнула вниз, в туман, сжавшись, чтобы не разбиться.

Оказалось, что возле опиумокурильни стояла повозка, груженная арбузами, так что падение Дороти было недолгим. Ничего еще не поняв, она почувствовала, как ударилась о какие-то большие шары — воображение подсказало ей, что это человеческие головы, которые раздались и посыпались с повозки, а на них скатилась на землю и сама Дороти.

Проехав животом на арбузах, пока не врезалась в оставленный у стены лоток, Дороти скрылась в тумане, и лишь грохот, тянувшийся за ней, как хвост, указывал направление ее движения.

Однако телохранители старика не посмели последовать за Дороти ее же путем — то есть напрямик со второго этажа, а предпочли сбежать по лестнице, так что к тому времени, когда они оказались на улице, Дороти уже успела отбежать по улице дальше — в сиреневом тумане, как в мутной воде, она плохо видела препятствия и потому старалась держаться середины улицы. А чтобы преследователи не увидели ее, она бежала пригнувшись. Телохранители Лю, большие и неуклюжие, двигались медленнее.

Дороти увидела просвет между домами, заросший кустами, вершины которых поднимались над туманом. Она нырнула туда и уселась на землю, прижавшись спиной к стене углового дома.

Ей не было страшно — она была уверена, что сможет скрыться от преследователей.

Так и случилось. Телохранители пробежали мимо, а Дороти пошла узким проулком, потом перебралась через невысокий забор и оказалась среди складов — длинных мрачных зданий без окон и с большими воротами, перекрытыми мощными бревнами и засовами.

За складами, возле которых крепко спали сторожа, она

снова попала в город, уже в иной его район, на широкую улицу, разбитую повозками. Видно, по ней вывозили товары из порта.

Чем дальше Дороти отходила от реки, тем жиже становился покров тумана, да и рассвет все ярче освещал улицу. Вскоре ей встретилось несколько высоких двуколок, груженных мешками с рисом. На мешках сидели погонщики и цокали, подгоняя мерно бредущих буйволов. Потом ей встретились молодые монахи, шагавшие цепочкой. Им было зябко поутру, и они были закутаны в оранжевые тоги так туго, что стали похожи на гусениц. Головы монахов были тщательно выбриты, к груди каждый прижимал пузатый черный горшок. И хоть Дороти не помнила, чтобы ей когда-нибудь приходилось видеть буддийских монахов, она узнала их и догадалась сразу, что они идут просить утреннее подаяние, — в ней проснулась память ее матери.

Дороти остановилась, видя, как монахи подошли к стоявшему на сваях деревянному дому, окруженному широкой верандой. По ступенькам веранды навстречу им спустилась пожилая стройная женщина в длинной, плотно облегающей ноги юбке и белой блузке. Ее волосы были собраны в пучок, украшенный гирляндой белых цветов, которые далеко распространяли сладкий и тяжелый аромат.

Женщина держала в руке большую кастрюлю и поварешку. Ею она зачерпывала рисовую кашу и ловко кидала каждому по очереди в горшок. Получив взяток, монахи вереницей побрели к следующему дому.

Проходя мимо женщины, одарившей рисом последнего, десятилетнего монашка, Дороти спросила:

— Доброе утро, вы не скажете, госпожа, как мне пройти к Шведагону?

Ей уже не доставляло никакого труда говорить по-бирмански. И женщина не удивилась ее виду и вопросу, заданному в семь утра.

— Иди прямо, девушка, — сказала она, — до озера. Вдоль озера направляйся направо, пока не выйдешь к мощеной дороге. И дорога приведет тебя к священной пагоде Шведагон.

Дороти поклонилась, благодаря женщину, а затем пошла, как ей сказали.

Утро постепенно расцветало. Все громче пели птицы в садах, тянувшихся вдоль дороги и скрывавших деревянные дома. У колодца, площадка вокруг которого была выстлана плоскими камнями, собрались женщины. Они были одеты лишь в длинные юбки и совершали утренний туалет — одни мыли длинные черные волосы, другие обливались водой, а третьи принялись за стирку. Мужчин среди них не было — то ли те еще спали, то ли ушли к другому колодцу.

На дороге все чаще встречались повозки, а один раз Дороти даже испугалась, потому что никак не ожидала такой встречи: посередине улицы вышагивал самый настоящий слон, который волочил за собой толстое бревно. Его погонщик сидел у слона на загривке и распевал песню, совершенно лишенную смысла и мелодии для европейского уха, но такую приятную и мелодичную для Дороти!

Вскоре впереди показалось небольшое озеро, окруженное пальмами и прекрасное в зелени берегов, по которым были разбросаны маленькие белые пагоды, то в рост человека, а то и меньше. На дальнем берегу озера прямо из воды вырастал холм, увенчанный гигантской пагодой. Она являла собой золотой конус, как бы сложенный из плоских блинов, которые постепенно уменьшались, словно на детской игрушке, называемой пирамидкой. Из этого конуса тянулась к небу жирафья шея — верхняя часть пирамиды. Сверху ее венчал полураскрытый золотой зонт, который сверкал, будто охваченный жидким пламенем. Дороти не сразу догадалась, что причиной тому солнце, вставшее на востоке и уже осветившее самую вершину пагоды, поднимавшуюся чуть ли не на четверть мили к редким пушистым облакам.

Дороти задержалась на берегу озера, любуясь пагодой и ощущая глубокий искренний покой, как ребенок, который после долгих поисков нашел свой тихий дом. Сейчас откроется дверь, и навстречу выйдет мама.

И тут справа над вершинами деревьев появился луч и ударил ей в глаза — и в следующий же момент солнце буквально

вылетело на небо, вытолкнутое наступающим днем. И сразу же мир вокруг стал шумным, ярким и жарким.

Дороти пошла вокруг озера и вскоре вышла на мощенную камнем дорогу, по которой в том же направлении тянулись люди, одетые празднично и хранящие благоговейную тишину перед недавно возникшим перед ними во всей своей красоте Шведагоном, одним из самых удивительных чудес света. И чем ближе Дороти подходила к пагоде, тем теснее становилось на дорожке от паломников.

Вот дорога уперлась в широкую крутую лестницу, навес над которой поддерживали позолоченные резные колонны, каждая в два обхвата. В тени на лестнице уже раскладывали свои товары торговцы священными реликвиями, а то и всякими пустяками — колокольчиками, статуэтками святых, лаковой посудой и праздничными юбками для мужчин и для женщин — мало ли что захочет купить паломник на память о своем путешествии?

Разувшись и неся сандалии в руке, Дороти поднялась со всеми по лестнице. Ближе к пагоде колонны были обклеены кусочками зеркал, и Дороти вгляделась в одно из зеркальцев и расстроилась, поняв, какой неряхой и оборвашкой она выглядит.

Но ей было некуда деваться, и у нее не было денег, чтобы привести себя в порядок. Главное, что она от арабов ушла, и от Регины ушла, и даже от старого Лю ушла. И, что бы ни ждало ее, она была убеждена, что в конце концов все хорошо кончится — может быть, это чувство возникло у нее именно от яркого солнечного дня, от бурной красоты Шведагона и умиротворенного состояния людей вокруг.

Сама пагода стояла на широкой мраморной платформе. На этой платформе оказалось достаточно места и для других небольших храмов и пагод, для навесов, чтобы паломники могли спрятаться от солнца и отдохнуть, для статуй львов и злодейского вида стражей Неба. Гигантский змей, сложенный из покрытых штукатуркой кирпичей, вился вокруг одного из храмов.

Дороти спросила о монастыре Священного зуба Будды у

одного из многочисленных монахов, которые бродили по платформе, обмахиваясь круглыми плетеными опахалами или прикрываясь от поднявшегося солнца красными, на бамбуковых спицах зонтами.

Монах был сытый, томный, он долго размышлял, разглядывая странную девушку склонными к земным соблазнам глазами, потом вздохнул и показал через плечо назад и вниз.

По дороге к монастырю, который, как оказалось, раскинулся на дальнем склоне холма, Дороти пришлось несколько раз останавливаться и спрашивать дорогу у прохожих, так что добралась она до монастыря лишь через час.

* * *

Монастырь Священного зуба Будды был основан давным-давно. Каменные столбы, на которых когда-то крепились ворота, покосились, а памятью о воротах остались лишь ржавые петли. Ограда, тянувшаяся от ворот и поднимавшаяся по склону холма, во многих местах обвалилась, и через нее можно было перешагнуть, дорожки внутри монастыря заросли травой и даже кустами, которые взломали каменные плитки. Лишь центральная аллея, ведущая к главному зданию монастыря, поддерживалась в порядке. И по ней перед Дороти шествовала вереница монахов, которые возвращались в монастырь, собрав подаяние себе на завтрак.

Здание монастыря было грандиозно. Все три этажа его, все веранды и многоэтажная крыша, составленная из уменьшающихся шатров, колонны, перила, наличники больших, без стекол, окон — все было покрыто резьбой и некогда раскрашено. Теперь же краска осыпалась, но резьба, посеребренная от старости, осталась.

Сняв сандалии, Дороти поднялась на веранду, и тут навстречу ей из темноты выдвинулся монах, худой и мрачный.

— Нельзя, женщина, — сказал он. — Тебе не место в монашеской обители.

— Мне нужно видеть достопочтимого У Дхаммападу, — сказала Дороти.

Мальчики-послушники, путаясь в длинных тогах, пробе-

жали стайкой мимо, но под взглядом худого монаха стушевались и пошли дальше с нарочитым смирением и неспешностью, хотя им, конечно же, хотелось бежать и прыгать.

— Настоятель размышляет, — сообщил худой монах. И это звучало окончательно, словно «он умер».

Дороти понимала, что встретилась с человеком, которому приятно запрещать и поучать. И на его помощь рассчитывать не приходится.

— У меня к У Дхаммападе важное дело, — все же произнесла Дороти. — Я приехала к нему издалека.

— Я вижу, что издалека, — согласился монах. — Но все равно тебе не нужно разговаривать с сая-до. Ты можешь все сказать мне, и я передам У Дхаммападе.

— Я могу передать послание только лично, — возразила Дороти, — я подожду.

— Подожди за пределами обители, — сказал худой монах.

Дороти сошла с веранды, чтобы не спорить с монахом, и отошла под тень гигантского мангового дерева, с ветвей которого свисали зеленые маленькие плоды. Она уселась на корточки, как бирманка, которая намерена ждать. В Англии ей не приходило в голову сидеть на корточках, когда есть стулья или кровать, но здесь это получилось так естественно...

Монах постоял у резных перил веранды, глядя на упрямую нищенку в рваной полосатой юбке, потом ушел.

Наступила тишина. Она была наполнена пением множества птиц, звуками насекомых, шуршанием ветра в листве, в нее вплетались далекие голоса и хоровой речитатив, доносившийся изнутри здания, — видно, маленькие послушники зубрили наизусть мудрые сутры.

Потом на веранде появился другой монах, помоложе первого, с круглым туповатым лицом.

Он вынес плетенное из тростника низкое кресло. Поставил его на веранду.

Затем удалился и вскоре вернулся, поддерживая под руку очень старого монаха. Годы согнули его настолько, что лицо смотрело на землю, и монаху приходилось далеко откидывать его назад, чтобы увидеть путь перед собой или собеседника.

Молодой монах помог старику опуститься в кресло.

Глубокий, зычный голос, которому, казалось, негде было уместиться в немощном теле старого монаха, прозвучал над монастырем и запутался отдаленным громом в листве манговых деревьев:

— Девушка, которая хотела меня видеть и пришла издалека, пусть она поднимется ко мне.

Молодой монах подошел к перилáм и поманил Дороти подняться на веранду, словно не был уверен, услышала ли она громоподобный голос старика.

Дороти, оробев, поднялась по скрипучим ступенькам на веранду. Она особенно чувствовала сейчас, что дурно выглядит и не вызывает у людей доверия.

Старик откинул голову назад. Темное лицо было изрезано тысячью морщин и морщинок. Глаза были спрятаны в паутине складок и шрамиков. Старик был так похож на черепаху, выглядывающую из-под панциря.

— Мне сказали, — продолжал старик, — что ко мне пришла нищенка, для которой бирманский язык не родной. Она сказала, что пришла ко мне издалека. Откуда же ты пришла?

— Из Англии, — ответила Дороти. — Я приплыла на корабле, но попала в плен к пиратам, потом меня везли на арабской баггале и хотели продать в рабство. Но я убежала.

— Я не знаю о том, что происходит на море, потому что никогда не был там. Но знаю, что страна Англия находится во многих месяцах пути и англичане хотят завоевать нашу страну так же, как они завоевывают Индию. Я правильно говорю? — Последний вопрос относился не к Дороти, а к молодому монаху, который стоял рядом с низким креслом.

— Вы правы, сайя Дхаммапада, — ответил монах. — Ваша мудрость не знает пределов.

Дороти не знала, в чем заключается мудрость старика. Но по крайней мере она убедилась в том, что лицезреет именно того человека, который ей нужен.

— У меня есть письмо к вам, — сказала она. — Письмо было зашито мне в подол юбки. — Она показала, где было раньше

письмо. — Но мне пришлось плыть по реке, и я боюсь, что надпись на тряпочке смыло водой.

— И тебе не повторили слова записки вслух? — спросил Дхаммапада.

— Нет.

— Значит, они боялись, что ты попадешь в руки врагов... — Старик опустил голову на грудь и как будто задремал. Дороти ждала. Молодой монах тоже ждал.

Через минуту или две старик снова запрокинул назад черепашью голову и спросил:

— А как ты попала в Англию?

— Туда приехала моя мать, — призналась Дороти. — Она вышла замуж за англичанина. А я родилась в Лондоне, в английском городе.

— Почему ты знаешь бирманский язык?

— Мать учила меня.

— Мать дала тебе письмо ко мне?

— Нет, одноглазый фокусник Фан, который тоже живет в Лондоне.

— Мы знаем такого? — спросил Дхаммапада у своего молодого спутника, но тот отрицательно покачал головой.

Подол был пришит крепко, Дороти с трудом разорвала нитку, дальше все пошло быстрее. Через минуту под внимательными взглядами монахов Дороти вытащила из шва еще влажную тряпочку. Она не ожидала увидеть на тряпочке буквы, но, видно, они были написаны чернилами, которые не смывались водой. Мелкие круглые бирманские буквы чернели на тряпочке, которая была настолько тонкой, что, когда из маленького червяка материи она превратилась в плоскую тряпку, оказалось, что она размером в две ладони и целиком исписана с одной стороны.

— Дай мне письмо, — приказал У Дхаммапада, — это послание для моих глаз.

Затем У Дхаммапада вытащил из-под оранжевой тоги старые очки в металлической оправе, точно такие же, какие были у трактирщика в Лондоне. Надел их и опустил нос к самой тряпочке, как бы обнюхивая ее.

Он долго водил носом над тряпочкой, разбирая, что там написано.

Несколько монахов, которым нечего было делать, подошли к веранде и стали рассматривать Дороти, но молодой монах прикрикнул на них, и они ретировались.

Наконец старик завершил чтение. Громко вздохнул, видно, устал от этого усилия, снял очки и спросил у Дороти:

— Ты сама-то читала письмо?

— Нет, — ответила Дороти. — Мне мама зашила его. Я не распарывала. Да к тому же я и не поняла бы, ведь я не умею читать по-бирмански.

Что-то было неладно... Это она поняла, перехватив удивленный взгляд молодого монаха.

Старый монах запрокинул голову так далеко, что казалось — кадык вот-вот прорвет кожу на морщинистой коричневой шее. И рассмеялся.

— Она и не заметила, — сказал он. — Все заметили, а она не заметила!

— Что я не заметила, сайя Дхаммапада? — спросила она робко.

— Ты не поняла, что мы разговариваем сейчас с тобой на другом языке. И мой друг У Визара не понимает нашего разговора.

— Я вас не понимаю, — произнес молодой монах, видно сообразив, что У Дхаммапада говорит о нем.

— Разумеется, — продолжал старик, — потому что мы с тобой, девушка, разговариваем на лигонском языке, ибо оба принадлежим к одному народу, хотя оба оторвались от него.

— Лигон? — Впрочем, Дороти уже и сама обо всем догадалась. Ведь мать никогда не делала секрета из того, что ее девочкой привезли в Амарапур, бирманскую столицу в среднем течении Иравади, потому что бирманские короли всегда, как было принято на Востоке, брали на воспитание к себе детей вассальных князей. Считалось, что дети горных властителей таким образом получат столичное образование и воспитание, на самом же деле эти дети были заложниками и гарантировали королю хоть какую-то меру спокойствия в королевстве.

Правда, если центральная власть ослабевала, то и заложники приносили мало пользы. Как правило, у всех горных князей было по несколько жен и десятки детей. Так что княжной больше, княжной меньше — зачастую роли не играло.

Но тут, когда все выяснилось, открылись совершенно неожиданные обстоятельства. И об этих обстоятельствах настоятель монастыря Священного зуба У Дхаммапада рассказал английской девушке Дороти Форест уже после того, как велел принести гостье чаю со сладкими пирожками, после того, как ее отвели в дом к прислужницам, которые жили при мужском монастыре, раз уж женских монастырей в буддийских странах не бывает, добровольно неся обязательства монашеской жизни, притом обстирывая монахов, прибирая в монастыре и ухаживая за цветами и садом. Добрые женщины приняли искреннее участие в Дороти, так как о том их попросил сам У Дхаммапада — человек святой, который в будущем рождении обязательно станет святым, возможно, бессмертным.

Эти прислужницы, облаченные в розовые хламиды, тоже бритые, смиренные и суетливые в своем желании угодить святым людям, большей частью пожилые, помогли Дороти вымыться, нагрев для этого воды, они принесли ей одежду, пожертвованную одной знатной вдовой. Вдова была рада совершить доброе дело и выполнить просьбу, исходящую от ее духовного наставника и утешителя сайя У Дхаммапады.

Одежду принесли, когда Дороти проснулась после дневного сна, тягучего и неглубокого, напоенного жарой, жужжанием пчел и шуршанием травы. Она поняла, как славно отдохнула, что сбросила после омовения и сна в тени веранды домика усталость и напряжение в мышцах.

Одна из розовых послушниц положила перед ней стопку одежды, другая помогла подогнать ее, и через десять минут на веранду главного монастырского дома, где уже ждал ее в кресле мудрый сайя У Дхаммапада, поднялась самая настоящая знатная бирманка. Она могла быть и лигонской княжной, и бирманской или шанской принцессой.

— О! — воскликнул сайя У Дхаммапада. — Неужели мои старые глаза вновь видят бесподобную Ма Джи Нурия, твою

родную бабку, божественную красавицу, пленившую старого короля Алаунпая, но убежавшую с лигонским принцем, ибо она была охвачена безумной любовью к нему?

— Не та ли это Ма Джи Нурия, которой принадлежат волшебные строки поэмы о любви? — спросила старенькая прислужница. Судя по ее стати и манерам, в мирской жизни она принадлежала к сливкам бирманского общества. Впрочем, так оно и было — прислужница, помогавшая Дороти одеваться, до недавнего времени была главой могущественного придворного клана, но, проснувшись однажды утром, поняла, насколько ей неинтересны козни и интриги вокруг трона, приемы и праздники, заговоры и тайные убийства. И в один день она оставила все: и дворец в Амарапуре, и богатства. Она ушла в монастырь, поближе к славному старцу У Дхаммападе, чтобы на склоне жизни внимать его проповедям и советам.

— Это она, знаменитая придворная поэтесса, — согласился У Дхаммапада, который в свое время тоже не был чужд поэзии.

— И она была родной бабкой нашей гостьи?

— Да, родной бабкой. У нее было двое детей — сын Маун Нурия и дочь Ма Ин. Новый король приказал отправить дочь ко двору, чтобы она воспитывалась там. Так мать этой девушки увидела англичан, когда они приехали посольством в Авское королевство. И тогда она, что свойственно девушкам из рода Хмаунг, тоже уехала — на этот раз с англичанами. И король Баджидо, сделав широкий жест, разрешил ей этот брак. Благо к тому времени власть в Лигонском королевстве захватил другой род. Поэтессе Ма Джи Нурия и ее сыну пришлось бежать в горы, в родное племя Хмаунг, а их муж и отец, король Лигона, был убит заговорщиками. В те дни король Баджидо думал о том, как удержать вассала, как не дать новому лигонскому королю переметнуться к тайцам. Поэтому он отпустил с англичанами уже не нужную заложницу.

— Значит, мне повезло, — сказала Дороти, — что в нашем Лигоне пришли к власти другие люди?

— Почему?

— Иначе моей маме не разрешили бы выйти замуж за моего папу, и тогда меня бы не было на свете.

— Это глубокая мысль, — улыбнулся У Дхаммапада улыбкой старой черепахи. — И наивная мысль. Потому что у истории не бывает слова «если». Что случилось, то предсказали звезды. И иначе случиться не могло.

— А что было дальше? — спросила Дороти.

— Многие лигонцы знатных семей покинули королевство. Потому что узурпатор был жесток и коварен. Он перебил почти всех соперников, что жили в Лигоне. Он даже посылал наемных убийц в горы...

— И так погибла бабушка этой девушки, — сказала старая прислужница. — Моя любимая Ма Джи Нурия. Не окончив своей последней поэмы.

— Да, ее зарезал наемный убийца, — сказал У Дхаммапада. — А она была моей родной сестрой.

— Ах, что вы сказали! — удивилась старая прислужница. — Как же вы молчали столько лет! Никто здесь не знал об этом.

— И не нужно знать, ибо, приходя в монастырь, человек как бы скидывает одежды и чины. Никто не должен интересоваться, кем я был. Важно добиться милости нашего Учителя и кармы — и стать лучше в новом рождении.

Старуха и старик замолчали, погруженные в свои думы, а Дороти пыталась разобраться в том, что узнала. Оказывается, она — внучатая племянница этого старого монаха. Это еще куда ни шло... но она еще и родственница бывших правителей какого-то горного королевства. А может, у нее сохранились и другие родственники?

— А что сейчас происходит в Лигоне? — спросила Дороти.

Старик не сразу вернулся из мира своих медленных мыслей.

— Тебя это интересует?

— Разумеется. Как интересует и то, что было написано в письме вам, дедушка.

Как просто называть дедушкой этого древнего монаха! Как

будто внутри, в сердце, она знала об этом с той минуты, как поднялась на резную веранду монастыря.

— В письме было написано лишь, кто ты такая, кто твоя мать и кто твой отец. И была там просьба помочь тебе вернуться к своим родным в Лигоне.

— Зачем? — спросила Дороти. И, не дожидаясь ответа, уже знала, что и в самом деле ей важно, ей нужно вернуться в свою страну, в свой Лигон. К родным, которые до того существовали лишь в скупых рассказах матери, которая не любила много говорить о Лигоне, но плакала во сне и бормотала на родном языке. Англичанка ли она, Дороти Форест, или в ней сильнее иная кровь? Почему ей так просто и привычно в длинной, до земли, узкой шелковой юбке, в шелковой блузке, к которой вместо пуговиц пришиты крупные жемчужины, а волосы, мягкие после купания в теплых водах, собраны и затянуты серебряной заколкой, которая сверкает, словно диадема? Дороти знала, что в ней всегда были два человека — бедная английская девочка и в то же время принцесса гордого народа, древнего, как сами горы.

И ей ужасно захотелось, чтобы в сад монастыря Священного зуба Будды сейчас вошел случайно, невзначай штурман Алекс и увидел Дороти в новом обличье. Тогда бы он, наверное, и внимания больше не обратил на эту голубку Регину.

— Ты спрашиваешь, что происходит в Лигоне? — повторил ее вопрос старый монах. — Там сейчас иная власть.

— Какая иная?

— Объединившись с племенем ва, родной брат твоей мамы, твой дядя, которого теперь именуют Бо Нурия, разгромил своих врагов и вновь воцарился на троне предков.

— Мой дядя?

— Он будет рад видеть тебя. Он добрый мальчик. Я знал его совсем маленьким.

— Он изменился, он стал воином, — сказала старая прислужница.

— Он стал воином.

— Я хочу видеть его, — сказала Дороти.

— Я не могу отправить тебя одну, и мои монахи тебе не защита. Но я сегодня же пошлю срочное письмо через рангунских лигонцев. Я думаю, что мы можем ждать ответа через неделю.

— А эту неделю...

— Ты проживешь здесь. Но не выходя из монастыря.

* * *

Прошло восемь дней.

Эти дни Дороти провела в монастыре. Порой в сопровождении старушек из монастыря она поднималась к Шведагону и подолгу сидела на мраморных плитах, мысленно беседуя с господином Буддой.

В городе и в порту она не была ни разу. И не хотела того.

Ей даже не интересно было, как там живет ее бывшая хозяйка. Как будто все это было в иной жизни, из которой она хотела бы взять к себе лишь маму с братом, а еще штурмана... И это ее смущало.

Два раза приходили знатные лигонцы, из тех, кто по своим делам жил в Рангуне. Они опускались на землю перед принцессой Ма Доро, касались пальцами ее руки.

Старушки поили их чаем, сайя У Дхаммапада беседовал с ними. Разговоры шли не только о возвышенном, но и о том, что бирманский король в Амарапуре — деспот и тиран, что английские люди хотят воспользоваться его душевной болезнью и захватить Рангун. Но, может быть, это только слухи?

После этого все оборачивались к Дороти, словно она могла рассказать о замыслах англичан, словно она все эти годы была послом Лигона в Англии.

«Да, — говорила Дороти, — когда я плыла сюда на корабле, то шли разговоры о тяжелых пушках и о том, что в Рангун должен прийти корабль «Дредноут» с солдатами-сипаями на борту».

Баггала ар-Рахмана ушла из порта, так гости сказали Дороти. Получил ли купец свои деньги, неизвестно. Но вернее всего — получил. Дороти беспокоила судьба двоих матросов, ос-

тавшихся там, потому что в сердце птицы не бывает жалости. И, конечно же, она беспокоилась, не случилось ли плохого с Алексом. Уж лучше пускай Сюркуф доберется до Реюньона...

А на девятый день у ворот монастыря спешились с коней посланцы короля Лигона.

Глава 8

ПОЛЕ БИТВЫ ДЕМОНОВ

— У меня наступает решительный момент, — твердо сказал комиссар Милодар, — а вы мне талдычите о помидорах.

— Не талдычу, а стараюсь пробиться к вашему помутненному сознанию, — ответил командующий Теплицами и Оранжереями Северного полушария. — Если я вас послушаюсь, то мы оставим без витаминов треть населения планеты. Вы — варвар, комиссар!

— Бывает момент в истории, когда честь нации, честь планеты, честь Галактики перевешивает низменные соображения о помидорах. Знаете ли вы, что наша сотрудница находится сейчас в восемнадцатом веке и ее жизни грозит опасность? Читали ли вы о том, что все войны мира не стоят слезы одного ребенка? Кто это сказал?

— Пушкин!

— Нет!

— А кто?

— Не изображайте из себя первоклассника! Любой ребенок знает, кто это сказал. И не заговаривайте мне зубы, витаминный диктатор. Согласны ли вы помочь ИнтерГполу или будем враждовать?

— Будем враждовать, — ответил командующий Теплицами.

Милодар в гневе выключил связь.

Он обернулся к профессору Гродно.

— Вы видите, с кем нам приходится иметь дело?

Профессор Гродно ничего не ответил. Он устало глядел на дисплей — сложные цветные пятна рассказывали ему, как

функционирует мозг агента Коры Орват. Мозг функционировал непредсказуемо.

Милодар раздраженно отбросил стул и встал рядом с профессором у дисплея.

— Плохо, да? — спросил он.

— Я уже многое научился читать в ее спящем сознании, — ответил профессор, делая неопределенное движение головой в сторону спящего тела Коры Орват, которая покачивалась в туманном газе, наполнявшем саркофаг.

Ассистентка Пегги принесла профессору чашку чая и кофе для комиссара. За месяцы, проведенные рядом, участники операции привыкли друг к другу, и Пегги уже не так восторженно относилась к профессору и даже обнаружила в нем некоторые недостатки. И это неудивительно, если рядом с тобой находится страстный, подвижный, курчавый комиссар Милодар.

— И вас тревожит...

— И меня тревожат изменения в импульсах. Настолько, что, может быть, нам безопаснее прервать связь и пробудить агента.

— Все сговорились меня погубить! — закричал Милодар. — Вы не хотите войны с Эпидавром? Я тоже не хочу этой войны. Остался шаг до цели, и мы его сделаем. Неужели вы можете отступить?

— Еще несколько недель назад Кора Орват была лишь медиумом, передаточной инстанцией между нами и Дороти Форест. Но необычные условия, требующие постоянной связи мозга Коры с ее подопечной, заставляют Кору все более вторгаться в жизнь Дороти, сочувствовать ей и переживать за нее.

— Еще бы, — заметил Милодар. — Кора понимает, что Дороти ее прапрабабушка. И если она не выйдет замуж и не родит ребеночка, то и Коре нечего делать на этом свете.

— Может быть, — вздохнул профессор.

А Милодар подумал, что Пегги готовит такой жидкий кофе, что он даже при всей своей любви жениться не сможет связать с ней личную жизнь.

— Вот уже три недели, как Дороти разговаривает только

по-лигонски, — продолжал Гродно. Чай у него тоже был жидкий. Но, может, именно он испортил Пегги своими требованиями? Ноги у нее хорошие, ровные, полные в икрах, тонкие в коленках... А вот кофе статью не вышел. — Биотоки мозга агента Орват стали значительно активнее. И если мы могли лишь приблизительно догадываться, какого рода активность происходит в мозгу медиума, то теперь я ловлю каждое слово, сказанное Дороти, — их мозги фактически слились.

— Это идеализм!

— Разумеется, — сказал профессор.

— Вы говорите — третью неделю ни единого английского слова?

— И ни единого бирманского слова. Мы подключили лингвист-компьютер. Он не ошибается.

— Он еще может сказать нам, о чем она говорит по-лигонски?

— Но компьютер не знает лигонского языка!

— Почему?

— Его никто об этом не просил.

Милодар готов был произнести убийственный монолог, но понял, что этот монолог не поможет ни ему, ни его агенту.

— Значит, — сказал Милодар, — мы можем утверждать, что Дороти добралась до своих родственников. По крайней мере она находится в районе боев между мятежниками. Мне необходимо взглянуть на нее.

— Но мы исчерпали все лимиты...

— Не учите меня жить. Все равно они вынуждены будут дать нам наводку на Дороти, чтобы отыскать пропавшие предметы.

— Но не сегодня!

— А сегодня... — Милодар подошел к саркофагу. Лицо Коры потеряло безмятежность глубокого сна — по нему проносились легкие гримасы, словно девушку тревожили сновидения. — Где? — спросил Милодар сам себя. — Где ты находишься, дорогая Дороти? Где тебя черти носят? В Рангуне? В пути? Или в родовом гнезде Хмаунгов — городке Лиджи?

Пегги и профессор Гродно замерли, потому что голос Милодара от задумчивого полушепота постепенно поднялся до трагических высот. Комиссар казался полководцем, который клянется в верности перед гробом великого предка.

— О, как нам узнать правду, где ты? — возопил Милодар.

Губы спящей Коры шевельнулись, чуть-чуть, но чуткие приборы уловили и многократно усилили слово.

— Лиджи!

— Что? — крикнул Милодар. — Что она сказала? Она что-то сказала или я схожу с ума?

— Что ж, мы этого ждали, — ответил Гродно, бросаясь к приборам. — Трудно поверить собственным ушам, но она сказала слово «Лиджи».

Милодар нежно провел ладонью по холодной крышке саркофага.

— Она один из моих лучших агентов, — сообщил он медикам. Словно они не знали об этом раньше. Пароксизм ревности исказил миловидное лицо Пегги. Она дала себе слово зарезать Кору, как только та вернется из командировки.

Милодар вышел на середину комнаты и произнес:

— Теперь никто не посмеет остановить меня. Давайте включайте всю мощность. Проводим операцию «внушение»!

Гродно не возражал.

Он тут же начал подготовку к рискованной, ювелирной операции — мозг Коры должен был дать сигнал, направленный в мозг ее прародительницы. Теперь, когда осуществилась ожидаемая прямая связь между Корой и мозгом Дороти, можно было надеяться, что Дороти услышит приказ своей правнучки.

— Начинайте, — приказал Милодар. — Я отправляюсь к себе, чтобы вызвать Лицо из Эпидавра. Он должен успеть сюда к моменту завершения эксперимента.

Милодар, не попрощавшись, бросился вон из лаборатории. И не потому, конечно, что дела призывали его, просто он был суеверен, хотя не мог в том признаться.

Хлопнула дверь.

Пегги с жалостью посмотрела вслед Милодару. Профессор Гродно впервые позволил ревности овладеть собой.

— Не знаю, — сказал он, — достоин ли твоей любви человек, который бежит с поля боя.

— Мы не на поле боя, — отрезала Пегги. — Мы проводим рядовой медицинский эксперимент. А у комиссара Милодара есть дело государственной важности.

* * *

Дороти потянулась — ее ложе было одновременно бескрайним и ограниченным перильцами. Смешно спать на кровати с перильцами и под шелковым балдахином, в углах которого гнездятся летучие мыши.

Простыней в ее королевстве еще не изобрели, зато шкуры, которыми была покрыта постель, были мягкими и отлично выделанными.

Так что, несмотря на ночные холода, постель принцессы всегда была теплой.

Дороти лежала и прислушивалась к звукам утра.

Свежий ветер шумит в ветвях сосен, звенят колокольчики — стадо коз тянется на луг, закричала сойка... снаружи на веранде зазвенела посудой служанка — пошла доить буйволиц. Скоро придут монахи, надо будет выйти и вынести им разогретый слугами рис — принцесса Лигона должна показывать смирение перед небом и кармой.

Но еще есть несколько минут... Как далеко отсюда Лондон и даже Рангун, вся жизнь, проведенная вне Лиджи... Что могло заставить ее мать, хоть и опальную, но княжну, бросить все — дом предков, языческих богов, капища которых скрываются в сосновых лесах, чтобы их не увидели строгие буддийские монахи. Покинуть родных? Неужели так сильна любовь к язычнику, к иностранцу из презренного рода диких англичан, не знающих чести... Дороти (она уже привыкла к своему лигонскому имени, произведенному от английского, — Ма Доро) вдруг представила себе, как в узком домике у Темзы ее мать, казавшаяся ей всегда такой взрослой и даже старой, сидит сейчас, корпит над вышивкой очередной шляпы... А может быть, к ней пришел одноглазый фокусник Фан и они гадают, где сейчас Дороти, что с ней, здорова ли она, счастлива? И наверное, думают, что она по-прежнему живет среди англичан и служит толстой птице Регине...

— Доброе утро! — Служанка у двери сделала поклон сикхо. — Госпожа будет одеваться?

— Поунджи уже пришли за подаянием?

— Поунджи скоро придут. Ваш царственный дядя собрался на охоту и хотел бы перед отъездом поговорить со своей племянницей.

— Скажи дяде, что вынесу подаяние, умоюсь и приду к нему вкушать утреннюю пищу.

Служанка поклонилась, коснувшись головой чистых сосновых досок пола.

Дороти вскочила с постели. Утро было прохладным, свежим и светлым, хотя наступал муссон и тяжелые облака уже курчавились, нависая над перевалом, — не сегодня-завтра хлынут дожди. Видно, сегодняшняя охота — последняя в этом сухом сезоне.

Одна из служанок принесла большой серебряный горшок с рисом и серебряную поварешку. Дороти спустилась по лестнице своего дворцового павильона на короткую мягкую траву. Монахи уже подошли к лестнице и, смиренно опустив головы, ждали милости от принцессы.

Дороти стала раздавать им рис, а служанка, стоявшая дальше, клала каждому по большой ложке рыбьего паштета — нгапи.

Затем Дороти принесли одежду для среды, дня белого слона. Одежда была белой с зелеными цветами, прическа в день белого слона носится высокой, с гроздью белого жасмина. Мастер Маун принес специально вырезанное им из сандалового дерева душистое опахало. Взяв его и поблагодарив слуг, Дороти в сопровождении двух молоденьких фрейлин направилась через широкий зеленый двор к главному зданию дворца — терему короля Бо Нурии, где тот уже восседал на низенькой каменной скамеечке за круглым столом высотой меньше локтя, на котором стояли блюдо с рисом, фрукты и чай. Он ждал к завтраку свою любимую, обретенную с помощью добрых богов племянницу Ма Доро.

Дядя Бо Нурия был совсем еще не старым, даже моложе мамы. И очень на нее похож. Старый Бо Пиньязотта рассказывал, что за худобой и тонкостью рук короля открывается выносливое, жилистое тело воина и во всей стране гор нет лучшего бойца на саблях, чем повелитель Лигона. И нет лучшего стрелка из мушкета на охоте — кто еще, кроме Бо Нурии, с пятидесяти шагов попадает пулей в глаз тигру? Может быть, лишь глухонемой богатырь Нга Дин, сын Бо Пиньязотты.

Несмотря на прохладу, король Лигона сидел в одних штанах — в отличие от бирманцев, лигонцы носят широкие штаны, подобно жителям Чиенгмая и шанам. Вид у него был усталый и мрачный.

— Я рад тебя видеть, девочка, — сказал он при виде племянницы.

В этом не было лукавства — у короля не было детей, а самые мудрые доктора Китая заявили, что, к сожалению, боги и сам Будда не могут ему помочь. Поэтому король принял появление племянницы за благоприятный знак небес и через две недели после ее приезда назвал Дороти наследницей трона. Это не понравилось некоторым знатным вождям и придворным, но никто не посмел противоречить королю. В Лигоне женщина может наследовать трон, так что ничего особенного в том решении не было, благо, что по законам престолонаследования первой в очереди стояла не Дороти, а ее мать как сестра короля. Но Мэри-Энн еще не подозревала, какое высокое место она занимает в Лигонском королевстве, так как сообщить ей об этом было некому.

— Садись, — сказал король и передал племяннице чашку с кислым буйволовым молоком. Дороти приняла широкую чашку и хлебнула душистого густого напитка. — Сегодня выезд на охоту задерживается, — сообщил король. — Я хочу, чтобы мои вожди и советники услышали плохие новости.

Дороти знала, что было бы нарушением закона спрашивать о том, каковы эти новости, прежде чем король сочтет возможным сам о них сообщить. Дороти съела горячую лепешку. Конечно, в минуты плохих вестей проявлять аппетит неприлично, но она была молода и полагала, что лучше съесть

лепешку сейчас, чем после прихода советников — хранителей обычаев и правил хорошего тона.

Вельможи маленького королевства входили по одному. Первыми пришли три усатых князя из тех, чьи владения примыкали к Лиджи и которые предпочитали проводить дождливый сезон в городке, затем стали собираться советники. Потрясая седыми бородами, они кланялись дяде и Дороти. Затем снимали широкие шляпы и накидки и рассаживались на подушках в установленных местах — чем знатнее, тем ближе к королю. Хотя подушки были одинаковыми.

Принесли горячий чай в медных чайниках, его разливали по китайским фарфоровым чашкам и доливали в чай молоко. Дороти выпила всю чашку, остальные отхлебнули по глотку и поставили чашки на низенькие столики, что стояли перед каждым.

— Я собрал вас, друзья, — сказал король, — как ближайших ко мне людей, для того, чтобы держать с вами совет.

Никто не проронил ни слова. Все понимали, что обстоятельства достаточно серьезны, если король отложил выезд на охоту и созвал всех к себе с утра, когда не принято устраивать аудиенции и тем более принимать государственные решения.

Все молчали, слышно было, как один из князей поднял чашку и громко отхлебнул из нее.

— Вы сейчас увидите человека и услышите его слова.

Король щелкнул пальцами.

Слуга, дежуривший в дверях, крикнул наружу, с веранды вошли два воина, за ними человек в тоге монаха, нижняя половина лица которого была повязана черным платком.

Человек поклонился от входа, король жестом приказал ему выйти на середину комнаты.

Монах сел на корточки.

— Этот человек, — сказал король, — мой верный слуга. Он — мои глаза и уши в Аве. Он дороже мне, чем вся слоновья кавалерия. Потому никто не увидит его лица.

И все присутствующие склонили головы, не споря, потому что знали, на что идет авский двор, чтобы вернуть себе господство над Лигоном. Ведь уже восьмой год, как Бо Нурия от-

казывается посылать дань в Аву, презирая могущественного короля Бирмы за то, что тот предал его род и поддержал узурпаторов.

— Говори, наш друг, — произнес король, — мы внимаем тебе. Повтори то, что ты произнес лишь для моих ушей сегодня ночью.

— О славный король Бо Нурия, — сказал монах, и голос его звучал глухо из-под черного платка. — Я спешил к тебе пять дней и пять ночей, чтобы сообщить, что королевский совет в Аве постановил: как только прекратятся дожди, отправить большую армию против Лиджи, чтобы вернуть под руку Авы королевство Лигон и все горные народы, признающие его покровительство.

По собравшимся прокатился удивленный шум. И не то удивило вельмож, что Ава собралась в поход, — хватит королю Бодопаи ухлопывать все доходы страны в сооружение пагоды в Мингане.

Многие в Бирме, не говоря уж о горцах, полагали, что авский король Бодопая сошел с ума, когда он, для того чтобы обеспечить себе в будущем рождении участь боддисатвы, приказал построить на берегу Иравади самое большое строение в мире. Вся жизнь в стране замерла, никто не имел права построить даже сарай до тех пор, пока затея короля не увенчается успехом. Половина мужчин государства, бросив поля и мастерские, копали глину, обжигали кирпичи, перевозили их к строительству и укладывали слой за слоем... И конца строительству не было видно.

Бо Нурия вспомнил, что французский миссионер, добравшийся когда-то до Лиджи, рассказывал, что в краях белых людей такое уже случилось много лет назад в городе под названием Ба-билон. Люди там строили башню до неба, чтобы возвыситься над богами, и боги посмеялись, лишив их способности понимать друг друга. Вот и пришлось им разойтись по домам. Смешная история... Но боги посмеются и над Бодопаей, в этом Бо Нурия был убежден.

Нет, не само решение наказать непокорный Лигон удивило князей и советников. Удивило решение готовить поход за-

годя. Ведь если король Бирмы намеревался наказать вассала, он приказывал это сделать западному мьозе или покорным шанским князьям. Те разоряли непокорные деревни и уводили пленных. Зато если планировалась большая война против Манипура или Сиама, тогда готовиться к ней начинали с весны, а в поход выступали с началом сухого сезона, в сентябре. Следовательно, решение Бодопаи означало, что он считает Лигон целью большой войны. Он не доверяет вассалам. Он пойдет в поход сам и не оставит в Лигоне камня на камне. У Лигона нет шансов устоять в такой войне.

Дороти не знала, конечно, о чем размышляют старики, но поняла, что королевству ее дяди угрожает большая беда от бирманцев.

Она не прислушивалась к дальнейшей речи шпиона, потому что ей ничего не говорили имена бирманских генералов и губернаторов, соображения о путях наступления и названия полков и местных отрядов, которые должны будут участвовать в походе.

— Что же будем делать? — спросил король Бо Нурия, когда шпион ушел и остались только доверенные персоны и принцесса Ма Доро. — Я прошу каждого сказать, что он думает.

Вожди и советники по очереди кланялись повелителю и говорили так:

— Мы будем воевать.

А потом каждый начинал рассуждать о том, как его славные воины или славные воины короля разгромят жалких трусливых бирманцев. И даже Дороти понимала, что это все пустая похвальба суеверных дикарей, как бы молитва своим богам, чтобы они не допустили в горы могущественных врагов.

Но после того, как каждый из вождей произнес свою речь, терпеливо слушавший их король сказал:

— Все, что говорилось здесь, — тайна. У нас есть достаточно времени, чтобы подготовиться к войне. Со мной останется Бо Пиньязотта. Остальные идите, собирайтесь на охоту.

Советники и вожди послушно вышли, негромко переговариваясь, и по их виду никак нельзя было догадаться, что это

те же отважные стратеги, кто только что на словах разгромил сильного соседа.

— Я встревожен, — произнес король, когда остался лишь седой Бо Пиньязотта, знаменитый полководец из племени ва, который в свое время помог королю вернуть Лиджи.

— Их нельзя пускать в долину Лиджи. Если они выйдут к реке Кангем, они уничтожат все рисовые посевы и заморят нас голодом в горах.

— Разве в наших силах не допустить их в долину? — Король осунулся и постарел за последние часы.

— Мы должны остановить их на перевале Трех Пагод, — сказал Бо Пиньязотта. — Этот перевал должен быть превращен в неприступную крепость, как сделал в свое время твой дед, Бо Урия, когда в страну вторглись китайцы. Другие перевалы слишком круты, и по ним идут лишь тропы. Большому войску там не пройти.

— У меня не хватит войск, — сказал король. — Даже если все племена пришлют людей. И ты знаешь, что эти люди — охотники. Они хороши, чтобы подстеречь отдельного солдата, но они плохи в битве — легко превращаются из отряда в толпу.

— Ты прав, король, — согласился полководец. — Значит, мы должны укрепить перевал пушками. Настоящими большими пушками.

— Дядя... — начала было Дороти, но осеклась. Ее советов не просили. Она — просто женщина.

— Что?

— Прости, дядя, я не должна была вмешиваться в разговор мужчин.

— Где мы достанем пушки? — спросил король.

— Мы можем купить их, — ответил старый генерал, дергая себя за длинный седой ус.

— В Сиаме?

Полководец обрадованно кивнул. Словно до этого не был уверен в такой возможности.

— Сиам всегда рад помочь нам против Бирмы, но он предпочел бы получить нашу свободу, к тому же Сиам сейчас и

сам переживает тяжелые времена. Они боятся французского вторжения.

— Можно купить пушки в Индии? — спросил Бо Нурия.

Полководец отрицательно покачал головой.

— Я не люблю пушек. Это не оружие для благородного воина. Но я видел во время похода на Манипур, что могут сделать пушки даже с боевыми слонами. Нам нужны пушки.

Король отпустил полководца.

Когда они остались одни, он резко повернулся к Дороти.

— Говори, что ты хотела сказать.

— Я ничего не понимаю в войне, — сказала Дороти.

— Но ты жила среди англичан. Ты можешь знать нечто, избегшее внимания моих советников.

— Я плыла сюда на большом корабле «Глория», — сказала принцесса. — И знаю, что в трюме «Глории» лежали большие морские пушки, которые англичане намеревались выгрузить, поставить на лафеты и совершить поход на Аву.

— Не может быть!

— При мне об этом говорила жена английского фактора Джулиана Уиттли.

— И что она еще говорила?

— Впрочем, — Дороти усмехнулась, — все это неважно, потому что пушки попали к французскому пирату Сюркуфу вместе с «Глорией».

— Да, ты говорила мне о пирате. Но никогда — о пушках.

— Не было смысла. Я даже забыла о них.

— Это жаль. Ты должна была рассказать мне об этом раньше. Потому что для меня важно знать о планах англичан против Авы. Я не подозревал, что у них созрело желание завоевать великое королевство.

Дороти стало жаль дядю, ведь для него Авское государство было вершиной земного могущества. А даже Дороти знала, что оно далеко уступало тем королевствам в Индии, которые уже покорились английским пушкам.

— Второй корабль, который вышел вместе с нами из Лондона, — сказала тогда Дороти, — называется «Дредноут», то

есть «Устрашающий». Это старый линейный корабль британского флота.

— Линейный корабль?

— Значит самый большой на флоте.

Дороти поняла, что и в европейском флоте она, как дочка бывшего моряка, разбиралась куда лучше, чем ее августейший дядя. Но время ли сейчас объяснять, что во время морских сражений самые большие корабли строятся в линию и эти линии идут навстречу друг дружке, стреляя из всех пушек...

— И он тоже везет пушки?

— Нет, у него много своих пушек, — сказала Дороти. — Но он должен был зайти в Калькутту и взять на борт полк индийских солдат, сипаев. Теперь же поход сорвется... Англичане не посмеют отправиться на север без поддержки артиллерии.

— Ты рассуждаешь, как генерал, — улыбнулся дядя. — После охоты ты мне подробнее расскажешь о намерениях англичан и о том, как они хотели завоевать Авское королевство. Это смешно.

Но Бо Нурия не смеялся.

Во дворе прозвучал рог — сигнал начала охоты.

— Иди, девочка, — приказал Бо Нурия, — оденься для охоты. Я тоже переоденусь. Из-за того, что завтра война, мы не желаем сегодня менять нашу жизнь.

* * *

Охотились на мунтачков — небольших оленей, изящных и быстрых. Небольшое стадо их подняли на самом берегу Кангема, в редком прозрачном лесу. Охотники гнались за оленями около часа, кони вконец уморились, на запасном коне король ускакал вперед — он был упрям и никогда не возвращался с охоты без добычи. Остальные охотники устроили перевал, слуги стали готовить привезенную из Лиджи пищу, Дороти спустилась к широкой быстрой реке, прозвище которой — Кангем — Отец Лигона. Когда-то фокусник Фан говорил ей, что на огонь и бегущую воду человек может смотреть всю жизнь.

Дороти чувствовала какую-то тревогу, неудобство, ей все

время хотелось уединиться, не видеть людей, словно она ждала свидания, которое нельзя было открыть другим людям. Сначала она отнесла это состояние на счет рассказа шпиона из Авы. Ну зачем, зачем королю Бодопаи идти походом на Лигон? Ведь Лигон никому не мешает, он хочет лишь одного — чтобы его оставили в покое...

— Я должна найти корабль... Какой корабль? Летающий корабль. Летающих кораблей не бывает... Это был чужой летающий корабль...

Дороти вскочила. Она испугалась — она почувствовала, словно кто-то забрался в ее голову и разговаривает с ней. Колдовство? Ее околдовали!

— Это не колдовство. Это ты сама... это я сама. Какой корабль? Я должна спросить о нем у дяди и у Бо Пиньязотты. Местные люди знают, что случилось в горах пять лет назад. Я должна отыскать там три вещи — Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти. Они были на том корабле. Я не знаю никакого корабля. Разумеется, не знаю, но я должна его найти...

Два голоса в ее голове все время путались, невозможно разобраться, кто и когда говорит. То ли это сама Дороти, то ли некто чужой.

— Здесь кто-нибудь есть? — вслух произнесла Дороти.

Берег был пуст — далеко, на склоне, слуги готовили пищу, а охотники отдыхали, беседовали, ожидая возвращения короля.

Голос замолк. Но осталось желание.

Желание найти корабль, летающий корабль... Такого не бывает даже в книжках.

— Кто ты, кто говорит со мной? — спросила себя Дороти.

И ответа не последовало, потому что внутренний голос — это ты сама. И вопросы ты задавала сама себе.

Грузный седой Бо Пиньязотта спустился к воде. По обычаю племени его волосы были выбриты спереди до половины головы, а сзади заплетены в длинную седую косицу. Такими же косицами казались усы, свисавшие от углов рта и делавшие полководца похожим на старого сома.

В мешке у пояса он носил с собой все, что может пригодиться в дороге охотнику. Сейчас он достал оттуда деревянную

миску и зачерпнул воды из Кангема. Он пил, запрокинув голову, вода лилась ему на кожаный панцирь. Напившись, он спросил:

— Ма Доро хочет пить?

— Нет, спасибо, дядя, — сказала Дороти. Обращаясь так к старому воину, она подчеркивала свое уважение.

— Ты почему сидишь одна? Ты чураешься нас, диких людей?

— Неправда, я так не думаю... Скажи, дядя Пиньязотта, правда ли, что несколько лет назад в наших краях спускался корабль с неба?

— Ты откуда знаешь?

— Мне говорили служанки.

— Об этом говорить нехорошо. Поунджи из монастыря тоже так думают. Это были дикие посланцы Ада. Зачем нам знаться с ними?

— А что случилось? Не отворачивайся, дядя, ведь я все равно узнаю.

— В этом нет тайны... Просто об этом не говорят. Пять лет назад в долине Люнге, вон за теми горами, спустился сосуд злобы. Так его назвали старики. Некоторые пошли туда посмотреть, что за круглая миска спустилась с неба. Но те, кто пошел, не вернулись живыми. Демоны, которые были в миске, убили наших людей.

— А потом?

— Они недолго пробыли у нас.

— Они улетели?

— Некоторые улетели. Немногие. Другие остались...

— И что же?

— Потом они стали воевать между собой.

— Почему?

— Злые демоны не говорят людям, почему они воюют. Но на горы упала ночь, и те, кто был близок к их месту сражения, умерли.

— Люди умерли?

— Некоторые деревни до сих пор стоят пустыми. Ты увидишь там только дома. Люди умерли.

В Дороти существовало понимание того, о чем говорил Бо Пиньязотта. Она знала о воздушном корабле куда более всех обитателей Лигона, но она не могла понять, откуда происходит это знание. Ведь никто не объяснял ей, что далеко в небе есть другие земли, на них живут другие люди, что не злые демоны прилетали в долину Кангема, а жители дальней звезды, которые перед тем украли из своего дома некие волшебные предметы. А потом, судя по всему, оставили их здесь. Потому что победители в бою, разгоревшемся в джунглях, не думали о трофеях — они спешили унести ноги от заразы, исходившей от их оружия. И что самое удивительное, Дороти знала, что оружие тех пришельцев было заразным, несло в себе воздушный яд, который не только убил обитателей нескольких горных деревень, имевших несчастье жить поблизости от места боя, но следы этой заразы остались в лесу и сегодня, людям нельзя подолгу оставаться там. Недаром местные жители боятся тех мест и никогда не ходят туда на охоту. Да и в деревнях снова не селились. А тот, кто ночевал в пустом доме, обязательно заболевал и умирал... Но почему ей надо идти в такое плохое место? Какое дело ей до Зеркала Зла и Венца Власти?

Этот вопрос Дороти задала себе не потому, что боялась или не хотела увидеть поле битвы пришельцев с другой звезды. Но она не видела разумной причины, почему бы ей туда захотелось. А внутренний голос, который все время присутствовал в размышлениях и разговорах, почему-то не шел на подмогу, словно удовлетворялся ее согласием отправиться в джунгли и найти три волшебных предмета... «Могу ли я сказать правду моему дяде?» — «Нет, он не поймет, о чем ты говоришь, он решит, что ты — орудие злых демонов, которые порой овладевают душой человека и делают его безумным. Тогда тебе уже никогда не попасть в лес». — «Но, может, мне и не надо туда?» — «Нет, Дороти, ты должна это сделать. Ради самой себя». — «Почему?» — «Поверь мне!» — «Но почему?» — «Мы с тобой поможем другим людям...»

Дороти сжала ладонями виски, спор с самой собой пугал ее — может, и в самом деле она сходит с ума?

К реке сбежал простодушный глухонемой сын генерала

Нга Дин. Он считался самым сильным витязем королевства, гордился этим, любил подраться, а Бо Пиньязотта, хоть и любил его, расстраивался, что сын у него никогда не станет полководцем.

Бо Пиньязотта приказал жестами сыну принести принцессе миску холодной воды.

— Выпей, госпожа, — сказал он. — Ты побледнела. Ты устала. Тебе трудно на охоте с мужчинами.

— Нет! — сразу ответила Дороти.

Старый воин засмеялся.

— Бирманские девушки никогда не ездят на охоту с мужчинами, но знатные девушки Лигона и горных племен умеют охотиться, как мужчины. Не расстраивайся, ты еще научишься. Ведь ты не училась этому в стране англичан?

— Я не училась. Но разве я плохо езжу на лошади?

— И этому ты научишься, — ушел от ответа генерал.

И тут Дороти догадалась — конечно же, она знает, что сказать дяде!

— А вы сами были там, на месте сражения? — спросила она Бо Пиньязотту.

— Зачем мне быть в таком плохом месте? Уж лучше погибнуть в бою, как написано в моем гороскопе, чем мучиться болезнями.

— А кто-нибудь был?

— Были те, кто попал туда случайно.

— И все умерли?

— Обо всех не скажу.

Нга Дин стоял близко, всматривался в движение губ, но понимал не все и из-за этого сердился.

— Значит, кто-то остался живой? — спросила Дороти.

— Наверняка, — ответил генерал.

— И в Лиджи?

— Нет, в Лиджи такого человека я не знаю.

«Но, может быть, радиация уже нивелировалась там, опустилась до пределов, выносимых человеком?» — «О чем я думаю? Я не могу думать словами, которых я не знаю. Радиация — это слово, которым обозначают... заразу. Да, воздушный яд, которым отравлены те люди. Со временем зараза уменьшается и постепенно пропадает совсем. Но я хорошо подумала об оружии для моего дяди? Нет, это опасно, нельзя ему получить оружие, к которому он не готов. Значит, мы знаем другой способ попасть туда? Может быть, убежишь, Дороти?» — «Зачем?» — «Чтобы проникнуть в джунгли и найти то, что нам надо найти». — «Я не хочу умереть в джунглях от когтей тигра или стрел диких племен. Я — принцесса Лигона!» — «Ах, какая ты, к черту, принцесса! Ты лондонская девчонка...» — «Не смей так говорить. Мне не хочется идти в зараженное место ради тебя, которая меня не ставит и в пенни...» — «Прости меня, Дороти, я же — сама ты!» — «Неправда, ты — другой человек, который забрался ко мне в мозги. Уйди! Уйди, я тебе приказываю!»

И наступила тишина. Нет, не наружная — снаружи все так же шумели сосны, наклонившись, старый генерал спрашивал: «С тобой все в порядке, принцесса?» Тишина царила внутри — то, второе существо, исчезло...

* * *

Король Лигона возвратился к остальным охотникам через час. Спереди через круп коня был перекинут маленький олень. Бо Нурия был доволен собой и принялся издеваться над родственниками и друзьями, которые не умеют охотиться и которым лучше сидеть дома. Те отшучивались, они уже напились рисовой водки и наелись. Никакой король им не был страшен. Да и король понимал, что сейчас он им не владыка — они сами себе господа.

Бо Нурия не стал пить водку, он уже возвратился к заботам и дурным мыслям, но ему не с кем было говорить, кроме племянницы, потому что остальные были пьяны либо, как Бо Пиньязотта, немолоды и заснули на привезенных из города шкурах.

Дороти тоже хотела поговорить с королем.

— Дядя, — сказала она, — на твоих землях, как мне сказали, была война между чужими людьми, которые прилетели со звезд.

— О чем ты говоришь? — Король отщипывал куски лепешки и запивал горным пивом.

— Мне рассказывали многие. Даже уважаемый Бо Пиньязотта.

— Старик выживает из ума.

— Я позову его, и он все повторит.

— Я знаю, о чем они все сплетничали. Пять лет назад здесь были злые духи. Потом они убрались восвояси.

— Ты веришь в злых демонов?

— Как можно в них не верить, если они живут везде? Если злые наты живут на каждом большом дереве, в каждом покинутом доме?

— Я не верю в злых натов, но я верю в злых людей.

— Откуда же они заявились?

— Со своей звезды.

— Тогда это тем более наты. Под видом людей. Это бывает. Такие демоны особенно опасны.

— Но они воевали между собой.

— Нет предела наглости и злобе натов.

— Мне говорили, что там осталось их оружие.

— Может быть.

— Оно может пригодиться нам?

— Не может пригодиться человеку оружие демонов.

— Мы не видели демонов, мы не видели их боя, мы не видели оружия! — возмутилась Дороти. — Даже в момент, когда нам нужна помощь с любой стороны, когда нам нужны пушки, в это время ты не хочешь посмотреть. Только посмотреть!

— Это слишком опасно.

— Опаснее, чем армия Бодопаи?

— Я не знаю, Ма Доро... я не знаю. И ты для меня чужая. Ты не боишься богов. Может, у тебя есть свои, английские боги?

— Я поеду туда. Я думаю, что после их войны остались нужные для нас вещи.

— Не смей! Там таится смерть! Там даже птицы не пролетают.

Черты лица Бо Нурии исказились гневом и страхом — он

на самом деле испугался за свою наследницу. Ведь для него бирманская армия — это зло понятное: это слоны и кавалерия, это пушки и пехотинцы, это, в конце концов, сборщики налогов и оккупационные власти. Но иметь дело с натами, злыми демонами с неба, может, и погибшими, но опасными, он не собирался.

— Если ты не дашь мне людей, я поеду сама, одна, — ответила Дороти.

— Кто подучил тебя?

«Вот именно — подучил. Кто подучил меня?» Но внутренний голос молчал, вместо того чтобы подсказать, как убедить дядю.

— Если мы найдем там пушки или ружья, то мы сможем воевать с бирманцами.

— А ты знаешь, сколько нужно для этого пушкарей?

Дороти понимала, что дядю не переспоришь. Он упрям... как она сама.

Более того, Дороти уже поняла, что, даже если она никогда не услышит внутреннего голоса, если никто не попросит ее отправиться к месту битвы пришельцев со звезд, она все равно туда попадет. Несмотря на препятствия, на заразный воздух, на всех демонов мира — теперь уже решало упрямство Дороти Форест из рода Хмаунгов.

Так она и сказала дяде, садясь на коня и направляясь обратно во дворец. Пиры с мужчинами ее не интересовали.

Во дворце, пока не приехали охотники, Дороти разговаривала со служанками и слугами — она хотела узнать все, что можно, о сражении в джунглях и о том, где же оно происходило. К вечеру она уже знала, в каком направлении надо ехать от Лиджи, чтобы отыскать ту долину.

* * *

Дороти больше не беседовала о битве с дядей, но знала, что поедет в джунгли. Следовало лишь выбрать время, а это было нетрудно, потому что король Лигона спешил завершить важные поездки по соседним горным княжествам, прежде чем за-

рядят дожди и горные дороги станут непроезжими. Следовало лишь подождать очередной отлучки дяди.

Дороти подождала три дня. На четвертый Бо Нурия выехал к князю озера Инь, мелкого, прогретого солнцем водоема длиной в тридцать миль, на котором стояло на сваях несколько деревень, а жители передвигались между деревнями на лодках. Он предлагал Дороти поехать с ним, но она сослалась на недомогание.

Дороти знала, что дядя проездит три дня. Поэтому она тут же приказала оседлать для нее к следующему утру белую лошадь и дать еще одну, вьючную. На конюшне быстро исполнили приказ принцессы. Дороти нарисовала для себя на пальмовом листе маршрут. По ее расчетам, если она переночует по дороге в небольшой деревне, то на второй день сможет перевалить через невысокую гряду в соседнюю безлюдную долину, где и произошло сражение.

На рассвете лошадей подвели к крыльцу принцессы. Она уже оделась удобно и просто — в широкие короткие штаны и куртку, какие носят горцы, поверх куртки Дороти натянула кольчугу, как будто собиралась охотиться на медведя или кабана. Еще она взяла два больших кинжала с волнистыми, как кудри, лезвиями и пистолет, который спрятала в седельную сумку. В другую ей положили на три дня припасов.

Во дворце Дороти сказала, что поедет по долине Кангема, чтобы помолиться в монастыре Трех пагод. Никто не задавал вопросов и не ставил под сомнение слов повелительницы. Старший слуга спросил только, почему принцесса не берет с собой охраны, но Дороти сказала, что едет по местам мирным, кто посмеет напасть на нее.

Сначала Дороти ехала вниз по берегу реки, но через час, когда она убедилась, что за ней никто не следит, за одной из деревень она взяла от реки вверх, перевалила в долину и по узкой дорожке, соединявшей деревни в соседних долинах, пробралась к неизвестной речке. И к вечеру оказалась в деревне горцев ва, последнем населенном месте по дороге к проклятой долине.

В деревне были только женщины, дети и старики — мужчины и подростки ушли на большую охоту. В этой деревне жили ловцы слонов, они устраивали облавы и подбирали детенышей слонят, которых потом воспитывали в больших бревенчатых загонах за деревней — большей частью для лесных работ, а некоторых, самых сильных и умных, для боя. Сейчас загоны пустовали, потому что подросших слонят охотники ва продали в Лиджи, а некоторых своим соседям — каренам.

Дороти не стала говорить женщинам и старикам, что она принцесса Лигона. Она переночевала в большом доме, в котором жили семейные горцы. Высокий узкий дом был разделен на отсеки невысокими перегородками, в каждой комнате помещалась малая семья.

Всю ночь принцессу кусали блохи, рядом плакал больной ребенок, летучие мыши носились всю ночь над головой, словно у них шли соревнования по умению летать. Дороти уже жалела, что не открылась, тогда бы ей выделили дом отсутствующего вождя. Когда рассвет еще только занимался, она вылезла из-под своего одеяла и вышла наружу. Небо начало светлеть, наполовину оно было закрыто облаками, но и той части, которая оставалась чистой, было достаточно, чтобы осознать величие неба — такого просторного небосвода Дороти не видела даже в Лиджи, потому что все же столица располагалась в долине между пологими, заросшими лесом хребтами. Здесь же, на плоскогорье, между небосводом и человеком не оставалось никаких преград.

Дороти пошла к обрыву, что вел к реке. Ее шум глухо доносился снизу. Закричала ночная птица... Луна и звезды отражались в реке, и она казалась серебряной лентой, состоявшей из звезд. Недалеко от реки алой точкой тлел костер. И Дороти даже показалось, что она видит коней, стоящих на берегу. «Наверное, пастухи стерегут там табун», — подумала она.

Дороти возвратилась в деревню, но залезать в сдавленную духоту большого дома не хотелось. Да и сон убежал... Если бы только не было так холодно! Свежий воздух был ледяным, как бывает в декабрьском Лондоне. Дороти ступила в лужу, оставшуюся от дневного ливня, под ногой хрустнул тонкий лед. Недаром бирманцы так не любят забираться в горы и стара-

ются, чтобы горцы враждовали между собой, были слабыми и покорными.

Старая женщина выбралась из большого дома и стала разводить огонь в большом, выстланном камнями очаге. Вскоре к ней присоединилась еще одна — она притащила котел с водой от близкого ручья. Деревня просыпалась с рассветом. Никто не обращал внимания на Дороти, которая была рада возможности выехать пораньше.

Когда она завтракала в большом доме вместе с женщинами, она спросила соседку:

— Это лошади вашего селения там, внизу, у реки?

— Нет, — сказала женщина, — это чужие люди.

— Из Лиджи, — добавила старуха, сидевшая дальше от Дороти.

— Они едут за тобой, — сказала третья женщина.

Дороти насторожилась — кому потребовалось выслеживать ее?

Она подняла к глазам колечко — в большом доме было сумрачно.

Камешек в колечке не потемнел. Но это еще ничего не значило. Ведь те люди были далеко от нее — колечко могло и не уловить опасности.

— Что им нужно? — Дороти хотела сказать это про себя, а вышло — вслух.

— Они давно едут за тобой, — сказала всеведущая старуха, — от самого Лиджи, но не приближаются. Они не хотят, чтобы ты их видела. Будь осторожна, принцесса.

Господи, им тут и это известно!

— В горах даже птицы разносят вести, — засмеялась молодая женщина, которая кормила грудью ребенка. Почувствовав смущение Дороти, все остальные присоединились к ее смеху. Они не хотели обидеть гостью, просто им было непонятно, как можно не заметить таких простых вещей.

Дороти поднялась.

— Я еду к тому месту, где был бой демонов пять или шесть лет назад, — сказала она. — Кто мне покажет туда тропу?

— Той тропой давно никто не ездит. Это плохая долина,

мертвая долина, — сказала старуха. Она вытерла жирные от кунжутного масла пальцы о плоскую обнаженную грудь. Здесь люди совсем не боялись холода.

— Вы только покажите мне тропу.

Старуха велела женщине, кормившей младенца, выйти с Дороти. За ними выбежали мальчишки. У коновязи мальчишки отвязали лошадей принцессы, а женщина подержала Дороти стремя, когда та влезала в седло. Ребеночек плакал, он был недокормлен.

Мальчишки проводили Дороти до выезда из деревни, до ворот в изгороди, защищавшей посевы от кабанов и оленей. Дороти надеялась, что преследователи не заметили, что она уже отправилась в путь.

Тропинка, сначала утоптанная, видно, по ней ходили люди селения по разным делам в окрестностях, постепенно становилась все у́же, вот уже и молодые стебли бамбука выросли посреди нее, дальше ее завалило небольшим оползнем.

Лошади шли осторожно, неуверенно.

Раза два Дороти останавливалась, проехав открытое пространство, чтобы убедиться, что за ней нет погони. Но ничего не услышала и не заметила.

Наконец тропа перевалила через хребет по пологой лощине между двумя покатыми вершинами, и перед ней в просвете между могучих, но согнутых ветрами деревьев открылась долина, где когда-то сражались демоны.

Долина была тихой и мирной — ни одного дымка не поднималось над ней, ни единой террасы не было засажено рисом или ячменем, ни одна тропа или дорога не нарушила девственность леса: природа в муссонных лесах за несколько лет залечивает все раны, нанесенные ей человеком.

В Дороти вдруг возникло ощущение чужого присутствия, будто проснулся внутренний голос, проснулся тревожно, он ничего не говорил, но безмолвно торопил ее, чтобы она скорее спустилась, скорее нашла необходимое и скорее возвратилась обратно, под защиту хребта, замыкающего долину.

Однако лошади не могли спешить, спускаясь по крутому

склону по едва различимой тропе. Так что Дороти, хоть и встревоженная внутренним предупреждением, спускалась медленно, чувствуя опасность, которая происходила не от чужого присутствия, а, наоборот, от тишины, царившей в долине. Казалось, отсюда даже улетели все птицы, так молчалив был лес, зато растения, чем ниже опускалась Дороти, тем более удивляли ее своими необычными размерами и формой листьев. Казалось, злые духи состязались здесь в издевательстве над привычными формами растений. Неприятно было, когда ветки касались тебя, когда ты вдыхала тяжелый запах, исходящий от земли, покрытой разноцветными лишайниками.

Но тем не менее Дороти продолжала свой путь, хоть и испуганная увиденным, но не настолько, чтобы страх преодолел желание увидеть поле битвы звездных людей и найти Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти. Эти сокровища, о которых ей рассказал внутренний голос, должны быть прекрасны и сверкать так, что лес не сможет их скрыть, если они и на самом деле оставлены здесь теми, кто был побежден.

Спуск в долину занял около часа. Дороти устала, устали лошади, и ей пришлось остановиться на широкой прогалине, чтобы отдохнуть.

Постояв на месте несколько минут, Дороти, спешившись, повела своих лошадей дальше — в неподвижном влажном воздухе долины не хотелось оставаться.

Неожиданно впереди деревья расступились, и Дороти оказалась в мертвой деревне, о которой совсем забыла.

Посреди обширной и еще не заросшей бамбуком и кустами поляны стоял Большой дом, его крыша в середине провалилась. Покосились, а то и рухнули дома вождя, жреца и дом для молодых охотников. Дальше начинались поросшие гигантскими лопухами и высокой травой поля.

Дороти прошла по площади, утоптанной за много поколений настолько, что трава не смогла еще пробиться сквозь слой глины. Скорее, торопил Дороти внутренний голос или, может, не голос, а необъяснимый страх перед опасностью, у которой нет имени.

Копыта лошадей гулко застучали по площади.

— Давайте, давайте скорее! — торопила лошадей Дороти.

Она старалась не глядеть на дома. Она боялась увидеть там скелеты жителей деревни. Хотя, вернее всего, их похоронили охотники, набредшие на мертвую деревню... если сами не умерли.

За деревней Дороти отыскала забытую дорогу, которая привела ее к горной речке, скорее ручью — долина была расположена довольно высоко в горах, и потому потоки еще не успели выкопать себе глубоких ущелий.

Дальше Дороти шла вдоль реки.

«Уже скоро, — поняла Дороти. — Уже совсем скоро. Я знаю. Или это чужие мысли?»

И тут она вышла к обширной пустоши, спускавшейся к реке. Посреди нее темнел, опаленный адским пламенем, запекшийся круг размером с городскую площадь, будто небесная сковородка богов упала здесь.

И не надо было подсказки — Дороти уже догадалась, что видит то место, на котором пять лет назад опустился корабль с чужой звезды, и был он так тяжел и горяч, что испепелил растительность и превратил землю в камень. Ничто земное не могло бы совершить такого насилия над почвой.

«Не наступай, объезжай пятно, — проговорил внутренний голос. — Не приближайся...»

Но Дороти не могла послушаться собственных страхов, потому что ей надо было решить, куда держать путь дальше.

Здесь, на запеченном, звонком глиняном круге не было никаких следов войны. Да и не могли звездные люди воевать под собственным кораблем. Значит, надо ехать дальше... Вниз по реке или наверх? Справа к реке близко подступали скалы и каменистый скат уходил наверх, не оставляя свободного места на берегу, налево же, вверх по течению, берег реки был плоским, заросшим кустарником и кущами бамбука — все это могло появиться здесь за считаные годы, а раньше по берегу тянулись поля.

Дороти повернула лошадей вверх по реке, и скоро тропинка прервалась, и пришлось пробиваться сквозь кусты, дер-

жась как можно ближе к берегу. Кусты и бамбук здесь были удивительными, даже более странными, чем перед перевалом, — листья бамбука потеряли форму, раздваивались, а то принимали форму кленовых листьев, а стволы изогнулись и ветвились, словно это был не бамбук, а ивы. Но зато вымахали эти заросли ярдов на двадцать, и пробиться сквозь них было очень трудно.

Дороти готова была повернуть назад и поискать другую дорогу, выше по берегу, тем более что лошади волновались, ржали, старались повернуть обратно, но тут ее глазам предстала странная картина — она увидела нечто блестящее над головой. Приглядевшись, поняла, что видит металлическое кольцо в пядь диаметром, которое, видно, валялось на земле, и сквозь него пророс побег бамбука. За пять лет побег превратился в ствол, подобный пальмовому, и кольцо поднялось на два человеческих роста, так как такой толщины достиг ствол бамбука.

Более того, кольцо вросло в ствол, и еще год-другой — и его никто не отыщет, оно зарастет тканью бамбукового ствола, и лишь когда ствол обрушится, сгниет, кольцо снова покажется на поверхности, а может быть, и останется навечно погребенным под трухой и перегноем джунглей.

Дороти решила взять кольцо с собой — может, она ничего больше не найдет, но кольцо будет доказательством ее правоты: битва между звездными пришельцами все-таки была, и следы ее остались в лесу. Если бы это была битва между демонами, то ни одной настоящей вещи остаться после них не могло, ибо демоны бьются условными, несуществующими для людей копьями и мечами.

Дороти вытащила нож и постаралась срезать ствол бамбука, но он был настолько толст и крепок у основания, что, помучившись несколько минут, девушка была вынуждена отказаться от своего намерения.

Тогда она решила, что займется бамбуком на обратном пути, если не найдет ничего более интересного, а сейчас она пройдет немного дальше пешком, хотя бы потому, что из седла можно проглядеть вещи, которые таятся в траве.

Дороти привязала лошадей к стволу бамбука, охваченного кольцом, чтобы не потерять его в кустарнике, и пошла дальше пешком, раздвигая стволы кустов и бамбука... И через двадцать шагов натолкнулась на скелет звездного человека.

Почему она решила, что это звездный человек?

Все объяснялось просто и обыденно — перед ней, почти скрытый в траве и кустах, лежал скелет, объеденный до белизны лесными тварями, но на скелете сохранились остатки странной, облегающей одежды, а главное, его череп был заключен в странный круглый шар, железный сзади и с боков, а спереди снабженный стеклянным прозрачным забралом. Шлем был похож на рыцарский, хотя ничего больше рыцарского на звездном воине не было надето. Зато рядом с ним у пальцев скелета лежало оружие из тонкого металла. Дороти была убеждена, что эта палочка с перекладинами и рукоятью — не что иное, как оружие. И ей было не страшно. И зря предупреждал ее, пугал, гнал прочь внутренний голос — Дороти подняла оружие и принялась нажимать на выступающие из него места. Ничего не случилось.

Отбросив оружие, Дороти пошла дальше, и почти на каждом шагу она натыкалась на скелеты людей, некоторые были в шлемах, другие несли на груди и спине панцири. Между скелетами валялись и другие вещи, значения и смысла которых нельзя было угадать, но Дороти поднимала их и пыталась сообразить, что к чему. Ведь она собиралась доказать дяде, что у звездных людей есть оружие, которое может пригодиться лигонцам в войне с Авским королевством.

А еще через двадцать шагов, выйдя неожиданно к излучине реки, Дороти увидела, как из-под какой-то тряпки, в которую был замотан очередной скелет, сверкнула искра.

Отодвинув ногой тряпку, Дороти увидела то, за чем она сюда пришла. Она нашла зеркало. Зеркало, оправленное в серебро, на серебряной овальной ручке.

Вот так... Все очень просто. Пришла, увидела, победила.

Дороти подняла зеркало. Зеркало было тяжелым ровно настолько, чтобы чувствовать его в руке, но не настолько, чтобы тяжесть была неприятной. За пять лет зеркало покрылось гря-

зью и пылью, Дороти пришлось соскребать грязь ножом, а потом она спустилась к реке и принялась отмывать зеркало. Вода была очень холодной, и потому присохшая грязь смывалась с трудом. Прошло немало времени, даже руки закоченели, но Дороти упрямо терла стекло и рамку, потому что ей не терпелось посмотреться в зеркало.

Внутри Дороти щелкало предупреждение: уходи, здесь оставаться опасно! Уходи отсюда, здесь царит тот самый невидимый газ, отрава звездных пришельцев. Но Дороти не прислушивалась к угрозам — она была счастлива находке. Серебро рукояти и рамки было вылеплено фигурно — среди орнамента и виноградных лоз угадывались маленькие обнаженные танцовщицы.

Ну, вот и готово! Зеркало засверкало. Дороти повернула его к себе и заглянула в него.

Это было... трудно объяснить. Это было как в страшном сне!

Зеркало было глубоким — ты смотрел в него, как в колодец, но колодец не был темным, он отражал свет дня, который окружал Дороти, и в глубине его клубился дым, почти белый и ненастоящий, подобно тому дыму, который умели вызывать мальчишки, кидая в лужу на улице кусочек негашеной извести.

Но самой Дороти в зеркале не было!

Она даже перевернула зеркало и осмотрела его сзади, но тыльная сторона его была серебряной, на ней были вдавлены узоры...

Дороти снова посмотрела в блестящую поверхность... Нет, нельзя было сказать, что зеркало ничего не отражает, ведь и глубина была в нем, и ощущение колодца, и клубящийся белый дым... Скорее зеркало было живой движущейся картинкой.

— Зеркало Зла, — произнесла Дороти. Откуда-то она знает его название. Зеркало Зла... Но... зло в том дыме или зло скрывается за белым дымом?

Держа зеркало в руке, Дороти поднялась с корточек и хотела было пойти дальше, как увидела, что в белом дыме что-то

темнеет. Темное пятно увеличивалось. Дороти, которая не могла оторвать взгляда от зеркала, показалось, что она может различить сквозь дым маленькие черные злобные глаза на лице, покрытом шерстью... Желтые клыки были видны из-под вздернутого носа... Что за чудовище угрожает ей?

Дороти почувствовала топот, треск ломающихся ветвей.

Она обернулась.

И увидела, как из чащи на нее несется, утробно рыча, громадный кабан с торчащими вверх ушами, впрочем, Дороти и не успела догадаться, что это кабан, потому что ей никогда не приходилось видеть диких кабанов, да еще таких длинноногих и мохнатых, какие выводятся в лесу, отравленном невидимым ядом звездных пришельцев.

Не поняв, что это кабан, Дороти все же сообразила, что ей угрожает смертельная опасность, и, прижав к груди зеркало, которое предупредило ее об опасности, она с разбегу кинулась в воду реки, которая здесь была холодна, быстра, но неглубока.

Вода повлекла Дороти по камням и протащила, наверно, шагов двадцать, пока оглушенная девушка не смогла, ударившись о торчащий из воды камень, уцепиться за него свободной рукой.

Ледяная вода била по телу, стараясь оторвать Дороти от камня и потащить ее дальше вниз, но тут Дороти постаралась, опираясь о камень животом, подняться на ноги. Это ей удалось.

И когда она встала, то оказалось, что вода не достает ей до пояса, иначе бы Дороти не удержаться в таком быстром потоке.

Но увидел это и бешеный кабан на длинных ногах. Оказывается, он бежал следом за Дороти по берегу и остановился, замер, рыча, как медведь, у кромки воды — всего в десятке шагов от Дороти.

Он вовсе не намеревался отпустить ее душу на покаяние. Переступая ногами, кабан топтался, с каждым шагом чуть-чуть глубже заходя в воду.

— Уходи! — крикнула ему Дороти. — Ты все равно до меня не доберешься. А если и доберешься, то я убегу на тот берег.

Дороти оглянулась — тот, дальний, берег был недалеко,

его отделял от девушки трехметровый пенистый, глубокий и страшно быстрый поток.

Кабан улыбнулся.

По крайней мере так показалось его жертве — она увидела, как дрогнули его губы, еще больше обнажились клычищи.

— Ну что тебе от меня надо? Ты же не ешь людей?

И тогда кабан, который, может быть, просто не выносил человеческого вида, сделал еще один шаг вперед — по мелководью. Он был намерен добраться до Дороти.

И как только он сделал второй шаг, то сзади раздался крик:

— Эй! Обернись!

Кабан услышал крик сквозь шум воды и резко обернулся.

Из кустов вышел Нга Дин — глухонемой сын Бо Пиньязотты с мушкетом в руке.

Он тут же выстрелил в кабана.

Тот пошатнулся от выстрела, но не упал, а стал разворачиваться, чтобы выйти на берег и броситься на стрелка.

Нга Дин отбросил мушкет, перезарядить который он все равно бы не успел, и выхватил из ножен кинжал.

И тут следом за молодым воином из кустов вышел старый Бо Пиньязотта. Его выстрел, видно попавший кабану в глаз, уложил животное на месте. Кабан со всего роста упал на границе воды и травы.

Дороти как стояла, опираясь о камень, так и сползла по нему в воду — ноги вдруг перестали держать.

А Нга Дину это показалось очень забавным, и он принялся хохотать, указывая пальцем на Дороти.

Отец подошел к нему сзади и подтолкнул вперед.

— Иди, — приказал он жестом. — Помоги принцессе.

— Угу, — ответил Нга Дин.

Ни разу не пошатнувшись, здоровяк в несколько шагов дошел до Дороти, подхватил ее под коленки, поднял, прижал к себе и понес к берегу, не переставая смеяться. А когда они приблизились к кабану, то, перешагнув через чудовище, богатырь сделал вид, что хочет кинуть Дороти на зверя.

Но Дороти не смогла оценить шутки, тогда как Бо Пиньязотта дал любимому сыну подзатыльник. Тот поднялся повыше и поставил Дороти на ноги.

Дороти опиралась о протянутую руку старого генерала.

— Как вы успели... Спасибо.

— Я думаю, он бы до тебя не добрался, — успокоил ее Бо Пиньязотта. — Но он мог взять тебя измором. Видела, какое чудовище? Я такого еще не видел, хотя сорок лет считаюсь хорошим охотником. У тебя зеркало? Откуда? Здесь нашла? Странно. Я смотрел, скелеты мужские, демоны...

— У демонов не бывает скелетов.

— Может быть. Тогда люди. Но воины, а зеркало женское.

— Нам нельзя здесь долго оставаться, — сказала Дороти. — Это плохое место.

— Мы знаем, — ответил Бо Пиньязотта. — Все знают. Живьем отсюда мало кто возвращался.

Нга Дин улыбался широко и бессмысленно.

— Я думала, что здесь есть оружие для нас, — сказала Дороти.

— Твой дядя говорил нам об этом.

— Почему вы не испугались ехать сюда?

— Твой дядя и наш повелитель просил об этом.

— Значит, он знал, что я сюда поеду.

— Он сказал, что ты упрямая кошка.

— Я упрямая кошка, — согласилась Дороти. — Я из рода упрямых кошек. Но теперь надо уезжать. Я чувствую, что здесь нехорошо.

— Еще бы, — согласился Бо Пиньязотта. — Я всей шкурой это чую. Ты видела, какие листья здесь на деревьях?

Нга Дин руками начал подавать отцу знаки. Бо Пиньязотта отрицательно покачал головой, потом объяснил Дороти:

— Он думал, что мы возьмем с собой кабана. Но я думаю, что это дьявольский кабан.

— И если он жил тут, то, наверное, он тоже отравлен.

Они пошли обратно, к бамбуковым зарослям. Лигонцы оставили своих коней рядом с лошадьми Дороти.

— Как же вы за мной следовали, что я вас не заметила! — сказала Дороти.

— Мы — настоящие охотники, — ответил Бо Пиньязотта, польщенный словами принцессы.

— Только сегодня на рассвете я видела ваш костер у реки.

— И догадалась?

— Нет, не догадалась.

Лошади вели себя беспокойно, переступали с ноги на ногу.

— У вас есть хороший нож? — спросила Дороти.

— Зачем?

— Вон там, на бамбуке, высоко, железное кольцо. Я хочу его снять.

Бо Пиньязотта приказал сыну срезать ствол бамбука, и Нга Дин справился с этим за несколько минут. За это время Бо Пиньязотта с Дороти осмотрели скелеты звездных людей, которые лежали, скрытые травой. Бо Пиньязотта хотел было взять с собой рыцарский шлем одного из мертвецов, но потом сам раздумал. И Дороти решила, что на нем может быть зараза.

Бамбук рухнул с шумом и застрял на полдороге в тесном лесу собратьев. Освободив его, Нга Дин легко отрезал кусок, в который влезло кольцо. И снял его.

Кольцо оказалось и на самом деле железным, с дырками, в которых, видно, были раньше камни, потому что в одной из них сохранился рубин.

— Этот обруч носили на голове, — сказал Бо Пиньязотта. — Он придерживал волосы. Будешь брать с собой?

— Не знаю, — сказала Дороти.

Уж очень грязным, непривлекательным и дешевым казался этот проржавевший, тронутый ржавчиной обруч.

Но Бо Пиньязотта положил обруч в переметную суму.

— Надо было что-то взять на память, — сказал он. — А то у тебя есть зеркало, а у нас с мальчиком ничего нет.

— Это странное зеркало, — сказала Дороти. — В нем ничего не отражается.

Она протянула зеркало старому генералу. Тот погляделся в него.

— Там дым, — сказал он.

— А когда на меня нападал кабан, — сказала Дороти, — я

увидела кабана в зеркале за несколько мгновений до того, как он появился.

— Плохо, — сказал Бо Пиньязотта. — Это зеркало демонов. Может, выбросишь?

— Пускай пока оно будет, — сказала Дороти. — Я покажу его дяде.

Так как они почти ничего не взяли, то вторая лошадь, которую Дороти брала специально, чтобы нагрузить ее оружием звездных людей, пошла домой налегке.

Переночевали они в деревне ва. К тому времени воины уже вернулись с охоты на слонов и пригнали двадцать слонят. Они поражались отваге принцессы и тем более лигонцев. Вождь деревни сказал:

— Храбрость принцессы невысока, потому что она молода, неопытна и не знает опасности. Храбрость Бо Пиньязотты и его сына велика, потому что они знали, что подвергаются смертельной опасности, но их верность господину и долгу была безгранична.

Они пили некрепкое мутное ячменное пиво, слонята топтались за массивной оградой загона и плакали без своих матерей. Рядом с ними стояли ручные слонихи, которые были на охоте рядом с воинами и помогали им отнимать детей у диких слоних и убивать тех, кто злобился. Эти же слонихи несли с собой до деревни кожаные тюки с мясом и шкурами своих товарок. Они служили людям и предали слоновье племя.

Вождь племени опьянел и долго рассуждал о верности и предательстве.

На следующий день они вернулись в Лиджи.

Зеркало ни разу никого не показало.

* * *

Еще через два дня возвратился в свою маленькую столицу Бо Нурия.

В своей поездке он встречался и разговаривал с горными вождями. Они обещали ему верность, но не могли обещать силы. Теперь король отправил верных людей, чтобы нанять в

Малакке португальский отряд. Если их не будет в Малакке, где голландцы их не жалуют, то следовать в Сиам, чтобы набрать там за драгоценные камни, основное богатство Лигона, отряд японских мушкетеров.

Племянницей он был недоволен.

Она презрела его запрет и рисковала собой в горах. Дядя был рад своей предусмотрительности, ибо с самого начала не поверил в ее смирение и попросил Бо Пиньязотту присмотреть за племянницей.

Зеркалом он не заинтересовался и посоветовал его выкинуть. Потом долго расспрашивал Бо Пиньязотту: неужели в горах не осталось оружия демонов?

— Мне нужны пушки, — повторял он. — Мне очень нужны пушки.

А еще через день из Рангуна приехал армянский торговец, который выполнял там некие просьбы лигонского двора. Вечером король пригласил его к ужину. И Дороти увидела его. Армянский торговец был одет как настоящий англичанин. Он даже умел говорить по-английски и, когда разговаривал на обеде с Дороти, повторял:

— Будучи христианами, мы ищем поддержки у единоверцев и надеемся быть им полезными.

Армянин рассказал, что в Рангун пришел большой, даже громадный английский корабль. Называется он «Дредноут». Это линейный корабль флота, и на нем, наверное, тысяча или больше сипаев из Калькутты. В Рангуне есть мнение среди торговцев, что мистер Джулиан Уиттли вместе с полковниками, которые прибыли на борту линейного корабля, затевает какое-то дело. Одни считали, что они захватят Рангун и сделают его английским портом, как португальцы сделали с Гоа или Макао. Другие думали, что англичане готовят поход в Аракан, недавно перешедший к Бирме и граничащий с Британской Бенгалией, откуда навстречу им двинется английская армия. Бирманский мьоза — губернатор Рангуна — даже вызывал к себе мистера Джулиана Уиттли, чтобы выяснить, есть ли правда в этих слухах. Мистер Уиттли с гневом отверг эти подозрения.

— А что вы сами думаете? — спросил Бо Нурия у армянина.

— Я думаю, что англичане всерьез планировали захват Рангуна, но в пути потеряли свое второе судно, на борту которого были еще моряки и солдаты, а также тяжелые пушки, — без пушек англичане не рискнут напасть на бирманцев.

Когда все разошлись после обеда, король остался с племянницей.

— Ма Доро, — сказал он, — я оставил тебя потому, что ты разговаривала с этим хитрым торговцем и переводила для меня. Я хочу понять, что он думает на самом деле.

— Я думаю, что он ищет свою выгоду. Ему нужна торговля с тобой...

— Еще бы, за то, что он приехал, он заберет у меня рубины за полцены.

— А ты отдашь?

— Ну, не за полцены... — Дядя засмеялся.

— Ты тоже думаешь, что англичане отказались от мысли захватить Рангун? — спросила Дороти дядю.

— Не уверен, — ответил король. — Их корабль «Дредноут» привез много солдат. Что теперь с ними делать? Кормить их и везти обратно? Это так непохоже...

— И я думаю, — поддержала короля племянница, — что мистеру Уиттли невыгодно отказываться от войны. Ведь его могут сделать виноватым, что война не получилась. Значит, надо отыскать других виноватых, а еще лучше — положить в карман короля Англии новую провинцию. Я знаю его жену, она мне рассказывала, какой он тщеславный. Он боится, что время идет, а он упускает свою великую победу...

— Но у него нет пушек, — сказал король.

— Я, конечно, не солдат, — сказала Дороти, — но разве нельзя стрелять из корабельных пушек?

— Нельзя. Они устроены так, — сказал дядя, — что не могут ездить по земле. У них слишком маленькие колеса, такие маленькие, что на них можно только подкатить пушку и откатить на гладкой палубе.

Дороти пошла спать, а ночью она проснулась от того, что

решила задачку. Жалко, что нельзя бежать по дворцу в спальню к дяде, нельзя разбудить короля... Она без сна мучилась до рассвета, а с первым лучом солнца послала служанку к королю с просьбой о немедленной встрече.

Бо Нурия сам поднялся на веранду павильона принцессы.

— Что случилось? Что-нибудь серьезное, девочка?

— Скажи мне, а сами пушки, сами их стволы, они одинаковые у корабельных и у сухопутных пушек?

— Да, — согласился король. — И из-за этого ты меня вызвала?

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? А что, если сделать для пушек большие колеса, они станут сухопутными?

— Мне надо поговорить с моими пушкарями, но я думаю, что это можно сделать.

— А ты знаешь, сколько пушек на «Дредноуте»?

— Нет.

— Шестьдесят четыре большие пушки! И если мистер Уиттли сделает им колеса, то его война может быть удачной!

— Но это трудно сделать...

— Но если догадаться, то можно сделать?

— Можно.

— Тогда ты должен послать надежного человека, который увидит, снимают ли пушки с «Дредноута», переносят ли их на сушу, делают ли на фактории для них колеса.

— Как это увидишь! Ведь если англичане будут делать это, то в большом секрете. За высокими стенами фактории.

— Неужели тебе некого туда послать?

— Некого... и незачем.

Дворец короля, состоящий из нескольких деревянных строений, окружающих главное здание и множество домов и домиков для прислуги, охраны и всякой придворной челяди, просыпался. Отовсюду доносились голоса, над кухнями поднялись дымки...

— Неужели ты не понял, почему я проснулась ночью и не смогла снова заснуть? — удивилась Дороти.

— Почему же? — Дядя снисходительно улыбнулся, видя, как горячится девушка.

— Потому что еще несколько дней назад ты просто кричал, как тебе нужны пушки! А разве плохи для тебя английские пушки?

— Что?.. Нет, это немыслимо! С чего ты решила, что англичане сделают для них колеса?

— Если они сделают для них колеса, то это будет подарок тебе, мой повелитель. Тогда тебе надо будет приехать на факторию и попросить англичан одолжить пушки тебе, чтобы защищаться от бирманцев.

— Ты несешь чепуху!

— Разве?

— Как мне найти человека, который проникнет на факторию? Они же никого не пустят.

— И меня?

— Как так тебя? Что ты имеешь в виду?

— Я готова сыграть роль потерявшейся и найденной служанки миссис Уиттли.

— Но она тебя продала в рабство!

— Если я об этом не буду вспоминать, кто об этом станет вспоминать? Неужели ты думаешь, что Регина призналась кому-нибудь в своих делах?

— Нет, я не могу рисковать тобой! Они могут тебя убить!

— Лучше меня ты не найдешь шпиона!

— Я не могу рисковать жизнью принцессы Лигона! И я не могу, чтобы принцесса Лигона была служанкой у этой мерзкой предательницы.

— Я думаю, что мне лучше выехать завтра пораньше, — сказала Дороти. — Ты расскажешь мне, с кем я могу связаться в Рангуне. С У Дхаммападой? Или с армянским купцом?

— Нет, ты никуда не поедешь!

— Мой дядя и повелитель! Ты же сам говоришь, что речь идет о судьбе Лигона!

— Я боюсь за тебя! Я тебя так недавно обрел и только-только успел полюбить как дочь...

— Но о моей поездке в Рангун не должен знать ни один человек, — предупредила Дороти.

— Кроме Бо Пиньязотты, — отошел на запасные позиции Бо Нурия. — Он будет сопровождать тебя до Рангуна и останется там, чтобы в случае опасности прийти к тебе на помощь.

— Хорошо, — согласилась Дороти.

И внутренне улыбнулась: даже если старый генерал будет проводить дни и ночи под оградой фактории, он не успеет перепрыгнуть через нее, если что-нибудь случится...

В течение дня король трижды запрещал Дороти поездку в Рангун, но все же она его переломила. И ночью втайне был собран небольшой отряд под предводительством Бо Пиньязотты, который сопровождал принцессу до Рангуна.

Глава 9

ТЕМНИЦА ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

Милодар подошел к саркофагу и долго вглядывался в безмятежное лицо Коры Орват. Профессор Гродно, занятый своими делами, ничем не отвлекал комиссара; Пегги же, которая в последнее время стала ревновать Милодара к спящей красавице, ушла из лаборатории, хлопнув дверью.

— Потерпи, Кора, — негромко произнес Милодар. — Скоро мы кончим этот чертов эксперимент.

Разумеется, Кора ничем не показала, что слышит Милодара, да и не могла услышать, потому что стенки саркофага были совершенно звуконепроницаемы.

Не дождавшись ответа, комиссар повернулся к профессору Гродно.

— Мне кажется, что ее состояние улучшилось? — В конце утверждения прозвучал вопросительный знак.

— Все относительно, коллега, — отозвался профессор. — Разумеется, когда недавно мы наблюдали пик активности, я боялся за состояние мозга Коры. Я уверен, что связи, создавшиеся между мозгом Коры и мозгом ее прапрабабушки, куда сложнее, чем мы допускали. Не исключено даже, что не только

Коре известна каждая мысль Дороти, но и Дороти догадывается, что она не одна.

— Она не может нагадить Коре?

— Что мы с вами знаем! Я вычислил в пике мозговой активности вашего агента элемент страха.

— Коре не свойственно это чувство, — отрезал комиссар, словно профессор покусился на честь всего ИнтерГпола и комиссара в частности.

— К счастью, всем людям, даже вам, комиссар, это чувство свойственно.

— Вы забываетесь, профессор!

— Иначе никого бы не осталось в живых, потому что мы бы бросались под движущийся транспорт.

— Ага, вы шутите, — догадался Милодар. Нехватку чувства юмора комиссар заменял быстрой реакцией и предпочитал видеть смешное там, где обычные люди его не замечали. В некоторых руководящих кругах у него была репутация бесшабашного шутника, что, кстати, помешало ему завершить свою карьеру в главном штабе ИнтерГпола.

— Мой компьютер утверждает, — продолжал доктор, — что в эти часы Дороти находилась на месте сражения мятежников из Эпидавра. В те годы там существовала остаточная радиация. Возможно, опасная для организма. Дороти ничего не знает о радиации, не может ее бояться. Но Кора о радиации знает...

— Вы хотите сказать, что Дороти уже достигла цели?

— Вот именно.

— И вы мне не доложили?

— Я не ваш подчиненный, — ответил профессор, которому уже давно надоел Милодар. Поэтому профессор не мог дождаться, когда завершится эксперимент.

— Я сегодня же перевожу лабораторию в распоряжение ИнтерГпола, — вскинулся Милодар. — Ввиду галактической важности нашей с вами работы.

— Ах, оставьте, комиссар, — отмахнулся маленький профессор. — Может быть, это было реально три месяца назад, когда эксперимент только начинался, но только не сейчас,

когда у вас такие неприятности в связи с перерасходом энергии и вашими пиратскими вылазками в прошлое.

— Если бы не мои так называемые пиратские вылазки, — обиженно ответил комиссар, — мы бы до сих пор не знали, где находится наша девушка. И вообще потеряли бы ее след.

— Это не столь важно, — возразил профессор. — Ведь в основном связь поддерживает сама Кора с помощью наших приборов, а ваши пиратские наскоки мало чего дали!

— Кто нашел Дороти? Кто устроил Дороти служанкой к Уиттли? Кто вырвал девушку из рук горбатого сексуального маньяка?

— Не думаю, что вашей голограмме было уютно в кувшине, когда в него стрелял из пистолета торговец Рахман!

— Моей голограмме было на это плевать! Она готова пожертвовать собой ради дела.

— И все же, коллега, — вздохнул профессор. — Все же именно нам удалось наладить прямой контакт между Корой и Дороти. И именно нам удалось направить Дороти на поле боя.

— А дальше? — ехидно спросил Милодар. — Вы даже не знаете, отыскала она там что-нибудь или вся операция провалилась.

— Отыскала, — ответил профессор. — Я знаю об этом по реакции Коры. Был момент, когда она испытывала чувство глубокого удовлетворения.

— Что отыскала? Где отыскала? Где это сейчас?

— Наверное, у Дороти.

— Что значит ваше «наверное»? Не исключено, что Дороти не понравилось Зеркало Зла и она выкинула его.

— Вы знаете, что это не так.

— Не так, потому что она запомнила мои указания... — Милодар кинулся было к двери, к генераторам, намереваясь, плюнув на все, снова нырнуть в прошлое и задать Дороти важный вопрос: где вещи?

Но на полдороге к двери Милодар остановился.

У центрального пульта стояли уверенные в себе, равнодушные ко всему биороботы Управления энергетики. Вторую

неделю по решению Совета Земли они не оставляли комиссара ни на секунду, ибо он уже трижды нарушал строжайший запрет на растрату энергии и из-за него погибли все помидоры в Северном полушарии.

Комиссар Милодар при всем уважении к нему руководящих лиц Земли был лишен права приближаться к энергетическим пультам и установкам...

Из своей комнаты вышла улыбающаяся Пегги в синем парике. Она вынесла на подносе две чашки кофе для биороботов. И ее можно было понять — биороботы являли собой молодых загорелых красавцев, облаченных в форменные плавки и каскетки. Так как биороботы были равнодушны к переменам погоды, Земэнерго не считало необходимым тратиться на их одежду.

— Но у вас остался один сеанс, — сочувственно произнес профессор, которому также не нравилось легкомыслие Пегги. — Один сеанс, на котором все решится.

— А мне нужно два сеанса! — В последние дни Милодар пристрастился кусать ногти и обкусал их до мяса. — Мне нужен один сейчас, чтобы узнать, какова добыча Дороти, и еще один сеанс, чтобы приказать ей положить вещи в условленное место.

Профессор пожал плечами. Он понимал, что больше снисхождения к Милодару ждать не приходится. Один сеанс, причем короткий.

— Когда? — спросил Милодар у профессора. — Мне же нужно вызывать эпидаврян на передачу ценностей!

— С этим вы никогда не опоздаете, — возразил профессор Гродно. — Они прискачут, как только запахнет жареным. Материализуются прямо здесь! Это такой народец...

Хоть встреча с начальником империи Эпидавр имела место несколько месяцев назад, память о ней запала в душу профессора.

Милодар подошел к саркофагу. Он умоляюще посмотрел на Кору. Потом осторожно постучал согнутым указательным пальцем по прозрачной крышке саркофага.

— Кора, — произнес он ласково. — Девочка моя. Ты меня слышишь?

Прекрасное обнаженное тело агента № 3 покоилось в туманном инертном газе, не касаясь стенок саркофага. Спящая красавица не слышала своего принца.

— Я готов поцеловать крышку гроба, — сообщил комиссар.

— Я вас понимаю, — сказал профессор.

— Из этого ничего не выйдет, — отозвалась от двери Пегги. Один из биороботов хихикнул. Видно, в него было введено чувство юмора.

Милодар отмахнулся от мелких раздражителей.

— Кора! — умолял он. — Корочка! Ну, когда?

И вдруг губы агента шевельнулись. Чуть-чуть.

— Что она сказала? — крикнул комиссар. Он в гневе кинулся к профессору. — Она же что-то сказала!

— Странно, — ответил профессор и включил компьютер, который должен был по движению губ угадать слово или слова, произнесенные спящей. Профессор долго подбирал частоту и высоту звука, он играл на клавиатуре, как Паганини. И наконец на дисплее появились зеленые буквы: «Потерпите. Я скажу...»

— Я скажу, — повторил комиссар.

Он ударил себя в грудь большим волосатым кулаком.

— Она услышала и постаралась! Для меня.

И, вытирая набежавшую слезу, комиссар покинул лабораторию.

Биороботы чинно поставили на поднос пустые чашки и припустились за комиссаром.

* * *

Молодая бирманка, одетая бедно, но пристойно, скромно причесанная, в пыльных сандалиях и с шанской котомкой через плечо, подошла к воротам британской фактории в Рангуне часов в двенадцать, когда только закончился яростный, но недолгий ливень, превратил пыль под ногами в грязь и заставил разбежаться всех кули и сипаев, что трудились на обширном дворе фактории, и укрыться под навесами складов и мастерских. Когда же ливень перестал молотить по крышам и по двору, замешивая из пыли жидкую кашу, люди начали выползать наружу, поглядывая на небо — будет ли продолжение ливня или выйдет солнце?

Не случилось ни того, ни другого — облака остались на небе, но просветлели и не угрожали более потопом.

Солдаты, сторожившие факторию и не успевшие от неожиданного нападения дождя закрыть ворота, только-только выбрались из своей сторожки, как молодая женщина прошла мимо них, не привлекая к себе внимания.

Осторожно шагая по доскам, уложенным от ворот к конторе, бирманка внимательно оглядывалась, стараясь понять, что происходит вокруг.

Но человеку постороннему, хоть бы он был наблюдателен, трудно было разобраться в смысле действий десятков человек, спешащих по своим делам, бредущих с грузом по лужам или бегущих к пристани за товаром. Сам главный двор фактории занимал пространство большее, чем базарная площадь в среднем городе, он был окружен множеством складов, а также служебных и жилых помещений, которые образовывали в дальней от ворот стороне некоторого рода лабиринт, ибо теснились, оставив между собой лишь проходы или проезды, в которые не могла бы проникнуть повозка. Правее же к площади примыкал ухоженный и политый газон, на который выходил дом фактора.

Девушка остановилась и постаралась выбрать из бегающих или шагающих по двору людей нужную себе персону. Вот он, пожалуй, подходящий человек — явно местный слуга, китаец. Такой может знать английский и бирманский язык, потому что китайцы всегда учат языки народов, которым служат.

— Простите, господин, — произнесла девушка по-бирмански, сложив на груди ладошки. — Не скажете ли вы мне, где найти госпожу Уиттли?

— Не знаю, не знаю, — отмахнулся от нее китаец. — Если ты на кухню, то иди туда.

— Госпожа Уиттли, миссис Регина, — повторила Дороти. Потом еще раз произнесла эти слова уже по-английски.

Китаец безнадежно моргал, может, попал сюда недавно. Но тут молодой брюнет в расстегнутом красном мундире с лейтенантским эполетом на плече, услышав слова Дороти, с любопытством пригляделся к бирманке, которая показалась ему прехорошенькой.

— Вы говорите по-английски, мисс, — сказал он с легкой снисходительностью. — Первый раз встречаю бирманскую женщину, которая говорит по-английски.

— А разве здесь нет в услужении бирманок? — спросила Дороти, забыв, что она сама — простая бирманка.

Глаза смуглого чернокудрого лейтенанта округлились, и брови полезли вверх.

Но пока глаза и брови удивлялись, язык сам по себе ответил.

— Бирманцы не идут к нам в услужение, — сказал он. — Дьявольски гордый народец, мисс... Ах, простите.

— Ничего страшного, — сказала Дороти.

— Но почему, черт побери, вы говорите по-английски? — потребовал лейтенант.

— Потому что я — англичанка, сэр, — ответила Дороти.

— Этого быть не может! Я голову даю на отсечение...

— Не рискуйте, лейтенант, — сказала Дороти. — Вы можете лишиться головы, а я бы этого не хотела.

Из такого ответа следует, что за месяцы, проведенные в Лиджи в образе наследной принцессы, Дороти приобрела некоторые замашки, скажем, самоуверенной знатной дамы. Ведь знатные дамы являются таковыми независимо от национальности и места приложения их сил.

— Нет, это невероятно! — воскликнул лейтенант. Но тут же поклонился и добавил: — Лейтенант Стюарт, Артур Стюарт, к вашим услугам, мисс.

— Мисс Форест, — сказала Дороти. — Дороти Форест. Очень приятно с вами познакомиться.

И Дороти наклонила голову.

— Так пойдемте же на веранду, зачем нам стоять посреди двора, на нас весь этот зоопарк уставился.

Лейтенант повел Дороти к широкой веранде конторы, где стояли плетеные кресла.

По пути он придержал Дороти под локоток, обходя лужу.

Лейтенант был заинтригован и не скрывал своего любопытства.

— Как вы сюда попали? Почему я ничего об этом не знаю? Такая милая девушка... Простите, мисс, если я показался вам назойливым, но ведь и меня можно понять: я гнию на самом конце света, и вдруг моим очам предстает фея...

— Не надо, сэр, — остановила разговорчивого лейтенанта Дороти. — Но все куда проще, чем кажется, и вы сейчас будете разочарованы.

— Я? Никогда в жизни!

— Я — всего-навсего горничная миссис Уиттли, — призналась Дороти.

— Как? Разве вы не погибли?

— Почему вы так решили?

— Но ведь вас смыло с лодки, на которой бежала от пиратов миссис Регина! — воскликнул лейтенант Стюарт. — Все знают, как она осталась одна...

Дороти обрадовалась случаю, сведшему ее с разговорчивым лейтенантом. По крайней мере, она теперь знала, что ее смыло с лодки. И не надо противоречить госпоже.

— Меня подобрали рыбаки, — заявила Дороти, опустив глаза. — Я чудом спаслась...

— Это невероятно! Идемте, идемте же!

Лейтенант потащил Дороти за руку внутрь дома.

— Миссис Уиттли где-то здесь. Я ее недавно видел. О, как она будет рада!

— Я тоже жду не дождусь, — согласилась Дороти, стараясь вырвать руку у лейтенанта. Но тот держал ее крепко и тащил за собой, как конь тянет за собой плуг.

От быстроты движения Дороти не успевала толком разглядеть комнаты, которые они миновали. Но заметила, как оборачивались в их сторону лица клерков или служащих Компании, сидевших за столами либо занятых важными беседами.

Дороти поняла, что большой дом фактории отдан офици-

альным делам, но ей еще было непонятно, где живет фактор — здесь же или в особом доме?

Ее недоумение было рассеяно, когда лейтенант растворил, не постучавшись, большую дверь и они оказались в обширной гостиной, как сообразила Дороти, официальной, предназначенной для приемов. Уж очень она была огромна и скучна, и даже несколько плохих темных портретов джентльменов в военных мундирах прошлых лет этой комнаты не оживляли. Посреди гостиной широким полукругом стояли массивные кожаные кресла, от одного вида которых становилось немыслимо жарко. Они окружали низкий тиковый стол, украшенный пустой фаянсовой вазой.

Далее из гостиной приоткрытая дверь вела в кабинет фактора, и догадаться об этом было нетрудно, так как в кабинете размещались письменный стол без чернильницы и книжный шкаф, в котором стояло множество одинаковых томов. Дороти предположила, что видит тома законов Британской империи, ведь их должно быть много и они рассылались во все фактории и форты, хотя вряд ли их часто брали с полок.

В кабинете тоже было душно, но Дороти лишь успела отметить для себя этот факт и на время забыла о жаре, потому что посреди кабинета стояли прекрасная пышногрудая птица Регина и напротив нее сутулый и скучный джентльмен с мучнисто-белым лицом и породистым носом, как у сэра Уиттли. К сожалению, крепкого подбородка отца Джулиан не унаследовал, ему, видно, от матери достался маленький убегающий подбородок, который встречается в роду Габсбургов и у некоторых иных вырождающихся королевских домов.

Миссис Уиттли была взволнована, она раскраснелась более, чем требовалось в такую жаркую погоду. Миссис Уиттли была недовольна и давала понять мужу, насколько и кем она недовольна.

— Ты слюнтяй! — кричала она мистеру Джулиану Уиттли. — Ты не можешь принять простого решения! Если ты их не повесишь, тебя самого повесят!

Дороти не успела понять, кого имела в виду Регина, потому что та увидела свою служанку, которая резко вбежала в кабинет фактора, держась за руки с легкомысленным лейтенантом Стюартом.

На мгновение Регине показалось, что Стюарт сейчас попросит руки ее горничной — так решительно он выглядел.

Но тот имел в виду совсем иное.

— Простите, сэр! — крикнул он с порога фактору. — Но у меня для вас чудесные новости! Та, которую вы оплакивали...

— А именно? — спросил фактор, медленно переводя рыбьи глаза на бирманку.

Стюарт уже обращался к жене фактора:

— Та, которую вы столь горько оплакивали, миссис, вернулась в ваши объятия!

И с этими словами Стюарт так дернул за руку Дороти, что та не смогла удержаться и налетела грудью на вытянутые вперед руки миссис Уиттли.

— И не бойтесь! — совсем уж развеселился лейтенант. — Это не привидение, а ваша любимая горничная и, как уверяли нас, наперсница, Дороти Форест!

Последние слова прозвучали, словно лейтенант объявлял певца с ярмарочной сцены на площади.

Тут наступила тишина, потому что следовало заговорить кому-то еще, не вечно же выступать со сцены оживленному лейтенанту. И так как мистер Уиттли что-то неразборчиво мямлил, а Регина открывала и закрывала пухлые губки, как сазан, выброшенный на берег, то пришлось заговорить Дороти.

— О, уважаемая миссис Уиттли! — сказала она, призывая на помощь слезы. — Как счастлива я, что смогла вернуться к вам! Я думаю, что в неисчислимых испытаниях, которые выпали на мою долю, ваши молитвы сохранили меня и мою честь.

— Но ведь ты... — произнесла Регина, кривя рот. — Ведь тебя...

— Да, — поспешила помочь Регине Дороти, — да, меня выкинуло волной за борт шлюпки, меня кидало по волнам, как щепку. Но меня спасло весло, которое вы успели кинуть мне вслед, миссис Уиттли.

Тут, к счастью, спасительные слезы достигли глаз, и Дороти искренне прослезилась.

Она смахнула слезы рукой и успела увидеть, как угрожающе потемнел камешек в колечке. «Еще бы, — подумала она, — ведь Регина ненавидит меня звериной ненавистью, потому что боится правды... Но неужели эта мерзавка не сообразит, что я ей стараюсь помочь?»

— О спасибо! — всхлипнула Дороти и попыталась поцеловать руку хозяйки, которую та было вырвала, но ее остановил голос супруга, который наконец сообразил, что происходит.

— Так это же твоя служанка! — заявил фактор, словно открыл, что Земля вертится. — Та самая, которая утонула!

Оставив попытку поцеловать руку Регине, Дороти произнесла с чувством собственного достоинства:

— Я не утонула, сэр. Меня подобрали рыбаки, я прожила несколько недель в рыбачьей деревушке... далеко отсюда, среди дикарей. И как только мне представилась возможность, я бежала от них. Не с первой попытки, но мое бегство удалось.

— Почему же вас не отпускали? — удивился лейтенант Стюарт. — Вы бы сказали, что вы британская подданная и фактория внесет за вас любой выкуп.

— Нет, — возразила Дороти, на ходу изобретая романтическую историю. — В меня, к сожалению, влюбился сын местного туджи, то есть старосты. Меня хотели отдать за него. А он такой ревнивый!

— Все равно, — наконец-то Дороти услышала голос Регины. Значит, хозяйка уже взяла себя в руки и поняла, что независимо от поведения служанки, каким-то образом прознавшей о версии, предложенной миссис Уиттли, она должна радоваться возвращению Дороти. Иначе она окажется лгуньей. Вот именно, лгуньей. — Все равно ты должна была настаивать на встрече с британским фактором и сказать им, что выкуп, который я готова заплатить, превышает все их воображение. Не так ли, Джулиан?

— Ну, разумеется, дорогая, — подтвердил Джулиан, который уже догадался, что ему не угрожает выплата выкупа и потому можно быть великодушным. — Я бы не остановился перед любыми расходами!

Последующие полтора часа были весьма занятыми для Дороти, потому что Стюарт успел позвать других офицеров гарнизона, затем пришел капитан «Дредноута», старшие служащие — все дивились на отважную горничную, которая так стремилась к своей госпоже! Англичане радовались счастью двух молодых дам, которым удалось объединиться после столь опасных приключений.

Затем, перед обедом, Регина все же успокоилась настолько, что заявила мужчинам о своем намерении уединиться с Дороти, чтобы обо всем поговорить, а также показать ей комнату, которая все эти недели ждала свою обитательницу, настолько Регина, оказывается, была уверена, что Посейдон не заберет к себе прелестную горничную, не даст погибнуть невинной душе.

Дом фактора находился за главным строением фактории и был окружен газоном с кустами магнолии, затеняющими окна. Два садовника в белых дхоти и тюрбанах поливали клумбы.

Лейтенант Стюарт проводил женщин до их дома, затем церемонно раскланялся, сказав, что с нетерпением будет ждать обеда. Он не скрывал, что очарован Дороти. И именно об этом заявила Регина, как только они вошли во внутренний дворик:

— Только не думай, что на него можно рассчитывать. На тебе он никогда не женится. Жертвы его беспутства рыдают от Темзы до Ганга.

Дороти не сдержала улыбки.

— Я его увидела только сегодня и пока не собираюсь за него замуж.

— Вот именно! — Регина оставила за собой последнее слово.

Регина первой поднялась по лестнице на веранду — врассыпную кинулись слуги. Видно, госпожа держала их в строгости.

Она прошла в гостиную, налила воды из глиняного кувшина в один из бокалов, стоявших на столике. Видно, вода была прохладной, потому что Регина пила с наслаждением и, разумеется, не предложила Дороти. Видно, второй бокал на подносе предназначался самому Джулиану.

— Вообще-то, — сказала Регина, усаживаясь в прохладное

кресло из плетеного тростника, — ты правильно сделала, что ко мне вернулась. Но откуда ты узнала, что ты утонула?

Регина уже опомнилась от неожиданной встречи, и ее житейская хватка и природный оптимизм взяли верх над сомнениями и страхами. Она высчитывала, что нужно горничной.

— Мне сказал лейтенант Стюарт, — призналась Дороти.

— Ты хочешь сказать, что шла ко мне, даже не зная, что с тобой случилось?

— Я отлично знаю, что со мной случилось, миссис, — ответила Дороти, — потому что это случилось со мной.

— Ах да, — сообразила Регина. — Пожалуй, ты права.

Наступила тягостная пауза, Дороти решила не прерывать ее. А Регина лишь через минуту заговорила тоном, в котором можно было при желании уловить дробинки раскаяния.

— А что мне оставалось делать? — спросила она. — Если бы я не пожертвовала тобой, то и сама бы оказалась в борделе Омана. Вместо одной жертвы было бы две.

— И вы решили, что для публичного дома достаточно меня?

— Как только бы здесь все уладилось, я тут же послала бы в Оман выкуп за тебя! Немедленно. Ты бы даже не успела привыкнуть к своему счастью. Каждую ночь новый кавалер!

Она уже сама почти завидовала служанке.

— Зачем выкупать? Чтобы я заявилась сюда и рассказала правду?

— Ах, оставь, кому ты нужна со своей правдой! Чье слово важнее? Кому поверят?

— Многие видели клетку на рее, — сказала Дороти. — Наверное, и ваши офицеры.

— Ну что ты мелешь! Ты не представляешь, какое я испытала горе! У меня сердце перевернулось, когда я увидела эту клетку. А я так надеялась, что ты нашла свое счастье с хозяйским сыном.

— А меня никто не спросил.

Вот тут Регина рассердилась всерьез.

— Скажи, чего тебе надо?! — закричала она. — Я тебя звала? Ты заявляешься сюда и лезешь сразу к моему мужу, пытаешься соблазнить глупого мальчишку Стюарта... Зачем, скажи, тебе все это нужно?

— А что мне оставалось делать?! — воскликнула в ответ Дороти, которая тоже искренне рассердилась. — Что мне делать, если я убежала с арабского корабля и скиталась по трущобам Бирмы? Я боялась... К счастью, мама учила меня бирманскому языку...

— И где ты скрывалась? В публичном доме?

— Нет, при монастыре. Я была прислужницей при монастыре.

— И то слава богу! Надеюсь, ты не отреклась от христианства?

— Меня об этом не спрашивали. Но в конце концов я не выдержала. Все-таки я не бирманка. Я англичанка. И я решила возвратиться к вам, госпожа, несмотря на то что была вами обижена.

— Все это в прошлом, в прошлом, в прошлом! — остановила ее Регина. — Ты меня простила, и я тебя прощаю.

— За что? — не удержалась Дороти и чуть все не испортила. Регина насупилась и отвернулась к раскрытому окну. Потом, уловив движение за окном, она ястребом в голубиной шкуре кинулась туда и запустила вниз бокалом. Из-под окна раздался вой.

— Так тебе и надо! Не будешь подслушивать! — крикнула Регина любопытному, которому угодила бокалом по голове.

От окна Регина возвратилась добродушной хозяйкой, которая после долгих терзаний наконец-то обрела одну из лучших своих вещей и потому сказочно выгадала.

— Сейчас мы будем мыть мне голову, — сообщила она. — Я так соскучилась по твоим рукам.

И Дороти внутренне вздохнула с облегчением, потому что ее план, рискованный, как казалось Бо Нурии, оказался правильным. Когда Регине ничего не угрожало, она была добра к своим вещам.

* * *

Уже за обедом, куда была, в виде исключения, приглашена горничная миссис Уиттли, с такими приключениями вырвавшаяся из рук местных дикарей, Дороти услышала удивительную новость.

Когда расспросы ее закончились и разговор перекинулся к другим проблемам, оказалось, что наиважнейшая из них — предстоящий суд.

Дороти не сразу сообразила, о чем идет речь, и лишь после обеда, когда Регина решила поделиться с Дороти различными новостями, она узнала о том, что произошло без нее.

Оказывается, плен моряков с «Глории» продолжался не так долго, как можно было предположить. На широте острова Реюньон «Дредноуту» повстречался португальский бриг, с которым «Дредноут» поделился европейскими новостями. А от португальского капитана англичане узнали о судьбе «Глории» и ее команды. Тогда было решено изменить курс и приблизиться к французским владениям в расчете на то, что ни один, даже самый храбрый, пират не осмелится напасть на английский линейный корабль.

Здесь, на людной дороге, «Дредноуту» оставалось лишь заняться корсарским ремеслом, что ему удалось — на третий день дрейфа к северу от порта Мале «Дредноут» остановил французское судно, арестовал его и послал бот с парламентерами на Реюньон. На судне оказалось немало важных пассажиров. Заключив их в трюм, коммодор Стоун отправил трофей с призовой командой в Мале с посланием, в котором говорилось, что «Дредноут» намерен безобразничать до возвращения англичан. Расчеты капитана оправдались. Через шесть дней приз вернулся к месту рандеву, привезя пленников. Верный своему слову, английский коммодор отдал французов и продолжил путь, понимая, что саму «Глорию» ему не вернуть — пришлось бы полгода охотиться на французов в тех местах, чтобы набрать призов для достойного обмена.

Поэтому, хоть и с опозданием, «Дредноут» прибыл в Ран-

гун, везя на борту несчастных офицеров и матросов с «Глории», переживших бой и плен.

В их числе на фактории оказались доктор Стренгл, Алекс Фредро и, конечно же, полковник Блекберри. Все они находились на борту «Дредноута», потому что их судьба еще не была решена.

— Как так не решена? — удивилась Дороти.

— Ах, — отмахнулась Регина. — Это мужское дело. Но я должна сказать тебе, что им грозят большие неприятности.

— Но почему же?

— Потому что есть мнение, что капитан Фицпатрик и его офицеры виноваты в том, что «Глория» попала в руки врага. Ведь «Глория» была лучше вооружена, чем корсар Сюркуф, у нее было больше пушек и матросов. Главное, что ее трюм был полон столь необходимыми для войны в Бирме мортирами. Все это пропало, и теперь завоевание Рангуна и Пегу становится проблематичным! — Так Регина и сказала: проблематичным! Это было новое модное слово.

— И вы в это верите, миссис Уиттли?

— Сколько раз я тебе говорила: когда мы одни, называй меня Региной. Я не хочу ощущать себя твоей бабушкой. При людях я для тебя — миссис.

— Вы в это верите, Регина?

— Разумеется. Почему они дали себя победить и поставили под угрозу мою и твою жизнь?

Крупные глаза Регины горели, словно она увидела с высоты добычу. Она искренне ненавидела Фицпатрика и его офицеров. И это было чем-то новым.

Впрочем, лейтенант Артур Стюарт объяснил это Дороти в тот же вечер.

Он пригласил ее погулять по набережной. Правда, испросив на это разрешение миссис Уиттли.

— Еще чего не хватало! — делано возмутилась Регина. — А если кто-нибудь увидит, что вы гуляете с прислугой? И напишет вашим родителям?

— Мои родители ответят, — откликнулся Стюарт, — что гордятся мною, потому что все люди равны перед Богом.

— Уж не папист ли вы, лейтенант?

— Да, я католик, миссис Уиттли, но эти проблемы, к счастью, давно улажены в моем отечестве.

— Гуляйте, гуляйте, я пошутила, — смилостивилась Регина.

Они пошли по берегу вверх по реке, подальше от складов и причалов. Там стоял монастырь, от него начиналась тихая деревенская улица — не сообразишь, что ты в двух шагах от шумного рангунского порта.

С утра Стюарт был на «Дредноуте», виделся там со штурманом Фредро. Он сказал тому, что Дороти нашлась, и, видно, Алекс не смог скрыть своей радости, чем вызвал укол ревности в сердце Стюарта, который, впрочем, был настолько самоуверен, что уколы не мешали ему с добродушием относиться к неудачливым соперникам. А все его соперники обязательно попадали в число неудачников.

— Почему моя госпожа радуется тому, что решено судить капитана Фицпатрика и других офицеров? — спросила Дороти.

— Ты хочешь искреннего ответа или дипломатического? — спросил лейтенант.

Они уселись на низкой каменной ограде, окружавшей монастырь. Голый мальчишка подошел к ним и смотрел, разинув рот, на иноземцев. Потом подбежала его мать и, извинившись по-бирмански, унесла малыша. Стюарт рассмеялся.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне всю правду, — попросила Дороти.

— А ты не побежишь с ней к своей госпоже?

— Нет, — просто ответила Дороти.

— Таким глазам нельзя отказать, — вздохнул Стюарт. Впрочем, ему и самому хотелось поделиться с девушкой, которая ему нравилась, основной сплетней Рангуна.

Стюарт не отказал себе в удовольствии дотронуться до обнаженной по локоть руки Дороти и, зная, что она не станет сейчас возражать, рассказал:

— Все просто. Потому что все в жизни просто. Нами правят деньги и страсть к власти. Представь себе картину: фактор Ост-Индской компании, и притом сын самого мистера Уиттли, с помощью своего папы решает прирезать к территории нашей империи еще одно или два графства. Очень мило. Но эта операция тайная и внушительная. Я думаю, что на нее угрохали чуть ли не половину всех компанейских доходов за последние годы. И надо же: славное, отлично вооруженное судно «Глория», которое везло всю артиллерию и на борту которого находилась сама миссис Уиттли, попадает в плен к какому-то пирату! Операция летит ко всем чертям, никаких графств не получается. Завтра в Лондоне начнут разбираться, кто прав, а кто виноват. На совете директоров получит взбучку сам сэр Уиттли, а его сын, вернее всего, лишится поста фактора в Рангуне. Его карьера бесславно завершится, и ему останется лишь разводить цветочки в семейном имении. А какой это удар по его славной супруге! Она-то намеревалась стать губернаторшей и даже ехала специально за этим... И вот — ничего!

Стюарт потешно развел руками и надул щеки, изображая птицу. Помахал крылышками и продолжал:

— К тому же среди офицеров «Глории» ходят слухи, что госпожа Уиттли, столп морали, купила себе свободу, то есть убежала с пиратского корабля, не бесплатно... Было так?

— Не знаю, — быстро ответила Дороти.

— Значит, было. И вся история с твоим исчезновением и затем возвращением мне и другим людям кажется подозрительной. Значит, супругам Уиттли надо искать виноватого.

— И тогда им стал капитан Фицпатрик...

— Капитан Фицпатрик, его помощник, оба штурмана, а также начальник артиллерии — всего пять офицеров, которые вели себя трусливо, плохо организовали оборону и отдали лучший корабль Компании в руки презренного врага.

— Но ведь это неправда!

— Тебе ли, о служанка, судить об этой трагедии! — патетическим тоном воскликнул лейтенант. И тут же продолжил: — На руку Регине и ее мужу сыграло то, что на «Глории» угодил в плен полковник Блекберри, начальник службы безопасности Компании и старший по чину офицер на «Глории». Он тоже боится скандала и разжалования. Поэтому с самого начала он объединился с семейкой Уиттли. Понимаешь?

— Может даже, он все придумал?

— Не исключено. В любом случае завтра состоится военный суд над пятью офицерами, и я заранее могу тебе сказать, что вердикт суда будет суров. Возможно, с первым же кораблем они, разжалованные и приговоренные к тюремному заключению, будут отправлены в Англию... Если Уиттли и Блекберри не придумают способа, как расправиться с опасными свидетелями здесь.

— Но это же ужасно!

— И подло.

— Но пускай они спросят меня. Я расскажу всю правду.

— А вот этого никто от тебя не ждет. Как только ты откроешь свой красивый ротик, то его закроют палкой или пулей.

— Не говорите так, мистер Стюарт!

— Если тебе не сказать правды, ты и в самом деле решишься вылезти на суде, где все предопределено заранее.

— А кто будет их судить?

— Фактор Уиттли будет председателем суда, а членами его станут высшие офицеры: полковник Блекберри и коммодор Стоун, капитан «Дредноута».

— Но как же Блекберри...

— Он не боевой офицер, и никто не требовал от него, чтобы он организовывал оборону «Глории».

— Но что-то надо делать!

— К сожалению, я могу дать тебе только один совет: молчи и еще раз молчи! Лишь в этом твое спасение. Своему штурману ты не поможешь. Я знаю, о чем говорю.

— Но я не могу все так оставить!

— Тогда выходи за меня замуж, мы с тобой выкрадем твоего Алекса и купим ему проезд на какой-нибудь китайской джонке до Кейптауна.

— А без замужества его выкрасть нельзя?

— Почему же нельзя? — смилостивился лейтенант. — Только потом ты все равно должна будешь выйти за меня замуж.

— Спасибо, — рассмеялась Дороти, — вы польстили бедной девушке. А теперь проводите меня обратно в факторию, а то уже темнеет и тут могут оказаться бандиты.

— Тем лучше, — заявил игривый лейтенант. — Вы сможете испытать, каков я на деле.

Они не спеша прошли берегом до фактории. Солнце уже село, и начало быстро темнеть, хотя западная половина неба еще пылала разноцветными облаками, лиловеющими ближе к горизонту, а река, сохранявшая цвет зенита, казалась огненной полосой между синей землей и лиловыми облаками. «Дредноут» был нарисован черным пером на фоне реки, и каждая мачта, рея, сплетение вант выделялись четко и ясно.

Индийские сипаи у ворот разожгли костер — им было холодно, хотя вечер был парным, влажным от прошедшего и завтрашнего дождей.

Лейтенант остановился посреди двора.

— Вы к себе? — спросил он Дороти. И она поняла, что ему хочется в гостиную большого дома, где пьют и играют в карты. Юноша нагулялся.

— Идите, — сказала Дороти, — мой мальчик.

Лейтенант удивленно посмотрел на нее.

— Какую роль вы играете?

— Роль герцогини.

Стюарт церемонно поклонился. Его башмаки отстучали энергичную дробь по лестнице.

Двор был освещен несколькими лампами, висящими на столбах. Служители как раз кончили их зажигать, и лампы пока еще светили неуверенно, уступая небу в яркости света.

Дороти подошла к навесу. Под ним были сложены рядами большие крепкие колеса с железными ободами. В брусках и коротких бликах лишь осведомленный человек мог разглядеть заготовки для тяжелых лафетов.

Дороти была осведомленным человеком, потому что знала, что искать. Мистер Уиттли не смел отказаться от похода на Пегу — отказавшись, он терял надежду стать великим человеком. Дороти и ее дядя угадали правильно — вон там, дальше, толстыми свиньями, укутанными в брезент, лежат тяжелые стволы корабельных орудий, которые свозят с «Дредноута». Главное — не упустить момента. Завтра надо будет сообщить сайя У Дхаммападе об увиденных пушках. Еще неделя, и число

их перевалит за полсотню. Такая громовая мощь может сокрушить любую армию.

— Вы чем-то заинтересовались? — Дороти вздрогнула от ненавистного голоса полковника Блекберри. И надо же, он застал ее в тот момент, когда она, задумавшись, приподняла угол брезента и смотрела на пушечный ствол.

— Добрый вечер, — сказала Дороти. — А я думала, что это здесь лежит.

— Конечно, моя маленькая девочка и не подозревает, какими бывают пушки.

— Ах, это пушки, — догадалась Дороти. — Вот спасибо, что вы мне это сказали.

— Была бы моя воля...

— Полковник, вы опять беретесь за старые песни, — огрызнулась Дороти. — Я вам не подчиняюсь...

— Я заставлю тебя подчиняться... Ты вернешься в Англию в клетке.

— Вы знаете о клетке? — проговорилась Дороти.

— Что? Что я должен знать?

Конечно же, полковник приплыл сюда на «Дредноуте», но он мог иметь доверительные беседы с Региной или другими осведомителями.

— Спокойной ночи! — Дороти побежала к дому фактора.

Ей показалось, что полковник заскрипел зубами.

Наверное, лишь показалось.

* * *

Суд был назначен на четыре часа, когда начнет спадать жара.

Миссис Уиттли была весь день взволнована, то кидалась на Дороти с кулаками, то навязывала ей в подарок недорогое ожерелье. Но о суде не сказала ни слова. Тогда Дороти сама решилась и спросила госпожу:

— А можно будет сидеть на суде посторонним?

— Когда?

— Сегодня после обеда.

— Ах, да, после обеда! Нет, это абсолютно исключено.

— А вы сами пойдете?

— Я вынуждена пойти. Меня просили. Я свидетель.

— Я тоже свидетель.

Тут Регина вспылила и запустила в Дороти кувшином. Кувшин ударился о стену и разбился.

— Какой ты свидетель! Ты распутная девка. Неизвестно, где ты шлялась три месяца, и посмела ко мне явиться! Уходи, чтобы я тебя не видела.

Дороти не стала спорить — в гневе Регина разве что не теряла рассудок.

За полчаса до начала суда Дороти вышла из фактории на берег и встала в тени высокой стены. Она смотрела на «Дредноут».

Рядом с ней стояли несколько солдат и слуг. Они переговаривались и тоже смотрели на реку, потому что знали, что сейчас повезут обвиняемых. Среди слуг и клерков Компании ходили дикие слухи о предательстве офицеров «Глории».

Говорили, что они продали британский корабль пиратам, а те за это обещали перевести на Британский банк по сто тысяч фунтов каждому, говорили, что Фицпатрик — ирландец, а потому давнишний французский шпион, который сговорился с Бонапартом еще в Европе.

...От «Дредноута» отвалила шлюпка. Мерно поднимались и падали в воду весла, в шлюпке умещалось немало людей, они сидели тесно, над ними поднимались дула ружей. Зрители подвинулись поближе к мосткам, что вели от фактории к реке, чтобы получше разглядеть предателей.

И когда пятерых обвиняемых, в мундирах, но без шпаг, в окружении вооруженных солдат повели на берег, толпа зашумела и на всякий случай отпрянула — в толпе всегда живет страх перед неведомой опасностью. Даже если эта опасность пока выглядит безобидно.

Дороти сразу увидела Алекса. Он совсем выздоровел, но исхудал и потемнел лицом, он выглядел куда старше, чем раньше. Шляпы на нем не было. Шляпу сохранил только Фицпатрик, которому было неловко шагать, как простому преступнику, под конвоем, он смотрел в землю, и его пошатывало. На мостках он оступился, и его помощник еле успел поддержать капитана. Толпа зашумела, недовольная тем, что

падения не произошло и челядь не насладилась унижением господина.

В этот момент Алекс увидел Дороти. Она не посмела его окликнуть, чтобы не привлекать к нему и к себе внимания, чтобы не сделать Алексу хуже. Но какая сладкая горечь налила пламенем ее грудь — как дорог и прекрасен был тот молодой изможденный поляк... «Господи, — поняла Дороти, — я же его люблю!»

— Дороти! — услышала она прорезавшийся сквозь туман и шум в ушах голос Алекса. — Дороти, ты жива! О, какое счастье! Какое счастье!

Штурман кинулся к девушке, и она, не сдержавшись, протянула руки к нему и прижалась головой к его груди.

Солдат, который шагал рядом со штурманом, не уловил вовремя этого движения и не успел остановить преступника. Поэтому он с опозданием кинулся расталкивать влюбленных, и даже самые жестокосердые из зрителей были возмущены его действиями. Но, несмотря на это, к солдату пришел на помощь сержант, ведший арестованных, и они вдвоем отшвырнули Дороти в толпу.

— Я тебе покажу, мерзавец! — возопил штурман и кинулся на сержанта. — Ты поднял руку на офицера!

Сержант, угрожающе ругаясь, отступил, Фицпатрик остановил Алекса, и тот пошел рядом с капитаном, оглядываясь на Дороти, а сержант следовал за ним, раздосадованный, но не знающий, как напакостить арестанту.

Помимо сержанта, еще один человек у ворот фактории не одобрил поступка штурмана. Этим человеком был полковник Блекберри.

— Вам это дорого обойдется, штурман! — крикнул он и широкими шагами направился к веранде Большого дома, как бы возглавляя всю процессию, хотя никто его об этом не просил.

* * *

Суд проходил в большой гостиной, куда притащили широкий стол из столовой, за ним на стульях сидели судьи. Подсудимые расположились на скамейке напротив судей. За их

спинами выстроились солдаты. Несмотря на то что все окна в гостиной были распахнуты, там было жарко и все мучились от того, что приходилось вести суд и быть его жертвами при полном параде. В конце концов, джентльмены судили джентльменов.

Из посторонних лиц в зал были допущены лишь самые важные свидетели: миссис Уиттли, доктор Стренгл и корабельный плотник с «Глории», один из людей полковника Блекберри, который, разумеется, говорил то, что было приказано говорить.

Дороти пыталась подслушать, о чем говорят в комнате, но она была не одна такая умная — несколько десятков человек из челяди и мелких служащих фактории, те же, кто встречал арестованных у ворот, скопились под открытыми окнами, чтобы услышать, что происходит в гостиной. Но уже через несколько минут из дома прибежали два солдата, которые отогнали галерку, и солдаты, проклиная зевак, остались стоять на солнцепеке, чтобы зрители не кинулись к окнам вновь.

Дороти поняла, что ей здесь делать нечего, и пошла ко входу в Большой дом. Там ее и увидел Стюарт.

— Маешься? — спросил он. — Я могу тебя провести за один поцелуй.

— Не сходите с ума, лейтенант, — строго сказала Дороти.

— О, какие чудесные молнии вылетают из твоих глаз, — ответил на это Стюарт. — Выстрели еще раз, и тогда я проведу тебя бесплатно.

С ним невозможно было быть серьезной.

— Хорошо, — согласилась Дороти, улыбаясь, несмотря на всю серьезность момента, — я отдам вам долг в течение года.

Стюарт провел Дороти внутрь дома, и они, миновав анфиладу служебных комнат, остановились в последней комнате перед гостиной. Здесь собрались сливки общества — служащие, офицеры, их жены, которые дружно зашипели при виде Стюарта и Дороти. Ведь служанке, даже служанке миссис Уиттли, быть здесь не дозволено. Но всеобщий баловень Стюарт помахал всем ручкой и провел Дороти к открытому

окну, откуда было лучше слышно, что же происходит в судебном зале.

В комнате вновь воцарилась тишина. Из гостиной доносились голоса, и партер им внимал, хотя почти ничего не было слышно. В наилучшем положении были два молодых офицера, которые обосновались под дверью и время от времени передавали остальным самые интересные новости.

— Полковник Блекберри начал! — сообщил один из них. — Он их винит в государственной измене и, может даже, в сговоре с французами... Сам он присутствовал во время боя, хотя не мог в него вмешаться иначе, как со своей шпагой в руках, которую он обагрил кровью пиратов...

Кто-то в комнате засмеялся. Блекберри был известен многим как полный профан в военном деле.

После полковника выступала Регина. Она говорила так, что ее не надо было переводить и усиливать. Ее голос проникал сквозь стены, как сквозь бумагу. Со слезами на глазах миссис Уиттли поведала высокому суду, как ее покинули на произвол судьбы, забыли, не защищали. Как ей удалось, отдав злодеям все свои драгоценности, усыпить их бдительность и бежать в скорлупке, когда ее жизнь висела на волоске... Голос птицы поднимался все выше, словно она была соловьем, который ведет свою ночную песню, не слыша и не видя ничего вокруг.

— О господи! — в слезах воскликнула одна из пышных дам, что подслушивали в приемной.

— Все было не так уж страшно, — не сдержалась Дороти.

— Ах, что вы понимаете! — отмахнулась дама.

Видно, она еще не знала, какую роль в роковых событиях пришлось играть этой девушке.

— Любопытно, — сказал Стюарт, — что такого ценного свидетеля, как мисс Форест, забыли вызвать на суд.

— Почему? — спросила дама.

— Потому что она была в той же лодке и ее смыло за борт волной.

Дамы удивленно закудахтали, не зная, верить ли лейтенанту. Дороти промолчала.

Из-за двери донесся голос доктора Стренгла. Словно подслушав голоса в приемной, он громко произнес:

— Когда мы входили в факторию, я видел Дороти Форест, горничную миссис Уиттли. Нельзя ли пригласить ее для дачи показаний?

— Я протестую! — закричал Блекберри. — Я заявляю, что сразу после окончания этого суда я буду требовать от местных британских властей ареста этой ведьмы и бирманской шпионки.

Незнакомый голос спросил:

— Именно поэтому вы возражаете против приглашения ее в суд?

— Это капитан «Дредноута» коммодор Стоун, — пояснил Стюарт.

— Я убежден, — повысив голос, твердо ответил Блекберри, — что для суда она бесполезна. Она не может дать никаких показаний по предмету, в котором не смыслит.

— Эх, Дороти, — негромко заметил Стюарт. — За твою голову я и трех пенсов не дам.

К сожалению, Дороти понимала, что Стюарт прав. Ненависть, которую испытывал к ней полковник, была безмерна. Она находилась за пределами разумного. Это была, как говорится, ненависть с первого взгляда. В свое время, еще на «Глории», Регина уверяла, похохатывая, что Блекберри тайно влюблен в Дороти, но не рассчитывает на взаимность и потому мстит... Теперь Дороти пожалела даже, что не удержалась и кинулась к Алексу — соглядатаи полковника донесли ему об этом, и он будет мстить и штурману.

— Эта девушка, — упрямился хирург, — была свидетелем всего, что происходило. Несколько дней она провела в лазарете и вместе со мной ухаживала за ранеными. Когда рядовые моряки вернутся из плена, они смогут подтвердить, как беззаветно и по-христиански вела себя мисс Форест. Наверняка матросы рассказывали ей о ходе боя и поведении офицеров. Если в их, как и в моих, действиях было нечто предосудительное, она не преминет об этом рассказать.

— Замолчите, доктор Стренгл, — послышался голос мис-

тера Уиттли. — Как председатель военного суда, я лишаю вас слова. Вопрос о привлечении к делу служанки моей жены мисс Форест рассмотрен, и вызов свидетельницы высокому суду не представляется необходимым. Что касается вас, доктор Стренгл, то вас никто не намерен обвинять, и вы вызваны сюда в качестве свидетеля, однако теперь я сомневаюсь в вашей объективности и боюсь, что приятельские отношения с обвиняемыми дурно влияют на вашу точку зрения. О чем я ставлю суд в известность. А теперь я попрошу свидетеля, представленного полковником Блекберри, занять место на том стуле. Прошу вас поклясться на Библии, что вы будете говорить правду и только правду...

Дверь из гостиной резко открылась, и в ее проеме возник полковник Блекберри.

— Вот этого я от вас не ожидал, господа, — укоризненно произнес он.

Дороти попыталась спрятаться за спину Стюарта.

— Неблагородно подслушивать, если было объявлено всем, что суд проходит конфиденциально. О его приговоре и решениях всем служащим Компании будет объявлено официально...

Тут Блекберри увидел неудачно притаившуюся Дороти и от гнева потерял дар речи. Он только указывал пальцем на девушку и, к удовольствию зрителей, открывал и закрывал рот, подобно рыбе, выброшенной на берег. Дороти же взглянула на камешек в кольце и увидела, что он стал черным — такова была сила угрозы, исходившей от полковника. И тогда Дороти так испугалась, что кинулась бежать, — она понимала, что от ярости полковника ее не спасет никакой Стюарт.

Как ей потом рассказывал Стюарт, взбешенный полковник вытащил из-за пояса пистолет, с которым ему, видно, не следовало находиться за судейским столом, и прицелился вслед Дороти. Однако девушка уже скрылась, и офицеры навалились на полковника, стараясь обезоружить. Пистолет все же выстрелил, но в пол, заседание суда прервалось, потому что Джулиан Уиттли решил, что начался бунт, направленный на освобождение преступника, а миссис Уиттли выпрыгнула в

открытое окно и кинулась бежать. Так что в свои покои она прибежала одновременно с Дороти. Они столкнулись в дверях, жарко дыша, стараясь прийти в себя.

— Они стреляли? — спросила Регина.

— Я думаю, что это стрелял мистер Блекберри, — ответила Дороти.

— Зачем ему бунтовать?

— А разве он бунтовал?

— А что же он тогда делал? — взъярилась Регина.

— Он хотел меня убить. Потому что я была в приемной.

— Зачем ты была в приемной? Ты бунтовала?

— Меня позвал лейтенант Стюарт.

— Хватит! — закричала Регина. — Хватит тебе всюду появляться с этим Стюартом. Если ты думаешь, что он на тебе женится, ты жестоко ошибаешься! — И тут миссис Уиттли замерла с приоткрытым ртом... До нее дошло, что она убежала из зала суда, причем неприличным образом, в то время как один из мужчин — Блекберри — хотел застрелить ее лучшую и уже почти прощенную вещь... А тут еще приходится судить предателей... — Хватит! — приказала она своей служанке. — Чтобы ты сидела дома и не выходила никуда, пока я не вернусь. Поняла? Если ослушаешься, мне все равно донесут, тогда я велю Блекберри тебя на самом деле застрелить.

Последние слова были пустой угрозой, но Дороти почувствовала себя настолько опустошенной, что ноги у нее подкосились и сил хватило лишь на то, чтобы сказать хозяйке, что она покоряется ее воле, и уйти к себе.

Регина тут же подобрала юбки и побежала обратно к зданию суда. Вернулась она через дверь.

Вечером за туалетом Регина сама рассказала Дороти, что за неправильные действия в море, граничащие с предательством, что выразилось в потере лучшего компанейского корабля «Глория» и невозместимого груза, покоившегося в его трюмах, капитан «Глории», его помощник, два штурмана и артиллерийский офицер приговариваются к лишению всех чинов, имущества и к казни посредством виселицы...

— Ой! — воскликнула Дороти. В глазах засверкали звез-

дочки, и, несмотря на то что она была здоровой девушкой и хорошо отдохнула в горах, она упала в обморок, потому что в конце XVIII века все девушки и дамы умели падать в обморок.

Регина подхватила Дороти и, положив ее в кресло, надавала пощечин. Поэтому Дороти ничего не оставалось, как прийти в себя.

— И Алекс? — спросила она.

— Так тебе мало Стюарта? — удивилась Регина. — Ты помнишь еще о том поляке?

— Да, помню, миссис. Неужели вы были к ним так жестоки?

— Факты остаются фактами, Дороти, корабль потерян, наша война почти проиграна, две сотни славных английских моряков все еще остаются в плену по вине Фицпатрика и его сообщников.

— Но вы же были там, вы же знаете, что все сражались...

— Помолчи, Дороти. Если не понимаешь в военном деле, то хоть помолчи.

— Слушаюсь, адмирал Уиттли, — мрачно ответила Дороти, за что получила затрещину, правда, не очень больно.

— Да ты пойми! — пыталась ее уговорить Регина. — Даже в личном отношении они привели всех нас к трагедии. Ты не представляешь, какие мучения я пережила в руках пиратов, сколько трудов мне стоило убежать от них! Как я оплакивала твою гибель и гибель славных матросов, которые гребли у меня в лодке!

«Господи, — подумала Дороти, — она уже искренне верит, что ее мучили, а мы с матросами погибли».

— И этот душитель Стренгл еще смеет защищать своих сообщников! И я считаю правильно, что его также привлекли к суду за то, что он бросил в Мале наших раненых и приплыл в Рангун.

— Но ведь «Дредноут» брал только офицеров...

И тут Дороти поняла, что лишь те слова долетают до маленьких, прижатых к голове ушек птички, которые той приятны и нужны.

— Но почему их приговорили к смерти? — произнесла Дороти, когда Регина успокоилась и замолкла.

— Я бы на их месте сама выбрала себе такое наказание, — решительно заявила птичка. Ей было жарко, она сидела перед зеркалом в нижней юбке, обнаженная до пояса, и Дороти вдруг подумала, какая отличная получилась бы из Регины кормилица. — Лучше смерть, чем позор! Но ты не переживай. Никто не собирается их казнить, пока не придет подтверждение приговора из Калькутты. Мы во всем придерживаемся закона... Хотя, впрочем, я думаю, что в Калькутте наш приговор поддержат. Компания не любит людей, которые имеют глупость неправильно распорядиться ее имуществом и нанести ей такой колоссальный ущерб... колоссальный! И, если не будет какой-нибудь коронации и великой победы, висеть им на виселице... Хотя они имеют шанс скорее помереть в нашей тюрьме. Ты не видела, какая у нас тюрьма?

— В фактории?

— Да, я тебе завтра покажу. Сразу за навесом, где делают колеса для пушек.

— А разве приговоренных не будут держать на «Дредноуте»?

— Ах, не напоминай мне об этом неблагодарном мерзавце!

— О ком? — удивилась Дороти.

— О коммодоре Стоуне. Представляешь, он сказал моему Джулиану: «Мой корабль не плавучая тюрьма». И вообще он посмел голосовать против приговора, на него подействовали... да все они заодно! Хорошо еще, что мой супруг и полковник Блекберри оказались твердыми.

— И вам не жалко моряков? Капитан Фицпатрик был так к нам любезен!

— Дороти, иди спать, я тебя отпускаю. Я сегодня разделю ложе с моим супругом. Но подготовлю себя к этому сама. В таких вещах от тебя нет проку...

Дороти послушно ушла в свою комнату.

«Они уберут свидетелей, они задушат невинных, чтобы покрыть свои грязные дела... твои грязные дела, птичка Регина».

У себя в комнате Дороти зажгла лампу, уселась за столик и

достала из сумки, висевшей над кроватью, Зеркало Зла. Зеркало отражало свет лампы, дым клубился в его колодце. Из колодца поднималось, угрожающе кривляясь, лицо полковника Блекберри.

Вдруг Дороти стало так страшно, что она задула лампу и потом на цыпочках подошла к окну. Она чуть отодвинула занавеску и стала вглядываться в темноту — окно ее комнаты выходило в чахлый садик, который тянулся здесь до самой стены фактории.

Тот, кто ее ненавидел, стоял в тени бананов у стены. Дороти почувствовала, как он поднимает пистолет, — он должен был выплеснуть свою ненависть.

— Мистер Блекберри! — крикнула Дороти, отпрянув за раму.

Выстрел показался очень громким, пуля ударилась в дальнюю стену комнаты. Дороти, уверенная в том, что у полковника нет второго пистолета, снова показалась в окне и сказала, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно:

— Мистер Блекберри, вы сумасшедший. Не тратьте своего времени на попытки убить меня. Я вас не боюсь. И если хоть волос упадет с моей головы, вам не жить на этом свете. Я обещаю это вам, полковник!

Так не могла говорить Дороти Форест.

Но полковник не знал, что именно так должна была говорить принцесса Лигонского королевства.

Послышался шум ветвей. Пригибаясь, стараясь быть незаметным, долговязый полковник, подпрыгивая, убегал прочь. Одно дело убить ненавистную девку. Другое — быть узнанным и выслушать выговор от этой девицы. Именно выговор! Это было равносильно тому, чтобы услышать выговор от зайца. И тогда начинает казаться, что у зайца выросли волчьи зубы... Что-то было в голосе служанки, в том, как она подошла к окну, зная, что он выстрелит... Это заставило полковника убежать... Ведь он приходил не убивать ее, а внушить ей подлый, низкий страх, заставить ее дрожать в ожидании смерти. Этого полковнику было достаточно. И вот теперь он бежит... Черт побери! Полковник оглянулся. Он уже отбежал достаточно далеко

от дома фактора. Странно, но никто не всполошился, не прибежал на выстрел — может, потому, что стрелял он из отдаленного места фактории, а может, потому, что небо вспыхивало зарницами и громыхало отдаленным громом — с океана шла гроза.

А Дороти начал бить озноб.

Она поняла, что ей нельзя оставаться в своей комнате. Ведь убийца может прийти... или прислать помощника. И Дороти босиком побежала к хозяйке. Та хоть не хочет ее смерти. Дороти знала, что Регина сегодня добивается ласк Джулиана, рассчитывая, что ей все же удастся зачать ребенка от законного супруга и не придется обращаться к кому-то из лейтенантов. Так что в спальне госпожи было пусто. Дороти улеглась на циновку у кровати Регины, а на рассвете, когда страхи ушли, вернулась к себе в комнату.

* * *

Утром Дороти отправилась на базар, чтобы купить Регине хороших спелых мангустинов, которые привозили из шанских селений. Порой Дороти брала с собой сипая, чтобы шел за ней и оберегал от бродяг или воришек, а потом тащил домой корзинку с покупками. Но сегодня она обошлась без охраны. Потому что прежде, чем пойти на базар, она, подозвав двуколку, приказала извозчику везти ее к Шведагону.

Начался дождь. Капли громко били по плетеной крыше повозки, воздух был сырой и пахнул лесной гнилью и речной водой.

У Дхаммапада вышел на веранду, как только ему сообщили, что приехала Ма Доро.

Дороти рассказала старику о вчерашнем суде, и тот сокрушенно покачивал головой, дивясь несправедливости англичан.

— Есть ли среди осужденных кто-либо, к кому твое сердце неравнодушно? — прозорливо спросил он, когда Дороти закончила краткий рассказ.

— Есть, — просто ответила Дороти. — Но не об этом сейчас речь, сайя-до. Я подсчитала: колеса готовы для тридцати

пушек, лафеты заготовлены для сорока. Завтра или послезавтра они начнут ставить пушки на лафеты. Это делают на заднем дворе, за двойной стенкой, чтобы не увидел никто из бирманцев. Но я думаю, что бирманцы все равно узнают.

— Свезены ли все пушки с большого корабля? — спросил старый монах.

— Я думаю, что еще пушек двадцать осталось на корабле.

— Надо, чтобы они свезли с корабля все или почти все пушки, — произнес У Дхаммапада. — Потому что, если придут люди твоего дяди, нельзя, чтобы у корабля было много пушек. Он начнет стрелять...

Старик был прав.

— И все же я думаю, что моему дяде пора выходить в путь. Ведь ему надо собрать достаточную армию, чтобы удержать Рангун и бирманцев, которые там есть, и взять факторию. И это нелегко.

— Принцесса, — усмехнулся старый монах, — оставь это мужчинам.

— Хорошо, мне надо спешить, сайя, — сказала Дороти.

— А что говорит твое зеркало? — спросил У Дхаммапада.

Дороти показала зеркало настоятелю, и тот дивился силе демонов, которые смогли сделать такое зеркало. Он даже дал совет Дороти — выкинуть зеркало. Дороти не стала рассказывать ему о внутреннем голосе и о том, как она знала заранее, что и где ей надо искать. Она не могла сказать об этом старику, потому что он решил бы, что она попала под власть демонов.

Дороти купила на рынке что требовалось и на пути к дому, как всегда, прошла рядом с тюрьмой. Тюрьма была невысоким бревенчатым строением, маленькие окошки которого были устроены под самой крышей. У обитых железными полосами дверей всегда стояли солдаты, причем не сипаи, а настоящие, англичане.

Как-то Дороти крикнула:

— Алекс!

Но ответа не услышала — солдат накинулся на нее с криком, чтобы бежала отсюда, пока он не доложил о ней полковнику Блекберри.

— Постыдился бы, Чарли, — сказала ему Дороти, — ты стережешь славных британских офицеров. На том свете тебя будут за это жарить на сковороде.

— На тот свет еще попасть надо, — отмахнулся солдат.

Дороти рассказала хозяйке о ночном выстреле. Та не поверила, что такое могло случиться, но Дороти провела ее в свою комнату и показала дырку в стене, в которой поблескивал бочок круглой пули. Тогда Регина заявила, что это какой-то бандит, но не полковник. И сказала, что все расследует. Но ничего не расследовала, и Дороти поняла, что госпожа знает и верит, что нападающим был именно полковник.

Еще через две недели, к радости полковника, но к разочарованию мистера Джулиана Уиттли, на небольшом бриге, который следовал из Калькутты в Малакку, прибыл мистер Пимпкин, заместитель губернатора. Он уже знал о происшествии с «Глорией» и даже о суде над ее офицерами. В конце концов, Индийский океан — достаточно оживленная лужа, как он сам говорил, потирая мягкие влажные ладошки, такие маленькие по сравнению с грузным телом и большой лопоухой головой, украшенной широкополой черной шляпой, которой заместитель губернатора никогда не снимал, из-за чего в Британской Ост-Индии ходило немало сплетен.

Мистер Пимпкин заперся с мистером Уиттли и полковником и просидел с ними около трех часов. Затем они вызвали коммодора Стоуна и продолжили совещание.

О результатах его Джулиан, конечно же, обязан был сообщить своей жене, а она, будучи в благодушном настроении, на следующий день, пока мистер Пимпкин осматривал пушки, а потом отправился на «Дредноут», чтобы посмотреть, готовы ли к боям морские канониры, рассказала обо всем Дороти.

Во-первых, на совете было решено начать военную кампанию немедленно, пока от ливней не развезло все дороги. И в то же время завершить ее так, чтобы дороги все же развезло окончательно, что помешает бирманцам подтянуть подкрепления: в период дождей здесь воевать не принято. Помимо команды «Дредноута» и отряда сипаев, стороживших факторию, бриг, привезший мистера Пимпкина, доставил еще роту

морских пехотинцев, и они временно поместились в страшной тесноте на линейном корабле, чтобы не вызвать у бирманцев подозрений.

Во-вторых, мистер Пимпкин, как и следовало ожидать, «после внимательной проверки» санкционировал решение суда и подписал его от имени губернатора. То есть преступники, сдавшие французам «Глорию», будут казнены перед началом похода. Это поможет поднять дух солдат, которые должны видеть, что предателям не будет пощады, как высоко они ни окопались.

— Нет! — вырвалось у Дороти. Она так надеялась, что ее дядя успеет появиться здесь и освободить Алекса. Теперь же Алекс погиб!

— Не причитай, надоело, — ответила Регина. — Найдем мы тебе отличного мужа, а не этого дикого славянина.

Регина не скрывала своей радости по поводу близкой казни Фицпатрика и его офицеров. Видно, ей очень не хотелось, чтобы они заговорили о ней в неподходящих местах... «А потом, уже ближе к отъезду, она разделается со мной, — понимала Дороти. — Пока я ей нужна и, как она убедилась, не опасна. Она полагает, что причина того заключается в моем страхе остаться одной в чужой стране... О, как вы ошибаетесь, миссис Регина Уиттли!»

Дороти кинулась в монастырь Священного зуба Будды. Но не добежала до него. Ее неожиданный побег в город вызвал подозрение у Блекберри — Дороти не успела выйти на китайскую улицу, как почувствовала опасность. Сначала шкурой, спиной. Потом, метнувшись за повозку, высоко нагруженную мешками с рисом, она поглядела на колечко. Камень был темно-красным, как капля густеющей крови. Ах, как жаль, что у нее нет с собой зеркала, — она узнала бы, кто ей угрожает.

Дороти присела за повозкой. Колеса у нее были высокими, так что Дороти без труда поместилась в убежище между стеной дома и улицей.

Ей были видны нижние половинки людей, мимо проплывали длинные бирманские юбки — шелковые у женщин, клетчатые хлопчатые у мужчин. Черные штаны шанов и ли-

гонцев и синие широкие брюки китайцев... А вот показались серые чулки и синие панталоны англичанина. Дороти взглянула на камешек — он уже почернел. Англичанин держал ладонь на эфесе матросского палаша, и рука была напряжена — ясно, что он готов вытащить шпагу из ножен... Но кто это?

Дороти не смела выглянуть из-под повозки, она ждала, пока человек минует ее.

Просчитав до двадцати, Дороти осторожно поднялась и, прижимаясь спиной к стене, посмотрела вслед человеку. Конечно же, это плотник, один из подручных Блекберри! Значит, полковник заметил, как она поспешила в город во второй половине дня, когда ей вроде бы и нечего там делать! А может быть, полковнику донесла о ее бегстве сама госпожа?

Дороти решила подождать, пока соглядатай уйдет подальше, а затем вернуться к реке и пробраться к Шведагону за складами.

И в этот момент плотник оглянулся.

Он тоже умел чуять взгляд спиной!

Холодные серые глаза ищейки встретились со взглядом Дороти.

Она тут же представила себе, как он кинется к ней, взмахнет палашом... Дороти, скрытая от улицы повозкой, упадет, не вскрикнув, а соглядатай спокойно уйдет обратно. И еще получит от полковника тридцать серебряных шиллингов за устранение шпионки.

Дороти все это понимала, но стояла как прикованная к месту, потому что повозка мешала ей убежать, и воображение, рассказавшее ей о собственной смерти, устрашило ее настолько, что ноги отказывались ей подчиняться.

И тут плотник вытащил из ножен палаш, словно угадал мысли Дороти и понял, насколько она беспомощна. Судя по сноровке, он умел обращаться с оружием, что, поверьте, необычно для второго плотника, мастерство которого должно ограничиваться плотницким ножом или топором.

Блеск стали разбудил Дороти. Она пискнула, как испуганный заяц, и, согнувшись, нырнула под повозку.

Ноги в серых чулках в два шага приблизились к повозке, и

затем она увидела руку в синем камзоле, в которой был зажат короткий морской палаш. Рука старалась достать Дороти концом палаша — Дороти ринулась назад и наткнулась спиной на ось повозки. Надо было согнуться еще ниже, чтобы проскользнуть под ней. Дороти пыталась это сделать и тут увидела, что ноги в серых чулках подогнулись, как бы от большой тяжести, и, дернувшись, поехали под повозку каблуками вперед. Вслед за ногами в поле зрения Дороти попал весь плотник. Он улегся на спину, выронив палаш.

Дороти испугалась этому чуду даже больше, чем нападению. Как гусеница, она выползла из-под повозки, прижимаясь к стене, и услышала, как на улице поднимается визг. Люди кидались — кто к лежащему англичанину, а кто прочь. Произошла давка, и это помогло Дороти сделать два шага в сторону, а третий она сделала уже с помощью крепкой смуглой мужской руки, которая подхватила ее под локоть и так потянула в сторону, что Дороти даже не смогла закричать. Она решила было, что это напарник соглядатая, но тут же услышала знакомое мычание: господи, да это же глухонемой Нга Дин, сын Бо Пиньязотты! Добрый туповатый бугай, боготворящий принцессу Лигона!

Нга Дин был одет портовым кули, длинные волосы собраны в пук на затылке, серая холщовая куртка измазана краской...

— Нга Дин, миленький...

Лигонец прижал к губам палец. И сделал страшные глаза.

— Отпусти руку, — сказала Дороти. — На нас обращают внимание.

Дороти говорила, глядя в глаза Нга Дину. В таком случае он все понимал.

Нга Дин кивнул и отпустил руку Дороти. Странно было бы этому портовому кули и дальше тащить за руку бирманку из приличного дома. Ведь именно бирманкой, с согласия Регины, обожавшей всякого рода маскарады, одевалась Дороти во время выходов в город.

Шум сзади становился все глуше и неразборчивей. Нга

Дин дотронулся до плеча Дороти и показал ей знаком, что она должна повернуть за угол.

Путь пролегал мимо опиумокурильни старого китайского бандита. Но Дороти не решилась поднять голову, чтобы проверить, дома ли он, — а вдруг выглянет в окно?

За углом стоял старый грузовой рикша. Повозка его была пуста. Сильные мускулистые ноги рикши были обвиты венами от вечной натужной работы, широкая шляпа скрывала в тени лицо, руки тяжело лежали на перекладине, соединявшей оглобли повозки.

— Вас отвезти, Ма Доро? — спросил старый рикша.

— Нет, не надо, — ответила Дороти, не сразу сообразив, что ее окликнули по имени.

Нга Дин сзади засмеялся. Он-то обо всем знал. Дороти нагнула голову, заглядывая под шляпу. Бо Пиньязотта отодвинул шляпу на затылок, чтобы облегчить девушке задачу.

Он рассмеялся, показав тридцать два здоровых, желтых от жевания табака зуба.

— Нга Дин его убил! — Первое, что сообщила Дороти старому генералу.

Генерал сразу обратился к сыну. Нга Дин знаками подтвердил слова Дороти и добавил, что если бы он этого не сделал, то англичанин в синем костюме убил бы саблей принцессу. И ему, Нга Дину, ничего не оставалось, как унять таким образом убийцу.

— Мне теперь опасно возвращаться на факторию, — сказала Дороти.

— Осталось мало дней, — сказал Бо Пиньязотта. — Совсем мало дней. Нам лучше, если ты будешь внутри. Но если тебе страшно, то мы укроем тебя в монастыре У Дхаммапады.

— Они могут заподозрить меня в убийстве этого человека.

— А ты скажи правду, — ответил генерал. — Скажи, что ты никого не убивала.

Дороти подумала, что Бо Пиньязотта хоть и хороший человек, но очень уж дикий. И если Дороти погибнет, он, конечно, будет жалеть, но ничем не покажет своего небольшого

расстройства, потому что умерла всего-навсего женщина. Ей стало грустно.

— Что же ты решила, принцесса? — спросил Бо Пиньязотта.

— Я поняла, — сказала Дороти. — Я поняла, что для вас есть очень важные вещи и не очень важные. Самое важное — спасти горы от бирманского вторжения. А не очень важная — спасти меня.

— Это неправда, принцесса, — ответил старик. — Только помни, что, когда придет бирманская армия, будут убиты сотни и тысячи мужчин, а тысячи женщин уйдут в неволю. Так бывает всегда.

— Я понимаю, — сказала Дороти. — Я возвращаюсь на факторию.

— И будешь нашими ушами и глазами.

* * *

Как Дороти и боялась, весть о смерти англичанина достигла фактории раньше, чем она возвратилась. Тут же из фактории была снаряжена команда, чтобы принести тело соглядатая. Дороти встретила ее, подходя к воротам, но солдаты на нее не обратили внимания. Они же не знали, что плотник погиб, преследуя служанку.

Зато полковник Блекберри отлично об этом знал.

Он встретил Дороти на широком дворе перед главным зданием. Он закричал при виде ее:

— Явилась! У тебя хватило наглости явиться?

— Что случилось? — Дороти была удивлена. Она выглядела вполне обыкновенно, тем более что в руке у нее была небольшая корзинка, купленная на китайской улице, полная любимыми Региной спелыми мангустинами.

— Ты не знаешь, что случилось?

— Клянусь, что не знаю, сэр.

Стюарт со своим товарищем вышли на крик на веранду. Затем там же появилась Регина. Рабочие, ковавшие ободы для пушек в кузнице, бросили работу — уж очень уморительной

показалась им сцена ссоры между высоким сутулым английским начальником и хорошенькой служанкой госпожи.

Вернее, это трудно было назвать ссорой: высокий господин наскакивал на девушку, намереваясь ее растерзать, а девушка растерянно оправдывалась, указывая на корзинку с мангустинами.

— Как я могла кого-нибудь убить? — удивилась она. — Чем? Мангустином?

— У тебя есть сообщники. В этом твоя главная опасность! И хватит! Этот номер у тебя не пройдет! Сейчас же иди в подвал! Я тебя сам повешу завтра вместе с предателями, потому что ты хуже их!

— Что произошло, что произошло? — спросил мистер Пимпкин, вынося на веранду свою необъятную тушу, прикрытую сверху шляпой.

— Эта мерзавка только что подстроила убийство моего лучшего агента! — закричал, не владея собой, Блекберри. — Это заноза в нашем теле, ядовитая колючка! И если мы не избавимся от нее тут же, она нас всех погубит.

— Вас бы я была рада погубить, — дерзко ответила Дороти, надеясь на вмешательство Пимпкина. — Потому что вам, мистер Блекберри, мало врагов-мужчин, и вы преследуете меня, угрожая моей жизни с момента, как увидели меня в Лондоне. Ваши помощники неоднократно пытались меня убить! И теперь вы еще смеете свалить на меня смерть одного из них. Конечно, со мной воевать легче, чем с королем Авы.

— Я убью тебя! — Блекберри постарался вытащить шпагу, но это ему не удалось, потому что за руку его схватил лейтенант Стюарт.

— Постыдитесь, полковник, — сказал он. — Иначе, как офицер, я будут вынужден вызвать вас на дуэль, защищая часть британской подданной.

— Она не британская поданная! Она наймитка бирманцев!

— Господи! — закричала тогда Дороти. — Миссис Уиттли, вы всегда были так добры ко мне! Неужели вы оставите меня на растерзание этому злодею?

— Ты сама виновата в своей судьбе. — Неожиданно для

Дороти хозяйка решила отдать ее на растерзание. Почему? Впрочем, видно, в душе Регины любовь к лучшей вещи потерпела поражение в борьбе с осторожностью. Сейчас представился случай расправиться с собственным прошлым. И сохранить мир с опасным полковником.

Регина резко повернулась, и платье треснуло спереди по шву.

— Ах, простите, — воскликнула смущенная миссис Уиттли и спешно покинула веранду.

— Прочь с дороги, лейтенант! — заявил Блекберри. — Если вы не хотите попасть под полевой суд, в котором я же буду председательствовать. Я вам обещаю навсегда загубить карьеру, если вы сейчас же не отойдете от этой... этой...

— Подождите, полковник, не волнуйтесь так, — произнес грузный мистер Пимпкин, его большие слюнявые губы кривились в сладострастной усмешке. Ему так понравилась эта девица. — Вы склонны к преувеличениям. Наверняка мисс...

— Мисс Дороти Форест! — доложил лейтенант Стюарт, уже отступивший было на шаг под напором полковника и теперь стремившийся вернуться на утраченные позиции.

— Наверняка мисс Дороти не виновата в серьезных преступлениях, в которых вы ее обвиняете. Я глубоко убежден, что вам нужен отдых...

Мистер Пимпкин перевел взгляд на стоявшие неподалеку на траве носилки с телом плотника. Тело было накрыто грубой холстиной, из-под которой торчали лишь ноги в серых чулках и пыльных башмаках.

— Это ваш агент? — спросил мистер Пимпкин.

— Вот именно! — с вызовом ответил Блекберри.

— Как же вы в такой опасный и, я бы сказал, критический момент, — наставительно загудел человек-слон, — допускаете хождение по туземному городу своих подчиненных поодиночке, в европейском платье, да еще, полагаю, вооруженных. У нас в Бенгалии я бы тотчас снял с должности любого офицера, который бы посмел так неразумно и легкомысленно распоряжаться жизнями своих подчиненных во враждебной стране. Когда остались считаные дни до выступления и любой конфликт с туземцами может вызвать срыв всего великого предприятия, некоторые много возомнившие о себе полковники ведут себя как неразумные сержанты. Я прошу вас, полковник, пройти со мной в кабинет к уважаемому фактору Уиттли, и там мы продолжим разговор.

— Слушаюсь. — Блекберри выглядел как побитая собака.

— Он как побитая собака, — проговорил негромко вслед ему лейтенант Стюарт. — Но, как побитая собака, он вдвойне опасен, потому что будет пробовать клыки не на слоне, а на зайчонке. Ты поняла, Дороти?

— А вы готовы были меня оставить на растерзание, — печально произнесла Дороти.

— А что поделаешь? — развел руками лейтенант. — У меня лишь одна жизнь и одна карьера. Ну, кто мог подумать, что Пимпкин такой юбочник, что при виде тебя разрушит весь замок полковника Блекберри.

...Когда Дороти вернулась в дом фактора, Регина встретила ее у своей двери неделикатным вопросом:

— А разве тебя не посадили в тюрьму?

— Меня оправдали, — ответила Дороти. — А теперь тюрьма угрожает вашему другу полковнику Блекберри.

— Не мели чепухи! — неуверенно произнесла Регина и, подобрав юбки, ринулась в главный дом узнать, что же произошло.

Дороти же поставила корзинку с мангустинами на столик в гостиной семьи Уиттли, прошла к себе и сидела взаперти до темноты. Воображение рисовало ей картины сладостной встречи с Алексом, но тут же жестоко заставляло вспомнить о скорой казни молодого штурмана, и слезы накатывались на глаза Дороти.

Когда же стемнело, она рискнула, вышла во двор, чтобы посмотреть, нельзя ли подойти к солдатам и уговорить или подкупить их, чтобы они дозволили перекинуться словом с Алексом. Для подкупа у нее было несколько рубинов, которые ей дал с собой дядя.

Но подойти к тюрьме оказалось невозможно. На плацу рядом с тюрьмой при свете фонарей и факелов кипела работа:

возводили помост и к двум столбам сверху приколачивали могучий поперечный брус. Дороти поняла, что сооружают виселицу...

Она не смогла там оставаться и побежала к себе.

Она спряталась в комнате и, пока не заснула, строила планы: то мысленно мчалась по горам навстречу дяде, чтобы он прислал отважных воинов, которые в последний момент спасут приговоренных, то сама с пистолетом в руке всходила на помост, чтобы освободить возлюбленного. Но, конечно, ничего она не придумала.

* * *

Дороти заснула лишь под утро и неожиданно для себя проспала все на свете. Госпоже, поднявшейся раньше, пришлось идти к двери горничной, стучать и требовать, чтобы та встала наконец и помогла Регине совершить туалет — начинался большой день. День казни. День решений. День победы Регины над правдой. Правда не именовалась правдой в ее устах, для нее было другое слово: предательство.

— А когда... когда это будет? — спросила Дороти, причесывая госпожу.

— К закату полковник обещал со всем управиться, — радостно сказала птица. И Дороти поняла, что это такое — необратимое желание задушить человека.

Как? Что сделать, чтобы спасти Алекса? Ведь даже если дядя прибудет сюда через неделю или через три дня, все равно будет поздно. Не исключено, что после смерти офицеров с «Глории» полковник выполнит свою угрозу и Дороти последует за Алексом.

— Тебе его жалко? — спросила Регина. Теперь Дороти была убеждена, что госпожа нарочно дразнит ее, ибо ей доставляют радость страдания Дороти.

— Да, мне его очень жалко, — сказала Дороти. — Я отдала бы все мои драгоценности, чтобы спасти их...

— У тебя есть драгоценности? Откуда? Ты же нищенка! — Регина насторожилась. Зря ты, Дороти, так легкомысленно заговорила с хозяйкой. Она же насторожена, как птица.

— У меня их немного...

— Вранье! Ты была голой на корабле. А потом у тебя появилось серебряное зеркало, я видела его...

— Это не зеркало... оно не отражает.

— Знаю, — ответила Регина. — Иначе бы я его у тебя отобрала. Тебе не положено иметь такое зеркало. Но я тебе должна сказать, что, когда полковник отрубит тебе голову, мне все равно достанутся и твое зеркало, и твои рубины, которые ты так неосторожно зашила в дно своей шанской сумки.

И Регина счастливо засмеялась.

— Кстати, — сказала она, насладившись растерянностью Дороти, — там уже нет никаких рубинов, потому что тебе не положено иметь рубины!

Регина поднялась, отобрала гребень у обомлевшей Дороти и сказала, отступая в угол комнаты:

— А теперь уходи отсюда. И предупреждаю, что у меня есть пистолет.

— Куда уходить?

— На улицу! Иди полюбуйся, как будут вешать твоих дружков. — Хозяйка была нарочито груба, она хотела вывести Дороти из себя.

«Не поддавайся, она нарочно, — уговаривала себя Дороти, — она хочет, чтобы я сорвалась...»

— Уходи! — визгливо повторила Регина.

Дороти покинула комнату и, не чуя под собой ног, выбежала на зеленый газон перед домом фактора.

Здесь стена близко подходила к строениям, дальше начинался плац, где уже была сооружена виселица. Дороти показалась страшной ее завершенность. Как накрытый стол, она была готова к приему гостей и сделана аккуратно, на совесть, видно, человек, отвечавший за ее изготовление, был аккуратистом и знатоком своего дела. Веревки с петлями на концах, которые свисали с перекладины, были одинаковы по длине и замерли, ожидая, кого бы стиснуть в своих объятиях. Под петлями на равном расстоянии один от другого стояло пять ящиков. Их вышибут из-под ног казненных. Ящики тоже были одинаковыми и стояли в ровную линию.

Дороти зачарованно смотрела на виселицу. В совершенстве этой виселицы ей виделся весь мир, окружающий ее с момента отплытия из Англии. Его жестокость была освящена аккуратностью, и сегодня эта власть, эта аккуратность будет расправляться с теми людьми, которые допустили сбой машины, нарушили далеко идущие планы лондонских стратегов и рангунского исполнителя, мистера Джулиана Уиттли.

К виселице подходили зеваки, некоторые даже поднимались на помост и трогали ящики, один офицер забрался на ящик и хотел сунуть голову в петлю, сержант, который стерег виселицу, уговаривал его уйти.

— Уходите, уходите! — проскрипел полковник Блекберри, незаметно вышедший на плац. — Если не хотите повиснуть там за компанию.

Полковник Блекберри с каждым днем забирал все большую власть на фактории. Дороти даже подумала, что зря Регина и мистер Джулиан сделали его своим доверенным союзником. Не сегодня-завтра полковник воспользуется своими познаниями, чтобы оттеснить и погубить сегодняшних друзей.

И тут полковник увидел Дороти.

«Господи, опять начинается на меня охота...»

— Так, подсматриваешь? — Блекберри при виде Дороти терял рассудок. — Нет твоего защитника! Уехал мистер Пимпкин на «Дредноут». А ну, иди со мной!

Полковник схватил Дороти за плечо. Она попыталась сбросить его руку. Вокруг были враги! Кто-то в толпе окруживших виселицу зевак громко засмеялся — то ли над усердием полковника, то ли над страхом Дороти, которого она не в силах была скрыть.

— Ты пойдешь в тюрьму! — кричал полковник. — И я тебя вздерну вместе с ними! Или ты хочешь, чтобы тебя сожгли как ведьму?

— Но нельзя же так! За что вы меня преследуете?

Если Дороти надеялась вызвать жалость у зрителей, она ошиблась — клерки и прочая мелкая сошка фактории встретили эти слова взрывом веселья. Видно, виселица как-то из-

менила настроение законопослушных британцев и превратила их в древних римлян, поворачивающих большой палец вниз в знаменитом жесте времен гладиаторских боев: «Добей поверженного!»

Дороти отбивалась как могла, но победить этого жилистого озверевшего мужчину она была не в состоянии.

Полковник тянул свою жертву на газон, к дорожке, которая вела к подслеповатому зданию тюрьмы. Дороти рванулась из последних сил, и полковник отпустил ее — так неожиданно, что Дороти упала.

Но и полковник упал.

Он схватился за ту руку, которой тащил Дороти, и между пальцев его текла кровь.

— Укусила! — крикнул кто-то из зевак. — Она укусила полковника!

Дороти и в голову не пришло кусаться... Но что же случилось?

— Там! — закричал Блекберри, перекрывая шум голосов. — Оттуда стреляли... — Пальцем здоровой руки он показал на могучее дерево Пламя леса, ветви которого, красные от цветов, нависали над бревенчатой стеной фактории.

И Дороти тоже показалось, что она видит человека, который спускается вниз... Вот он исчез за стеной.

— Он стрелял! Это ее сообщник!

Дороти знала только одного охотника в мире, который мог попасть в комара на лету, — Нга Дина. Неужели Бо Пиньязотта все же отрядил сына охранять Дороти?

Милый, милый простак! Он же только сделал хуже! Теперь все на фактории убедились в том, что Дороти связана с бирманцами или какими-то враждебными англичанам силами. И, хоть и раненый, полковник может торжествовать...

И когда Дороти потащили в тюрьму, полковник, радостный и даже веселый, прошел за ней несколько шагов и проговорил ей вслед, обращаясь к толпе:

— Я же предупреждал!

Но тут силы оставили его, и полковник Блекберри опустился на газон.

К нему, вызванный кем-то, уже бежал доктор Стренгл.

Дороти обернулась. На фоне виселицы под висящими толстыми петлями сидел на земле полковник Блекберри, а доктор Стренгл раскрывал свою сумку, чтобы достать корпию и бинт для перевязки его раны.

* * *

Хоть Дороти было больно — ее дергали, толкали, словно хотели убить до того, как она попадет в тюрьму, она вдруг подумала: а ведь ей повезло! Она же сейчас увидит Алекса! Конечно же, ей ведь хотелось попасть в тюрьму!

Дороти благополучно забыла, что ее сегодня собираются повесить, и беспокоилась, входя в тюрьму, хорошо ли она выглядит и понравится ли она Алексу.

Открылась дверь в тюрьму, вокруг были какие-то люди, что-то говорили, почему-то ее хотели обыскивать, и Дороти стала отбиваться от грязных рук, потом чьи-то опытные пальцы вытащили из ее головы булавки — не положено иметь в тюрьме булавки, волосы рассыпались по плечам — что подумает Алекс! — и Дороти оказалась в полутемном помещении с земляным полом, где было душно, жарко и дурно пахло...

Но Дороти сразу узнала Алекса — вон он поднимается с вороха соломы! Узнает ли он ее?

Со скрежетом закрылась дверь в каземат.

Капитан Фицпатрик тоже поднялся со скамьи. Скамья стояла у стола, на нем были кувшин и глиняная чашка.

В удивлении обернулись к Дороти второй штурман, помощник капитана и артиллерист — всех их Дороти отлично знала, несколько недель они встречались почти каждый день.

— Здравствуйте, — сказала Дороти бодрым голосом, и даже для нее самой голос прозвучал фальшиво. Ей пришлось откашляться и повторить приветствие.

— Дороти! — Капитан Фицпатрик не скрывал удивле-

ния. — Вас-то за что сюда бросили? Неужели вы обожгли хозяйку утюгом, когда гладили ее туалеты?

Дороти не поняла, шутит ли худой и еще более исхудавший в темнице капитан «Глории».

Но смех его помощников развеял ее сомнения.

Алекс не смеялся. Он приблизился к Дороти.

— Я испуган, — произнес он, вглядываясь в ее лицо. — Что случилось? Почему ты наказана?

— Я не просто наказана, — сказала Дороти, — меня казнят вместе с вами.

— Полковник Блекберри? — спросил капитан. — Это его интриги? А почему вас не защитит Регина Уиттли?

— Когда она меня защищала?

— Вы правы, — вздохнул Фицпатрик.

И Дороти поняла, что офицеры в эти дни немало обсуждали события недавних месяцев — судьба была к ним жестока и намеревалась нанести им последний удар.

— Расскажите, как он до вас добрался, Дороти? — попросил капитан.

Дороти начала рассказывать. Перед тем как довести рассказ до последних минут, она прервала его и попросила напиться. К счастью, в кувшине осталось немного воды. Ей не хотелось открывать свою тайну — говорить о том, что в Рангуне скрываются лазутчики из Лигонского королевства. Ей не хотелось говорить, что она знает, кто стрелял в полковника.

Поэтому Дороти ограничилась тем, что поведала о выстреле «откуда-то».

— Да, это замечательный предлог расправиться с тобой, — сказал сокрушенно Алекс.

О, как он побледнел и исхудал за эти дни!

— Боюсь, что ваша судьба была предрешена раньше. И если бы не мистер Пимпкин, который вас вчера защитил, то вы разделили бы нашу судьбу еще раньше...

— Что об этом говорить! — вздохнула Дороти. — Он же не раз пытался меня убить... И даже посылал своих подручных...

«Потом расскажу о смерти плотника, — подумала она. — Успею...» И вдруг поняла, что не успеет. Что никогда уже ни-

чего не расскажет милому капитану Фицпатрику или курносому рыжему шотландцу — артиллерийскому офицеру.

— А опасная ли у полковника рана? — с надеждой спросил артиллерийский офицер. — Выживет ли он?

— Боюсь, что рана не опасная, в руку.

— Как жаль, — произнес артиллерист.

— Откуда же стреляли? — спросил помощник капитана.

— Как я понимаю, снаружи, с большого дерева за стеной фактории.

— Жаль, что это был не я, — сказал Алекс. — Я бы не промахнулся.

— Молодые люди, — остановил своих товарищей по несчастью капитан Фицпатрик. — Вам представляется, что если со сцены уйдет один, самый очевидный злодей, то наступят славные времена и восторжествует справедливость. О, какое это заблуждение! Подумайте, главный ли человек в этой интриге полковник Блекберри? Я сам отвечу: отнюдь не главный. Его используют супруги Уиттли. Я в этом убежден. Джулиану Уиттли надо доказать Компании, что в возможном провале похода он не виновен. Его жене требуется доказать, что ее поведение во время плавания было безупречным, а приключения ужасными! И конечно же, полковнику Блекберри важно доказать, что он вел себя безукоризненно, как настоящий лев, а не отсиживался во время боя где-то ниже лазарета.

Слушатели кивали, соглашаясь с Фицпатриком. И хоть его речь предназначалась скорее для Дороти, она поняла, что Фицпатрик повторял эту речь не единожды и что она выражает общее мнение всех узников.

— К сожалению, — продолжал Фицпатрик, — вы, Дороти, тоже плохой свидетель. И конечно же, Регина вас боится. Она понимает, что ваш рассказ о жизни в бирманской семье — неправда. Потому что вы согласились с ее лживыми утверждениями о буре в море и гибели всех остальных пассажиров шлюпки. Она лжет, а вы соглашаетесь с ложью! Зачем? Вы для нее смертельно опасны. И я почти уверен, хотя, может быть, вам горько это сознавать, что именно миссис Уиттли стоит за вашим арестом и решением полковника вас казнить. Теперь

даже Пимпкин вряд ли вас спасет — налицо таинственный выстрел вашего сообщника...

— Сколько времени? — спросила Дороти, сделав вид, что не расслышала последнего слова капитана.

— Одиннадцатый час.

— Они хотят казнить нас перед обедом, чтобы потом с чистым сердцем усесться за стол.

— Два часа? Осталось два часа? — вдруг испугался артиллерийский офицер. Конечно же, его зовут Генри. Генри-артиллерист.

Капитан Фицпатрик опустился за стол. Он склонил поседевшую за последние недели голову и глядел на крышку стола, словно ждал от нее ответа...

— Нет, — сказал артиллерист, — что-то должно произойти...

Дороти взяла Алекса за руку. Рука его была прохладной и сухой. Это хорошо. Это так приятно... Его пальцы сжались, обнимая пальцы девушки. Дороти легонько потянула Алекса в сторону. К счастью, камера была низкой, но обширной. Видно, ее не всегда использовали как тюрьму, порой — как склад для ценных товаров.

Дороти отвела Алекса в угол, где было свалено слежавшееся сено.

— Вы здесь спите? — спросила она.

— Вы угадали.

Дороти села на сено.

Страх, недавно охвативший ее при виде смертельно испуганного артиллериста, куда-то исчез. Спрятался. Он, конечно, вылезет, когда за ними придут, но давайте сейчас вообразим, что нас всего-навсего посадили в тюрьму.

— Давай просто думать, — прошептала она Алексу, — что нас посадили в тюрьму и забыли о нас. И нам даже повезло, что мы оказались в одной камере. Так что, если все отвернутся, ты можешь меня поцеловать.

— Что ты говоришь...

— Тебе не нравятся мои слова?

— Подумай, Дороти, зачем мы будем притворяться... Мне

уже не так страшно умереть самому, но мысль о том, что и ты попала в эту ловушку, совершенно невыносима!

— Алекс, — сказала тогда Дороти, — я давно собиралась тебя спросить: как ты ко мне относишься?

— Я люблю тебя, — сразу ответил Алекс. — Я любил тебя все эти недели, пока не знал, что с тобой, где ты, жива ли ты! Я молил Господа, чтобы он забрал мою жизнь и оставил тебя на земле. И знаешь, когда меня приговорили к смерти, я счел это ответом судьбы на мои молитвы. Да, значит, Небо согласилось оставить тебя в живых...

— Милый! — Дороти погладила его руку. — Какой ты наивный! Неужели ты не знаешь, что Небо не вступает в договоры с людьми? Это — дело дьявола.

Алекс улыбнулся.

Дороти прижалась к нему, подняла голову и поцеловала его в щеку.

И поняла, что щека молодого штурмана горячая и соленая.

— Неужели все мужчины в Польше такие странные? Зачем же плакать, если мы вместе?

— Черт побери! — взревел Фицпатрик. — Я слышал ваши слова, дети мои! Я не могу этого выносить. Слушайте меня, офицеры! Нас пятеро. Пока среди нас не было этой невинной девушки, которая имела неосторожность полюбить нашего Алекса, я готов был пойти на смерть, потому что на самом деле чувствовал вину за то, что «Глория» попала в руки к врагу. Но сейчас я изменил свое решение.

— Говорите, капитан. — Помощник Фицпатрика поднялся с кучи соломы у двери. —Я чувствую, что вы что-то придумали.

— Говорите, капитан! — воскликнул артиллерист, который был готов к любому решению, только чтобы не идти на казнь, как баран.

— Я понял, что раз мы стали жертвой заговора, то наш долг, как офицеров Его Величества, сражаться до последней возможности против врагов трона.

— И что делать? Вы только прикажите, капитан! — потребовал артиллерист.

— Мы должны попытаться дорого отдать нашу жизнь, — сказал капитан. — Когда нас будут выводить, изображайте полное равнодушие и покорность. Я полагаю, что, если нам повезет, они не будут сразу связывать нам руки, как простым преступникам. Тогда у нас будет маленькая надежда разоружить солдат, которые придут за нами, и затем тех, кто стоит у входа. Может быть, если позволит Господь, мы сможем пробиться из фактории... Как только мы вырвемся наружу, у нас появятся шансы...

— Вы предлагаете поднять бунт против Ост-Индской компании и короля Британии? — спросил помощник капитана.

— Нет, мы поднимаем восстание против мерзавцев, которые прикрывают свои грязные делишки именем короля. Среди нас есть мисс Дороти Форест, которая, я надеюсь, тоже сможет выступить королевским свидетелем...

— Я постараюсь...

— Нам нужно будет добраться до Калькутты, а еще лучше — до Лондона, чтобы мы могли дать показания на настоящем, справедливом суде. Я думаю, что мы добьемся справедливости, друзья!

Как много может сделать слово, сказанное в самый безнадежный, черный момент жизни! Только что в каземате находились несколько человек, главным занятием которых было сведение счетов с собственной жизнью, как у обитателей чумного барака.

И тут — перемена! Пятеро офицеров, готовых сражаться, как спартанцы при Фермопилах, стояли в темном каземате, и рядом с ними была отважная юная амазонка, также не страшившаяся вражеских стрел и копий.

— Моряк, — произнес капитан Фицпатрик, уже помолодевший лет на двадцать, — должен всегда размышлять. Каждый бой для моряка — это задача со многими неизвестными. Сухопутный офицер может положиться на устав, нам же устав противопоказан. Мы потерпели с вами поражение, сражаясь с корсаром, как с французским регулярным кораблем. Мы должны победить сегодня, потому что от нас не ждут бунта и нас

недооценивают, так же как мы недооценивали Сюркуфа. Поэтому внезапность на нашей стороне. А значит, нас не пятеро...

— Не шестеро! — воскликнула Дороти.

— Не шестеро, а шестьдесят. К тому же нам будет противостоять не воинская часть и не моряки, а толпа зевак, пришедшая полюбоваться, как мы наложим в штаны в последнюю минуту нашей жизни. А это значит, что нас не шестьдесят, а шестьсот.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул артиллерист.

— А теперь за дело, господа офицеры!

— За какое дело? — спросила Дороти.

— Мы должны придумать, как мы вооружимся. Затем мы должны разработать всю операцию до секунды и дюйма. Кто где стоит, когда за нами входят, кто что делает. Если они будут настолько глупы, что заявятся к нам во главе с фактором, то у нас появится шанс захватить заложников.

— Слушайте!

— Пока из оружия у нас только кувшин, — продолжал Фицпатрик. — Это немного. Думайте, думайте, что еще можно использовать как оружие...

— Там в углу валялась палка под соломой, — сказал артиллерист.

— Так чего же вы молчите! Тащите ее сюда, Генри!

И смерть отступила...

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОКРОВИЩ

В приключенческом романе существует закон: спасение должно прийти к героям ровно за секунду до того, как палач опустит топор или выбьет ящик из-под ног жертвы.

Однако наш роман никак нельзя назвать приключенческим, ибо цель его — неспешное изучение быта и нравов наших далеких предков, а также будней некоторых организаций конца XXI века.

Именно поэтому стремление к жизненной и исторической

правде оказывается куда более важным, чем внешняя завлекательность. И приходится констатировать, что, несмотря на соблазн отправиться по проторенным путям, в нашем романе события разворачивались вовсе не так драматично, как нам того хотелось.

Более того, приходится признать, что Дороти так и не пришлось подниматься на эшафот и подставлять под грубые садовые ножницы палача свои длинные черные волосы, чтобы они не помешали удушить невинную девушку.

До начала казни оставалось еще более часа, и палач из числа сержантов местного гарнизона как бы переставлял посуду на праздничном столе, передвигая куверты из-за того, что ждали дополнительного гостя. А попросту говоря, он менял расположение петель, чтобы уместить на виселице шестую петлю для Дороти.

Несколько зевак еще остались на плацу, глядя на старания палача, но большинство разошлись, потому что к одиннадцати часам солнце поднимается так высоко, что оставаться на открытом месте становится пыткой. Под навесами еще слышны были удары молотков и лязг пил — там изготавливали лафеты и колеса для пушек, а над кузницей чернел столб дыма — там выковывали железные части лафетов. Но работа шла далеко не так весело, как с утра, потому что жара доняла рабочих.

День был тяжелым. Солнце светило сквозь мглу, воздух был напоен влагой, и парило так, словно находишься под крышкой кипящего чайника.

Ворота фактории были приоткрыты, потому что недавно катер с «Дредноута» привез еще три пушки из числа шестидесяти, которые планировал использовать в походе мистер Джулиан Уиттли, а вернее, мистер Пимпкин, который намеревался возглавить поход, в подготовке которого не принимал участия, и украсить себя лаврами завоевателя Пегу. О чем он и совещался сейчас с коммодором Стоуном на борту «Дредноута». Сам мистер Уиттли сидел у себя в кабинете и писал обстоятельный донос на мистера Пимпкина, а также подробное оправдание собственных действий в ходе суда и казни офицеров «Глории». Он намеревался отправить это письмо своей

почтой — через обязанных ему многим армянских купцов, которым, как христианам, он обещал особые блага после присоединения ближней Авы к Британской Ост-Индии.

Птица Регина мучилась от жары, щеки ее стали малиновыми, тело было покрыто потом, следовало бы облиться прохладной водой, но эта подлая Дороти умудрилась подстрелить полковника и угодить в тюрьму, поэтому оставила хозяйку без хорошей горничной, что по меньшей мере подло...

Полковник Блекберри сильно страдал, лежа на своей койке.

Он просил доктора Стренгла дать ему опия, к которому давно уже имел пристрастие, но доктор все тянул и не выполнял просьбы раненого. Правда, он уже трижды предлагал полковнику достать сколько угодно опия, если тот выпустит из тюрьмы Дороти и отменит свое распоряжение о ее казни. Но полковник предпочитал страдать, но от жертвы не отказывался.

Именно в эти томительные минуты на широкой дороге, что тянулась вдоль реки, по направлению к фактории двигался громадный клуб пыли. Если бы вам удалось заглянуть внутрь этого клуба, вы увидели бы, что пыль поднята копытами нескольких десятков могучих буйволов, которые брели к фактории. Все буйволы были в упряжи, но без повозок. За буйволами, укрываясь в облаке пыли, двигались несколько слонов, но никто не мог бы разобрать, рабочие это слоны или боевые, так плотна была пылевая завеса.

Несколько пастухов шли цепью вокруг буйволов, покрикивали на них, не давая кинуться к реке на водопой, чего буйволам хотелось более всего.

Шум от движения этого стада был значителен, но он не вызывал тревоги у солдат, что охраняли ворота, потому что это был мирный шум, подобный жужжанию мух, стрекоту рисорушки или мычанию стада коров.

Солдаты были убеждены, что стадо буйволов минует ворота фактории и пойдет дальше. Но не тут-то было. Буйволы сгрудились у ворот и, подгоняемые пастухами, повернули внутрь фактории.

Солдаты отступали перед буйволовой стеной и кричали, полагая, что это происходит по глупости пастухов.

Все больше и больше буйволов вторгалось внутрь фактории. К солдатам уже бежал начальник караула, возмущенный этим зрелищем.

— Да скажите кто-нибудь этим идиотам! — кричал он. — Если они не уберут свое стадо, я буду стрелять! Это же территория британской короны!

Но буйволы уже заполнили всю площадь перед навесами и складами, и первые начали пробиваться в следующий двор, к плацу с виселицами.

На помощь караулу, рассеянному буйволами, из казармы выскакивали сипаи, ошарашенные от неожиданности, размягченные тупой влажной жарой, они еле волочили ружья и все еще не решались стрелять, не понимая, кто же их враг.

Лейтенант Стюарт, выбежавший из своей комнаты в панталонах и белой сорочке, сжимая в руке шпагу, попытался собрать солдат, и тут прогремел первый выстрел.

Никто не догадался сначала, что стреляют с небольших площадок, укрепленных на спинах слонов.

Слоны оказались боевыми.

Славный, веселый лейтенант Стюарт упал бездыханным, потому что Нга Дин мог попасть на лету в комара.

Этот выстрел и шум буйволового стада донесся до заключенных в тюрьме и заставил их замереть, прислушиваясь.

Между тем все новые сипаи выбегали на плац, но стадо буйволов — настолько необычный враг, что солдаты, тем более не ожидавшие вообще нападения, потому что день должен был быть посвящен великому развлечению — публичной казни, при виде направленных на них рогов и сплоченности колонн противника растерянно отступали.

Закричала, призывая к бою, труба — с запозданием английская фактория принимала меры к обороне. Старалась организовать оборону. За складами, на газоне, майор Спрингфильд останавливал солдат, выбегающих из казармы, чтобы построить их и только затем отправиться в бой, над центральным зданием фактории на мачте поднялся флаг, призывающий на помощь «Дредноут» — флаг обозначал крайнюю опасность, в которой оказалась фактория. Впрочем, откуда при-

шла опасность и что она собой представляет, еще никто в фактории не знал.

Между тем пастухи, число которых все время увеличивалось и которые оказались вооружены пистолетами и кривыми мечами, носились по дворам, навесам, под навесами, по мастерским, складам и даже комнатам клерков, производя страшный шум, стреляя, круша мебель, убивая всех, кто посмел сопротивляться, и выполняя при том приказ их вождя — любой ценой отыскать и привести наследную принцессу Лигона ее светлость Ма Доро, безжалостно уничтожив любого, кто посмеет этому помешать.

Так как никто в фактории не знал лигонского языка, то крики, обращенные к принцессе, которыми был буквально наполнен воздух, как бывает он наполнен птичьим щебетом в утреннем ласковом лесу, никому ничего не сказали и были многими приняты за воинственный клич диких пастухов...

Дороти, стоявшая рядом с Алексом, держа его за руку, и слушавшая крики, топот и выстрелы за дверью, вдруг различила в криках свое имя. Может ли так быть?

— Я здесь! — закричала Дороти по-лигонски. — Я здесь!

И тут же она осеклась.

Ее товарищи по несчастью с удивлением посмотрели на нее.

Дороти поняла, что наступил момент раскрыть свою тайну, ибо хуже всего потерять доверие близких людей в такой тяжелый момент.

— Так чего же ты молчала! — воскликнул капитан Фицпатрик. — Ты говори, что там происходит? Ты хочешь сказать, что бирманцы ворвались в факторию?

— Этого еще не хватало! — расстроился его помощник. — Из огня да в полымя. Они же нас не пощадят.

— Наверное, они пронюхали, что Уиттли замыслил небольшой победоносный поход, — сказал артиллерист.

— Это не бирманцы, — сказала Дороти.

— Так кто же?

— Это лигонцы.

— А кто такие лигонцы?

За дверью в комнате охраны, где находился караул тюрьмы, раздавались взволнованные голоса. Начальник караула никак не мог решить, отсиживаться ли здесь и, рискуя попасть в ловушку, охранять осужденных или попытаться выбраться наружу и вступить в бой.

Шум, производимый караульными, заглушил крики снаружи.

Дороти ничего не могла объяснить офицерам.

— Лигонцы — враги бирманцев, — сказала Дороти.

— Так чего же им на нас нападать? — не понял Алекс.

— Им нужны пушки, — ответила Дороти.

— Им нужны наши пушки?

— Да, чтобы защищаться от бирманцев.

— У меня голова идет кругом! — сообщил Фицпатрик. — Кто на кого нападает, кто кому враг, кому нужны пушки...

— Да не в этом дело! — закричал Алекс. — Неужели вы не понимаете, что для нас важен только один вопрос — вздернут нас на виселице сегодня к обеду или кто-то может этому помешать!

— Молодец, Алекс, — поддержал его артиллерист. — Мне плевать, кто на кого напал! Сожгите виселицу, и я поставлю свечу в первой же церкви, до которой доберусь.

— Так что они кричат? — спросил Фицпатрик.

— Я не слышу. Вы можете подсадить меня к окошку?

Низкое маленькое окошко находилось под самым потолком. Оно было забрано решеткой, с земли до него было футов восемь.

В мгновение ока узники подвинули к стене стол, на стол вскочили Алекс и артиллерист. Они помогли взобраться на стол Дороти и, схватившись руками, образовали ступеньку, на которую взобралась Дороти. Еще через несколько секунд она уже могла выглянуть наружу.

— Там пыль, — сообщила она ожидающим вестей пленникам. — Там бегают люди... почему-то там буйволы, много буйволов... Я вижу слона, ой, он топчет солдат! И падает... его застрелили! Идет другой слон...

Тут Дороти прервала свой рассказ, потому что из пыли и дыма выскочили несколько лигонцев в боевых доспехах.

Они бежали к тюрьме.

Лигонцы остановились в нескольких шагах от тюрьмы, и один из воинов закричал:

— Принцесса Ма Доро, отзовись! Принцесса Ма Доро, ты где?

«Это же относится ко мне», — поняла Дороти.

— Я здесь! — закричала девушка. Она просунула руку сквозь решетку и помахала ею, привлекая внимание воинов. — Я заперта здесь с моими друзьями! Освободите нас!

Воины услышали ее крик. Радостная улыбка появилась на лице их предводителя.

— Принцесса Ма Доро, ты жива!

Наверное, она видела этого воина раньше, зато он-то наверняка видел принцессу.

— Осторожнее! — крикнула принцесса воину. — Там в дверях есть охрана. У них ружья.

— Сколько их? — спросил воин.

— Я думаю, что человек пять или шесть...

Как бы в подтверждение слов Дороти, из комнаты охраны раздалось несколько выстрелов. Один из воинов схватился за плечо, он был ранен. Остальные прыснули в разные стороны.

— Ну что там? — спросил артиллерист. — Рассказывай же!

— Опустите меня, — сказала Дороти. — Меня видели и узнали.

— Как узнали? — спросил Фицпатрик с недоверием.

— Я потом расскажу, у нас нет времени! Сейчас начнется штурм нашей тюрьмы. И нас освободят.

— Почему вас узнали? — повторил капитан Фицпатрик.

— Да потому, что я из того же племени! Неужели вы не поняли?

— Поэтому ты знаешь их язык?

— Я знаю их язык. Моя мама научила меня! — повторила Дороти. Никак не могли англичане это уразуметь.

— Зачем вам знать их язык?

— Господи! — взмолилась Дороти. — Ну как можно быть таким занудным?

Капитан обиделся и осекся. Артиллерист засмеялся.

— И в самом деле! Дайте им нас освободить. Хотите, мы снова вас поднимем? А то ваши друзья медлят.

— Нет, — возразил Алекс. — Сейчас там будут стрелять. Я не хочу, чтобы Дороти подвергала себя риску.

Дороти увидела, как усмехнулся помощник капитана, но была благодарна Алексу за то, что в такой момент он думает о ней.

Снаружи раздался тяжелый тупой удар.

— Что это? — спросила Дороти.

— Я думаю, что они решили выбить наружную дверь, — сказал капитан. — Но лучше бы они выстрелили по ней из пушки. Тараном ее не возьмешь.

Дороти подумала, что капитан уже переживает за лигонцев, словно они пришли освобождать именно его.

— Они не будут стрелять из пушки, они побоятся навредить нам, — сказал артиллерист.

Удар повторился. В ответ на него послышались выстрелы.

— Стража отстреливается сквозь бойницы.

Вдруг все здание содрогнулось...

Снаружи послышался громкий треск, удары, крики, серия выстрелов...

Затем, после короткой паузы, нечто могучее ударило во внутреннюю дверь тюрьмы, и та послушно упала внутрь, в камеру.

Узники с удивлением увидели громадную голову боевого слона, на которую было надето защитное устройство, подобное шлему с толстым металлическим рогом, как у единорога, — именно лбом, оснащенным таким тараном, слон взломал дверь...

Слон не стал входить внутрь, а по команде погонщика отступил.

Тут же стало видно, что в комнате охраны лежат тела солдат. Солнце, сияющее снаружи, осветило поле битвы и ударило в спину невысокого стройного человека, облаченного в

кольчугу и позолоченный шлем, украшенный шишаком и снабженный полями подобно шляпе. На груди этого человека сверкала позолоченная морда тигра, в руке он держал меч. За ним в каземат вбежали несколько воинов с пистолетами и ружьями.

— Ма Доро! — воскликнул от двери предводитель лигонцев. — Ты жива!

Воины, вбежавшие в каземат, пали ниц и, распростершись на полу, замерли. Это не значит, что в Лигоне столь развиты монархические чувства, просто иначе воины не могли выразить радость.

Английские офицеры были потрясены настолько, что потеряли дар речи.

Воин в золотом шлеме сделал несколько шагов вперед. Дороти добежала до него, обняла и заплакала, смеясь...

— О дядя, мой дорогой дядя! Ты спас нас? Как ты успел!

— Мне донесли, что тебе угрожает смерть, — сказал Бо Нурия. — Мы поспешили... Ну, это было нелегко! Представляешь, мы гнали целое стадо буйволов, которых закупили вокруг Рангуна. — Король засмеялся, воины вторили ему, поднимаясь с пола и окружая принцессу.

— Зачем? — спросила Дороти.

— Во-первых, затем, чтобы вывезти отсюда пушки, а во-вторых, для того, чтобы англичане сдали нам факторию. Они ведь ждали нападения от людей, но совсем не ждали нападения от племени буйволов.

И король Лигона заразительно засмеялся. Смеялись воины, засмеялась принцесса Ма Доро, и, еще не понимая ничего толком, но уверенные в том, что виселица им более не грозит, засмеялись англичане.

— Пошли, — сказал король, кладя руку на плечо любимой племянницы.

— Пошли, — сказала Дороти англичанам. — Там теперь безопаснее.

Все еще настороженные, англичане медленно последовали за лигонцами. Обходя тела убитых солдат, они жмурились от бившего в глаза солнечного света, от которого давно отвыкли.

— Что они делали? — спросил артиллерист. — Дороти, почему они так бухнулись перед тобой? За кого они тебя приняли?

— И кто этот мужчина в позолоченной сковородке? — с ревностью в голосе спросил Алекс. — Почему ты его обнимала?

— Я вам все объясню, — сказала Дороти. — Сейчас я только могу сказать, чтобы вы не удивлялись... Ничего удивительного в этом нет...

— Не стесняйся, — мрачно произнес Алекс. — Не стесняйся, мы тебя не съедим.

— Ну, хорошо, только не смейтесь... Дело в том, что я принцесса королевства Лигона, а освободил нас мой дядя — король Лигона.

Потрясенные англичане смотрели на служанку миссис Уиттли, а Алекс только и смог вымолвить:

— Еще этого мне не хватало!

* * *

На плацу, стоя на помосте под виселицей, что придавало всей сцене жуткий, зловещий оттенок, король Лигона творил суд, ибо сопротивление фактории, вспыхнув, так и не разгорелось. Оказалось, что по-настоящему организовать сопротивление хитро задуманному нападению лигонцев было некому. Тем более что половина солдат и матросов, составлявших тот отряд, который намерен был сокрушить бирманцев в Рангуне, оставались на «Дредноуте», лишенные, правда, артиллерии. Там же был и мистер Пимпкин, в критический момент оказавшийся отрезанным от фактории. Полчаса назад они с коммодором попытались организовать десант и вернуть факторию, но стрелки Бо Нурии находились в выгодном положении, будучи растянуты по высокому берегу. Так что ни одна из шлюпок до берега не добралась и все, кроме одной, перевернувшейся, возвратились на корабль.

Бо Нурия стоял на помосте, над ним покачивались петли, шесть петель, — одна для его любимой племянницы Ма Доро. А на Востоке не прощают такого оскорбления царствующему дому. Кинув взгляд на петлю, король Лигона перевел его на толпу пленных. Даже в ней побежденные стояли по чинам, не

смешиваясь. Впереди — офицеры, некоторые с женами, которые решили разделить участь своих кормильцев, среди них и полковник Блекберри, которого поддерживал доктор Стренгл, далее понуро стоял мистер Джулиан Уиттли, который лицезрел сегодня крушение всех своих жизненных планов и надежд, рядом с ним, настороженная, нахохленная, стояла Регина, вытирая локтем пот, катившийся по крутому лобику. К фактору жались служащие и клерки Компании, англичане и англоиндийцы, которым англичане всегда доверяли больше, чем туземцам. Наконец, далее, сгрудившись, но не смешиваясь, стояли английские моряки и солдаты и индийские сипаи. В отличие от командиров, ни те ни другие, раз уж бой закончился, не испытывали страха за свою судьбу и ждали, чем кончится это стояние на жаре, после чего можно будет удалиться в казарму и ждать решения своей участи.

Король поднял руку, призывая всех замолчать. Низкий неразборчивый гул постепенно прервался. Король поманил к себе молодого индуса, который служил у него переводчиком. Индус покинул группу лигонцев, стоявшую у помоста лицом к англичанам. В той группе были Бо Пиньязотта и его глухонемой сын, несколько придворных в латах и боевой одежде, с лицами, расписанными полосками — знаком войны. Раньше мужчины в Лигоне татуировали на щеках и на лбу знаки рода и знаки войны, но теперь их рисовали только во время похода, ведь татуируются лишь дикие люди гор!

Пока индус поднимался на помост, Бо Нурия отыскал глазами свою племянницу и улыбнулся ей.

Дороти и ее сотоварищи по тюрьме стояли отдельно ото всех в стороне, под навесом замолчавшей кузницы. Этим они как бы отделились от англичан, которые их хотели убить, и от лигонцев, которые все же, что ни говори, были туземцами, да и сами не звали англичан присоединиться к ним.

Бо Нурия заговорил, и индус начал переводить его речь на английский язык:

— Я, король Лигона и повелитель трех тысяч белых слонов, — произнес Бо Нурия, — пришел в Рангун взять у фе-

ринджи пушки, которые нужны мне, чтобы не пустить моего соседа короля Авы в мои земли. Я взял пушки.

Бо Нурия сделал рубящий жест правой рукой — с пушками было покончено. Хотя Дороти было ясно, что лигонцам предстоят нелегкие дни. На плац долетали шум и даже раскаты отдаленного грохота — лигонцы запрягали буйволов и слонов, чтобы тащить сорок готовых к пути пушек поперек равнины, далее в горы, за Пегу. В пути следовало отбиваться от рангунского и пегуанского гарнизонов, которые будут подняты бирманцами, чтобы остановить Бо Нурию, а также преодолевать размокшие от дождя дороги.

Но это — завтрашний день. Сегодня лигонский король — победитель. Его смелый план удался.

— Я хотел сказать, — продолжал король, — что в моем государстве хорошая жизнь. Мы много платим мушкетерам и артиллеристам, которые нам служат. Если английские артиллеристы и офицеры согласятся поехать с нами, то я обещаю, что вы будете получать жалованье вдвое большее, чем платит вам английский король. Когда же вы захотите уехать, мы не будем чинить вам препятствий...

— А может, это выход? — прошептал стоявший рядом с Дороти артиллерист.

— Вы же британский офицер! — возразил Фицпатрик.

— Мне так не нравится висеть вон так...

Король, как будто послушавшись артиллериста, тоже поднял голову, глядя на петли.

— Мы не хотели никому зла. Мы взяли пушки и уйдем, — продолжал он. — Мы даже просим прощения у тех, кому мы нанесли вред или кого убили. Но вы — плохие солдаты, раз вы пустили в крепость стадо буйволов. Так воевать нельзя.

Из цепи лигонцев, оцепивших помост, донесся смех.

— Когда вы будете воевать с Авой, запомните это.

Смех повторился.

Но среди англичан он не нашел отклика. Они хранили мрачное молчание. Даже среди сипаев и солдат, до того вполголоса обсуждавших предложение короля о поступлении к нему на службу, наступила тишина.

— Мне надо уходить, — сказал король. — Мы свое дело сделали. Нам предстоит большая дорога. Но все же мне придется еще задержаться...

Король ждал, пока индус переведет его слова, и глаза его непрестанно шарили по толпе, искали кого-то.

— Вы, оказывается, не очень дружно живете. Как скорпионы в банке, вы жалите друг друга. Вы сегодня так хотели посмотреть на смерть собственных офицеров, что забыли закрыть ворота и пустили меня к вам в гости. Если в одном войске офицеры казнят офицеров, это значит, что в нем нет согласия и оно будет побеждено даже слабейшим, но я не стал бы говорить об этом, если бы вы не решили казнить невинную девушку, почти девочку, потому что ее невзлюбил главный палач англичан. Тот самый, который устроил казнь своих же офицеров. Я думаю, что человек, который устраивает суд над своими товарищами и получает удовольствие, стараясь убить девушку, — это зверь, ядовитая змея, которой нет места на этой земле. Где он, этот убийца?

— Туда ему и дорога, — прошептал помощник капитана.

— Я давно это предлагал, но не вслух, — поддержал его артиллерист.

— Вы забываете, господа, — возразил Фицпатрик, — дело идет о жизни высокопоставленного британского офицера. Мы должны вспомнить, что мы — патриоты.

— А он вдвое больший патриот, чем вы, капитан, — заметил Алекс.

Наконец король отыскал в толпе полковника.

— Пускай он придет сюда, — сказал король, — и сам выберет себе петлю. Он хотел погубить шестерых, нам достаточно его одного.

Полковник двигался с трудом. С одной стороны его поддерживал доктор Стренгл, с другой — один из клерков. Тонкие ноги в обтягивающих панталонах и белых измазанных чулках подкашивались и заплетались...

Король ждал, толпа на площади молчала — в каждом проснулся зевака, каждому было интересно, чем же кончится представление. Благо теперь оно касалось только полковника

Блекберри, и никого более. А тем временем взгляд короля встретился со взглядом Регины Уиттли.

Регина искала взгляд победителя. Самой природой она была предназначена для того, чтобы становиться добычей победителя, и, как уже известно, горе победителю, которому она решила отдать самое дорогое, что у нее было, — девичью честь.

Птичьи, прозрачные, словно наполненные голубой водой, глаза молодой женщины вцепились в зрачки короля и так потянули их к себе, что тот пошатнулся и чуть было не потерял равновесия... С громадным трудом Бо Нурия оторвал свой взгляд от Регины и обратил его к полковнику, взобравшемуся на помост.

— Я могу предоставить этому господину, — сказал король, — право выбора. Он может выбрать для себя любую из петель, которые он подготовил для других людей. Я думаю, что это справедливо. Справедливо?

Обращение короля к толпе вызвало утвердительный гул, и Дороти показалось, что голоса доносились и от английской половины аудитории.

— Я не хочу, — прохрипел полковник. — Вы не имеете права... вы будете жестоко наказаны!

— Переведи, что он сказал, что там бормочет эта гусеница? — потребовал Бо Нурия.

— Он грозит вам, — ответил индус.

— Чем грозит он мне? Именем Бога или силой людей?

— Ты будешь сам болтаться на виселице, ты никуда не уйдешь...

— Он грозит всеми именами, — не дослушав монолога полковника, сказал индус.

Индус очень плохо говорил по-английски, его трудно было понимать. Но слов он знал много.

— Я думаю, что ему лучше всего подойдет петля, которую он приготовил для принцессы, — сказал король.

И показал на крайнюю петлю. Но когда по знаку короля на помост вскочили три воина во главе с Нга Дином и, оттолкнув доктора и клерка, потащили полковника к петле, тот начал биться и визжать, как перепуганный младенец. Рана на руке,

перевязанная кое-как, открылась, и кровь полилась на помост.

— Нельзя! — закричала Дороти. — Не надо!

Никто не слушал ее.

— Нельзя! Пожалуйста, пожалейте его!

— Черт с ним, — сказал ей на ухо Алекс. — Он же столько сделал дурного. Он неисправим.

— Не надо! Он думал, что так надо!

— Я лучше знаю, Ма Доро, — услышал ее наконец король. — Но правосудие должно быть свершено. Этот человек не раз пытался убить тебя. Ему нельзя оставаться в живых.

Но что-то смущало короля. Он не был до конца уверен в том, что поступил правильно, хотя королей отличает от простых смертных именно умение не сомневаться.

Взгляд короля, и не в первый раз, скользнул к несчастной миссис Уиттли. Миссис Уиттли глубоко вздохнула, и ее платье треснуло под напором изумительных по полноте и высокому сорту яблок. Видя, какое впечатление это зрелище произвело на короля, она чуть заметно кивнула, показав на полковника. Она одобрила решение короля!

Королю было невдомек, что, повесив полковника, по общему мнению, верного союзника и сторонника Регины, король исполнит ее страстное желание избавиться от всех свидетелей — от всех, и в первую очередь от самого опасного — мистера Блекберри.

А после ее жеста всякие сомнения у короля пропали. Недаром эта могучая тугая птица одобрила его решение...

Дороти зарыдала и спрятала лицо на груди у Алекса.

Он прижал ее голову к груди.

Воины отошли от виселицы, полковник схватился за петлю, стараясь растянуть ее.

Нга Дин вышиб из-под его ног ящик, но полковник все еще держался за петлю и извивался, стараясь оттянуть свою смерть.

И тогда стоявший у помоста старый воин Бо Пиньязотта поднял пистолет и выстрелил полковнику в сердце — генерал не любил, когда люди или животные мучились перед смертью.

* * *

Буйволовые упряжки бесконечной чередой выползали из ворот фактории и тянулись вдоль берега на восток, мимо пакгаузов и навесов, мимо причалов, мимо китайской улицы к дороге, которая ведет к Джогону и дальше к горам.

Впереди были слышны частые выстрелы — авангард лигонского отряда пробивал дорогу сквозь бирманские заслоны, к счастью, недостаточно плотные и организованные. Бирманцы до сих пор не смогли сообразить, с какой целью лигонцы совершали такой необдуманный набег — не намеревались же они удержать порт?

На территории фактории еще продолжалась суета — на подводы и в повозки грузили порох, ядра и иную военную добычу. Правда, народу во дворах фактории поубавилось, потому что те из солдат и служащих, кто не захотел присоединиться к отряду лигонцев, были заперты кто в тюрьме, кто в главном пороховом складе, там было тесно и душно, но король не хотел рисковать — благо что сидеть-то им оставалось часа два, не больше.

Дороти в сопровождении Алекса пошла к себе в комнату.

Разговоры закончились. Результаты их можно было предугадать, хотя недавних узников они не радовали — их разводили жизненные дороги, и настолько резко, что, вернее всего, больше им не удастся увидеться.

Разлука навечно подобна смерти, и, как ни странно, победил полковник, чье тело мерно покачивалось на виселице под ударами налетевшего с океана ветра, а сюртук блестел, разбухнув от ливня.

Когда Дороти бежала через плац к своему дому, она увидела тело полковника, и у нее сжалось сердце от чувства вины перед этим пожилым и неласковым человеком. Она подумала, что он так и не вылечил руку — и эту рану он тоже получил из-за Дороти.

Из всех узников трое уходили с отрядом Бо Нурии, а трое избрали иную долю: Фицпатрик, его помощник и старший штурман предпочли разделить участь остальных обитателей фактории. Фицпатрик был убежден, что теперь, после смерти

Блекберри, их приговор будет пересмотрен, благо что Джулиана Уиттли вряд ли теперь можно рассматривать как достойного председателя суда и свидетеля обвинения, ведь Компания никому и никогда не прощала трусости и очевидной бездарности. А ведь в эйфории от ожидавшейся казни Уиттли и другие офицеры проморгали небольшой отряд дикарей, который смог обезоружить и ограбить факторию. Вся Ост-Индия теперь будет смеяться над рангунскими стратегами... В любом случае Фицпатрик предпочел риск повторного суда измене Империи и Компании, а именно так он рассматривал поступок артиллерийского офицера. Правда, как джентльмен, который не смог в свое время спасти своих подчиненных от плена и из-за которого они оказались в тюрьме и на краю гибели, он не считал себя вправе навязывать свою волю молодым офицерам. Он лишь опечалился, узнав, что артиллерист уходит в армию Бо Нурии, вступая на неверный путь белого наемника в туземной армии. Он был огорчен и тем, что Алекс согласился остаться здесь с Дороти.

— Но простите, капитан, — отвечал на его уговоры Алекс, — я допускаю, что вас, возможно, и оправдают, хотя вряд ли вам снова доверят командование компанейским судном. Но вы англичанин, из хорошей семьи, у вас есть в Англии свой дом и друзья. Я же — везде изгой. Меня из милости приняли на флот Его Величества, но, раз я эмигрант, ко мне всегда относились с недоверием. Что же будет дальше? Карьера моя погублена, мне не найти даже место сержанта... При первой же возможности меня как иностранца, уже приговоренного к смерти, будут считать преступником.

— Но Дороти...

— Ведь не Дороти остается со мной, — улыбнулся штурман, который даже в такой момент оставался разумным и рассудительным молодым человеком, начисто лишенным польской вспыльчивости и заносчивости, — а я остаюсь с Дороти. Вы забыли, что теперь для меня честь — считаться поклонником самой настоящей принцессы.

— Для меня важнее то, — откликнулась Дороти, — что ты

обратил на меня внимание, когда я была всего-навсего горничной.

Алекс пожал плечами. Он не настолько знал английский язык, чтобы быть уверенным, шутит ли его возлюбленная.

— Вы останетесь... в горах? — спросил Фицпатрик, стараясь избегать выражений, которые могли бы обидеть принцессу. Капитан понимал, что никогда не сможет считать Дороти принцессой, и жалел гордого поляка, который вряд ли уживется в горном королевстве на роли принца-консорта.

— Вряд ли, — осторожно ответил штурман. И Фицпатрик понял, что ход мыслей штурмана схож с рассуждениями его капитана.

На этом разговор закончился. Но в любом случае Дороти и Алекс решили уйти из Рангуна вместе с отрядом Бо Нурии. Неизвестно, где будут искать виноватых мистер Джулиан Уиттли и его коварная супруга. Но казнь полковника Блекберри, без сомнения, припишут вредному влиянию Дороти и возвратят их с Алексом в тюрьму. Два чужестранца — чем не компания для заговора?

...Дороти первой поднялась на веранду дома фактора. Его самого Дороти встретить не боялась — она видела, как фактора провели в тюрьму, и он ничем не показал своего недовольства. Похоже было, что он даже испытывает удовлетворение от такого исхода его стояния перед эшафотом. Ему было достаточно уже того, что не пришлось составить компанию полковнику.

Уборщик, который стоял на веранде, при виде Дороти спрятался, потому что сама горничная и офицер, сопровождавший ее, бежали так быстро и были так взволнованы, что бедному китайцу лучше было к ним не соваться.

Дороти пробежала по коридору в свою комнату.

— Здесь я жила, — сказала она. — Но недолго.

Дороти открыла свой истертый сундучок и принялась кидать в него платья, юбки и иной незамысловатый скарб, которым большей частью поделилась с ней миссис Уиттли.

Зеркало должно было лежать в шанской сумке, как и мешочек с рубинами, которые ей дал дядя на дорогу до Рангуна. Конечно же, Регина не солгала — ни рубинов, ни зеркала на

месте не оказалось. И понятно почему, ведь Регина и не скрывала своего убеждения в том, что паршивой служанке не положено владеть такими богатствами.

Дороти объяснила все Алексу.

— Отлично, — сказал он. — Войдем к ней, пока миссис Уиттли сидит в тюрьме, и возьмем то, что тебе принадлежит.

— Разумно, — согласилась Дороти, делая вид, что небо, а не она сама, подтолкнуло Алекса на такое смелое решение.

Дороти отдала Алексу свой сундучок, а сама первой вышла из комнаты, намереваясь посетить спальню госпожи. Она знала, где хранится шкатулка, в которую Регина складывала любимые штучки, — ее любимая птичья ухоронка.

Но, выйдя в коридор, Дороти услышала в спальне Регины шум и замерла, призывая Алекса жестом к молчанию.

— Там кто-то есть, — прошептала она.

— Еще чего не хватало! — Алекс испугался, что грабитель опередит их.

Отстранив Дороти, он первым поспешил к двери в спальню и смело раскрыл ее, потому что не сомневался, что увидит либо горца, либо кого-то из слуг.

Но взвизгнула, оборачиваясь, сама госпожа Уиттли.

Это она кидала в сундук свои платья и прочие ценности.

А у стены в ожидании, когда кончится эта процедура, возвышался скучный с виду Нга Дин.

— Ах! Я так испугалась, что это Джулиан! — вырвалось у Регины.

— Нет, это всего-навсего я, — ответила Дороти, входя в комнату вслед за Алексом.

— Ах, это ты!

Наступила неловкая пауза. Регина первой нарушила ее.

— Со мной случилась беда, — произнесла она плачущим голосом. — Я опять попала в плен...

Несмотря на удрученный тон, глазки птицы сверкали от предвкушения славного приключения. И у Дороти не было никаких сомнений в том, что ее милый наивный дядя, которому в жизни не приходилось видеть такого пышного бюста,

как у Регины, покорно согласился на роль обольстителя и похитителя.

— Мне так будет не хватать твоих рук, я бы хотела, чтобы ты возвратилась ко мне... Хотя, наверное, это невозможно?

— Невозможно, — ответил за Дороти Алекс.

— Ах, да, — рассеянно произнесла Регина. — Вы, наверно, ее кавалер?

Регина не выносила чужих мужчин, она или отбирала, или уничтожала их.

— Миссис Уиттли, — официально заявила Дороти, — вы взяли у меня старое серебряное зеркало, которое ничего не отражает, и мешочек с рубинами. Возвратите их.

— У меня ничего нет! — быстро воскликнула Регина.

— Я даже знаю, где они у вас спрятаны, — сказала Дороти и сделала шаг к шкафу.

— Это грабеж! — завопила Регина, совершенно забыв, что Дороти более не ее служанка. — Немедленно уйди отсюда, а то я засажу тебя в тюрьму, паршивка! Солдат, — последнее относилось к обалдевшему от этой сцены Нга Дину, — немедленно схвати эту воровку!

Указующий перст миссис Уиттли уперся в грудь Дороти. От такого напора Алекс замер и даже отступил. Нга Дин, ничего не понимая, обернулся к Дороти. Губы глухонемого двигались в попытке произнести слова. Дороти заговорила медленно и отчетливо, чтобы Нга Дин мог разобрать слова по движениям губ.

— Не волнуйся, друг, — говорила Дороти по-лигонски. — Эта глупая женщина — моя должница. Я возьму у нее мои вещи и уйду.

Нга Дин радостно замычал — теперь ему все было понятно, и он успокоился.

— Давайте, — обернулась Дороти к миссис Уиттли. — Быстро! Доставайте шкатулку! Нга Дин не будет долго терпеть.

— Еще чего не хватало!

— Миссис Уиттли, я говорю с вами как принцесса Лигона и повелительница этого солдата и других солдат. Если вы хотите остаться в живых, то подчиняйтесь мне.

— Да не надо звать солдат, я сам ее выпорю, — сказал Алекс.

Регина только поморщилась. Она напряженно шевелила птичьими мозгами.

— Господи! — радостно закричала она. — Как же я забыла! Дороти, милая, принцессочка моя, тут у меня остались твои вещицы, я взяла их на сохранение и думала — скорее бы вернулась моя милая подружка...

Регина по пояс залезла в шкаф и с трудом вытащила шкатулку. Шкатулка была тяжелой, наполненной доверху. В ней лежали вещи ценные вперемешку с барахлом — алмазные серьги и золотые цепочки, сапфиры и рубины, стеклярусные бусы и бисер для обмена с туземцами. Регина никогда не могла отказаться от того, что блестит. Нга Дин с восхищением истинного дикаря глазел на шкатулку, поражаясь богатству этой белой госпожи.

Со вздохом Регина достала зеркало, но мешочек никак не могла отыскать.

— Скажи, пожалуйста, — спросила она, — а в государстве твоего дяди много рубинов?

— Найди мой мешочек, — сказала Дороти, — и я тебе отвечу.

— Честно?

— Между нами всегда и все было честно, правда?

Тут же Регина отыскала заветный мешочек и, пересилив себя, протянула его Дороти. Дороти передала мешочек Алексу.

— Никогда бы не доверялась мужчинам, которых только что выпустили из тюрьмы, — мстительно заметила миссис Уиттли.

— Я сама только что вышла из тюрьмы, — напомнила бывшей хозяйке Дороти.

— Ну, в отношении тебя была допущена ошибка. Я так и сказала мистеру Блекберри... — Тут Регина осеклась и замолкла.

— А что касается драгоценных камней, — сказала Дороти, — то в Лигоне есть богатейшие копи, более богатые, чем копи царя Соломона.

Дороти взяла зеркало и посмотрела в него. В зеркале клубился туман, сквозь который можно было угадать смутные черты миссис Уиттли. Как поняла Дороти подсказку зеркала, Регина рада была бы перегрызть глотку своей горничной, но никогда не посмеет этого сделать.

* * *

Пока арьергард отряда под командованием Бо Пиньязотты отбивал опоздавшие и бессильные атаки бирманцев, король Бо Нурия сделал привал у подножия первого из холмов горной гряды Пегу-Йома. Он стоял на постаменте старинной полуразрушенной статуи возлежащего в нирване Будды и с чувством землепашца, который славно вскопал свое поле, смотрел, как мимо тянутся буйволовые упряжи, везущие драгоценные пушки.

Прекрасная птица — его невольница и жертва миссис Уиттли — сидела на невысокой скамеечке у его ног. Когда король отрывал взгляд от артиллерии, он обращал его к невольнице. Невольница поглаживала короля по затянутому в кожаные латы колену.

— Мне так трудно, — сказала Регина, и индус устало перевел ее слова, — мне хочется, чтобы между мной и моим повелителем было полное понимание. Но не могу же я все время говорить через этого идиота! Пускай мистер Нурия сделает моей переводчицей милую Дороти. Тем более что она привыкла быть моей горничной и с радостью мне поможет.

Услышав перевод, король крайне удивился, но спросил у стоящей на том же постаменте Дороти:

— Это так, моя девочка?

— Мой царственный дядя, — ответила Дороти. — Я не могу вмешиваться в твою жизнь и в твои всегда мудрые решения. Но умоляю тебя, как самый близкий к тебе человек...

Индус начал переводить, но Дороти остановила его взмахом руки, и индус с облегчением подчинился ей.

— Я умоляю тебя быть осторожным с этой хищной женщиной. Насладись ею, сколько желаешь, но дай ей убежать, не обобрав и не предав тебя!

— Что ты говоришь! — обиделся король, гордый своей

проницательностью. — Это же моя добыча, в любой момент, говоря поэтически, я волен кинуть ее за борт моей ладьи.

— К сожалению, я не смогу оставаться более с тобой, у меня тоже есть свои планы и своя жизнь... Рядом со мной, как ты знаешь, находится человек, которому я отдала свое сердце.

— Только не это! — воскликнул король. — Ты останешься со мной, и не будет больше никаких авантюр! Если тебе нужен этот ферингджи — пускай поживет у нас. Я найду ему место!

Регина крутила головой, стараясь понять, не о ней ли речь, — она боялась мести Дороти и не могла поверить, что Дороти мстить не намерена.

Алекс, подъехавший к помосту верхом на сильной, но невысокой лошади, тоже прислушивался. Его польская гордость не позволяла ему оставаться при горном дворе в качестве принца-консорта. Тем более что он даже языка местного не знал и знать его не собирался.

— Мы договаривались с тобой, дядя, — напомнила Дороти, — что, когда все это кончится, ты отпустишь меня домой...

— Твой дом здесь!

— Ты отпустишь меня домой, к маме. И мы сделаем так, чтобы мама приехала к тебе. Она мечтает об этом. И ты мечтаешь увидеть свою сестру.

— Ты ревнуешь меня к этой белой женщине? — догадался король.

— А ты ревнуешь меня к этому белому мужчине, — в тон ему произнесла Дороти.

И тут обоим стало смешно. Они заливались хохотом, и окружающие, кто заразившись их весельем, а кто желая угодить, тоже стали смеяться. Лишь Алекс и Регина оставались серьезными — вернее, натянуто улыбались. Обоим было страшно, оба боялись потерять своих избранников.

Когда правящие особы отсмеялись, король произнес уже иным, спокойным, миролюбивым тоном:

— А я надеялся, что Алекс останется в моей армии. Он хороший парень и офицер. Спроси его, может, останется?

— В следующий раз, — ответила Дороти. — А пока мы тебе оставляем почти сорок человек. Разве мало?

— Мне всегда мало, — сказал король. — Я подумываю о походе на Аву.

— А потом на Сиам? А потом на Китай? Опомнись, дядя.

— Если ты поедешь к своей матери, — переменил тему король, — то я не могу тебя задерживать.

— Скоро вы перейдете на человеческий язык? — закапризничала Регина. — Нельзя так долго мучить несчастную женщину, разлученную с мужем.

— Мы уезжаем, дядя, — сказала Дороти, — и береги свою казну.

— Я — жадный человек, — сухо усмехнулся Бо Нурия, и тут Дороти поняла, что, несмотря на все старания Регины, птица не получит ничего более сверх того, что подарит ей повелитель. — Женщина, помолчи, когда разговаривают благородные люди! — приказал он. — Индус, переведи!

Индус перевел. Регина смолчала.

— Ты уверена, что хочешь уехать? — не сдавался король.

— Да.

— Ты вернешься?

— Не знаю.

— Мне будет горько.

— Я скажу моей матери и брату, чтобы они спешили к тебе.

— Это правильно, — сказал король. — Я вам дам отряд, который проводит вас в порт Моулмейн. Туда приходят корабли из Голландии и Португалии. Вы сможете купить себе место. Но потом вы... ты... вы приедете в Лигон.

— Я обещаю.

На следующее утро Дороти и Алекс попрощались с королем Лигона. Король чуть пошатывался после ночи любви, которою его одарила птица Регина. Сама птица еще спала — из шатра доносилось похрапывание. Король выделил для охраны Дороти небольшой отряд под командованием Бо Пиньязотты. Король хотел всем показать, что в Моулмейн едет его племянница, знатная дама королевства. Последующие три дня Дороти и Алекс путешествовали на слоне, сидя на небольшой боевой платформе. Второй слон нес старого генерала. Затем следовали полсотни всадников.

В Моулмейне Бо Пиньязотта передал принцессе тяжелую шкатулку, полную рубинов и сапфиров.

— Если бы ты знала, внучка, — сказал Бо Пиньязотта, — какой скандал ему закатила белая женщина, похожая на белую корову, когда увидела эту шкатулку. Я боюсь, что она околдует его.

— Не бойся, дедушка, — ответила Дороти. — Еще три дня, и он сам отвезет ее обратно в Рангун и сдаст на руки мужу.

Старик засмеялся. Он очень надеялся на такой исход королевского увлечения.

Затем генерал передал Дороти свернутые в свиток грамоты. Одна из них признавала наследницей престола сестру короля Ма Ин и приглашала ее вернуться в Лиджи. Дороти была убеждена, что мать согласится. Во втором документе говорилось о том, что Дороти — принцесса Лигона. Она имеет право лишь на дань с трех горных трактов и шести деревень, а также является хозяйкой рубиновых копей в Магваи. Доходы с него ей будут пересылаться.

Они сняли небольшой дом на окраине Моулмейна. За большую мзду мьоза Моулмейна сделал вид, что никаких подозрительных лигонцев в городе не водится.

Через десять дней в Моулмейне бросил якорь голландский корабль, который держал курс на Кейптаун. Алекс договорился с капитаном о каютах.

Когда он возвратился сказать, что все улажено, Бо Пиньязотта сказал, что только что прибыл гонец из Лиджи с сообщением, что после недели праздников король отослал обратно в Рангун с большими дарами ошибочно похищенную госпожу Уиттли.

— Мой дядя так никогда и не догадается, что он никого не похищал. Это была попытка его похитить, которая, к счастью, не удалась, — сказала Дороти.

Бо Пиньязотта согласился с принцессой. Он покинул Моулмейн только тогда, когда паруса голландского корабля скрылись в море.

* * *

Профессор Гродно вызвал комиссара Милодара. Срочно. Ввиду завершения эксперимента.

— Какого завершения? По моим расчетам...

— Ваши расчеты никуда не годятся, комиссар, — ответил профессор, — мы имеем дело с живыми людьми.

— Но Лицо империи Эпидавр, которое прибыло для получения ритуальных сокровищ, отправилось в Монте-Карло. Я целые сутки его уламывал, чтобы чем-то занять.

— И отлично. Зачем Лицу присутствовать при наших земных тревогах?

— Что-нибудь случилось? — быстро спросил комиссар. Любой малый провал в конце операции запоминается начальством куда болезненнее, чем катастрофа в ее начале.

— Ничего особенного, если не считать, что необходимо сегодня вывести Кору из сна. Иначе будет поздно.

— Не порите панику, профессор, Кора — наш сотрудник. Она понимает меру своей ответственности.

— Она сейчас ничего не понимает, — возразил профессор. — Она скоро полгода как спит.

— Значит, мне ехать без гостя? — уточнил Милодар.

— Вот именно!

Когда через час с небольшим Милодар прибыл в Институт номер шесть, профессор показал ему на пульт управления и контроля. Судя по его данным, мозг Коры отказывался более спать. Он полагал, что дело сделано, он спешил проснуться.

Милодар остановился у саркофага, словно Наполеон перед открытой гробницей фараона. Он скрестил руки на груди и внимательно всматривался в спокойное лицо своей сотрудницы. Он не мог отделаться от ощущения, что его дурачат.

Он подумал, что, когда он уходит, Кора вылезает из саркофага, пьет чай с профессором Ахметом Гродно, может, не отказывается и от рюмочки, и они вместе посмеиваются над руководством Галактической полиции.

— Где она сейчас? — спросил Милодар.

— Вот это вам и предстоит узнать, — ответил профессор, — ведь вам разрешено совершить последнее погружение вашей

голограммы в прошлое, чтобы узнать, раздобыла ли Дороти нужные вам предметы, и если это так, то где вам их искать...

— Разрешение у меня есть... А разве кто-нибудь догадывается о разнице?

— Тогда готовьтесь!

— Догадываемся, будьте покойны, — сказала лаборантка Пегги, разочарованная в комиссаре, потому что рассчитывала выйти за него замуж, но ничего из этого не вышло. А когда ей месяца два назад удалось увлечь комиссара в комнату отдыха, обнаружилось, что она пытается лобызать голограмму. — Я различаю вас и вашу голограмму с первого взгляда.

— Говори, Пегги, говори! Ты будешь первой женщиной, которая смогла разгадать мой секрет. А это, милая, невозможно!

— Фу! — воскликнула Пегги. — Разница настолько очевидна, что заметна невооруженным глазом.

— Какая?

— Ваша голограмма никогда не просит кофе, а вы наяву первым делом просите меня сварить кофе покрепче.

Комиссар задумался.

— В этом что-то есть, — произнес он наконец. Ему хотелось кофе, но кофе он просить не стал — пускай обманываются. — А что говорит наблюдение за Корой? — спросил Милодар у профессора.

— Пик беспокойства миновал, — ответил Гродно, — я думаю, что Дороти удалось вырваться из фактории.

— Откуда вы знаете?

— У нас свои каналы, — ответил Гродно, а Пегги коварно усмехнулась.

— Говорите! — потребовал комиссар.

— Нам дали сеанс визуальной связи по каналам Академии наук.

— Та-ак... — угрожающе пропел комиссар. — И вы забыли поставить меня в известность?

— Мы не могли этого сделать. Мы пытались, — ответил Гродно. — Но ваша секретарша сказала, что вы ликвидируете наркобанду на поясе астероидов и с вами нет связи.

— Предательница, — прошептал Милодар. — Я отказался жениться на ней, и вот результат!

Но тут же комиссар взял себя в руки и потребовал:

— Что вы узнали?

— Мы узнали, что Дороти находилась на фактории в то время, когда на нее напали буйволы.

— Без тайн и загадок, попрошу! Какие буйволы напали на Дороти?

— Дядя Дороти, король Лигона, решил взять себе пушки англичан, чтобы оборонять перевалы от авской армии. Для этого он пригнал в Рангун двести буйволов.

— Вы говорите словно на чужом языке. А ну, признавайтесь, сколько сеансов связи вы провели без меня, чтобы ни с кем не делиться славой от эксперимента?

— Всего три сеанса, — ответил Гродно. — По полчаса. К тому же мы поддерживаем эмоциональную связь с Корой, а Кора осознает свою связь с Дороти. Все в порядке, комиссар, все в порядке.

— Все в полном беспорядке, когда за спиной у органов некоторые безответственные лица совершают мелкие жульничества.

— Вы меня пытаетесь оскорбить, комиссар? — вежливо спросил профессор.

Комиссар Милодар пробыл столько лет на руководящих постах, потому что умел чувствовать опасность задолго до того, как она материализовывалась. И тут он счел за лучшее отступить.

— Не обращайте внимания, профессор, — сказал он миролюбиво. — Вы занимаетесь наукой, а я выполняю директивы Галактического центра. А оба стремимся к одной цели — счастью человечества.

— Замечательно, — согласился профессор. — Тогда я могу добавить к тому, что известно: Алекс с Дороти расстались с королем и три дня назад в Моулмейне взошли на борт голландского брига «Гарлем», следующего на ремонт в Кейптаун. Они, насколько нам известно, записались в судовую роль в качестве мистера Фредро и мисс Форест, подданных Польского королевства.

— Еще чего не хватало! — возмутился комиссар, недавно изучавший соответствующий том истории. — В 1799 году Польского королевства не существовало! Его завоевали!

— Капитан голландского брига этого не знал. Видно, Алекс решил, что так путешествовать безопаснее.

— Но почему же?

— Потому что Голландия завоевана французами.

— Это еще когда случилось?.. Впрочем, это неважно! Но что там делает Алекс?

— Алекс — наш жених, — сказала Пегги. — Вам сделать кофе?

— Чашечку, и покрепче, — ответил комиссар, не задумываясь. Пегги подмигнула профессору, тот кивнул. Комиссар продолжал: — Мне не нравится этот поляк. Что он там делает? Ведь он в плену у Сюркуфа!

— Это информация вчерашнего дня, — ответил профессор, — что же касается Алекса Фредро, то он, возможно, и станет основателем польской линии в пределах вашей сотрудницы.

Черт побери! Комиссару показалось, что Кора по-джокондовски ухмыляется. Но, конечно же, это от нервов...

— Может, вы мне скажете, что нашла, если нашла, эта самая Дороти? — спросило от двери Лицо империи Эпидавр, той самой, что лишилась коронных сокровищ во время мятежа триста лет назад. Правда, лица этого вельможи никогда не видела даже его жена, так Лицо было засекречено. На земле Лицо не снимало черного гермошлема, непрозрачного снаружи.

Инопланетный вельможа опустился в свободное кресло и явно вознамерился присутствовать на заключительном этапе эксперимента. Комиссар хотел было рассказать Лицу все, что он думает о нахалах и о лицах, приходящих без приглашения, но ему удалось взять себя в руки, и он криво улыбнулся Лицу, выразив радость по поводу того, что Лицо соблаговолило прервать развлечения и заняться делом.

— Когда ж начинаете? — спросило Лицо. — А то у меня заказан обед с некоторыми местными министрами. Мне не хотелось бы его срывать по вине полицейского офицера.

И Лицо показало длинным тонким голубоватым пальцем на Милодара.

Тот с трудом проглотил обращение к себе как к полицейскому офицеру.

Он мысленно просчитал до ста, а потом сказал профессору:

— А почему бы нам и на самом деле не заглянуть в восемнадцатый век?

* * *

Дороти возвратилась с прогулки в свою каюту. На море было светло, и бриг несся вперед так, что казалось, будто паруса могут в любой момент оторваться и улететь в небо.

Алекс постучал и вошел к ней в каюту.

Он был одет к обеду.

Дороти он понравился. Она подумала о том, как многое могут сделать деньги. За несколько дней, проведенных в море, она потратила всего три рубина, но на корабле нашлась одежда для Алекса, который наконец-то выглядел настоящим джентльменом. Хоть цивилизованных женщин на борту не было, но деньги позволили ей еще в Моулмейне купить приличной материи, ниток, иголок, и за первые дни путешествия Дороти смогла сшить себе два платья и другие детали туалета, так что она могла, не стыдясь, обедать за столом с капитаном «Гарлема».

— Ты чудесная портниха, — сообщил Алекс, разглядывая новое платье невесты.

— Я ничто по сравнению с мамой. Ты посмотришь, какие она шьет платья. А за ее шляпами охотятся лучшие мастерские в Лондоне.

Это было, конечно, некоторым преувеличением, но не таким уж и большим.

Алекс смотрел на Дороти, готовый поверить любой чепухе, которую та вздумала бы нести. Сам звук ее голоса лишал его способности здраво рассуждать.

Дороти достала свое зеркало. В последние дни оно перестало показывать угрожающие рожи врагов, а научилось вести себя подобно обыкновенному зеркалу.

Очевидно, это происходило оттого, что врагов не водилось на расстоянии тысячу миль.

И вот когда Дороти протянула зеркало в серебряной оправе жениху, чтобы тот держал его, пока она будет перед ним вертеться, в углу материализовался комиссар Милодар в скромном сером костюме.

— Простите, — сказал он. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Господи! — удивилась Дороти. — Сейчас-то вам что здесь надо, уважаемый джинн?

— Узнала! — обрадовался комиссар. — А я боялся, что забудешь.

— Нет, что вы, — ответила трезвая англичанка мисс Форест, — я вам очень благодарна. Без вас моя честь, вернее всего, была бы погублена.

— А это Алекс? — спросил Милодар.

Разумеется, таким тоном нельзя задавать вопросы о польском шляхтиче.

Алекс возненавидел это привидение горячей ненавистью.

— Вам чего-нибудь нужно? — спросила Дороти. — А то нам пора идти на обед. Здесь опаздывать не принято. Голландцы — такие пунктуальные люди, вы не представляете!

— Мне надо только задать вам несколько вопросов.

— Только коротко, мистер джинн.

— Мы тебя посылали в Бирму для того, чтобы ты нашла некоторые вещи, — сказал комиссар.

— Вот уж не подозревала! — вдруг обиделась Дороти. — Меня вообще-то никто никуда не посылал. Все решения в моей жизни я принимаю сама.

— Когда близко нет хозяйки.

— Какой такой хозяйки?

— Миссис Уиттли, к которой я тебя устроил, — самоуверенно заявил комиссар.

— Слушайте, какой вы джинн, если даже не знаете, что я отдала хозяйку в любовницы моему дяде королю Лигона.

— Вот именно! — буркнул Алекс.

— Простите, не знал, мы давно не виделись, — спохватил-

ся джинн. — У меня столько дел, что я не могу следить за деталями вашей биографии!

— Тогда спрашивайте, спрашивайте, — поторопила комиссара Дороти. — Нам пора уходить.

Комиссар не выносил, когда его не боялись. Но в этой ситуации следовало проявить терпение.

— Скажите мне, уважаемая мисс Форест, — сказал Милодар, — где находятся ценности, в которых мы заинтересованы: Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти?

— Повторите, пожалуйста.

— Три сокровища, которые вам не принадлежат и которые вы должны были отыскать в лесу, где сражались мятежники с Эпидавра.

— Все слишком сложно, — призналась Дороти.

— Чего уж там! Мне надо узнать, где вы прячете Зеркало Зла...

— А я не скажу! Я не собираюсь его прятать. Это мое зеркало. Мне оно тоже нужно.

— Это несерьезно! — воскликнул джинн Милодар. — Через каких-нибудь полсотни лет вы благополучно помрете, а где мне тогда искать ваше зеркало?

— Ну как я могу заглянуть на пятьдесят лет вперед? — удивилась Дороти. — Как Господь решит, так и будет.

— Попрошу не отвлекаться, — настаивал Милодар. — В вашем распоряжении оказалась чужая вещь.

— Почему чужая? Разве не я ее нашла?

— Вы нашли ее, потому что я сказал вам, где искать.

— Вас там не было, мистер джинн.

По ходу этой перепалки Алекс Фредро обрел дар речи и начал сердиться.

— Послушайте, мистер, — сказал он. — Вы врываетесь, пся крев, в каюту моей невесты и начинаете требовать какие-то вещи. Так вот, учтите, лучше вам иметь дело со мной. Где ваша шпага?

— Ах, оставьте, при чем тут шпага!

Комиссар был настолько рассержен, что забыл о том, в ка-

ком виде явился молодым людям. Он протянул руку и ринулся отнимать зеркало у Алекса, который все еще держал его.

Алекс опешил от броска комиссара Милодара и не успел принять мер, он лишь смотрел, как рука комиссара обхватила зеркало и рванула на себя, но ничего из этого не вышло, потому что пальцы Милодара пронзили рамку зеркала и сомкнулись, а зеркало осталось в руке штурмана.

Оба — и штурман, и комиссар — смотрели в растерянности на зеркало, потом Алекс с сочувствием, но без всякого злорадства спросил:

— Не получилось?

— Не получилось, — согласился комиссар.

— Потому что вы злой дух и не можете дотронуться до людей, — объяснила ситуацию Дороти. — Я это еще в прошлый раз заметила, когда вы из кувшина вылезали.

— Когда он вылезал?

— Я же тебе рассказывала, мой дорогой, — ответила Дороти, — это случилось на арабском судне, когда меня отдали в гарем к горбатому Камару.

— Не отвлекайтесь, — сказал Милодар, — мне надо знать...

И тут комиссар ИнтерГпола начал растворяться в воздухе, и его голос превратился в жалкий писк. Дороти подхватила со стола кувшин для воды, полагая, что джинну удобнее исчезать в кувшин, но Милодар не заметил этого жеста доброй воли. Он злобно ругался и махал полупрозрачными руками... так и исчез.

Вскоре Дороти и Алекс пришли в себя настолько, что смогли поцеловаться, потом еще раз поцеловаться, потом поцеловаться в третий раз... Затем Дороти сердито сказала:

— До свадьбы и не надейся, джентльмен ты или нет?

— Джентльмен, но очень тебя люблю.

— Но посмотри на меня, — возразила Дороти. — Я тебя тоже люблю, но до свадьбы спокойно довольствуюсь невинными поцелуями.

— Мы теряем недели и месяцы счастья! — воскликнул штурман.

— А потом ты скажешь, что не намерен жениться на обес-

чещенной девице! Так уже было в нашем квартале. Джонн Раннер при всех клялся, что Реббека — его нареченная. А чем это кончилось?

— Не знаю, принцесса, и знать не хочу.

— Ага, вспомнил! — воскликнула Дороти. — А не может так быть, что ты хочешь жениться на мне, потому что я знатная дама и богата, как фрейлина королевы?! Я — принцесса!

— Тоже мне, принцесса из пещеры, — фыркнул Алекс. — Моему роду тысяча лет, из него вышли три епископа, воевода и два маршала.

— Немного за тысячу лет, — ответила Дороти. — За это время мы подарили миру больше ста королей.

* * *

Когда Милодар возвратился в лабораторию, там шло возвращение к жизни Коры Орват. Это была сложная процедура, опасная для жизни молодой женщины, которая потребует не один час.

Но Милодар был лишен возможности наблюдать за тем, как газ покидает саркофаг и манипуляторы с резиновыми накладками на пальцах вынимают Кору, чтобы отнести в палату.

Вместо этого Милодару, и без того взбешенному провалом переговоров с Дороти и наглым женихом, пришлось беседовать с не менее взбешенным Лицом Эпидавра, которое было убеждено, что комиссар провалил такую сложную и длительную операцию по возвращению коронных ценностей империи именно в силу своей спеси, отсутствия гибкости и ума.

Комиссар не мог сказать руководителю дружественной планеты, что он думает о нем плохо, так что он оправдывался и клялся, что зеркало находится в безопасности и, как только будет прослежена биография Дороти Форест, оно найдется.

Гродно и Пегги при разговоре не присутствовали, и к счастью — довольно было и того, что они наблюдали на экране неудачный визит комиссара в прошлое.

В конце концов Милодар дал слово, что в течение недели ценности будут переданы владельцам, и сам увез Лицо в Монте-Карло, чтобы вельможа мог продолжить транжирить госу-

дарственные деньги за столом рулетки, которую и держат-то в Монте-Карло, занятом под океанографический институт, для инопланетных лиц подозрительного происхождения, представляющих потенциальную опасность для Земли.

Надо сказать, что последующие сутки комиссар провел как во сне.

Через каждые полчаса он звонил в лабораторию, где ему издевательски вежливо сообщали, что пациент Орват еще не пришла в себя и общение с ней невозможно. Затем комиссар отвечал на запросы из Галактического центра и на звонки из Монте-Карло пьяного, но настырного Лица. Так что когда Лицо заявило, что продулось в пух и возвращается к Милодару, тот в ужасе перевел ему факсом половину своей утром полученной зарплаты за июнь.

Наконец к вечеру следующего дня Гродно разбудил комиссара, прикорнувшего, положив руки на стол, а голову на руки.

— Ваш агент, — сообщил профессор, не скрывая усмешки, ведь он понимал, в каком душевном состоянии находится шеф ИнтерГпола, — пришла в себя. Она может и хочет разговаривать с вами и все вам рассказать.

Милодар прилетел в лабораторию через двадцать минут, для чего ему пришлось нарушить правила движения в стратосфере, — на штрафы пришлось отдать вторую половину зарплаты. «Плохо, — подумал он, снижаясь над строениями института, — дома остались только консервы «Печень трески» и ванильные сухари».

Милодар ворвался в небольшую палату, где Кора возлежала на массажном столе спиной кверху, а массажистка из Японии стремительными движениями разминала ее опавшие мышцы.

— Привет, — сказал комиссар, словно случайно проходил мимо и заглянул на огонек. — С возвращением тебя.

— Здравствуйте, комиссар, — обрадовалась Кора. — У меня и на самом деле такое ощущение, будто я провела эти месяцы не в ванночке, а в далеком путешествии.

— Значит, ты была в контакте со своей прапрабабушкой? — спросил Милодар. — Это самое важное.

— Да, я была в контакте и не всегда хотела быть в контакте.

Но внутренним взором я все время видела, что происходит вокруг Дороти. А это немало.

— Это немало, — согласился Милодар. — Но операцию ты провалила.

— Вы так думаете? — равнодушно спросила девушка. — Тогда я ничем не могу вам помочь.

— Нет, ты скажи, где предметы? Лицо из Эпидавра инкогнито в Монте-Карло мою зарплату проигрывает, а я не могу сказать, где вещи. Полгода ухлопали зазря! Придется тебя гнать. Гнать в шею!

— За что? — спросила Кора, нежась под умелыми руками массивной массажистки. — За то, что я спала в гробу? За то, что я пожертвовала организации полгода моей драгоценной жизни? За что, комиссар?

— Хорошо! — сказал профессор Гродно, который контролировал состояние Коры по приборам. — Реакции адекватные, возбудимость отличная. Физическое состояние мы восстановим через несколько дней.

— А где вещи? — упорствовал комиссар.

— Если я не ошибаюсь, комиссар Милодар, — сказала по-английски Кора, — то вы последний наш современник, который только вчера держал в руках Зеркало Зла. Где же оно?

— Но ты же знаешь, что это была моя голограмма! Не может же голограмма носить предметы за триста лет.

— С вами, комиссар, никогда нельзя быть уверенной, — возразила Кора. — Я не удивилась бы, если бы вы сейчас достали зеркало из-за пазухи.

Она сказала это так уверенно, что все присутствующие в комнате поглядели на комиссара в ожидании, что он вытащит зеркало и покажет.

— Простите, — мрачно произнес комиссар, — я не фокусник и голубей за пазухой не таскаю.

— А жаль, — сказала Пегги, давно уже разочарованная в комиссаре. Она назло ему напялила зеленый парик.

Массажистка быстро избила ребрами ладоней спину Коры, и ее руки спустились ниже талии девушки. Комиссар зачарованно следил за руками японки.

— Что же будем делать, комиссар? — спросила тогда Пегги, которой, по сути дела, не стоило бы вмешиваться в дела полицейские, но за полгода она настолько сжилась с приключениями в восемнадцатом веке, словно сама там жила.

— Да, что будем делать? — повторил вопрос комиссар, поворачиваясь к Коре.

— Будем искать, — ответила Кора. — Вы узнали дальнейшую судьбу моих предков?

— А ты? — спросил Милодар.

— Тогда вы начинайте, — сказала Кора, — а я буду вас поправлять. Ведь я могу лишь чувствовать, правы вы или нет, так как за эти полгода я как бы побывала внутри всех моих предков. Но зачастую я не понимала, с кем имею дело.

— Хорошо, — сказал Милодар. — Пегги, принеси мне кофе, только покрепче.

— Слава богу, настоящий, — сказала Пегги и пошла в соседнюю комнату, где стояла кофеварка.

— По данным земных архивов, которые не всегда полноценны, за исключением Англии, давшей нам наибольшую долю информации, — произнес Милодар, поглядывая на дисплей карманного справочника, — некая Мэри-Энн Форест зарегистрирована в книгах города Лондона как вдова лесника Фореста. У нее было двое детей.

— Какое великое открытие, — заметила Пегги, ставя перед комиссаром чашку кофе. — Этого мы не знали!

— Пегги, я тебя умоляю! — остановил ассистентку профессор Гродно. — Держи себя в руках.

— Молчу, милый, молчу, — ответила та. — Тебе тоже кофе налить?

Из чего можно заключить, что, разочаровавшись в Милодаре, Пегги возвратилась к профессору.

— Двое детей, Майкл и Дороти. Но после 1804 года следы этого семейства исчезают. Мы даже не узнали, вернулась ли Дороти домой.

— Все правильно, — согласилась Кора. — Моя Дороти и Алекс не решились вернуться в Англию под своими именами. И правильно сделали. Они посетили Лондон, они видели Мэ-

ри-Энн и Майкла, они рассказали матери о переменах в их судьбе и о том, что теперь она — наследница лигонского престола. Конечно, это нелегко понять лондонской шляпнице, но старый мамин друг Фан подтвердил слова Дороти. Дороти поделилась с матерью своими богатствами, и та, взяв с собой Майкла, уплыла в Бирму. Сама же Дороти, пожив некоторое время в Лондоне под чужим именем, все же поддалась настойчивым уговорам жениха и уехала с ним в Италию, где они и прожили до тех пор, пока Наполеон не завоевал Польшу. Тогда путь на север был открыт. Когда они приехали в Польшу, то были женаты уже семь лет и у Дороти было двое детей — Тадеуш и Зося. Но здесь в моих чувствах наступает темная полоса... я не все вижу, не все понимаю... Наступает полоса горя, тоски, я чувствую это, но не все понимаю... Мне нужно понять, куда делся Александр Фредро, польский дворянин, владелец имения под Люблином.

Кора замолчала, ей было трудно говорить... все же отвыкла в саркофаге от речей, где слушала более шепот мыслей и шарканье веков.

— Ты говоришь — Александр Фредро? Какой год?

— Примерно 1810 год.

Милодар включил главный информаторий Земли. Польский отдел. Конечно, далеко не все поляки за последние тысячу лет попали в память информатория, но все хоть чем-то выдающиеся персоны в него были занесены.

Ответ на запрос последовал через минуту после того, как Милодар выпил чашку кофе и рассказал Коре о новостях шахмат и тенниса за последние полгода.

— Александр Фредро, майор легиона Домбровского, погиб в Италии в сентябре 1813 года. И все...

— Тогда мне ясно, почему в моем... в ее сознании нет нескольких лет. Для Дороти гибель мужа была столь ужасна, что... Не может быть, что он погиб!

И вдруг Кора разрыдалась, прибежал Гродно, велел Пегги принести капли Кошица, появилась медсестра, они все закружились, замелькали вокруг Коры, которую никак не могли вывести из истерики. Затем Милодара выгнали. Испыта-

ние памятью оказалось слишком сильным для Коры, она не выдержала его. Гродно потом объяснял комиссару, что срыв случился из-за того, что полгода Кора была связана с Дороти такими тесными мысленными и эмоциональными узами, что разрыв их оказался опасным для психики агента. А известие о ранней гибели отважного штурмана доконало Кору.

В течение двух следующих дней Милодара не допускали до Коры. Лицо из Эпидавра проигрывало в Монте-Карло, а Милодар подключил большой компьютер, который производил поиски Дороти не только в Польше, но и в других странах. Ему удалось узнать, что через год после смерти Алекса Дороти оставила детей своей свекрови, оставила ей свое богатое имение, разоренное, правда, во время наступления русских войск, и исчезла. Дальнейшая линия наследственности, которая и привела к появлению на свет Коры Орват от Тадеуша и Зоси Фредро, обрывается. Что же стало с Дороти, так никто и не узнал.

Но на третий день, когда Кора окончательно пришла в себя, она сама позвонила Милодару и сообщила, что улетает на родину предков. Она постарается отыскать следы Дороти далеко от Польши... И если Милодар хочет, он может сопровождать свою сотрудницу.

— Куда? — спросил Милодар.

— Мною движут сентиментальные соображения, — ответила Кора. — Я видела Лиджи глазами Дороти, но далеко не всегда мне это удавалось. Я хотела бы посмотреть на место сражения мятежников с Эпидавра...

— Ты никуда не полетишь без меня! — заявил комиссар. — А я как раз туда собирался.

— Зачем?

— Искать Дороти.

— Значит, вы тоже подумали, что она может оказаться в Лигоне?

— Не полагай себя умнее прочих, — рассердился комиссар. — Я тоже умею рассуждать. Мы знаем, что Дороти исчезла. Исчезнуть ей некуда. Хотя одно такое место есть. Место, где находятся ее мать, ее дядя и брат. Это Лигон. Представь себе,

Дороти находится в жуткой депрессии. Она потеряла мужа. Она хочет вернуться на родину, потому что в Польше ей больше делать нечего. Она говорит своей свекрови, что уезжает к маме. А что ей отвечает свекровь? Правильно, свекровь говорит: «Но не вздумай взять детей! Я тебе их не отдам!» Что может сделать Дороти? Она говорит тогда своей нелюбимой свекрови или своим знатным польским родственникам, что съездит к маме и вернется... И уезжает.

— И почему она не вернулась? — спросила Кора.

— Это мы узнаем с тобой через час, — сказал комиссар. — Я назначаю тебе встречу через час в центре города Рангун, у пагоды Суле.

— У пагоды Шведагон, — поправила его Кора.

— Шведагон не в центре, — не сдался комиссар, и на этот раз он оказался прав.

* * *

Из Рангуна, жаркого, душного, влажного, где комиссар и Кора съели мороженого в кафе у памятника маленькой бирманской женщине Аун Сан Су Чжи, отважно боровшейся сто лет назад за свободу и демократию в Бирме, они вылетели на такси в Лигонскую республику. Вскоре долина, разделенная на квадраты рисовых полей, начала подниматься, холмиться, дальше пошли леса, и за несколькими перевалами они опустились к широкой горной долине у городка Лиджи, милого курорта с целебными источниками.

— Узнаешь? — спросил комиссар.

— Нет, — честно призналась Кора, — я слишком давно здесь была. Даже горы стали другими.

Конечно, горы другими не стали, но город был современным и похожим на подобные курорты в Южной Европе, на Гавайях и в Грузии.

Поднятый по тревоге еще из Москвы сотрудник Краеведческого музея в Лиджи Маун Нурия, далекий отпрыск правящей династии лигонских королей, встречал их на центральной площади, куда опустилось такси. Он был молод, робок, но преисполнен гордыни, как все лигонские княжата.

— Я заказал вам обед, сэр, — сообщил он комиссару.

— Некогда, некогда, некогда! — отвечал Милодар. — Нам нужна информация, и чем скорее мы ее получим, тем скорее улетим.

— Я не спешу, сэр, — ответил молодой человек, сохраняя чувство собственного достоинства.

— Зато я спешу. Где у вас музей?

— Вы стоите у входа в него.

— Тогда пошли внутрь. Здесь дует.

Считать, что на центральной площади Лиджи дует, было несправедливо. Там не дуло, а пел постоянный сильный ветер, который скатывался с гор и стремился к океану.

В надежной тишине музея, построенного в духе средневековых лигонских построек, правда, не из тикового дерева, а из современного строительного пластика, комиссар потребовал, чтобы его вели в архивы.

— Зачем? — настороженно спросил Маун Нурия из лигонских князей. Ему комиссар совсем не нравился — в тихих горных городах не любят людей, примчавшихся из равнины на диком коне и с громкой боевой песней. А именно таким человеком и был комиссар.

— Мне нужно узнать, нет ли чего-нибудь у вас о Дороти. Дороти Форест, она же Дороти Фредро. Она же принцесса Лигона.

— В Лигоне не было принцессы с таким именем, — уверенно возразил молодой человек.

Они шли впереди с Милодаром. Милодар все время мысленно подгонял музейного сотрудника, а тот внутренне сопротивлялся и тормозил, из-за чего продвижение вперед получалось неровным, с толчками и пробежками.

Вдруг их остановил раздавшийся сзади крик Коры:

— Да стойте же! Вам не надо идти в архив.

— Что? — обернулся к ней Милодар. — Что еще?

— Подойдите сюда.

Милодар подчинился настойчивому звучанию голоса.

— Вы узнаете эту женщину? — спросила Кора.

— Оу! — произнес Милодар. — Это она.

Он попытался прочесть написанное под портретом имя средних лет женщины, в которой нетрудно угадать Дороти. Но имя было написано по-лигонски.

— Кто это? — спросил Милодар.

Молодой человек ответил:

— Это королева Лигона Ма Доро. Или, как она более известна, До Доро. Это великая женщина и наша героиня.

— Доро... Конечно же, Доро! — сказала Кора. — Как же я забыла, что здесь ее знают под этим именем.

Дороти почти не изменилась и в то же время изменилась сильно. Она была все так же хороша, и так же густы были ее волосы, схваченные серебряным обручем, но глаза смотрели холодно и скулы были туго обтянуты кожей. Это была несчастная и гордая женщина.

— Расскажите о ней! — взмолилась Кора. И она произнесла эту просьбу так искренне, что молодой человек многое ей простил.

— Это наша героиня, — сказал он. — Она родилась и воспитывалась в другой стране...

— В Англии, — вмешался Милодар.

— Допустим, в Англии, — скрепя сердце согласился Маун Нурия, — куда ее мать, королева Ма Ин, попала в молодости...

— Знаем, дальше! — торопил Милодар.

— В начале девятнадцатого века ее мать возвратилась сюда и после гибели на охоте ее брата короля Бо Нурия, великого Чакравартина, Завоевателя Вселенной, разгромившего бирманские армии и пошедшего походом на Сиам...

— Неудачным походом, конечно, — заметил Милодар.

— После его гибели, — молодой человек игнорировал нахального мужчину и обращался только к Коре, — она взяла бразды правления Лигоном и, пока не умерла от лихорадки, отражала набеги сиамцев и бирманцев. Но во время ее последней болезни бирманцы уже вторглись сюда, взяли Лиджи, и остатки лигонских отрядов под командованием старого генерала Бо Пиньязотты укрылись в горах. И вот тогда к нам приехала До Доро! Великая дочь лигонского народа... — Мо-

лодой человек смахнул набежавшую слезу. — Она собрала лигонцев и племена, она напала на бирманский лагерь, и бирманцы бежали от нее... За десять лет она сделала так много... Так вы лучше прочитайте о ней в книге «Королева Доро — гордая дочь гордого народа», классическом труде о королеве...

— Обязательно прочтем, — согласилась Кора. — А что случилось потом?

— Потом в наши горы пришли англичане. Но они боялись нашу королеву. Они пригласили ее к себе на переговоры и там отравили.

— Неужели?

Молодой человек пожал плечами.

— Это версия неофициальная. Официально считается, что на обратном пути королева попала в засаду, устроенную бирманцами, и была убита. Но вы ведь знаете, что королева обладала тайнами волшебства. Ни один враг не мог к ней приблизиться незамеченным.

— У нее было Зеркало? — воскликнул Милодар.

— Я не знаю о зеркале, — ответил экскурсовод, — но у нее был перстень, который предупреждал об опасности, и у нее был Венец Власти... Когда королева надевала его, ни один враг не мог приблизиться к ней ближе, чем на два шага. Но в ту поездку она его с собой не взяла... Вы, конечно, мне не верите, мне никто из иностранцев не верит, но лигонцы верят в это. Ведь не зря художник нарисовал королеву в венце... Этот венец она принесла из леса, говорят, она знала там место, где боролись гиганты. Вы не верите?

— Верим, верим! — завопил комиссар. — Где этот венец? Что вы с ним сделали, куда вы его выкинули? Как вы его погубили?

— Зачем так говорить? Это сокровище нашего народа. Вон тот венец. Вон он лежит, под бронированным стеклом.

Милодар кинулся к витрине.

Венец Власти, сокровище империи Эпидавр, мирно покоился в витрине.

А Кора, глядя на него, вдруг вспомнила увиденную глазами Дороти сцену в горном лесу — блеск странного металлического кольца на стволе бамбука... «Как же Дороти потом догадалась, что этот обруч обладает особенными свойствами? Наверное, первым о том узнал Бо Пиньязотта. Впрочем, Дороти была не глупее меня, и если у нее уже было зеркало, обладавшее особыми свойствами, почему бы ей не искать необычные качества и в других реликвиях битвы звездных людей?»

— Мне нужен этот предмет! — заявил Милодар. — Немедленно вызовите директора музея!

— Если вы намереваетесь отобрать у лигонского народа его святыню, то берегитесь, — заявил Маун Нурия, который отлично помнил, что он принадлежит к королевскому роду своей страны. — И сначала вам придется перешагнуть через мой труп.

— Это пустяки, — сказал Милодар, окинув взглядом будущий труп.

— Затем вам, комиссар, — сказала Кора, — придется перешагнуть и через мой труп. Не забудьте, что я тоже наследница трона Лигона.

— Вот именно! — сразу согласился молодой человек. — В вас есть что-то благородное.

— Еще этого не хватало. — Милодар схватился за голову. И он понял, что ко всем прочим осложнениям добавились осложнения историко-патриотические.

* * *

Первое слушание дела «Империя Эпидавр против Краеведческого музея королевства Лигона» началось на следующий же день, потому что Лицо Империи, узнав о находке в музее от Милодара, тут же разорвало дипломатические отношения с Землей, пригрозило войной на истребление и обещало взорвать, к чертовой бабушке, все Лигонское королевство.

Лигонские власти в ответ сообщили, что готовы начать мобилизацию ополчения и не боятся происков империи Эпидавр. Так что судебные действия начались мгновенно, пока еще молчали пушки. А Кора, проснувшись пораньше, полетела в Россию, на Вологодчину, в деревню Пьяный Бор, к ба-

бушке Насте, хранительнице преданий и легенд рода Орватов и породненных семейств.

Милодар сказал, что присоединится к Коре попозже, завершив дела в суде, так как на него теперь выпало и предотвращение галактической войны.

Так что Кора после долгого перерыва попала в родную бабушкину деревню совершенно одна и была тому рада.

Причудливо извивалась речка, расходясь прудом у запруды, некогда там стояла мельница. Дома единственной улицы были обращены к речке огородами, у некоторых возле реки стояли баньки. Кора посадила флаер между сливами, куры разбежались в стороны, гусь Мартин пошел в атаку, вытянув вперед длинную шею и шипя, как небольшой дракон. Бабушка Настя развешивала белье, она помахала внучке свободной рукой, не прерывая своего занятия, а потом сказала:

— Попьешь на кухне парного молочка, потом почистишь картошки.

— Бабушка! — Кора поцеловала старушку и хотела было объяснить ей, что ее привели в деревню соображения высокой галактической важности, но бабушка лишь нахмурила брови, и Кора покорилась, причем покоряться было приятно, потому что вокруг царила тишина, гудели пчелы, чирикали птички и никто не думал о заговорах, войнах и уничтожении иноплеменников.

Кот Колокольчик сладко спал в горнице под столом. При звуке шагов Коры он проснулся и, потрясенный, широко растворил глазищи, от избытка чувств упал на спину — лапы кверху — и заурчал, как генератор.

Приласкав котика, Кора вынесла кастрюлю с картошкой на боковое крылечко и, пока бабушка Настя кормила домашнюю птицу, задала такой вопрос:

— Бабушка, у тебя осталось что-нибудь из семейных реликвий?

— Ты потоньше кожуру-то отрезай, — ответила бабушка Настя. — И что вообще за дела? Полгода ни слова, ни звонка, ни строчки, потом заявляется и с места в карьер — допрос! Где тебя такому учили?

— В полицейском училище, — честно ответила Кора. — Допрос надо начинать тогда, когда ваша жертва к нему не готова, брать надо сразу за рога и гнуть к земле.

— Поняла, моя внученька, — улыбнулась бабушка. — Так где ты пропадала?

— Я вечером расскажу, за традиционным чаем, — сказала Кора. — А сейчас скажи, пожалуйста, нет ли у тебя в сундучке каких-нибудь предметов семейной старины, на тебя вся надежда. Мы нашли одну мою прапрабабушку, которая умерла в Юго-Восточной Азии, но в музее в ее честь ничего не нашли, а найти надо, иначе Эпидавр уничтожит Лигонское королевство.

— Ну, спасибо, объяснила. — Бабушка позволила иронии прозвучать в ее словах. — А что твоя прапра делала в этой Юго-Восточной Азии?

— Разумеется, боролась за национальную независимость.

— Ах да, разумеется! У нас в роду все такие. И что она чужого взяла?

— Где-то у нас в семействе должно сохраниться серебряное зеркало на ручке, ну точно такое, какие изображают в сказках о Спящей красавице: «Свет мой, зеркальце, скажи!»

— А, — сказала бабушка равнодушно, — ты, наверное, имеешь в виду Зеркало Зла? Оно лежит на самом дне сундука, чтобы дети не добрались. С ним надо осторожнее, а лучше и вообще не трогать.

— Почему? — спросила, вскакивая, Кора.

— Это зловещая вещь. В ней не отражается человек, который смотрит в зеркало, а отражается его враг. Порой для дипломатических интриг это, может, и полезно, а для нашей тихой, деревенской жизни от такого зеркала один вред. Ну посмотрю я в него — и увижу в нем Гаврилу, Гаврилу Тихоновича, который на меня скалится. А он потому на меня скалится, что мой теленок его мичуринские помидоры сжевал. Если я поверю зеркалу, то придется мне брать бластер и проделывать в Гавриле три пробоины, но разве это по-соседски?

— Ой, бабушка, хитрая ты у нас! — воскликнула Кора и ис-

чезла в доме. А бабушка Настя, покормив птиц, пошла в дом, чтобы ставить обед в печку.

Кора стояла на коленях перед сундуком. На кровати и стульях лежали старинные юбки, буденновка, парасоль, мундир кавалергарда, гимнастерка с тремя шпалами и маленькими танками в петлицах, тельняшка, матроска и много различных одежд, которые накопились за сто, а то и больше лет... Не нужно, а выбросить жалко. Кора так засмотрелась на одежды, что забыла, зачем она залезла в сундук. Так что, когда в избе возникла голограмма комиссара Милодара и спросила громко: «Ну нашла ты что-нибудь или опять пустой номер?» — Кора испуганно вскочила, вспомнив, зачем она здесь, и начала рыться в сундуке, как собака в куче листьев в поисках убежавшей полевки. Зеркало Зла было обернуто в старые кружева, и Кора чуть было не выкинула трофей в общую кучу. Но Милодар уловил блеск потемневшего серебра и коршуном двинулся к зеркалу.

Тогда и Кора увидела Зеркало.

Она взяла его и заглянула внутрь. Там клубился белый дым и виднелось неясное лицо...

— Кто там? — спросил Милодар, заглядывая через плечо.

— Ах, так... один человек, — сообщила Кора. — Только я не думала, что он такой злопамятный.

— Говори кто!

— Гавриков из Управления транспортации. Я ему еще семь месяцев назад твердо сказала, чтобы он ни на что не рассчитывал.

— Значит, плохо сказала, — ответил Милодар и попытался, опять же безрезультатно, отобрать зеркало.

— Я завтра вернусь домой, — сказала Кора. — И не спорьте, комиссар. Ничего с Зеркалом не случится.

— Ни в коем случае!

— Могу же я получить один выходной за полгода!

— Ты полгода валялась и ничего не делала!

— Поваляйтесь с мое, комиссар! — твердо ответила Кора, положила зеркало на видном месте и пошла переодеваться. Она полгода мечтала погулять по лугам в белом сарафане.

* * *

Конечно же, Милодар тем же вечером прислал фельдъегеря с охраной для изъятия Зеркала Зла. Бабушка взбунтовалась и, хотя была она человеком ангельского характера, встала на защиту рубежей, подобно былинным богатырям, потому что считала, что Зеркало — фамильная ценность семейства Орватов и не дело Коре разбазаривать то, что нажито предками.

Ночью Милодару пришлось явиться в истинном виде. Он долго стучался в дом, перебудил всю деревню. Полкан, тот самый, который принадлежал Гавриле, чуть не разорвал его.

Уже забрезжил рассвет, когда комиссар покинул деревню с Зеркалом в цепкой руке. Бабушка Настя плакала в курятнике. Кора ушла в поле.

Пели соловьи. Им тоже не спалось.

Кора уже не в первый раз в жизни разрывалась между долгом и чувством справедливости, между любовью к справедливости и любовью к родным пенатам.

— Обойдемся, — сказала Кора бабушке, возвратившись с полей.

Вставало мокрое от росы солнце. Соловьи пошли спать, уступив сцену малиновкам.

— Не Зеркало важно, а принцип, — сказала бабушка. — Если можно у гражданина отобрать вещь, мотивируя изъятие интересами отечества, то куда мы завтра придем?

— Трудно ответить, — сказала Кора.

— Тогда я пойду Маруську доить, — сказала баба Настя, — а ты приберись, вымой пол, поставь самовар.

Когда утренние заботы были позади, бабушка и внучка сели за стол завтракать. Было тепло, котик Колокольчик улегся у ног Коры. За окном пастух вел стадо к лесу, Маруська сама открыла рогами калитку, чтобы присоединиться к товаркам.

— Меня беспокоит твоя беззащитность, — сказала баба Настя. — Хоть я и забыла, честно говоря, об этом Зеркале, но я бы о нем обязательно вспомнила, не сегодня-завтра, как только прошел бы приступ маразма. Теперь поздно. Кто-то другой воспользуется сокровищами нашего семейства.

— Честно говоря, наши сокровища родом из Эпидавра.

Только их мятежники украли лет триста назад, а потом передрались и все бросили на Земле.

— Вот я и говорю, — согласилась бабушка. — Не надо было бросать. Что с возу упало, то пропало...

Бабушка не допила чай и пошла в угол, к своей заветной шкатулке, где хранились любимые мелочи — незаменимый наперсток, бусы, купленные к совершеннолетию, запонки дяди Матфея, жемчужные пуговицы, украшения, некоторые из них поломанные.

— Должна быть еще одна штучка, — сказала баба Настя, вываливая барахло на стол.

Кора включила телевизор. Колокольчик подошел к телевизору и уселся возле него. Он любил смотреть новости.

Показывали забастовку шахтеров, аварию корабля у Паталипутры, речь президента по поводу повышения минимальных пенсий ветеранам.

— Во! — воскликнула бабушка. — Лет двадцать как забыла! И не нужно нам с тобой Зеркало, если есть колечко... Это колечко мне досталось от моей бабушки, и надеюсь, никакие пришельцы не будут на него претендовать. Кому нужно такое незаметное колечко...

Баба Настя протянула Коре скромное серебряное колечко с розовым камешком, почти сравнявшимся с кольцом от долгого ношения.

— Стой! — Кора вспомнила колечко. Оно же было на пальце Дороти! Дороти глядела на камешек, не потемнел ли он... Почему? Потому что камень темнел, когда приближалась опасность. А что означает Перстень Угрозы? Впрочем, а не лучше ли забыть о том, где ты видела и что ты видела...

В новостях начался следующий сюжет:

«Отлет с Земли Лица империи Эпидавр. Лицо, возможно опухшее после бурных ночей в Монте-Карло (физиономии все равно не разглядишь), выражает искреннюю признательность сотрудникам лаборатории генетической памяти Института номер шесть (крупный план профессора Гродно и лукаво улыбающейся желтоглазой Пегги), а также руководству ИнтерГпола, в частности комиссару Милодару (улыбка Милодара, шевелюра Милодара, но глаза прикрыты черной планкой, чтобы кто-нибудь не узнал). Теперь исторические реликвии (крупным планом Зеркало Зла и Венец Власти) обретут своих законных хозяев. Подробности в вечернем выпуске новостей...»

— О тебе ни слова, — сказала баба Настя. — И ты после того отдашь им колечко?

— Оставлю себе на память, — согласилась Кора. — Мало ли какие мне встретятся в жизни угрозы...

Колокольчик широко зевнул. Потом напрягся, вытянулся в воздухе, сиганул стрелой в открытое окно и умчался в лес охотиться на лис и зайцев.

— Хоть недельку побудешь? — спросила баба Настя.

— К сожалению, — ответила Кора, — отпуск за этот год я уже отгуляла.

— Где?

— Я проспала его в саркофаге.

— Понимаю, — сказала баба Настя. Она и не пыталась разгадать шуток внучки. — Тогда пойди и прополи клубнику. Перед соседями стыдно.

СОДЕРЖАНИЕ

В КУРИНОЙ ШКУРЕ. *Повесть* 5
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО. *Повесть* 131
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ. *Повесть*. 287
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРОФЕССОРА ЛУ ФУ. *Повесть* 415
ЗЕРКАЛО ЗЛА. *Роман*. 483

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Чаплыгина*
Корректор *В. Назарова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *В. Савватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 30.12.2005. Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 47,04.
Тираж 6000 экз. Заказ 3198.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru